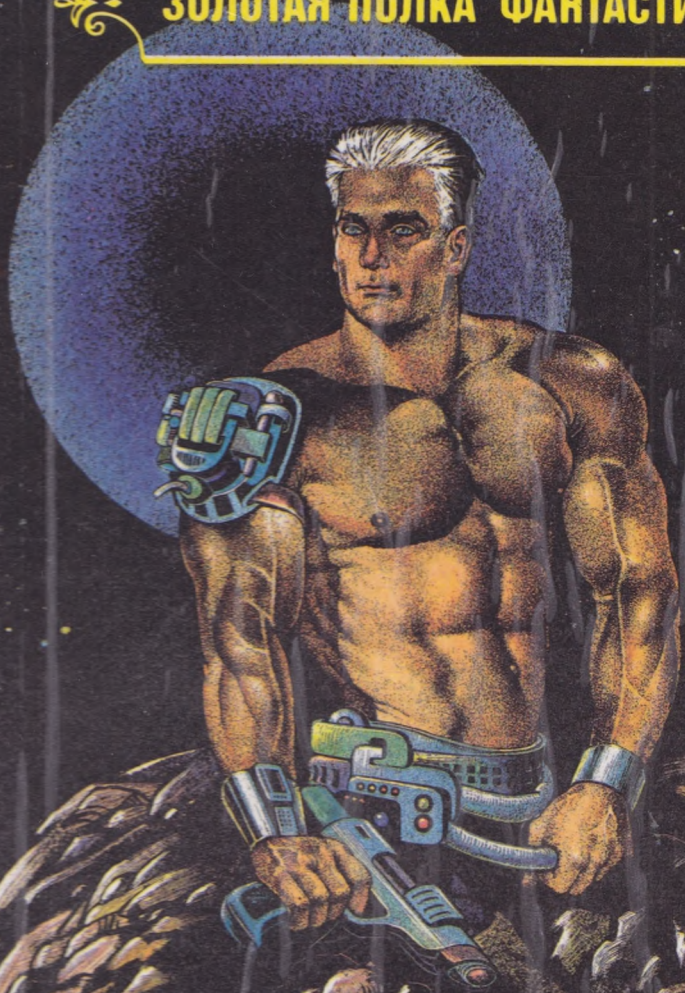
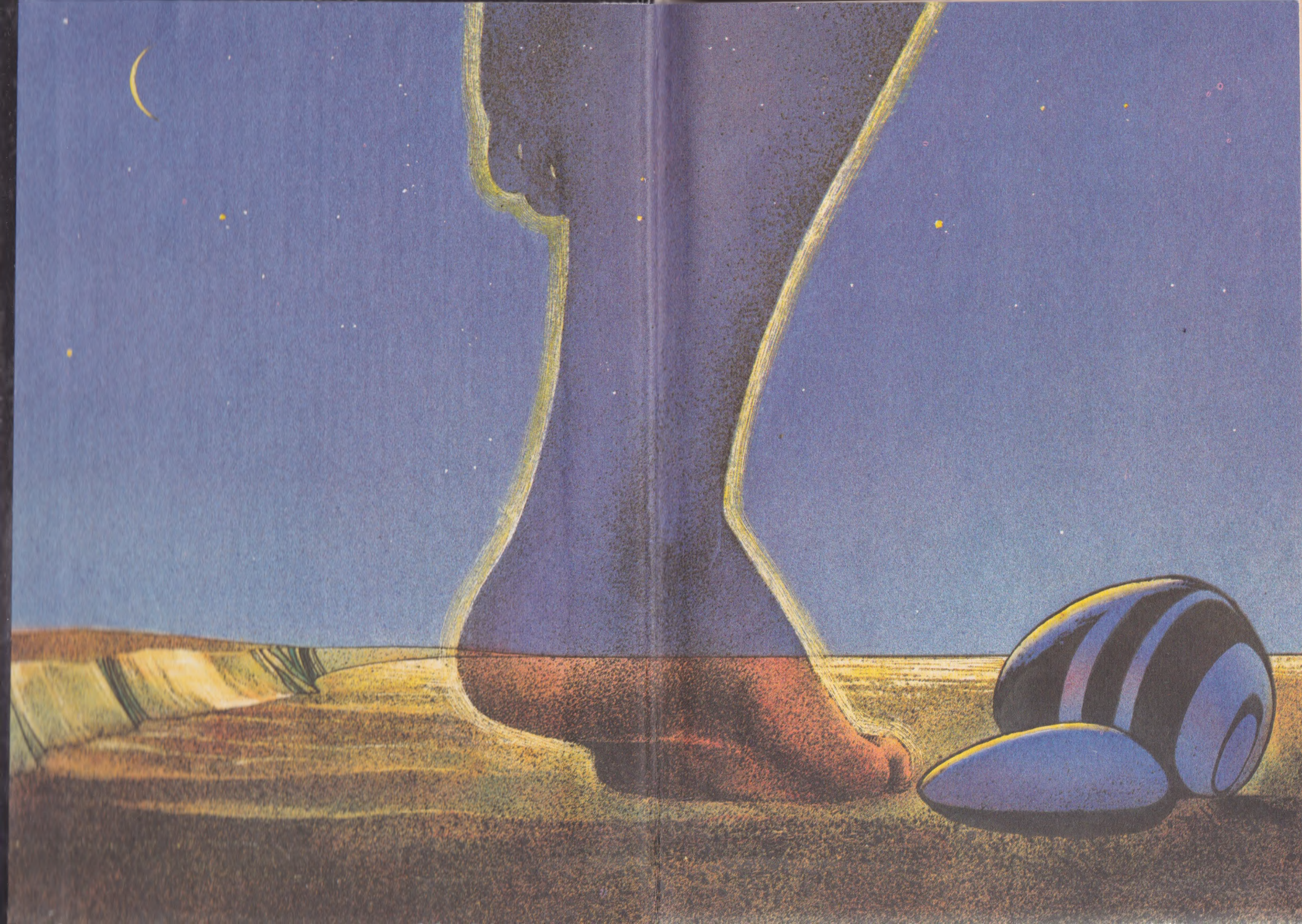
ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Владимир МИХАЙЛОВ

Владимир МИХАЙЛОВ

ЗОЛОТАЯ ПОЛКА ФАНТАСТИКИ

Владимир
МИХАЙЛОВ

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Владимир МИХАЙЛОВ

Том 4

ВЛАСТЕЛИН

Роман

книга вторая

СТЕБЕЛЕК И ДВА ЛИСТКА

Повесть

НИЖНИЙ НОВГОРОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЛОКС»
1993

ББК 2.84
М 69

Оформление **АЛЕКСЕЯ ТАРАСОВА**

Иллюстрации **СЕРГЕЯ ФИЛЯЕВА**

Михайлов В.

М 69 Избранные произведения: Т. 4. Властелин. Фантастический роман в двух книгах. Книга вторая. Стебелек и два листка. Повесть. Нижний Новгород. Флокс, 1993 — 432 с.: ил.

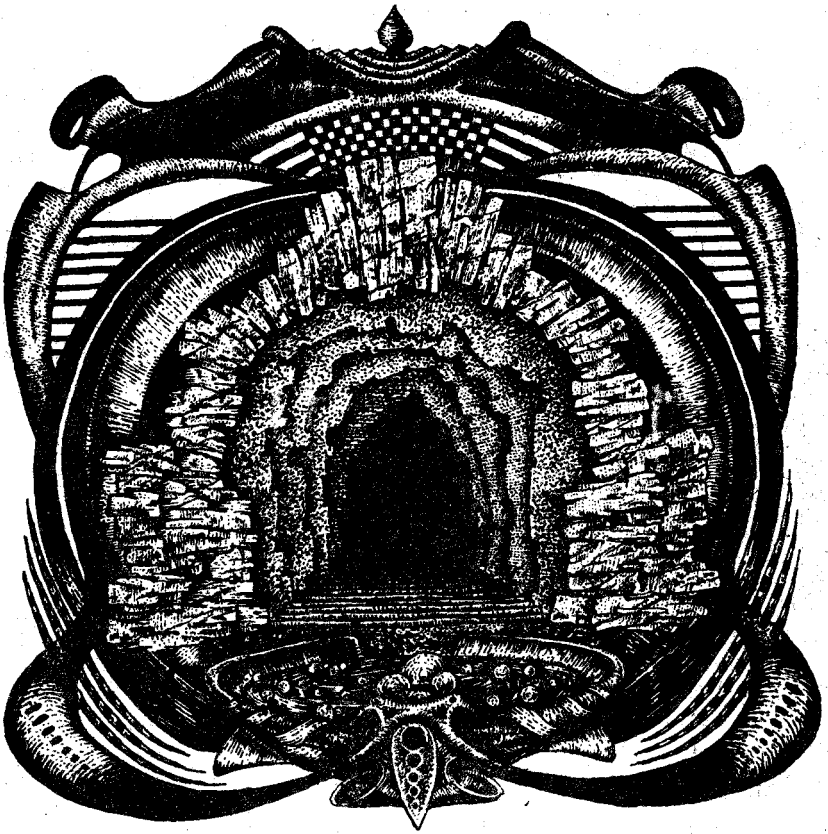
ISBN 5-87198-042-2

В четвертый том избранных произведений известного российского фантаста В. Михайлова включена вторая книга романа «Властелин» (публикуется впервые) — «Пусть возвратится убийца», где звездные войны и дворцовые интриги не заглушают размышлений о жизни и Вселенной, и примыкающая к циклу романов о капитане Ульдемире повесть «Стебелек и два листка».

М $\frac{47002010201-022}{Д\ 40(03)-93}$ без объявл. **ББК 2.84**

ISBN 5-87198-042-2

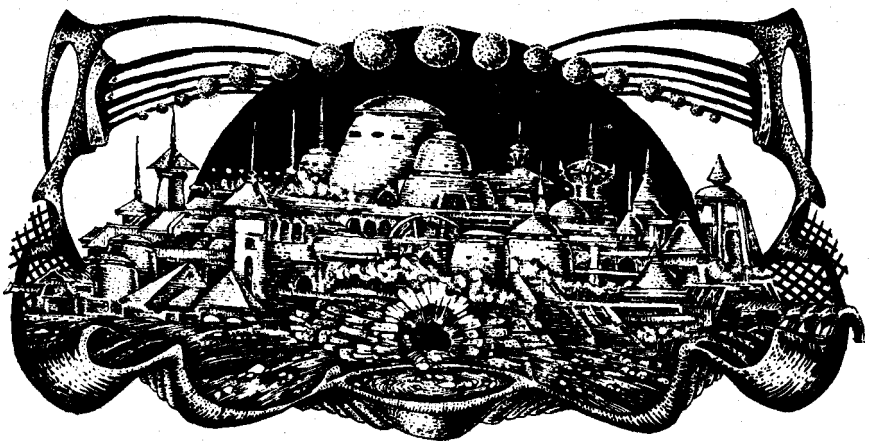
© В. Михайлов, составление, оформление, издательство «Флокс», 1993

ВЛАСТЕЛИН

КНИГА ВТОРАЯ

Пусть возвратится убийца

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Настроение у Властелина Изара испортилось с самого утра. Он не любил, когда время пропадало впустую. А в этот день — и это было известно заранее — несколько часов будет потеряно безвозвратно и бессмысленно.

Потому что сегодня предстояло совершить одно из самых пустых, по его мнению, ритуальных действий. А именно — получить согласие Совета на военные действия.

Совет включал в себя представителей сословий и донкалатов и уже много поколений не решал ничего. Входившие в него люди пользовались репутацией лихих говорунов, способных доказать что угодно — но только самим себе, или же опровергнуть все на свете — однако тоже лишь в собственных глазах. Иногда целые дни уходили в Совете на обсуждение пустякового процессуального вопроса, который решил бы за две минуты любой писец самого низшего уровня — если бы только ему позволили решать. Еще пока это сборище самолюбивых ничтожеств (так называл их Изар — но, разумеется, лишь в мыслях, да еще в разговорах с Лезой такие определения иногда прорывались наружу) возглавлял Ум Совета, человек разумный и проницательный, знавший о каждом члене Совета даже больше, чем тот сам, и потому обладавший возможностью вовремя остановить слишком уж зарвавшегося оратора одним лишь намеком, таившим угрозу,— можно было не опасаться всерьез: даже самые нелепые решения (а именно такие почему-то

нравились Совету больше всего и обсуждались с наибольшей горячностью) Ум Совета ухитрялся топить в самый последний момент, когда, казалось, сделать уже ничего нельзя. Однако Ум безвыездно пребывал теперь в своем сельском доме, а заменить его было решительно некем. В этом было даже что-то смешное: среди многих миллионов населения и многих тысяч политиков разных рангов нельзя было найти одного-единственного человека, которому можно было бы поверить и на которого положиться. Одному; Властелину суждено было оставаться всегда одному — если бы не Леза, которую поистине судьба ему даровала.

Как Властелин предвидел, так и получилось. Казалось бы, каждый член Совета, знавший о предстоящей войне едва ли не с первого дня, имел достаточно времени, чтобы и самому с собой, и с ближайшими единомышленниками заблаговременно обдумать, и обсудить, и принять определенное решение, которое потом и отстаивать. Тем более, что решать, по сути, было нечего: никто не помнил случая, чтобы воля Властелина не была исполнена, на то он и был Властелином, а не какой-нибудь случайно понравившейся народу куклой. Но, наверное, именно то, что результат (все понимали) был предопределен, люди Совета пускались во все тяжкие, чтобы не сказать свое «да» как можно дольше; тем они доказывали и себе, а главное — всему миру Ассарта, что решают все-таки они, а иначе зачем вообще существовал Совет?

Властелин, кстати, этого искренне не понимал, и не далее как сегодня, сидя в своем, поднятом над всеми кресле в Зале Решений, глядя поверх головы очередного оратора, извивавшегося на трибуне, как танцовщица в кабаке самого низкого пошиба, и исходившего обильно смоченными слюной словами, Изар решил: довольно. Идея этого сборища давно уже изжила себя, и пришла пора просто-напросто разогнать толпу дармоедов. Сначала он подумал было, что наилучшим будет сформировать из них полк, назвав его хотя бы Патриотическим, и послать на передовую; но это сразу сделало бы войну похожей на комедию, чего Изару вовсе не хотелось. Подумав, он пришел к выводу, что придется, пожалуй, отложить разгон Совета до окончания военных действий.

Теперь, когда судьба Совета была решена, Властелину и совсем расхотелось оставаться в этом душном от произнесенных глупостей зале. Он встал. На трибуне очередной болтун доказывал, что церемонию Последней Пуговицы никак не следует проводить на площади перед Жилищем Власти, но необходимо перенести ее сюда, в Зал Решений, чтобы всем было ясно, что именно Совету принадлежит бремя решения, а следовательно, и главная заслуга в предстоящей победе. Кроме того,— вещал оратор,— проведение церемонии в закрытом помещении даст возможность ограниченного допуска к участию в ней, что было совершенно невозможно на площади.

Присутствие большого количества горожан, по мнению выступавшего, снижало торжественность и превращало великую церемонию в подобие сельской ярмарки. Вопрос, как мы видим, был чрезвычайно важен и совершенно оттеснил в сторону другую тему обсуждений, а именно — нельзя ли перед началом войны предпринять хотя бы формальные дипломатические шаги, чтобы потом никто не смог упрекнуть Совет в том, что не были приняты все меры к решению проблемы политическим путем. Это Совет собирался обсуждать завтра, предполагая, видимо, что сможет затянуть операцию по дроблению воды в ступе еще самое малое на неделю. «Клоуны,— подумал Изар,— не понимаю, как их терпели до сих пор?» Он махнул рукой, когда зал поднялся было на ноги, прощаясь с Властелином. Уже выйдя в специальный, только для него и его охраны предназначенный коридор, он еще слышал, как оратор доказывал, что на церемонии вообще не должен присутствовать никто с титулом ниже баронского; депутаты успели уже обзавестись титулами, которых, собственно говоря, еще не было. «Бедные знатные роды,— подумал Изар,— какие же олухи окажутся носителями исторических фамилий... Но что делать: план создания Истинной Истории должен быть выполнен до мельчайшей детали...»

Перед тем, как выйти из коридора в вестибюль, он в нерешительности остановился: следовавшие по пятам телохранители от неожиданности едва не налетели на него. Время было еще достаточно раннее, и самым разумным было бы сейчас направиться в Жилище Власти, где заняться делами: военные заботы, особенно в последние дни, заставили Властелина совершенно забросить все то, что касалось повседневной жизни Ассарта. Сейчас он мог бы хоть немного разобраться в них. Однако он чувствовал, что сейчас дела у него не пойдут. После только что оставленного им заседания во рту был отвратительный вкус, как если бы его накормили чем-то несвежим. Нужно было отвлечься, нужно было забыть об этом.

Только одно место в мире давало такую возможность: домик, в котором обитала Леза.

Изар решил, что направится туда, хотя с утра у него были другие планы.

Он кивнул телохранителям. В их сопровождении вышел, уселся в машину, подождал, пока они заняли свои места. Водитель ждал. Изар сказал: «Домой». Водитель знал, конечно, где его дом.

Не успела машина отъехать, как перед аркой подъезда Зала Решений резко затормозила другая, только что, вопреки разрешенному движению, пересекшая с превышением скорости площадь. Из машины выскочили двое. Один из них был одет в форму личного телохранителя Жемчужины Власти. Непривычный покрой одежды другого заставлял увидеть в нем жителя какого-то из других миров. Они не вошли, а вбежали в высокие двери.

Известие о том, что Властелин соблаговолил уже убыть, похоже, ошеломило их. Они обменялись взглядами, в которых сквозило не одно только разочарование.

— Куда он поехал?

Служитель Совета лишь пожал плечами.

— Его Всемогущество Властелин не советуется со мной при выборе своего маршрута.

— Куда он мог сейчас направиться? — спросил телохранитель инопланетянина.— В Жилище Власти?

— Почему же тогда мы его не встретили?

— Он мог поехать и не кратчайшим путем. К ней?

— Слишком рано. Он всегда заканчивает дела куда позднее. Нет, не туда... Скорее всего, его надо искать у военных. Все последнее время он чаще всего бывает именно там.

— Едем!

Машина рванулась и, не обращая внимания на отчаянные жесты стоявшего в центре площади стража благочиния, скрылась в ближайшей улице — вовсе не в той, по которой направлялся домой Изар.

Благодаря этому Властелин не получил в нужное время той информации, которая оказалась бы крайне полезной не только для него, но и, надо полагать, для всего Ассарта.

Он, однако, не подозревал об этом. И по мере приближения к милому жилью скверное настроение его отступало все дальше, уступая место всегдашнему нетерпению, какое он все еще испытывал перед каждой встречей с Лезой (то есть практически каждый день), и предчувствию спокойствия, охватывавшего Властелина уже не только в стенах дома, но и при одном лишь приближении к нему.

Доехали спокойно. Изар отпустил машину. Кивнул телохранителям, и они сразу же как бы растаяли; впрочем, он знал, что они все равно где-то рядом и он просто не видит их.

Весело напевая, он вошел. Было чисто и тихо. Все стояло, лежало, висело на своих местах. Только не было Лезы.

Но она не могла уйти далеко. Изар прилег на диван — ждать.

Здесь был покой. Никто не говорил глупостей. Чем-то приятно пахло; в доме Лезы всегда был какой-то неопределимый, но очень приятный запах. «Сейчас она придет,— думал Изар.— Она никогда нигде не задерживается. Сейчас...» Незаметно он задремал. Тут даже сны виделись приятные, не такие, как в Жилище Власти, где ему снилось, что он насилует то Ястру, то Лезу,— он просыпался в поту, вскакивал и долго ходил по спальне, убеждая себя, что это придется терпеть еще какое-то время, это — воздаяние... А тут сон был веселым, радостным — они с Лезой и ребенком

(ребенок воспринимался как-то неопределенно, была во сне только уверенность в том, что это — ребенок, и именно их, этот самый) где-то на берегу одного из многочисленных Ассартских морей (Изар не мог определить, какое именно там было, но прекрасное море, теплое и такое чистое, каких уже, пожалуй, и не осталось на планете), были какие-то игры и смех, и все очень крепко любили друг друга...

Потом Изар очнулся от дремоты. Не так много он спал: сорок минут приблизительно. Леза не пришла? Не может быть. Пришла, конечно, увидела, что он спит, и бесшумно прошла — скорее всего, на кухню: уже и час ужина недалек.

Он окликнул ее и не получил ответа. Тогда, недоверчиво покачав головой, Изар встал. На кухне ее не было. Не было в спальне. Лезы не было нигде.

Он снова опустился на диван и задумался. Он не обещал приехать сегодня раньше времени. Раньше этого не случалось. Так что время находилось в полном распоряжении Лезы. Как же она его использовала? Уходила из дому? Куда? Где она могла оставаться так долго?

Изар раньше не задумывался о том — ревнив он или нет. У него не возникало повода ревновать. Теперь он с тревожным удивлением ощущал в себе какие-то новые, темные чувства. Сами собою сжимались кулаки, зубы хрустели — так стискивал он челюсти.

Чтобы успокоить себя, он представил себе Лезу — какой она бывала в разные мгновения своей жизни. Нет, конечно, он не имел права думать о ней плохо. У него никогда не возникало ни малейшей причины подозревать ее хоть в малейшей неискренности. Если бы она охладела к нему, если бы у нее возникла более сильная привязанность — она не стала бы скрывать это. Никакое желание сохранить свой теперешний образ жизни, достаточно спокойный и беззаботный, не заставило бы ее лгать.

В конце концов, у женщины могло быть сто тысяч надобностей, по которым она могла отлучиться. Красота и здоровье требуют постоянного внимания. Может быть, она подвергается каким-то процедурам, требующим времени. И в конце концов, у нее ведь могут — и даже должны быть какие-то подруги, не в пустоте же жила она до встречи с ним. Вот она и задержалась. Но к тому часу, когда он обычно возвращался из Жилища Власти, она обязательно вернется.

До этого времени оставался еще почти час. Властелин решил, что терпеливо подождет ее возвращения. В конце концов, она каждый день ждала его; разочек мог потерпеть и он.

Он взял с полочки книгу и попробовал читать. Но уже смеркалось, а ему не хотелось зажигать света. Казалось почему-то, что лишь ей принадлежало право сделать это.

Изар отложил книгу и стал ходить по комнате взад и вперед. Усидеть на месте он не мог.

Назначенный им срок прошел. Лезы все не было.

Только теперь Изару пришло в голову, что с нею что-то могло случиться. Какое-то несчастье. На улице ее могла сбить машина. Могло... ну, мало ли что вообще может произойти в большом и не очень благополучном городе.

А охрана? Дом ведь негласно охранялся; значит, кто-то должен был видеть хотя бы — когда она вышла, в каком направлении двинулась, была ли одна или?..

«Великая Рыба! — подумал он, остановившись посреди комнаты.— Что происходит в мире? На пороге война. Держава, по сути дела, никем не управляется, кроме мелких чиновников. Сейчас она еще не понимает этого, но завтра поймет. Чем занимается в это время Властелин? Теряет время в ожидании своей — употребим истинное слово — содержанки; ну хорошо, пусть даже жены; но ведь Властелин! Человек, заранее знавший, что главным в его жизни всегда будет Держава, должна быть! И вот этот Властелин уже готов сам броситься неизвестно куда — на поиски этой женщины, предоставляя всему остальному прийти уже в совершенный разлад... Наверное, мир Ассарта никогда еще не постигала такая неудача с Властелином... Ну возьми себя в руки! Есть охрана, есть, в конце концов, Легион Морского Дна... Вот они и должны разыскать ее, выяснить — где она была и зачем. А тебя требует Власть, которую ты возглавляешь лишь до тех пор, пока соблюдаешь ее интересы... Власть — это лодка, в которой ты плывешь по океану; но стоит тебе перестать считаться с ветром, течениями, мелями и рифами, как лодка разобьется, опрокинется, получит пробоину и затонет — и какова тогда твоя судьба? Полдня потерял ты сегодня, выполняя прихоти своих чувств; больше нельзя. Немедленно вернись в Жилище Власти, и уже оттуда...»

Мысли прервались, потому что он явственно услыхал: звякнул отпираемый замок наружной двери.

«Ну вот, явилась наконец-то! И как тихо крадется — чувствует свою вину. Хотя в доме темно, и она вряд ли считает, что я здесь: машины у подъезда нет, охрана не попадается на глаза. Хорошо, сейчас она войдет сюда, зажжет свет — и увидит меня. И тогда я спрошу ее... нет, тогда я просто скажу: может быть, я больше не нужен? Может быть, стал тебе в тягость?..»

Тихие шаги приближались. И вдруг ему пришло в голову: что-то странное было в этих шагах, едва уловимых даже в полной тишине. Что же? Он напрягся и понял: это не были шаги человека, давно уже живущего в этом доме и даже в полной темноте знающего, что где стоит и как нужно пройти, чтобы ни на что не наткнуться. Кстати, почему в темноте? Почему хозяйка дома, войдя, не зажжет

в прихожей свет, как сделает это любой нормальный человек? Полно, Леза ли это? Медленные, крадущиеся, неуверенные — разве это ее шаги?

Ступая не менее бесшумно, чем человек в коридоре, Изар отступил к двери и остановился с таким расчетом, чтобы дверь, когда ее отворят, заслонила его от входящего. Кто это может быть? Тут ему показалось, что он понял: кто-то из его охраны, обеспокоенный его исчезновением в неосвещенном доме, решил на свой страх и риск проверить обстановку,— вот что означают эти шаги. А крадется он потому, что предпринимать такие действия никто ему не разрешил, и он отлично понимает, что, если окажется, что в доме все в порядке, его ждет наказание не из самых легких; всем было известно, что Властелин охрану терпит — но никак не более того.

Дверь медленно, бесшумно отворилась. «Нет, я не стану пугать его,— подумал Изар.— Я позволю ему войти. Интересно, что он будет делать дальше, до какой степени может дойти наглость мелкого легионера. И лишь потом...»

Человек был уже в комнате. Изар понял это, когда темная фигура вычертилась на фоне окна; на улице было все же светлее, почти у самого дома стоял фонарь. Фигура была крупной, массивной, такой человек должен при ходьбе производить немало шума — если только он специально не тренирован... «Нет,— понял Изар,— это не из охраны». Он успел запомнить всех, кому было поручено заботиться о его безопасности — таких носорогов среди них не было. Тогда кто же?

— Леза! — негромким, хриплым шепотом проговорил неизвестный.— Мадам Леза! Не пугайтесь, это я, Задира... Вы спите, мадам? Нам нужно срочно поговорить...

Не дождавшись ответа, он еще с минуту постоял посреди комнаты, лишь поворачивая голову. Властелин затаился в надежной тени, почти целиком прикрытый дверью. Ночной посетитель его не видел. Казалось, он ждал, пока глаза привыкнут к мраку. Наконец сделал шаг, другой — так же бесшумно, как и прежде. Он направлялся к двери, что вела в спальню. «Может быть, этот человек не впервые приходит к Лезе? — подумал Изар, сжимая кулаки.— Выходит, мои подозрения не напрасны? Нет,— тут же опроверг он сам себя.— Если бы они уговорились, она была бы дома — или он знал бы, что ее нет. И, во всяком случае, не стал бы так красться, боясь разбудить спящего или же предполагая, что она может оказаться не одна. Нет, Леза в этом не замешана. А значит —...

Значит, ответ лишь один: человек этот пришел, зная, что тут находится — или должен находиться — он, Изар, Властелин Ассарта. Нет, это не любовная история, да и на обычного вора не похоже:

тот не полезет в квартиру, не будучи уверен, что она пуста. Объяснение в том, что человек этот — убийца, и именно он, Изар, является целью его поисков. В Жилище Власти до него не добраться — значит, очередное покушение задумано совершить здесь.

Ах, охрана, охрана,— подумал он.— Не зря я всегда говорил, что от нее никакой пользы. Ну хорошо, искатель приключений, придется несколько испортить тебе настроение...»

Он терпеливо ожидал. Дверь спальни отворилась так же беззвучно, как и та, за которой прятался Изар. Человек вошел. «Так, значит, это Задира,— думал Изар, подкрадываясь к входу в спальню и остановившись чуть в стороне.— Исполнитель. Но кто, интересно, его нанял? Неплохо было бы развязать ему язык...» — Изар прижался к стене, приготовился к стремительному броску. Угораздило же его не взять на этот раз оружие! Но он никогда и не приходил сюда вооруженным — охрана постоянно сопровождала его, и только сейчас, когда она действительно пригодилась бы, ее нет.

Проем двери слабо осветился: человек включил неяркий ночничок. Видимо, темнота его чем-то не устраивала. Едва слышно скрипнула дверца бельевого шкафа. Все-таки грабитель? Властелин осторожно заглянул в дверь, готовый, если понадобится, к немедленному броску и жестокому удару.

Человек был сейчас виден в профиль. Он шарил в шкафу, потом разогнулся, на лице его было выражение некоторой растерянности. Как будто он был разочарован, не найдя в доме ни живой души. Значит, к отсутствию Лезы он не имеет отношения? Да, сомнений не остается: это тот самый Задира. Наемный убийца — вот кем он оказался на поверку. Ну, что же: такие не вправе сетовать на жестокость, если по отношению к ним применяются их же собственные методы.

Ночник погас. Изар сделал неслышный шаг назад, напряг все мускулы. Задира осторожно вышел из спальни и, не задерживаясь более, направился к выходу. Сейчас настал самый удобный миг, чтобы метнуться, нанести удар. Но Изар медлил.

Да, конечно, он был мужчина и боец. И если бы сейчас что-то угрожало Лезе... Но ее тут не было. А Изар был, кроме того, еще и Властелин Ассарта. И хотя все тело его и все нервы просили, требовали движения, атаки, схватки, он не уступил им, потому что понял: на это сейчас у него не было права. Задира был силен и наверняка вооружен. С другой стороны, раз он опознан, его можно будет в любой миг разыскать, арестовать, допросить — чтобы узнать, наконец, кто ведет непрекращающуюся охоту на Изара и зачем. А также зачем ему понадобилась Леза, зачем он пришел в этот дом. Если бы он застал их обоих и убил Изара, то уничтожил бы и Лезу, свидетеля? Тем более, что он все-таки знал Лезу раньше.

Надо предупредить охрану, хотя она и проспала.

Изар, прижимаясь к стене, беззвучно добрался до двери, ведущей в коридор. Выскользнул. Прокрался к выходу. Дверь за собой не стал закрывать на замок, опасаясь щелчка.

На улице все выглядело, как обычно. Фонарь по соседству рассеивал неяркий свет. Никого не было видно. Нито из телохранителей не показался. Интересно, чью безопасность они тут обеспечивают — свою собственную? Изар, ступая по-прежнему бесшумно, приблизился к широкой полосе кустарника, отделявшей газон от улицы. Там наверняка должен быть хоть кто-то из охраны.

Они там и были. Три человека. Тела были еще теплыми, но жизнь наверняка уже покинула их.

Похоже, дело было даже серьезнее, чем Властелин думал. Противник, кто бы ни направлял его действия, не считался со средствами. Раз он начал убивать, то так быстро вряд ли остановится.

Оставалось только спешить в Жилище Власти. На открытой для всех улице Властелин почувствовал себя очень неуютно.

Он двинулся по тротуару, прижимаясь к кустам, ежесекундно готовый к удару. На улице стояла тишина: в этой части города ложились спать рано, поутру всех ожидала работа. Народ здесь жил небогатый, и не было видно ни одной машины.

Так, поминутно опасаясь, Властелин добрался до Круглого проспекта. Здесь было много света и оживленное движение.

Изар решил принять все меры предосторожности. Добравшись до стоянки такси, где ожидали клиентов две машины, он, укрывшись в ближайшем подъезде, подождал, пока они взяли пассажиров и уехали, и только тогда вышел и остановил машину, проезжавшую мимо.

— В центр, на Площадь,— сказал он, опустившись на заднее сиденье, и на миг закрыл глаза, чувствуя, что начинает дрожать.

2

Уезжая вечером домой, Главный Композитор Истории Ассарта взял с собою целую кипу еще не просмотренных материалов. Отделы и секторы сделали свое дело, фрагменты истории были разработаны и приняты, но для объединения их в единую, непротиворечивую, убедительную и красочную картину еще чего-то недоставало. Наука сделала свое дело, теперь наступал черед искусства, и Главный Композитор хотел еще раз просмотреть все накопленное, чтобы хоть приблизительно наметить, кому из деятелей литературы будет доверена высокая задача. На первый взгляд, таких было немало, однако следовало прикинуть еще и еще раз: именно результат их деятельности будет представлен на высочайшее рассмотрение

и утверждение, и каждая ошибка тут могла быть чревата неприятными последствиями.

Уже само чтение собранных и обработанных материалов, даже в нынешнем, сыром виде, было увлекательным занятием и доставляло Главному Композитору немалое удовольствие. Он уже привык к своему новому положению, и то, что вначале казалось ему самым главным — высокий статус в обществе и связанные с этим ощутимые блага — теперь более не отвлекало, не заставляло любоваться самим собой, но лишь напоминало о великой ответственности, лежавшей на нем. Главный Композитор хорошо понимал, что с большой высоты больнее падать, какую бы мягкую подстилку ты ни готовил заранее. И к обязанностям своим относился чем дальше, тем серьезнее.

Он внимательно просмотрел уже шесть эпизодов, на каждом из них пометил имя того, кому будет поручена их художественная обработка, а также — в каких пределах в каждом случае можно будет отступать от фактов для придания тексту художественной правдоподобности и убедительности,— когда в дверь позвонили.

Главный Композитор с неудовольствием поднял голову. Он никого не ждал нынче вечером, никого не приглашал; Композитор очень не любил, когда ему мешали. Если раньше, когда он был незаметным преподавателем, он любил, когда его по вечерам навещали дамы — он пользовался у них успехом, и это, при монотонном течении тогдашней жизни, доставляло ему, пожалуй, наибольшее удовольствие; то теперь все это отошло куда-то далеко, знакомства прервались, и ему было некогда даже пожалеть об этом. Вспоминая изредка о заброшенных утехах, Главный Композитор успокаивал себя тем, что вот уже скоро все будет готово и тогда настанет пора пожинать обильные плоды,— тогда будет и время, и обширные возможности для легкой, привольной и сладкой жизни. Но все это надо еще и заслужить, и надежно утвердить — теперь, часто бывая в Жилище Власти и общаясь с опытными политиками, Главный Композитор начал уже понимать, как это делается.

Итак, неожиданный звонок в дверь его нимало не обрадовал, скорее наоборот, рассердил. Он встал из-за стола и, направляясь к прихожей, минуя комнаты своего теперь весьма обширного жилища, уже в который раз подумал, что пришла все-таки пора завести постоянную прислугу — хотя бы для того, чтобы было кому открыть дверь перед посетителем в любой час дня и ночи. Он отворил дверь, даже не спросив, кому пришло в голову его беспокоить: Главный Композитор не боялся, у него, насколько он знал, не было серьезных врагов, а такими ценностями, какие заставили бы воротил преступного мира обратить на него внимание, он еще не обзавелся — опять-таки за недостатком времени.

Он отворил. На пороге стоял Задира.

Увидев его, Главный Композитор удивился, но не чрезмерно. То было удивление не тем, что какой-то малозаметный горожанин вдруг осмелился побеспокоить высокопоставленного деятеля в его доме; это, вероятно, почему-то считалось естественным. Скорее, Главного Композитора удивило то, что Задире понадобилось увидеть его именно сейчас.

Так или иначе, он отступил в сторону и гостеприимным жестом пригласил Задиру войти.

Вскоре оба оказались в кабинете, где Задира, не дожидаясь приглашения, опустился на диван. Главный Композитор, не возвращаясь к столу, устроился в кресле напротив.

С минуту они молчали.

— Много работы? — спросил наконец Задира, найдя, видимо, отправную точку для разговора.

— Чем дальше, тем больше. Но конец уже виден.

— Конец уже виден...— медленно повторил Задира.— Но пока он не настанет, работы станет еще больше. Именно для тебя. До сих пор я не очень обременял тебя поручениями, верно?

Может быть, присутствуй при разговоре кто-нибудь третий, его удивило бы, что у квартального сутенера могут быть поручения Главному Композитору Истории, почти уже состоявшемуся герцогу, представителю древнейшего рода (хотя и с другой планеты). Но третьего не было, сам же Главный Композитор воспринял сказанное как вещь вполне естественную. Он поинтересовался лишь:

— Что-нибудь случилось?

Задира ответил не сразу:

— У меня пересохло в горле... Может быть, сваришь кофе?

— С удовольствием.

Быть может, Задиру действительно мучила жажда; но не исключено, что просьба его была вызвана и еще одной причиной: занимаясь делом столь приятным и привычным, как приготовление кофе, человек невольно успокаивается, и продолжение разговора воспринимает уже без того внутреннего напряжения, какое неизбежно возникает перед получением какой-то, может быть, не очень приятной информации.

— Только не «экспресс». Сделай, пожалуйста, на спиртовке,— добавил гость.

Хозяин кивнул и принялся за дело: все было под руками, кофе он обычно готовил для себя тут же, в кабинете, чтобы не ходить из конца в конец своих апартаментов. Когда спиртовка загорелась и кофейник был водружен на нее, Задира сказал:

— Придется тебе брать на себя отношения с Властелином.

— Я не совсем понял,— откликнулся Главный Композитор, не отрывая взгляда от кофейника.— Я и так общаюсь с ним каждый день.

— По вашим делам. А теперь пришла пора заняться моими.

Историк позволил себе бросить на гостя лишь короткий взгляд, постаравшись, однако, вложить в этот взгляд все свое недоумение.

— Дело в том,— сказал Задира,— что исчезла Леза.

— Ага,— откликнулся Главный Композитор, поглощенный в тот миг поднимавшейся в кофейнике шапкой пены.— Леза исчезла. Ну и что?

— Я еще не знаю, почему она исчезла и где находится сейчас.

— И хочешь, чтобы я выяснил это для тебя? Право, не знаю... Ты думаешь, ее где-то укрыл Властелин?

— Все это я выясню без тебя, специально заниматься этим тебе как раз не следует. Но если до сих пор его действия направляла она, то сейчас делать это придется тебе.

— Вряд ли я смогу заменить ему любимую женщину.

— Как женщина ты вряд ли составишь ей конкуренцию,— согласился Задира.— На этот счет у меня нет никаких иллюзий. Но твоя задача — заменить ее в качестве советника.

— Я и так — главный его советник по вопросам истории.

— Ты не советник. Ты советчик. А нужно, чтобы ты стал именно советником. Человеком, к помощи которого прибегают в сложных положениях.

— Мне положение не представляется сложным.

— Просто потому, что до сих пор я щадил тебя, давал возможность заниматься твоим делом. Сейчас, как я уже сказал, настала пора моих — куда более важных.

Историк снял кофейник со спиртовки.

— Пусть отстоится немного... Пока что ты говоришь очень многозначительно, но не менее загадочно. Будь любезен, объясни.

— Для этого я и пришел. Как тебе известно, до начала войны остались считанные дни, чтобы не сказать — часы.

— Я в курсе государственных дел. Церемония Последней Пуговицы состоится — это крайний срок — завтра. После нее войну можно будет считать начавшейся.

— Ты хорошо информирован.

— Надеюсь, ты не станешь требовать от меня, чтобы я остановил войну?

— Ни в коем случае. Не для того все затевалось.

— Что же тогда?

— Нужно, чтобы Властелин с самого начала войны покинул Ассарт.

— Послушай, это совершенно невозможно. Во-первых, традиции. Порядок запрещает ему это. Во-вторых, простой здравый смысл... Если бы еще отправлялся один экспедиционный корпус — хотя и тогда... Но тут — семнадцать эскадр, семнадцать направлений... Нет, это не получится. Не глупец же он, в конце концов.

— Должно получиться.

— Послушай, а зачем?

— Затем, что едва эскадры стартуют, на Ассарт обрушатся семнадцать отрядов с семнадцати планет. Державе придется воевать на своей планете — впервые за сотни лет. И если в это время она лишится человека, имени, символа, вокруг которого люди привыкли объединяться — Ассарт можно будет взять, что называется, голыми руками.

— Победить Ассарт? Но это же значит, что мы не реализуем своей истории, над которой столько работали!

— С этим тебе придется примириться.

— Но... Послушай, я так и не знаю, как следует к тебе обращаться...

— Можешь называть меня Магистром.

— Магистр, но я вовсе не хочу примиряться с этим! Затрачено столько труда! И потом, новая история ведь действительно вернула бы нас к жизни...

— Это не нужно.

— А кому нужно то, что ты предлагаешь?

— Силам куда более значительным, чем мы с тобой. А что касается истории — она еще пригодится. Не сейчас, но позже. Ведь Ассарт, в конце концов, не перестанет существовать!

— Не понимаю. Совершенно не понимаю...

— Я мог бы ничего не объяснять тебе. Но попробую. Когда Властелин покинет Ассарт в самый критический миг, это послужит поводом для его низвержения. Власть перейдет в другие руки.

— Но те семнадцать раздерут Державу на части!

— Успокойся. Могу обещать тебе: они не выиграют.

— Кто же тогда?

— Я. Ты. Те, кто действует заодно с нами.

— Заманчиво звучит. И все же... Нет, у меня не лежит душа к этому. Послушай, Магистр: я отказываюсь.

— Не лежит душа — значит, ляжет тело. И навсегда.

— Ты угрожаешь?

— Несомненно. Ты, историк, целиком зависишь от меня. Ведь стоит Властелину получить доказательства того, что ты с самого начала действовал по чужому замыслу, начиная с той самой драки... Что ты вовсе не потому пришел ему на помощь, чтобы спасти его, но — для того, чтобы приблизиться, заслужить доверие. И что самое идея войны за историю возникла, увы, не в твоей голове... Стоит ему получить доказательства — и мне не придется даже пальцем пошевелить, чтобы тебя не стало. У Властелина тяжелый характер...

Главный Композитор Истории промолчал.

— Я вижу, ты оценил обстоятельства,— сказал Магистр.— Итак, ты принимаешь поручение.

— Если бы даже я всей душой стремился выполнить его,— медленно проговорил историк,— я никак не вижу способа убедить его. Доказательства должны быть более чем весомыми.

— Они есть. Прежде всего, тебе надо при первой же встрече попытаться определить: он ли скрыл Лезу от возможных опасностей, или это сделал кто-то другой.

— Прекрасно. Подойти и спросить: ваше всемогущество, это вы ухитрились припрятать свою девочку?..

— Не столь примитивно. Собственно, спрашивать даже не придется: ты и сам поймешь, понаблюдав за ним. Если ее увез он — Властелин будет спокоен. Если нет — ему вряд ли удастся скрыть беспокойство.

— Дальше?

— Дальше ты представишь ему доказательства того, что его предали, что все его планы давно раскрыты в других мирах и что эскадры его противников готовы обрушиться на Ассарт. Разумеется, ты сделаешь это после того, как основная часть Ассартского войска будет уже в броске к планетам.

— То есть, раскрою ему действительное положение вещей?

— Именно так. Но ты сообщишь ему не только об этом. Ты скажешь, что командование объединенными флотами находится в определенной точке пространства. Назовешь координаты. И что единственный способ спасти положение — совершить внезапный рейд и захватить или уничтожить это командование. Операция, решающая исход войны в пользу Ассарта, невзирая на предательство и прочее. Разве он сможет отказаться от того, чтобы возглавить рейд? Один отряд в запасе у него наверняка останется...

— Останется, это совершенно точно.

— Зато все сколько-нибудь пригодные командиры будут уже далеко в пространстве. Разве не так?

— Видимо, да.

— Ну вот. Следовательно: или он — или никто.

— Да,— признал историк.— Звучит убедительно. Скажи... а что случится с ним там?

— Думаю, что ничего страшного.

— Надеюсь, ты не станешь прибегать к крайним мерам.

— Не преувеличивай моих сил, историк. Все будет зависеть не от меня. Просто я, как и ты, выполняю поручение. И не стыжусь признаться, что о его дальнейшей судьбе ничего не знаю — и не хочу знать. Для меня самого важно лишь, чтобы его здесь не было.

— Теперь я понимаю, на что ты рассчитываешь для себя.

— А что? По-твоему, я недостаточно красив для этой роли?

— Ну, это пусть решают женщины... Во всяком случае, ты хитроумен и не отягощен принципами.

— Но от этого я не чувствую себя плохо. Кстати, о женщинах:

если ты убедишься, что о судьбе Лезы ему ничего не известно, можешь намекнуть, что ее умыкнули те же враги и она находится в этой самой резиденции командования флотами.

— Чтобы усилить его желание действовать лично?

— Совершенно верно, именно для этого.

— Ну, что же... Видимо, ты не оставляешь мне другого выхода, как согласиться с тобой.

— Вот и хорошо. И разумно. Начинай завтра с самого утра. Времени у нас немного. Постарайся навести разговор на Лезу, ее судьбу. И — намекай, что начало войны нельзя затягивать. Дай ему понять, что у тебя есть надежные сведения: сегодня на планетах еще ничего не подозревают, но пройдет немного дней — и сведения о приготовлениях Ассарта заставят их зашевелиться.

— Он наверняка спросит, откуда у меня такие сведения.

— Мне ли тебя учить сочинительству? Это ведь легче, чем шить лоскутную историю... Ну, скажи, что твой друг детства служит в торговом флоте... на космическом трампе, который постоянно бродит от планеты к планете. Недавно он садился на Ассарте, друг навестил тебя и все рассказал. Что пока все спокойно, но уже начинают ходить слухи...

— А если он захочет сам выслушать этого друга?

— Снова в рейсе. И неизвестно где. Трамп — не лайнер.

Магистр встал. Потянулся.

— Великая Рыба, как я устал... Ну что же: спасибо за кофе. Не стану больше отвлекать тебя от творческой работы. Доброй ночи!

Главный Композитор Истории провел гостя до выхода, запер за ним дверь. Медленно вернулся в кабинет, но не стал дальше читать материалы, а, усевшись за стол, задумался.

Мысли шли невеселые. Оказывается, все это была лишь игра. Чья-то непонятная, злая и жестокая игра. Ради нее его и множество других людей заставили много работать. Побудили поверить в красивую идею. А когда люди и идея свою роль сыграли — их смяли и выбросили, как ненужный клочок бумаги.

И все это — при его собственном, весьма рьяном участии.

Конечно, если бы он с самого начала понимал, во что ввязывается, то еще очень и очень бы подумал. И, вернее всего, отказался бы. Ну, а сейчас — слишком поздно.

Хотя и не с легкой душой будет он держать свое слово.

Значит, история — пустое место. Да и то, если подумать,— это ведь все же чужая история.

А какая — своя?

Этого никто не знает, какой она была на самом деле.

Наверное, если бы поискать как следует — нашлось бы. Прошлое — это клад. Давно и глубоко зарытый. Но от этого не переставший существовать.

— Да что сейчас рассуждать об этом.

«Ты становишься воистину исторической личностью,— сказал себе Генеральный Композитор Истории.— И на самом деле создаешь ее. Только не таким способом, какой потом будут прославлять в поколениях. Напротив — таким, о котором всю жизнь придется молчать — и надеяться, что никто этого никогда не узнает.

Вот так оборачиваются дела. А все эти материалы, в которые вложено неимоверное количество энергии и фантазии — они сейчас стоят меньше, чем бумага, на которой они запечатлены. Их с чистым сердцем можно выкинуть.

Хотя лучше все-таки сохранить для памяти. Для истории.

Кроме того... Пока игра продолжается, они еще понадобятся. Властелин в любой миг может потребовать их на просмотр. Он ведь все еще думает, что именно ради этих разработок будет вестись война.

Скверно на душе.

А может быть, все-таки рискнуть — и...

Нет. Опасно.

А может быть, все-таки...»

3

Что-то мешало смотреть. Какая-то желтая пелена перед глазами, к тому же медленно вращавшаяся.

Это было странно.

Что — это? Что вообще было?

В затылке ощущалось какое-то неудобство, тяжесть.

Женщина попыталась пошевелить головой. Удалось, при этом тяжесть ощутимо перемещалась, как бы перекатывалась по затылку.

Попробовала сделать шаг. Это почему-то не получилось. Нога не нащупала опоры. Под ней была лишь пустота.

Женщина напряглась, и вдруг поняла, что лежит. И на затылок давил жесткий валик.

Почему лежит? На чем? Где? Ни на один из этих вопросов она не находила ответа.

Голова была тяжелой, при движении в ней ощущалась тупая боль. И все же сознание понемногу возвращалось.

Прежде всего ей стало ясно, что она — не дома. У нее дома не было ничего такого — желтого и обширного.

Ах да; это был потолок. Нет, у нее дома не было желтых потолков.

Не дома; а где же?

Она попыталась встать. Для этого сперва нужно было сесть. Не сразу, но это получилось. А вот встать оказалось слишком

сложно. Ноги не хотели держать ее. Пришлось тут же опять сесть и опереться руками, чтобы снова не растянуться на спине.

Она сидела на неширокой, жестковатой кушетке. Такие бывают в кабинетах у врачей.

Кушетка стояла в небольшой комнате, в которой были еще стол и шкафчик, но не было окон. Дверь, правда, имелась.

Где же находилась эта комната? И как она, Леза, сюда попала?

Ведь она... Что — она? Ну, конечно: она жила совсем в другом доме. Там у нее был Изар. И был... маленький, еще не имевший имени.

Вспомнив о маленьком, она судорожно прижала ладони к животу, словно опасаясь, что могла потерять его. Нет, живот был в порядке. Конечно, определить это на ощупь еще нельзя было, она просто почувствовала: все в порядке, он с нею.

Ей сразу стало спокойнее, и как будто даже прибавилось сил.

Силы требовались прежде всего для того, чтобы все-таки восстановить в памяти все, что с нею произошло.

Чтобы легче было вспоминать, она снова легла на кушетку. Желтый потолок опять оказался перед глазами, но теперь ощущалось расстояние до него. Кроме того, он перестал вращаться, и Леза поняла, что на самом деле прекратилось головокружение.

Итак, когда-то — вчера? Позавчера? Неделю назад? Или все-таки сегодня? — она была дома.

Несомненно, была дома. Изар уехал ранним утром, и уже после его отъезда она успела позавтракать. Да, успела.

Потом? Потом было что-то... Что-то она делала дома. Ах да, убрала посуду в мойку и включила воду. Затем? Пока посуда мылась, она читала какую-то книгу, название ее сейчас никак не хотело вспомниться. Потом вынула посуду и расставила.

А потом был звонок в дверь.

Да, совершенно верно: был звонок в дверь. Она отворила и увидела на пороге человека, который передал ей очень нарядный конверт, не бумажный... Нет, конечно, не бумажный, из какой-то ткани, кажется.

Человек вежливо поклонился и сказал:

— Мне приказано ждать.

— Чего ждать? — не поняла она.

— Наверное, пока вы прочтете это письмо.

— Хорошо,— сказала она.— Заходите.

— Я подожду в машине,— сказал он и сделал шаг назад.

— Хорошо,— сказала она.— Я сейчас.

Она попыталась открыть конверт пальцами, но ткань была прочной. Пришлось войти в комнату, достать ножницы и отрезать краешек.

В конверте был вчетверо сложенный лист бумаги. Развернув

его, Леза сначала посмотрела на украшавшую лист эмблему. Это была красивая и сложная эмблема, где рисунок обрамлял слова: «Ястра, Жемчужина Власти Ассарта».

Прочитав эти слова, она испугалась.

Наверное, в глубине души, сама себе в этом не признаваясь, Леза всегда боялась этой женщины. Воспитанная в уважении к закону, какое было свойственно средним слоям ассартского населения, она, что бы там ни говорил Изар, постоянно чувствовала, что закон и даже больше: весь Порядок — были на стороне Ястры и против нее, Лезы. Она понимала, что спокойное существование ее будет продолжаться ровно столько, сколько Ястра будет терпеть его. Каким бы всемогущим ни был Изар, но Порядок был выше и сильнее.

И вот теперь, едва успев разобраться с эмблемой, Леза решила, что всему пришел конец и письмо извещает ее именно об этом.

Первым движением ее было — бросить письмо, как будто оно жгло ей пальцы. Она так и сделала. Листок бумаги мягко опустился на стол.

Однако у подъезда ждал человек. И неудобно было заставлять его ждать. Письмо надо было прочесть, как бы тяжело это не было.

Она подобрала письмо и стала читать медленно, по одному слову. Убедившись, что прочитанное слово не заключает в себе ничего страшного, она переходила к следующему. Слова неторопливо складывались во фразы. Когда фраза заканчивалась, Леза перечитывала ее еще два или три раза, и только тогда понимала ее смысл. Она очень волновалась.

Письмо, к счастью, оказалось не слишком длинным. Скорее, коротким. В нем было написано вот что:

«Милая Леза. Не кажется ли Вам, что пришла пора поговорить о делах, которые смело можно назвать нашими семейными? Если у Вас нет серьезных возражений, приезжайте на чашку кофе или черной травы к часу пополудни. Машина в вашем распоряжении, это письмо послужит пропуском в Жилище Власти.

Неизменно к Вам благосклонная — Ястра, Жемчужина Власти».

Механически она взглянула на часы. Было без пяти двенадцать.

Лезе было страшно. Но ей и в голову не пришло, что можно найти какой-нибудь благовидный предлог и вежливо отклонить приглашение. Уважение к Власти было у нее в крови. Да и кроме того — отказ вызвал бы если не гнев, то во всяком случае неудовольствие Жемчужины. А если бы Супруга Власти захотела раздавить Лезу, она сделала бы это без всяких усилий.

Наверное, надо было одеться подобающим для такого визита образом. Но Леза почему-то решила этого не делать. Ей казалось, что, принарядившись, она будет чувствовать себя стесненной: что

бы она ни надела, не ей тягаться с Жемчужиной Власти в обилии и богатстве туалетов. Лучше, если она останется такой, какой привыкла ощущать себя. Тем более, что, откровенно говоря, не так-то плохо она одевалась и находясь дома: ведь там ее видел Изар, а для кого еще ей было одеваться?

Поэтому она взяла лишь более нарядную сумочку, положила в нее письмо вместе с конвертом и вышла из дома.

— Я готова,— сказала она человеку, стоявшему возле длинной, красивой машины с темными стеклами.

Человек вместо ответа улыбнулся и распахнул перед ней заднюю дверцу машины. Леза уселась, человек захлопнул за нею дверь, обошел машину — изнутри все было прекрасно видно — и сел за руль.

Чем больше Леза вспоминала, тем голова становилась яснее. Теперь уже не нужно было напрягаться, чтобы уловить зыбкие воспоминания и расположить их в правильном порядке. Теперь они уже спешили сами, обгоняя друг друга.

Совершенно ясно помнилось, как машина привезла ее к Жилищу Власти. Правда, Леза не сразу поняла, что оказалась именно у этого известного во всем мире дома. Ей показалось, что это какое-то другое место, другое здание. Потом, уже поднимаясь по внутренней лестнице и узнавая помещения, давно и хорошо знакомые по фильмам и телерепортажам, она сообразила, что ее просто привезли не к парадному, торжественному входу, а к какому-то другому, служебному.

Вслед за провожатым она поднялась, кажется, на третий этаж, и потом довольно долго шла по коридору, часто поглядывая на часики, подарок Изара,— боясь, что опоздает или, наоборот, придет раньше назначенного часа, что было бы столь же невежливо. Затем ей пришло в голову, что Ястре может не понравиться, что она носит на руке подарок Властелина, и она на ходу сняла часики и положила в сумочку — но тут же достала и снова надела: конечно же, Супруга Власти об этих часах ничего не знала, а если стыдиться подарков Изара, то Лезе пришлось бы тут же раздеться догола. Она в душе посмеялась сама над собой, хотя на лице сохраняла серьезное выражение, приличествовавшее случаю.

Наконец провожатый подвел ее к двери и постучал. Лезе почему-то вспомнилось в этот миг, как ее привезли к Изару и она с таким же — нет, куда с большим волнением приблизилась к двери, за которой ее ожидало неведомое и в то же время давно угаданное и пережитое в мечтах. Сейчас она тоже не знала, что ее ждет, но недавно возникшая мысль придавала ей уверенности: никто во всей Державе не осмелится нанести какой-нибудь вред сыну Властелина: а сын этот сейчас жил в ней, и, если понадобится, она прибегнет к его защите.

Ястра ожидала ее, сидя на диване в комнате, убранной намного проще, чем представлялось Лезе. И сама Жемчужина была одета просто, хотя и со вкусом. В комнате был уже накрыт столик на двоих, но кроме Ястры там оказался еще и мужчина; Леза сразу догадалась, кто это, и с некоторой тревогой подумала, что он не идет ни в какое сравнение с Изаром. Не собирается ли Жемчужина все-таки вернуть себе законного супруга?

Жемчужина Власти, приветливо улыбаясь, поднялась ей навстречу и протянула сразу обе руки. Леза почтительно присела; она знала, как следует вести себя перед лицом Первой женщины планеты. Ястра улыбнулась на это и сказала:

— Только, ради Великой Рыбы,— не нужно церемоний. Мы не на Большом Преклонении. Садитесь, милая, и дайте как следует разглядеть вас. Как известно, лучше один раз увидеть... А слышала я о вас достаточно. Нет-нет, ничего плохого. Наоборот.

Леза послушно уселась на стул, на который ей было указано. Находившийся в комнате мужчина откровенно разглядывал ее, пока Ястра не сказала ему:

— Уль, у нас будет женский разговор. Наверное, у тебя есть множество дел, которыми следует заняться?

— У меня их всегда больше, чем хотелось бы. Поэтому я приношу свои извинения в том, что вынужден вас оставить.

— Скажи там,— напутствовала Ястра,— что мы ждем кофе.

Мужчина вышел. Почти сразу женщина прикатила столик, на котором стоял кофейник, вазы с лакомствами. Ястра принялась угощать Лезу. Кажется, это было вкусно, но четкого воспоминания не сохранилось: от волнения у Лезы тогда пересохло во рту, и что бы она ни жевала, все имело вкус промокательной бумаги (почему-то Леза подумала именно так, хотя никогда в жизни промокашки не пробовала — разве что в самые детские годы).

Леза ожидала, что разговор сразу перейдет на ее жизнь, на отношения с Изаром — на все то, что было для нее самым важным. Однако Жемчужина Власти заговорила о совершенно других вещах: о погоде, о последних театральных спектаклях (некоторые из них Леза видела по телевизору, на другие собиралась сходить, но все как-то не выбиралась, да и не было желания идти одной, связи с былыми подружками (очень немногими) как-то распались, когда она переехала в теперешний свой дом, знакомых мужчин у нее просто не было, а с Изаром — о, не приходилось и мечтать об этом, вот тогда-то уж Ястра наверняка ей не простила бы...) — однако с грехом пополам она все же поддерживала разговор. И вот наконец они, кажется, добрались до серьезной темы. Поговорив о недавнем спортивном празднике, о котором Леза почти ничего не слышала и вынуждена была отвечать наугад, Ястра под конец спросила:

— Кстати, вы, по-моему, там не были? Откровенно говоря, я вам завидую — я ни за что не пошла бы, не такой уж я любитель спорта,— но таков протокол, мне надо было присутствовать, сидеть рядом с Изаром. Я надеюсь, он вас не очень обижает?

— Нет.— Губы были сухими, и слово прозвучало едва слышно. Пришлось облизать губы языком и повторить уже громче: — Нет, что вы! Он так добр ко мне...

— Приятно слышать; значит, и в нем сохранились еще человеческие черты...

Сколь ни была Леза исполнена почтения к собеседнице, но тут не выдержала:

— Как вы можете!.. Властелин — лучший из людей!

— Скажите, а вы и в постели называете его Властелином?

Леза не нашлась, что ответить, и лишь покраснела.

— Ну хорошо, девочка, простите меня — я, как вам, наверное, приходилось слышать от Изара, женщина плохо воспитанная и развратная. (Леза закрутила головой.) Разве он вам не говорил этого? Странно... Ну, в конце концов, это ваше дело. Почему вы ничего не едите? Позвольте, я налью вам еще кофе. Нет, если вы не выпьете хотя бы еще чашку, я буду считать, что плохо приняла вас — или что вы испытываете ко мне какое-то плохое чувство. Ведь нет?

Леза судорожно выпила чашку, чтобы сделать разговор на эту тему невозможным.

— Вот умница... Но ведь, откровенно говоря, вам не за что не любить меня — я никогда не сделала вам ничего плохого, да и не собираюсь. Вы боитесь за своего Изара?

Наверное, глаза выдали Лезу прежде, чем она смогла придумать хоть какой-нибудь ответ.

— Боитесь. Но только не бойтесь меня: я на него не претендую. Вы видели по телевизору — это?

— Да... Извините меня...

— За что же? Это для того и передавалось, чтобы все видели. Но с меня этого хватило. Надеюсь, что вас он никогда не насиловал? А то это иногда у них входит в привычку.

— Я бы согласилась и на это,— сказала Леза прежде, чем успела подумать. Слова вырвались как-то сами собой.

— Вы серьезно? Бедная девочка, оказывается, это у вас настоящее... Так вот: не бойтесь меня. Но всякий мужчина есть всего лишь мужчина. И если вы не хотите потерять его, то я искренне советую вам привязать его покрепче. Например, соберитесь с мужеством и родите ему ребенка...

Леза почувствовала, что неотвратимо краснеет.

— Леза, Леза, что я вижу! Следует ли понимать это, что вы уже?..

Леза смогла только кивнуть. Она боялась поднять глаза.

— Вот тебе и раз! — проговорила Ястра, смеясь.— Подруга по несчастью, вот как это следует назвать.

Леза поняла не сразу. А поняв, почему-то обрадовалась:

— И вы тоже?

— А почему нет? Высокое положение в обществе само по себе не является противозачаточным средством, уверяю вас... и прошу вас, девочка: не бойтесь — ваш Изар не имеет к этому никакого отношения, клянусь вам.

— Я верю... Но, Властительница, разве это не отразится на его судьбе?

— На чьей: Изара?

— Вашего мальчика. Ведь будет мальчик?

— Рожать девочек мне не полагается. Хотя в дальнейшем...

— Но он не сможет унаследовать Власть?

— А для вас так важно, чтобы он унаследовал?

— Да. Очень.

— Вот интересно. А почему?

— Потому что иначе... это был бы мой...

— Вот как... Пожалуй, вы правы. Но разве вам не хочется, чтобы ваш сын — а Изар уж позаботится, чтобы родился сын, на то у нас есть медицина,— чтобы ваш сын стал Властелином?

— О, только не это!

— Протестует ваша скромность? Я ведь вижу, что вы скромница.

— Может быть... но не это главное. Я не хочу... не могу представить, что мой сын со временем будет вынужден убить своего отца... что его с раннего детства будут приучать к этой мысли и обучать тому, как душить людей... Что придет час, когда он должен будет изнасиловать какую-то женщину, которую мне уже сейчас жаль, хотя она, наверное, еще не родилась на свет...

— М-да... Вас, пожалуй, можно понять.

— А разве вас такие мысли не приводят в ужас?

— Веселее мне от них не становится... Хотя, откровенно говоря, я как-то не задумывалась об этом всерьез. Ведь ко всему привыкаешь, особенно когда знаешь, что так происходит в каждом поколении. К любому свинству можно привыкнуть, если оно освящено веками и если тебе с детства внушали, что иначе просто не бывает, не может быть.

— Но ведь это и в самом деле чудовищно!

— Наверное... наверное, вы правы. Ну, что же: до следующего сеанса пройдет еще много, очень много времени... а там видно будет. Однако вы заставили меня думать об этом — теперь такие мысли обязательно будут лезть в голову... хотя сегодня есть дела поважнее. Я рада, что вы пришли — мне приятно говорить с вами, да и полезно, наверное... Леза, что с вами: вы себя плохо чувствуете?

Лезе и на самом деле стало казаться, что с нею происходит что-то странное. Последние слова Ястры доносились, словно из другой комнаты или даже с улицы — они звучали далеко-далеко... Ее одолела вдруг неудержимая зевота, глаза стали закрываться сами собой. Она нашла силы, чтобы лишь пробормотать:

— Простите... Да, со мной что-то творится... Не беспокойтесь, это, наверное, сейчас... пройдет... я никогда...

И, уже совсем засыпая, она услышала последнее:

— Великая Рыба, что за свиньи эти мужчины! Ведь решено было не так...

Вот что вспомнилось ей сейчас. Больше, как будто, ничего не произошло. Во всяком случае, не осталось в памяти ни единого обрывка даже, какой позволял бы думать, что Леза потом пришла в себя, покинула Жилище Власти — сама или с чьей-то помощью. Это заставляло решить, что никаких других событий не было. Уснула там, за столиком — и проснулась в этой вот комнате.

Быть может, ее усыпили? Так бывает в романах. Однако Леза вовсе не была уверена, что к тому, что пишут в романах, следует относиться с доверием.

Все было непонятным сейчас — кроме одного: ее судьба, видимо, сделала еще один резкий поворот. Неясно только — в какую сторону. Хотя ничего не указывало на то, что поворот был к лучшему. Потому что лучшего, чем было, просто нельзя было представить.

Леза встала. Сделала несколько нерешительных шагов. Ноги еще дрожали, но уже держали ее. Она отворила дверцу шкафчика. Он был пуст. Осмотрелась повнимательнее. Нет, больше в комнате не было ничего такого, что нуждалось бы в исследовании. Кроме узкой дверцы в дальней стене. Леза заметила дверцу не сразу: она ничуть не выдавалась и была выкрашена точно так же, как и стены. Но маленькая круглая ручка выдавала ее. Наверное, там помещались необходимые удобства, какие предоставляются даже арестантам. А это определение, кажется, сейчас как нельзя лучше подходило к ней.

Леза потянула ручку на себя, потом толкнула — но без результата. Тогда она попыталась повернуть ручку, и дверца отворилась, словно только того и ждала.

За ней начинался небольшой и слабо освещенный коридорчик, в котором были еще две дверцы. За одной, как она и предполагала, оказался туалет. Она отворила другую.

За другой дверью Лезе открылась длинная и узкая комната, уставленная вдоль длинных стен — стеллажами, а у коротких стояли высокие, до самого потолка, шкафы. Полки были завалены увесистыми, аккуратно связанными пакетами и картонными коробками, на каждом пакете и на каждой коробке виднелись буквы и цифры, обозначавшие неизвестно что. И пакеты, и коробки были

покрыты толстым слоем сухой пыли. Леза приоткрыла одну из коробок. В ней были бумаги, старые бумаги, желтые от времени и ломкие. Бумаги ее не интересовали. Она отворила один из шкафов. Там тоже стояли коробки, картонные и деревянные, с такими же обозначениями. Нет, в комнате не было ничего интересного.

Леза вышла из комнаты, притворила дверь и в туалете вымыла руки. Полотенца не оказалось, и она держала ладони на весу до тех пор, пока они не высохли.

Очевидно,— подумала она,— ее не собирались держать тут долго. Потому что убить ее, наверное, не хотели,— хотели бы, так и убили бы уже,— а если бы решили заключить ее на продолжительное время, то хоть полотенце повесили бы, дали какое-то белье, одеяло... И, кстати, подумали бы о том, что ее нужно и кормить.

Вот именно. Леза почувствовала, что не прочь была бы что-нибудь съесть. Наверное, немало уже времени прошло после той чашки кофе, если она успела проголодаться.

Но сейчас,— понимала она,— не в ее силах было изменить что-либо. Надо было только ждать. С ранних лет она знала, что судьбе нужно покоряться: все равно она сильнее. Судьба любит спокойных и умеющих ждать. Такие в конце концов выигрывают. Им дают белье, приносят еду...

Она вспомнила, что не успела приготовить Изару ужин и он наверняка остался голодным. Ей стало очень жалко Изара. Обремененному множеством очень важных дел, ему теперь приходится еще и тревожиться о ней. Леза не сомневалась, что он тревожится. Жаль, что ему неизвестно, что с ней случилось и где искать ее.

Она снова села — ничего другого не оставалось — и стала грустить об Изаре. Как и всегда, он оставался главным в ее мыслях. Не о себе же было ей думать: о ней наверняка думают те, кто с нею так поступил. Нечестно.

Наверное, сейчас время обеда. Какого дня? Скорее всего, все-таки завтрашнего,— подумала она, непроизвольно ощущая себя еще в том дне, когда все произошло — вероятно, во вчерашнем, но для нее он был пока что сегодняшним.

Потом от мыслей об Изаре она перешла ко вчерашнему-сегодняшнему разговору за чашкой кофе и решила, что Ястра в общем неплохая женщина, хотя в жизни ей, конечно, пришлось нелегко и это не могло не повлиять на нее.

Она вспомнила Задиру и решила, что он тоже хороший человек, хотя сначала и трудно было в это поверить.

Вслед за ним пришел черед того человека, которого она увидела у Ястры. Кем он приходился Жемчужине? Она не могла назвать его мужем, так же как, разговаривая сама с собой, никогда не называла себя женой Изара: знала, что это не так. Кем же был

тот мужчина? Любовником? Если ее, Лезу, недоброжелатели могли бы назвать содержанкой Изара, то как можно было назвать этого? Содер... Содержимым,— вдруг подумала она и невольно рассмеялась. Это и правда было смешно: содержимый человек!..

И, кажется, назвав его так, она накликала его приход. Потому что сейчас же — словно только того и ожидали — за дверью послышались шаги. Негромкие, спокойные. И Леза почему-то сразу подумала, что приближается именно содержимый человек. И не ошиблась.

Металлически щелкнул замок, и он вошел. Леза невольно встала, хотя и не считала, что человек этот по уровню выше, чем она. Он жестом показал ей, чтобы она села, и сам огляделся — но не нашел ничего, на что мог бы присесть. А пристраиваться рядом с ней на кушетке не захотел, видимо,— то ли считал это для себя унизительным, то ли боялся, что она поймет это неправильно: ведь, по сути, она тут была целиком в его власти, и он, конечно, был сильнее.

Итак, он остался стоять у столика, посреди комнаты, внимательно глядя на Лезу. Потом улыбнулся — улыбка ей неожиданно понравилась — и снова сделался серьезным.

— Наверное, вы на нас в большой обиде,— сказал он.— Сейчас я постараюсь все объяснить вам. Но прежде познакомимся. Меня зовут Ульдемир. Я советник Жемчужины Власти.

Он говорил свободно, но с уловимым акцентом. Возможно, так говорили в каких-нибудь дальних донкалатах. Но речь его была речью образованного человека, и это позволило Лезе почувствовать себя более спокойно: она считала, что люди образованные не любят делать зло — хотя в этом была, к сожалению, далека от истины.

Представившись, он сделал паузу,— как будто ожидая вопросов. И Леза действительно спросила:

— Вы ее любите?

Он сперва высоко поднял брови, потом засмеялся.

— Вопрос на засыпку... Думаю, что да.

— Разве об этом нужно думать?

— Бывает и так,— сказал он.— Обо всем в жизни приходится думать. Вот вы наверняка успели уже многое передумать, оказавшись здесь.

— Нет, не очень,— сказала она.— Я недавно проснулась.

— Да, мы усыпили вас основательно,— признался он, хотя, кажется, без особого сожаления.

Так она и предполагала: если она не станет задавать главных сейчас вопросов, он сам заговорит об этом, и для нее так будет лучше.

— Да,— сказала она в ответ,— мне показалось, что кофе был с привкусом. Но я подумала — может быть, она так его готовит.

— Ну да! — сказал Ульдемир.— Станет Ястра сама готовить кофе, как же! Это — моя обязанность у нас в доме.

— А я всегда варю сама,— сказала она.

Протянулась пауза.

— Ну,— сказал Ульдемир,— что же вы ничего не спрашиваете?

— Я думаю, что вы объясните сами; вы ведь обещали.

— Вы трогательный человек,— усмехнулся он.— Считаете, что обещания даются для того, чтобы их выполнять.

— А как же иначе? — удивилась Леза.

— Иначе может быть по всякому. Ну, хорошо. Итак, мы усыпили вас — если быть точным, то это сделал я, но решали мы все. И поместили вот здесь. И вам придется пробыть тут... некоторое время.

— Вы сделали нехорошо,— сказала она.— Изар... Властелин будет беспокоиться, потому что он меня любит. А ему сейчас нужно быть очень спокойным.

— Пусть он лучше волнуется и совершает правильные поступки, чем остается спокойным — и делает ошибки.

— Разве Властелин может ошибаться?

— Последнее время он только это и делает. И, к сожалению, его ошибки угрожают самому существованию Ассарта. На это мы не могли согласиться.

— Кто — вы?

— Те, кто знает об истинном положении вещей.

— Вы — те, кто вокруг Ястры?

— Можно сказать и так.

— Значит, дело все-таки во мне?

— Да, во многом все упиралось в вас.

— Но ведь она говорила, что он ей не нужен! Она лгала?

— О чем вы, Леза?.. Ах вот что! Нет, дело совершенно не в этом. Ваше счастье с Изаром никому не мешает само по себе, и я надеюсь, что, если все закончится благополучно, оно продлится у вас долго, долго. Нет, Ястра совершенно не ревнует.

— Но тогда я не понимаю...

— Мы так и думали, что вы не понимаете. Дело в том, Леза, что Властелин очень верит вам. И, наверное, в этом он прав — в том смысле, что у вас нет никаких задних мыслей, вы искренне любите его и стремитесь ему помогать от всей души.

— Вы правы,— сказала она.

— Он следует вашим советам.

— Он считает меня своей женой.

— А советам жены надо следовать, не так ли? Знаете, я в этом не так уверен... но это, в конце концов, мое собственное мнение, и Властелин, конечно, волен считать иначе. Беда не в этом, Леза. А в том, что вы даете плохие советы.

— Но я ведь не даю никаких советов! Просто, когда он спрашивает, я говорю то, что думаю.

— Вы? Или кто-то другой думает?

— То есть... А, вот что. Ну, мне приходится иногда слышать, что думают и другие люди, что они говорят. И нередко их мысли кажутся мне верными.

— Например, мысли Задиры, верно?

Леза нахмурилась.

— У меня с ним никогда ничего...

— Да Господи! Вас постоянно сносит не на тот курс. Как по-вашему, Задира — хороший человек?

— Я уверена.

— Вот тут вы ошибаетесь. Он — человек очень плохой. И вовсе не тот, кем вы его считаете.

— Кто же он по-вашему?

— Я могу сказать, но вы вряд ли поймете. Если я назову его эмиссаром Заставы — это что-нибудь прояснит для вас?

— Что это такое?

— Ну, вот видите... Леза, сейчас и вы, и Властелин, и весь Ассарт, и остальные семнадцать миров не по своей вине оказались втянутыми в игру, где они — лишь пешки. И очень немногие знают, кто и зачем двигает фигуры. Задира, как его здесь принято называть — один из тех, кто знает. Знаем и мы. С вашей подачи Изар принимал неверные решения. Мы надеемся, что губительные последствия их можно еще предотвратить — хотя, может быть, уже поздно. И во всяком случае, нам надо было сделать так, чтобы вы больше не передавали ему того, что вам внушает Задира.

— Но я же совершенно не знала! И сейчас не уверена...

— Вам ничего другого не остается, как поверить мне. Ассарту, Властелину сейчас нужно, чтобы вас не было рядом с ним — хотя сам он, конечно, уверен в обратном.

— Вы так думаете? — живо спросила она.

— Я это знаю. Мы боимся даже, что ваше исчезновение подействовало на него сильнее, чем мы предполагали. Он и на самом деле очень вас любит. Так что мне даже завидно.

— Это потому, что я его очень люблю. Если бы вы кого-нибудь любили очень сильно, вам ответили бы тем же самым.

— Хотелось бы, чтобы это было так — хотя, по-моему, чаще получается наоборот... Одним словом: какое-то время вам придется провести здесь. Не в этой обстановке, конечно: мы тут немедленно все устроим, чтобы вам было удобно, вы подумайте и скажите, что вам здесь нужно, чтобы вы чувствовали себя — ну, не как дома, конечно, но более или менее нормально. Будете заказывать завтраки, обеды, ужины — готовить для вас будут повара Ястры, это великие мастера своего дела.

— О, это меня не очень волнует, дома я стряпала главным образом для Изара — чтобы он мог вкусно поесть.

— Некоторое время ему придется обойтись без ваших яств.

— Какое это время — некоторое?

— Точно сказать не могу. Но — к счастью ли, или к беде — все будет решаться очень скоро. Могу обещать только, что, если дела пойдут плохо и нам придется спасаться, мы не бросим вас здесь. И вы сможете разделить с Изаром его судьбу. Если захотите.

— Я не захочу ничего другого.

— Ну вот, я, кажется, объяснил вам все, что мог. Я понимаю, что вы чувствуете себя не наилучшим образом и ваши мысли о нас далеки от добрых. Что поделать: вы сами попали в беду и потащили за собой очень многое. Так что, по сути дела, мы пытаемся спасти и Ассарт, и вас самое.

— Я могу дать вам честное слово: если вы меня сейчас выпустите, я...

— Об этом не стоит даже разговаривать. Исключено.

Он сказал это так жестко, что Леза поверила.

— Я не ради себя прошу. Ради Изара. Ему и в самом деле намного спокойнее, когда я рядом с ним. Вы ведь только что сказали, что сейчас он очень волнуется. А я знаю: когда он беспокоится о чем-то, он становится очень резок, и... Послушайте, а может быть... Может быть, вы сможете передать ему письмо от меня? Нет-нет, я не буду раскрывать ваших секретов. Напишу только, что жива и здорова, и люблю его, и уверена, что мы скоро встретимся. И... напишу, чтобы он с доверием отнесся к передавшему письмо человеку. Знаете, я ведь вам поверила...

— Хорошо! — сказал Ульдемир.— Иду за ручкой и бумагой!

4

— Вот это письмо,— сказал Ульдемир.— Я прочел его. В нем нет никаких подвохов.

— Право, не знаю,— проговорила, пожав плечами, Ястра,— за что его так любят женщины.

— Это как раз вопрос в повестку дня послевоенной мирной конференции,— усмехнулся Уве-Йорген Риттер фон Экк.— Сейчас перед нами проблемы менее возвышенные, но неотложные. С точки зрения простого солдата — с моей точки зрения,— мы сидим по уши, и отнюдь не в меду. Во всяком случае, судя по тому, что рассказал Георгий.

— Он не сказал ничего такого, о чем мы не догадывались бы. Просто подтвердил, что так именно дело и обстоит.

— Не ревнуй, Питек, мы знаем, что ты разведчик ничуть не

хуже,— сказал Ульдемир.— Не грусти — к сожалению, вся война еще впереди. Итак, каким нам представляется ближайшее будущее?

— В случае, если нам не удастся вмешаться,— медленно, как бы размышляя вслух, молвил Рыцарь,— возникает такая трогательная картинка: под ликующие крики народа семнадцать эскадр с развернутыми знаменами и оглушительно играющими Марш Победы оркестрами, стартуют в ближнем пространстве и разгоняются для прыжка — каждая эскадра к своей планете. На борту корабли имеют непобедимое воинство из расчета: на одного профессионального космического десантника — полдюжины резервистов и добровольцев, из всей военной науки освоивших лишь сбор трофеев, преимущественно у капитулировавшего населения. Несколько раньше в семнадцати стартовых районах начинают свой путь ровно столько же эскадр, находящихся в несколько более предпочтительном положении, потому что на одного солдата там приходятся только четыре мародера. Так, Георгий?

— По моим наблюдениям, получается именно так.

— Дальше. Они находятся в лучшем положении еще и потому, что о предстоящем нападении Ассартских флотилий на любой из планет знает каждая кошка, а на Ассарте о встречной атаке известно только нам, и ни одна душа не пожелала нас выслушать, когда мы хотели предупредить об опасности,— сказал Ульдемир.— Даже Ястра...

— Я вам верю,— сказала Жемчужина.— Однако... Я начинаю сомневаться: а нужно ли нам было похищать эту девочку? Сегодня утром я попросила Изара принять меня. Он поинтересовался, известно ли мне что-нибудь о местонахождении Лезы, о том, кто и зачем ее похитил, и так далее. Когда я сказала, что ничего не знаю,— а что еще я могла ответить?..

— В той ситуации — ничего,— подтвердил Ульдемир.

— ...Он заявил, что никакие другие вещи его сейчас не интересуют и он с удовольствием выслушает меня после войны.

— Если бы вы сказали ему, что дело как раз и касается войны...

— Разумеется, я так и сделала. Я сказала, что мы проиграли войну уже заранее, что у меня есть достоверные данные.

— Что же он?

— Посоветовал не есть на ужин мясного, тогда обойдется без ночных кошмаров. Встал, пробормотал что-то в свое извинение и ушел. Что же мне оставалось делать?

— Тоже уйти.

— Конечно. Но я этого не сделала, а предприняла еще одну попытку. Если бы у него был советник, я попыталась бы поговорить с ним. Но советником он так и не удосужился обзавестись; и я пошла, сама пошла, хотя могла вызвать к себе,— к человеку, к мнению которого Изар, кажется, более или менее прислушивается...

— Скорее менее,— сказал Ульдемир.— Более — он теперь не прислушивается ни к кому.

— Одним словом, я направилась к этому — к историку, или как он там называется...

— Главный Композитор Истории,— подсказал Ульдемир.

— Блестящее звание,— сказал Уве-Йорген.— К нему хорошо бы еще брюки с лампасами шириной в ладонь и эполеты с бахромой из карандашей и ручек. На лампасах следует напечатать популярные исторические тексты вперемешку с народными сказками...

— Посоветуй Академии,— остановил его Ульдемир.— Так что же, Ястра?

— Этот юноша выглядел весьма озабоченным, хотя, увидев меня, сразу начал улыбаться и вилять хвостом. Такой сладкий мальчуган, тот тип, что пользуется несокрушимым упехом у горничных...

— Ваша Прелесть!

— Ну, хорошо, хорошо — хотя, по-моему, это имеет немалое значение: дает понять, на кого теперь опирается Изар... Так вот, это молодое светило изволило выслушать меня. Потом категорически опровергло — силлогизмы он строит по всем правилам. И по-своему прав: чтобы прислушаться к нам, необходимо знать о существовании этой — Сторожки?

— Заставы, Ястра.

— Пусть Заставы. Короче: его заботит лишь одно — что начало войны, по его мнению, непозволительно затягивается. И что именно об этом он и скажет Властелину — если тот соблаговолит его выслушать, в чем историк далеко не столь уверен, как старается показать. Вот и все мои результаты. От него я поспешила сюда.

— Вернемся к войне,— предложил Ульдемир.

— Пора бы уже,— согласился Уве-Йорген.— Итак, семнадцать эскадр Ассарта выскакивают на позиции, каждая — перед назначенной ей планетой. Дальше события могут развертываться по-разному. Где-то их встретят уже на подступах — там, где осталось еще достаточно кораблей обороны. В других местах им позволят выбросить десанты — и будут расстреливать еще в воздухе, а на уцелевших набросятся, не успеют они опуститься — так что вместо церемониального марша по изумленной планете им придется вести бой в кольце, бой с противником, обладающим подавляющим численным преимуществом. Я достаточно высокого мнения об ассартских профессионалах, но существует предел возможностей. Короче — мало надежды, что кто-нибудь из семнадцати эскадр захвата сможет вернуться сюда.

— Здесь тоже будет не сладко,— пробормотал Гибкая Рука, до сих пор молчавший.

— Без сомнения. Потому что если где-то удар и окажется вне-

запным, то именно здесь. На планете остается, по сути дела, инвалидная команда...

— Не совсем,— перебила Ястра.— Тарменары Изара — полк со всем своим вооружением и кораблями — остаются в его распоряжении.

— Ну что же, это прекрасные бойцы — однако они могут добиться успеха в одном месте, а таких мест будет семнадцать. Так что игра здесь будет проиграна задолго до того, как начнут появляться те корабли, которым посчастливится унести ноги с планет. Нет, тут действительно все обречено еще до начала.

Наступило молчание.

— И все же,— через минуту нарушил его Ульдемир,— что-то тут не так. Мы, разумеется, не знаем, с какой подлинной целью разыгрывается вся партия. Однако не ради того, о чем распинался Охранитель на Заставе. Потому что если то, что он говорил, правда — то для них не должно быть никакой разницы между Ассартом — и любой другой планетой. В результате всякой войны кто-то выходит сильнейшим, начинает определять погоду во всем Скоплении. И неизбежно — годом раньше, тремя позже — выйдет на ту же самую звездную экспансию, которая Охранителю так не по душе. Нет, что-то не то...

— Не может быть войны без победителей,— убежденно сказал Уве-Йорген.

— Верно. Однако победителем может оказаться не одна и не вторая из сражающихся сторон, а кто-то третий — стоящий поодаль.

— Для этого ему нужно, чтобы участники выбили из игры друг друга. Но тут слишком очевидна направленность против Ассарта...

— Это исходя из того, что нам известно. Однако нам наверняка не известны куда более важные вещи...

— Больше нет времени узнавать,— сказал Питек.

— Так и есть. Что же нам остается?

— Сделать все,— сказал Ульдемир,— чтобы как угодно — уговорить, заставить, вынудить Властелина отменить войну.

Ястра с сомнением покачала головой.

— Будь он менее упрямым и более уравновешенным... Увы.

— И тем не менее, мы обязаны. Любой другой вариант ведет к проигрышу.

— Рискуем головой,— предостерег Ульдемир.

— Ну что же,— усмехнулся Уве-Йорген.— Значит, наши головы годны хоть на это. Вряд ли на что-нибудь другое, потому что в последнее время мы только проигрываем. Например, мы ожидали, что тот тип, обнаружив, что Леза исчезла, сразу кинется на связь с Охранителем — и мы таким путем выйдем на канал. Если бы

нам удалось достучаться до Мастера, он наверняка смог бы что-нибудь посоветовать. Гибкая Рука стер подошвы до дыр, бегая за объектом. Но тот так и не прибегнул к связи. Видимо, происшествие его не очень взволновало.

— Ты нигде не отпускал его, Рука? — спросил Ульдемир.

— Однажды, примерно на полчаса. Вчера вечером. Он навестил дом Лезы. Кстати, там в то же время находился и Властелин.

— Они встретились?

— Непохоже. Властелин вышел первым, тихо и спокойно. Его, правда, несколько расстроило, когда он увидел, что вся его охрана выведена из игры навсегда. Но он быстро пришел в себя.

— Кто разделался с ними?

— Задира. Я не стал вмешиваться.

— Понятно... Значит, Задира оставался там с полчаса? Что он там делал? Лезы ведь уже не было.

— Не знаю.

— Может быть, он оттуда и вел связь?

— Может быть, конечно... Во всяком случае, у него дома ничто не указывает на выход канала. Я обнюхал там каждый гвоздь.

— Надо побывать в доме Лезы. Кстати, захватить кое-что из ее вещей. Для нее.

— Дом под наблюдением.

— Ну...— пренебрежительно сказал Питек.

— Хорошо. Ты и Рука. Сегодня ночью. Дальше. Кто идет с письмом на половину Изара? Ястра?

— Нет. Он меня просто убьет, едва заподозрит, что я замешана в этом деле. Да и... чтобы убедить его, нужна не женская логика, а более... прямолинейная.

— И останется еще одно дело,— сказал Ульдемир.— Георгий, к счастью, привел корабль. К счастью — потому что если войну не удастся предотвратить, машина нам очень и очень пригодится. Хотя бы для спасения женщин.

— Спасибо, милый,— сказала Ястра,— что ты думаешь обо мне, а не только о ней. Я чрезвычайно тронута.

— Я просто знаю, что ты не бросишь ее на произвол судьбы,— ответил Ульдемир.

— Ах, конечно, конечно...

Голос Ястры не предвещал ничего доброго — однако Ульдемир на сей раз пренебрег угрозой.

— Корабль надо не только привести в порядок, но и дооборудовать. Вы понимаете, о чем я. Пока война еще не стартовала, материалы можно просто купить в магазинах. А как смонтировать, знает Уве-Йорген.

— Ты собираешься вести бой? — спросил Питек.

— Почему бы и нет? — ответил вместо капитана Рыцарь.

— Все может быть... Итак: Питек и Рука — обнаружение связи. Уве и Георгий — корабль. Значит, мне остается самое приятное.

— На то ты капитан,— сказал Уве-Йорген серьезно.

— Уль,— проговорила Ястра.— Я боюсь. Я действительно боюсь. Изар... Ты его не знаешь.

— Но и он меня тоже,— сказал Ульдемир.— И это аргумент не в его пользу.

— Почему-то,— сказала Ястра,— именно тогда, когда нужно быть серьезным, ты начинаешь говорить глупости.

— Мне всю жизнь приходилось быть серьезным. Наверное, поэтому я и говорю так много глупостей.

— Да,— подтвердила Ястра,— очень много. Пожалуйста, в беседе с Изаром постарайся говорить их поменьше. Обещай мне.

— Торжественно обещаю,— заявил Ульдемир. Он чувствовал себя странно взвинченным, готовым на какие-то неожиданные поступки — может быть, крайне благоразумные, но может быть, и как раз наоборот.

— Я буду с нетерпением ждать тебя,— сказала Ястра.

— Постараюсь вернуться. А если нет...

— Ну,— сказал Уве-Йорген,— тогда Властелин получит войну даже раньше, чем рассчитывает.

5

Началось с того, что мне было сказано: Властелин не принимает. Он слишком занят. Однако такого рода штуки были мне давно знакомы, еще по родной планете и родной стране. Так что отказ меня не очень смутил.

— Прошу вас доложить Властелину,— сказал я молодому человеку, всячески старавшемуся имитировать военные манеры и военную подтянутость (это удавалось ему не очень),— что у меня к нему важное послание.

— Гм,— сказал он.— Вы разносчик писем?

— Почти,— сказал я.— На самом деле я Советник Жемчужины Власти, Первой Женщины Державы.

В его глазах пробудилось любопытство. Он наверняка слышал обо мне достаточно, но повидать меня до сих пор ему не удавалось. Ничего удивительного: я человек скромный и никогда не стремился позировать разной секретарской шушере.

— Ах, я вас не узнал, приношу почтительные извинения,— сказал он; по-моему, несколько более нахально, чем ему полагалось по рангу.— Позвольте просить вас передать послание мне. Я немедленно доложу его Властелину.

— Его всемогуществу,— поправил я. Называть Изара Властe-

лином в официальных разговорах имели право только люди, начиная с определенного, достаточно высокого ранга,— если хотите точности, то с шестого,— а прыткий юноша к нему явно не принадлежал.

— Разумеется. Еще раз приношу извинения.

И он протянул руку, словно ожидая, что я немедленно подам ему на бедность.

Я посмотрел на него, не более. По-моему, мне удалось взглянуть именно так, как я хотел: чтобы, не произнося ни слова, дать человеку понять следующий текст: мальчик, если сам ты не больно умен, не ожидай того же и от других. Он, по-моему, прочитал текст довольно грамотно, потому что извинился в третий раз и пообещал:

— Я немедленно доложу, как только Властелин освободится.

— Опять? — спросил я с некоторым оттенком угрозы в голосе.

Тут он покраснел и, кажется, немного испугался: на верхах не любят непочтительного к себе отношения. Хотят, чтобы секретари, шоферы и прочие принимали их всерьез. На всякого мудреца все-таки простоты приходится куда больше, чем было бы желательно.

— Могу ли я спросить, как доложить о послании: от кого оно?

— От близкого Властелину человека.

— Должен ли я понять это так, что послание — от Жемчужины Власти?

— Ни в коем случае. Наоборот, вы должны твердо усвоить, что послание это — от другой женщины.

Тут он, безусловно, понял. Находись в этой комнате собака, она поняла бы все на полчаса раньше, но собаки вообще умные животные, а секретари — не обязательно. Но он понял; глаза его раскрылись до такой степени, что в каждый могло въехать по грузовику, а уж легковушки могли бы двигаться в два ряда. Он покраснел, потом его прошиб холодный пот. Видимо, приближенные действительно побаивались своего повелителя. Интересно, награждает он их тумаками или поддерживает страх лишь разными оборотами речи?

— Если мне будет позволено напомнить,— он не проговорил это, а нежно прошептал, словно я был девушкой и ему хотелось увести меня в кустики погуще,— сановники в ранге Советников Первых Лиц имеют право входа без доклада...

Я отлично понял его: видимо, соваться с докладом, касающимся Лезы, не зная сущности сообщения, было достаточно опасно, а что я ему такой информации не предоставлю, он уже выучил наизусть. Так что он принял мудрое решение: кто принес известие — возможно, дурное — пусть сам и принимает все последствия на себя. В смысле, что это я должен подставить шею для воздаяния. Однако мне только это и нужно было.

— Хорошо. Я обожду, пока Властелин освободится.

Он вздохнул.

— У него на докладе Личный Врачеватель Семейства. Разговор может затянуться...

Я немножко подумал и нашел выход.

— Доложите ему не лично, а по связи, что ему доставлено письмо от человека, которого он разыскивает, и что посланец просит принять его незамедлительно, ибо дело безотлагательное. Ну а уж войти я как-нибудь войду сам.

Он восхитился элегантной простотой решения; тут же присосался к аппарату и заворковал, как голубка на подоконнике, когда по другую сторону стекла сидит кошка. Потом повернулся ко мне и сообщил — по инерции тем же голосом:

— Его Всемогущество сейчас освободится...

После этого он достал розовый платочек, вытер пот и надел на лицо такое выражение, словно он только что атаковал вражеский корабль и переломил его о колено. По-моему, мысленно он уже дырявил грудь своего вицмундира, чтобы было куда привинтить орден.

Властелин оказался человеком слова. Не прошло и трех минут, как дверь, что вела в его кабинет, распахнулась, и Главный Клистир вышел. Позволив двери за его спиной мягко затвориться, он тоже достал платок и стал вытирать пот. Можно было подумать, что за дверью этой по меньшей мере вещевой склад, и он только что перетаскивал туда контейнеры.

Он посмотрел на меня — сначала пустыми глазами, потом его взгляд сфокусировался и что-то в нем мелькнуло. Я не сразу определил — что, но, во всяком случае, доброжелательным вниманием я бы этого не назвал. Скорее — прикидочным, оценивающим: как ты держишь удар? — как бы спрашивал взгляд.— И как бьешь в ответ?

Ну, ко всякого рода взглядам я привык давно. И постарался просигналить ему тем же способом: смотри, не переоцени своей весовой категории!.. Хотя и не понимал, какие, собственно, у него могут быть ко мне вопросы. Я тогда еще полагал, что для всех здесь по-прежнему являюсь неизвестным членом уравнения, темной лошадкой. Потом выяснилось, что я был неправ. Но, к сожалению, только потом.

А пока, завершив церемониальный обмен взглядами, я подступил к двери и отворил ее с ощущением, как будто бросаюсь в холодную воду. Все-таки властелинов любого рода я до сих пор наблюдал разве что на экране телевизора (если не считать Мастера и Фермера, да еще Охранителя; но они не властелины, они нечто большее). И вот пришла пора вступить в соприкосновение — и не скажу, что моя позиция в тот миг казалась мне предпочтительнее.

Властелин сидел за столом в противоположном от двери конце обширного продолговатого помещения, где, похоже, не было ничего лишнего — например, столика, за которым можно было бы угоститься чашкой кофе или еще чем-нибудь. Да и то — угощают чаще всего равных или почти равных, а таких на этой планете не было. Во всяком случае, в представлении хозяина этой резиденции. Тут не было даже ковра на полу, и каждый шаг раздавался четко, давая представление о состоянии духа вошедшего. Я постарался пройти строевым, за пять шагов до стола остановился и проделал все, что полагалось по строгому ассартскому протоколу. В ответ Властелин кивнул, и я не принял его кивок за одобряющий; он выражал скорее нетерпеливое желание побыстрее от меня отделаться. Потом еще несколько секунд я ожидал, что он предложит мне сесть, но он, наверное, забыл: не думаю, чтобы тут запросто присаживались без его позволения. Он поелозил по мне глазами,— уж не знаю, какие выводы пришли ему на ум, но, похоже, ничего особо выигрышного для меня он не разглядел,— и сказал, сразу переходя к сути дела:

— Письмо действительно от нее?

Перед тем, как утвердительно поклониться, я позволил себе чуть приподнять брови, как бы выражая удивление тем, что меня можно заподозрить в детском розыгрыше.

— Давайте.

Пришлось снова дать нагрузку сгибателям-разгибателям и прочей необходимой при поклонах мускулатуре. Потом я подошел к столу и положил письмо перед Властелином, а затем, как и полагалось, отступил на исходную позицию.

Единственным, что как-то выдало его волнение, был жест, каким он схватил письмо: раза в два быстрее, чем следовало бы, если он хотел продемонстрировать мне спокойную уверенность. Когда он разворачивал листок, пальцы его едва заметно вибрировали. Он уперся в письмо таким взглядом, что я не на шутку испугался, что бумага сейчас вспыхнет. Судя по затраченному времени, Властелин прочитал эту пару строк не менее четырех или пяти раз. Потом, справившись с собой, медленно сложил письмо и спрятал его где-то на груди — во всяком случае, он засунул руку за борт мундира, из которого не вылезал, насколько мне было известно, все последние недели, напоминая всему миру, что сейчас он прежде всего Верховный Главнокомандующий.

Пока он занимался письмом, я разрешил себе ненавязчиво, но тем не менее внимательно оглядеть его: я никогда не видел его так близко, а экран, как известно, чаще врет, чем говорит правду. Я знал, что он еще молод, но сейчас он выглядел значительно старше, чем ему следовало бы, казался осунувшимся, основательно усталым, и, если только то не был отблеск света, в темных волосах его уже

пустила корни седина. Черты лица говорили о решительности и жесткости, доведенных до предела, за которым — совсем рядом — были уже и жестокость, и отчаяние. Это мне не понравилось. Балансируя на этой грани, человек способен принимать эмоциональные, неразумные решения, опасные не только для меня (в конце концов, они стали бы лишь фактом моей биографии), но и для Ассарта, а значит — в какой-то мере — и для Вселенной, в которой мы с ним обитали — и еще несколько биллионов человек; впрочем, последнего он мог и не знать. Наверное, если бы у меня было время полюбоваться на него более основательно, я составил бы о нем мнение, лежавшее ближе к истине. Но таким временем я не располагал, потому что даже пять раз прочесть две строчки можно всего лишь за несколько минут.

Итак, он спрятал письмо где-то в области сердца и наконец поднял взгляд на меня. И мне сразу сделалось не то, что не по себе — мне стало просто страшно. Таким взглядом смотрят на мертвецов, никак не относящихся к категории дорогих усопших. Наверное, так смотрит бык на поверженного торреро.

— Если хоть волос упадет с ее головы,— сказал он каким-то клекочущим голосом,— хоть один волос... вы и все, кто с вами, пожалеете, что родились на свет, и будете жалеть долго, долго, с каждой секундой все больше, с каждым часом, с каждым днем... Моли́тесь Рыбе — или кому там вы мо́литесь — чтобы у нее не нашлось повода для малейшей жалобы, для самомалейшей. Ее полное благополучие будет означать для вас легкую смерть — и большей милости вам не в силах пообещать никто.

Так он сразу вывел меня за круг живых. Наверное, у меня могли найтись возражения, но он не был настроен их выслушивать.

— Я не был предупрежден о вашем визите,— продолжал он, стараясь, чтобы ирония не уступала хорошо приготовленной горчице,— и поэтому принял свои меры. Так что сейчас я и без вас знаю, где она находится. Весь ваш расчет построен на том, что я не могу сейчас пренебречь делами даже ради нее; сегодня не могу. Но уже смогу завтра! Поэтому вы проживете еще сутки. Вы увидите... Вы узнаете о конце ваших сообщников; он будет страшным. Ваш настанет после них...

Откровенно говоря, когда я готовился к разговору с Властелином, я представлял себе все несколько иначе. Мне рисовалось нечто, смахивавшее на мирную конференцию, на которой стороны усердно ищут взаимоприемлемых путей к достойному выходу из окопов и убежищ. В конце концов, письмо Лезы было лишь предлогом, чтобы попасть к нему, темой же разговора, по моему разумению, должно было стать совсем другое: положение Ассарта накануне войны и неизбежный разгром его вскоре после ее начала. Однако для осуществления моего замысла нужно было прежде всего,

чтобы он вообще захотел меня выслушать, а кроме того — чтобы он был способен разумно воспринимать аргументы. На самом же деле оказалось, что он не желал первого и, вероятнее всего, не мог второго.

— Ваше Всемогущество! — сказал я, когда́ он сделал передышку на мгновение; я старался, чтобы голос не дрожал.— Мне кажется, в прочитанном вами письме мне дана определенная рекомендация. Скажу больше: автор письма, считая, видимо, что может обещать от вашего имени, гарантировала мне мою неприкосновенность. Она ошибалась? В таком случае я сожалею, что захотел принести вам хоть какое-то успокоение.

Я рассчитал верно: такой поворот оказался для него неожиданным. Он знал, что он всемогущ; он знал, что никто не смеет хоть что-либо обещать от его имени — если только он сам не повелел сделать это. Никто. Но Леза не относилась к этим «никем», она была единственным, пожалуй, человеком в мире, замены которому не было: нет замены тем, кого ты любишь. Тут была область совсем другого права, по которому больше власти у того, кто любит беззаветней. По этому праву Леза была выше — хотя бы потому, что Изар все же делился между нею и властью, которая тоже была его любовью — в то время как для нее он занимал весь мир. И сказать сейчас «это все женская болтовня, я не позволял этого!» для него было все равно, что предать ее. Да по сути дела так оно и было бы.

Так что он ответил мне лишь после паузы, понадобившейся ему, чтобы прокрутить в голове всю эту ситуацию:

— Я уже сказал: вы доживете до ее освобождения. А тогда... Тогда я могу предположить, что окончательное решение будет зависеть от того, что скажет она.

Я отметил про себя, что это уже не был голос разгневанного пророка: интонации звучали почти нормально. И хотел поблагодарить Властелина за разумное решение, но он заговорил прежде, чем я успел придумать подходящую к случаю формулировку: царедворцем я был никудышным всю жизнь, и сейчас остаюсь таким же.

— Но при одном условии,— сказал он.— Когда я отправлюсь, чтобы вызволить ее и наказать преступников, вы послужите мне лоцманом. Это ускорит события, а время дорого.

Я удивился не так сильно, как можно было бы ожидать. Уже в самом начале я понял, что он не имеет ни малейшего представления о том, где на самом деле находится Леза: знай он это, у него на спасательную экспедицию ушло бы никак не более четверти часа, потребной, чтобы вызвать охрану и перейти в противоположное крыло Жилища Власти. Он не знал; но кто-то подсунул ему другой вариант — и теперь я начинал понимать кто; я не знал только, в чем

этот вариант заключался и где, согласно ему, должна была находиться плененная принцесса. Мне подумалось, что недурно было бы это выяснить, если уж он стал таким разговорчивым.

— Я с искренней радостью выполню эту миссию,— сказал я,— поскольку уверен, что Ваше Всемогущество предпримет этот поход, когда угроза войны будет уже устранена.

Он высокомерно посмотрел на меня.

— Угроза войны? Вы прекрасно знаете, что такой угрозы для Ассарта не существует. Она есть лишь для противостоящей стороны. И мне совершенно не нужно, чтобы она (он почему-то никак не хотел назвать Лезу по имени; возможно, ему казалось, что в разговоре с такой низкой личностью, какой ему представлялся я, имя это будет если не осквернено, то во всяком случае униженно) находилась там — вы знаете где — до часа победы. Я освобожу ее, как только корабли стартуют.

— Ваше Всемогущество! Могу ли я высказать предположение, что вы ошибаетесь?

Ух, как он вздернул голову! Как если бы я расположился с бутылкой и закуской на могиле его родителей — если бы такая существовала.

— Уж не считаете ли вы (бездна презрения была в этом «вы»!), что знаете положение вещей лучше, чем я?

«Надо идти в атаку, переться напропалую,— подумал я.— Иного выхода, кажется, не существует. Опасно, конечно: он может опять закусить удила, и тогда.. Но — кто не рискует, тот здоровеньким помрет...»

— Ни в коей мере, Ваше Всемогущество. Я не думаю, что знаю положение лучше вас. Я просто его знаю. А вы — нет.

На его лице почти так же ясно, как на телеэкране, видна была борьба мнений: то ли уничтожить меня немедленно — за наглость, то ли позволить себе некоторое развлечение. Я думаю, что в развлечениях у него ощущался недостаток; так или иначе, он выбрал такой вариант.

— О-о,— протянул он,— я и не знал, что моя достойная и верная супруга набирает советников из числа ясновидцев. Мне думалось, что она оценивает их по другому признаку.

И он опустил взгляд несколько ниже с таким выражением, будто у меня что-то там было расстегнуто. Я, однако же, знал, что там у меня все в порядке.

— Тогда, может быть, вы соблаговолите поделиться со мною вашими бесценными сведениями?

«Ура! — подумал я.— Наша ломит!»

— Почту за счастье! — постарался я ответить совершенно серьезно.

— Я с нетерпением жду.

Я заговорил. Для того, чтобы изложить всю информацию и те выводы, к которым пришли мы с экипажем, мне понадобилось, помнится, минут десять. Он меня не перебивал — спасибо за это! — но по его поведению нельзя было сказать, как он воспринимает сказанное мною, да и воспринимает ли вообще. Хотя казалось, что слушает он внимательно. Когда я закончил и принялся ожидать вопросов к докладчику, он еще секунду-другую помедлил, потом улыбнулся и покачал головой, то ли осуждая, то ли одобряя.

— Ну что же,— сказал он затем.— Должен признать, что сообщение ваше сделано по всем правилам искусства. Безусловно, его составляли способные люди, и мне искренне жаль, что они не принадлежат к числу моих. Я не ошибусь, если скажу, что все, изложенное вами, могло бы произвести впечатление, больше того — даже убедить людей, не располагающих подлинными данными.

— Это и есть подлинные данные,— не уступил я, хотя нутром уже почувствовал, что какие-то не учтенные мною обстоятельства помешали Властелину воспринять сказанное мною всерьез и с доверием.

— Вы прекрасно знаете, что нет. Вы все прекрасно знаете. Но, чтобы показать вам, что я знаю не меньше, а наоборот, больше, чем вы, я отвечу любезностью на любезность и обрисую картину такой, какой она представляется с моей позиции.

И он опустил на стол кулаки, как бы указывая, что позиция его находится именно здесь.

— Я знаю,— продолжал он угрюмо,— что о наших приготовлениях стало известно в других мирах. У меня еще нет доказательств, я имею в виду прямые улики, того, что это — дело ваших рук. Однако я в этом не сомневаюсь и думаю, что искать подтверждения моих подозрений долго не придется. Но и без них все достаточно ясно. Во-первых, моя супруга. Она достаточно унизила меня своей связью с проходимцем, подобранным ею в грязи, никому не известным...

Я слегка поклонился, как бы благодаря Властелина за столь высокое мнение обо мне.

— Но этого ей показалось мало. И она решила ударить меня в самое больное место: помешать выполнению моих замыслов, направленных на духовное обновление, на моральное воскрешение всего человечества Ассарта. Но что ей Ассарт и что — человечество, что ей наши традиции, в соблюдении которых мы видим основу нашего существования! Да, конечно — традиции порой требуют от нас неприятных действий, без которых мы с радостью обошлись бы — будь это возможно. Могу сказать вам откровенно, хотя вы того и не заслуживаете: когда мы выполняли то, что от нас требовалось, мне было ничуть не легче, чем ей. Намного труднее: ведь помимо обязанности, связанной с нею, у меня была еще одна, куда

более тяжкая и горькая — по отношению к моему отцу. Мне труднее еще и потому, что я знаю, что́ мне со временем предстоит — и это тоже горько. Но для меня превыше всего Ассарт, а для нее — ее собственные эмоции, ее самолюбие, все отвратительные ее черты!

Я мог бы сказать Властелину, что таких черт было не так уж и много. Не больше, чем у любой нормальной женщины. Как-никак, я знал ее куда лучше, чем он. Однако было бы бестактным прерывать его, когда он говорил столь прочувствованно.

— И вот она решает сорвать мои замыслы. Для этого она находит вас. Вы оказались под рукой в нужное мгновение и в нужном месте. Вы, прибывший неизвестно откуда, человек чужого мира, для которого Ассарт и все, что к нему относится,— ничто, звук пустой, всего лишь материал для построения собственного благополучия. Не сомневаюсь, что вас направили сюда именно с такой целью сразу же после того, как возникшее между мной и ею охлаждение стало известно мирам — а такие новости распространяются со скоростью света. Шпион в роли советника злобной женщины, обладающей, согласно тем же традициям, не только определенной властью, но и полной неприкосновенностью: она ведь должна стать матерью будущего наследника, моего сына, и обойтись без этого никак нельзя. О, если бы это было возможно — ни она, ни вы не отравляли бы воздух Жилища Власти ни одной лишней минуты. Но Порядок и здесь превыше моих желаний, и я лишь его слуга.

Итак, при ее и вашей помощи,— наверное, есть еще кто-то, и я непременно узнаю — кто,— другие миры узнают о нависшей над ними угрозе. Естественно — они в панике. Потому что понимают — мы не станем нарушать и другой нашей великой традиции: побеждать в любой войне. К сожалению, вы, наверное, плохо объяснили им, что в предстоящей войне они пострадают минимально: все, что им придется отдать — это некоторое количество старых бумаг, музейных экспонатов и развалин. Все, чего они лишатся — это право говорить, писать, вспоминать о некоторых эпизодах своей истории. Только и всего. Многие были бы рады отдать нам это добровольно — если бы не влияние со стороны. Если бы не ваше с ней влияние.

Мне известно, что вы заронили в их умы вздорную идею относительно объединения всех миров против Ассарта. Чушь. Будь их и в два раза больше, Ассарт все равно оказался бы сильнее. Кроме того, такому множеству непохожих друг на друга миров нужно, чтобы их объединил кто-то, за кем они пойдут. Я не знаю ни одного такого деятеля. И уж во всяком случае ни вы, ни она на эту роль не годитесь. Пожалуй, объединить эту разнородную ораву в один организм смог бы я; и, возможно, я впоследствии и займусь этим. Но сперва примерно накажу их. Хотя бы некоторых. И, как говорит мой историк, прочие услышат и убоятся.

Во всяком случае, даже не для того, чтобы объединиться против меня, но для того, чтобы хотя бы серьезно подумать об этом, им нужно время. И они — самые умные среди них, а таких совсем немного,— решают это время выиграть. Каким способом? Они ведь знают, что переход от мира к войне для Ассарта — привычное дело и происходит быстро. И вот сочиняется сказка относительно состоявшегося объединения, относительно организации обороны каждой планеты, и еще больше: о якобы готовящемся нападении на сам Ассарт. Короче говоря — все то, что вы мне только что с таким увлечением рассказывали. Расчет очевиден: если я поверю вашим россказням хоть на одну десятую, я буду вынужден отложить начало войны и принять меры для проверки вашей информации — и таким образом они получат передышку, и, может быть, что-то и на самом деле придумают. Вот зачем, уважаемый советник Жемчужины Власти — жемчужины, увы, поддельной,— вот с какой целью вы явились ко мне. А для того, чтобы получить ко мне доступ, вы пошли на мерзкое преступление — а впрочем, чего же другого ожидать от вас? — и похитили женщину, никому в жизни никогда не причинившую ни малейшего вреда, не пожелавшую зла, собирающуюся стать матерью, а похитив — отправили куда-то в пространство на корабле, предоставленном для этой цели какой-то из враждебных планет; вы мне сообщите ее название или я узнаю его иным путем, это безразлично, но виновная планета пострадает куда серьезнее других, могу обещать вам уже сейчас. Да, ворвавшись в жизнь доброй, скромной и — утверждаю — счастливой женщины, в лучших традициях былого пиратства, вы заточаете ее в трюме,— ну пусть даже в каюте — какого-то корабля и надеетесь, что он укроется от моих глаз в пространстве. Да, пространство обширно, но кто знает предел моим возможностям? Высокочтимый советник, вы помните, надеюсь, как в свое время поступали с пиратами? Их вешали, любезный мой. Слава Рыбе, мы далеко ушли от тех примитивных времен. И все, кто так или иначе замешан в этом деле, будут молить меня о веревке — но не получат ее. Если же у вас сохранилась хоть капля порядочности, вы захотите спасти их от страшной смерти, воистину страшной, заменить ее смертью быстрой и безболезненной; а спасти вы сможете лишь одним способом, я уже сказал вам — каким: как только я прикажу, вы проведете мой корабль туда, где они находятся. Только не говорите мне, что вы не знаете где. Иначе мой гнев сметет все границы.

Возможно, Властелин ожидал от меня ответа на этот как бы не заданный, но на самом деле все же заданный вопрос. Я предпочел ответить в таком же неявном ключе: просто пожал плечами — пусть понимает, как хочет. Однако, не уверенный в том, что он сейчас способен логически мыслить (думаю, что нет), я на всякий случай добавил:

— Я подумаю.

Кажется, он даже немного опешил от моего нахальства. Чуть ли не полминуты понадобилось ему, чтобы переварить мою реплику. Потом он усмехнулся и сказал:

— Думайте. Я представляю вам возможности для этого.

— Я хорошо думаю только в привычной обстановке,— заявил я, стараясь поколебать его в принятом решении. Он кивнул.

— Вы и окажетесь в привычной для вас обстановке. Не станете же вы уверять меня, что никогда в жизни не сидели в тюрьме? Не надо, вам никто не поверит. Но неужели вы воображали, что после всего, что было здесь сказано, вы выйдете из моего кабинета иначе, как под стражей?

Сидеть в тюрьме мне до сих пор как-то не приходилось. Но я даже не заикнулся об этом — чтобы не разрушать возникший в его представлении мой целостный и колоритный образ.

Он нажал кнопку и вызвал стражу. Приперлись сразу пятеро громил. Вообще-то их было шестеро, но шестым был Рука — вахтенный телохранитель. Они остановились в моей окрестности, и каждый из пятерки, по-моему, сразу нарисовал на мне тот участок, которым намеревался всерьез заняться.

— Увести государственного преступника,— распорядился Властелин,— и держать его под замком. Не допускать общения ни с кем. Поняли? Ни с кем — включая даже самых высокопоставленных особ. Все — только с моего личного разрешения. Ясно?

Он тут же получил множество горячих заверений в полной ясности, причем этот негодяй Рука старался больше всех.

— Прикажете держать его в наручниках? — осведомился он.

Властелин поразмыслил.

— По-моему, этот не из таких. Грязную работу за него делают другие. Так что он не сбежит — если только кто-нибудь из вас не выломает для него решетку или не сломает замок.

Они переглянулись, как бы разбираясь — кто из них окажется виновным в таком нарушении всего на свете. Потом поняли, что это была шутка, и хором заржали, как табун на лужайке.

— Куда Вашему Всемогуществу угодно его запереть? — выскочил неугомонный вахтенный телохранитель.— Увезти в Централ? Или держать здесь, в подвальных камерах?

— Мне нужно, чтобы он, когда потребуется, был доставлен ко мне быстро и без всякого риска. В городе у него наверняка есть сообщники.

Индеец сделал большие глаза, наверное, поражаясь тому, что у подобного типа могут оказаться еще и сообщники; выражение его физиономии свидетельствовало о том, что в глубине души он лучшего мнения об ассартском народе. Однако противоречить Властелину он, уважая субординацию, не стал.

— Ну, топай, ублюдок,— обратился он ко мне и даже сделал жест, показывавший, что телохранитель готов придать мне некое поступательное движение при помощи собственного колена. Однако Властелин осадил его.

— Никаких грубостей,— сказал он.

Преступник или не преступник, но все же я был сановником, а они — всего лишь солдатней. В Ассарте всем полагалось то, что полагалось. Мне — вежливое обращение, если, конечно, я сам не дам повода для крутых мер.

— Прошу идти,— на этот раз Рука обратился ко мне вежливо и официально.

Даже не взглянув на него, я гордо поднял голову и прошествовал к выходу. Шестерка окружала меня, как наследники — больного дядюшку. В дверях я остановился — они чуть не налетели на меня, поскольку сзади у меня не установлены стоп-сигналы,— и, обернувшись, сказал хмуро глядевшему нам вслед Властелину:

— Думаю, Ваше Всемогущество, что понадоблюсь вам раньше, чем вы полагаете. И буду рад оказать серьезную услугу.

Я знал, что он меня не поймет. Сейчас — не поймет. Для этого у него не хватало опыта. Но похоже, что от этого дефицита он быстро избавится.

6

Война спешила родиться.

На Ассарте день ее появления на свет отмечался торжественно. Для этого с давних пор существовал праздник Последней Пуговицы. Правда, на сей раз его как-то заторопили и немного скомкали. Могло создаться впечатление, что война рождается несколько недоношенной. Но большинство людей не обращало внимания на такие мелочи, не позволяло себе сомневаться. Все знали: войне бы только родиться, а там — своевременные ли были роды, или преждевременные — ее выкормят, укрепят, позволят встать на ножки.

В этот день на площадь Ассарта уже с самого раннего утра со всех концов города стекались люди.

Движение транспорта разрешалось лишь до внутренней границы Первого городского цикла. Дальше шли пешком, богатые смешивались с бедными, здоровые — с больными, старики с молодыми, горожане с провинциалами. Никогда единство жителей Ассарта не ощущалось столь наглядно и убедительно, как сейчас.

Даже хмурый и озабоченный Изар не выдержал. Едва успев позавтракать, он переоделся в простое платье и больше часа провел среди людей, на ближайших улицах и площадях — как всегда

в таких случаях, загримированный до неузнаваемости. Он хотел увидеть своими глазами и услышать своими ушами, как выглядят и что говорят люди.

И тем, и другим он остался доволен. Наверное, на ассартиан подействовала и сама война,— когда ее объявляешь ты, это всегда поднимает дух и прибавляет уверенности,— а также и то, ради чего она была задумана: героическое прошлое. Об истории говорили все больше, и теперь разве что злостные скептики не высказывали убеждения в своем благородном происхождении и неоценимых заслугах предков.

Глаза блестели, голоса звучали звонко и уверенно, упругой стала поступь, горделивой осанка. Хотя жизнь пока еще не успела стать лучше, чем была до сих пор, теперь можно было уже смело предсказывать: ощутив себя сильными, люди не захотят более вести то полунищее существование, которое до сих пор они терпели просто потому, что не знали о своем праве на лучшее.

Изар во время своей прогулки убедился в том, что массы его уважали и правление его одобряли. Множество разосланных Легионом Морского Дна соглядатаев и прежде давали такую же информацию, но полезно и приятно было убедиться в народной любви нынче.

Вернувшись в Жилище Власти и приведя себя в порядок, Властелин выслушал командоров семнадцати эскадр, доложивших о полной готовности.

Корабли были полностью заправлены топливом. Боезапас доведен до военной нормы. Призванные резервисты обмундированы, снаряжены и вооружены в полном соответствии с уложениями. Генералы успели даже провести их через краткосрочные восстановительные курсы, чтобы напомнить подзабытые многими азы солдатского искусства, заключающегося в том, чтобы поразить врага и выжить самому. Космический десант и гвардия — за исключением тарменарского полка, которому предстояло, приняв участие в сегодняшнем празднике, остаться в качестве личного резерва Верховного Главнокомандующего — были уже посажены на корабли и усердно обживали их. Погрузка остальных войск должна была начаться сразу же по завершении праздника.

К полудню движение людей на площади прекратилось. Не потому, чтобы устали или успокоились, но движение стало просто невозможным: десятки тысяч людей на площади успели сцементироваться в единую массу, текучая субстанция превратилась в твердое тело, в гигантское, но неделимое существо с единой мыслью, единым чувством, единым дыханием.

Тогда грянули барабаны. Пронзительно возопили военные рожки. Через несколько тактов взорвался сводный оркестр, и на его призыв единое существо на площади отозвалось низким слитным рокочущим вздохом; так дышит океан.

Одновременно на балконе, возносившемся над парадным крыльцом Жилища, появились: справа — Властелин с приближенными, слева — Жемчужина Власти в окружении наиболее высокопоставленных дам Державы. И на него, и на нее тут же устремились десятки тысяч взглядов, любопытствующих и испытующих. Безулыбчивое обычно лицо Властелина на этот раз украшала улыбка — радостная и доброжелательная. Что касается Жемчужины, то раскрытый веер, который она держала на уровне губ, непрерывно обмахиваясь (день выдался жарким) не позволял составить определенное представление о том, находилась ли Супруга Власти в духе, или, как уверяли некоторые, радовалась меньше, чем следовало бы в столь великий миг.

Снова барабаны, и снова оркестр. Черный клин полка тарменаров, ожидаемо и все же неожиданно возникший в устье Проспекта Предков, легко, словно горячий нож сквозь масло, прошел через уже до предела, кажется, спрессованную толпу, раздвигая ее и оставляя за собой коридор, который не закрывался более, потому что продвигаясь, полк как бы одновременно и таял: задние шеренги его, одна за другой, отставали и, развернувшись, останавливались спинами к толпе, образуя как бы стены этого коридора. А уцелевшая часть, дойдя до самого крыльца Жилища Власти, тоже начала распространяться во все стороны,— давление в толпе при этом стало можно уже сравнить даже с давлением, существующим, как полагают, в самом центре планеты. В результате в конце коридора возникла достаточно просторная круглая площадка.

Тогда двери Главного Крыльца распахнулись. Выбежавшие оттуда служители тащили с собой какие-то металлические штанги и полосы. Из них в мгновение ока на круглой площадке было собрано нечто вроде платформы, возвышавшейся над толпой и позволявшей всем и каждому видеть все, что будет на ней происходить. Верхняя плоскость возникшей конструкции оказалась на том же уровне, что и балкон. Сразу же часть баллюстрады балкона была убрана, и между площадкой и балконом перекинули легкий металлический мостик, немедленно закрепленный с обеих сторон надежными болтами.

Завершение строительства было отмечено еще одним музыкальным взрывом. Потом на секунду-другую взметнулась тишина. И рухнула под согласованным ударом барабанных палочек. Барабанщики выбивали быстрый марш.

И в ритме, заданном их рокотом, со стороны того же проспекта в коридор вступили и торжественно промаршировали мимо сдерживавших давление толпы тарменаров уже не гвардейцы, а обыкновенные ассартские солдаты, вооруженные и одетые в скромную полевую форму. Их было всего лишь пятнадцать —

мельчайшее подразделение армии, основа ее структуры, носившее название «палец» и составлявшее одну пятую часть «кулака».

За солдатами выступали еще трое военных в невысоких чинах, тоже в скромных мундирах и без оружия — если не считать висевших на поясах кинжалов. Один из этих трех нес на вытянутых руках небольшую кожаную шкатулку; те, кто стоял ближе к коридору, могли увидеть на крышке шкатулки вытисненную эмблему Вооруженных сил, но и те, кто не видел, знали, что она там находится. Остальные двое были оснащены объемистыми сумками, висевшими через плечо.

Двигаясь все тем же размеренным шагом, военные миновали коридор и приблизились к помосту на круглой площадке. Прозвучала команда, и все на мгновение замерли. Еще одна команда — и «палец» из колонны перестроился в шеренгу, обращенную лицом к помосту.

Снова барабаны сменились оркестром, и под торжественные звуки с балкона на помост перешли четверо генералов. Четко ступая, они заняли места в четырех углах помоста.

Снова короткая пауза — и опять команда. Она прозвучала с помоста и тут же была повторена внизу. По этой команде солдат, стоявший в середине шеренги, вышел из нее и парадным шагом подошел к ведущей наверх лесенке. В том же ритме ступая со ступеньки на ступеньку, он поднялся наверх, сделал еще несколько шагов (настил площадки глухо гудел от его уверенной поступи) и остановился в самой середине. Приставив ногу, он выполнил висевшим на груди фламмером артикул, называемый «На караул», приветствуя Властелина и всех находившихся здесь представителей Властных сил, и застыл, как изваяние.

Еще одна команда раздалась. На этот раз пришли в движение те трое, что не были вооружены. Колонной по-одному они в свою очередь поднялись на площадку, перестроились в шеренгу и остановились в трех шагах позади солдата.

Теперь оркестр звучал, не умолкая. Но это не могло помешать тем из толпы, кто обладал хорошим зрением, заметить одно неприятное упущение. У солдата, поднявшегося на площадку и, видимо, олицетворявшего собою в этот миг все Вооруженные силы, обмундирование было не в порядке. А именно: в самом низу спинной части его полевого мундира, там, где на фалдах полагается быть двум медным, ярко начищенным и оттого блестящим пуговицам — у этого была только одна! Там же, где полагалось быть второй, зияло гладкое место, даже хвостика нитки не было.

Конечно, это заметили не все. Но будь в толпе даже слепой, вообще неспособный увидеть что-либо, он все равно бы знал точ-

но, что на солдатском мундире не хватает одной пуговицы. Ибо будь она на месте, праздник никак не мог бы состояться.

Теперь пришли в движение все четыре генерала. Покинув свои углы, они, двигаясь с точным расчетом, какой вырабатывается долгими годами военной службы, также образовали шеренгу, находившуюся позади безоружной троицы.

Тем самым завершился предварительный ритуал.

Оркестр вспыхнул в последний раз, и воцарилась тишина столь глубокая, что шаги Властелина, покинувшего свое место и подошедшего к самой баллюстраде балкона, разнеслись, без преувеличения, по всей площади. Они прозвучали, как поступь самой Истории.

Остановившись на виду у всех собравшихся, Властелин поднял руку.

— Сограждане! — громко сказал он, и хорошо укрытые микрофоны тут же разнесли раздавшееся слово по множеству усилителей для последующей передачи народу.— Благодаря вашей самоотверженности, с какою вы отозвались на мой призыв, сегодня можно с уверенностью сказать: мы готовы выступить на борьбу за то, что, по справедливости и необходимости, должно принадлежать нам. Мои верные генералы, ответьте всему народу: готовы ли мы?

Все четверо названных глубоко вдохнули воздух.

— Ваше Всемогущество, мы не готовы! — отрапортовали они хором.

— Не может быть! — громко удивился Властелин.— Не могу поверить, что после неустанного труда всех и каждого на Ассарте мы можем не быть готовыми! Чего нам не хватает?

— Еще не пришита последняя пуговица к мундиру последнего солдата! — без сучка и задоринки отрубили генералы.

— У нас не хватило пуговицы? Нет ниток? Может быть, чувствуется недостача в портных?

— Вооруженные Силы Ассарта обеспечены всем, что им нужно, Ваше Всемогущество!

— В таком случае,— провозгласил Властелин,— приказываю: немедленно пришить последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата!

— Будет исполнено! — услышал в ответ он — и все, кто был на площади, а также наблюдал за церемонией, сидя, стоя или лежа у телевизоров.

И торжественное действие началось. Тот из безоружных военных, что нес кожаную шкатулку, плавным движением открыл ее и осторожно, словно драгоценность, извлек необходимую пуговицу. Она была начищена не хуже, чем все те, кто были пришиты к мундиру заранее. Второй военный расстегнул свою сумку и

достал из нее сантиметр и пластинку мела. Подойдя к не шелохнувшемуся солдату (у которого только лицо побагровело от сознания важности церемониала и гордости за свое в нем участие), представитель искусного племени военных портных тщательно измерил сантиметром расстояние имевшейся непарной пуговицы от нижнего края фалды и от заднего разреза. Отыскав искомую точку, он пометил ее прикосновением мела.

Пока он производил столь важные предварительные действия, второй портной, также раскрыв свою сумку, вооружился иглой и катушкой прочнейших военных ниток, а также ножницами. Отмотав нужной длины нитку, он уверенным движением вооруженных ножницами пальцев отрезал ее, и, сунув ножницы, как и катушку, обратно в сумку, поднял на уровень глаз руки, в которых держал — в левой иглу, а в правой — нитку, и одним неуловимым и точным движением вдел нитку в игольное ушко.

Затем измеритель сделал два шага назад, пришиватель же, напротив, два шага вперед и занял место, на котором прежде стоял измеритель. А тот в это время проделал ловкую эволюцию и снова оказался близ солдатской спины, но уже левее. После чего изящным, но решительным движением взялся обеими руками за фалду, приподнял ее и одновременно растянул. Пришиватель, не выпуская из рук иглы, склонился, готовый к работе.

Тогда пришел в движение тот из портных, что хранил пуговицу. Он также приблизился, приложил пуговицу к намеченной мелом точке и, как и двое его товарищей по оружию, как бы окаменел.

— Ваше Всемогущество, разрешите приступать? — испросил позволения генерал, стоявший на правом фланге начальственной шеренги.

— Разрешаю!

Получив таким образом свободу действий, правый генерал незамедлительно обратился к другому, что стоял на левом фланге.

— Прикажите шить!

Генерал набрал в легкие побольше воздуха.

— Слушай мою команду!..— раскатилось над площадью и над всей державой, и человечество замерло в горячем нетерпении.

— Последнюю пуговицу к мундиру последнего солдата!..

Напряжение становилось воистину невыносимым. И тут, как гром в засуху, как высшее откровение, прозвучало одно-единственное, но такое нужное в тот миг краткое слово:

— Шить!

И — в который уже раз сегодня — звуки разлетелись из-под барабанных палочек. В толпе раздались ликующие выкрики. Портной-пришиватель с коротким выдохом вонзил иглу в ткань мундира решительным движением, каким, наверное, погрузил бы клинок

кинжала в грудь неприятеля в рукопашной схватке. Игла скрылась из глаз, но в следующую долю секунды снова взлетела — и опять устремилась вниз, причем на пути и туда, и обратно она неукоснительно пронзала не только ткань, но и ушко пуговицы, чье отсутствие так задержало победоносную войну.

Ровно двенадцать раз просверкала игла. Затем пришиватель сделал руками еще несколько неуловимых профессиональных движений, закрепляя нитку, а измеритель, уже стоявший наготове с раскрытыми ножницами, отсек остаток вместе с иглой, отпустил фалду и для верности потянул за пуговицу.

Пуговица держалась прочно.

Тогда измеритель повернулся к генералам, сделав четкое «Кругом!»:

— Разрешите доложить: ваше приказание выполнено, пуговица пришита!

Генеральский доклад не заставил себя ждать:

— Ваше Всемогущество, Властелин и Верховный Главнокомандующий! Почтительно докладываю: во исполнение вашего приказа Последняя пуговица к мундиру последнего солдата — пришита!

— Благодарю за службу!

Властелин снова повернулся к народу.

— Соотечественники! Теперь Ассарт совершенно готов к выполнению своей высокой миссии! Поздравляю наши Вооруженные силы, поздравляю всех вас! К победе! Ура!

Ураган поднялся над площадью, извержение, космический катаклизм! Рев был таким, что оркестра совершенно не было слышно, хотя каждый видел, как усердно музыканты надували щеки.

Ритуал был совершен. Теперь начиналось народное гулянье, и моторизованные лавки и киоски уже подкатывали к площади со всех сторон одновременно.

Служители сноровисто разобрали опустевшую площадку. Солдаты и портные промаршировали через площадь в обратном направлении, погрузились в машину и отправились к месту прохождения службы. Балкон, вслед за Властелином и Супругой власти, покинули и все, там присутствовавшие. Последними ушли тарменары своим стелющимся шагом.

Войска в точках накопления начали погрузку на корабли.

7

Люди, как правило, находятся в опасности — не в одной, так в другой. И, как правило, об этом не знают. Те, кому угроза известна, предпочитают людей не информировать. Людей, может быть, и любят, но им не всегда верят.

Ну что же; может быть, это и правильно. Люди продолжают заниматься своими делами, и это — лучшее, что они могут сделать.

Уве-Йорген медленно, с расстановкой, вытер руки и швырнул грязный конец в ведро.

— Ну, кажется, готово,— сказал он. В его голосе звучало удовлетворение.

— Жаль,— откликнулся Георгий,— что нельзя провести испытание.

— Мне тоже жаль. Но это не та игра, которую играют в открытую. Мы даже не знаем, в конце концов, кто наш союзник, и кто — противник.

— Вернее сказать — чьи мы союзники.

— Пусть так. Что же, осталось последнее: привести в порядок жилую палубу. Как-никак, на борту могут оказаться даже женщины. Причем — привыкшие к удобствам. Так что придется поработать. Хотя, признаться, в этой области я не чувствую себя уверенно.

— Я еще менее. Но все же — попытаемся, по своему разумению.

— За дело, воин: время уходит. Глянь на задний экран: последние корабли Властелина вытягиваются на стартовые...

Последние корабли экскадр Ассарта и в самом деле вытягивались на стартовые позиции. Однако один еще находился на планете. Таким было распоряжение Властелина.

То был корабль, на котором, кроме других, находился и тот атмосферный штурмовик, что самим своим существованием не так давно помог Властелину одолеть нахлынувшую было тоску.

Теперь, когда машина эта вместе с ее пилотом отправлялась в бои, Изару захотелось проводить их обоих самому. Несмотря на множество дел, он нашел для этого время.

Ответив на положенные по уставу приветствия, он неторопливо прошел вдоль строя пилотов и командиров, пожимая руку каждому. А когда дошел до того летчика, на чьем месте сидел в ту ночь,— не удержался и обнял его.

Пилот даже растерялся, потому что таких ситуаций уставом не предусматривалось. И не сделал никакого встречного движения, но продолжал держать руки по швам. Однако Властелину и не был нужен ответ.

— В лице одного из вас, такого же, как все вы,— сказал он громко, отступив на несколько шагов,— я прощаюсь с каждым и желаю славных дней и уверенных побед. Обещаю: когда полк возвратится с победой, я встречу вас на этом самом месте.

Он сделал паузу.

— Надеюсь, верю, что и тогда увижу в этом строю каждого из вас!

Властелин повернулся к Острию полка:

— Начинайте погрузку.

— К погрузке! — незамедлительно прозвучала команда.— Направо! К назначенным люкам! Шагом — марш! Бегом!

Властелин еще с минуту постоял на опустевшем плацу. Круто повернулся и направился к выходу.

Перед тем, как сесть в машину, он спросил адъютанта:

— Мое распоряжение относительно Жемчужины Власти выполнено?

— Да, Ваше Всемогущество! Разумеется, Ваше Всемогущество! Передвижение Жемчужины ограничено, у всех выходов поставлены караулы.

— Хорошо.

Он уселся, адъютант захлопнул дверцу и сел впереди.

Машина тронулась, за ней — другие, с охраной.

Война началась. Теперь уже ничего нельзя было изменить.

Здесь было не так уж плохо. Только одиноко и тоскливо. И не хватало простора, хотя бы улицы, хотя бы внутреннего дворика, какой был у нее дома. Деревьев. Птиц. Воздух, правда, был чистым, кондиционеры работали исправно.

Леза просила, чтобы поставили телевизор, но ей не обещали и на самом деле не поставили. Видимо, те, кто заточил ее здесь, не хотел, чтобы она знала о событиях, происходящих в мире.

Правда, книги ей пообещали — но тоже не принесли. Никаких. Наверное, просто забыли — у них, как Леза догадывалась, было много дел, куда более важных.

От нечего делать она притащила из комнаты с полками и шкафами одну из картонных коробок с бумагами. Осторожно стерев пыль, открыла. И начала читать бумаги — одну за другой.

Сначала занятие это показалось ей очень скучным. Но никакого другого не было. Потом возник интерес. А еще потом — ощущение, что с каждой прочитанной бумагой привычный мир, в котором она родилась и жила, немного изменялся. Иногда больше, иногда чуть-чуть, но изменялся. Вместо привычного мира возникал другой — новый, неожиданный, интересный.

Вскоре она уже не жалела об отсутствии телевизора и книг. Ящики и связки старых бумаг с успехом заменили ей и то, и другое.

Жаль только, что не с кем было поговорить о прочитанном, поделиться возникавшими мыслями. Иногда ей казалось, что о ней совершенно забыли. Нет, еду приносили вовремя, еда была вкусной.

Но приносили какие-то совершенно ей незнакомые люди, ни один из которых так и не заговорил с ней — несмотря на то, что она пыталась вызвать их на беседу. Даже на вопросы о Властелине, о его здоровье, ей не отвечали. Но по взглядам, которые при этом люди бросали на нее, она понимала, что с Изаром ничего плохого не случилось: взгляды были спокойными, уверенными.

Приходилось ждать. Это она умела. Рано или поздно о ней вспомнят. У Изара станет поменьше дел...

А читать было очень интересно.

Интересно, что сказал бы о прочитанном муж Ястры? Ну, не муж, конечно, но... Как он тогда назвался? Да, Ульдемир. Все-таки с его стороны было невежливым — ни разу не заглянуть после того единственного визита.

Не то, чтобы ей хотелось увидеть его больше, чем других. Просто с ним она хоть немного поговорила, других же и вовсе не знала.

Но даже Ульдемир не приходил.

Не потому, правда, что был невежливым. Нет, бывал, конечно. Однако на этот раз, как мы знаем, причина была иной.

Он тоже находился под замком в одной из камер подвала, только в противоположном крыле Жилища Власти. В отличие от того помещения, куда заперли Лезу и которое, собственно, никогда для этой цели не использовалось и вообще уже давно ни для чего не использовалось, а когда-то, давным-давно, служило для работы с материалами особо тайного архива Власти, который располагался именно там, где Леза его и обнаружила. Лет, пожалуй, десять тому назад об этом архиве забыли, потому что скончался его хранитель, все собиравшийся привести его в порядок и описать; времена в ту пору были напряженными, они вообще редко не бывали напряженными, и назначить нового хранителя забыли; подвальный закоулок, в котором располагались и архивные помещения, давно никто не посещал — как раз потому, что к архиву непосвященным и приближаться было строго заказано. Посвященных не осталось, но непосвященные по-прежнему этих мест сторонились. Разве что Ульдемир этого не знал и в поисках места, удобного для сокрытия Лезы, случайно набрел. Но бумагами интересоваться не стал: не до того было.

А вот самого его водворили в камеру, которая именно для таких целей всегда и служила. Так что никаких материалов для чтения на досуге там не сыскать было.

Да и сам досуг — откуда ему взяться в такое время? То, что он сидел в камере, лишенный возможности передвигаться, встречаться с людьми, еще ничего не значило: сейчас главным было — думать, анализировать факты, строить планы действия для себя и

для каждого из команды. Потому что если не думать — то оставалось лишь тосковать. Не о свободе: капитан был уверен, что она придет очень скоро. И даже не о Ястре, хотя мысли о ней его порой согревали. Но — о той, которой больше не было в планетарной стадии, так что встречи с которой надо было ждать. И о той, маленькой, что осталась на Земле и не знает, куда он пропал, почему не показывается, не пишет, не звонит... Одним словом, было о чем тосковать. Но не нужно. И он думал, думал, думал и лишь недовольно поднимал голову, когда его беспокоили, принося немудреную — не такую, как у Ястры — еду.

Итак, Властелин не пожелал внять голосу здравого смысла. Не прислушался к сказанному. С ним очень хорошо поработали перед тем, как он принял Ульдемира. И дезинформация шла уже не по каналу Лезы. Значит, имелся запасной канал у Охранителя. Кто? Вероятнее всего — историк. Главный Композитор. Трудно, конечно, судить о том, ведает ли он, что творит, или его используют вглухую, как ту же Лезу. Очень приятная, кстати, женщина, везет Изару... Да, историк. Что же — надо передать ребятам, чтобы взялись за него.

Интересно, побывали они дома у Лезы? Что нашли?

Что делать теперь, когда война неизбежно начнется — а может быть, уже и началась? Как охранить от грозящих бед весь экипаж, Ястру, ребенка, которого она носит, Лезу — ее ведь могут, если потребуется, подставить те же, кто ее использовал — чтобы отвести удар от себя.

Видимо, придется покинуть планету — хотя бы на время, чтобы не подвергать никого лишним опасностям.

Как там с кораблем?

Было, было о чем поразмыслить.

Но вот — мешают...

Снова лязгнула дверь. Показался охранник — принес обед. Охраняла капитана избранная публика — из числа телохранителей Властелина. Те самые, что привели его сюда и заперли. Так что сейчас тоже появился один из шести. Поставил поднос, накрытый салфеткой, на столик.

— Ну как? — спросил капитан негромко.

— Сложно,— кратко ответил охранявший. И, покосившись на дверь добавил: — Но будь готов в любую минуту.

Капитан кивнул.

— Мне собраться недолго. Корабль?

— Все в порядке. Если не брать дам, было бы куда проще.

— Нет,— сказал капитан.

— Значит, нет,— согласился телохранитель Его Всемогущества Властелина.— Ладно, вывернемся. А вообще — женщины тебя погубят, Ульдемир.

— Нету той женщины,— сказал капитан невесело.— Ладно, иди. Не то спохватятся, чего доброго, подсадят тебя ко мне, а здесь и одному тесновато.

— Двоих им не удержать,— уверенно ответил Рука.— Они и тебя проворонят, а уж если нас будет двое...

Он кивнул, прощаясь, и пошел к двери. Обернулся:

— Что передать?

— Любовь и поцелуй. На словах поцелуй, понял?

— Нет,— сказал Рука.— Может, у тебя и дети от слов рождаются?

Пока капитан собирался с ответом, Рука вышел, и ключ, звякнув, повернулся в замке.

Не было той женщины, это верно.

Хотя вообще-то она была.

В пространстве, на исходной позиции, флагман эскадры мира Нельты, десантный крейсер высшего класса, обращался на установленной орбите, повинуясь закону тяготения. По корабельному времени была ночь, и все спали — кроме тех, кто стоял вахту и кому в этот час спать не полагалось.

Дежурный по центральному посту, средний офицер космического флота, сидел за пультом, облокотившись на его край локтями, положив подбородок на кулаки. Было спокойно и скучно.

Потом в рубку неслышными шагами вошла женщина. Она медленно прошла перед пультом, скользнула по среднему офицеру взглядом, затем с интересом принялась разглядывать экраны и приборы.

Офицер нахмурился. Протер глаза кулаками. На миг закрыл их. Когда открыл, женщина стояла около пульта управления огнем и трогала пальцем круглую клавишу залпового пуска.

— Э-э!..— забормотал офицер и замахал руками.— Нельзя! Не положено! Вы! Вы!..

Женщина не обратила на него никакого внимания, но и нажимать клавишу не стала. Она сделала еще несколько шагов, остановилась возле штурманского кресла, попробовала рукой — мягко ли, кажется, хотела даже присесть — но передумала. Офицер смотрел на нее, выкатив глаза, челюсть его отвисла. Он знал, что женщин на корабле не было и быть не могло. Надо было, конечно, броситься, схватить ее, поднять тревогу — но он лишь поворачивал голову, не в силах даже приподняться с места.

Наконец гостья снова обратила взгляд на вахтенного. На этот раз заметила его и даже улыбнулась.

И он тоже улыбнулся в ответ, сам того не сознавая — глупой, изумленной улыбкой.

Она сделала еще шаг, другой — и перестала быть в центральном посту.

Теперь офицер наконец встал. Он обошел пост, заглянул под каждое кресло, в каждый приборный шкаф. Женщины там не было. Он, однако, был уверен, что только что она тут была. Кажется, после нее остался даже слабый аромат духов.

Он покачал головой. Вытер лоб. Уселся на свое место. Придвинул к себе микрофон вахтенного журнала. Включил. Но, поразмыслив, выключил. Он понял, что фиксировать в записи появление тут женщины вряд ли стоит. Потому что за все отвечал он, дежурный. И обмолвись он о случившемся хоть полсловечком, его съедят без соли.

И еще он понял, что, если в начинающейся войне придется драться не только с Ассартом, но и с привидениями — добра не дождешься.

Хотя — может быть, то было доброе привидение? Или вообще не привидение?

Было, над чем подумать.

Среди экипажа крейсера офицер не знал такого смельчака, который расхрабрился бы настолько, чтобы протащить на борт женщину, твердо зная, что отправить ее обратно на планету не будет уже никакой возможности. Офицер и сам был не робкого десятка, однако о таком проступке даже и подумать было страшно.

А, собственно, думай — не думай, все равно было страшно.

«И кто это сочинил,— подумал он,— что военных привлекает война? Конечно, и среди нас попадаются дураки — но не до такой же степени...»

Не очень сознавая, что делает, офицер сполз с кресла на пол, преклонил колени и начал молиться.

— Господи,— бормотал он,— убедительно прошу тебя, умоляю: кто бы ни был виноват в этом, прости его и нас всех, если же это невозможно, потому что нарушение и в самом деле страшно велико — то покарай лишь его, а корабль пусть сохранится в целости и сохранности, и мы все на нем, не виноватые ни сном, ни духом... Пусть его разжалуют, или у него заболят зубы, или жена узнает о его проделках и устроит ему основательный скандал — потом, когда все мы вернемся на базу; но снизойди к моей просьбе — охрани и избави нас от ракет противника, и лазеров противника, и таранных ударов противника, и штурманских ошибок, и командирских ошибок, и всего, что грозит кораблям в пространстве, когда идет...

Мысли его прервались от пронзительного свиста: проснулся аппарат специальной связи. Полученные сигналы в тренированном мозгу офицера сами собой сложились в слова:

— Тревога! Приготовиться к разгону корабля! Доклад о полной готовности — через пятнадцать минут!

Он уже забыл про женщину и помнил только, что нужно включить внутреннюю сигнализацию срочного старта. Так он и сделал.

Продолжать обращение к Господу более не было времени.

8

— Я послал Элу в Нагор,— сказал Мастер Фермеру.— Она давно не выходила. Пусть освоится.

— А потом?

— Наверное, ей придется играть роль посыльного. Во всяком случае, до поры, когда мы сумеем нейтрализовать блокаду.

— У тебя есть какие-то планы на этот счет?

— Весьма условные. Прежде, чем мы поймем, как им удалось изолировать нас, я ничего не смогу сделать.

— А как ты собираешься узнать?

— Думаю, ответ нужно искать на Заставе.

— Соваться в осиное гнездо? Очень большой риск. Кто рискнет? Или — кем осмелишься настолько рисковать ты?

Мастер пожал плечами.

— Выход есть только один,— ответил он после паузы.— Туда нельзя послать простого эмиссара: наверняка Охранитель принял меры от такого вторжения. Только Космический человек может рассчитывать пробраться туда — и вернуться.

— Опять Эла?

— Да.

— И твоя совесть спокойна?

— Нет, конечно. Однако... просто не вижу иной возможности.

— Есть ведь еще Пахарь.

— Да. Последний резерв.

— Почему же не он сейчас?

— Потому что я уверен: Эла сделает это лучше. У нее, я бы сказал, более эластичный ум.

— Пожалуй, так и есть. Но что можно установить на Заставе?

— По-моему, тут возможен только один вариант. Ведь ни ты, ни я при помощи доступных нам средств не смогли бы так полно заблокировать, скажем, ту же Заставу. Или, быть может, тебе известны какие-то способы, каких я не знаю?

Фермер отрицательно покачал головой.

— Так я и полагал,— кивнул Мастер.— Следовательно, если он все-таки сделал это, то в его распоряжении имеются какие-то другие возможности. Но это не может быть какое-нибудь новое умение. Воспользоваться личными качествами мог бы даже не человек Высоких сил, но лишь Высших. Значит, Охранитель пользуется чем-то... какими-то устройствами.

— Тебе известны такие?

— Нет. Но не забудь: он побывал во многих местах, где мы никогда не появлялись. Миры многообразны, человеческие способности тоже; где-то такие устройства, возможно, имеются.

— Но послушай, пользование какими-либо механизмами нам ведь не рекомендуется. Даже больше: не разрешено! Потому что пока мы применяем свои личные силы и умения, мы всегда чувствуем, где та грань, на которой следует остановиться. Мы ощущаем это собственным организмом, всеми нашими чувствами. Механизм же не одушевлен, и может вместо пользы принести вред!

— Это известно каждому из нас. Но тем не менее, Охранитель наверняка сделал это.

— Иными словами, признал свое бессилие в качестве существа нашего ранга?

— Да, он сам себя поставил на один уровень с людьми слабых возможностей. На одну ступень с людьми Планетарной стадии. Но если для них пользование механизмами в определенную пору развития является неизбежным, то для него...

— Ты прав, Мастер. Как знать... не предопределил ли он таким способом свою дальнейшую судьбу?

— Ну, она не зависит от наших желаний. Меня куда более интересует то, что Охранитель, поступая так, показывает и подставляет нам свое уязвимое место. Мы не можем нанести вред ему лично: он человек все-таки. Но что касается любого мертвого устройства...

— Да, тут у нас руки развязаны.

— Теперь ты понимаешь, что должна Эла искать на Заставе?

— Будем надеяться, что это окажется ей по силам.

— В этом я нимало не сомневаюсь. Я думаю о другом: лишь бы это обошлось для нее благополучно.

— Сообщений еще не было?

— Почему же. Она выходила на связь. Пока она резвилась на кораблях. Оказывается, там возникла коалиция против Ассарта. Война если и не началась, то начнется через считанные часы.

— Мы не можем предотвратить?

— Блокада...

— Проклятое положение! Остается только ждать.

— Пока — ничего другого.

— А твои люди там?

Мастер нахмурился.

— Пока я даже не знаю, живы ли они. Уверен, что они не сидят, сложа руки.

— Надеюсь, что с ними не произойдет ничего плохого.

— Я тоже. Хотя если некоторые мои предположения верны, то опасность грозит не только им. Полная гибель мироздания — вот чем грозят игры этого недоучки.

— Я тоже пришел к такому выводу — узнав, что сейчас наша Вселенная находится как раз в состоянии неустойчивости.

— Верно. Однако период этот приближается к концу. И у меня появилась уверенность в том, что его планы и расчеты каким-то образом связаны с неустойчивостью Мироздания — это первое, а второе — что он спешит. Видимо, хочет успеть совершить нечто, пока пора неустойчивости не закончилась. И я очень надеюсь на экипаж. На то, что они смогут хоть в чем-то, хоть немного тормозить действия Охранителя. Пока это все, на что можно рассчитывать... Думаю, что потеря времени — это то, что сейчас больше всего беспокоит нашего оппонента.

— Я предоставил тебе транспортный канал, Магистр, вовсе не для того, чтобы ты дневал и ночевал на Заставе. Твое место — там, на Ассарте. Кажется, я в подробностях объяснил тебе все, что ты должен делать.

— Безусловно, Охранитель. И думаю, что в следующий раз появлюсь здесь лишь после победоносного завершения операции. И то — лишь по твоему приглашению. Но сейчас...

— Ну, что же такое произошло сейчас?

— Мне важно убедиться, Охранитель, что Ферма не направляет сюда никаких дополнительных средств. Группа ее эмиссаров в моем представлении — бомба замедленного действия. Наверняка они что-то готовят. И едва лишь получат оттуда сигнал...

— Они не могут получить оттуда никакого сигнала.

— Вот в этом я и хотел бы убедиться.

— Хорошо. Пойдем.

Они вошли в дом, изнутри неожиданно просторный, но словно бы лишенный жизни — он казался необитаемым. Да и на самом деле в нем находилось очень мало людей. Поднялись на второй этаж. Прошли по коридору. Охранитель открыл дверь.

— Войди. Вот эта машина. На этом экране видно Мертвое Пространство. Видишь? Мрак без признаков чего бы то ни было...

— Разве? А мне почудилось, что там человек. Вот! Вот он! И в самом деле, показалось — во мгле мелькнул светлый силуэт.

— Там не может быть людей! — хрипло проговорил Охранитель.

— И все-таки мне показалось, что это был человек.

— Вот и мне тоже. Это загадочно. А значит — плохо. Потому что объяснение может быть только одно: кто-то другой пытается овладеть пространством. Или того хуже: уничтожить его. Но кому это по силам? Здесь, в этой части Вселенной — никому, кроме Мастера или Фермера.

— Следовательно, это был один из них.

— Ну, это поддается проверке: в моем распоряжении канал,

ведущий на Ферму.— Охранитель усмехнулся.— Он предназначался для их эмиссаров здесь. Однако пришлось их обидеть. Сейчас, сейчас... Увидим...

Впереди, в стороне от черной пустоты, заклубилось нечто — зеленоватый туман.

— Сейчас... Каналу нужно время, чтобы уравновеситься...

Понемногу облачко стало принимать определенные очертания.

— Ферма,— негромко проговорил Охранитель, и в голосе его одновременно прозвучали и зависть, и ненависть, и еще что-то — тоска, может быть? — Теперь ни слова: сейчас канал сфокусируется и они смогут услышать нас, если...

— И увидеть?

— Тсс!

Они увидели человека, стоявшего к ним спиной. Он был неподвижен — казалось, всматривался в другую часть Вселенной.

— Фермер,— одними губами изобразил Охранитель.— А вот и...

Другой человек приблизился, и они заговорили — не было слышно о чем.

Магистр схватил Охранителя за руку. Молча кивнул в сторону Черного Пространства:

— Я видел — он опять промелькнул там. Человек!

9

Между тем, наблюдавшие за Черным Пространством не ошиблись ни в первый, ни во второй раз.

В это пространство, где не может существовать жизнь в нашем понимании, и в самом деле проник некто.

Если справедливо то, что человеку вход в Черное Пространство заказан, то, вероятно, проникшего нельзя считать человеком. Или, быть может, уверенность Охранителя основывались на неверных представлениях?

Скажем так: Охранитель был близок к истине. Но его суждения не до конца совпадали с нею.

Его мысль оказалась бы значительно точнее, если бы он изложил ее так: в Черное Пространство не может проникнуть, как не в состоянии и завязать там какие-то связи, человек, находящийся на определенной стадии своего бесконечного, но многообразного бытия. А именно — пребывающий в планетарной стадии развития. Он слишком связан и в своих передвижениях, и в постижении великого множества существующих во Вселенных вещей и идей.

Все это он начинает обретать и постигать, лишь перейдя из планетарной стадии в следующую — космическую, на которой он ста-

новится из лица приземленного — существом, причастным к управлению Вселенной, к ее жизни и развитию.

Правда, только одной Вселенной — той, в которой он пребывает.

Эта стадия тоже конечна, хотя и неизмеримо более продолжительна по сравнению с предыдущей. Человек Космической стадии еще стеснен временем, еще зависит от него, хотя и не так жестко, как раньше.

Потом наступает стадия Многих миров. И наконец, стадия Универсальная, не имеющая никаких пределов.

Но при этом он продолжает оставаться человеком, то есть обособленной сущностью — если хочет, разумеется. Он свободен, и никто его к этому не вынуждает.

Он может, если хочет, сохранять — или снова принимать — свой традиционный облик, но отлично обходится и без него. В последнем случае он находится совсем в других взаимоотношениях с окружающей его средой: он независим от нее.

Человек, проникший в Черное Пространство, находился на Космической стадии развития. Он легко передвигался в не предназначенном для человеческой жизни пространстве, не испытывая ни малейшего страха. Тому, что составляет основу человека, ничего не надо бояться: нанести ему какой-то ущерб способны лишь самые высшие Силы. Они, однако, избегают этого, потому что назначение этих сил — не в причинении вреда, но напротив — в создании блага.

Человек внимательно прислушивался и всматривался. Он мог делать это, так как сохранил свой облик, а значит, и те механизмы, при помощи которых человек видит и слышит. Если бы он отбросил тело, сведения об окружающем мире поступали бы к нему по другим каналам. Человек предпочел сохранить привычные способы анализа. Возможно, потому, что они были для него привычными. Это может свидетельствовать лишь о том, что в Космическую стадию развития человек этот вступил недавно.

Однако, несмотря на то, что чувства его были напряжены до предела, долгое время человеку казалось, что здесь вообще ничего нельзя ни увидеть, ни услышать, ни ощутить каким-либо иным образом.

Немой мрак казался плотным, непроницаемым, как дикий черный утес. Настолько неуязвимым он представлялся, что, прежде чем сделать нужное движение и соприкоснуться с этим мраком, а потом и вступить в него, человек заколебался. Ему вдруг представилось, что мрак поглотит его и уже никогда не выпустит назад, в мир, где горели звезды, сияли туманности и жили люди.

Человек осторожно протянул руку и хотел прикоснуться к черному. Но рука не встретила сопротивления. Лишь в коже возникло

ощущение, как будто человек погрузил руку в прохладный, насыщенный газом источник.

Человек поспешно отдернул руку. Обернулся. Мир успокоительно светился за его спиной. Фронт мглы был неподвижен; однако звезды едва уловимо перемещались, и человек понял, что на самом деле мрак находится в движении, и он, человек, сейчас перемещается вместе с ним.

На всякий случай человек послал мысленный привет и свою любовь всем, кто был дорог ему и оставался в хорошем, звездном мироздании. Вздохнул и решительно двинулся вперед, чтобы утонуть во мраке.

Именно в это время пребывания в нерешительности он и был замечен глядевшими на Черное Пространство людьми Заставы.

Для того, чтобы войти во мрак, достаточно было лишь пожелать этого; таков способ передвижения людей Космической стадии.

Человек пожелал; и мрак мягко обнял его со всех сторон. Когда через минуту человек обернулся, за спиной уже не было звезд. Нигде не было ничего, кроме тьмы.

Во всяком случае, так ему показалось вначале.

Мгла, однако, не была тяжелой. Не налипала, не давила, не душила. Наоборот, передвигаться в ней было легко. Хотя не возникало уверенности в том, что ты действительно передвигаешься: во мраке не существовало никаких ориентиров, по которым можно было бы судить о скорости и направлении движения.

Ощущение было как раз обратным: что сам ты неподвижен, зато окутывающая тебя мгла безостановочно проносится мимо, мчится без звука, без ветерка...

Понадобилось время, чтобы привыкнуть к этому впечатлению и признать, что оно, наверное, является нормальным; потому что ничего не происходило — только мчалась куда-то мгла.

И только когда возникла уже какая-то привычка к этому состоянию, монолитная мгла понемногу стала — не то, чтобы исчезать, нет, она оставалась столь же непроницаемой, и все же начала как-то расслаиваться. Вернее, во мраке стали выделяться какие-то различимые структуры. Они были так же беспросветны и как будто ничем не отграничивались от окружающего мрака; и тем не менее, откуда-то появилась полная уверенность в том, что они действительно существуют.

По-прежнему управляя своими чувствами, человек продолжал углубляться в пространство мрака. Во всяком случае, так ему казалось.

Мрак вместе с включенными в него структурами продолжал нестись мимо, неощутимо обтекая человека.

Потом дала трещину тишина.

Собственно, нельзя было назвать звуками то, что возникло в глу-

хом молчании. Наверное, человек в Планетарной стадии существования ничего не услышал бы даже при полном напряжении слуха. Нет, ни звуки то были — скорее, если можно так сказать, изображения звуков в сознании, проекция звуков на экране человеческого воображения.

Но так или иначе, в них что-то было; звуки или нет, но они несли в себе какую-то информацию.

Человек не сомневался в том, что их можно понять. Потому что различные языки и наречия — неотъемлемое свойство Планетарного человека, но уже в Космической стадии бытия потребность в них исчезает, поскольку на самом деле в мироздании существует единый язык, как существует и единая истина.

Итак, понять можно было, если и не сразу, то притерпевшись к этим неожиданным впечатлениям. Труднее было разделить воспринимаемое на отдельные слова — как трудно перевести на язык слов музыку. Однако человек, углубившийся во мрак, еще не привык обходиться без слов, и такой перевод для самого себя представлялся ему необходимым.

Наверное, прошло какое-то время, пока то, что он воспринимал, не стало раскладываться на отдельные части речи. Впрочем, за это трудно ручаться: со временем здесь было как-то не так. Логически рассуждая, оно должно было существовать и тут: вряд ли движение возможно без времени, не так ли? Однако порою нам кажется совершенно реальным то, чего быть, казалось бы, вообще не может; и наоборот, то, что несомненно существует, представляется нам невероятным. По-видимому, время здесь если и было, то какое-то не такое, не привычное по планетарному бытию.

Было ли время, или нет, но что-то неслышно звучало.

Хотя сначала появилось впечатление об источнике. Сигналы — назовем это так — поступали от тех самых структур, что проносились мимо человека, вкрапленные в массу мрака. Потом у человека сформировалось понятие интонации. То есть, она почувствовала, что ее о чем-то спрашивают.

Мы сказали — она?

Нет, это не оговорка. Потому что человеком, проникшим во мрак, была женщина.

Нам случалось встречать людей, сомневающихся, что разделение на мужчин и женщин продолжается и за пределами Планетарной стадии. Но это всего лишь заблуждение. Ибо корни этого разделения, которое многие полагают лишь узко функциональным, на самом деле столь же изначальны, как и существование материи в форме вещества и энергии и как существование материи вообще — и всеобъемлющего духа.

Однако мы здесь не собираемся доказывать столь очевидной истины, поскольку наша задача — лишь описывать факты.

Итак, это была женщина. И если бы ее мог увидеть капитан Ульдемир — он, без малейшего колебания, назвал бы ее одним из имен, под которыми она выступала в его жизни. Можно с уверенностью сказать, что прозвучало бы последнее из тех имен, что она принимала, а именно, то, под которым знали ее на планете, где завершилась первая стадия ее бытия.

А сейчас она находилась в глубине мрака и уже начала понимать, что темноту эту пронизывали вопросы, обращенные к ней. Впрочем, вопросы ли? На самом деле то был один и тот же вопрос — только конкретное содержание его менялось.

«Ты помнишь?..» — спрашивал кто-то беззвучно.

И тут же она увидела перед собой — реально, рельефно, многоцветно — то, что должна была помнить,— и помнила, конечно. Они ехали вдвоем на машине, шоссе бежало сквозь лес; обогнали запряженную лошадью телегу, ездок сидел к ним спиной, свесив ноги. Но не он был интересен, а совсем еще маленький жеребенок, легко бежавший рядом — шоколадного цвета, блестящий, красивый. «Коник! — закричала тогда она.— Ой, коник!» Она никогда раньше не видела жеребят — на Ферме их, естественно, не было; Ульдемир засмеялся, телега свернула с магистрали направо — и все скрылось. Конечно, она помнила.

«А помнишь?..»

На этот раз то была их дача, июльский вечер, горячий, сухой, расслабляющий. Она сидела на крыльце, обнимая дочку — совсем еще маленькую, уже засыпающую. Закат отражался от сосновых стволов тяжелым золотым светом. Ульдемир был рядом, в двух шагах, и смотрел на них обеих так, словно кроме них в мире ничего не существовало и не должно было существовать. И она вдруг испытала странное ощущение достаточности всего, что в тот миг было; ощущение счастья.

«А вот это помнишь?..»

Эла спохватилась: она больше не двигалась во мраке, невольно остановилась, как бы боясь движением прогнать возникающие картины ее планетарной жизни — быть может, навсегда спугнуть. Как и в тот вечер на крыльце, сейчас пропало желание двигаться, казалось, так и нужно проводить все необъятное время, которое еще было впереди: в неподвижном просмотре той жизни, в которой — пусть не всегда, конечно, но все же бывало так неповторимо хорошо.

Неподвижность.

Вот оно что! — поняла она.— Пространство стремится остановить ее, сковать. Сделать безопасной. Может быть, оно ничего плохого не имело в виду, это пространство, называемое почему-то мертвым. Может быть, оно для того и существовало — чтобы останавливать, успокаивать, усыплять.

Но разве для этого она оказалась здесь?

Пришлось сделать усилие, неимоверное усилие, чтобы отказаться от очередного воспоминания. Нет, не насовсем отказаться; когда все неурядицы закончатся, она, быть может, вернется сюда, чтобы вспоминать, вспоминать без конца. Если, конечно, это пространство к тому времени еще сохранится. Но не сейчас. Она пожелала покинуть мрак. И вскоре впереди забрезжили звезды.

Привычный мир показался ей теплым, хотя приборы сказали бы, что это далеко не так.

Наверное, сейчас довало вернуться на Ферму и рассказать Мастеру обо всем, что она видела, пережила и передумала.

Однако в этой Вселенной время уходило безвозвратно. И женщину испугала мысль, что, пока она будет разговаривать с Мастером и Фермером, в звездном скоплении, на восемнадцати обитаемых планетах и в пространстве, разделяющем их, множество людей, успевших использовать лишь малую часть времени, которым они были наделены, погибнут — чтобы оставшаяся часть их времени была использована для расширения мрака и приближения конца.

Она понимала, что является всего лишь эмиссаром и не обладает и малой долей того могущества, какое было необходимо, чтобы помешать уже назревшим там событиям совершиться.

Рассудок говорил так. Однако она была раньше и оставалась теперь ненужной. То есть существом, в решениях которого чувства играли не меньшую, а порой и куда большую роль.

И женщина решила, что в первую очередь ей нужно отправиться туда, где можно было бы вмешаться в происходящее, а не туда, где за ним можно будет лишь наблюдать со стороны.

Возможно, были у нее и другие причины, касавшиеся только ее самой.

Человек в Космической стадии сохраняет и память, и чувства. В дальнейшем они уже не играют в его существовании такой роли, хотя никогда не исчезают бесследно. Просто впоследствии меняется отношение к ним.

Но до этой стадии ей было еще очень далеко.

Человеку Космической стадии, ей не были нужны для передвижения специальные каналы, как не нужны дороги, чтобы пересечь поросшую пахучими травами и яркими цветами поляну.

Она без труда определила направление (такое умение пришло к ней само собой) и наметила точку, из которой можно было бы хорошо видеть Ассарт — прежде, чем высадиться на него.

Чтобы добраться туда, ей достаточно было лишь пожелать.

Однако уже в следующее мгновение она передумала.

Она не знала еще, какая роль в предстоящих событиях была отведена Ассарту и его Властелину и какая — другим планетам и их вооруженным силам. Но ей было ясно, что и на Ассарте, и на планетах могли находиться, в лучшем случае, исполнители. Чело-

века, знавшего тайну пространства, она там не найдет. Но именно он и был главной опасностью.

Ей, как и каждому из людей Мастера, было известно о существовании Заставы. Оставалось только отыскать ее.

Людям, лишь недавно начавшим выходить в Пространство, кажется, что в нем нет никаких указателей, какие смогли бы помочь в обнаружении предмета, координаты которого неизвестны. Точно так же человеку, не привыкшему к лесной жизни, кажется, что невозможно выйти, скажем, к охотничьей избушке, если ты заблудился и ее местонахождение тебе точно не известно.

На самом деле Пространство, как и лес, полно указателей, хотя воспользоваться ими может только человек, знающий их простой, не непривычный для большинства язык.

Женщина уже давно постигла язык Пространства — хотя, может быть, и не во всей полноте. Во всяком случае, для того, чтобы отыскать путь к Заставе, ее знаний было достаточно.

Никто не поручал ей вести переговоры с Охранителем. Но она решила предпринять такую попытку на свой страх и риск. Охранитель, узнав, что и сущность его действий, и их мотивы стали известны, мог отказаться от своего замысла, потому что подобные планы удается реализовать лишь в тех случаях, когда они до самого конца остаются неизвестными большинству людей.

Конечно, Охранитель мог и не внять голосу здравого смысла. Но попробовать, во всяком случае, стоило.

К цели она приближалась осторожно. Некоторое время наблюдала за ней издали. Но на Заставе не было заметно никакого движения.

Тогда Эла решилась и, проскользнув серебристым облачком, вскоре уже стояла на черном песке, близ приземистого дома.

Застава казалась вымершей.

Зная, что в таком виде — бесфигурном — ее вряд ли кто-нибудь заметит, если даже люди и попадутся навстречу, она проникла в дом и обошла его, комнату за комнатой.

В большинстве из них не было ничего, что привлекло бы ее внимание. Дом был оборудован бедно, было ясно, что это лишь временное пристанище, в отличие от Фермы, где жили постоянно. Большинство комнат было приспособлено лишь для отдыха; здесь можно было разместить пятнадцать-двадцать человек, если бы дела потребовали их присутствия на протяжении нескольких дней.

Лишь одно помещение на первом этаже было обставлено иначе. Чувствовалось, что обитатель его привык относиться к себе с большим вниманием и нежностью. Наверное, то был сам Охранитель.

Это само по себе тоже не представляло особого интереса. Но в соседней комнате, служащей, очевидно, рабочим местом, Эла обнаружила нечто, сразу привлекшее ее внимание. Чтобы получше раз-

глядеть заинтересовавший ее предмет, Эла даже решила воплотиться, стать телом, чтобы обрести нормальное человеческое зрение.

То был лежавший на столе подробный план какого-то города. В центре его был изображен кружок, перечеркнутый крест-накрест.

Эла всмотрелась. Кружок с крестом был нанесен поверх тесной группы зданий. Впрочем, может быть, это было лишь одно здание, но обладающее очень сложной планировкой.

Перекрещенный кружок — это Эла давно знала — был знаком, предупреждающим о большой, очень большой, страшной опасности. Он употреблялся очень редко, но был известен каждому на Ферме — и не только.

На плане не было ни единой надписи, которая позволяла бы понять, какой именно город на нем изображен.

Однако Эла, человек Космической стадии, и не нуждалась в надписях. Она знала, что каждая вещь, созданная разумным существом, хранит в себе и свое имя, и принцип действия, и назначение — все то, что было в мыслях человека, когда он изготовлял этот предмет. Каждая вещь могла подробно рассказать о себе — надо было только уметь спросить ее. Люди Планетарной стадии этим умением не обладали, но у Элы оно теперь было.

Она спросила — и без труда выяснила, что город назывался Сомонт и находился на планете Ассарт. А место, отмеченное знаком страшной опасности, являлось резиденцией правителей Ассарта. План сообщил даже название этой резиденции: Жилище Власти.

Эле понадобилось несколько секунд, чтобы надолго запечатлеть в памяти этот план со всеми его подробностями — чтобы потом не описывать его Мастеру, но просто воспроизвести и показать.

Решив, что она увидела здесь все, что нужно было, она не стала задерживаться. И вскоре Застава осталась далеко позади.

Она не поднялась на второй этаж; сделай она это — и Эла обнаружила бы странную машину, находившуюся в одной из комнат. Это открытие оказалось бы, возможно, даже важнее найденного ею плана.

Но она не сделала этого и растворилась в пространстве.

Она сделала это как раз вовремя. Потому что в следующую минуту на Заставе появился Охранитель. Встревоженный появлением неизвестного человека в мертвом пространстве, он летал туда, чтобы поймать пришельца и вывести его из игры.

Вернувшись на Заставу, он обнаружил ясные следы непрошенного посетителя уже на своей территории. Он расценил это как признак того, что Ферма пытается начать активные действия против него.

Волнуясь, он взбежал наверх, к машине. Но она оказалась в полном порядке. И Охранитель несколько успокоился.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Наверное, со стороны это выглядело красиво. Той красотой, от которой почему-то делается немного не по себе.

Возможно, тут немалую роль играет неожиданность. Представьте: вы наблюдаете — и не видите ничего, кроме совершенно пустого пространства — конечно, пустого лишь по нашему восприятию, но ведь для нас только оно и важно. И внезапно в нем возникает корабль, военный космический крейсер, сложная конструкция из сферических корпусов, длинных соединительных коридоров, широко распахнутых, непрерывно пошевеливающихся антенн, параболических ходовых зеркал и еще всякой всячины, которой мы не знаем даже названий. Это выглядит неестественно, необъяснимо — точно так же, как для нас выглядело бы само сотворение мира в результате одного лишь движения Высшей силы.

А ведь это появился, вынырнул из сопространства после прыжка всего лишь один корабль. Если же возникает из ничего целая эскадра, впечатление становится намного сильнее.

Наблюдатели, обозревавшие пространство в центральной области звездного скопления Нагор, увидели зрелище, еще более внушительное. Потому что для их глаза, просматривавшего все скопление Нагор, материализовалась сразу не одна лишь эскадра, но целых семнадцать.

У одного из наблюдателей это зрелище вызвало удовлетворенную усмешку. Двое других, в иной части нашего Мироздания, напротив, нахмурились.

Первый наблюдатель, правда, пробормотал, обращаясь к самому себе:

— И все-таки не опоздать они не могли!..

Вторые же — их было двое — обменялись репликами:

— Итак, они все-таки на позиции.

— Да. Но с запозданием.

— С очень небольшим. Вряд ли оно сыграет роль.

— Пока — нет. Но они накапливаются. И, я надеюсь, еще будут.

— Мы сейчас никак не можем повлиять на них?

— К сожалению, нет... .

Но вернемся к военным кораблям.

Выход из сопространства никогда не происходит — и не может происходить, даже теоретически — с совершенной точностью. Поэтому эскадры уходили в прыжок — каждая со своей позиции — предварительно сильно рассредоточившись, чтобы при возвращении в свое пространство избежать столкновений. Так что сейчас, завершив переход, они оказались разбросанными в пространстве на зна-

чительном удалении кораблей друг от друга. Убедившись, что переход прошел благополучно и ни кораблям, ни их экипажам не был причинен никакой ущерб, командующие эскадр отдали приказание своим капитанам — сближаться и занимать отведенные им места в боевом строю. Одновременно каждая эскадра устанавливала связь со всеми остальными, поскольку они не находились в пределах прямой видимости одна для другой, а также с Центром Коалиции, который должен был координировать действия всех эскадр и подавать нужные команды.

Перестроение кораблей в боевые порядки также произошло относительно благополучно — если не считать того, что оно потребовало больше времени, чем можно было предположить. Но в этом нет ничего удивительного. Флоты семнадцати миров скопления Нагор были созданы и обучены в первую очередь для оборонительных, а не наступательных действий, и операции такого рода были им в новинку, времени же для серьезной тренировки и военных учений им просто не дали. Так что адмиралам и капитанам приходилось решать новые для них задачи «с листа». Учитывая это, надо признать, что они справились совсем неплохо.

Впрочем, первый наблюдатель остался недоволен. Хотя ему это простительно: он никогда не был ни адмиралом, ни даже командиром крейсера.

Когда каждая эскадра упорядочила, наконец, построение своих кораблей, наступил следующий этап операции: каждая эскадра должна была найти в пространстве и занять точно установленное для нее место. С таким действием они тоже сталкивались впервые: при обычных операциях по патрулированию своего околопланетного пространства, а также при дружественных визитах в другие миры Нагора или в учебных походах такая точность вовсе не требовалась, потому что после выхода из сопространства не имело особого значения, по какой именно траектории пойдут корабли — был бы правильно рассчитан курс. Здесь же дело обстояло иначе.

Цель у всех семнадцати эскадр была одной и той же: целью являлся Ассарт. Сейчас, заняв позиции, которые в этой операции именовались промежуточными, эскадры могли, конечно, устремиться к Ассарту, развив полный ход в своем привычном пространстве. Однако в составе каждой эскадры были корабли разных классов, обладавшие различными тактико-техническими данными; и если во время сопространственного перехода их скорости уравнивались — тут на них работало само сопространство, в котором, как мы уже знаем, не существует времени, а следовательно, нет и самого понятия скорости,— то при действиях в обычном пространстве каждая эскадра двигалась бы, как легко понять, со скоростью самого тихоходного из своих кораблей. В результате переход занял бы так много времени, что оборонительные силы Ассарта успели бы не только за-

метить приближение противника, но и самим занять выгодные для его встречи позиции, а также привести в боевую готовность войска на поверхности планеты, что значительно затруднило бы предполагаемую высадку десантов или сделало ее вообще невозможной.

Следовательно, единственно выигрышным вариантом являлся именно тот, который Коалиции и предстояло осуществить: заняв с точностью до десятков метров свои места, корабли должны были снова совершить сопространственный прыжок — с тем, чтобы вторично возникнуть из ничего уже не то, что в пределах видимости, но в непосредственной близости планеты — и немедленно, не тратя более времени ни на какие уточнения и перестроения, приступить к высадке десантов и к уничтожению оборонительных кораблей Ассарта. Предполагалось, что главные силы воинственной планеты к тому времени сами уже отправятся в поход по семнадцати различным направлениям и будут находиться в сопространстве, где не смогут ни получить какую-либо информацию, ни тем более изменить курс на обратный, чтобы прийти на помощь своим немногочисленным и слабым кораблям защиты. План, как мы видим, был выигрышным, но выполнение его сулило множество сложностей, и в первую очередь — ту, что второй выход из сопространства предстояло осуществить буквально на пятачке, и уж тут так, чтобы избежать не только прямых столкновений (вероятность которых, по подсчетам, была необычно велика), но и просто путаницы, когда корабли разных эскадр, подчиненные разным командующим, могли оказаться в одном и том же районе пространства, и опять-таки потребовалось бы время, чтобы каждый из них нашел свой район и эскадры вновь обрели способность действовать слаженно и четко. Избежать подобных неприятностей можно было, лишь начиная переход из строго определенной точки и уходя в сопространство по точно рассчитанному и соблюдаемому курсу. Все это было непривычно и ново. Так что нет ничего удивительного в том, что и капитаны, и адмиралы, да и все экипажи изрядно волновались, готовясь к решающему броску,— а волнение, как известно, плохой помощник в делах, в которых требуются спокойствие и точность.

Спокойному, деловому настроению экипажей и даже командиров отнюдь не способствовало и еще одно обстоятельство. Совершенно непонятным образом по кораблям — и не одной какой-нибудь эскадры, но всей Коалиции — распространились странные и нелепые слухи о появлении на кораблях какой-то женщины, уже получившей в кубриках имя «Улыбающейся дамы». Согласно этим слухам, она совершенно неожиданно возникала то в центральных постах, то в кают-компаниях, то в кубриках, то у корабельных инженеров. Она была молода и красива, почти всегда улыбалась — правда, улыбкой не обязательно доброжелательной, ни с кем не разговаривала, но ко многим приближалась; она, как гласили те же слухи,

совершенно точно понимала все, что ей говорили — хотя охотников завести разговор с Улыбающейся дамой было не так-то много,— на сказанное реагировала изменением выражения лица, немногими жестами, при попытках вступить с нею в физический контакт могла тут же исчезнуть — но были якобы случаи, когда дама тут же появлялась снова в другом конце помещения; она внимательно читала показания приборов, что посторонним ни в коем случае не полагалось делать; однако не пыталась каким-либо образом повлиять на действия людей или на движение кораблей. Говорили, что один из младших офицеров некоего корабля (правда, названия тут приводились разные, что лишний раз свидетельствует о том, что все эти истории были высосаны из пальца и являлись обычной травлей, без какой не обходится ни на одном корабле) испугался до такой степени, увидев, что дама протягивает руку к пульту управления огнем крейсера, что выпустил в нее семь пуль из личного оружия — и без всякого успеха (шепотом прибавляли даже, что одна из пуль срикошетировала от переборки так неудачно, что поразила в плечо самого стрелка, которого пришлось подменить на вахте и отправить в госпитальный отсек). Командирами кораблей и командующими эскадр, а также старшими офицерами всех боевых единиц были приняты серьезные меры для искоренения вредоносных слухов — вплоть до чтения лекций о материализме как единственно верном философском учении. С глубоким сожалением мы должны отметить, что нижние чины кораблей, не возражая против материализма как такового, от веры в Улыбающуюся Даму нимало не отказывались, ибо, по их представлениям, она была не менее реальна, чем, скажем, командующий эскадрой. Однако проведенная работа все же увенчалась определенным успехом, заключавшимся в том, что о Даме перестали говорить громко и в присутствии командиров. Если уж быть совершенно откровенными, мы должны упомянуть и о том обстоятельстве, что сами старшие офицеры в Улыбающуюся Даму верили не меньше, а может быть, даже больше, чем их подчиненные — поскольку в офицерских каютах и кают-компаниях она появлялась даже чаще, чем среди нижних чинов. Одним словом, эти труднообъяснимые явления, как мы уже упоминали, никак не способствовали спокойствию и четкости действий экипажей по нахождению и занятию промежуточной позиции перед решающим броском на Ассарт.

Однако всему на свете бывает конец — в том числе и маневрам космических крейсеров. Нужные позиции были наконец заняты с большей или меньшей точностью — но командование убедилось, что более высокой точности достичь просто невозможно, потому что пока одни корабли, чуть дыша двигателями, уточняли свое местоположение, другие со своих мест сходили — хотя бы потому, что из-за близости кораблей друг к другу возникали неучтенные

гравитационные влияния. Так что в Центре Коалиции в конце концов решили уповать на Бога (не входя в обсуждение — какого именно, поскольку семнадцать миров обладали семнадцатью основными религиями и неучтенным количеством мелких конфессий) и дали команду на старт.

И вот только что оживленное, как воскресный базар, пространство вдруг заколебалось, семнадцать эскадр двинулись — и снова наблюдать можно было лишь равнодушную пустоту.

2

Ничто не утомляет так, как отдых.

К такому выводу я пришел, когда наступил третий день моего заключения. Действительно, условия для отдыха здесь были если и не первоклассными, то, во всяком случае, вполне приемлемыми. Было на чем спать и на чем сидеть, кормили неплохо, потому что за неимением специального тюремного хозяйства в Жилище Власти мне подавали все то, что готовилось для самого Властелина и его оравы; допросами мне не докучали — тот памятный разговор с Изаром так и остался единственным, потому что ему сейчас, надо полагать, было не до меня, а с другими мне и разговаривать было не о чем — или, если вдуматься, это им нечего было мне сказать. Соблюдалось и еще одно непременное условие настоящего отдыха: отсутствовали все и всяческие средства массовой информации, так что политика — основной источник нервного расстройства в любом обществе — для меня в эти дни оставалась совершенно черным ящиком. То есть все было, как по заказу, приспособлено для того, чтобы расслабиться и набраться сил для возможных — а я думал даже, что неизбежных — усилий и неприятностей.

И все же мне было не по себе. Чего-то не хватало. Сперва я думал, что Ястры. Потом, на миг представив ее в этих апартаментах, ясно понял: нет, не ее. Недоставало чего-то другого. Я слегка напрягся и сообразил: дела. Дела мне не хватало. Я, к сожалению, давно разучился отдыхать больше одного дня, и с этим ничего нельзя было поделать.

Придя к выводу, что мое пребывание здесь слишком уж затягивается, я мысленно произнес несколько неодобрительных слов в адрес Руки, который, вопреки обещаниям, после единственного визита сюда так ни разу и не показался. Впрочем, я ругал его не очень крепко, потому что понимал: в нынешней неопределенной обстановке и с ним каждую минуту могло произойти нечто подобное тому, что случилось со мной — а могло и намного похуже. Самым разумным было бы набраться терпения и ждать. Однако терпение здесь не выдавалось ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин, а преж-

ний мой скромный запас я успел уже целиком растратить. Так что терпеть я более не желал.

Тогда я нашел наконец подходящее для моего положения и достаточно увлекательное занятие, а именно — принялся обдумывать способы, при помощи которых можно было бы как можно скорее и надежнее выбраться отсюда — и так, чтобы по возможности никогда не возвращаться в эту гостеприимную, но уж очень надоевшую мне камеру.

Способов было множество, но выбрать из них подходящий оказалось делом очень затруднительным. Те, кто изобретал эти способы, явно не имели в виду меня и мое положение. Например, мне пришлось начисто отвергнуть вариант побега с перепиливанием оконной решетки. Причиной послужило полное отсутствие как пилящего инструмента, так и самой решетки, а равным образом и окна, которое она должна была украшать. Конечно, классическая литература рекомендует в таких случаях получать пилку или напильник в пироге или хлебе; но и то, и другое мне подавали в нарезанном виде, Ястра же не догадывалась, видимо, что просто обязана поддерживать меня передачами — видимо, она читала какую-то другую литературу, не ту, что я. Да и, откровенно говоря, я прекрасно понимал, что ей сейчас наверняка не до передач: не исключено, что и сама она находилась под арестом — пусть даже домашним. Властелин, насколько я мог судить, был на нее очень зол. Вообще-то его можно было понять, если захотеть. Другое дело, что я не хотел.

Другой способ побега заключался в том, чтобы вырубить стража, когда он доставит мне очередной поднос с кормежкой, переодеться (опять-таки по классическим образцам) в его униформу, засунуть его в бессознательном состоянии и в упакованном виде под койку, запереть камеру снаружи и, как ни в чем не бывало, выбраться на свет Божий. Этот вариант, как мне сперва показалось, лежал ближе к истине, потому что для его осуществления не требовались никакие передачи с воли: обе руки были при мне, пара ног — тоже, и умение ими пользоваться меня пока еще не оставило. То есть технически этот проект можно было реализовать — во всяком случае, его первую часть, Аллегро кон грациа. Но вот дальнейшее — Аллегро мольто виваче — как-то не очень конструировалось. Потому что я достаточно хорошо помнил путь, которым меня доставили сюда — по всем этажам и переходам,— и представлял, что прежде, чем обрести свободу действий, я должен буду миновать, самое малое, три запирающихся и охраняемых двери; причем охрана будет находиться не по мою, а по другую сторону каждой двери; охрана принадлежит к той же самой команде, что и тот парень, который принесет мне еду — и трудно предположить, что они примут меня за него и любезно отворят двери, чтобы позволить нокаутировать себя с первого удара. Нет, хотя в этом варианте что-то и было, но при тщательном

анализе он показался мне слишком уж сложным; а я всегда, начиная с первого класса начальной школы, предпочитал решать задачки в один, от силы в два вопроса, а вовсе не систему уравнений с тремя неизвестными, да еще под радикалом.

Что еще? Сделать подкоп? Но из орудий у меня были, как уже сказано, лишь руки, а для того, чтобы пробиться через бетонный пол, десять пальцев — не самый лучший инструмент.

Иными словами, могло показаться, что все классическое образование ничего не стоит, если не может подсказать верного способа выбраться из заключения. Однако классика всегда способна постоять за себя — если только сохранять верность ей. Так получилось и в моем случае. Классика все-таки помогла. Правда, не она одна, но еще и те разнообразные умения, какими меня наделили на Ферме, когда я проходил там ускоренный курс эмиссарских наук. Помню, тогда я сперва изрядно удивился тому, что эмиссар Мастера должен уметь не только вести сложные дипломатические переговоры на любом уровне, но и драться, и даже умирать. Да, между прочим, умирать меня там тоже научили. Правда, не более, чем на два часа; при нарушении этого срока смерть могла оказаться необратимым процессом, что в данной обстановке казалось мне преждевременным.

Итак, я решил умереть, как один из персонажей одного из великих романистов моей планеты (я имею в виду не Ассарт). С той лишь разницей, что там умер один, а ожил другой, я же намеревался объединить обе этих функции в собственном лице.

Для того, чтобы умереть по-настоящему, мне требовалось время. Подсчитав, я пришел к выводу, что лучшее время для смерти — примерно минут за сорок до обеда. Когда страж притащит свою палитру с закусками и прочим, я уже буду приятно прохладным на ощупь, да и все прочее будет именно таким, каким полагается.

Такое решение оставляло мне еще целый час на подготовку. Это только тем, кто не пробовал, кажется, что взять и помереть — так просто. Ничего подобного; во всяком случае, когда вы делаете это по собственной инициативе и с точным расчетом. Прежде всего, я выбрал место. Самым удобным казалась койка (я понимал, что некоторое время мне придется пролежать на одном и том же месте; на койке будет, по крайней мере, мягко), но, поразмыслив, я пришел к выводу, что это будет выглядеть слишком уж благополучно, а такое впечатление было мне ни к чему: я ничем не болел, не жаловался, так что умирать мне было вроде бы не с чего — однако для полного правдоподобия должна была существовать ясная и очевидная причина. Так что койку пришлось, хотя и не без сожаления, отвергнуть. Я решил, что умру на полу, возле стола. Я чуть было не сказал «на голом полу» — однако это было бы отступлением от истины, поскольку пол в моей камере был затянут ковром, хотя и не Бог весть

каким. Так что умереть мне предстояло около стола, лежа навзничь на коврике.

Именно около стола: он-то и должен был послужить орудием моего убийства — или, может быть, в данном случае уместнее сказать «самоубийства»? Человек падает; предположим, он пытался проделать какое-то гимнастическое упражнение, скажем, сделать сальто — и ему не повезло: он ударился виском об угол стола — и дело с концом. Несчастный случай. Я знал, что происшествие никого особенно не удивит: наверное, не было такого охранника, который не видел бы, как я разминался в камере несколько раз в день — просто так, от скуки и для поддержания тонуса. Так что — все ясно, все очень печально...

Найдя нужное место, я еще подумал относительно своей позы, в которой меня должны найти. Навзничь — да, красиво, но насколько убедительно? Поразмыслив, я решил, что изобретать здесь нечего: я просто сделаю сальто, не доведу его до конца, и как упаду — так уж и останусь лежать. Все должно быть естественным, даже смерть. Конечно, стукаться виском об стол я не собирался, это было совершенно не нужно.

Что же — можно и приступать. Я снял с себя все лишнее и остался в таком виде, в каком обычно проделывал свои упражнения. Сейчас главным было — чтобы никому не вздумалось нанести мне внеочередной визит; но я был уверен, что ничего подобного не случится. Тогда я уселся неподвижно и сосредоточился, создавая выразительный синяк, подкожную гематому в области левого виска, с небольшой, но достаточно заметной ссадиной в центре. Это довольно простое дело — для тех, кто обучен, все зависит от того, насколько вы владеете своим организмом — или просто состоите при нем. Я почти всю жизнь состоял при своем капризном организме — пока Мастер не заставил меня взять свое тело в свои руки.

Через несколько минут синяк уже красовался на выбранном для него месте. Он был не то, что совсем как настоящий — он и был настоящим, и любой врач не сказал бы ничего иного. Потом я разыграл все, как по нотам: размялся, сделал хорошее сальто, а второе неудачное и упал, как мне и полагалось.

Теперь оставалось главное: умереть.

Для этого прежде всего нужно было отвлечься от всего, что не имело прямого отношения к делу, и сосредоточиться. Умереть — хотя бы временно — дело серьезное. Не меняя позы, я закрыл глаза, приводя себя в нужное состояние. Когда почувствовал, что оно достигнуто, начал запасаться воздухом. Это вовсе не значит — раздуть легкие до предела: там его все равно хватит не более, чем на несколько минут, а мне нужно было набрать воздуха на два часа — предел моих возможностей. Для этого нужно растворить как можно больше воздуха в крови, а также зарядить им многие состав-

ные части организма — те, какие обычно в этом процессе не участвуют не потому, что не могут, а по той причине, что никто от них этого не требует. Делать это нужно с большой осторожностью, чтобы не нанести большего вреда, чем получить пользы. Я действовал тем осторожнее потому, что практика моя была ничтожной: на Ферме я умирал всего два раза — там решили, что с меня хватит, они, вернее всего, полагали, что на практике это умение вряд ли мне пригодится. Но вот — понадобилось...

Когда я понял, что воздуха во мне не меньше, чем в балллонах акваланга (хотя и не под тем давлением), пришло время перейти к главной части действия. И тут я вдруг понял, что боюсь. Просто боюсь. Мало ли что я делал там, на Ферме: там рядом были инструкторы, во все глаза наблюдавшие за мной и в любой момент готовые помочь: они-то знали, что происходящее со мной является процессом обратимым. А те, кто найдет меня здесь, будут уверены в противоположном, и не только не постараются мне помочь, но напротив — еще сделают что-нибудь такое, после чего не останется сомнений в моей смерти не только у других, но и у меня самого. Да и вообще — в одиночку умирать как-то намного тоскливее, чем на людях...

Но другого выхода я сейчас не видел. И в конце концов справился со страхом, усердно нашептывавшим мне, что сидеть здесь вовсе не так уж плохо, и можно терпеть еще неопределенно долгое количество времени. В конце концов, не мой это был мир, не мои проблемы тут решались, моя планета находилась далеко, и там у нас хватало своих вопросов. Страх порой находит очень убедительные аргументы. И поскольку добром его утихомирить оказалось невозможно, я грубо приказал ему заткнуться; от некоторой растерянности он умолк, а я тем временем решился и остановил сердце — в точности так, как меня учили. В конце концов, мне не впервые было умирать. Когда это случилось в первый раз, я очнулся в далеком будущем и полетел к звездам. Где-то я очнусь сейчас?.. Во второй раз меня разнесло в мелкие дребезги; интересно, не придется ли мне на этот раз собирать себя по кусочкам?

Вот такие веселые мысли посетили меня, пока угасало сознание и я более не мог его регулировать.

Потом я оказался в стороне и наверху — кажется, под самым потолком. С интересом полюбовался на мое тело, лежавшее внизу у стола в очень неудобной позе, и порадовался тому, что оно сейчас ничего не ощущает. Тело было ничего, вполне приличное, стыдиться его особо не приходилось. Только уж очень безжизненное какое-то. Мне стало обидно, что вот оно лежит, а никому и в голову не приходит поинтересоваться — как там тело заключенного Советника Жемчужины Власти — в порядке ли оно, не промахнулось ли оно, делая очередное сальто, не ударилось ли виском об угол стола... Нет, какие-то уж очень равнодушные, бесчувственные люди в Жилище Власти на планете Ассарт...

Однако вскоре мне пришлось изменить свое мнение о них. Сразу после того, как мне — бывшему мне — принесли обед. Интересно было смотреть, как страж совершенно спокойно вошел в камеру, неся поднос со всякими вкусными вещами (но мне почему-то совершенно не хотелось есть), увидел лежащее тело, вздрогнул, подбежал к столу почему-то на цыпочках — словно я спал,— освободился от подноса и наклонился ко мне. Он сделал все, что полагается в таких случаях. Поискал пульс на руке и на шее; поднял веко и заглянул мне в глаз — не мне, конечно, моему телу. Наконец из какого-то из своих многочисленных карманов вытащил зеркальце («Франт,— подумал я,— еще зеркальце с собой таскает!» Но стражник был молодым парнем — почему бы ему и не думать о своей внешности?) и поднес его к моему лицу — к губам, к носу. Тело не дышало; не для того я с ним столько работал. Стражник снова взял тело за руку — на этот раз с какой-то опаской, как хрупкую и неприятную на ощупь вещь. Я подумал, что уже можно почувствовать, что температура значительно упала, немного времени осталось и до окоченения. Парень, видимо, убедился в том, что тело больше не живет. И опрометью кинулся в коридор, даже не подумав запереть за собою дверь. Да и зачем, если разобраться?

Прошло еще немного времени — и в мою камеру набилось столько всякого народа, что трудно было понять, как они все там умещаются. Среди них были стражники, какие-то чиновники и, самое малое, два врача.

Некоторое время они мудрили над моими бренными останками, хотя не знаю, что там было раздумывать и пробовать. Но наконец пришли к единогласному выводу, что я мертв. Спросили бы меня — я бы сразу сказал им то же самое, и не пришлось бы терять столько времени. А время — не знаю, как им, а мне было дорого. Потому что прошло уже — я чувствовал это совершенно точно — никак не менее сорока пяти минут с момента моей смерти. Следовательно, я располагал еще лишь часом с четвертью — после чего пришлось бы либо оживать, либо умирать всерьез и надолго (не скажу «навсегда», потому что навсегда не умирают; надолго — да, это возможно). Я надеялся, что за это время меня вынесут отсюда куда-нибудь — где полагается пребывать покойникам до совершения печального ритуала. Я предполагал, что место это не будет охраняться столь бдительно, как эта часть Жилища Власти. Так что оттуда я смогу исчезнуть без особых трудностей — а им впоследствии останется лишь удивляться тому, что какой-то псих стащил мертвое тело для неизвестного употребления. Но все это, повторяю,— лишь в случае, если они со всеми своими делами уложатся в час пятнадцать... нет, теперь уже в один час десять минут.

Правда, констатировав смерть, они вроде бы зашевелились поактивнее. Сделали, я полагаю, несколько дюжин фотографий с раз-

ных точек; одновременно один из присутствовавших строчил протокол. Притащили носилки; тело подняли без особого почтения и положили на них. Стащили с моей же койки простыню и накрыли меня вместе с носилками. Я — тот, что наверху — почти совершенно успокоился: у меня оставалось еще пятьдесят пять минут, и за это время они куда-нибудь меня да принесут. Но тут-то и произошло самое неожиданное и опасное, о чем я почему-то вовремя не подумал. Хотя если бы и подумал — что изменилось бы?

Короче говоря — в камере появилась Ястра.

Нет, появилась — не то слово. Она вторглась, ворвалась, влетела со скоростью (и с температурой) добела раскаленного метеорита. Расшвыряла всех. Опустилась на колени у носилок. Сорвала и отбросила простыню. Уронила голову мне на грудь. И заплакала. Прочие потерлись около стенок и стали понемногу ускользать в дверь — вроде бы из чувства такта, чтобы не мешать Жемчужине переживать утрату; на самом же деле, полагал я — потому, что всякий обитатель Жилища Власти хорошо знал, что Супруга Власти бывает крута на расправу, так что лучше было не попадаться ей под руку, когда она находилась не в себе. А сейчас именно так и обстояло дело. Поэтому вскоре на месте происшествия остались только те, кому предстояло нести носилки, да еще один из медиков; но и они сгрудились у дверей с другой стороны, в коридоре, так что тут мы с Ястрой остались наедине.

Она плакала искренне, и мне было очень жалко ее. Я ругал себя за то, что не подумал о ней, когда замыслил применить такой вот способ освобождения. Может быть, полагал само собою разумеющимся, что печальная весть дойдет до нее лишь после того, как я освобожусь — честное слово, я рассчитывал, что как-то смогу ее предупредить, да и вообще я надеялся в первую очередь спрятаться у нее, в наших с нею апартаментах, а потом уже найти удобный случай выскользнуть из этого дома вообще. Но сейчас все эти идеи и сожаления были ни к чему. Ястра плакала, а время шло.

И тут я вдруг подумал: а так ли уж мне хочется возвратиться в это мое тело?

В самом деле. Оно не так уж мало пожило на свете. Повидало и почувствовало всякого. Конечно, я привык к нему, мне было в нем не так уж и плохо; однако все равно ведь придется расставаться с ним, теперь уже скорее чуть раньше, чем чуть позже. Так стоит ли подвергать его — и себя — еще каким-то дополнительным переживаниям, передрягам, неудобствам — когда сейчас я все сделал наилучшим образом, и единственное, что мне осталось совершить — это не возвращаться в свой организм. И все.

И сразу — к чертям все заботы, которые мешали мне спокойно существовать. Не мои заботы к тому же. Чужие.

Итак?..

Ястра прощается со мной. Вот сейчас. Для нее я умер. И вряд ли смогу воскреснуть. Все-таки, как правило, люди умирают единожды. Я — исключение. Вряд ли мне нужно подвергать ее излишним потрясениям. И, с другой стороны, ничто больше не помешает мне снова встретиться с Элой. С единственной и всеобъемлющей.

Так ли уж ничто? — подумал я.— Но Мастер, кажется, не напрасно предупреждал меня? Он может помешать.

Он рассчитывает на меня — а я выйду из борьбы и тем самым подведу его. И то дело, которым он занят.

А Мастер не занимается пустяками.

И еще. Ястра — сейчас, тут — останется без защиты. Никто не будет стоять рядом с ней, как все последнее время — со дня нашей встречи — стоял я. И никто не закроет ее от удара.

Нет,— подумал я.— Конечно, уйти сейчас было бы очень приятно. Но не по-мужски. Мужское и приятное — совсем разные вещи.

Нет, капитан. Нет. Такой выход — не для тебя. Разве ради этого тебя дважды вытаскивали из небытия?

Нет. Придется тебе влезть в свою старую барабанную шкуру. И пусть жизнь отстучит на ней еще пару-другую маршей.

Сколько у меня остается времени? Четверть часа.

Но, к счастью, носилки с моим телом уже подняли. И несут. Миновали одну охраняемую дверь. Вторую. Третью. Прекрасно. Вот я и вышел из-под охраны.

Постой, а куда, собственно, меня несут? И почему Ястра идет не позади носилок, как приличествовало бы, а впереди?

Однако, знакомые места, знакомый коридор...

О! Мы же направляемся прямо в наше крыло Жилища Власти! В апартаменты Ястры. И, кстати, мои тоже.

Ну, и что же в этом удивительного? Неужели можно было подумать, что Ястра позволит, чтобы меня похоронили, как неизвестного бродягу? Я же, как-никак, Советник, царедворец высокого ранга. Может быть, уже и герцог? И во всяком случае, ее — ну, скажем, очень близкий человек.

Естественно, что она хочет, чтобы прощание со мной было обставлено должным образом. И поэтому моему телу полагается лежать не где-нибудь, а в самой большой и соответственно убранной комнате ее половины.

Прямо жалко становится, что мне не придется этим полюбоваться. Потому что времени у меня уже почти не осталось. Считанные минуты.

Интересно, куда меня сейчас положат? Ага: занесли в мою комнату. Тело уложили на мою же кровать. Очень любезно.

Гони, гони их, Ястра! Вот так, молодец. Теперь закрой дверь поплотнее. Ага, ты и сама выходишь? Наверное, чтобы отдать не-

обходимые распоряжения. Напрасные хлопоты. Мне, право, жаль, что я доставил тебе столько излишних волнений.

Ну, вот и время...

Почему-то сначала было очень трудно дышать. И кружилась голова. Но я заставил себя спустить ноги с постели и сесть. Несколько минут я приноравливался к новым — вернее, старым, но сейчас новым ощущениям. Не думал, что от своего тела можно отвыкнуть так быстро. Теперь придется привыкать заново.

Надо поспешить. Потому что самым лучшим было бы — исчезнуть, пока никто не пришел. Даже Ястра. Если она увидит меня воскресшим, то наверняка — не упадет в обморок, нет, этого с нею, насколько я знаю, не бывает, но уж завизжит обязательно. И поднимет на ноги весь дом. После чего меня в лучшем случае опять посадят. А в худшем — примут за порождение нечистой силы и начнут стрелять. Но не ради этого ведь я возвратился в свою бренную оболочку!

Медленно-медленно восстанавливается температура. И мысли текут как-то тяжело, вязкие, как смола. Вне тела думается намного легче.

Шаги в коридоре. Ее шаги. Наверное, надо снова лечь. Чтобы она хоть не начала визжать с порога. И потом сделать вид, что медленно-медленно прихожу в себя. Что, кстати, будет весьма недалеко от истины.

Я едва успел плюхнуться на кровать, когда она вошла. Придвинула стул к кровати. Села. И застыла.

Все-таки очень тяжело причинять близкой женщине столько горя.

Прошло минут пять полной неподвижности. Потом я не утерпел и чуть-чуть приоткрыл глаза.

И встретился прямо с ее взглядом. Нет, он не выражал ни горя, ни растерянности. Взгляд был пристальным и спокойным, а на губах Ястры играла легкая усмешка, не сулившая мне ничего доброго.

Когда она увидела, что мои ресницы дрогнули, она сказала совершенно спокойным, будничным голосом:

— Ну, вставай, вставай. Не то дождешься пролежней.

Ничего другого не оставалось. Я сел на кровати.

— Ах ты, комедиант задрипанный,— сказала Жемчужина и Супруга Власти мира Ассарт.

После этого она дала мне пощечину. Крепкую, от всей души. Потом поцеловала. Засмеялась. Выдала по второй щеке. И снова поцеловала.

— Ну, хватит, хватит,— сказал я.— Хорошего понемножку. Нет, целовать можешь и дальше. Эх, ты. Могла бы и еще поплакать.

— А я и плакала,— сказала она.— Пока не поняла, что все это — твои штучки.

— Как же ты это поняла?

— Именно потому, что долго плакала.

Я напрягся и понял. Она ревела, лежа головой на моей груди. Значит, я остановил сердце все-таки не до конца, и раз в минуту или две оно сокращалось. Ни один врач не станет выслушивать покойника две минуты. А Ястра не спешила. И уловила этот единственный, быть может, стук. Нет, с женщинами хитрить бесполезно, это я давно понял.

Но все-таки не удержался и спросил:

— Но если ты поняла, что я жив... почему не сказала им?

— Потому что поняла: так тебе нужно.

— Разве ты знала, что я умею умирать?

— Я о тебе знаю все на свете,— сказала она.

— Откуда?

— Да от тебя же. Великая Рыба! Если бы ты знал, как много говоришь всякого, когда...

Тут она ухитрилась несколько покраснеть. Я просто не мог не поцеловать ее. Через некоторое время Ястра сказала:

— Ну, не будем терять времени.

— Что ты намерена делать?

— Не я, а ты. Уезжать немедленно.

— Здесь нельзя укрыться?

— Сейчас — нет. Я ведь сама под арестом. Изар сменил всю охрану. Теперь кругом — его люди. Твоих среди них нет.

— Где они?

— Точно не знаю. Они не настолько мне доверяли, чтобы... Но насколько могу судить, местом вашего сбора назначен ваш корабль.

— А ты?

— Пока останусь здесь. Иди. Машина внизу. Поведешь сам. Удачи!

— Береги себя! — сказал я ей на прощанье.

3

Странно, однако, когда стало ясно, что войны не избежать, на душе сразу полегчало.

Наверное, произошло это потому, что воевать для всех на Ассарте было привычно. Не приходилось ломать голову над тем, что нужно делать, а чего не нужно, и в какой последовательности делать, когда начать и когда остановиться. Война всегда катилась по наезженной колее.

И хотя Властелин искренне хотел уладить дело миром, получить

свою историю без единого выстрела, сама жизнь показала, что без принуждения никто и ничего отдать не хочет; однако даже небольшая угроза оружием делает всех куда сговорчивее.

Да и в Державе — он чувствовал — война будет воспринята с большим удовлетворением, чем долгие, запутанные и простым людям как правило непонятные переговоры.

Последняя пуговица была пришита. И это означало, что к войне готовы все и готово все. Можно было начинать хоть сию минуту. Корабли уже заняли свое место в пространстве, чтобы по первой же команде уйти в прыжок и каждой из семнадцати эскадр вынырнуть у назначенной планеты.

Но Властелин медлил.

Медлил он потому, что не чувствовал полноты, достаточности сделанного. Самое малое, одно действие еще не было совершено. Сначала Изар думал, что можно будет выполнить его уже в ходе военных действий. Однако чем дальше, тем больше понимал, что не будет чувствовать себя спокойно и уверенно, если до того, как будет подана первая команда, Леза с их будущим сыном не окажется в безопасности. В самой большой безопасности, которую он только способен обеспечить.

Где находится Леза, было известно. Оставалось лишь ударить по этому так называемому Центру, истребить всех, кто намеревался защищать его, и освободить маленькую, но такую нужную ему женщину.

Разумеется, столь несложную операцию можно было поручить любому — даже не генералу, а просто достаточно опытному офицеру. Но Властелин решил, что проведет ее сам. В конце концов, то было его частное, можно сказать — семейное дело. И он никого не собирался в него вмешивать.

Ни один корабль и ни одна воинская часть из тех, кому предстояло атаковать планеты, не будет отвлечена от своей задачи. Налет на Центр Изар собирался совершить, используя лишь свою — Властелина — эскадру и свой полк. Уже этих сил было более чем достаточно.

Правда, в последний миг возникли, как это обычно бывает, новые осложнения. Советник Ястры, человек, который должен был, по замыслу Изара, провести корабли кратчайшим путем к объекту налета, ухитрился увильнуть от выполнения высочайшего приказания. Как доложили Властелину, арестованный Советник умер; погиб в результате несчастного случая. Безутешная Ястра похоронила его лично, при участии лишь немногих приближенных. Изар признал, что это было сделано правильно: слишком уж сомнительной личностью был покойный Советник, чтобы проводить полный, полагающийся сановникам такого ранга, прощальный ритуал.

Изар даже искренне, от души пожалел Ястру. Каким бы подо-

зрительным ни был покойный, но к ней он был близок, Ястра, судя по всему, испытывала к нему искреннее, подлинное чувство — а Изар теперь по самому себе знал, что такое — остаться без того, кто тебе ближе и дороже всех остальных. При этом для него, Изара, разлука была временной, Ястра же попрощалась со своим фаворитом раз и навсегда.

Жалость к официальной супруге заставила Властелина несколько смягчить домашний арест, под которым Ястра находилась. Во всяком случае, ей была разрешена свобода передвижения в пределах Жилища Власти.

То, что Изар лишился проводника, не заставило его изменить свои намерения. Приблизительные координаты станции, которая теперь именовалась таинственным словом «Центр», были ему известны, его эскадра всегда отличалась мастерством своих штурманов. Так что из-за отсутствия проводника операция могла, по расчетам Властелина, затянуться от силы на несколько часов. Эти несколько часов, подумал он, не играли никакой роли в предстоящей войне.

Однако, чтобы не вызвать никаких кривотолков, которые могли бы повлиять на боевой дух войск, Изар решил всю операцию по налету провести в условиях сохранения полной тайны. Весь Ассарт должен был считать, что Главнокомандующий по-прежнему находится в Жилище Власти и производит последние уточнения.

Кстати сказать, экспедиция по разгрому Центра имела и некоторый чисто военный смысл. Хотя сам Изар ни на секунду не поверил в то, что на станции действительно располагается какой-то явно мифический Центр по руководству сопротивлением планет — тем не менее, экспедицию можно было представить и как рейд, имеющий целью лишение противника централизованного руководства. Если, паче чаяния, окажется, что в этой точке пространства расположился — ну, хотя бы небольшой центр по сбору и распространению информации, то налет можно будет, после его завершения, характеризовать как успешную военную операцию и именно ею датировать начало войны.

И во всяком случае, этот мотив служил достаточным объяснением для эскадры Властелина и его гвардии. Если военные вряд ли пришли бы в восторг, узнав, что им предстоит рисковать жизнью ради вызволения из плена любовницы Главнокомандующего,— то лихой налет для уничтожения хоть и не очень, может быть, значительного, но все же военного объекта, являлся действием, вполне достойным и гвардии, и самого Властелина, желающего показать, что он способен воевать не только на карте в комфортабельной безопасности своего кабинета.

Перед тем, как стартовать, Изар должен был решить и еще одну достаточно важную задачу. Хотя он намеревался отлучиться лишь

на краткое время, но Держава даже и нескольких минут не должна была оставаться без официального повелителя. Обычно в таких — весьма редких, впрочем — случаях покидающий планету Властелин передавал бразды власти в руки либо Наследника — если Наследник существовал, либо Супруги Власти, которая существовала всегда. Если к тому времени Наследник оказывался еще слишком маленьким, чтобы самостоятельно решать государственные вопросы, его мать исполняла обязанности регента при правящем Наследнике, а при ней, в свою очередь, должен был находиться Советник — не только ее, это само собой разумелось — но Советник Властелина, Ум Совета, второе лицо среди политиков Державы.

Для Изара положение, как мы понимаем, осложнялось тем, что Наследника у него пока еще не было и не было Советника: старый Ум Совета, Смарагд Власти, после неудачных переговоров на Лезаре окончательно порвал с политикой и уединился в своем Лесном доме, достаточно далеко от Сомонта. Что касается Супруги Власти, то, как мы знаем, ее отношения с Властелином были более чем натянутыми, и она была на деле лишена всякой силы, если не считать ее крыла в Жилище Власти, где ее распоряжения по-прежнему не обсуждались.

Что мог предпринять Властелин? Ускорить появление на свет какого-либо Наследника он никак не мог. Конечно, в его власти было — назначить наконец собственного Советника. Однако именно этого Изар никак не хотел. Он не видел вокруг себя таких людей, чьему совету мог бы безоговорочно доверять — такова была первая причина. Вторая, вытекавшая из первой, заключалась в том, что, согласно Порядку, Советник Властелина был несменяемым сановником, хотя нигде, ни в каком законе это и не было записано. Главная же для Изара причина заключалась в том, что он знал свою слабость — легкую внушаемость,— и предпочитал не иметь рядом таких людей, у кого было бы законное право внушать ему хоть что-либо. Пусть он решает не всегда лучшим образом,— думал Властелин о себе,— но зато решает сам. Если же за него будет решать кто-то другой — то кто тогда, если разобраться, будет действительным Властелином?

Как было уже сказано, он признавал своим Советником, пусть неофициальным, одну лишь Лезу. Сейчас ее не было рядом; но ведь он и собирался в экспедицию ради того, чтобы она вновь оказалась рядом. Ее страшно не хватало, и Властелин всерьез решил официально объявить ее своим Советником, как только вернет ее на планету — и уже не в маленький домик в Первом городском цикле, но в Жилище Власти.

Но пока этого не произошло — оставалось лишь одно: формально передать власть Ястре. Никакого другого решения официальный Ассарт не понял бы и не принял. В Державе традиции всегда были

сильнее законов. Передать власть ей; но при этом самым серьезным образом предупредить, чтобы она не вздумала этой властью пользоваться — под страхом обвинения в антидержавной деятельности, вслед за которым неизбежно последовал бы официальный развод и исчезновение экс-супруги Власти в полной безвестности.

Так он и сказал ей, пригласив ее в свой кабинет и попросив всех оставить их наедине.

Ястра, казалось, ничуть не удивилась очередной прихоти судьбы. А на строгое предупреждение ответила лишь:

— Можешь поверить: Ассарт мне дорог не менее, чем тебе. Это и моя Держава.

— О, разумеется. Но я боюсь, что ты сейчас не в самом уравновешенном состоянии... и можешь принять какое-либо необдуманное решение. Тем более, что и ты осталась без советника. Или, может быть, уже подобрала кого-нибудь?

— Нет,— покачала головой Жемчужина Власти.— Я не спешу, беру пример с тебя.

— Итак, ты обещаешь?..

— Готова. Но у меня возникло несколько вопросов.

— Вот как? Ну, пожалуйста, я слушаю.

— Переходят ли ко мне и обязанности Главнокомандующего?

Изар невольно улыбнулся: столь нелепым показалось ему такое предположение.

— Ну, ты ведь отлично понимаешь, что — нет.

— Кто же заменит тебя?

— Официально — начальник Департамента Стратегии.

— Должен ли он будет согласовывать свои решения со мной?

Изар ненадолго задумался.

— А какой в этом будет смысл? Что ты понимаешь в военных делах?

— Мне кажется более важным — что в них понимает он. Ну, хорошо. Будет ли он осуществлять общее командование и в случае, если... если в твое отсутствие военные действия начнутся на нашей планете?

— Ты тоже наслушалась всяческих бредней! — рассердился Изар.— Этого не произойдет. Да я ведь и отлучусь на считанные дни...

— И все же ответь.

— Ну ладно,— с досадой махнул рукой Властелин.— В таком случае командовать будешь ты. Устраивает тебя такой оборот дел?

— Да,— проговорила Ястра невозмутимо.— Во всяком случае, постарайся не очень задерживаться там.

— Этого ты могла бы и не говорить.

— В таком случае, желаю тебе успехов.

Как будто все было сказано; но Изар почему-то еще медлил. Наконец спросил:

— Ну... а как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно. Тронута твоим вниманием.

— Я узнал, что ты... так сказать, в положении?

— Я и не собиралась скрывать этого.

— И будешь рожать?

— Мне кажется, это совершенно естественно.

— И что же — ты полагаешь, что тот, кем ты разрешишься от бремени, наследует Власть в Ассарте?

— Об этом я пока не думаю. Еще не время.

— Вот как! Когда же оно наступит?

— Когда станет ясно — под силу ли тебе будет изменить ритуал наследования.

— Великая Рыба! — не удержался он.— Что происходит с женщинами!

— Им приходится заменять мужчин,— без промедления ответила Жемчужина.

— К счастью, пока еще не везде,— не остался в долгу Изар.— Итак, я прощаюсь. Ненадолго.

— Надеюсь. Еще раз — желаю удачи и победы.

«Ну что же,— подумал Властелин, глядя на затворившуюся за Супругой Власти дверь,— характер у нее остался тем же. Другой вопрос — к лучшему ли это? Однако мне пора».

Он встал. Обвел кабинет взглядом. Хотя и покидал его очень, вроде бы, ненадолго. Но война, пусть даже еще не объявленная — всегда чревата неожиданностями. «Вот именно,— подумал он.— Чревата, то есть беременна неожиданностями. Все беременны неожиданностями: Ястра, Леза, война...»

— Эфат!

— Бриллиант Власти?

— Я улетаю на пару дней. Власть остается у Ястры.

— Это мне уже известно, Властелин.

— Ты знаешь все на свете. Знаешь, как можно помочь имеющему власть, и как помешать ему — если возникает такая необходимость.

Эфат не улыбнулся.

— Да, Властелин.

— Надеюсь на тебя.

— Не сомневайтесь.

— А может быть, мне тебя и назначить Советником, Эфат?

— О нет, Бриллиант Власти. Тогда я сразу лишусь всех преимуществ своего положения.

— Наверное, ты прав. Машина подана?

— Все сделано, Властелин.

— Будь здоров, Эфат.

— Берегите себя, Властелин. В мире тревожно.

Изар усмехнулся. Кивнул. И вышел, больше не оглядываясь.

Корабли Эскадры Властелина стояли на стартовых. Небольшие скоростные пространственные бриги. «Гвардейцам будет тесновато,— подумал Изар.— Может быть, следовало взять с собой хотя бы один десантный транспорт? Нет, он бы заставил нас тащиться ползком. И такие транспорты — первая мишень для ракет противника. Ничего, пусть и гвардия немножко потерпит — ведь для нее, вероятнее всего, война этим и ограничится. Зато будет о чем поговорить потом на балах и празднествах в честь победы».

Победы, которая не замедлит прийти.

Изар стоял близ флагманского корабля своей эскадры до тех пор, пока последние гвардейцы не исчезли в посадочных люках кораблей. Он чувствовал, что волнуется. Не потому, что ощущал какую-то опасность или заметил хоть малейшую неполадку. Нет. Просто потому, что война всегда волнует. Как и всякое неведомое.

«Победа,— думал он.— Потом — История. А за Историей последуют и всяческие изменения. И прежде всего — во всяком случае, в числе первых — пострадают ритуалы наследования. Ради этого все и затеяно. Ради женщин. Ради их детей...

А жаль,— подумал он затем,— что, по сути, командую этой операцией не я. При всех своих чинах и титулах. Не хватает опыта. Ну что же — буду набираться. Начиная с таких вот пустяковых, если говорить откровенно, операций...»

Два Острия — эскадры и гвардейского полка — подошли к нему одновременно и торжественно.

— Бриллиант Власти! Посадка войск на корабли завершена.

— Бриллиант Власти! Эскадра готова к старту!

— Благодарю,— ответил Изар.

Он зашагал к трапу флагманского брига. Оба командира следовали в двух шагах позади. «Слишком много начальства для одного кораблика,— подумал мельком Изар.— Но тоже — ничего не попишешь. Таков Порядок. Зато хоть будет с кем поболтать, пока не придем на место...»

— Адмирал! Вы уточнили курс?

— Мы точно знаем место выхода, Властелин. Туда уже запущен маяк.

— По-моему, этого не следовало делать,— кашлянув, пробормотал командир полка.— Если там бдительно несут службу...

— Не волнуйтесь,— сказал адмирал.— Это далеко от станции.

— Что сделано, то сделано,— подвел итог Изар.— Ну — в полет!

4

— Магистр! Вы меня слышите?

— Я вас прекрасно слышу, Охранитель.

— Сообщаю новость, которую вы непременно должны знать и использовать: Властелин, его эскадра и гвардия покинули Ассарт. Иными словами, уловка удалась.

— Я очень рад, Охранитель.

— Сейчас у нас возникла возможность наверстать все потерянное нами время. И это осуществите именно вы.

— Объясните, Охранитель.

— Все очень просто. Необходимо, чтобы силы Ассарта начали действия раньше, чем ими предусматривалось. Еще до возвращения Властелина на планету.

— Я считал, что он вообще не вернется...

— Разумеется, для этого будет сделано все возможное. Однако не исключены различные неожиданности... Так или иначе, все семнадцать эскадр должны покинуть окрестности Ассарта буквально через считанные часы. Это позволит нам предпринять штурм планеты значительно раньше, чем мы предполагали. Сейчас выигрыш времени для нас — самое важное.

— Полностью согласен с вами, но не вижу реальной возможности поторопить Ассарт. К сожалению, вооруженные силы Державы мне не подчиняются... Во всяком случае, пока.

— Я прекрасно знаю, что в отсутствие Главнокомандующего войсками повелевает Начальник Департамента Стратегии, генерал высшего ранга Уган Темер.

— Совершенно верно, Охранитель.

— Вам необходимо как можно скорее попасть к нему.

— Может быть, вы подскажете — как?

— Очень просто. Явитесь немедленно в его департамент и заявите, что у вас — важное поручение генерала Гор Аса.

— Это имя я где-то слышал.

— Это командующий войсками мира Вигул.

— Я не знал, что он заодно с нами.

— Заодно или нет — не имеет значения. Важно то, что он — старый друг Начальника Департамента. В молодости генерал Гор Ас проходил стажировку в Вооруженных Силах Ассарта.

— Что же я должен буду передать от имени генерала?

— Вы сообщите, что генерал, исключительно по велению старой дружбы, предупреждает своего коллегу о том, что следует воздержаться от военных действий против планет. Потому что самое позднее через три дня — через три дня, Магистр, это очень важно! — все войска планет будут находиться уже на оборонительных орбитах и всякая попытка атаковать миры кончится печально для

нападающих. Поскольку генералу Гору Асу известно, что через три дня войска и флот Ассарта еще не достигнут полной готовности, всякое их действие будет обречено на провал. Они будут разгромлены — каждая группа на подступах к той планете, которую им будет приказано покорить.

— Кажется, я вас понимаю, Охранитель.

— Было бы странно, если бы вы не поняли.

— Однако все это я должен буду передать на словах?

— Неужели кто-нибудь подумает, что такое сообщение может быть записано? Это ведь смертный приговор писавшему!

— Логично. А что, если он поинтересуется, кто я такой и почему генерал Гор Ас избрал именно меня для передачи этой информации?

— Вы объясните, что выполняли на Вигуле торговое и разведывательное задание Властелина — как и многие другие.

— А если Начальнику Департамента захочется убедиться в том, что я действительно принадлежу к числу посланных, и он заглянет в списки?

— У меня есть основания полагать, что списки эти находятся в секретной части Жилища Власти, куда без специального разрешения Властелина не получит доступа ни один сановник. Но Властелина нет на планете.

— Разрешение Властелина — или того, кто его заменяет.

— Вы знаете, кому он передал власть?

— Не имею представления.

— Я тоже не знаю. Но простая логика заставляет предположить, что единственным человеком, которому он мог передать полномочия, является его супруга.

— Ну, если учитывать их отношения...

— Сейчас, когда ее Советник более не стоит между ними, отношения эти могли измениться.

— Пусть так. Где гарантия, что она не разрешит ему?

— Сомневаюсь, чтобы ее полномочия распространялись так далеко. Пройдет еще немало времени, прежде чем Властелин начнет доверять ей по-настоящему. Вернее было бы сказать: прошло бы немало времени... Потому что на деле Властелин вряд ли вернется на Ассарт и снова сможет пользоваться властью.

— Я готов рискнуть, Охранитель.

— Я и не ожидал иного. И еще одно, Магистр. Думаю, что ситуация складывается крайне благоприятно для вас. Власть у Супруги Властелина. Он, вероятнее всего, погибнет. Не кажется ли вам, что именно теперь вы должны официально выступить на сцену и предъявить претензии на Власть? Тогда передача ее вам могла бы произойти совершенно в рамках традиций и Порядка.

— Я понял вас, Охранитель. Постараюсь сделать и то, и другое.

5

Начальник Департамента Стратегии Державы Ассарт выглядел человеком одновременно окрыленным и угнетенным. Окрыляло его, как нетрудно понять, внезапное — пусть и временное — возвышение до роли Верховного Главнокомандующего. Угнетала же неизбежно связанная с подобными возвышениями мера ответственности. Начальник Департамента, носивший на погонах пять лучей и два солнца, был теоретиком и философом войны, но никак не строевым командиром. И сейчас несколько растерялся от обилия неизбежных перед началом войны вопросов, по которым ему полагалось иметь и с уверенностью высказывать собственные суждения.

Находись он на своей обычной высокой должности, он ни в коем случае не стал бы тратить время на выслушивание какого-то штатского недоумка, вообразившего, что он может передать высокому генералу что-то важное. Однако сейчас дело обстояло иначе: Начальник Департамента готов был уцепиться за любую, даже самую маленькую возможность еще на какое-то время отсрочить тягостный момент принятия решений. Просто тянуть время до возвращения Властелина и не принимать никаких решений, не отдавать никаких приказаний ему не позволяла его совесть; однако если можно было отложить все эти запутанные дела на потом по той причине, что возникло нечто более срочное и, быть может, даже важное, то такую возможность следовало, разумеется, использовать на все сто процентов, а то и больше. В свое оправдание генерал постарался даже припомнить примеры из старой и средней истории, когда именно гражданские лица оказывали определенное положительное влияние на ход военных действий и даже на судьбы армии. Правда, ничего конкретного так сразу не припомнилось, однако генерал отчетливо помнил, что где-то в истории такие примеры были. А это все равно, как если бы он помнил все это наизусть.

Поэтому, к удивлению собственных адъютантов и всех прочих, кто присутствовал в этот час в его приемной, временный Главком приказал пропустить к нему этого самого штатского в обход множества достойных военачальников, дожидавшихся решения своих проблем. Они никак не могли предположить, что вся разгадка в том и заключалась, что у них были военные проблемы, а у штатского — нет. Во всяком случае, так считал Начальник Департамента Стратегии до того, как посетитель, заняв место в указанном кресле, заговорил о приведших его к Главкому причинах.

Услыхав фамилию генерала Гор Аса, Начальник Департамента просто обрадовался. Он понимал, конечно, что в предстоящей войне бывшие — да и нынешние, если как следует разобраться — друзья выступят по разные стороны линии фронта. Однако для профессионалов (а оба генерала, безусловно, были высокими про-

фессионалами) такое положение не является столь уж редким: сегодня — по одну сторону, завтра — по разные, а послезавтра — отнюдь не исключено, что и снова по одну и ту же. Вот таких примеров из истории Начальник Департамента мог, даже не напрягая памяти, привести целые десятки, и даже не из столь отдаленных эпох. Получить хоть какую-то весточку от друга было очень приятно. Совершенно непроизвольно в памяти стали одна за другой воскресать милые сердцу картины безмятежной юности — а в жизни не бывает ничего слаще таких воспоминаний.

— Да, да,— проговорил он несколько размягченно.— Наш милый Гор Ас... Ну, как вы нашли его? Надеюсь, в полном здравии и благополучии? Мне кажется, служба его протекает весьма успешно... А как вам показалось?

— Совершенно так же, Ваше могущество.

— А его супруга, очаровательная Лима — все так же порхает?

— Разумеется, Ваше могущество.

— Ну, я рад, очень рад... Бесконечно трогательно с его стороны, что он не забыл передать мне свой привет.

— Разумеется. Но он просил передать не только это.

— Ну, и наилучшие пожелания, разумеется...

— Безусловно. А также некоторые конкретные и крайне конфиденциальные сведения.

— О, узнаю нашего Гора: у него всегда было такое множество секретов. В особенности по женской части, м-да... О, милая молодость. Надеюсь, то, что он просил вас передать конфиденциально, не имеет отношения к женщинам?

— Ни малейшего.

— Это меня успокаивает. Что же, тогда рассказывайте.

Штатский гость заговорил. И по мере того, как он передавал информацию, якобы исходившую от генерала Гора Аса и предназначенную Начальнику Департамента Стратегии Ассарта, временный Главнокомандующий все менее помнил о проделках и шалостях игривой юности и все более проникался пониманием серьезности и в чем-то даже исторической неповторимости момента.

Изложение информации, как мы знаем, не могло занять сколько-нибудь долгого времени. Магистр старался быть по возможности кратким и выразительным. Свое сообщение он завершил нейтральным:

— Вот все, что меня просили передать.

— Гм... да,— сказал Начальник Департамента.— Вот вы и передали, да. Несомненно...

Он схватил себя пальцами за подбородок и задумался.

— Скажите... вы передали это только мне?

— Эти сведения предназначались только для вас; как же я мог передать их кому-либо другому?

— Да-да, я так и подумал... А вы были там сами лично?

— Но как иначе я смог бы встретиться с генералом?

— Тоже верно. Если вы находились там с таким заданием, какое, по вашим словам, было на вас возложено, то, надо полагать, вы составили и собственное мнение о том, что там происходит?

— Мои впечатления, Ваше могущество, не расходятся со словами генерала. Вигул, как и все остальные планеты Нагора, активно готовится к обороне.

— Ну, естественно. Не к наступлению же им готовиться! Это было бы по меньшей мере смешно.

— Совершенно с вами согласен.

— Когда вы вылетели оттуда?

— Позавчера.

— Следовательно, если тогда он говорил о трех днях...

— Прошу извинить меня. Ваше могущество: он говорил о пяти. Это я взял на себя смелость привести цифры в соответствие с сегодняшним днем.

— Вас не в чем упрекнуть, вы поступаете и мыслите весьма четко. Даже странно встретить такое в гражданском обществе... Итак, три дня. И он считает, что через три дня они смогут сделать нам от ворот поворот?

— По-моему, сказанное им нельзя истолковать никаким другим образом.

— И он уверен в том, что мы через эти три дня еще не будем готовы к удару?

— Совершенно уверен, судя по его словам.

— Милый Гор,— проговорил Главком, но уже без всякой нежности в голосе.— Значит, он полагает... Гм. Смеху подобно. Так что же — он рассчитывает, что мы, получив такую информацию, сразу же скомандуем «отставить»? Протрубим отбой?

— Мне трудно судить, что он имел в виду...

— Ах, да, разумеется. Я понимаю... Нет, но каков Гор! Решил, что мы убоимся! Впрочем, он и в юности не отличался знанием логики. Что же, по его мнению, я должен сделать, получив подобное сообщение?

— Ну, вероятно... Конечно, мое мнение штатского человека не имеет никакого значения...

— Разумеется, ровно никакого. И все-таки интересно, что в таких случаях может подумать именно штатский человек.

— Я полагаю, что единственное, что вы должны сделать — это доложить полученную информацию Властелину. А затем — выполнять его указания.

— В армии не указывают, к вашему сведению, в армии приказывают, мой друг. Доложить Властелину, вы говорите. Но можно ведь сказать и иначе: доложить Главнокомандующему. Разве не так?

— Разумеется. Это ведь одно и то же.

— Не всегда, уверяю вас, далеко не всегда... Бывают ситуации, когда... М-да. Но это уже внутренние дела Вооруженных Сил, и вам, человеку штатскому, они совершенно неинтересны. Но вот давайте предположим, что я доложил, как вы сказали, эти новости Властелину. Как вы полагаете, какой была бы его реакция?

— Н-ну... думаю, что он решил бы отложить начало военных действий...

— Так я и думал. Типичное мышление гражданского лица. Вот именно. Отложить? На какое же время? И чего ради? В военном деле это называлось бы промедлением. Преступным промедлением. Но есть и другие слова в нашем языке. Например — упреждение! И я более чем уверен, что Властелин избрал бы именно упреждающий вариант!

— Простите, но я не понимаю, почему вы должны гадать, что решит Властелин, когда вам нужно лишь известить его...

— Ничего подобного! Я уже говорил вам: Властелин — понятие гражданское. А у нас существует Верховный Главнокомандующий! Или же военачальник, которому доверено, на которого возложено выполнение функций Верховного.

— Но какое значение...

— Что, *по-вашему, это лишь терминология? Ошибаетесь!* Потому что в настоящее время, например, во исполнение приказания Властелина Изара, обязанности Верховного Главнокомандующего исполнять доверено вашему покорному слуге! — Начальник Департамента Стратегии встал из-за стола и даже, кажется, стал выше ростом, произнося эти слова.— Доложить Верховному я смог бы лишь через эти самые три дня. Но это означало бы — допустить промедление! А сейчас командую я! И если генерал Гор Ас полагает, что мы неспособны оказаться над его планетой — и всеми остальными — через три дня... а ведь он так и считает, верно?

— Судя по его словам — да...

— Так вот, он разочаруется. Да, мы не появимся там через три дня, в этом отношении он прав. Но мы будем там уже через полтора! Уже послезавтра! Не знаю, кто информировал его о положении дел на Ассарте, но могу с уверенностью констатировать: эта информация не стоила и самой мелкой чешуйки! Потому что она лжива! Наши войска на кораблях, корабли — на исходных и ожидают лишь команды, чтобы рвануться и выполнить боевое задание. И они получат этот приказ незамедлительно!

— О, Ваше могущество...— почтительно проговорил гражданский посетитель.— Воистину, своей смелой решимостью вы завоевываете для себя почетнейшее место в истории наших дней... Да что: во всей истории Ассарта!

— С историей сейчас творится черт знает что,— сказал Глав-

нокомандующий.— Но сейчас важно выиграть войну, потом разберемся, что к чему, кого надо вешать на стенку, а кого — на фонарь... Нет, не думайте, я не имею в виду Гора Аса. Вешать генералов — дурной тон, признак скверного воспитания. Однако, когда после падения Вигула его доставят ко мне, я скажу ему... Впрочем, это неважно. Я сердечно благодарю вас за доставленную информацию и вообще за ваш визит. Однако не смею более злоупотреблять вашим временем. Тем более, что пришло время мне отдать несколько приказаний... Желаю вам всего наилучшего!

— А вам — самых больших успехов, Ваше могущество.

— Надеюсь, гм, да. Надеюсь!

Не дожидаясь, пока Магистр покинет кабинет, Начальник Департамента вызвал адъютанта.

— Немедленно всех, ожидающих приема — в штабной зал. И вызвать всех начальников служб и направлений. Одновременно передать на корабли: с этой минуты — состояние стартовой готовности номер один!

— Слушаюсь, Ваше могущество...

Уже оказавшись за дверью, Магистр слышал:

— Ах, этот Ас, Гор Ас! Ничего не скажешь, высокого же он о нас мнения...

Строго говоря, соблюдая все формальности, временный Главнокомандующий после принятия решения об ускорении старта эскадр — а следовательно, и начала войны — на три дня, и перед официальной передачей приказа на корабли, должен был получить согласие того, кто заменял Властелина во всем остальном, кроме командования войсками. Иными словами — у Супруги и Жемчужины Власти.

Он, однако, не то, чтобы пренебрег этим, но просто как-то вылетело из головы. Да и, если разобраться, какое дело женщине до военных вопросов? Что она способна в них понять? В Ассартских Вооруженных Силах женщины не служат — и слава Рыбе! Потому в них и существует порядок, чего никак не скажешь об остальной жизни...

Так что временный Верховный не только принял решение, но и сразу же довел его до исполнителей. Из которых никому и в голову не пришло — ставить приказ под сомнение. Начальник Департамента был назначен приказом Властелина, и, надо полагать, если уж поступал как-то, то не иначе, как по согласованию с ним.

Сам же временный Верховный был страшно рад тому, что все проблемы и проблемки как-то сразу отшелушились, отпали сами собой. Война все заслонила. Так всегда бывает: возникновение

одной громадной проблемы губительно для проблем помельче: она их просто съедает.

Если бы только их...

Для всей планеты случившееся прошло как-то незаметно. Собственно, это и понятно. Все слезы, расставания, пожелания и прочее произошло еще несколько дней тому назад — когда было приказано грузиться на корабли. Когда корабли вышли на исходные орбиты, всякая связь между войском и теми, кто оставался на тверди, прервалась. Хотя война еще не начиналась, но их все равно как бы больше не было. Теперь они появятся, только когда военные действия отгремят и они возвратятся с трофеями и наградами.

А стартуют корабли и транспорты со своих орбит днем раньше или неделей позже — это населения совершенно не касалось, целиком оставаясь в ведении только лишь Верховного Главнокомандования.

Оно приказало, приказ дошел до командиров эскадр и кораблей, полков и отдельных батальонов: адмиралы приказали капитанам, капитаны отдали необходимые команды.

Загорелись призрачным светом зеркала квантовых двигателей. Огоньки чиркнули по небу — и исчезли. Флоты ушли в прыжок.

И началась война.

6

За городом горьковато пахло прелыми листьями. Недавно прошли дожди, и мокрая дорога отблескивала в свете фар.

Машина шла отлично. Я быстро приноровился к ее характеру и некоторым особенностям управления, какие отличают ассартские автомобили от привычных мне земных — хотя, конечно, были у этой машины и такие способности, которые я не мог использовать просто потому, что не имел о них никакого представления. Но это меня не очень заботило. На небольшом светящемся экране на приборной панели был нанесен мой путь, красная, медленно продвигавшаяся точка показывала мое местоположение; в конце концов дорога должна была привести меня к одному из небольших космодромов, где Георгий совершил посадку после возвращения с Киторы и где сейчас должна была собраться вся наша команда. Так что все, что оставалось мне делать сейчас, было — следить за дорогой и не выпускать руля. «Не выпускай, моряк, руля!» — напевал я под нос старую песенку.

Стояла светлая ассартская ночь. Облаков не было, и звезды заливали планету своим сиянием, таким ярким, что Ута и Латон

неразличимо сливались с ним. Дорога, по которой я ехал, не принадлежала к числу основных магистралей, исходивших из Сомонта, и движения почти не было, ни встречного, ни попутного. Последнее особенно радовало меня: оно означало, что бегство мое прошло незамеченным, никто не бросился вдогонку, не поспешил организовать преследование. Снизив скорость, я спокойно проезжал через попадавшиеся время от времени поселения; одни уже спали, по улицам других еще ходили люди — но никто из них не обращал на меня ни малейшего внимания. Энергии в машине, как сказала, прощаясь, Ястра, должно было хватить на два таких маршрута, как тот, по которому я следовал. Одним словом — бегство превратилось в приятную ночную прогулку, не более того.

Корабль находился на расстоянии шестисот с лишним километров от Сомонта, и я рассчитывал проехать это расстояние часов за семь-восемь. Можно было бы и быстрее, но мне не хотелось рисковать, к тому же за рулем я не сидел уже достаточно долго. Учитывая замедления на сложных участках и в населенных пунктах, мне надо было на дороге держать скорость не более ста километров в час. Поэтому, по старой водительской привычке, я первые десятки километров проехал примерно на сто двадцать; когда после этого уменьшаешь скорость, управлять становится совсем легко: кажется, что машина едва ползет, когда на самом деле она делает восемьдесят и девяносто.

Я был уже примерно на полдороге, когда это вот самое ощущение медленной и безопасной езды сыграло со мной скверную шутку.

Случилось это на участке дороги, с обеих сторон стиснутом подступившим вплотную лесом. Дорога и так была сырой, а тут, видимо, и асфальт был каким-то ненормальным, чрезмерно скользким. Такие участки попадаются на многих дорогах. Я чувствовал, что еду не быстро, но решил на всякий случай еще уменьшить скорость. И тут меня неожиданно понесло. Колеса, казалось, совершенно утратили сцепление с дорогой, как если бы машина летела в воздухе, медленно поворачиваясь вокруг вертикальной оси. Ну что же, нормальный занос, не впервой. Я сделал все, что полагалось, и рулем, и газом (на самом деле никакого газа, понятно, не было, машина была электрической, как и весь транспорт Жилища, так что я просто отпустил педаль мощности, ожидая, пока телега не начнет снова слушаться руля), но машина так и не пришла в повиновение — ее развернуло на шестнадцать румбов, обеими левыми колесами вынесло на окаймлявший дорогу каменный бордюр, выступавший над поверхностью сантиметров на двадцать; уткнувшись в него, машина непринужденно взмахнула правыми колесами, завалилась на левый бок, но не удержалась в таком положении, а перекатилась на крышу, задрав колеса к небу — так усталая, набегавшаяся собака отдыхает на спине, подняв все четыре лапы. Пока машина делала свое

полусальто влево, я успел лишь выключить ток — и повис на ремнях вниз головой.

Две-три секунды ушли у меня на то, чтобы убедиться в целости и сохранности моего организма. Это было уже кое-что. После этого понадобилось как-то переориентироваться в пространстве — попросту говоря, из перевернутого положения перейти в нормальное. Это удалось далеко не сразу, но в конце концов я выпутался из системы ремней, в отличие от наших напоминавших скорее конскую сбрую, и встал на ноги. Попытки открыть двери не увенчались успехом: двери, разумеется, заклинило. Как ни странно, уцелели все стекла. Чтобы выбраться из машины, пришлось пожертвовать лобовым.

Я вылез и оглядел место происшествия. Ясным было одно: что своими силами мне машину не вытащить. Ожидать, что кто-нибудь проедет мимо и поможет мне, вряд ли имело смысл: если до сих пор мне повстречались не то три, не то четыре ездока, и ни один не обогнал — да и встречные эти попадались куда ближе к столице — то тут вполне можно было прокуковать до утра. К тому же, потом наверняка потребовалось бы вызывать дорожную полицию, или как она тут называлась, и предъявлять документы, которых у меня не было. Так что автомобильную часть моего путешествия можно было считать завершенной.

Значит, следовало выбрать образ действий на дальнейшее. Я задумался. Идти пешком по дороге? Те триста километров, что сейчас отделяли меня от цели, я одолею в самом лучшем случае за неделю, а то и за десять дней. Надеяться, что днем движение тут оживится и кто-нибудь подвезет? Но мне не очень хотелось оставлять четкие следы на дороге. Конечно, для большинства я умер — но кто их знает, может, они искренне верят в скоропостижное воскресение из мертвых. Нет, пожалуй, меньше всего следовало держаться за дорогу, раз уж мне на ней так не повезло. Нужно нечто принципиально новое, неожиданное.

Придя к такому выводу, я снова нырнул в машину. Смешно, однако экран, показывавший мой маршрут, исправно светился и сейчас. Перед моим отъездом Ястра успела мне объяснить, как пользоваться этим устройством, лишь в самых общих чертах. Там были всего три клавиши, которыми можно было оперировать в разных комбинациях. Учитывая, что экран сейчас находился по отношению ко мне где-то ниже колен, работать с ним оказалось не очень-то удобно. И все же пришлось. После нескольких попыток, в результате которых на экране возникало то время, то прогноз погоды в этом районе, то вообще что-то, похожее на сводку биржевых курсов, мне удалось вызвать к жизни карту, подобную той, что была вначале, но с одной разницей: на ней, кроме самой дороги и ответвлений от нее, аккуратно пронумерованных, были обозна-

чены и населенные пункты. При слабом свете экрана я перерисовал часть карты с ближайшими поселениями на листок блокнота, который неизменно ношу в кармане, сам не знаю зачем. Надо было, решил я, добраться до ближайшего из обитаемых мест, а там уж на месте решить, как действовать. Вернее всего — угнать какую-нибудь машину, но могли возникнуть и всякие другие варианты, каких заранее не предусмотришь. До ближайшего из этих обиталищ человека разумного было, по моей прикидке, ходу с полчаса. Правда, оно находилось в стороне от остальных, как бы нанизанных на дорогу — судя по условным знакам на карте, это было уединенное лесное жилище, скорее всего дом лесника. Эта уединенность,— подумал я,— могла как раз оказаться мне на руку: она давала определенную свободу действий. Нет, я не хотел ничего дурного. Однако в данном случае речь шла не только и не столько о моей шкуре. И это обстоятельство давало мне определенные права. Во всяком случае, оправдывало бы меня в собственных глазах, если бы пришлось пойти на нетривиальные меры воздействия.

Перед тем, как пуститься в путь, я принял единственную меру предосторожности: хотя и с некоторыми усилиями, но все же снял с машины номера. Потому что это был собственный автомобиль Ястры и в городе поставить на него другие номера просто не было времени. Утром его найдут, но поскольку он окажется без номеров, то не сразу определят, чей он и откуда. По версии Жемчужины, конечно, машина окажется угнанной, но чем позже до нее доберутся, тем лучше. Номера я прихватил с собой, и лишь свернув через полкилометра на лесную дорогу, как велела карта, отошел в сторонку и зарыл их в землю — вернее, просто врезал в нее, нажав каблуком, а сверху присыпал всяким лесным мусором.

Первый отрезок пути я занимался тем, что всячески ругал себя. И в самом деле. Если бы я не расслабился до такой степени, не поверил, что все идет и будет идти наилучшим образом — то наверняка уловил бы, что свойства дороги изменились, и успел бы уменьшить скорость до полностью безопасной — и сейчас находился бы уже за сотню километров отсюда, часах в трех езды от корабля. Так нет же, понадобилось петь песенки и не думать о том, что дорожные опасности кончаются лишь в тот миг, когда ты останавливаешься у цели — да и то не всегда. Потом, минут через десять, самоедство мне надоело, и я начал представлять себе, что никаких неприятностей не произошло, просто я отправился на ночную прогулку по прекрасному лесу. Иду не торопясь и ничего не опасаясь, дышу чудесным воздухом (что правда, то правда — он и был таким), любуюсь окружающим, которое совсем иначе выглядит, чем днем, и не зря сказал поэт: «Свет ночной, ночные тени, тени без конца...»: игра ночного света и теней делает мир иррациональным, и реальные проблемы как-то тушуются — или начинают выглядеть, как ни уди-

вительно, проще. Итак, я гуляю, но не просто так, а иду по направлению к дому, где живут добрые люди, готовые встретить меня, принять по-дружески...

Как ни странно, но так оно и получилось.

Огонек я заметил издалека. Дорога шла не совсем к нему, но я держался ее до мгновения, когда мне показалось, что она стала отдаляться. При сиянии звезд, делавшем ночь белой, я без труда отыскал место, где от дороги в сторону огонька отходила колея — вернее даже, намек на колею: тут проезжали, видимо, крайне редко. Я попрощался с дорогой и направился к огоньку, заранее прикидывая, как поведу себя при встрече с собакой — или собаками, которые здесь просто обязаны были водиться.

Постепенно стволы, отделявшие меня от жилища, все более редели, и можно стало рассмотреть и само строение. В первые секунды мне показалось, что дом этот мне знаком — хотя никогда я тут не бывал, я готов был дать руку на отсечение. Я приближался к нему медленно, настороженно,— собаки ведь могли броситься и молча, без лая — иногда их специально тренируют на такие действия. Пока что их, к счастью, не было. Где же я видел этот дом? Ну, пусть не этот, но очень, очень похожий. Хотя... хотя тот был наверняка побольше. Да, совершенно точно — тот был больше. И обнесен был весьма серьезным забором, а здесь — просто живая изгородь, да и то чисто условная. Ну конечно же: Летняя Обитель Властелинов! Вот что напоминает мне эта лесная усадьба. Но такое сходство наверняка не может быть случайным. Надо полагать, не леснику пришло в голову использовать этот архитектурный проект. А кому же?

Возможно, я сразу нашел бы ответ, но тут наконец подала голос собака. И это не испугало меня, а напротив, успокоило. Потому что лай донесся из дома. Значит, в следующую секунду пес на меня не набросится и я имею полную возможность подойти к двери и попросить разрешения войти.

Я так и сделал — поднялся на невысокое крыльцо и постучал. В ответ через секунду-другую надо мной — под навесом — загорелась лампа. Лай в доме не стих, наоборот, приблизился к входной двери с той, внутренней стороны. Затем послышались неторопливые шаги. Стихли. Несколько секунд длилось безмолвие: наверное, изнутри разглядывали меня, хотя трудно было определить — при помощи какого устройства: примитивного глазка в двери не было. И наконец послышался голос, принадлежавший, судя по тембру и манере, немолодому, но уверенному в себе человеку:

— Можете войти, ничем не рискуя. Открывается наружу.

Я потянул ручку двери, и она мягко отворилась без малейшего

скрипа. Массивная, толстая дверь, какую не пробьет пистолетная пуля. Хозяин дома стоял в прихожей, крепко держа громадного пса за ошейник. Он — хозяин — и вправду был более чем немолод, но, судя по первому впечатлению, еще достаточно крепок. Хотя — мое впечатление, строго говоря, не было первым. Я узнал его сразу. Он же, когда я вошел в прихожую — правильнее было бы назвать ее холлом — несколько секунд колебался, вглядываясь в меня. Однако с памятью у него, видимо, все было в порядке.

— Добрый вечер,— поздоровался я.

— Добрый вечер, коллега.— Он улыбнулся.— Не сразу узнал вас. Прошу извинить.

— Мы виделись лишь однажды,— сказал я.— И то мельком. Так что ничего удивительного...

— Два раза,— поправил он меня.— На прощании и на торжествах по случаю бракосочетания вашей патронессы.

— Да, совершенно верно: два раза.

— Проходите же! — пригласил он, сделав шаг в сторону и открывая путь в ярко освещенную комнату, откуда плыло тепло. Я почувствовал, что оно будет как раз кстати. На дворе все-таки стояла осень, а одет я был для машины, не для продолжительной пешей прогулки.

— Сидеть, Пилот! — Это он скомандовал собаке.— Свой. А вас прошу вот сюда. Поближе к огню. Думаю, согреться вам не помешает. И снаружи, и изнутри, если не ошибаюсь?

На столике близ камина еще до моего прихода была водружена бутылка с Золотым Соком Холмов — судя по семи концентрическим кольцам — семилетней выдержки. Не только водружена, но, кажется, уже и почата. Я не стал отказываться. Ум Совета поставил второй бокал, низкий и широкий. Налил. Затем добавил и себе.

— Благословение гостю, приходящему вовремя,— провозгласил он и поднял бокал.— За исполнение ваших грез!

— И ваших также,— откликнулся я, повторяя его движение.

— В моем возрасте,— сказал он, выпив и поставив бокал,— грезы относятся главным образом к прошлому. А вот у вас есть еще возможность мечтать о до сих пор не совершенном.

— Кто знает свой возраст? — ответил я, слегка пожав плечами.— Если исчислять его правильно, то есть не прожитыми годами, а теми, что еще остались до смерти...

— До перехода в иное качество,— улыбаясь, подсказал он.

— Согласен, до перехода в иное качество... то может оказаться, что проживший половину круга времени младше того, кто преодолел лишь четверть — потому что первый проживет, возможно, еще десять или двадцать лет, второго же судьба может подстерегать за порогом.

— Какое-то недавнее событие заставило вас рассуждать так?

— Вы проницательны, Советник,— признал я.— Но то была чистая случайность. Перевернулась машина. Я же, как вы можете судить, ничуть не пострадал.

— Видимо, это произошло неподалеку отсюда?

— В получасе ходьбы.

— Вы направлялись ко мне?

— Я и представления не имел, что вы обитаете в этих краях.

Он кивнул:

— Да, это известно немногим. Но куда же вы направлялись в таком случае? Эта дорога ведь никуда не ведет. Или почти никуда. Кроме разве что... Ага. Понял. Частный космодром Арфим. Угадав, я выигрываю еще бокал.

— Вы его выиграли.

Однако он не стал наливать.

— Космодром Арфим. Там не садятся и не взлетают корабли Державы. Торговцы тоже не очень любят его; они предпочитают площадки с удобными подъездами. Ваш собственный корабль?

— Я бы сказал так: собственность группы людей, среди которых нахожусь и я.

— Очень любопытно. Хотя не более, чем само ваше появление при дворе. Если меня не подводит память, это первый случай, когда столь высокое положение занимает человек, возникший буквально из ничего.

— Может ли что-то — или кто-то — возникнуть из ничего?

— Если под «ничем» понимать пространство — отчего же нет? Из каких же далей явились вы? Признаюсь, сначала я решил, что вас подбросила одна из семнадцати планет. Потом понял, что это не так. Вы, во всяком случае, не из скопления Нагор.

— На чем основана ваша уверенность?

— Всего лишь на вашем скелете.

— Что?!

— Нет-нет, вы не ослышались. Именно ваш костяк позволил мне прийти к такому выводу.

— Простите,— сказал я в некотором недоумении,— но я не очень представляю, как можно было исследовать мои анатомические особенности, не потревожив меня самого. А я что-то не помню...

Советник засмеялся.

— Это очень любопытный штрих для создания вашей характеристики. Я заговорил о скелете — и у вас сразу же возникли ассоциации со стальными лезвиями, кровью, гибелью... Это кое-что говорит о том образе жизни, который вы ведете. Я же имел в виду совершенно иное: обычную рентгенограмму. Разве вы не помните?

Я вспомнил.

— Да, действительно. Очередное, как мне сказали, медицинское обследование, проводящееся дважды в год... Это была хитрость?

— Ни в коей мере. Обследования действительно проводятся. Но мне просто пришло в голову поинтересоваться той частью вашего существа, которую нельзя наблюдать простым глазом, пока вы обретаетесь в этом мире. И я попросил показать мне снимок.

— И что же вы там увидели?

— Всего лишь один лишний позвонок, коллега.

— Вам не пришло в голову, что это может быть лишь случайная аномалия? Шутка природы?

— Пришло, разумеется. Это было первой моей мыслью. Но когда оказалось, что той же особенностью позвоночного столба отличаются еще два телохранителя Властелина и один — Жемчужины, версия о случайности отпала.

— Однако такие аномалии могут возникать в определенном месте под влиянием — ну, предположим, повышенного радиационного фона, и носить строго локальный характер, вам не кажется?

— Могут, не спорю. Однако, судя по тому, что сообщил о себе каждый из вас, вы происходите из мест, весьма далеко отстоящих одно от другого. Согласитесь, что в четырех разных местах вряд ли могут возникнуть совершенно одинаковые аномалии — и к тому же на Ассарте, не где-нибудь на планете, которую мы знаем недостаточно хорошо, но на Ассарте, в котором мы уж как-то разбираемся и на котором ничего подобного никогда не наблюдалось. Нет, коллега, вы не убедите меня. Да и не нужно. Я ведь не собираюсь ни с кем делиться своими заключениями, и уж подавно меня о них никто никогда не спросит.

— Иными словами,— спросил я, несколько успокаиваясь,— вы уверились в том, что, откуда бы я ни взялся, моя деятельность не является вредной для Ассарта?

К моему удивлению, он отрицательно покачал головой.

— Нет, в этом я вовсе не уверен. Напротив — полагаю, что вы можете заниматься делами, далеко не ведущими ко благу Державы. Хотя все может обстоять и совершенно обратным образом.

— Но... неужели, питая такие подозрения, вы не попытались найти им подтверждение — или, напротив, опровергающие их факты?

И снова Советник ответил отрицательно:

— Я не пытался. Отчасти, может быть, потому, что я достаточно стар и полагаю, что заслужил право провести остаток этой жизни в покое. В покое — значит вне политики. Она мне более не по силам.

— Но ведь достаточно было поделиться вашими сомнениями с другими — с Властелином хотя бы...

— О, Властелин и так ненавидит вас от всей души. Он не стал бы объективно разбираться во всех «за» и «против». Он просто стер бы вас с лица Ассарта. Вместе с вашими соратниками. А я остался бы в мучительных догадках: к лучшему это или наоборот?

— То есть, вы хотите сказать, что деятельность, направленная против Ассарта, может привести к лучшему?

— «Против Ассарта» — для меня сейчас не существует такой категории. Против Властелина Изара — может быть. Но является ли Изар сейчас тем Властелином, который нужен Державе? В этом я как раз не уверен.

— Однако, если я правильно понимаю, он унаследовал Власть и получил ее в полном соответствии с Порядком и традициями?

— Безусловно. Однако это лишь одна сторона дела. Вам приходилось слышать когда-нибудь об Ублюдке Властелина?

— Н-нет...

— Естественно. Эта информация имеет хождение лишь в самых узких кругах. Настолько узких, что даже сам Изар ничего об этом не знает. Наверное, его камердинер в курсе. Но вряд ли он стал огорчать своего господина, у которого и так немало забот.

— Ублюдок Властелина... То есть, незаконный ребенок?

— Совершенно верно. Не Изара, конечно, а его отца. Вообще, в истории Ассарта подобные ублюдки — не такое уж редкое явление. Но ни одному из них еще не удавалось прийти к власти, свергнув тем или иным способом законного наследника. Однако сейчас у меня такое впечатление, что нынешний Ублюдок занимается именно этим. И пользуется чьей-то весьма сильной поддержкой.

— Чьей — вы не знаете?

— Знаю лишь, что наверняка не моей.

Я подумал, что, пожалуй, знаю, чьей поддержкой пользуется незаконный принц, и знаю, следовательно, кто он такой, под какой маской выступает. Однако отставному Советнику знать это было ни к чему. И я промолчал, а спросил другое:

— И вы считаете, что этот Ублюдок может оказаться лучшим Властелином?

— Если бы я думал так, я бы поддерживал его. Но я этого не делаю.

— Но, видимо, вы отказываете в поддержке и Изару?

— Я думаю, это достаточно точная формулировка.

— Но почему? Только ли из-за усталости?

— Не только. Прежде всего потому, что я не знаю, какая судьба сейчас явится для Державы наилучшей.

— Вы знаете, что начинается война?

— По сути дела, уже началась. Да, знаю.

— Вам известно, что против Ассарта создана Коалиция?

— Старые друзья нередко делятся со мной новостями.

— И вы ни о чем не предупредили Властелина. Не предостерегли его. Вы, десятки лет проведший рядом с его отцом.

Полузакрыв глаза, старик проговорил:

— Рядом с ним, да. Но то был другой Ассарт. Да, может быть,

это мы и сделали его таким, каким видим сегодня. Но с мертвых — и умирающих — плохой спрос. Однако я ощущаю и свою вину. И именно поэтому...

Он прервал свою речь, чтобы налить в бокалы. Поднял, приглашая последовать его примеру, и выпил — на этот раз без тоста. И лишь после этого продолжил:

— Именно поэтому я не принимаю ничьей стороны.

— Но ведь вы, с вашим политическим весом...

— Я и боюсь положить этот вес не на ту чашу.

— Вы желаете Ассарту разгрома? — прямо спросил я.— Но ведь именно теперь Властелин Изар замыслил сделать планету иной. Дать Ассарту новую, высокую историю. Облагородить...

— Вы занимались когда-нибудь садоводством, Советник? — перебил он меня.

— Нет.

— Я понимаю: вы не достигли еще того возраста, когда у горожан возникает тяга к подобным занятиям — когда они начинают тянуться к земле, из которой вышли и в которую лягут... Так вот, когда вы займетесь этой благородной деятельностью, вам придется столкнуться с понятием прививки. К стволу уверенно растущего, но неблагородного дерева вы прививаете черенок другой породы — не столь выносливой, но дающей прекрасные плоды. Но для того, чтобы дерево выросло таким, каким вы хотите его видеть, нужно срезать все старое — оставив лишь ту часть ствола, к которой привит новый сорт. Понимаете? Остальное — безжалостно срезать!

— Вы видите здесь аналогию с Ассартом?

— Самую прямую. Во всяком случае, мне нередко так кажется.

— То есть, по-вашему, прежде, чем перейти в новое качество, Ассарт должен... его надо срезать?

— Он должен потерпеть фундаментальное поражение. Остаться на развалинах. На голой земле. И не ввозить свою историю откуда-то. Но начать ее именно с этого пустого места.

— Вы в этом уверены?

Он медленно покачал головой.

— Если бы я был в чем-либо уверен, я бы принял соответствующую сторону. Может быть, помогал бы врагам нынешнего Ассарта — ради блага Ассарта будущего. Или наоборот, сделал бы все, что еще остается в моих силах, чтобы он выиграл эту войну — и занялся своей новой Историей — ведь за нее в конце концов тоже будет заплачено кровью... Вся моя беда — в том, что я не уверен ни в том, ни в этом, не принимаю до конца и не отвергаю совершенно ни того, ни другого. Кстати, моя беда — это ваше благо.

— Я должен понять это так, что именно поэтому вы позволяете мне действовать по моему усмотрению?

— Именно. Я в любой момент мог — и могу еще — нейтрали-

зовать вас. Но... я не знаю, чего вы хотите, и не желаю слышать об этом. Не знаю, ко благу это — или ко злу. Не знаю, где зло и где благо. Во всяком случае, не собираюсь мешать вам. Просто завидую, что вы еще во что-то верите. И знаете — или полагаете, что вам известно — что хорошо и что плохо. И все, что я могу сделать для вас — это предложить вам еще бокал Сока Холмов и спросить, согрелись ли вы и как себя чувствуете.

— Чувствую себя прекрасно, Советник, и сердечно вам благодарен. Однако есть еще одна вещь, кроме этого бокала, о которой я хочу вас просить.

— Не надо. Не просите.

— Я ведь еще не успел...

— Я и так понимаю. Вы не станете просить о ночлеге: он сам собою подразумевается, коль скоро вы уже находитесь в этом доме. О чем же вы можете просить еще? Только об одном: помочь вам добраться до цели вашего путешествия. Как можно скорее и безопаснее преодолеть расстояние, отделяющее вас от вашего корабля.

— Вы угадали, Советник.

— Я не угадал, но сделал простой логический вывод. Нет.

— Что «нет»?

— Я не окажу вам такой помощи.

— Но, Советник...

— Вы ведь на одной из двух сторон, коллега, не так ли? Помогая вам, я и сам встал бы по эту же сторону. Но я достаточно ясно объяснил вам, почему я этого не хочу.

— Чего же вы хотите: чтобы я вышел на дорогу и силой овладел первой же машиной, которая остановится на мои отчаянные сигналы?

Советник усмехнулся:

— Разве для этого нужно обязательно выходить на дорогу и нелепо размахивать руками?

— Не понял вас...

— Я говорю: к чему дорога, если у меня в гараже стоит машина — моя машина с полностью заряженными элементами?

— И вы позволите ею воспользоваться? Но ведь об этом я и хотел...

— Разумеется, я вам не позволю. Но если вы готовы силой отнять машину у ни в чем не виноватого ночного ездока, то почему вам не сделать того же самого со мной? Я не дам вам машины, но если вы хотите отобрать ее силой — я просто не смогу вам сопротивляться: вы моложе, намного крепче, не исключаю и возможности, что вы вооружены...

— Неужели вы живете в таком уединении — и не имеете оружия?

— Конечно, оно у меня есть. Но, право же, машина не стоит

человеческой жизни. Она не стоит даже жизни моей собаки, и потому я не стану натравливать ее на вас. Примените силу — и поезжайте на все четыре стороны...

На этот раз усмехнулся я:

— Пожалуй, я так и сделаю, Советник.

— Ну что же: это останется на вашей совести.

— Однако вам будет нанесен немалый ущерб...

— Надеюсь, что нет. Дня через два я заявлю, что моя машина похищена. Я надеюсь, что ее найдут где-то близ космопорта Арфим в полном порядке. Я теперь выезжаю редко, так что два-три дня вполне смогу обойтись без нее.

— В таком случае, Советник, я требую выдать мне ключи от вашего гаража и от машины. Если вы не отдадите их добровольно, вынужден буду применить силу.

— Что же,— сказал старик.— Я уступаю силе. Вот ключи. Они все на одном кольце. Кстати, как вы переносите спиртное?

— Достаточно спокойно. Почему вы спросили?

— Потому что не знаю, следует ли предложить вам еще бокал. На прощание.

— Думаю, что это будет очень кстати.

Он с готовностью налил.

— В таком случае — счастливого пути.

— А вам — счастливо оставаться.

Советник проводил меня до двери. И прежде, чем отворить ее, проговорил:

— Скажите... Ястра любит вас?

— Наверное, об этом лучше спросить ее...

— Ну хорошо. А вы ее?

— Признаюсь, мне не совсем ясен смысл...

— А вы не ищите обязательно смысла. Его может и просто не быть. Однако в моем вопросе, признаюсь, смысл есть. И он заключается вот в чем: не переживайте слишком уж глубоко.

— Что вы имеете в виду?

— Настанет день, когда ей придется выбирать между вами и Властью. Не разочаровывайтесь, если женщина выберет не вас. Она знает вас не так уж долго, а с Властью сроднилась издавна.

Я миг колебался: поблагодарить за совет — или хлопнуть дверью? Но в конце концов нашел компромиссный выход:

— Поживем — увидим.

— К гаражу — направо! — крикнул старик мне вдогонку.

Но я уже и без него увидел строение с широкими воротами.

Где-то километрах в ста от космодрома Арфим я почувствовал себя странно. Мурашки забегали по коже, руки и ноги стало слегка ломить, чуть зашумело в ушах...

Мне было понятно, что это значит. И я поспешил съехать на обочину и остановить машину. Вышел из нее, отошел на несколько шагов и остановился в ожидании. Мне хотелось верить, что я не ошибся. Хотя уже давненько не испытывал таких ощущений.

Я и впрямь не ошибся. Потому что не прошло и минуты, как где-то в глубине себя, в неизведанных закоулках мозга, я услышал знакомый голос:

— Капитан! Ульдемир! Ты слышишь?

— Слышу, Мастер! — не замедлил откликнуться я. Без слов, конечно.

— Ну наконец-то! Где ты? Что у вас там?

Я принялся рассказывать. Краткое изложение обстановки заняло минут десять. Мастер слушал, не перебивая.

— Вот так это мне сейчас представляется,— закончил я.

— На самом деле несколько сложнее,— ответил он.— И речь идет не только о судьбе Ассарта или даже всего скопления Нагор... Но не стану объяснять всего, чтобы не запутать тебя. Что предполагаете делать?

— Видимо, сейчас надо поддерживать Властелина? Потому что против него — Застава с Охранителем. Он поддерживает планеты...

— Нет. Он поддерживает только сам себя, всем остальным он пожертвует.

— И теми семнадцатью?

— Не только. Всем Мирозданием — если только удастся.

— Это звучит невесело, Мастер.

— Выглядит это еще хуже, чем звучит. Но и у нас есть еще некоторые шансы. Сейчас Охранителю удалось выиграть время. Тебе известно, что силы Ассарта стартовали раньше срока?

— Нет. Вероятно, я был уже в дороге...

— Возможно. На этот раз он выиграл время. И довольно много. Ваша задача сейчас, всей команды — замедлять процесс. Мешать войне. Если он просрочит — он проиграл. У нас такого ограничения нет. В этом наше преимущество. Правда, кое-что нам тут и самим неясно. Но в этом вы помочь никак не можете. Так что сейчас вам нужно, во-первых, беречь Изара. Не подставлять его под удар. Стоит он того, или нет, но вся оборона Ассарта основана на его имени. А Ассарт должен продержаться как можно дольше, выигрывая время. Если с Властелином что-то произойдет — я не уверен, что вы найдете замену. Такое имя, за которым пойдут.

— Тут сложно,— отозвался я.— Есть претендент. И не без оснований...

— Знаю. Охранитель использует его, как только может. Это вторая ваша задача: нейтрализовать претендента. Этим сейчас и занимайтесь. По мере того, как будут развертываться события, могут возникнуть и другие задачи. Когда ты встретишься с экипажем?

— Через час-полтора.

— Хорошо. Объясни им всю обстановку. О ваших перемещениях старайтесь сообщать мне.

— А он не заблокирует снова все каналы?

— Думаю, что больше это ему не удастся. Мы приняли меры. Я кончаю. Еще много дел.

— Тепла тебе, Мастер!

— И тебе, капитан!

Машина Советника оказалась куда мощнее, чем та, что лежала сейчас в придорожной канаве. Так что полтора часа я назвал лишь для очистки совести, с большим запросом. На самом деле прошло пятьдесят минут с момента окончания разговора с Мастером — и впереди засветились яркие огни — место въезда в космопорт.

Я оставил машину на стоянке и не стал никого спрашивать, потому что еще издалека отыскал взглядом своеобразные очертания нашего корабля и бегом направился туда, искренне радуясь тому, что все мы, вся команда, наконец снова собираемся вместе.

К сожалению, ненадолго. Потому что — как ни неразумно это выглядело — я пришел к выводу, что мне сейчас ни в коем случае не следовало покидать планеты. А остальным никак не нужно было на ней оставаться.

Мы говорили об этом в тесной кают-компании корабля.

— Так что уступаю мостик тебе, Уве-Йорген.

Я не сказал бы, что это ему не понравилось. Но он все же счел своим долгом возразить:

— Мне это не нравится, Ульдемир. Кажется, для нас наступает наконец пора активных действий, каждый из нас окажется на счету. А чем в это время будешь заниматься ты?

Я усмехнулся.

— Воспользуюсь тем, что Властелин покинул планету, и займу его трон.

Я думал, что они воспримут это как шутку, однако они всерьез поверили в такую возможность.

— Ну что же,— сказал Питек.— В конце концов, управлять планетой несколько легче, чем кораблем.

— Не знаю,— ответил я.— Вот и сравню.

— Решено,— сказал Уве-Йорген уже капитанским голосом.— Какой приказ получает корабль?

— Разыскать в пространстве Центр, который сейчас ищет и Властелин со своей эскадрой.

— Кого атаковать? Центр или Властелина?

— Там хватит желающих атаковать Властелина и все его воинство. Ваша задача — не допустить, чтобы с ним что-то случилось. Как это сделать — разберетесь сами. Потом — доставить его на Ассарт. Там встретимся и будем думать дальше.

— Что же, ясно,— сказал Уве-Йорген.— Стартуем немедленно.

— Я тоже,— кивнул я.

Ничего не поделаешь; Советник получит свою машину чуть позже...

7

Эскадры Ассарта стартовали, как мы знаем, одновременно. И хотя миры, являющиеся их целью, находились на разных расстояниях от Ассарта, корабли должны были, выйдя из прыжка, оказаться каждый близ планеты назначения тоже в одно и то же время. Хотя в сопространстве каждой эскадре предстояло преодолеть иное расстояние — для одних достаточно краткое, для других наоборот,— но поскольку в сопространстве время не течет, там любое расстояние проходится в одно и то же время, а вернее — за ноль времени. И когда корабли вновь материализуются в своем пространстве, часы на любом из них показывают тот же час, минуту и секунду, в какие начался прыжок.

И на этот раз получилось так же.

Корабли, ориентируясь на заранее заброшенные маяки, вышли именно там, где должны были. И где — к полной для них неожиданности — их уже ждали.

Эскадра под флагом адмирала трех лучей Зергена вылетела из сопространства близ многострадального Лезара. За считанные минуты должно было произойти перестроение кораблей в боевой порядок. Затем последовал бы огневой удар по узлам обороны на поверхности планеты и выброска десанта, в то время как небольшие и верткие корабли эскорта вели бы бой с лезарским флотом обороны.

Так и получилось бы, если бы атака эскадры оказалась для обороняющихся неожиданной. Однако, как мы знаем, дела обстояли совсем иначе.

Корабли появлялись из сопространства с интервалом в несколько секунд. Совершенной синхронности тут добиться никогда не удавалось и не удастся, потому что эта секундная разница зависит не от точности действий экипажа при выполнении маневра, но от состояния самого пространства в этой именно точке и в миг входа в прыжок, и в мгновение выхода. Так что когда говорят об одновременности выхода, эта разница в несколько секунд как бы сама собою подразумевается.

Обычно она не играет никакой роли в дальнейших действиях кораблей и эскадр. Но сегодня обстановка в пространстве не была

обычной. И на первом же, вынырнувшем из сопространства корабле — по прихоти судьбы, это оказался десантный транспорт второй очереди, чьей задачей была высадка второй волны десанта на уже захваченный первой волной плацдарм — в считанные мгновения был сосредоточен огонь пяти находившихся вблизи точки выхода кораблей противника. Слабо вооруженный транспорт не успел сделать ни единого ответного выстрела; пораженный прямыми попаданиями тяжелых ракет, он разломился на части. Погибли все, находившиеся на его борту, и это сразу же на четверть ослабило те силы эскадры, которым предстояло воевать на поверхности Лезара.

Правда, корабли эскорта, появившиеся из сопространства с такими же интервалами вслед за транспортом, пострадали не столь жестоко. Значительно меньшие по размерам, они не являлись такой же удобной целью, как первый корабль. Однако тех мгновений, которые нужны были экипажам эскорта, чтобы изготовиться к бою, оказалось достаточно, чтобы огонь Лезара вывел из строя два корабля эскорта, а остальные заставил разлететься в разные стороны вместо того, чтобы перестроиться для ответной атаки. Таким образом, эскорт не мог выполнить своей основной — на первом этапе операции — задачи: обеспечить безопасность выхода из прыжка главных сил эскадры.

Тем временем в пространстве возникали все новые и новые корабли Ассарта. Лишенные в сопространстве и связи, и возможности каких-либо действий, они могли предпринимать какие-то маневры лишь очутившись уже в нормальном пространстве — но оно как раз теперь не было для них нормальным. И если даже вновь выходившие из прыжка корабли и не становились сразу же объектом прицельного и жестокого огня, то уже сам факт — засада противника в месте выхода — наносил удар по психике и боевому духу экипажей и десанта; удар еще более мощный, чем ракетно-лазерные залпы.

Сказалось и то, что не менее трети пилотов и даже командиров кораблей были призваны из запаса считанные дни назад. И потому не были готовы к принятию самостоятельных решений в непредусмотренной обстановке. Однако и те приказания, какие отдавал командующий эскадрой адмирал Зерген и которые были направлены на хоть какую-то организацию боя, по большей части не выполнялись из-за многих причин: связь между кораблями эскадры заглушалась помехами со специальных установок Лезара; полученные обрывки распоряжений истолковывались неверно, и корабли предпринимали действия, обратные тем, какие следовало совершить; и наконец многие капитаны просто не видели возможности выполнять указания командования в этой обстановке.

Поэтому эскадра, не говоря уже о массированной атаке на Лезар, оказалась не в силах даже противопоставить противнику

организованное сопротивление. Разумеется, корабли сопротивлялись, но каждый в отдельности; сражение разбилось на множество отдельных очагов, благодаря чему корабли Ассарта были лишены также и возможности оказывать помощь тем из них, кто в эту секунду более всего в ней нуждался.

Корабли, в зависимости от умения и характера их командиров, вели себя по-разному. Нескольким удалось, отразив первый налет противника, разогнаться и уйти в обратный прыжок, не выбирая направлений, но пытаясь лишь спастись от гибели: в сопространстве, где нет времени, никакие военные действия невозможны — да и любые действия вообще. Другие, вступив в огневую дуэль с кораблями Лезара, сражались до последнего; благодаря самоотверженности их командиров и экипажей оборонительный флот Лезара понес весьма ощутимые потери, хотя это уже не могло повлиять на исход операции в целом. И, наконец, еще одна часть кораблей эскадры, избежав первых, самых опасных залпов Лезара, продолжала, презирая опасность, действовать по первоначальному плану. Таким образом, десант на поверхность Лезара все-таки был выброшен, и в отдельных районах планеты завязались ожесточенные бои, приведшие к крупным потерям и с той, и с другой стороны. Однако обреченность храбрецов была ясна с самого начала; так что через несколько часов бои на поверхности Лезара стали стихать, хотя вызванные жестоким огнем десантников пожары продолжались еще долгое время после того, как был сделан последний выстрел. К изложению этих печальных событий можно добавить лишь, что ни один корабль и ни одна капсула десантных сил не поднялась с Лезара, чтобы устремиться в обратный путь: все они были уничтожены. Та же судьба — только несколько позже — постигла и тех, кто сражался в пространстве.

Таким образом, уцелели лишь те, кто покинул поле боя вскоре после его начала и ушел в обратный прыжок. Можно было ожидать, что они вновь возникнут в своем пространстве в самых разных его точках, потому что при уходе в прыжок им было не до выбора правильного курса. Так что вряд ли кто-нибудь из них мог выйти в непосредственной близости Ассарта — в той части пространства, где они оказались бы очень и очень кстати. Наверняка им пришлось бы, вынырнув, готовиться и совершать новые прыжки — на сей раз уже по нужному направлению. Произошло, однако, то, чего трудно было ожидать вообще: в предполагаемое время корабли эти вообще не вышли из сопространства. Такие случаи прежде не были известны. Видимо, кто-то оказался в силах влиять на сопространство таким образом, что оно не спешило вытолкнуть погрузившиеся в него корабли, как это обычно бывает, но напротив, сумело удержать их в себе — и пока еще неизвестно, смогут ли они когда-либо покинуть его, или обречены находиться там вечно. Поскольку их за-

ключила там некая новая сила, то надо полагать, что и для освобождения их понадобится вмешательство какой-то силы, не уступающей первой, скорее, даже превосходящей ее. Но пока мы действия такой силы ни в чем не наблюдаем.

Так прошла операция по захвату Лезара для завоевания элементов Новой Истории. Что касается прочих шестнадцати планет и соответственно шестнадцати ассартианских эскадр, то, не вдаваясь в подробности, можем сказать лишь, что, в общем, события там развивались по такой же схеме. Конечно, не бывает двух сражений, во всем похожих одно на другое; так что в некоторых местах — например, в пространстве близ мира Тулесир, а также около Фегарна и Серитога, ассартианские эскадры, в которых основная часть личного состава была профессиональной, смогли оказать достойное сопротивление флотам названных планет и вести бой на равных, так что потери и с той, и с другой стороны были примерно одинаковы. Но защитников планет было больше; так что, отразив их натиск, адмиралы, независимо друг от друга, пришли к выводу о бессмысленности десантирования и, под прикрытием кораблей эскорта, снова ушли в сопространство — где их постигла та же судьба, что и бежавшие единицы эскадры адмирала Зергена.

В других местах — в частности, у миров Ктол и Бодин,— эскадрам удалось даже подавить защитников, поскольку эти планеты не обладали сколько-нибудь сильными оборонительными войсками и флотами. На эти планеты были, согласно боевому приказу, высажены десанты, сумевшие даже овладеть некоторыми узлами противокосмической обороны. В этих узлах они и были осаждены — и надолго.

В целом же — такого разгрома Ассарт не переживал еще никогда.

8

Читать оказалось так интересно, что Леза как-то незаметно для самой себя примирилась с неволей,— а ведь казалось, что в несвободе она задохнется очень быстро, как в безвоздушном пространстве. Может быть, так получилось потому, что она от природы была человеком внутренней жизни, для которого внешние ее условия вовсе не являются главными — привыкнув, он вообще перестает их замечать, зато внутри него постоянно происходят бурные процессы, растут и рушатся миры, вытесняя друг друга. Для такого человека хорошая информация (хорошая — значит пригодная для размышлений над нею) куда важнее сегодняшнего меню или новой тряпки. Леза до сей поры даже не подозревала, что она именно к таким людям относится; и лишь тут, в заключении, это стало ей ясно — благодаря тому, что поместили ее, как мы

помним, в закоулок, где хранились — да нет, не «хранились», конечно, а просто были свалены какое-то время тому назад — документы личного архива последнего перед Изаром Властелина — а значит, и множества предшествовавших: все они тут копились, недоступные ни для каких исследователей — историков, генеалогов и разных прочих. И за многие десятки — или сотни, может быть,— лет маленькая женщина оказалась первой, у кого возник доступ к этим документам, а кроме того — что весьма существенно — было достаточно времени для того, чтобы ими всерьез заняться. Все равно, больше ей делать было нечего.

Начала она рыться в этих бумажках именно от скуки — чтобы хоть как-то отвлечься от тоски, от черных мыслей о себе, о будущем ребенке и, конечно же, об Изаре. Первые несколько дней она ждала, что вот-вот появится он на пороге — и освободит ее, и строго накажет тех, кто с нею так обошелся. Но дни приходили и уходили без него. И постепенно она перестала ждать. То есть верила по-прежнему, что он придет и освободит — но уже не думала, что это произойдет сейчас вот — через минуту, через час, через день. Свободная поневоле от хозяйственных забот, она не могла придумать, куда девать себя — пока не обратила внимания на связки и коробки. Сначала занятие показалось ей скучноватым. В архивном деле не сразу входишь во вкус. Но уж когда раскусишь до сердцевины — ничто другое никогда их не заменит.

Бумаги хранились в порядке, далеком от образцового. Видно, когда их откуда-то переносили сюда, то не позаботились о том, чтобы сложить хотя бы в хронологическом порядке или в каком-то тематическом. Так что рядом с неофициальной перепиской, посвященной устройству второго брака Властелина Тенара — прадеда Изара — могли оказаться отчеты по ведению дворцового хозяйства за предыдущее десятилетие, а также справки о деятельности Коронного дома призрения инвалидов за середину прошлого столетия. Сначала Леза, прочитав, возвращала связку или коробку на прежнее место, позже любовь к порядку, делавшая ее прекрасной хозяйкой, заставила придумать какую-то систему, так что в архиве стала возникать некая структура. Это неожиданно помогло и ей самой: вместо отдельных эпизодов перед ней вдруг забрезжило какое-то строение истории ее мира — истории нецензурованной и неподдельной, неокультуренной, но и не искаженной тоже. Мысли о ней оказались неожиданно захватывающими. Но, кроме этого общего интереса, пока еще оставался и каждодневный: берясь за очередную коробку, она могла лишь гадать, в какое время, в какие события попадет, кто ей там встретится из персонажей уже знакомых, а с кем она столкнется впервые. Так что каждый новый день начинался для нее с этой как бы игры — в ней проигрывать было интереснее, чем выигрывать, потому что проигрыш сулил

что-то новое, то, чего она не могла заранее угадать, потому что ни о чем подобном не имела ни малейшего представления.

Сегодня тоже перед тем, как взять очередную связку бумаг, Леза задумалась. Последним, чем она занималась вчера, были неофициальные протоколы переговоров, ведшихся на высочайшем уровне перед началом Семнадцатой Цизонской войны — двести семьдесят лет назад. Что попадется сейчас? Может быть, в виде исключения, эта связка окажется продолжением предшествовавшей и будет заключать в себе частные донесения с театра военных действий? Загадывая так, Леза уже понимала, впрочем, что будет что-то совсем новое: и бумага была совсем другой, и степень сохранности, и сам лак, консервировавший документы, имел совершенно не тот оттенок. Леза набралась уже достаточного опыта, чтобы определить: возраст этих бумаг исчислялся немногими десятилетиями, никак не веками и не циклами.

Она вынесла связку в жилую комнату, удобно устроилась на постели — раскладывать документы здесь было легче, чем на маленьком столике. Бережно, как всегда, сняла эластичные пластиковые кольца, стягивавшие пачку, сняла предохранительные картонки. Внимательно, хотя с некоторым недоумением прочитала надпись на верхней из них: «То, что касается Ублюдка Власти». Ублюдок? Это было что-то ругательное, насколько она могла судить. Но что же значит «Ублюдок Власти»? Леза, как и любой житель Ассарта, с детства знала, что Власть — то же самое, что Властелин — с той лишь разницей, что Властелины с течением времени менялись, Власть же оставалась. Но, пока Властелин был жив, он и был Властью. Поэтому существовали Супруга Власти, Наследник Власти, наконец, Вдова Власти. Но о существовании Ублюдков Власти ей до сих пор слышать не приходилось.

Со странной осторожностью — словно боясь, что бумага вспыхнет в ее пальцах — она взяла первый документ: двойной листок бумаги, исписанный четким, крупным, она почему-то подумала — женским почерком. Прочитала несколько строк и остановилась, не уверенная в своем праве читать дальше. Потому что в руках ее оказалось письмо, совершенно частное, написанное женщиной человеку, которого она, несомненно, любила. Человеком этим, как следовало из текста, был Властелин. Не Изар, конечно — судя по дате в конце письма, Изара тогда и на свете не было. Его отцу, вот кому предназначалось послание. И было им получено — судя по тому, что оно оказалось в этом архиве.

«Родной мой, уж не знаю, обрадуешься ты или только сделаешь вид, но все завершилось благополучно, и маленький Мигрaт уже существует на свете. Я назвала его так — помня, как ты говорил не очень давно, что, если у тебя будет сын, ты хотел бы дать ему это имя. Крупный, прелестный мальчик, и очень похож на тебя —

или это мне только кажется? Ему уже исполнилось три дня, и он ест с удовольствием, наверное, вырастет таким же сильным и жизнелюбивым, как ты...»

Дальше шло совсем уж интимное, и Леза невольно краснела, читая откровенные строчки. Сумела бы она так написать Изару, если бы тут кто-нибудь взялся передать ему письмо? Нет, наверное, она была воспитана в умении открываться почти до конца, не нарушая определенных правил приличия. Хотя и не всегда это удавалось... Она вспомнила их первую ночь и покраснела еще сильнее. И, чтобы отвлечься от горячего воспоминания, подумала: былой Властелин, сколько она его помнила, всегда был старым и не очень крепким, и как-то не получалось представить его с женщиной. Теперь она внезапно как бы увидела его молодым и, наверное, заслуживавшим любви — раз женщина писала ему такие письма. Женщина... Кем она была для него? И вдруг Лезу словно ударили пониже груди — она даже согнулась от боли, почти физической. Кем? Да тем же самым, кем ты служишь для Изара: любовницей, матерью незаконного сына... Ну конечно! Ублюдок — вспомнила она из давно прочитанного — это ведь и есть всего-навсего незаконнорожденный сын...

Значит, у старого Властелина был другой сын — вернее, другим был Изар, а тот — первым. Но где же он? Если у Изара есть брат, каким бы он там ни был по закону, Изар ведь не мог бы бросить его на произвол судьбы; брат мог — и даже должен был — носить другое имя, не дающее ему права на Власть — но тем не менее ему следовало находиться где-то близ Власти, а не вдали от нее. Хотя... то, что Изар никогда о своем брате не заговаривал, могло означать лишь, что он ничего о нем не знал — или же история эта завершилась так давно, что уже и не вспоминалась... Впрочем, что толку строить предположения, когда здесь, в этой вот связке, и должна быть разгадка.

Леза стала перебирать бумаги, одну за другой, то бегло проглядывая, то подолгу задерживаясь на некоторых из них. Там было еще два письма от той же жещнины — на бумаге другого, намного худшего сорта; другим было и содержание — в них чем дальше, тем больше сквозили печаль и обида, а в последнем женщина прямо требовала отдать ей сына. «Ни он, ни я никогда не будем тебя беспокоить, не станем напоминать о нашем существовании — только не разлучай нас, потому что я уже потеряла тебя — неужели я должна потерять еще и сына? Зачем тогда жить?..»

Всем сердцем сочувствуя обиженной и обездоленной женщине, Леза напрасно искала среди документов еще хоть какое-то упоминание о ней. Бумаги молчали; это заставляло думать, что от женщины поспешили отделаться. Леза уже давно поняла, что Власть безжалостна, что она не умеет быть другой.

Ну, а мальчик? Да, о нем здесь было немало: по сути дела, все остальные бумаги были так или иначе связаны с ним. Регулярные донесения воспитателей — сначала спокойные, потом — выражавшие все большую озабоченность некоторыми чертами характера мальчика, отрока, юноши: жестокостью, нежеланием подчиняться старшим, своеволием, дальше — грубостью, несдержанностью... Положительными были разве что характеристики, данные преподавателями сугубо мужских наук: владения клинком, кинжалом, огнестрельным и электронным оружием, умения водить все виды средств передвижения — по тверди, воде, воздуху и в пространстве. Особый человек, называвшийся Воспитателем нравственности, с тревогой сообщал о все более частых угрозах в адрес самого Властелина, его супруги и всего их окружения. Видимо, Миграт знал, как поступили с его матерью, и отнюдь не собирался прощать.

Так что Леза не очень удивилась, обнаружив в конце связки копию документа, подписанного самим Властелином. Распоряжение это предписывало «принять самые серьезные меры, чтобы утихомирить воспитуемого и нейтрализовать его угрозы» — так там было сказано. Леза невольно покачала головой. За свою недолгую жизнь вблизи Власти она успела уже понять смысл определенных выражений. И знала, что «утихомирить» означало вовсе не доброжелательную беседу с юношей, целью которой было бы — показать ему всю нелепость и тщетность его поведения и — должно быть — притязаний; нет, это слово было равнозначно другому — «убрать», с той лишь разницей, что первое относилось к людям знатным, второе же употреблялось применительно ко всем остальным. Итак, мальчика должны были убить.

В связке не оставалось уже почти ничего, и следующий, предпоследний листок Леза взяла с внутренним содроганием: по логике, это могло быть лишь донесение о том, что распоряжение выполнено. Однако содержание оказалось совсем другим. В докладной говорилось, что распоряжение, к прискорбию, выполнить не представилось возможным вследствие того, что воспитуемый в тот же день, когда ему стало известно о рождении истинного Наследника Власти, совершил побег и попытки разыскать его до сих пор не увенчались успехом. Поиски, однако, продолжались с привлечением к ним всего корпуса Заботников донкалата, так что автор доклада выражал твердую уверенность том, что они не сегодня-завтра приведут к ожидаемому результату.

Однако, судя по отсутствию дальнейших донесений, успеха не последовало. Кроме этого последнего рапорта в связке оставался лишь один конверт. Леза открыла его и вынула фотографию. Портрет юноши с крупными чертами лица, с тяжелым, недобрым взглядом. Ему могло быть лет пятнадцать-шестнадцать. Это было более тридцати лет назад — если последние события датировались рожде-

нием Изара. Значит, сейчас ему сорок пять — пятьдесят. Лицо... Никогда не виденное, и все же чем-то знакомое лицо: и черты, и взгляд...

И вдруг Леза ладонью закрыла рот, чтобы не вскрикнуть в голос. Потому что узнала.

Задира; вот кем стал молодой человек. Задира — брат Изара? Враг Изара? Претендент?..

Не может быть.

И тем не менее, так и есть.

Вот с какой стороны грозила — и грозит — опасность Изару...

Ей на мгновение захотелось вскочить, заколотить кулачками в дверь, закричать: немедленно предупредить Властелина, он не знает, с какой стороны будет нанесен удар!..

Но в следующий миг боязнь за Изара отступила, отдавая место другой, куда более серьезной тревоге.

Ублюдок Властелина... Но тот, кто родится у нее, тоже будет носить такое же обозначение. Ублюдок Властелина Изара...

Ублюдку Миграту была предуготована смерть. К его счастью, такое решение было принято лишь тогда, когда он стал уже вполне самостоятельным, сильным, знающим свою цель человеком. Потому что Изар родился намного позже.

Но законный наследник Изара, сын Ястры, явится на свет примерно в то же время, что и ее, Лезы, ребенок. И те, кто заботится о династических делах Ассарта, могут принять такое решение сразу же. Причем — даже не спрашивая соизволения Властелина. Просто не ставя его в известность — если им покажется, что такой выход из положения может ему не понравиться. Да, его просто не спросят. И крохотного мальчика убьют. О себе она уже не думала. Но его, еще не родившегося, надо было спасти.

Еще одна мысль заставила ее совершенно утвердиться в принятом решении. Как знать — не для этого ли ее заточили в этой комнате? Чтобы никуда не девалась, была бы под рукой в тот миг, когда решение окончательно созреет и надо будет приводить его в исполнение. Такое решение вполне могло исходить от Ястры. И это естественно: каждая мать хочет обеспечить будущее своего сына, и если это требует принесения в жертву кого-то другого — она не остановится перед таким шагом.

Лезе подумалось, что и сама она, никогда никого не обижавшая, оказавшись в таком же положении, пожалуй, не проявила бы особой жалости. Тем более, что Ястре ведь не придется ничего делать самой. Найдется достаточно людей, готовых за самые небольшие блага выполнить пожелание Супруги Власти, матери Наследника. Жемчужины.

Нет, бежать, только бежать. Пока она, Леза, еще физически способна на это; через месяц было бы, пожалуй, поздно. Куда

бежать? Не имеет значения. Главное — скрыться, растаять в воздухе, чтобы убийцы не нашли ни ее, ни мальчика. Ускользнуть отсюда; а там — она пойдет, куда угодно — даже к Задире... к Миграту, расскажет ему все, и он, многоопытный, если сам не сможет помочь, то хоть посоветует...

Чего он потребует за это? А все равно. Чего угодно! Пусть! Бежать. Как? Надо подумать. Подумать — и способ найдется...

9

Ни один из кораблей Ассарта, отправившихся штурмовать семнадцать планет, не вернулся, как мы знаем; в окрестности своего мира. Это никого не беспокоило, потому что никто и не предполагал, что они могут вернуться так скоро, и тем менее мог догадываться о той странной задержке в сопространстве, какая с ними произошла благодаря вмешательству какой-то посторонней силы.

Это, однако, совершенно не значит, то ближнее пространство Ассарта оставалось пустым.

Собственно, совершенно пустым оно не было никогда: патрульные корабли сил обороны, как всегда, обращались вокруг Ассарта на своих орбитах, держа под неусыпным контролем каждый кубический километр пространства.

И естественно поэтому, что появление вынырнувших из сопространства эскадр никак не могло остаться незамеченным.

Если бы командиры патрульных кораблей были заранее предупреждены о готовящейся звездной атаке Ассарта, они наверняка сразу же открыли бы огонь по возникающим кораблям, препятствуя им построиться в боевые порядки и начать штурм.

Но любой человек и на патрульных кораблях, и в наземных войсках, да вообще кто угодно на Ассарте готов был предположить что хотите, но только не то, что было на самом деле. Нападение на Ассарт было делом немыслимым: всегда нападал он сам, прочим отводилась роль обороняющихся. Нападение на Ассарт? Такого и в дурном сне не привидится.

Поэтому первые секунды и даже минуты после обнаружения выходящих из сопространства кораблей ушли на патрульных машинах, во-первых, на доклады в Планетарный центр обороны, а во-вторых,— на дискуссии по поводу того — кто же это такие.

Мнения по этому поводу разделялись и видоизменялись. Сперва большинство командиров, разговаривая на общей волне, предположили, что это возвращается эскадра Властелина. Стражи пространства не могли, конечно же, не знать о том, что эскадра эта ушла для выполнения специального задания. Им не полагалось лишь знать, что на флагманском борту находился и сам Властелин; и они этого не знали.

Однако такое предположение продержалось считанные секунды. Ровно столько времени прошло между возникновением в пространстве первой эскадры — то был флот мира Ра-Тиг,— и второй, третьей, четвертой... Ясно, что эскадра Властелина, какими бы боевыми качествами она ни обладала, не могла во время краткого похода размножиться до такой степени.

Незамедлительно возникла мысль, что это возвращается ассартианский, только недавно стартовавший флот. Можно было только гадать о причине, заставившей корабли вернуться буквально с полдороги: ясно, что за прошедшее время нельзя было не только выиграть войну, но даже толком ее начать. Однако в космическом флоте Ассарта, как и на любом другом флоте любой планеты, и не только на флотах, но и в любом роде вооруженных сил — давно привыкли ничему не удивляться, поскольку всегда все возможно, а команда «отставить» часто следует в тот самый миг, когда ее совершенно не ожидают.

А когда стало понятным, что это не ассартианские эскадры, было уже несколько поздно начинать атаку, потому что ее успел начать противник, и ракеты Коалиции уже приближались к целям, а десантные корабли пятнадцати эскадр занимали стартовые позиции для броска на поверхность планеты, в заранее распределенные между ними районы.

Пятнадцать, именно; и никак не семнадцать. Потому что две эскадры (мы вынуждены назвать их, хотя не в наших правилах бросать тень на исправных в общем-то воинов: то были флоты миров Тулесир и Нерошах) не то, чтобы не вышли из прыжка; они мелькнули было в окрестностях Ассарта, но тут же, даже не пытаясь перестроиться для боя, развернулись «все вдруг» и устремились в обратный прыжок.

Для того, чтобы хоть в какой-то мере оправдать их, спешим заверить вас, что если командиры и экипажи кораблей, входивших в эти две эскадры, и были повинны в случившемся, то главная вина лежит все же не на них.

Главная вина, без сомнения, должна быть возложена на Улыбающуюся Даму.

Да, конечно; она была одна, а кораблей в обеих эскадрах насчитывалось никак не менее двух десятков. Поэтому мы совершенно не беремся объяснить, как это у нее получилось. В рамках нашей привычной логики это просто-напросто невозможно. Однако наша логика — всего лишь сильно ограниченная логика людей планетарной стадии. Улыбающаяся же Дама, как вы уже поняли, принадлежала к иной, более высокой ступени длинного человеческого пути — она была человеком Космической стадии. А этим людям посильно

многое из того, о чем мы стараемся не думать и во что пытаемся не верить, хотя и без особого успеха, ибо — каждому воздается по вере его.

Короче: Дама появилась одновременно — или, может быть, почти одновременно, хронометража при этом никто не вел — и в центральных постах, и на постах управления оружием каждого из этих кораблей.

Это произошло в те мгновения, когда эскадры, стартовав с исходных позиций, стремительно набирали скорость, чтобы уйти в сопространственный прыжок. Но и когда они выскочили из прыжка, Улыбающаяся еще находилась в тех же местах.

Собственно, никакого вреда она ни кораблям, ни людям на них не нанесла. Она просто дождалась, пока все ее заметили и, оторвавшись от пультов и экранов, сосредоточили испуганно-изумленные взгляды на ней. Тогда она, укоризненно улыбаясь, покачала головой, как бы упрекая людей в каком-то неблаговидном поступке, и погрозила пальцем, словно намекая на некие, могущие воспоследовать неприятности. Потом тем же пальцем указала на экраны, отошла в сторону и уселась на свободное место. Единственное, чем различалось ее поведение на разных кораблях, заключалось именно в том, что свободными там оказались разные места, так что на флагмане эскадры Тулесир она угнездилась в кресле второго штурмана, который лежал сейчас в своей каюте в коконе, потому что должен был вступить в исполнение обязанностей только после выхода из прыжка; на десантном транспорте этой же эскадры Улыбающаяся Дама устроилась на сиденьи главного боцмана, находившегося сейчас среди десантников в трюме, чтобы положительно влиять на настроение непривычных к сопространственным прыжкам людей (транспорт вез главным образом призванных из запаса); а на флагмане эскадры Нерошах она осмелилась даже занять кресло самого адмирала, который, завидев ее, почему-то пулей вылетел из центрального поста (нет, он, разумеется, не струсил, но по какой-то неведомой причине вообразил вдруг, что против Улыбающейся Дамы может помочь жидкость против укусов насекомых — он вез с собой несколько баллончиков, предполагая, что на Ассарте множество комаров. Он вернулся, но лишь тогда, когда Дама исчезла, а корабли уже заканчивали разворот для обратного прыжка). В остальном же и ее поведение, и его результаты во всех случаях оказались совершенно подобными. А именно: когда она указала на экраны, все послушно перевели свои взгляды на них — и к собственному ужасу увидели на них вовсе не то, что полагалось видеть, но просто черт знает что: вместо планеты Ассарт и, на ее фоне, кораблей патрульной службы, вместо цифр, которые обозначали бы расстояние до цели и необходимый угол прицеливания — какое-то кабаре, голых девиц, пляшущих что-то несусветное и совер-

шенно неприличное, вслед за которыми последовала реклама лучшего в мире Тулесир хлебного пойла и маринованных пауков, которыми, как всякому известно, полагается этот напиток закусывать. Затем снова появились девицы, но не одни, и учинили такое, что всех, находившихся в центральных постах, стало бросать то в жар, то в холод, а под конец они чуть не стали бросаться уже и друг на друга. Но вовремя опомнились и всей братией накинулись на Даму — которая тут и исчезла, успев лишь еще раз указать на экраны, на которых теперь красовалось мрачное изображение черепа и костей: в скоплении Нагор, точно так же, как и в местах, знакомых нам гораздо лучше, картинка эта является предупреждением о грозящей гибели.

После сказанного вряд ли следует удивляться тому, что обе эскадры, не размышляя о возможных неприятных последствиях, предпочли немедленно покинуть поле еще не начавшегося боя. И вот почему эскадр вокруг Ассарта оказалось не семнадцать, а только пятнадцать. Разумеется, и этого вполне достаточно; однако надо принять во внимание, что именно десант мира Тулесир должен был штурмовать город Сомонт, столицу Ассарта, и овладеть им; эскадра же с планеты Нерошах имела целью вывести из строя путем уничтожения Резервный центр обороны Ассарта, находившийся в противоположном полушарии. Таким образом, два очень важных объекта на атакованной планете оказались — во всяком случае, на некоторое время, а может быть, и совершенно — выведены из-под удара.

Что касается остальных флотов, то они честно выполнили свой долг и к настоящей минуте успели уже расстрелять почти в упор только-только пришедшие в себя патрульные корабли ассартиан. Теперь ничто не мешало высадке десантов. И она началась.

10

Штурм Ассарта силами Коалиции по времени почти совпал с появлением эскадры Властелина Изара в той части пространства Нагор, где находился пресловутый Центр объединенных сил: старая космическая станция Глубокого пространства, на которой некогда велись исследовательские работы в некоторых областях энергетики Скопления, а все последние годы она просто болталась в пространстве, протирая борта, и дожигала последние кубики топлива корректционных двигателей. Наверное, излишне говорить, что никакого Центра на ней не было; зато ее использовали для устройства засады.

Станцию можно было уничтожить одним-единственным ракетным ударом эскадры. Однако об этом никто и не заикнулся, потому что по имевшимся у Властелина сведениям там находилась Леза. Поэтому задачей эскадры было: или разгромить охраняющие Центр

корабли, или, на худой конец, завязав бой, стараться увести их в сторону, чтобы сделать возможной высадку на станции не весьма многочисленного, но отборного и отменно вооруженного гвардейского десанта.

К сожалению, из этого прекрасного плана ничего не получилось, потому что кораблей охраны близ станции не оказалось; как вскоре выяснилось, они охватывали широким, но достаточно плотным кольцом ту часть пространства, где находилась и сама станция, и вся вышедшая из сопространства эскадра. Так что силам Властелина был нанесен удар в спину.

К чести его войска надо сказать, что эскадра ничуть не растерялась, сразу же стала отвечать огнем на огонь противника и некоторое время успешно противостояла постепенно сжимающемуся кольцу. Но все же противники сражались в неравных условиях: корабли кольца были гораздо более рассредоточены, обладали поэтому большей свободой маневра и успешнее уклонялись от огня ассартиан. Конечно, эскадра могла без особого труда перестроиться даже под огнем противника и прорвать блокаду, в которой оказалась, ценой даже не очень больших потерь. Однако при этом та цель, ради которой эскадра и сам Властелин здесь и оказались, осталась бы невыполненной. Об этом Изар и подумать не мог. Подчиняясь его воле, командиры лишь отвечали огнем на огонь и маневром на маневр, все более стягиваясь к станции, откуда они ожидали еще одного удара, предполагая, что те, кто устраивал тут засаду, никак не могли не использовать станцию с этой целью. Однако станция не подавала никаких признаков жизни, так что в конце концов Властелин приказал десанту действовать. Десантные корабли полным ходом направились к станции, и первые капсулы с бойцами отделились от них и вскоре достигли цели. Вскрыть запертые люки было для них делом нескольких минут. Предоставив адмиралу руководить боем, Властелин напряженно следил за действиями десанта. Вот они скрылись внутри станции. Преодолевая возникшие сомнения, Изар приказал командиру корабля приблизиться к станции — чтобы, как только понадобится, причалить к ней и взять на борт Лезу. Так он скомандовал, внутренне уже чувствуя, что Лезы там нет и, скорее всего, никогда и не было. Корабль приблизился к ближнему причалу станции и уже готов был выбросить переходник, когда станция сделала то, для чего была приготовлена: она взорвалась.

Взрыв был огромной силы. Разумеется, находившиеся в отдалении от нее корабли эскадры практически не пострадали — долетевшие до них обломки не могли нанести ощутимого вреда. Зато десантный корабль и тот, на котором находился Изар, были практически уничтожены — не говоря уже о людях, проникших внутрь станции.

Изар получил ранение в голову и потерял сознание. Уцелевший второй пилот с трудом втащил его в спасательный катер и кое-как выбрался из обломков корабля, а затем устремился подальше от боя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

— Дьявольщина! — пробормотал Уве-Йорген, когда корабль, за пультом которого Рыцарь сидел, вырвался из сопространства в намеченной точке.

Сомнений не было: они опоздали. На фоне усеянного звездами пространства догорало несколько кораблей, обломки того, что должно было быть станцией, пролетали, удаляясь по радиусам от центра недавнего взрыва; так будет лететь каждый из них, пока тяготение какой-то из далеких звезд не заставит его искривить свой путь и в конце концов замкнуть орбиту. Но еще несколько кораблей находилось неподалеку, на первый взгляд невредимых; они неторопливо перемещались, подчиняясь импульсам двигателей, сходились к одной точке, чтобы образовать, быть может, какой-то единый строй. Уве-Йорген наблюдал за ними, прищурив глаза; похоже, в нем зрело желание ввязаться в бой, атаковать, несмотря на численное превосходство крейсеров с эмблемами разных миров на закругляющихся бортах: пилот знал, что в искусстве маневрирования может потягаться с любым, вооружен он был лучше — и, в конце концов, надо же было на ком-то сорвать злость, овладевшую им, злость на собственную нерасторопность — или на чрезмерную торопливость тех, кому помогать он летел. Наверное, Уве-Йорген так и поступил бы, если бы Георгий не подсказал ему:

— Рыцарь, по-моему, кто-то все же уцелел. Посмотри в правый верхний угол...

Пилот перевел взгляд туда, куда указал спартиот. И в самом деле, там — в изрядном уже отдалении — один из крейсеров Коалиции, быстро ускоряя ход, преследовал какую-то скорлупку; не корабль, конечно, удиравший скорее напоминал какое-то спасательное средство.

— К маневру! — скомандовал Уве-Йорген, приняв мгновенное решение. Но уже за мгновение до его команды все было выполнено: никто не сомневался в предстоящем, и все понимали, что маневр будет выполняться на пределе перегрузок. Поэтому громкие щелчки предохранительных устройств прозвучали одновременно со словами пилота.

Грянули дополнительные, на химическом топливе, двигатели экстренного торможения. Одновременно мягко включились рули.

Описывая крутую циркуляцию, корабль на миг оказался в опасной близости от перестраивающейся в походный ордер эскадры — далеко не полной уже эскадры, но все же сохранявшей боеспособность. Уве-Йорген стиснул зубы: проклятое трижды ощущение — когда ожидаешь удара в спину, пока твои маршевые лишь начинают разгонять машину и до предельной скорости еще далеко... Удара не последовало: видимо, наблюдатели на кораблях Коалиции не сразу заметили, а еще вернее — с замедлением сообразили, что это за кораблик внезапно возник поблизости; а если и поняли, то маневр «Алиса» оценили как попытку спастись бегством. Им и в голову не пришло, что не ради спасения своего экипажа корабль устремился прочь, но ради атаки — единственного, на что сейчас его команда была настроена.

— Конец маневра! — оповестил Уве-Йорген.— К бою!

Бой уже шел на самом деле — только не здесь, где находился сейчас «Алис», а там, впереди. Впрочем, можно ли было назвать это боем: настигающий беглеца крейсер открыл огонь, спасательный же катер лишь увертывался — то ли не было на нем оружия, чтобы ответить, а может быть, оружие было, но некому стрелять из него: не исключено, что единственным человеком на борту был пилот. И все равно, пусть хоть одного, но «Алис» обязан был спасти, чтобы его экипаж не потерял уважения к самим себе.

— Рука, что же ты?

— Еще не время, Рыцарь: он не в зоне. Ты можешь быстрее?

— Нет. Мы и так на форсаже. Сколько еще по твоей шкале?

— Минут через десять можно открывать огонь на поражение.

— Не годится! За десять минут он его наверняка зацепит. Ему и одного попадания хватит, это же бумажный кораблик...

— Чем я могу помочь, Рыцарь?

— Открывай огонь сейчас!

— Впустую потратим...

— Наплевать!

— А что потом?

— Потом пойдем на сближение. И ударит Питек. А сейчас — хоть отвлечем его внимание. На крейсере, похоже, думают, что могут тешиться игрой безнаказанно — как борзая с зайцем...

— Хорошо, пилот.

— Сейчас я, между прочим, капитан,— не утерпел Уве-Йорген без особой, впрочем, обиды; однако порядок ведь должен был быть даже и в такой крайней ситуации. Гибкая Рука это понял и спокойно ответил:

— Виноват, капитан. Открываю огонь...

Две ракеты автоматического наведения выпорхнули из своих гнезд и яркими звездочками унеслись вперед. И пилот, и Рука знали, что не радиус действия этих ракет делал их уязвимыми: они доле-

тели бы, даже находись цель вдесятеро дальше. Дело тут было во времени, потребном для их обнаружения и уничтожения средствами перехвата, какими обладал каждый корабль. Зона уверенного поражения начиналась там, где ракетам требовалось меньше времени, чтобы долететь до цели, чем противнику — обнаружить их и уничтожить. Сейчас времени нужно было слишком много, поэтому не приходилось рассчитывать на то, что они поразят цель.

Так и получилось: ракеты «Алиса» были замечены крейсером вовремя, и через считанные секунды с борта большого корабля стартовали перехватчики. Огоньки на экранах стремительно сближались. Взрыв. Вот и второй. Опасность для крейсера миновала — первая опасность.

Однако, как Уве-Йорген и предполагал, ракеты были потрачены не впустую. Крейсер еще несколько секунд продолжал мчаться за катером, однако уже прекратил огонь. Во всяком случае, на срок, нужный для того, чтобы оценить нового противника и принять решение. На это решение следовало повлиять.

— Рука! Повторить!

— Командир, но мы останемся...

— Разговоры! Огонь! Пуск!

Гибкая Рука повиновался. Еще две ракеты ожили, покинули привычные места и устремились к теперь уже хорошо видному крейсеру. Их тоже перехватили; но на этот раз они взорвались куда ближе к кораблю Коалиции, чем первые. И, видимо, это серьезно обеспокоило командира крейсера: с «Алиса» было заметно, как замерцали частыми импульсами тормозные, и крейсер начал сходить с курса преследования катера.

— Ага! — сказал Уве-Йорген удовлетворенно.— Так я и думал. Уровень младших классов.

— Не понял,— отозвался Гибкая Рука.

— Я думал, что он предпримет такой маневр. Дурачок.

— А что бы сделал ты?

— Как-нибудь сообразил бы, что сейчас нельзя терять скорость, наоборот — увеличить до предела. Он же позволяет нам подойти на дистанцию ближнего боя.

— У него есть свой резон,— откликнулся индеец.

— Какой же это?

— Они умеют считать до четырех. Мы выпустили четыре ракеты.

— Я тоже умею до четырех...

— Кораблям нашего класса — по их представлениям — и не полагается иметь больше. Они наверняка принимают нас за суденышко, уцелевшее от эскадры Властелина и теперь ищущее почетной гибели вместо позорного возвращения... Думаю, что единственное, чего они сейчас будут опасаться,— это того, что мы пойдем на таран, чтобы взорваться вместе.

— Ну что же,— сказал Уве-Йорген.— Я не против. Пусть думают так. Не знаю только, долго ли им еще остается думать...

— Не отвлекайся! — предупредил Георгий.— Он лег на контркурс.

— Лучшего и желать нельзя,— удовлетворенно пробормотал Уве-Йорген, наклонившись над пультом и не сводя глаз с экрана.— Питек, как у тебя?

— Полная готовность, капитан.

— Мы идем хорошо?

— Возьми два градуса в направлении одиннадцать — десять...

— К маневру!

— Капитан! — окликнул Георгий.— Эскадра преследует нас.

— Спохватились... Сколько до них?

— Полторы предельных дистанции.

— Тогда все в порядке. Питек, как идем?

— Лучше не бывает.

— Внимание... Ах, сто чертей!

— Да,— согласился Питек.— Могли бы на пару секунд позже.

Он имел в виду ракеты, только что выпущенные крейсером и быстро приближавшиеся к «Алису».

— Знают, что у нас не должно быть перехватчиков...

— А у нас их и нет. Капитан, разреши — я их...

— Раскрыть карты раньше времени?

— Все равно, им деваться некуда...

— Капитан! Эскадра же открыла огонь! Бьют лазерными импульсами.

— Идиоты. Так они скорее зацепят своего...

— Капитан! Или я действую — или мы окажемся сами в опасной зоне...

— Отставить! Есть другой вариант...

— Есть отставить.

— Уве! — Это был снова Георгий.— Те, сзади, нас нащупывают. Еще полминуты — и...

— Внимание! К срочному прыжку!

Команда выполнилась автоматически; начни люди размышлять, они не успели бы.

«Алис» шел на предельной скорости. Уйти в прыжок можно было в любой миг. Уве-Йорген сделал это, когда выпущенные первым крейсером ракеты находились уже менее чем в минуте полета от, казалось, беззащитного кораблика.

Мгновение — и он исчез из пространства. Точно направлявшиеся ракеты промчались сквозь пустое место и понеслись дальше — их искатели уже нащупали вместо пропавшей цели массивные корабли эскадры, и теперь снаряды, чуть изменив курс, устремились к флагманскому кораблю. Тот был вынужден отбиваться перехват-

чиками, одновременно замедляя ход и заставляя сделать то же самое другие следовавшие за ним корабли.

Сбежавший катер теперь уже трудно было бы обнаружить в пространстве, если бы даже его немедленно принялись искать. Однако эскадре было сейчас не до того. Один из лазерных импульсов эскадры, возможно даже — самый последний задел быстро сближавшийся с эскадрой крейсер. Поражение было не смертельным, но все же чувствительным, и получившему повреждение крейсеру требовалась помощь. Так что пришлось оставить мысль о преследовании — да и догонять, собственно, было больше некого.

Уве-Йорген вывел свой корабль из сопространства с ювелирной точностью — почти там же, где «Алис» и ушел в прыжок. Эскадра отсюда воспринималась как скопление огоньков, едва различимое на ослепительном звездном фоне. Зато был ясно виден спасшийся катер.

На обычном корабле ни одному пилоту, даже самому умелому, осуществить подобный маневр оказалось бы не под силу. Однако «Алис» не был обычным кораблем. Недаром его снаряжала Ферма.

Рыцарь осторожно подвел корабль к катеру. Двигатели того были выключены — или выключились сами, израсходовав всю энергию. Чтобы предупредить о своем приближении, Уве-Йорген включил носовой прожектор. Катер никак ни отозвался. Если на борту его и были живые люди, то они либо находились без сознания, либо ничего не понимали в управлении машиной. Последнее казалось маловероятным.

Уве-Йорген уравнял скорости.

— Георгий, видишь люк?

— С этой стороны его нет.

— Сейчас обойдем...

Несложный маневр: подтормозить, потом на мгновение включить планетарный двигатель — и снова тормозить.

— Вижу, капитан.

— Выдвигай переходник.

После недолгой паузы Георгий доложил:

— Переходник не поможет. Совсем другая конструкция, Уве. Наш «Алис» ведь родом не из этих краев...

— Ясно...— проворчал капитан Уве-Йорген.— Придется выходить. Питек и Рука, вы оба. Возьмите инструменты. Сколько у нас костюмов?

— Два мы наденем — значит, останутся четыре.

— Захватите с собой.

— У них на борту наверняка есть свои.

— Кто знает, что у них там творится. Возьмите.

— Есть.

Почти двадцать минут ушло на то, чтобы выйти в пространство. Две фигуры промелькнули в луче прожектора. Еще четыре костюма плыли за ними на буксире.

— Уве! Выключи прожектор — слепит...

— Извини, Питек. Я не сообразил.

Прожектор погас. Достаточно было и звездного света.

— Ну, что там?

— На стук не отзываются. Придется вскрывать люк.

— Опасно. А если у них не в порядке тамбур?

— Что другого можно придумать?

— Обождите минутку...

— Капитан!

— Погоди, Георгий... Ну, что у тебя?

— Кажется, та свора пришла в себя. И, похоже, нащупали нас. Движутся в нашем направлении.

— Этого только нам не хватало... Питек! Рука!

— Внимательно слушаем, капитан!

— Просверлите люк. И побыстрее. По напору воздуха сообразите: он уходит только из тамбура — или теряет атмосферу весь катер. Если катер — немедленно пробку и изоляцию.

— Ясно. Но мне кажется, лучше сделать по-другому.

— Именно?

— Мы тут пока что разобрались в замке. Он несложный. Предлагаю обшивки не нарушать, а вскрыть замок и одному из нас вскочить в тамбур, люк сразу же закрыть. Если даже тамбур разгерметизирован, воздух не успеет выйти. Да и наверняка здесь есть какой-то резерв...

— Разумно. Сколько на это потребуется времени?

— Что-нибудь изменилось, капитан?

— Эскадра идет курсом на нас. Может быть, конечно, случайное совпадение. Но не исключено, что нас заметили.

— Охотничий азарт?

— Дело не в названии. Действуйте быстро.

— Четверть часа у нас есть?

— У тебя — нет.

— Понял. Тогда пусть Георгий подменит меня.

— Не выйдет. На борту не осталось ни одного костюма.

— Да, верно... Хорошо. Тогда в катер пойдет Рука. А я вернусь сразу же, как он закроет за собой люк.

— Выполняйте!

На экране хорошо видно было, как двое возились около люка. Замок, хотя и простой, поддавался неохотно. Минута, другая, третья...

— Питек! Вы что — уснули там?

— Сейчас, Уве, сейчас... Какой-то кретин его заблокировал изнутри. Но мы уже... Рука, давай! Налегай, не бойся...

— Питек...

— Да погоди, капитан...

Наконец-то крышка люка отошла. Одна из фигур на экране рванулась к проему. Исчезла внутри. Вторая сразу же налегла на крышку. Замигал двигатель за спиной пустотного скафандра. Люк закрылся. Оставшийся в пространстве человек, не выключая движка, устремился к «Алису». Еще через пять минут освободившийся от костюма Питек вскочил в рубку.

— Я готов, капитан.

— На сей раз, кажется, без тебя не обойтись.

— Где они там? — Питек вгляделся.— Да, безусловно — идут на нас. Будем маневрировать?

— Ни в коем случае. Тут катер, и в нем — Рука...

— Ясно. Но коррекции не избежать.

— Готов,— сказал Уве-Йорген.— Куда?

— От оси шесть—восемь, пять градусов...

«Алис» начал медленно менять ориентацию.

— Стоп, стоп! Так стоять!

— Готово.

— Всю энергию на меня!

— Выполнено.

— Начинаю отсчет. Пять. Четыре. Три...

Уве-Йорген и Георгий невольно съежились в креслах. Знали, что толчок будет не сильным, не сравнить с прыжковыми перегрузками. Но все же...

— Один. Залп!

Короткая дрожь прошла волной по телу корабля. Что-то звякнуло, что-то лязгнуло. И снова покой...

Здесь, на корабле «Алис». Но вовсе не там, где находилась в этот миг готовящаяся к очередной ракетной атаке эскадра.

Корабли ее шли пусть и не на предельной скорости, но все же на хорошей, в стремлении побыстрее выйти на дистанцию уверенного поражения цели. Они летели не в кильватерном строю, но в звездном — все располагались в одной плоскости, перпендикулярной линии, соединявшей эскадру с «Алисом», линии огня. Такой строй давал возможность вести огонь одновременно, не мешая друг другу.

И поэтому они одновременно налетели на стену.

На стену, незримую, неощутимую даже в десятке метров от нее; возникшую мгновение назад — сразу после того, как Питек в своем кресле нажал всей ладонью на красную грибную шляпку.

Выброшенное кораблем поле преградило путь эскадре так же уверенно, как если бы это была стена из сверхпрочного метала

Поле это могло существовать в пространстве — без связи с генерировавшим его кораблем — лишь несколько секунд. Поэтому самым важным и трудным было — выбросить его с точным расчетом по определению расстояния до объекта и его скорости. Однако и то и другое определяли, к счастью, не люди, а редко ошибающиеся приборы.

С кораблями эскадры произошло то же, что происходит с любым телом, летящим со скоростью десятков километров в секунду и вдруг врезающимся в неодолимое препятствие.

То, что после удара отскочило от стены, больше никак нельзя было назвать кораблями. Это были груды раскаленного металла, прослоенного расплавленным пластиком и клочьями органики.

В скоплении Нагор такого оружия не было. И к защите от его воздействия не был готов никто.

— Рука! Что у тебя?

— Ничего особенного. Все в порядке.

— Есть люди?

— Двое. Оба без сознания.

— Пилот, это ясно. А кто еще?

— Тот, кого мы обязаны охранять.

— Властелин? Ты не ошибся?

— Я достаточно на него насмотрелся, чтобы отличить от другого.

— Что с ним?

— Сейчас — ничего. Я уже упаковал его и заканчиваю пеленать пилота.

— Я спрашиваю: что с ним?

— Ранен. Но кто-то уже успел перевязать его. Наверное, пилот.

— Но он жив?

— Живы оба.

— Сейчас Питек идет тебе на помощь. Мы тем временем приготовим места для их размещения. Придется класть в коконы.

— Я тоже так думал. А что там противник?

Уве-Йорген ухмыльнулся.

— Разве был какой-то противник? По-моему, это тебе просто померещилось от страха.

— Ага,— невозмутимо откликнулся Гибкая Рука.— Очень может быть.

На то, чтобы оказать необходимую помощь Властелину и пилоту спасательного катера, уложить их в противоперегрузочные коконы и приготовиться к движению, ушло около часа. Потом прозвучала привычная команда: «По местам — к старту».

— Куда мы сейчас, капитан?

— На Ассарт — куда же еще.

— Ты думаешь — там сейчас спокойно?

Уве-Йорген пожал плечами.

— Не имею представления. Но если беспокойно — думаю, мы там пригодимся.

— А пассажиры?

— Наверное, Властелин там нужнее, чем в любом другом месте. Даже раненый. Да что гадать: долетим — сориентируемся. Еще вопросы? Тогда — почему не слышу докладов о готовности?

Доклады прозвучали один за другим, в раз и навсегда установленном порядке.

— Начинаю отсчет. Пять, четыре, три...

И корабль двинулся, ложась на курс для разгона к прыжку.

2

— К вам посетитель, Жемчужина Власти... Настоятельно просит принять по крайне важному и неотложному делу.

— Кто он? — Ястра лениво подняла бровь.

— Я бы сказала, что он — простонародного вида... Хотя одет, как знатный вельможа.

— Вы никогда его не видели?

— Нет, Жемчужина Власти.

«Может быть, кто-то из людей Уля? — подумала Ястра.— Они, кажется, обожают такие представления с переодеваниями...»

— Пусть войдет. Но прикажи охране проследить, чтобы у него не оказалось оружия. Если он из простых, то может не знать заведенных порядков.

— Да, Жемчужина. Разумеется, Жемчужина...

Ястра ощутила даже некоторый интерес. Какое-то, пусть и маленькое, но приключение: неизвестный посетитель. Может быть, для решения какого-то государственного дела? Интересно... Но он медлит. Наверное, там его основательно проверяют...

Камер-дама впорхнула снова:

— Магистр Миграт — к вашему Всемогуществу...

И отступила — с приседанием, как полагается — в сторону.

Человек вошел. Крупный, массивный, с тяжелыми чертами лица, на котором сейчас играла, однако, приятная улыбка. Остановился вовремя, поклонился — как ни странно — тоже с соблюдением всех правил этикета. Одет он был, действительно, как вельможа, но что-то не соответствовало. Однако Ястра встретила его тоже с соблюдением всех правил. Указала на кресло.

— Я готова выслушать вас, Магистр. Надеюсь, вас привело сюда достаточно важное дело?

— Крайне важное, Жемчужина. Но одновременно и строго конфиденциальное. Поэтому вынужден просить вас о беседе без свидетелей.

Но Ястра медлила, хотя и понимала, что камер-дама должна удалиться по первому же ее кивку. Та и в самом деле уже готова была исчезнуть — разумеется, чтобы подслушивать с той стороны двери. Однако Ястру охватило вдруг странное волнение, сродни страху. Ей не приходилось оставаться наедине с мужчиной с тех пор, как... Не считая Уля, конечно, но Уль был своим... Да, очень глубоко засел в ней страх.

— Прошу поверить — мною движут лишь самые благородные намерения.

— Хорошо... Инида, оставьте нас... но не уходите далеко.

Камер-дама присела и исчезла.

— Итак, Магистр?

— Прежде всего разрешите задать вопрос... О да, я знаю, что особам вашего ранга вопросов не задают. Однако чрезвычайные обстоятельства заставляют меня пойти на такое нарушение этикета.

«Забавно: он говорит как хорошо воспитанный человек. А в этой одежде явно чувствует себя стесненным, да и она на нем как-то топорщится — похоже, он сегодня надел ее впервые...»

— Чрезвычайные, вы сказали?

— Да, Жемчужина, и об этом как раз мой вопрос. Известно ли Вашему Всемогуществу, что происходит сейчас на Ассарте и рядом с ним?

— Полагаю, что да, Магистр. Наши доблестные войска собираются нанести удар по тем, кто отказывается выполнять наши справедливые требования...

— Увы, это несколько запоздалые сведения. Наши войска уже попытались нанести тот удар, о котором вы говорите. И повсеместно потерпели поражение.

— Но это невозможно!

— Свершившийся факт не может быть невозможным, Властительница. Но это не совсем то, о чем я спрашивал. Я говорил об Ассарте и его окрестностях. Что происходит сейчас здесь?

— Где именно? В Жилище Власти?

— Нет, не столь буквально. В Державе.

— Я полагаю, то же, что всегда...

— Вы глубоко заблуждаетесь. Планета окружена эскадрами семнадцати миров. И через считанные часы, а может быть — минуты на Ассарт будут высажены десанты. Это будет означать конец Державы, Властительница.

— Если это шутка, то она не очень остроумна.

— К сожалению, это не шутка. Повторяю: это уже свершившийся факт.

— Но пусть это даже так. Полагаю, что Властелин Изар сумеет дать достойный Ассарта отпор авантюристам.

— Властелин Изар... Рискую глубоко опечалить вас, Жемчужина Власти, но у меня есть серьезные основания считать, что ваш высокий супруг не пребывает более среди живых.

— Это ложь!

— Но вы согласны с тем, что он некоторое время тому назад покинул планету вместе со своей эскадрой и гвардией?

— Откуда это вам известно?

— Мне известно не только это. Но и то, что в том месте, куда он направлялся, ваш супруг и его войска были встречены превосходящими силами антиассартской коалиции и разбиты наголову. С прискорбием вынужден сообщить: не уцелело ни одного корабля.

— Ложь! Ложь! Ложь!

— Это можно повторять, сколько угодно; но вы лишь потеряете время без малейшей пользы. Тогда как еще существует возможность выйти из создавшегося положения с честью, и даже без особого ущерба для Державы.

— Что вы имеете в виду?

— Высадку десантов, покорение Ассарта, крушение Власти еще можно предотвратить.

— Каким образом?

Магистр пожал плечами.

— Это в моих возможностях, уверяю вас.

— Так сделайте же это! Незамедлительно!

— С радостью — как только вы выслушаете мои условия и согласитесь на них.

— Магистр! Кто вы такой, чтобы ставить мне какие бы то ни было условия? Не слишком ли вы забываетесь?

— Нимало. Я имею право ставить вам условия, потому что ранг мой равен вашему. И потому, что сейчас управляю событиями я, а не вы, дорогая родственница.

— Родственница? Какая наглость! Да кто же вы?

— Всего лишь старший брат вашего — увы, покойного — второго супруга. Или, выражаясь иначе — старший сын вашего первого супруга. Тоже покойного.

— Но это какой-то бред!

— Нет, мадам. Всего лишь одно из хитросплетений жизни. Вы когда-нибудь слышали об Ублюдке Властелина?

— Н-ну, кажется... Но ведь это все легенды!

— Не кажется ли вам, что я слишком массивен для того, чтобы быть легендой, мадам? Да, я и есть этот Ублюдок. Порожденный вашим первым супругом, когда вас еще и на свете не было. Пусть так называемый незаконный, но я — его сын. И во мне течет кровь Властелинов!

Ястра ощутила вдруг, что человек этот не лжет. Была в нем какая-то внутренняя уверенность в своей правоте.

— Ну хорошо, допустим... допустим, что все обстоит так, как вы говорите. Но...

— Я вынужден перебить вас, Жемчужина. Признаете ли вы теперь за мной право ставить какие-то условия для того, чтобы спасти Державу — нашу Державу — от несчастья и позора?

Ей хотелось закричать ему, чтобы он ушел, оставил ее в покое, что она не желает больше ничего слышать ни о каких бедствиях, десантах, покорениях, оккупациях, крушениях... Но Ястра вовремя вспомнила, что сейчас именно она — Власть, именно она повелевает Ассартом. И потому не вправе проявлять малодушие.

— Во всяком случае, я готова выслушать ваши условия,— она постаралась произнести это как можно высокомернее, чтобы он понял: плохие, страшные новости не сломили ее — и не сломят.— Но не могу давать вам какие-либо предварительные согласия...

— Я их и не требую. Потому что знаю: вы женщина умная и практичная. И достаточно дорожащая Властью и своим положением в системе этой Власти. Мои условия ничего этого не затрагивают, а остальное, думается, не играет для вас столь существенной роли.

Ястра не стала говорить ни «да», ни «нет». Произнесла лишь:

— Я сама знаю, что мне свойственно и что — нет. Ну, так чего же вы требуете?

— И все же я вынужден сказать еще несколько слов о вас. Ясно ли вы поняли, что снова овдовели? В очередной раз сделались Вдовой Власти — то есть человеком, который может править Ассартом в полном соответствии с законами, традициями, обычаями и Порядком?

— Нет, Магистр. Мне нечего понимать. Все, что я знаю о судьбе Властелина Изара — это ваши слова. Но я не могу, и никто не сможет считать их доказательством.

— Я и не претендую на это. Но военная суматоха очень быстро уляжется — и требуемые вами доказательства возникнут. Потому что Изар погиб, мадам. И следовательно, он не вернется. Сколько времени вы намерены ждать его? Я думаю, что присущий вам здравый смысл подскажет, что время это не сможет и не должно будет оказаться слишком долгим. Потому что — конечно, если предположить, что сейчас все кончится для Ассарта благополучно — все это время ожидания нести все тяготы верховной власти в Державе придется вам самой. Но это, мадам, свыше ваших сил. Вы к этому не готовы — потому что никогда не готовились, это было совершенно не нужно. Вы не сможете поэтому править успешно. А это лишь поощрит какого-либо авантюриста — или каких-либо авантюристов — воспользоваться вашей слабостью и неумелостью и захватить

власть. Не кажется ли вам, что я рисую достаточно верную картину?

— Пока я не услышала ни одного условия. Не заставляйте меня ждать, Магистр.

— Это совершенно не в моих намерениях, скорее, наоборот. Итак, мадам — если признать справедливость сказанного мною, то для вас остается лишь один достойный выход: законно имеющуюся у вас власть не менее законным образом передать человеку, которому она по плечу и который сможет справляться с нею и пользоваться ею на благо Ассарта.

— Передать законным образом? Я могу разве что завещать ее — но я еще не собираюсь умирать, можете мне поверить.

— Ну зачем же сразу такие высокие тона... Существует другой способ — тот самый, при помощи которого вы передали власть моему младшему брату...

— То есть... вы имеете в виду брак?

— Именно это, Жемчужина.

— И в супруги предлагаете, если не ошибаюсь, самого себя?

— Не надо быть ясновидящей, чтобы угадать это. Да, себя. Потому что у меня есть все права на это. Как я уже сказал вам, я — сын Властелина, причем первый сын, старший; я не женат — следовательно, мне не придется ничего расторгать и делать кого-то если не несчастным, то во всяком случае ущемленным.

— Это трогательно. Но ведь вы хотите жениться не на мне, а на Ассарте. И вам не страшно?

— Я не боюсь власти, мадам. Я достоин ее.

— Это мало сказать.

— Доказательства не замедлят. Я ведь уже обещал вам: если вы соглашаетесь на мои условия — на Ассарт не ступит нога чужого солдата. Не говорит ли уже одно это о моих возможностях? Поверьте: они куда больше, чем у моего предшественника и младшего брата.

— Возможности, да... Скажите, это вы покушались на жизнь Изара? И не один раз! Но не лгите! Мужчины не лгут!

— О, мужчины лгут женщинам от начала времен — и им отвечают тем же. Но сейчас я не стану. Отвечу так: мне было известно об этих покушениях.

— И ни одно из них не удалось. Не кажется ли вам, что это противоречит вашим декларациям о бескрайних возможностях?

— Ничуть. Мои способности и возможности лежат в области большой политики, а не террора. То, что покушения эти провалились, должны скорее свидетельствовать в мою пользу, чем против меня.

— И покушение на меня тоже — дело ваших рук?

— Покушение на вас? М-м...

— Вы обещали не лгать!

— Вот что я вам отвечу: раньше я не знал, как вы очаровательны, как вы... притягиваете. Вы были для меня просто безличной политической и династической силой, фигурой. Клянусь вам: знай я раньше, каковы вы — мне и в голову не прищло бы ничего подобного. Даже больше. Вот мой брат знал вас издавна, был, как говорят, неравнодушен к вам и пользовался взаимностью...

— Магистр! Это низко...

— И все же я закончу: так вот, будь я тогда на его месте — никогда в жизни и ни за что не допустил бы... не совершил бы... Вы понимаете, о чем я говорю, в этом случае не хочу называть вещи их именами...

— Я благодарна вам за это, Магистр...— глухо проговорила Ястра.

— Счастлив сделать вам приятное. Итак, мое условие вы слышали. Прежде, чем вы задумаетесь над ним, хочу добавить еще нечто. Мне достаточно многое известно и о вашей жизни в последние дни и месяцы. Я уважаю право каждого человека на чувство... И клянусь вам: ваши привязанности, ваши отношения, ваши приближенные, кем бы они ни были — все это останется без изменения. Я не намерен посягать на вашу свободу. Ребенок, которого, как мне известно, вы носите — этот ребенок будет безоговорочно признан наследником Власти. Но ему не придется со временем убивать меня — очень не люблю, когда меня душат, и думаю, что найду способ обойтись без этого милого ритуала. И единственное, что я могу еще сказать в этом отношении, заключается в следующем: при всей свободе ваших отношений с людьми, если вы изредка будете вспоминать о том, что я существую на свете не только как Власть, но и как живой человек — вы сделаете меня бесконечно счастливым...

Женщине опасно слушать такие речи; Ястра сознавала это, но прервать эти излияния не могла — или не хотела, быть может. Она не смотрела на Магистра, когда тот говорил — чтобы он не заметил выражения ее глаз; а когда он умолк — сказала:

— Я обещаю вам обдумать все, сказанное вами.

— Я рад этому, Жемчужина. Но вынужден напомнить: думать придется быстро. Десантные корабли Коалиции не станут бесконечно кружить около Ассарта; они должны либо уйти восвояси, либо выполнить приказ. У вас — считанные минуты.

— Я должна подумать...— упрямо повторила она.

Магистр Миграт встал с кресла.

— Быть может, я могу помочь вам прийти к решению?

Неторопливо ступая, он подошел и остановился совсем близко от нее — так близко, что Ястра — показалось — даже ощутила тепло, мощной волной идущее от его тела. Жемчужина Власти по-

пыталась сосредоточиться, но думать было трудно, думать не хотелось, снова проснулся страх, зашептавший, что самое простое — подчиниться, снять с себя ответственность за все, что происходило и еще могло произойти. Массивная фигура рядом излучала ощущение надежности, от нее веяло решимостью и силой. «Великая Рыба,— подумала Ястра какими-то ускользающими мыслями,— неужели я ни на что другое не пригодна — только на то, чтобы меня покоряли силой, заставляли делать то, чего я не хочу?.. Но если я и на самом деле такова — не могу же я изменить самое себя...»

Она почувствовала, как Миграт взял ее руку, поднес к губам. Они были горячи. «Нет! — беззвучно кричала она самой себе.— Не хочу! Нет!» — и чувствовала, что не выдержит, что сейчас согласится на все, чего он требует — и еще потребует — она знала, что потребует вот прямо сейчас. «Проклятая судьба...» — подумала она, невольно закрывая глаза. Его тепло придвинулось еще ближе, другая рука обняла ее за спину.

— Я не помешал? — В ее сладкое поражение ворвался насмешливый голос. И рухнуло волшебство. Ястра вскочила, Миграт сделал шаг назад — на допустимое приличиями расстояние. Однако не поздно ли уже было?

— Сердечно приветствую вас, эмиссар! Но не слишком ли вы поспешили?

Ульдемир. Да, сомнений не было — это ее советник стоял посреди комнаты, подбоченившись, усмехаясь. Фигурой, ощущением силы он уступал, конечно, Миграту — однако некая уверенность в себе исходила от него. И Ястра вздохнула облегченно.

— Как ты вовремя...— пробормотала она скорее самой себе, чем ему.— Я так рада...

— Да, действительно,— согласился он.— Сейчас опаздывать вредно... Эмиссар, угодно ли вам, чтобы я проводил вас к выходу? Или предпочитаете разобраться в отношениях немедленно?

Однако Миграт уже пришел в себя, от растерянности, охватившей его в первое мгновение, не осталось и следа. Он решительно двинулся к капитану; остановился в трех шагах.

— С каких пор приживалы входят к своим господам без стука и позволения?

— Стука долго ждать не придется,— заверил Ульдемир.— Вы этого хотите, любезный Задира? Только не забывайте: вы не на Заставе и не в вашей излюбленной улице Трущоб — или как там она называется?

И он вытянул вперед руку с растопыренными пальцами. Боец не поступил бы так перед схваткой; но тут речь шла не о рукопашной, и Миграт это прекрасно знал. Он невольно сделал шаг назад, сложил кисти так же вытянутых рук вместе, раздвинув ладони; такой должна была быть защита от энергетического удара.

— Не думайте: отсюда вы не улизнете так легко, как с Заставы! — проговорил он хрипловато.

Ястра переводила растерянный взгляд с одного на другого. Она ничего не понимала.

Ульдемир засмеялся.

— Бежать придется вам, любезнейший,— предупредил он.— Вы, я полагаю, уже поняли, что здесь ничего не добьетесь? Кстати, я тогда не сделал вам больно — в Летней Обители? Никогда не думал, что существо вашей комплекции может исчезнуть так стремительно, как это удалось вам тогда.

— Я привык отдавать долги. И сейчас вы в этом убедитесь...

Еще несколько странных жестов и телодвижений с той и другой стороны; Ястре показалось, что двое мужчин исполняют какой-то экзотический танец, чей язык не до конца понятен, но смотреть на который интересно. И после каждого такого движения воздух ощутимо электризовался, как перед сильной грозой — Ястре показалось даже, что у нее из волос начинают сыпаться искры.

— Перестаньте! Уймитесь же! — взывала она. Но тщетно.

— Не волнуйся,— успокоил ее Ульдемир, продолжая внимательно следить за действиями Мигрaта.— Наш гость...— Он сделал неожиданный выпад, из пальцев его вылетели длинные искры — но Мигрaт был начеку, округло взмахнул ладонями — и разряды ушли в пол.— Наш гость пытается приглушить страх, охватывающий его при мысли, что скоро придется докладывать хозяину, что он зря потратил время... Зря, не правда ли, эмиссар? А ведь Охранитель, как известно, превыше всего ценит время? Как же вы решились задержать атаку на Ассарт ради своих маленьких интересов? Или вы всерьез считаете, что Охранителю не все равно, кто будет сидеть в кресле Властелина Ассарта? Бедный эмиссар! Ему не нужен ни Ассарт, ни вы, и надо быть слабоумным, чтобы не понимать этого...

На этот раз Ульдемир едва увернулся от мощной атаки Мигрaта; но она оказалась слишком рискованной: Магистр на миг утратил чувство дистанции, и капитан, пользуясь этим, мгновенно выбросил вперед обе руки. Разряды вспыхнули с сухим треском, и Мигрaт, остановленный в прыжке, невольно схватился руками за грудь.

— И еще, любезный! — крикнул Ульдемир.

Но Мигрaт не стал дожидаться продолжения. Может быть, он почувствовал, что энергия иссякает, или же удачная атака Ульдемира слишком потрясла его; однако скорее всего он вспомнил, что и в самом деле напрасно теряет время — то самое время, беречь которое так заклинал Охранитель.

— В следующий раз! — прорычал он. И неожиданным прыжком сразу покрыл половину расстояния, отделявшего от двери.

— Прощайте, эмиссар! — проговорил Ульдемир негромко и даже, могло показаться, печально. Однако взгляд его был холоден.

Он вытянул руки вдогонку убегающему, чтобы нанести еще один удар — последний, после которого Миграт уже не оправился бы.

Но удар не состоялся: Ястра, подбежав сзади, схватила его за руки.

— Нет! Уль, нет!

— Сумасшедшая! — сразу охрипшим голосом упрекнул он.— Ты же могла получить весь заряд... Зачем помешала? Ты...

— Ульдемир! Ты ведь не знаешь, кто он!

— Я-то как раз знаю. Эмиссар Охранителя, его цепной пес. Он хотел убить тебя, кстати — и не только тебя...

— Это мне известно,— сказала Ястра уже почти нормальным голосом.— Но ты не знаешь другого: он ведь брат Изара!

— Вот оно что...— не сразу протянул Ульдемир.— Поэтому вы тут и собрались целоваться?

— Уль, как ты можешь...

— Как можешь ты — я не спрашиваю. Да и ты права — во мне нет ни капли вашей крови...

— Скажи лучше: что будем делать сейчас?

Ульдемир пожал плечами.

— Защищаться. Что нам остается? К сожалению, через полчаса, я думаю, десанты Коалиции будут уже на планете. Приказывай, Власть!

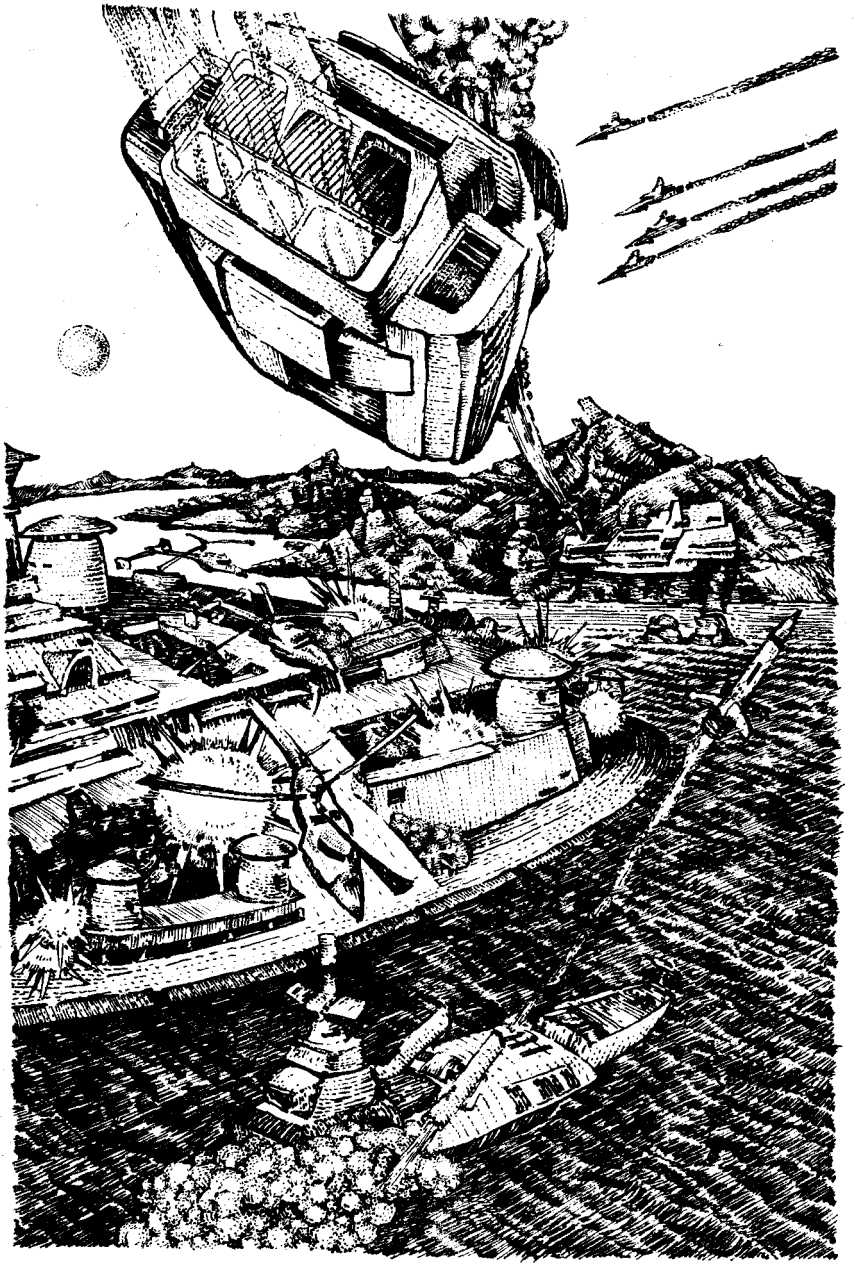
3

Для того, чтобы послать к мирам скопления Нагор семнадцать боеспособных эскадр, пришлось использовать все имевшиеся у Ассарта корабли — за исключением настолько состарившихся, что ими нельзя было рисковать: ни один из этих ветеранов не смог бы выдержать перегрузок, неизбежных при совершении сопространственного прыжка. Таких нашлось немногим более полутора десятков; и ясно, что они не смогли оказать сколько-нибудь заметного сопротивления эскадрам Коалиции, совершенно неожиданно оказавшимся на ближних подступах к планете. Впрочем, неожиданность практически неизбежна при таких операциях — если своевременно не сработала разведка. На этот раз, как мы знаем, единственному человеку, принесшему на Ассарт точные сведения о готовящемся ударе, так и не удалось довести свою информацию до сведения Властелина, а Начальник Департамента Стратегии, по горло занятый подготовкой к началу войны, отказался принять человека, стоявшего в самом низу военной табели о рангах: официально он был всего лишь телохранителем.

Тем не менее полтора десятка старых кораблей, укомплектованных экипажами, состоявшими главным образом из резервистов

где-то на пределе возраста, с честью выполнили свой долг. Сообщив на планету, в оба центра обороны — главный и запасной — о вторжении вражеских эскадр, корабли, объединенные в семь звеньев, не размышляя, устремились на сближение с теми эскадрами, которые оказались ближе прочих к каждому из звеньев. Они шли в атаку, не открывая огня, и поэтому были замечены не сразу. Видимо, капитаны надеялись подойти на дистанцию надежного удара; однако удалось это лишь немногим. Зато противник, заметив, наконец, защитников планеты, открыл огонь сразу же. Корабли защиты даже не имели на борту столько ракет-перехватчиков, сколько потребовалось бы для уничтожения всех выпущенных по ним снарядов; так что нет ничего удивительного в том, что не менее половины защитников было уничтожено, когда они еще не успели по-настоящему вступить в сражение. Однако уцелевшие достигли, наконец, рубежа, за которым имело смысл открывать огонь и самим. Большая часть ракет была уничтожена крейсерами, однако шесть или семь достигли цели и нанесли кораблям десанта повреждения — не очень, впрочем, значительные. Двум кораблям защиты удалось даже прорваться сквозь заградительный огонь крейсеров, и они героически пошли на таран, взорвавшись вместе с атакованными кораблями Коалиции — одним крейсером второго класса и одним десантным транспортом. По сути дела, только это и можно считать реальным результатом действий защитников; все прочее носило скорее демонстративный характер. Спастись от огня противника удалось трем кораблям защиты, один из которых потерпел аварию при посадке на свою базу: у него были, как потом выяснилось, выведены из строя тормозные двигатели. Так была сыграна увертюра ассартского сражения.

Теперь вся ракетная мощь пятнадцати эскадр обрушилась на поверхность планеты. Излишне говорить, что местонахождение узлов противокосмической защиты было давно и точно известно противнику — так же, как для Ассарта не составляли тайны схемы такой же обороны любого из семнадцати миров. Правда, обстрел не принес стопроцентного результата: получив предупреждение кораблей защиты, командование Воздушного рубежа обороны успело поднять с аэродромов никак не менее трети аграпланов противодесантных соединений. Поразить их в полете огнем с космических крейсеров можно было разве что случайно; на сей раз случайностей не было, и ни один аграплан Ассарта не был уничтожен таким способом. Однако в атмосфере планеты уже затормаживались штурмовые аграпланы десанта, сразу же завязавшие бои с машинами Воздушного рубежа. Здесь некоторое преимущество было даже на стороне обороняющихся. Тем не менее, вынужденные вести бои в своих районах обороны, противодесантные силы не смогли перекрыть все возможные направления высадки десантов, и про-

тивник, естественно, этим воспользовался. Первая волна была выброшена, а вторая и дальнейшие — высажены вовсе не там, где происходили воздушные бои, но на второстепенных гражданских аэродромах, лишив таким образом обороняющихся возможности перебрасывать войска тверди в нужные районы при помощи пассажирских самолетов, используемых как транспорты; такую возможность, напротив, получили нападающие. Таким образом, уже через шесть часов после начала операции основные города Ассарта были либо заняты, либо блокированы многочисленными десантными соединениями Коалиции, которые хотя и понесли потери, но вовсе не были обескровлены. Захватом этих городов была выполнена одна из основных задач: тем самым командование Ассарта было лишено значительной части коммуникаций, так что управлять войсками приходилось в основном при помощи радиоцентрали Сомонта; однако эффективность дальней радиосвязи была сведена едва ли не к нулю мощной службой помех, наводившихся с лежавших на орбитах крейсеров Коалиции.

Да если бы все приказы и распоряжения Сомонта и доходили бы до адресатов, это вряд ли помогло бы делу. Во-первых, по той причине, что Властелин, которому традиционно поверили бы, что бы он ни сказал (когда начинается война, вступают в действие совсем другие традиции, не те, что движут людьми в спокойные дни),— Изар не обратился к Ассарту, а поскольку практически никому не было известно, что к началу событий его не было на планете, то сразу же возникли самые разнообразные слухи: говорили о гибели Властелина, о его бегстве, о том, что он отправился воевать вместе с одной из эскадр Ассарта — и только потому якобы противник осмелился напасть. Так или иначе — Властелин молчал, и это служило важным деморализующим фактором. Во-вторых — Начальник Департамента Стратегии, в отсутствие Властелина исполнявший, как мы помним, обязанности Главковерха, уже в самом начале операции сообразил — увы, даже такая быстрота мышления больше уже не могла ничего исправить,— что его провели, как маленького, и что отданный им приказ эскадрам стартовать раньше назначенного времени был, по существу, равносилен акту капитуляции Ассарта. Генералу с самого начала стало ясно, что нормальное управление военными действиями в такой обстановке практически невозможно; что если бы оно даже было возможным, то он бы все равно не сумел осуществлять такое управление — потому что ведение войны на территории Ассарта военной наукой никогда всерьез не рассматривалось, а следовательно, и соответствующая подготовка войск не велась; и наконец — что вся война на планете в этих условиях быстро сведется к возникновению отдельных районов обороны — там, где командующие отдельными частями, соединениями или районами окажутся достаточно инициативными и гра-

мотными; как долго такие районы смогут противостоять противнику, обладающему возможностями широкого маневра и подавляющим преимуществом в ближнем космосе, откуда можно было вести достаточно действенный ракетный огонь по очагам наиболее упорного сопротивления,— смогут ли эти районы продержаться до возвращения экспедиционных эскадр Ассарта — а только на это и стоило надеяться,— представлялось весьма сомнительным.

Может быть, временный Главнокомандующий, впрочем, принял бы все хоть сколько-нибудь возможные меры для организации хотя бы обороны Сомонта и создания пусть и приблизительного плана ведения действий на всей планете — если бы не одно обстоятельство. Обстоятельство заключалось в том, что, хотя все корабли ассартианских эскадр, которым удалось уцелеть при атаках на планеты Коалиции, ушедшие, как мы знаем, в прыжок, чтобы вернуться к Ассарту, до сих пор из прыжка так и не вышли — одному кораблику это все же удалось. Правда, к Вооруженным Силам Ассарта корабль этот не принадлежал; то был «Алис» под командой Уве-Йоргена. Очень точно выйдя из прыжка чуть ли не в верхних слоях атмосферы Ассарта, корабль не стал ввязываться в драку,— по мнению Рыцаря, сейчас это было бы преждевременным,— но сразу же пошел на посадку, выбрав для этого военный космодром неподалеку от Сомонта — тот самый, на котором базировалась лейб-эскадра Властелина, более, к сожалению, не существовавшая.

Сесть Рыцарю удалось без помех — прежде всего потому, что Сомонт вообще остался пока что как бы в стороне от войны: эскадра, которой следовало штурмовать его, как известно, вообще не приняла участия в операции, напуганная некиим трудно объяснимым явлением. Точно так же без помех экипажу удалось добраться до Жилища Власти. Власть сейчас принадлежала Жемчужине; так что оказалось достаточно одного лишь приказания ее Советника — и прибывшие были незамедлительно впущены и столь же незамедлительно приняты на самом верху.

— Что происходит в Нагоре? — таким вопросом встретил их Советник.

— Хороших новостей мы не привезли,— ответил Уве-Йорген.— Ассарт разбит.

— Где Властелин? Вам удалось хотя бы напасть на его след? — На этот раз спросила Ястра. Она хотела казаться спокойной, но это удавалось ей не до конца.

— Властелин ранен. Он у нас.

— На корабле? Почему вы не доставили его сразу же?

— Нужен специальный транспорт. С медицинским оборудованием. Мы не хотели рисковать.

— Тяжелое ранение, Уве? — перехватил инициативу Ульдемир.

— Легким я его не назвал бы.

— Способен он действовать?

— Он без сознания. И нуждается в серьезном лечении.

— В клинику? — подумал вслух Ульдемир.— В какую?

— Не говори глупостей,— решительно вмешалась Ястра.— Никаких клиник. Только здесь. И так, чтобы никто не знал. Распорядись немедленно: медицинскую машину и охрану — всех, кого можно собрать.

— Мы проводим,— сказал Уве-Йорген.— Не беспокойтесь.

Ястра пристально взглянула на него.

— Можешь верить ему, как мне,— проговорил Ульдемир.

— Если бы я тебе верила...— пробормотала Ястра, и не понять было, в шутку это сказано или всерьез. Пожалуй, и сама она этого не знала.

— Да и я тебе тоже не до конца,— Ульдемир не остался в долгу.— Может быть, все-таки безопаснее будет в больнице? Охрану мы обеспечим... Властелин нам понадобится живым и здоровым.

— Неужели ты думаешь, что я способна повредить ему? — вспылила Жемчужина.— Наши с ним личные отношения...— она на миг замялась,— сейчас не имеют никакого значения. Ровно никакого.

— Рад слышать,— ответил Ульдемир.— Рыцарь, поезжайте и привезите его. Мы тем временем подготовим его апартаменты.

— Ни в коем случае,— сказала Ястра безапелляционно.— Только здесь, у меня. На его половине ничего не должны знать. Никто. Даже его камердинер. Этот старик.

— Значит, привезете его сюда,— заключил Ульдемир,— а я сейчас же поставлю в известность главнокомандующего. Нет, не о Властелине, конечно. О нашем военном положении.

— Положение хуже пикового,— сказал Уве-Йорген уже от двери.— Мы достаточно много видели, пока садились. Все подступы к планете перекрыты кораблями Коалиции. И на поверхности идут бои. Удивительно, что еще не штурмуют Сомонт.

— Думаю, что они окажутся здесь очень скоро,— сказал Питек.— Насколько можно было понять, глядя с высоты — бои идут в трех смежных районах обороны. Так что можно ожидать нападения с трех сторон сразу.

— Вот это я и передам Начальнику Департамента.

— Это, и еще кое-что,— проговорила Ястра.

— Что именно?

— Что я отстраняю его от должности и сама принимаю командование.

— Разумно ли? — усомнился Ульдемир.— Уве, что ты медлишь? Спеши! Как только обеспечим безопасность Властелина, соберем военный совет. Если, конечно, Ее Всемогущество не станет возражать.

— Я согласна.

— Мы уже в пути,— сказал Уве-Йорген, закрывая за собой дверь.

— Ты берешь на себя тяжкую ношу,— покачал головой Ульдемир.

— Другого выхода нет. И кроме нас нам никто не поможет.

— Как знать,— задумчиво проговорил капитан.— Может быть, все еще не так безнадежно... Итак, я иду к Начальнику Департамента.

— Нет, это делается иначе. Немедленно вызови его сюда. От моего имени.

Ульдемир опасался, что Главнокомандующий не приедет. Однако он ошибся. Старый генерал был, вероятно, выбит из колеи всем происходящим и вовсе не чувствовал себя настолько уверенно, чтобы не подчиниться носительнице Власти.

Слушая Ульдемира, он лишь все больше бледнел. Он ни разу не поднял глаза на Ястру. Зато она не спускала с него презрительного взгляда.

— Как вы думаете действовать дальше? — Она задала ему единственный вопрос, когда Ульдемир умолк.

— У нас нет связи,— ответил старик.— Войска разобщены. В таких условиях организованное сопротивление невозможно.

— Что нам остается делать?

— Выслать парламентеров и просить хотя бы о перемирии.

— Ваше мнение предельно ясно,— сказала Ястра.— Генерал, я отстраняю вас от командования. Вы виновны во многих преступлениях против Ассарта. Вы оставили державу без войск. Вы заслуживаете смерти.

Генерал не стал оправдываться.

— Разрешете мне удалиться.— Это было все, что он сказал.

— Можете идти.

— Должен ли я сам объявить о моем смещении?

— Не нужно. Это сделаем мы.

— Слушаюсь.

Генерал повернулся и вышел.

— Наверное, надо арестовать его,— сказал Ульдемир.

— Зачем? — спросила Ястра.— Ему осталось жить несколько минут. Он умрет, как только получит свое оружие у охраны.

— Думаешь?

— Генералы у нас не переживают такого,— сказала Ястра высокомерно.— Иди, поручи кому-нибудь распорядиться телом.

Ульдемир вышел, не сказав ни слова. Он вернулся через четверть часа.

— Ты была права,— сказал он негромко.

— Разумеется. Пойдем.

Перед дверью в ее спальню Ульдемир остановился.

— Ястра, я...

— Ты непоправимо поглупел. Неужели ты подумал, что... Сейчас мы поместим тут Изара. А большую и малую гостиные предоставим врачам. Ни одного из них я не выпущу из Жилища, пока Властелин не встанет на ноги.

— Хорошо. Только сделай все это, пожалуйста, без меня. Тут достаточно прислуги.

— Ты ревнуешь? — усмехнулась она.

— Ни в коем случае. Мне просто нужно срочно сделать одно дело.

— Могу я знать — какое?

— Пока — нет,— ответил он, не задумываясь.

Похоже, Ястра хотела возразить что-то достаточно резко. Но в последнее мгновение сдержалась.

— Хорошо. Иди.

Через час с небольшим Властелин был со всеми предосторожностями доставлен в Жилище Власти. Его внесли через подъезд снабжения и укромными переходами дотащили носилки до крыла Жемчужины Власти. Носилки были закрыты одеялом.

Изара уложили на кровать Жемчужины. Он был по-прежнему без сознания.

— Благодарю,— сказала Ястра Уве-Йоргену и сопровождавшим его членам экипажа.— Вы справились с этим прекрасно. Теперь вам предстоит привезти врачей — и всех, кто окажется им нужен. Не объясняйте ничего. Говорите просто: по велению Власти.

— Да, Жемчужина,— вежливо ответил Уве-Йорген.— Разумеется, Ваше Всемогущество.

— Сразу же после этого буду ждать вас в моем кабинете. Необходимо что-то сделать для защиты хотя бы Сомонта.

— Совершенно справедливо, Жемчужина.

— Как вы думаете: это возможно?

Уве-Йорген улыбнулся.

— Мы все — старые головорезы, мадам,— сказал он в ответ.— Как-нибудь вывернемся.

— Вы имеете в виду себя или Ассарт?

— Ни то, ни другое, Властительница.

— Что же тогда?

— Вселенную,— сказал Уве-Йорген и, прощаясь, щелкнул каблуками.

— Мастер... Мастер... Мастер!

Сосредоточившись, закрыв глаза, Ульдемир посылал сигналы.

— Я здесь,— наконец уловил он ответ.— Это ты, капитан?

— Я. Мастер, тут на Ассарте...

— Не нужно докладывать. Мы отсюда видим.

— Что нам делать?

— То же, что и раньше: затягивать время.

— Ассарт долго не выстоит.

— Нужно, чтобы он держался.

— Безнадежно — если Коалиция по-прежнему будет контролировать ближний космос. У нас нет кораблей, чтобы помешать им.

— Неужели все семнадцать эскадр Ассарта уничтожены до последней машины?

— Я в это тоже не верю. Но ни одна из них не вернулась к планете.

— Это Охранитель, я уверен.

— Что он мог сделать?

— Уничтожить их он не мог. Так же, как и я не могу уничтожить корабли Коалиции. Однако он мог задержать их в сопространстве. В прыжке.

— Разве это возможно?

— Иногда.

— Что можно противопоставить этому? Как освободить корабли?

— Не могу ответить тебе сразу. Но попытаюсь помочь.

— Мастер, мы постараемся всеми силами оборонять Сомонт. Пока столица не взята — власть существует и существует сопротивление. Но счет пойдет на часы, самое большое — несколько дней — вот все, что у нас есть.

— Я понял тебя, капитан. Держитесь и ждите помощи. Не будем терять нашего времени; пусть они теряют свое. Иди. Тепла тебе. И всем нашим.

— И тебе, Мастер!

— Ну вот, и весь Военный совет в полном составе.

— Постой, Ульдемир. Ты что же — не хочешь пригласить ни одного из наших генералов?

— Ни одного, Властительница, ты права.

— Но среди них есть прекрасные военные!

— Вот пусть они и выполняют прекрасно то, что им будет приказано. Мы не станем вмешиваться и учить их, как оборонять город или укрепленный район. Мы должны думать о другом.

— Я считала, что созываю Военный совет...

— Именно. Совет, который должен оценить положение, извест-

ное нам лучше, чем любому генералу, и, оценив — решить, что можно противопоставить противнику. Здесь генералы будут нам лишь помехой. Генералы должны сражаться с генералами.

— А вы?

— А мы, эмиссары Сил, должны сражаться с другими эмиссарами. И пока мы не одержим победы над ними, наши генералы не выиграют войны, хотя, может быть, одержат победу в одном-двух локальных сражениях.

— Ты еще говоришь о выигрыше войны...

— Только на такой исход мы согласны. Но не будем терять времени на сотрясение воздуха. Итак: наша стратегия заключается в одном: любой ценой удержать Сомонт. Удержать его до прибытия помощи. Сейчас нельзя еще назвать день, в который она будет нам оказана. Знаю только и могу заверить Властительницу в том, что помощь эта придет. Чтобы удерживать столицу, нужно суметь перебросить сюда как можно больше мобильных войск, сейчас разбросанных по всей планете. Перебросить, пока еще не перекрыты все пути.

— Нет связи, Ульдемир.

— Знаю.

— Все спутники связи сбиты или блокированы.

— Все это известно. Уве, тут придется поработать тебе.

— Я, кажется, догадался: использовать наш «Алис» в качестве спутника связи?

— Да, пусть он послужит ретранслятором. Конечно, дело опасное. Тебя засекут. Будут охотиться.

Уве-Йорген лишь усмехнулся в ответ.

— Сюда пусть отправляют только профессионалов. Резервисты должны остаться на позициях и продолжать драться. Это поможет нам здесь.

— Разумно.

— Когда ты отработаешь как средство связи — можешь порезвиться. Но не вступай в драку с кем придется. Ищи флагманов.

— Хорошо бы разыскать этого Охранителя...— мечтательно пробормотал Питек.

— Пока это не наша задача. Если такое дело окажется в наших силах — нам скажут.

— Мы порезвимся, капитан,— кивнул Уве-Йорген.— А то и в самом деле можно потерять квалификацию.

— Вот этим мы и должны заниматься сейчас. И постоянно держите связь с нами — со мной и с Властительницей.

— Обязательно.

— Там, наверху — постарайтесь вывести из строя еще и те корабли, которые генерируют помехи.

— Принято,— согласился Рыцарь.

— Ну, по-моему, все...

Постучали. Впорхнула камер-дама.

— Врач просит позволения преклониться перед Властительницей...

— Пусть зайдет. Что у него еще?

Врач не заставил себя ждать.

— Ваше Всемогущество, Жемчужина Власти...

— Если вам что-то нужно, говорите сразу.

— Не хватает сестер — для постоянного дежурства у постели больного.

— Постараемся помочь. А пока...

— Властительница, минутку,— попросил Ульдемир.

— В чем дело?

— Я только что вспомнил. Может быть, предложим дежурить у его постели... Лезе?

— Этой... Нет. Ни за что. Наоборот, ее нужно... Я подумаю. Но здесь во всяком случае обойдемся без нее. Я буду дежурить сама, пока мы не найдем человека, на которого я смогу целиком положиться.— И она повторила уже громко, чтобы слышал врач: — Я возьму дежурство этой ночью на себя. За это время найдем кого-нибудь. В чем еще вы нуждаетесь?

— Возможно, нам понадобится оборудовать операционную. Пусть укажут, какое помещение мы сможем использовать для этого.

— Вам покажут все помещения, выберете сами.

— Совет окончен,— сказал Ульдемир.— Займемся делом.

4

Историк Хен Гот чувствовал себя скверно.

Оказалось, что его заветная мечта — новая, прекрасная история его планеты — уже обошлась, и еще обходится слишком дорого. Крушение Державы — вот, чем обернулись его замыслы, которые так понравились самому Властелину...

Но мало этого. Оказалось, что и замыслы, и сам Властелин стали жертвами предательства. И предал их не кто иной, как он сам — историк Хен Гот. Генеральный Композитор Новой истории Ассарта. А на деле — слабый, недальновидный, запутавшийся человек...

Да, война еще продолжалась. Сомонт не был занят противником. При желании можно было даже и сейчас продолжать работу: уточнять историю, шлифовать отдельные эпизоды, размышлять над тем, какое влияние окажет плод их труда на сознание всех, живущих на Ассарте. Можно было: никто не отменял повелений Властелина, и все созданные им учреждения продолжали существовать. Но какой смысл имела сегодня их работа?

И все-таки хотелось думать, что сделанное не пропадет зря.

Война. Историк знал, что корни происходящего сегодня непременно нужно искать в прошлом. Это как с крапивой: ее можно рвать и косить, сколько угодно — но если сохраняется без изменений ее корневая система, которой каждое растение связано со множеством других — она снова вырастет, и раз, и другой, и третий...

Нужно было найти корни хотя бы вот этой самой войны. Найти не в новой, уже созданной ими, но еще не вступившей в силу истории, но в той, которая была на самом деле. Нет, конечно, не в учебниках истории следовало искать: слишком много было в них лжи. И даже не в фундаментальных трудах официальных историков: они писались ради чего угодно, но только не для поисков истины.

Нет; искать корни происходящего следовало в первоисточниках. В архивах. В документах, оставленных в наследство прошлым.

Несколько дней Хен Гот с утра до поздней ночи работал в Главном Державном архиве. Изучал описи дел. Там можно было найти многое. Но того, что было ему нужно, не отыскивалось.

Постепенно он понял: должен существовать еще, самое малое, один архив. Не особенно большой. Закрытый для всех. В нем и хранятся самые важные свидетельства.

Где искать его?

После нескольких часов напряженных раздумий историк пришел к выводу, что такие документы могли храниться только в одном месте: в Жилище Власти.

Значит, туда и надо было отправляться. Почему-то Хену Готу казалось, что главное — попасть туда, а уж там, на месте, он разыщет архив быстро. Хотя бы — просто открывая дверь за дверью. В конце концов, там не может быть бесконечного количества дверей.

Попасть же туда для Главного Композитора Истории особого труда не составляло: находясь в ранге, соответствующем директору департамента, он обладал и правом посещения главного дома Державы.

Однако уже в какой-то степени понимая механику придворных дел, он изготовил и еще несколько официальных документов от имени Департамента Истории и Академии Истории. В документах этих, подписанных и снабженных печатями, высказывалась твердая уверенность в том, что предъявителю их, Главному Композитору Истории, будет оказано всяческое содействие в уточнении некоторых деталей истории, связанных именно с ее древним центром — Жилищем Власти.

После некоторых колебаний, Хен Гот включил в текст официальных писем еще одну фразу, из которой следовало, что все эти уточнения производятся не только с ведома, но и по личному указанию самого Властелина.

Как и подобало столь высокопоставленному лицу, в Жилище

Власти он вошел через главный, или, как его еще называли, торжественный вход. Небрежным жестом предъявил двум охранникам в подъезде свой документ, удостоверявший его личность и ранг.

Однако, к его удивлению, документ вовсе не произвел на охрану никакого впечатления. Наоборот, книжечка в изящной кожаной обложке тут же была возвращена историку с лаконичным примечанием:

— Посетителей не принимают.

— Позвольте, но я же имею право...

— Вы приглашены?

— Нет, но...

— Посетителей не принимают.

Оставалось только повернуться и уйти. Что историк Хен Гот, Главный Композитор, и сделал.

Однако неожиданное препятствие, против ожидания, не охладило его. Наоборот, ему еще больше захотелось проникнуть в здание и поскорее разыскать архив. Почему-то именно теперь он окончательно уверовал в то, что именно здесь он найдет искомое — хотя и не понимал как следует, в чем это искомое должно заключаться. Как это порой случается с историками, он уповал на свою интуицию — качество, воистину бесценное в разного рода расследованиях.

Теперь он попытался проникнуть в Жилище Власти с тыла, через какой-либо из служебных и подсобных входов. Однако каждый из них охранялся. Самое большее, чего он добился, было разрешение позвонить по внутреннему телефону кому-нибудь в Жилище, кто мог бы пригласить его внутрь. Таким правом обладали далеко не все.

Минуту-другую он в задумчивости стоял перед столиком, на котором располагался телефон. Оказалось вдруг, что он не знал здесь ни одного сколько-нибудь значительного лица. Он успел поверхностно познакомиться с двумя или тремя служителями — но в этом случае никто из них не смог бы помочь ему. Если бы он даже знал, как им позвонить. На самом деле: кто они такие? Официант, рассыльный, смотритель одного из этажей — кажется, третьего, но может быть, и второго; нет, на них рассчитывать не приходится.

Историк хотел уже повернуться и уйти, сохраняя на лице достойное выражение. Однако в последний миг вспомнил: да, в Жилище был еще один человек, с которым он успел установить какие-то человеческие отношения; и человек этот, без сомнения, мог бы помочь ему, если бы захотел. Во всяком случае, можно было попробовать.

Он решительно снял трубку и набрал номер. Номер этот ему запомнился с первого прочтения, он был очень легким: один, два, три, четыре.

Несколько негромких гудков ушло в пустоту. Историк уже решил было положить трубку, когда на другом конце провода слабо щелкнуло и тихий голос проговорил:

— Камер-служба Властелина.

— Окажите любезность — позовите господина личного камердинера Эфата.

— Я слушаю,— отозвался тот же голос, и Хен Гот как наяву увидел перед собой рослого старика в красной ливрее.

— Вас беспокоит Хен Гот, Главный Композитор Истории. Вы должны меня помнить, господин Эфат.

— Прекрасно помню,— ответил старик так же равнодушно-спокойно.— Чем могу быть полезен?

— По делу службы мне нужно попасть в Жилище Власти. Раньше я проходил свободно...

— Теперь многое изменилось, Донк.

— Но мне действительно нужно. Помогите мне!

— Увы,— после краткой паузы ответил Эфат.— Я могу приглашать только от имени Властелина. Но он сейчас в отсутствии.

— О, Всесильная Рыба! — вздохнул Хен Гот.— Кто же тогда поможет мне, если не вы? А я так на вас рассчитывал...

— Неужели это и в самом деле так важно? Сейчас, когда идет эта страшная война...

— Но ведь мое дело тоже касается войны.

— Неужели?

— Да. Имеет к ней самое прямое отношение!

Камердинер снова помолчал.

— Ну что же, попробую что-нибудь сделать... Только не зовите никого к телефону. Я уже сказал: мое приглашение роли не сыграет. Сделаем... да, сделаем иначе. Откуда вы звоните?

— Из третьего подсобного входа...

— Как только мы закончим разговор, выходите из Жилища. Идите по площади направо, свернете по второй улице. Пересеките весь первый цикл. Когда войдете во второй — спросите пивную «Синий Осьминог». По соседству с ней увидите дом номер восемь. Войдите во двор. Там ждите.

— Ждать чего?

— Меня.

— Но мне нужно сюда, а не в пивную!

— Вы здесь и окажетесь. Вы запомнили все, что я сказал?

— Разумеется.

— Тогда отправляйтесь немедля.

Путь до назначенного места занял сорок с лишним минут. Улица, пивная, дом, подворотня, грязный, замусоренный двор — ничто не

вызвало у историка ни малейшего энтузиазма. Прождав пять минут, он уже пришел к выводу, что старик просто-напросто разыграл его — чтобы отделаться. Еще через пять минут он решил, что пора уходить и искать каких-то иных путей. И тут в дальнем конце двора он увидел неизвестно откуда взявшегося старика — поверх ливреи на нем был надет черный плащ. Старик жестом подозвал историка.

— Вы вооружены? — спросил он вместо приветствия.

— Я? Никогда не ношу оружия.

— Очень хорошо. Идемте.

Историк недоверчиво усмехнулся:

— Вы хотите сказать, что отсюда мы можем попасть в Жилище Власти?

— Я ничего не хочу сказать. Увидите сами. Вот сюда, пожалуйста. Пригнитесь: тут низко. Здесь направо...

И они вступили во тьму.

— Ну, наконец-то хоть какой-то свет впереди...

— Раньше освещался весь ход. Теперь свет тут отключен.

— Тут немудрено заблудиться.

— Только не мне. Осторожно — сейчас будет лестница.

— Далеко еще?

— Нет. Мы уже под Жилищем.

— Скажите, Эфат... Где находится архив?

— Державный? Насколько я знаю, в Первом городском цикле, на улице...

— Нет. Архив Жилища Власти.

— Гм... Вы полагаете, такой существует?

— Я не полагаю — я знаю. Но Властелин не успел объяснить мне, где именно он находится.

— Властелин говорил вам об архиве?

— Иначе откуда бы я знал о нем?

«Конечно, это ложь,— подумал про себя историк.— Но ведь это для пользы дела...»

— Попробую припомнить...

Они помолчали, пробираясь узким коридором. Эфат отворил еще одну дверь.

— Ну, вот мы и в Жилище. Вам, историку, следовало бы знать об этом ходе.

— Ради того я и хочу поработать в этом архиве,— ответил Хен Гот.— Для историка это все равно, что найти клад. Может быть, вы успели вспомнить, где хранятся документы?

— Совершенно точно знаю, что на половине Властелина ничего подобного нет. Эта часть жилища известна мне до мелочей. Видимо,

он располагается где-то в том крыле, который занимает Жемчужина Власти.

— Но вы поможете мне разыскать его?

— Не думаю, чтобы там я мог бы помочь вам в чем-то. Там своя охрана, своя прислуга.

— Неужели никак нельзя попасть туда?

— Ну, если поискать, то можно, конечно, найти ход. Это не самое сложное. Но, допустим, вы оказались там и кто-то остановил вас. Не забудьте: держава в состоянии войны, сейчас не станут долго разбираться. Солоно придется вам — да и мне, как только узнают, что это я провел вас.

— От меня они ничего не узнают!

— Это вам так кажется... Ну что же — раз уж я взялся помочь вам... попытаюсь отыскать хоть какие-то следы, чтобы не действовать вслепую. Идемте.

— Куда мы направляемся сейчас?

— Ко мне. Вы обождете там, а я поговорю с комендантом Жилища. У него имеются дубликаты всех ключей. Если там отыщется ключ от нужной вам двери, найти ее будет гораздо проще.

— Я так и знал, что вы найдете выход.

— Пока это только предположение. Вот и моя каморка. Милости прошу.

Хен Гот вошел и огляделся. Каморкой это было никак не назвать. Обширные апартаменты царедворца.

— Хотел бы я жить в такой каморке...

— Порой это надоедает. Но в конце концов привыкаешь. Садитесь вот сюда. Я постараюсь не задерживаться.

Историк уселся и приготовился ждать. Минуты утекали. Первый азарт поиска схлынул, и вернулись мысли о себе самом, о своей судьбе. Пусть против своего желания, но он все же стал пособником тех, кто выступал, самое малое, против Властелина Изара, а значит, и против Новой истории. Может быть, конечно, никто об этом никогда не узнает. И все равно, память и совесть будут мучить его до конца дней. Это — в случае, если Властелину удастся все же отбить нападение, одержать победу. Хен Гот поймал себя на том, что внутренне никак не допускает иного исхода: на него, как и на всякого ассартианина, действовала инерция традиций, масса официальной истории, в которой Ассарт всегда побеждал. Однако сейчас события разворачивались явно по другому сценарию. Ну а если верх возьмут другие? Тогда что — к власти придет Магистр? Он считает историка своим сторонником? Быть может. Однако люди такого склада, придя к власти, стараются побыстрее избавиться от тех, кто был свидетелем их предыдущей жизни, не столь бедной такими действиями, о которых не должен помнить никто. Возможно ли, что Магистр попытается заставить его замолчать? Просто-напросто

убрать, иными словами? История Ассарта насчитывает десятки, да что там — сотни таких примеров... Во всяком случае, надеяться на порядочность и доброту Магистра было бы нынче самым глупым.

В таком случае, зачем он, Хен Гот, тратит сейчас время на поиски архива Властелинов? Это интересно, разумеется, но уж никак не является вопросом жизни и смерти. Логически рассуждая, самое разумное теперь — махнуть рукой на все и спасаться, бежать, куда глаза глядят, найти какую-то нору, в которую можно забиться и отсидеться, отлежаться до того времени, когда опять наступит покой...

Где найдешь такое место на Ассарте? Казалось бы, планета достаточно велика, на ней — множество городов, поселков, крестьянских жилищ — а ведь есть еще и леса, и горные страны. Как же не найти в этом обилии надежного укрытия?

Однако он знал, что, как бы ни был велик, допустим, тот же Сомонт, и сколько бы людей его ни населяло — все они на виду и на счету. Исчезновение каждого человека обязательно будет где-то замечено, а появление нового — сразу же зафиксировано, и последует негласное выяснение и установление его личности и обстоятельств его появления. Таков мир, таков Ассарт, и не зря о всеведущести и могуществе Легиона Морского Дна рассказывают легенды.

Хорошо бы вообще исчезнуть с планеты. Не навсегда — но хотя бы на достаточно продолжительный срок. Оказаться в каком-нибудь из семнадцати других миров Нагора.

Но об этом можно только мечтать. Ни в один мир не дойдешь пешком, не доплывешь на лодочке. А попасть на корабль, да еще в дни войны...

И ведь это было бы еще только началом. Ну, допустим, ты попал на корабль и этот корабль привез тебя куда-то. Как ты объяснишь тамошним властям свое появление в их мире? Ну хорошо, честно скажешь: бежал, спасаясь от неминуемой смерти. Предположим, тебе поверят. Разрешат остаться. Ну а дальше? Как жить там? На что? Твоя специальность — история Ассарта. Хорошо, в конце концов, такой специалист может и понадобиться. Однако, по сути дела, кем ты стал, кто ты сейчас? Крупный специалист по Новой истории Ассарта — прекрасной, но нереальной и никому, кроме самого Ассарта, нигде не нужной. Что ты сможешь предложить любому другому миру?

Нет, кажется, он попал в безвыходное положение.

И вдруг он встрепенулся, едва не вскочил с кресла.

Архив!

Да, вот этот самый архив, поисками которого он сейчас занимается. Хотя бы десяток-другой, хотя бы несколько таких документов, касающихся династии Властелинов, при взгляде на которые загорелись бы глаза даже не у историков, но у политиков на любой

планете Нагора. Это ведь только несведущим кажется, что документ — всего лишь бумага. Это — взрывчатое вещество огромной силы, таким не обладают ни одни вооруженные силы всех миров! Смертоносное оружие! Обладание им очень многого стоит...

Обладая этим оружием, можно уцелеть даже и тут. Предупредив, что в случае, если с ним плохо обойдутся, сработает некий механизм и документы окажутся обнародованными. Для этого их, конечно, следует держать не при себе. И даже не на Ассарте, а в сейфе самого надежного банка на самой далекой от Ассарта планете. На Тулесире или Рое.

Значит, все-таки нужно попасть туда. А прежде — найти доступ в этот архив. И убедиться в том, что такие документы там есть.

Не могут не быть.

Теперь Хен Гот и на самом деле вскочил с места и стал расхаживать по комнате из угла в угол.

Что же медлит старик?..

Мысль эта возникла в тот самый миг, когда дверь неслышно отворилась и вошел Эфат.

— Вот то, что вам нужно,— сказал он.

Историк повертел в пальцах массивный, с двойной бородкой, желтый ключ.

— Вы уверены, что это ключ от архива?

— Я не примерял его,— несколько суховато сказал старик.— Но из всех ста сорока восьми ключей Жилища Власти этот оказался единственным, на котором не было бирки с названием помещения. Во всяком случае, ничего другого сделать нельзя.

— Я искренне вам признателен,— спохватился Хен Гот.— И хотел бы иметь возможность ответить вам любой услугой, какая может понадобиться. А теперь прошу вас: объясните, как мне найти дверь, которая отпирается этим ключом.

— Очень просто,— сказал камердинер.— На ушке ключа выбит номер.

— Да, я заметил. Сто шестнадцатый.

— Совершенно верно. Значит, вам нужно помещение номер сто шестнадцать.

— На дверях есть номера?

— Думаю, что сейчас уже не на всех. Но по закоулкам они наверняка сохранились.

— Вы поможете мне попасть в ту половину Жилища?

— Я обещал, и я это сделаю. Но только поставлю условие.

— Согласен на любое!

— Нет, оно не потребует от вас ни малейших усилий. Отперев дверь, вы в любом случае вернете мне ключ.

— Он вам так нужен?

— Во всем должен быть порядок. Этому ключу полагается на-

ходиться у коменданта Жилища. Но не беспокойтесь: пока вы там будете заниматься своими делами, я сделаю — закажу — вам дубликат. Пожалуй, самое лучшее будет сделать так: вы, убедившись, что попали туда, куда нужно, войдете, и я запру вас. А вечером приду и выпущу, и тогда же отдам вам дубликат ключа. Согласны?

— Видимо, у меня нет другого выхода...

— Очень хорошо. Да, у вас нет другого выхода. Идемте.

5

Странные отношения были у Мастера с одним из его эмиссаров, в своей планетарной стадии носившим сан иеромонаха, а здесь, на Ферме, имевшим прозвище Пахаря. Странные — потому, что если все другие — а было их немало — признавали Мастера представителем Высших Сил, то иеромонах, безусловно соглашаясь с тем, что во всех делах практических Мастер понимает и может куда больше, тем не менее считал, что по отношению ко всем Высшим Силам, включая и Наивысшую, он стоял выше Мастера, поскольку обладал саном, которого ни у Мастера, ни у Фермера, по его убеждению, не было. И разубедить его в этом было невозможно. Поэтому Мастер, всегда старавшийся щадить самолюбие своих эмиссаров, не считал зазорным лишний раз выказать иеромонаху свое уважение — понимая, должно быть, что от такой мелочи дело не пострадает, что же касается его, Мастера, престижа, то о таких вещах Мастер и вовсе никогда не задумывался.

Вот и на этот раз вместо того, чтобы пригласить Пахаря прийти в дом, Мастер сам отправился туда, где иеромонах проводил и дни и ночи — поскольку постоянно теплая и ясная здесь погода это позволяла.

Иеромонах молился; Мастер сел на землю, опустив ноги в придорожную канаву, и с удовольствием расслабился, позволяя себе несколько минут не думать о делах, которые становились все более и более серьезными и в самом ближайшем будущем — Мастер отчетливо ощущал — должны были и вовсе закрутиться лихой каруселью. Да и закрутились уже, собственно. Он сидел, с удовольствием отдаваясь теплому ветерку, мягкому запаху земли и трав, неумолчной перекличке птиц на недалекой опушке светлого леса. И лишь когда Пахарь, завершив свое дело, приблизился к нему, Мастер вернулся в привычное для него состояние собранности и готовности к любым действиям.

— Тепла тебе, Мастер,— приветствовал его Пахарь.

— И тебе,— откликнулся Мастер, как всегда, с удовольствием оглядывая крепкую фигуру; в отличие от многих других людей, пребывавших в Космической стадии своего пути, Иеромонах не спешил

отказываться от плоти — здесь, на Ферме, он мог обладать ею постоянно. И лишь в случае крайней необходимости он переходил в иные формы.— Доволен ли ты работой?

— Славно работается,— ответил Пахарь.

— Не надоедает?

— Как не надоедает дышать.

— Не соскучился ли ты по друзьям?

Пахарь улыбнулся, открывая зубы, сверкнувшие белизной в черном обрамлении бороды и усов.

— Я всегда по ним скучаю.

— Не желаешь ли увидеться с ними?

Пахарь, подумав, ответил:

— Встреча с друзьями — праздник; но на один праздник приходится много будней, недаром в седмице лишь одно воскресенье. Но ты не случайно заговорил о них, Мастер. Не помню случая, чтобы ты делал что-либо без другого смысла.

На этот раз улыбнулся Мастер.

— Ты прав, конечно. Есть и другой смысл.

— Изложи. Им приходится трудно?

— Не только им. Всем нам.

— По себе я пока не чувствую.

— Ты у нас один такой. Вот и бережем тебя,— серьезно ответил Мастер.— И только тогда призываем, когда никто, кроме тебя, не справится.

Пахарь был простодушен и не подумал даже, что эти слова могут быть всего лишь лестью.

— Ну что же,— сказал он.— Сейчас как раз можно. Все пошло в рост. Ты только насчет дождя не запамятуй, Мастер. Я Творца просил, конечно, но и ты не забудь. Понеже воля Его исполняется через нас, многогрешных.

— Не забуду.

— Теперь говори, что стряслось.

— Начну с того, что придется тебе на время покинуть Ферму.

— Ох, не люблю я этого,— вздохнул Пахарь.— Сам знаешь, не по мне это. Ведь бестелесно придется путешествовать?

— Ты и сам понимаешь.

— Понимать-то понимаю... Ну, а куда же? Опять на какой-нибудь планете неувязки? Когда же научатся без нас обходиться?

— Когда научатся, мы и нужны не будем,— ответил Мастер.— Но до этого еще ждать и ждать... если только нам не помешают.

— Кто же это окажется в силах?

— Как будто ты сам не знаешь.

— М-да,— сказал Пахарь после паузы,— силен, силен враг рода человеческого. Равно и присные его. С ними, что ли, тягаться?

— От тебя ничего не скроешь. С ними.

— Где же и как?

— На планеты тебе пока не нужно. Есть Застава. Как Ферма, только не наша. Но лучше начну я с самого начала — тебе потом меньше придется спрашивать.

— Погоди, только воды напьюсь...

Пахарь слушал внимательно, не перебивая, приопустив тяжелые веки, мощные руки сложив на животе. Когда Мастер умолк, он заговорил не сразу, как бы раскладывая в уме услышанное по разным полочкам и коробам.

— Значит, Эла там была.

— Была. И обнаружила интересные вещи. Она мне сообщила. То, что она там видала, я думаю, поможет нам многое понять. Но... не довела дело до конца. Не увидела чего-то, что, я уверен, там должно быть. Машина, устройство... Ты должен разобраться. Найти.

— Господь надоумит. Ну, пришел я туда, разобрался. Дальше что? Сломать? Я ведь без тела. А таким воздействием, как ты учил, у меня не больно-то получается. Знаю, пробовал.

— И все же надо. Мы тут с Фермером думали и, похоже, догадались: Охранитель этой механикой изолирует нас от Мироздания. И держит множество кораблей в сопространстве. Кораблей Ассарта, которые нужны сейчас для защиты их планеты.

— Где они нужны, это я понял. Однако уповаю на Господа... Наши-то мужики там?

— Там. И в опасности.

— Ну, об опасности ты мне не говори, Мастер. Что им станется? Будут как я, как Эла — только и всего. Так или иначе ведь...

— Не тебе судить. Не заносись, иеромонах.

— Грешен...— проворчал Пахарь.— Великий грешник есмь. Но все равно — без тела мне с таким делом не справиться. А в теле туда не попасть. Кругом шестнадцать.

— Обожди еще причитать. Сначала проберись туда. Осмотрись. И если сам уж никак не сумеешь — тогда придется тебе отправиться на планету. На Ассарт, к нашим. Хотя бы одного из них доставишь в то место. На Заставу. Как — не знаю. Придумаете. Вдвоем уж как-нибудь справитесь.

— Не простая задачка.

— Ради простых не отрывал бы тебя от дел.

— Это так, это я понимаю... Мастер, но ведь куда проще было бы тебе самому туда пожаловать. Ты-то ведь с легкостью управился бы, разве не так?

— А вот и не так,— сказал в ответ Мастер.— Как же ты — человек серьезный, а такой простой вещи не понимаешь. И Фермер, и я — мы ведь только с живым имеем дело. И на это поставлены. А то, что не живет — это не наше. А ведь машины, даже самые тонкие, не живут. Существуют, но не живут.

— Так-то так. Но все же не очень в это верится. Вы с Фермером все-таки поумнее нас. Намного.

— Так. А ты — умнее лошади?

— Ну... должно быть.

— Управлять ею можешь?

— Уж как-нибудь.

— А если тебя вместо нее в оглобли поставить — ты лучше повезешь?

Иеромонах засмеялся, покачал головой.

— Язык у тебя ловок, Мастер. Ну, ладно. Пойду и сделаю, как ты говоришь.

Он поднялся, отряхнул приставший сор.

— Постой,— сказал Мастер.— Только хочу предупредить: если наткнешься на Охранителя — будь осторожен. Он силен.

— Имя он себе выбрал, прямо скажу, не по чину. Но хоть как он зовись — что он мне сделает? Я уже давно не планетарный...

— Что сделает? Воплотит хотя бы.

— Ну? А он может?

— Может. Как и я могу, и Фермер. Только не в человека. Чтобы воплотить снова в человека, нужны те, кто сильнее нас. Но во что-нибудь пониже.

— Но ты же не слабее, Мастер?

— А где я тебя тогда найду? Нет, ты уж лучше побережись, если придется с ним столкнуться. И сразу, как только все осмотришь, сообщи мне сюда. Вот, теперь — идем. Я тебя отправлю прямо туда.

6

Леза чувствовала: еще немного, вот-вот — и она впадет в черное, безвозвратное отчаяние, из которого выход только в смерть. Ее и умереть не очень устрашило бы; однако она уже не сама была и не для себя, но только для другого — того, кто, не желая признавать никаких резонов, упрямо рос в ней и уже ощутимо толкался. Напоминал, как будто она могла о нем забыть.

Ныне ясно было, что его — а значит, и ее спасение лишь в том, чтобы бежать отсюда, исчезнуть в безвестности, раствориться в окружающем мире. Подальше от власти, от каждого, кто представлял и кто олицетворял ее — Власть, не имеющую ни совести, ни жалости, не знающую любви, не останавливающуюся перед подлостью, перед предательством, перед убийством. Мысли об Изаре, прежде бывшем для нее главным в жизни, не исчезли из ее сознания, но как-то поблекли, стушевались, утратили объемность и стали плоскими — как будто не с ней произошло это — любовь к Изару, не-

долгая жизнь с ним,— но было прочитано в какой-то книге, и пока читала — волновало, а когда, дочитав, закрыла книгу — перестало тревожить, потому что, скорее всего, было кем-то придумано. Нет, она нимало не жалела обо всем, что было, и даже не отказывалась от возврата — но не прежде, чем совершенно уверится в том, что ребенку ее ничто не грозит, что он надежно укрыт и никогда не ввяжется в холодную и смертельную борьбу за высочайшее в Державе кресло — да и ни за какое другое. Иногда бегло проскальзывала мысль: а почему? Ведь он как раз и будет единственным, обладающим подлинным правом на Власть; но тут же за этой мыслью приходила другая, верная: полноте, кто же в борьбе за власть считается с правом? Не более, чем с моралью. Право выглядит хорошо, когда за его спиной стоят густые шеренги войск и полные залы политиков; иначе оно обречено.

Бежать нужно было, бежать без оглядки.

Но только — как?

Сперва она решила было, что сумеет договориться по-хорошему с теми, кто привел ее сюда и запер. С Жемчужиной Власти. По первому знакомству, оказавшемуся пока и последней их встречей, Ястра показалась женщиной не злой и даже не очень коварной. Чем-то она Лезе даже понравилась. Может быть, тут сказалось и то, что Леза, несмотря на высокое положение Жемчужины и все, с ним связанное,— Леза ее скорее жалела и уж никак не завидовала. Не то, чтобы она забыла свою собственную готовность подвергнуться тогда *насилию — е г о насилию; но ведь это шло от любви, когда ничто* не страшит, Ястра же Изара, надо полагать, не любила, иначе не отвергла бы его и не утешилась так скоропостижно. И вот Лезе показалось, что, если откровенно с Жемчужиной Власти поговорить, сказать, что готова исчезнуть навсегда и отовсюду, хоть в другой мир переселиться, что ее ребенок никогда не выступит претендентом, она готова любой клятвой поклясться,— Жемчужина поймет ее как женщина женщину и как будущая мать может понять другую будущую мать; поймет, и не только отпустит, но даже и поможет укрыть все концы, запутать следы... Придя к такому выводу, Леза, как только ей принесли очередную еду, попросила стража передать, кому следовало, что она просит Жемчужину о свидании. Немногоречивый страж кивнул, но, в отличие от прошлых своих посещений, этим не ограничился, а позволил себе даже произнести несколько слов:

— Только навряд ли,— сказал он.— Война ведь.

Война! А она и не знала этого. Теперь становилось куда понятнее, почему Изар до сих пор не разыскал ее тут: война — это уж такое дело, самое главное для мужчин. И не только ему, но, наверное, всем хватает работы, даже и Жемчужине Власти. Госпитали, благотворительность — по книжкам Леза знала, чем в такие дни занимаются высокопоставленные дамы. Но ведь и она в конце кон-

цов собиралась просить о благотворительности — только в иной, необычной форме.

— Вы передайте все же. Ладно?

И она улыбнулась, как умела делать, когда хотела понравиться.

— Отчего ж не передать,— сказал страж, забирая утреннюю посуду.

Когда он снова появился — вечером,— Леза не стала спрашивать, только посмотела на него ожидающим взглядом. Он понял и только пожал плечами. Наверное, это следовало понимать так: передать передал, но ответа никакого не получил. Но ведь, собственно, ему и не должны были ответить. Кто-нибудь другой придет и передаст, что ему прикажут,— или, еще вернее, прямо велит идти за ним и отведет ее к Жемчужине. Интересно, будут ли ее и на этот раз угощать кофе? Наверное, не станут. Но хоть выслушают...

Однако и на другой день никто не приходил, не передавал и не приглашал следовать за ним. И Леза ясно поняла: сегодня никому не до нее, судьба ее не волнует ни Ястру, ни того человека, что заменил рядом с ней Изара — ну совершенно никого.

Пришлось искать другие возможности. И в сознании вдруг всплыл другой человек, который, если бы очень захотел, наверняка смог бы каким-то способом посодействовать ей. Задира. Ублюдок Властелина. Или, как она теперь называла его про себя,— Претендент Миграт. Он был человеком сильным, это чувствовалось в нем сразу, и решительным. Конечно, освободить ее, действуя извне — дело опасное. Ради чего Миграт захотел бы пойти на немалый риск? Что могла Леза предложить ему? Подумав, она нашла две таких вещи. Первой была полная откровенность. Не может быть, чтобы Миграт остался равнодушным к судьбе другого человека, пусть еще даже не родившегося, но уже отмеченного той же, что Миграт, судьбой. Наверное, это затронет какие-то струны в душе претендента. Если же этого окажется недостаточно, Леза могла вдобавок предложить только себя. Она с той, самой первой встречи, почувствовала, что нравится ему — и ведь, в конце концов, он не поступил с нею плохо, значит, испытывал к ней какое-то другое чувство, не только чисто плотское влечение; но если даже и только это интересовало его — она готова была за спасение сына заплатить такой ценой: жизнь ребенка была дороже чести, дороже верности и даже любви: все это были чувства вторые, а к ребенку — первое и главное.

Вот только решить — это было меньшей половиной дела; а как сделать, чтобы ее зов долетел до Мигрaта? Лезе было страшно просить стража, чтобы он отправился во второй городской цикл и разыскал там человека по имени Задира, которого знали все; но уж совершенно невозможным было — передать стражу то, что она хотела сказать Мигрaту. Оставалось написать — и уповать на то, что

страж согласится, выйдя из Жилища Власти, бросить письмо в ящик, предварительно не прочитав его. Конечно, точного адреса Задиры Леза не знала, однако решила, что можно написать на адрес запомнившейся ей пивной на той улице — как раз напротив этой пивной все тогда и произошло; а что, попав в пивную, письмо дойдет до Задиры, она не сомневалась.

Писать, правда, было нечем и не на чем. Снова дождавшись стража — сегодня это был другой,— она попросила листок бумаги и ручку. Страж посмотрел на нее, как на пустое место, и никак не дал понять, что он вообще услышал обращение к нему. Леза повторила просьбу. Страж собрал посуду и молча ушел. Всего их было трое, и тот, добрый, должен был появиться лишь послезавтра. Приходилось ждать.

Чтобы как-то скрасить это ожидание, Леза вновь принялась за архив. А в промежутках между документами раздумывала о том, что станет делать, если с Задирой ничего не получится. Выходило, что останется возможным лишь одно: напасть на стража, когда он снова придет, чем-нибудь сильно ударить, чтобы он упал в обморок, и убежать. Леза не имела ни малейшего представления о том, как станет выбираться из Жилища Власти, но сейчас об этом и не стоило думать: сначала — убежать из этой комнаты, а уж там, дальше, останется только надеяться на доброту судьбы. Сейчас оставалось лишь окончательно решиться на такое действие, противное ее представлениям о жизни. Но человек, оказавшись в безвыходном положении, способен идти на все.

Вот только чем ударить? Она медленно обвела глазами комнату, как бы заново знакомясь со всем, что тут находилось. Кажется, самым подходящим был стул. Леза попробовала поднять его над головой. Стул оказался очень тяжелым, она не могла долго держать его на весу. Наверное, следовало поднять его, как только снаружи начнут отпирать дверь и, стоя рядом с дверью, ударить, едва страж войдет. Да, наверное, именно так следовало поступить. Главное — не испугаться в тот миг, когда надо будет нанести удар, не смутиться мыслью о крови, и вообще — никакой жалости! Совсем никакой! Ее тут никто не жалеет...

Но, может быть, все же не надо заходить так далеко? Неужели нельзя добиться своего иначе, как с применением оружия — хотя бы столь примитивного, каким был стул?

Пока еще оставалось время, она села на это самое оружие и принялась убеждать самое себя в том, что необходимо проявить твердость характера — и во всяком случае, если уж бить, то изо всех сил, потому что если она ударит слабо, то ей сделают очень плохо, сразу же поймут ее намерения и поступят, как с настоящей преступницей. Никакого прекраснодушия! Ведь если...

Мысли прервались. В коридоре зазвучали шаги — все громче, все

ближе. Но странно: их было слишком много — шагов. Ступал явно не один человек, а самое малое два. Леза отошла на шаг от стула, за спинку которого уже было ухватилась. Двое? К ней? Если один — страж, наверняка страж, то кто же второй? Она перевела дыхание. Может быть, ее просьба наконец дошла до Ястры, и сейчас ее позовут, отведут к Жемчужине Власти? Не верится? А зачем еще могли прийти к ней — сейчас, когда не время еще было приносить еду? Но может быть и наоборот — ее заберут отсюда, чтобы перевести в другое место — в настоящую тюрьму, возможно? Она невольно съежилась, захотела стать маленькой-маленькой, незаметной для глаза. Шаги остановились возле двери, и она услышала, как ключ скользнул в замочную скважину.

Ни о чем не думая больше, Леза шарахнулась от двери. Выбежала в коридорчик. Оттуда — в архивную комнату. Спрятаться тут было совершенно некуда. Она не могла уменьшиться до такой степени, чтобы уместиться в коробке из-под документов, и даже на полке шкафа было слишком мало места. Судьба была против нее. Внезапно ослабели ноги. Леза опустилась на пыльный пол. Больше ничего нельзя сделать. Будь, что будет.

Напрягая слух, она ловила каждый звук. Замок звякнул, как всегда, у замка был громкий голос и звонкий. Люди вошли. Заговорили. Голоса не были ей знакомы. Или нет... один, уже старческого тембра, она как будто уже слышала, но когда и где — сейчас не вспомнить было. Другой — другой голос, моложе и громче, наверняка незнаком. Что они говорят? Не рискуя приоткрыть дверь в коридорчик, Леза приложила к двери ухо.

Странно: никто не удивился, что ее нет, что она не встречает пришедших. Хотя именно ее отсутствие должно было в первую очередь удивить их. О чем они?..

— Вы уверены, Эфат, что не ошиблись? По-моему, здесь живут. И, во всяком случае, на архив это не очень похоже...

— Однако он должен находиться здесь. Пока мы пробирались, я вспомнил, что когда-то был в нем — много лет назад. Да, здесь. Но постойте. Видите — другая дверь. Вероятно, хранилище там.

— А все это?

— Возможно, кто-то работал здесь сутками. Не исключено и то, что при архиве может находиться хранитель.

— Что ж, это было бы естественно... Но тогда где он?

— Мало ли где? Вышел по своим делам.

— Может быть и так. Но все же повремените немного. Хочу убедиться в том, что действительно оказался там, куда хотел попасть.

— Пожалуйста, не медлите. Не хочу, чтобы меня застали на половине Жемчужины. И Властелину это очень не понравится, когда он вернется.

А! Теперь Леза вспомнила — в тот же миг, как услышала слово «Властелин». Конечно же: старик был тем самым, кто встретил ее, когда ее привезли, вытащив из постели, по приказу самого Изара. Старик этот — Эфат, да, совершенно точно,— и ввел ее в комнату, где ожидал сам Властелин...

Она подумала сейчас об Изаре, как о ком-то постороннем, как о Властелине — и ни о ком больше.

Снова шаги. Вот отворилась дверь из той комнаты в коридор. Так. Остановились у первой двери. Наверное, заглядывают туда...

— А знаете, здесь совершенно темно!

— Свет наверняка есть. Поищите, найдите выключатель. Но скорее, ради Рыбы...

— Сейчас, сейчас... Нет, я и так вижу: это не то. Но есть еще одна дверь...

Леза мгновенным движением выключила свет. Отступила и стала так, чтобы дверь, отворившись, прикрыла ее. Хотя и понимала, что это ровно ничего не даст: стоит вошедшему протянуть руку — и он нащупает выключатель и, конечно, тут же увидит ее.

Хотя, собственно — чего ей бояться? Она не сама забралась сюда и ничего не собирается похищать. Но, может быть, этот человек поможет ей хотя бы передать письмо Задире?

Вот только Эфат не должен видеть ее здесь.

Странно: еще так недавно она сочла бы появление старого камердинера великой удачей: он сразу же сообщил бы Властелину, где она находится. Но сейчас Властелина здесь нет,— они только что говорили об этом,— да и если бы он находился тут, теперь она очень крепко подумала бы, прежде чем прибегать к его помощи. Что-то изменилось в ней, когда она узнала, что у Изара есть брат, которому он за много лет не оказал ни малейшей помощи, ни разу даже не упомянул о нем. Но ведь не может быть, чтобы Изар ничего не знал! Нет, наверное, она просто слишком мало знала его, не понимала до конца... Нет. Не надо, чтобы видел Эфат.

А неожиданный гость уже стоял в дверях. Сейчас вытянет руку...

Мысль блеснула мгновенно. С находившейся рядом полки она схватила первую попавшуюся в темноте папку с документами. И приложила к стене — поверх выключателя. В следующее мгновение рука вошедшего легла на твердый картон, скользнула, пошарила выше, ниже и опустилась.

Человек пробормотал что-то про себя, едва слышно — но, кажется, что-то грубое. Осторожно двинулся вперед. Пересек узкую комнату и налетел на полку. Снова проворчал что-то. Потом щелкнула зажигалка, и слабый огонек осветил стеллажи и связки бумаг на них.

Леза едва удержалась от того, чтобы вскрикнуть: даже ей было ясно, насколько опасен огонь здесь, в помещении, набитом пересохшей бумагой, где, казалось, сам воздух уже стал воспламеняю-

щимся. Но и посетителю, видимо, пришло в голову то же самое; огонек погас, и человек поспешно вышел в коридор и дальше — в комнату. Он не закрыл за собою дверей, и то, что он сказал, Леза слышала очень хорошо:

— Вы правы, Эфат, это то самое.

— Я очень рад. В таком случае, ухожу.

— А я сразу начну смотреть. Чувствую — здесь много интересного...

— Значит, я могу не очень торопиться?

— Не очень, но все же... я буду спокойнее, получив свой ключ.

— Несомненно. Я не промедлю. У нас в Жилище — свои мастера... Но на самый худой конец — у вас здесь есть возможность отдохнуть.

— Надеюсь, мне не придется ею воспользоваться.

— Счастливо оставаться.

— До встречи.

Потом стукнула дверь, и замок снова издал звонкий звук — на этот раз запираясь.

Эфат ушел. А этот — второй — остался.

Это было совершенно неожиданно.

Что он собирается тут делать? Работать с архивом? Почему же его не предупредили, что архив сейчас используется как тюрьма?

Хотя понятно, почему: его привел Эфат — значит, и второй является человеком из окружения Изара, а не Ястры.

Интересно, надолго ли он собрался задержаться. Конечно, Леза может просидеть здесь еще какое-то время. Но близится время ужина. Придет страж. И немало удивится, увидев, что кто-то проник в помещение, которое ему, наверное, полагалось охранять.

Нет, лучше все же предупредить этого человека, объяснить ему, в какую ситуацию он попал. Рассказать что-то и о себе. И, быть может... быть может, он согласится помочь?

И она вышла из темного архива, намеренно громко стуча каблуками. Увидев изумленные глаза и сам собой раскрывшийся рот гостя, не могла удержаться от смеха. Она так давно не смеялась!

— Здравствуйте,— как ни в чем не бывало приветствовала она.— Милости прошу. Чувствуйте себя как дома!

— Здра...— издал он, горло перехватило, он откашлялся и только после этого смог договорить: — Здравствуйте... Кто вы? Откуда?

— Быть может, я крыса? — вслух подумала Леза.— Архивная крыса. Вы слышали о таких?

— Крыса? Нет! Архивная фея, может быть?

Леза улыбнулась.

— Садитесь на стул. Не люблю, когда незнакомые мужчины располагаются на моей кровати. У нас есть еще немного времени, и я хочу кое-что рассказать вам.

— Вы собираетесь уйти?

Кажется, в его голосе прозвучало огорчение. Но в такие мужские интонации Леза не верила.

— Уйду с удовольствием, если вы поможете. А сейчас потерпите. Я буду объяснять. Потом мне принесут ужин. Если вы будете хорошо слушать, я, пожалуй, поделюсь с вами.

Хен Гот, пока она говорила, успел в какой-то степени прийти в себя.

— Рассказывайте,— сказал он, усаживаясь на указанное место.— Потому что мне вскоре принесут ключ, и...

— Это очень хорошо,— сказала Леза.— Итак: кто я? Наверное, вы когда-нибудь слышали какие-то разговоры обо мне...

Дворцовый слесарь, в чьем распоряжении имелись не одни лишь ручные напильники и надфили, но целый парк точных станков, сделал бы ключ за каких-нибудь десять минут — считая с мгновения, когда в его руках оказался бы оригинал.

Чтобы длинными переходами добраться до отдаленной части подвальных помещений, где располагались мастерские, Эфату, человеку весьма немолодому, могло потребоваться не менее получаса.

Однако он не появился в мастерских ни через полчаса, ни через час, ни даже через два.

Нет, с ним не произошло никакой беды, не возникло никаких неприятностей, в которые он оказался бы замешан. Скорее наоборот.

Когда он, соблюдая все меры предосторожности, уже приближался к условной границе, отделявшей помещения Жемчужины Власти, где он чувствовал себя неуютно, от остальной территории Жилища, в которой ему дышалось легко,— его вдруг остановил человек, показавшийся камердинеру отдаленно знакомым.

Почти сразу он вспомнил: это был один из тех людей, что выручили Властелина во время столкновения на какой-то грязной улице; человек этот, вместе с еще двумя (одним из которых был теперешний Главный Композитор истории; не помоги он тогда Властелину, вряд ли Эфат согласился бы содействовать в его поисках, но те, кто тогда защитил Изара, даже не зная его, заслуживали, по мнению камердинера, самого большого уважения) — итак, человек этот был приглашен Властелином в Жилище Власти, а впоследствии определен в личную охрану Жемчужины. Так или иначе, он не был человек вовсе незнакомый, и Эфат даже не очень испугался. Повернувшись к остановившему его, он лишь вопросительно поднял брови.

— Чем я могу быть вам полезен?

Охранник Жемчужины смотрел на него немигающими глазами.

— Идите со мной,— сказал он.

— Приношу извинения,— вежливо отказался Эфат,— но я спешу по очень важному делу. С удовольствием встречусь с вами несколько позже.

— Сейчас нет более важного дела,— сказал страж,— чем то, в связи с которым я вас приглашаю.

Похоже, что он говорил серьезно. Эфат заколебался.

— Я нужен вам надолго?

Страж, кажется, чуть улыбнулся.

— Это вы решите сами. Как только разберетесь в деле.

— И все же... Вы ведь случайно наткнулись на меня! Если бы вы меня не встретили здесь...

— То я разыскал бы вас в любом месте, где вы находились бы. Сейчас я как раз возвращаюсь из вашего жилища. Мне нужны именно вы, донк личный камердинер.

Эфат вздохнул. Видимо, искали именно его, хотя он и не мог представить — зачем. Он мог, конечно, отказаться и сейчас. Но этот плечистый и длиннорукий молодец мог просто-напросто унести его, взяв в охапку. Здесь он был хозяином. Здесь было государство Ястры.

— Хорошо. Я иду с вами.

Страж — видимо, для вящей уверенности — взял его под руку, и старик ощутил тугую хватку сильных пальцев.

Они свернули в широкий коридор и двинулись, приближаясь к апартаментам Властительницы.

— Может быть, вы все-таки скажете?..

— Вы все увидете сами.

Страж постучал и, не дожидаясь ответа, отворил дверь. Это был малый, или, по другому названию, интимный холл. Здесь находился Советник Жемчужины.

— Ага,— сказал он.— Вот и вы. Прекрасно. Идемте.

Страж остался в холле, а Советник повел камердинера по анфиладе комнат. Одна за другой, они оставались позади.

— Донк Советник, вы, кажется, ведете меня в спальню?

В следующей комнате, куда они вступили, сильно пахло лекарствами, а на столах из розовых и оранжевых сортов дерева Раш, уже больше не произраставшего на планете (один такой столик был ценнее современного самолета) стояли какие-то медицинские приборы, аппараты, в углу возник автоклав, не более уместный здесь, чем железный контейнер для мусора. Автоклав огорчил Эфата, а остальное — встревожило.

— Властительница захворала? Серьезно?

— Властительница в добром здравии. Не задерживайтесь. Нас ждут.

— Но тогда зачем...

— Я сказал вам: увидите сами.

Наконец они подошли к последней двери.

— Донк Советник, но это же спальня Ее Всемогущества! Я надеюсь, вы не ведете меня в спальню?

— Я веду вас туда, где вам следует находиться.

И Советник отворил дверь.

На кровати Жемчужины кто-то лежал. Но не она: она сидела в кресле рядом с кроватью и держала лежавшего за руку.

— Подойдите ближе,— приказала она.

Эфат подошел и взглянул.

На постели лежал Властелин Изар. Глаза его были закрыты.

Эфат опустился на колени рядом с кроватью, даже сам не контролируя своих действий. Он прижался губами к бессильно лежавшей поверх белоснежного одеяла руке. Потом повлажневшими глазами посмотрел на Жемчужину.

— Он жив,— сказала она.— Недавно на несколько минут пришел в себя. Хотел видеть вас.

— Я... Конечно! Великая Рыба, Властелин жив! Будет ли мне позволено остаться здесь? Я готов... все, что угодно...

— Вы останетесь, даже если не захотите этого. Потому что никто в Жилище, никто во всем городе не должен знать того, что теперь знаете вы.

— Разумеется! Благодарю, благодарю вас, Жемчужина Власти...

Он забыл в этот миг об историке, ожидающем ключа, как забыл бы обо всем на свете. Властелин здесь, и он, Эфат, будет ухаживать за ним. Днем и ночью.

— Ну вот,— сказала Ястра Ульдемиру.— Теперь я смогу отдохнуть. И не нужно никаких дополнительных сестер. Этот старик стоит трех, если не больше.

Послышались шаги.

— Ну, вот он, наконец. Все-таки, в старости люди становятся страшно медлительными.

— По-моему, нет. Скорее, это несут мой ужин. Вам лучше спрятаться.

— А если все же Эфат? Вы не хотите, чтобы он вас увидел...

— Придется прятаться обоим. Если ужин — выйду я. Если камердинер — вы.

Времени на раздумья не оставалось. Стараясь ступать потише, историк и Леза скрылись в коридоре.

Замок сыграл свою протяжную ноту.

Они стояли в темном коридоре. Рука Хен Гота легла на плечо Лезы. Легким движением она сбросила руку. Он не повторил попытки.

— Ужин,— прошептала она. И вышла. Страж собрал обеденную посуду, составил на поднос. Беглым взглядом окинул комнату. И вышел, не сказав ни слова. Ключ повернулся. Леза обождала, пока шаги не отдалились на безопасное расстояние.

— Можете выйти,— сказала она.

Историк вышел, держа в руке связку бумаг.

— Жертвую вам половину,— сказала Леза.— Даже больше. Мужчины, по-моему, всегда испытывают голод. Но, к сожалению, нет второго прибора. Вы не запаслись случайно?

— О чем вы? А-а. Нет...— рассеянно откликнулся он, пробегая глазами документ — кажется, какое-то донесение, написанное от руки, но украшенное печатью размером чуть ли не с блюдце.— Нет-нет, спасибо, но я совершенно не хочу есть.— Он пролистал еще несколько бумаг.— Великая Рыба, какой клад здесь...

— Я успела прочитать довольно много... Да садитесь же, не придерживайтесь приличий так неукоснительно. Мы не в том положении.

— Но я и в самом деле... Кроме того, я полагаю, Эфат сообразит, что я остался без ужина — и обеда тоже, но об этом он вправе не знать.

— Вот и начинайте.

— Потом... после вас.

— Я беру себе вилку, а вам придется обойтись ложкой.

— Мне не привыкать,— сообщил он все так же отвлеченно, не открывая глаз от бумаг.— Вы прочитали, говорите? Завидую. Нет, я не уйду отсюда, пока не разберусь во всем. Я занимаюсь историей достаточно давно, но такого себе не представлял. Для ученого этого хватит на всю жизнь, да что — на две, на три жизни!

Через несколько минут Леза отодвинула тарелку.

— Уступаю вам место. Только придется есть прямо из салатницы, а это — с блюда.

— Да-да,— откликнулся он и сел на освобожденный Лезой стул. Еду отодвинул в сторону, перед собой положил бумаги.

— Мне с детства внушали, что читать за едой — значит, демонстрировать свою невоспитанность.

— Да,— согласился он,— я скверно воспитан, это правда.— Со вздохом отодвинул бумаги в сторону и потянулся за салатом.— Подумать только — если бы мне не пришло в голову искать этот архив, он еще сколько-то лет оставался бы неведомым науке...

— Но ведь вы, если я правильно вас поняла, занимаетесь совсем другой историей?

— Занимался, это верно. Но боюсь, что этому пришел конец.

— Почему?

— Потому что для ее создания пришлось воевать. Наверное, никакая история не стоит того, чтобы за нее умирали. Тогда она

теряет естественность. Становится похожей на театральное представление.

— Вы жалеете, что взялись за этот труд?

Он вскинул голову.

— Почему? Театр ведь — искусство! История — тоже. Во многом. Почему мне надо было отказываться от творчества?

— Из-за войны хотя бы.

— Ну, я ведь не думал...— Он помолчал, прожевывая.— Но теперь все больше думаю, что я виноват во многом. В той беде, которую теперь приходится переживать.

— Вы о войне? Но разве это беда? Победы украшают жизнь, как и вашу историю.

— Но сейчас-то победы не будет. Мы уже разбиты, если говорить откровенно.

— Н-не понимаю. Мы? Разбиты?

— Вы что — сегодня родились? Где вы были все последнее время?

— По-моему, я рассказала вам об этом. Вы не слушали? Могу повторить: здесь я была, здесь. И никто не сообщал мне новостей. Разбиты?

— Ах да, простите, вы действительно говорили. Нет, я слушал, конечно, но в то же время что-то меня постоянно отвлекало.

— Я рассержусь. Что вас отвлекало, когда я говорила?

— Вы. Я смотрел, как вы рассказываете.

— Вы... вы не должны говорить так.

— Но если это так и было?

— Тем более. Не надо. Если все действительно так плохо, как вы сказали...

— Это вы насчет войны? Да, так. А может быть, и еще хуже. Но, в конце концов, не ваша же это вина!

— Я уверена, что моя. Хотя я и не хотела, чтобы получилось так...

— Нет. Виноват я. Если бы не эта моя идея насчет Новой Истории?

— Но что же в ней было плохого? Вы ведь никого не подговаривали воевать?

— Этого только не хватало бы. Нет, конечно. Но я историк. И мог бы вовремя сообразить, что именно так и получится. Потому что мы просто не умеем иначе. Мы привыкли решать силой все — начиная от женитьбы и кончая собственной историей. Силой!..

— Да. В этом вы правы. Я тут успела прочитать немало бумаг, и везде — сила или если не сила, то подлость... Но ведь и силу можно применять по-разному. Если вы побеждаете в войне — это разве плохо? Людям ведь от этого становится только лучше, разве не так?

— Наверное, все-таки нет. Потому что им-то, может быть, и

становится чуть лучше жить — на краткое время, однако сами они становятся еще немного хуже — а может быть, и много. Привыкают брать силой. Признают силу достоинством, уравнивают силу с правдой. И потом, когда эту силу применяют уже к ним — они покоряются, именно потому, что признают за силой правоту. Вот сейчас нас разобьют — и мы смиримся, мы признаем, что победившие — правы.

— Вот в этом и заключается моя вина. В том, что нас разбили. Или еще разобьют — все равно.

— Можно подумать, что это вас назначили Верховным Главнокомандующим...

— Вы даже не понимаете, как вы близки к истине. Он мне верил!

— Разве не следовало вам доверять?

— Ну... Надо было понять, что я тоже могу ошибаться.

— Вы слишком много хотите. Он ведь любит вас?

— Сейчас — не знаю. Если он догадался... Но тогда, по-моему, любил. Как и я его. Но мне кажется... я не смогу больше увидеть его. У меня просто не хватит сил — взглянуть ему в лицо. Наверное, мне лучше было бы умереть.

— Это невозможно. Вы больше не одна.

— Только это меня и держит... Хен, мне надо бежать. Куда угодно. Скрыться. Чтобы спокойно все обдумать...

— Точно так же и мне. Но я не знаю никого, кто бы захотел мне помочь.

— Я тоже. Нет, я думала, что такой человек есть. Но теперь поняла... узнала, что на него рассчитывать нельзя. Он-то и виноват во всем. Претендент Миграт.

— Кто это? Я не знаю такого имени. Претендент? На что?

— Сейчас я покажу вам один документ... Я спрятала его отдельно.

Леза встала, пошарила под матрацем. Вынула бумагу.

— Вот, смотрите. Вы все поймете.

Хен Гот сперва пробежал бумагу, потом прочитал медленно, слово за словом.

— Ошеломляюще... Это единственный документ?

— Нет. Здесь их целая пачка...

— Дайте. Я хочу побыстрее просмотреть все.

— Я думаю, нам надо прежде всего спастись отсюда. Я возьму все это с собой.

— Да, наверное, так будет лучше всего. Спастись.

— И забрать все это. Понимаете? Без этих бумаг он ничего не сможет доказать — о своем праве...

— Дело не только в этом, Леза, бежать надо для того, чтобы разыскать его. И убить.

— Вы говорите так жестоко...

— Он этого заслуживает. И у меня есть личные причины хотеть его смерти. Если бы они были у вас...

— У меня они есть.

— Тогда вы должны помочь мне.

— Не знаю... Я никогда...

— Я тоже. Но теперь... Однако об этом мы еще успеем поговорить. Вы знаете, я начинаю серьезно беспокоиться. Где старик? Ах, напрасно я позволил ему унести ключ...

— Теперь поздно жалеть.

— Но как же мы выйдем отсюда без ключа?

— Утром мне принесут завтрак...

— Ну, и... А, я понимаю, что вы имеете в виду.— Историк поежился, и это его движение не прошло незамеченным.

— Я понимаю: от этой мысли вам не по себе.

— Вы угадали.

— Но как иначе?

— Может быть, удастся уговорить сторожа...

— Бесполезно. Я уже пыталась.

— Ну что же, если другого выхода не найдется...

— Поверьте мне: нет.

— Тогда — утром...

— Утром мы должны освободиться. А пока советую вам отдохнуть. Ложитесь на мою кровать...

— Это невозможно! А вы?

— О, за время, что я провела здесь, я успела выспаться на много дней вперед. Не беспокойтесь за меня. Я побуду в архиве, там далеко еще не все прочитано...

— Совершенно верно. Вот этим я и займусь. Я ведь и пришел сюда, чтобы найти этот архив. Нет-нет, спорить бесполезно. Вы будете спать, а я — заниматься своим делом. Поверьте, в таких бумагах я разбираюсь куда лучше вас. Все-таки я профессионал.

— Но если завтра у вас не хватит сил для того, что мы задумали...

— Не беспокойтесь. Хватит. А вас, я вижу, уже клонит в сон.

— Да, здесь такой регулярный режим...

— Ложитесь. Чтобы вас не смущать, я уже иду в архив. Ах да, там нет света...

— Есть. Вы просто не смогли нашарить выключатель. Я вам помешала. Сейчас вы наткнетесь на него сразу.

— Спокойной ночи, Леза.

— Хотела бы пожелать того же и вам...

Может быть, ей приснилось, что ночью Хен Гот приходил к ней и она его не оттолкнула. Но ранним утром, когда она проснулась,

его не было. И все же... Все же были кое-какие доказательства того, что то был не совсем сон. Странно: она не пожалела об этом. Все, что было раньше, было в другой жизни. Ушедшей.

Завтрак принесли точно, минута в минуту. Охранник вошел с подносом, поставил его на столик. Леза сидела на кровати.

— Помогите встать,— попросила она.— У меня что-то с ногой...

Охранник вынужден был повернуться спиной к внутренней двери. И тяжело осел на пол. Удар был силен.

— Рвите простыню... Так. Теперь он безопасен. Ну — вперед!

7

С каждым днем Сомонт все более уподоблялся одинокому мирному острову в море войны. Местные центры обороны Ассарта один за другим поглощались этим небывалым в истории планеты разливом. Одни сопротивлялись дольше, другие складывали оружие почти сразу. Они не были готовы к долгой борьбе у себя дома. И прав был историк Хен Гот: воспитанные в безграничном уважении к силе, люди привыкли подчиняться ей — и подчинялись, едва убедившись в том, что сила действительно велика, а значит — и право на ее стороне. Немалую роль играла и растерянность: все знали, что войска Ассарта самые сильные во всех мирах — но войск этих не было, они исчезли, растаяли, как тает кусочек сахара в горячей воде, когда делают настой душистых лекарственных трав. И уж если они столь непонятным образом пропали — значит, такова была воля Великой Рыбы, такой оказалась судьба.

Конечно, если бы кто-то, кому они верили, обязаны были верить, тот же Властелин, прежде всего,— если бы к людям обратились и просто и ясно объяснили бы, что они сейчас должны сделать — они послушались бы. Потому что привычка повиноваться Власти была еще глубже и сильнее, чем рефлекс повиновения силе. И вполне понятно: Власть являлась Силой Сил, превыше нее не существовало ничего, и если какой-то частной силе можно было противопоставить что-то другое, то Власти — ничего: не существовало на свете такой вещи, что не покорялась бы Власти. Но сейчас и Власти не оказалось вдруг. То есть, может быть, где-то она и была, но ни слова, ни звука от нее до людей не доходило. Газеты не выходили, на экранах возникали одни только полосы, напоминавшие морскую зыбь, а по радио визжала и улюлюкала какая-то нечисть, так что ничего членораздельного не уловить было. Каждый район, каждый город или поселение любого донкалата были предоставлены сами себе и, не зная, как идут дела в других краях обширной Державы,

делали вывод, что и там все обстоит никак не лучше, чем здесь, что ни на какую помощь рассчитывать не приходится — и решать нужно самим; но всякое решение несло за собой ответственность, и наименее безопасным было бы решение противостоять гнетущей силе осаждающего противника: оно могло привести к лишним потерям и в любом случае не обещало ничего хорошего: если противник (как оно, скорее всего, и получится) одержит верх, то придется отвечать перед ним за сопротивление, которое обязательно назовут бессмысленным; если же счастье в конце концов все-таки останется на стороне Ассарта — Власть, весьма возможно, обвинит в слишком уж обильных жертвах, без которых, как непременно окажется, вполне можно было бы обойтись. Так что самым лучшим оказывалось — никаких особых решений не принимать и позволять событиям развиваться так, как им того хотелось. А уж там жизнь сама подскажет, что и как.

Разумеется, так происходило не везде и не всегда. В донкалате Самор глава местной власти донк Яшира, убедившись в бесполезности обороны своего главного города, собрал все войска и увел их в глухие леса, какими донкалат обладал в немалом количестве, они занимали, пожалуй, три четверти его территории. Не один донкалат Самор порос лесом, но не везде находились такие лихие военачальники, как дон Яшира (кстати, в войсках никогда не служивший по причине непригодности по здоровью и очень от этого переживавший, а теперь, наконец, нашедший применение своим ранее невостребованным талантам). Скрывшиеся в лесах войска позволили противнику (в этих местах десантировались войска Цизона) овладеть городом, но когда нападавшие решили, что дело сделано, и возымели желание двинуться, как им было приказано командованием Коалиции, на поддержку соседней группы войск экспедиционного корпуса мира Нельта, то к немалой своей озабоченности убедились вдруг, что выйти из города оказалось куда труднее, чем войти в него. Из четырех основных магистралей, входивших в город с четырех разных направлений, три, начиная чуть ли не с городской окраины, ныряли в саморские дебри, и едва первая колонна Цизона миновала опушку и углубилась в темную чащобу, как по ней был открыт жестокий прицельный огонь, причем стрелявшие не были видны, дорогу же они, надо полагать, успели пристрелять давно и тщательно. Войска Цизона вынуждены были попятиться, колонна втянулась в город, где и принялась подсчитывать свои потери. Такая же судьба ожидала цизонцев, когда они тронулись по второму шоссе; использовать третью лесную магистраль они даже не пытались. Так что для выхода из города, захваченного в полном соответствии с диспозицией, осталась одна лишь большая дорога, и войска благополучно вытянулись по ней из города и добрались до самого моста через широкую и обладавшую скверным характером реку Грис; мост был

достаточно широким и надежным, но, к сожалению, взлетел на воздух, как только техника заполнила его почти на всем протяжении моста. Горя желанием выполнить полученный приказ, командование Цизона попыталось навести временные переправы — однако безуспешно, потому что для успешного их наведения следовало хотя бы овладеть каким-то, пусть небольшим, плацдармом на том — высоком — берегу, но и первая, и вторая попытки показали, что без авиации сделать это будет весьма затруднительно, если только вообще возможно: стрелковый и легкий артиллерийский огонь с того берега уничтожал средства переправы еще до того, как они достигали середины реки, а прихотливое течение, то и дело завихрявшееся водоворотами, совершенно не способствовало выполнению задачи. Была вызвана авиация, которой в этой группе войск сейчас не было, поскольку единственный аэродром вблизи города был заблаговременно приведен ассартианами в полную негодность и теперь ремонтировался. Атмосферная же авиация, ее цизонская часть, базировалась по этой причине на аэродромы соседнего донкалата, откуда и пришлось ее вызывать. Первая попытка сделать это не увенчалась, однако, успехом, потому что командование экспедиционного корпуса Нельты, действующее в соседнем донкалате Рамин, заявило, что авиация в данное время нужна им самим и они ничем помочь не могут. Это обстоятельство вполне можно понять, если учесть, что донкалат Рамин отличался еще более густыми лесами, чем Самор. Обещано было высвободить цизонские эскадрильи лишь через два дня — эскадрильи, или то, что от них к тому времени останется, поскольку командование Нельты, как нетрудно понять, на самые опасные задания посылало не свои самолеты, а чужие; наверняка командование Цизона, окажись оно в таком положении, поступало бы точно так же. Не желая терять эти два дня, Цизон связался с флагманом своей эскадры, находившимся, как и все прочие, на орбите близ Ассарта, и потребовал подвергнуть район бывшего моста основательному обстрелу. С орбиты было отвечено, что эскадра имеет крайне ограниченные возможности поддержки наземных войск, поскольку предназначенный для этого боезапас был в основном израсходован при подавлении противника перед высадкой десанта; то же относилось и к энергии, необходимой для действий атмосферных агра-штурмовиков. В конце концов удалось договориться о том, что один налет штурмовики все же совершат, и они его совершили. Чтобы обеспечить безопасность своих войск, командование Цизона заблаговременно отвело свои силы от моста; однако впоследствии выяснилось, что зорко наблюдавшие за их действиями ассартиане правильно расшифровали этот отход и сами сделали то же самое. В результате налет не дал ничего, хотя израсходовано при этом было много ракет и снарядов; как только штурмовики скрылись, Цизон вновь выдвинулся на свой берег —

и тут же убедился, что ассартиане повторили их маневр не менее быстро. Поняв, как обстоят дела, командование войсками Цизона почло за благо оставить один десантный полк у моста, остальным же войскам вернуться в город — до лучших времен, и во всяком случае, до того времени, когда командование сможет оперировать своей же авиацией. Вот так развертывались события в донкалате Самор, и еще в нескольких.

Однако на большей части планеты Ассарт дела складывались в пользу Коалиции. В районах обороны, граничащих с Сомонтом, сопротивление погасло быстро, и объединенное командование Коалиции — в качестве полномоченного представителя этого командования на Ассарте выступал теперь уже всем известный Магистр, с небывалой быстротой переносившийся из одного района в другой,— командование это приказало войскам, овладевшим этими районами, сомкнуть фланги и таким образом взять Сомонт в кольцо, наглухо блокировать с тем, чтобы ничто не могло ни выскользнуть из столицы, ни, тем более, проскользнуть туда. Войскам предписывалось планомерно продвигаться все ближе к городу, сжимая кольцо, с тем, чтобы в недалеком будущем добиться его безоговорочной капитуляции в предвидении грозящего голода и недостатка энергии, без которой большой город существовать не может. Командующие корпусами трех миров,— эти войска и образовали кольцо,— пытались возражать, указывая на то, что такой образ действий заставит потратить на осаду города множество времени, если же подвергнуть столицу — в которой, как им было известно, почти не было войск, если не считать пары гвардейских полков (слишком ничтожные силы, чтобы противостоять одновременному штурму со всех направлений) — планомерному артиллерийскому обстрелу, ударам с воздуха, а затем и атаке с применением штурмовой техники, то городом можно будет овладеть в один, самое большее — в два дня. Магистр, однако, на это никак не соглашался, говоря, что высшему командованию, у которого, естественно, и соображения были высшими, Сомонт нужен в целости и сохранности, а вовсе не в виде развалин. Корпусные командования отлично знали, что взятый город есть взятый город, а в каком виде он взят — дело десятое, война есть война, на ней и убивают, и разрушают, и вообще бывает все на свете. Однако эти же самые командования, высказав мнение, не могли предпринять ничего иного, как только выполнять приказы, спускавшиеся свыше — и выполняли. Так что в дни, когда половина городов Ассарта уже если и не лежала целиком в развалинах, то во всяком случае хорошо поняла и ощутила, что такое — война на своей территории,— Сомонт оставался целым и невредимым. Жителей это радовало. Однако у тех, кто взял на себя руководство обороной столицы, да и всей войной, вызывало некоторое недоумение. Ясно было, что с этой щадящей политикой что-то связано. Только что?

— Где ты был?

— Ездил по внешнему обводу обороны.

— Там все в порядке?

— Все везде в порядке — пока противник не начал обстрела. А что будет тогда — можно только гадать. Там, где стоит гвардия, я спокоен. У твоих Черных Тарменаров, по их словам, руки чешутся — хочется в драку, а сидеть и ждать им смертельно надоело.

— Это хорошие солдаты, Уль.

— Не сомневаюсь, Властительница. Но вот почему противник не начинает подготовки к штурму — честное слово, не понимаю.

— Я думаю, что понимаю, Уль. Это Миграт.

— Что он там, я и сам знаю. Но при чем тут ублюдок?

— Возможно, ему хочется сохранить столицу — для того, чтобы прийти к Власти с большой помпой.

— Нет. Слишком мало. Это еще не аргумент — что ему хочется. Я думаю... думаю, тут должно быть что-то посерьезнее. И касающееся не только Миграта. Хотя и его тоже. Наверняка.

— Что бы это могло быть?

— Тут, пока я возвращался, пришла в голову такая мысль... Хорошо: он пришел к тебе и доложил, что у него есть такие-то и такие-то претензии и права. Чудесно. А он как-нибудь пытался доказать их? Подтвердить?

— Ты же помнишь, что нет.

— Я ничего не помню: я застал вас в минуту, когда он доказывал свои права несколько иным образом.

Ястра чуть покраснела.

— Уль, в конце концов, сколько можно...

— Хорошо, не буду. Значит, никаких документов, ничего такого при нем не было?

— Во всяком случае, он не демонстрировал.

— А ведь он пришел к тебе для самого серьезного разговора. Из этого следует, что таких доказательств у него просто нет.

— Ну и что же?

— То, что в этой ситуации твое согласие для него действительно очень важно: оно дает ему законное право властвовать. Такое же право дали бы документы, свидетельствующие о том, что он и вправду сын — пусть хоть трижды незаконный — покойного Властелина.

— Откуда бы они могли оказаться у него? Ты что думаешь: ему выдали такое свидетельство перед тем, как он сбежал?

— Думаю, что нет. Но ему такие свидетельства нужны.

— Зачем, если у него сила?

— Затем, что потом, когда настанет мир, ему нужно стать законным Властелином. Если он просто захватывает Власть, то тут же появится еще дюжина, несколько дюжин претендентов уже по праву сильного. Он этого не хочет. Потому что защита у него окажется

весьма слабой. Теперь, когда вооруженных сил по сути дела не останется.

— Останется Легион.

— Да. И могу поручиться, что его командир будет одним из самых серьезных претендентов. Так что Миграту вряд ли придется рассчитывать на эту силу. Нет, ему нужна прежде всего законность.

— И поэтому ему нужен Сомонт?

— Вряд ли так широко. Но полагаю, что *Жилище Власти* его весьма интересует. Пожалуй, не появись я вовремя, он постарался бы задержаться здесь подольше.

— Потому, что нужные ему документы могут оказаться здесь?

— А где еще они могут быть, по-твоему?

— Но Жилище Власти велико. Их можно здесь разыскивать годами — и не найти.

— Ты ведь не станешь искать их в швейцарской? Или у поваров на кухне? Таких мест очень немного, где они могли бы столько лет храниться настолько надежно, что о них не возникло даже никаких слухов. Я уверен, что в распоряжении Властелинов находится этакий небольшой, но хорошо укрытый архив. Было бы очень странно, если бы его не оказалось.

— *Не знаю, Уль. Никогда не слышала о таком.*

— Ты не так-то уж долго живешь в этом доме. Надо искать ветеранов. Тех, кто вхож в эти покои много лет. Или — еще лучше — обитает тут постоянно.

— Постой... Ну, конечно. Далеко ходить не надо: один из долгожителей у нас под рукой.

— У нас? Тут?

— Буквально в соседней комнате.

— Властелин? Но он...

— Нет. Старый Эфат!

— Черт! Я мог бы и сам сообразить. Верно!

— Сходи за ним, Уль.

— Что я — лакей?

— *Кто, кроме тебя, сможет оторвать его от постели Изара?*

— Ну, хорошо. Хотя... Что там еще?

Это была камер-дама.

— Властительница, один из охранников просит позволения преклониться. Уверяет, что весьма важно.

— Ну вот до чего мы дожили. Уже и охранники начали обращаться прямо к Власти! Советник, пожалуйста, внуши ему, что каждый должен знать свое место.

— Да, Властительница. Разумеется, Властительница.— Он круто повернулся и уже от двери не утерпел: — Только вышибалой я еще и не был...

Он вышел из комнаты едва ли не разъяренным. И тут же остыл. Потому что нахальным охранником оказался Питек.

— Черт! А я думал — ты в полете, с Рыцарем...

— Там хватает и тех ребят. Но дело не в этом. Новость для вас обоих: наша девочка слиняла.

— Наша девочка? Какая девочка? Откуда?

— Ну и память у тебя, капитан. Стареешь?

— Давно уже состарился. Ну, быстро!

— Да Леза — какая же еще?

— Ах, ты... Мы о ней совсем позабыли. Откуда она сбежала?

— Да из архива, понятно — где сидела.

— Архива? Постой... Разве то был архив?

— А ты не знал? Ну, это тебе любой охранник скажет...

— Там и в самом деле хранятся документы?

— Ну, каких-то бумаг полно. Но разве это важно?

— Сейчас именно это и важно. Пошли туда. Быстрее! Не медли!

— Бегу, бегу. Вот как тебя разобрало, капитан...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

1

Незримым для обычного человеческого ока облачком иеромонах Никодим возник близ Фермы; заклубился, исчез — и в то же самое мгновение (если пользоваться принятым на планетах отсчетом времени) оказался совершенно в другой точке пересечения многих пространств. Остановил свое движение перед таким же невидимым Ничем, каким показались бы планетарному наблюдателю извне и Ферма, и Застава, и все другие пространственные станции Высоких Сил. Отличаясь одна от другой внутри, внешне они никакого облика не имели и, следовательно, не наблюдались никакими приборами — чтобы не понуждать людей на планетах, в обитаемых мирах строить излишние гипотезы.

Однако для людей Космической стадии такие структуры видимы и осязаемы. В отличие от людей планетарных, космические могут появляться на подобных станциях даже и без приглашения. Другое дело, что они стараются этими возможностями не злоупотреблять.

Но сейчас было положение, в котором приличиями приходилось пренебречь.

Все еще не принимая никакой конкретной формы, Никодим внимательно изучал Заставу — то, что сейчас находилось внутри нее. Мне трудно объяснить, как это у него получалось, а вам столь же трудно понять; потому что все мы пока — люди Планетарной стадии и обо всем, что касается Космической, узнаем, хочется надеяться, не очень скоро. Хотя — и этого нам знать не дано.

Так или иначе, все то, что находилось и происходило в сей миг на Заставе, было для Никодима явственно. Он без труда убедился как в том, что самого Охранителя на Заставе не было, так и в том, что другие существа там находились; но всего лишь Планетарные люди, для Никодима серьезной опасности не представлявшие.

Помимо них одна очень незначительная часть объема Заставы оказалась занятой чем-то непонятным. Непонятным — потому, что, если вся Застава, как и все подобные станции, была создана из субстанции, хотя и способной принимать облик любого материала, какой можно встретить на планетах, однако по структуре своей ничего общего с этими материалами не имевшей,— здесь, в малой части Заставы, находились какие-то предметы, сооруженные именно из материалов грубых, тяжелых — планетарных, одним словом. Надо полагать, то и были пресловутые устройства, которые пришлось использовать Охранителю, поскольку собственных его сил и возможностей не могло хватить для осуществления его замысла.

Никодим попытался на расстоянии постичь смысл и устройство этих чужеродных конструкций. Однако это ему не удалось, и неизбежным стало — войти во внутреннее пространство Заставы. В этом не было ничего трудного, просто Никодим не любил появляться где-либо непрошеным гостем; но сейчас выбирать не приходилось.

Все тем же бестелесным облачком иеромонах приблизился вплотную к внешнему рубежу Сторожки. Будь он планетарным существом, ему это не удалось бы: мощное поле и поток частиц вещества обрушились бы на него, убивая и отбрасывая. Но сейчас бояться было нечего.

Точно так же, невидимо для обычного взгляда, он, пройдя сквозь многослойную границу, оказался внутри Заставы, завис над бесконечным, казалось, простором сухого черного песка, примерно в полуверсте от дома. Приближаясь к строению, он ощутил некий след в пространстве, как бы воспоминание его о предшествовавшем посещении. Следы в пространстве отличаются один от другого не менее четко, чем отпечатки ног телесного человека на сырой глине. И сейчас Никодим безошибочно определил, что слабый след оставлен был Элой. Кроме всего прочего, это означало, что Охранитель не пользовался услугами эмиссаров, пребывающих в Космической стадии, может быть, просто не имел их. Находись такие эмиссары здесь, внутреннее пространство Заставы наверняка пестрело бы их следами.

Ну что же: пока все шло хорошо.

Поравнявшись наконец с домом, Никодим снова повис неподвижно. Он не спешил принимать облик: тогда ему пришлось бы ограничить себя обычными человеческими чувствами — в частности, он не мог бы видеть и слышать сквозь стены, а сейчас это казалось ему важным.

Внимательно, систематически осматривая снаружи дом, помещение за помещением, он убедился в том, что планетарные люди — их было двое — находятся в той же части строения, что и чужеродные устройства. Видимо, людям этим было вменено в обязанность то ли охранять машины, то ли ухаживать за ними, а может быть — и то, и другое вместе. Подумав, Никодим решил, что это хорошо. Оставаясь незримым и наблюдая за этими людьми, он мог скорее получить какое-то представление о странных машинах, чем если бы попытался разобраться в них сам.

Пронизав несколько стен и внутренних переборок, иеромонах через секунду-другую оказался в нужном помещении — не в том, где находились механизмы, но в соседнем. Отсюда он мог видеть и слышать все, происходящее в соседней комнате, так же хорошо, как если бы находился там, совсем рядом с людьми.

Там были действительно двое. Но уже через несколько мгновений Никодим понял, что если они и были людьми, то, во всяком случае, не такими, каким был он сам и с какими ему до сих пор приходилось встречаться. Общего было много, но и различия бросались в глаза. В частности, один из этих двоих вдруг, на глазах у Никодима, раздвоился, и несколько секунд их в комнате находилось трое, причем возникший двойник не повторял действий первого, но совершенно самостоятельно отошел в другой конец помещения (не такое уж маленькое, оно казалось тесным из-за заполнявших его механизмов), склонился над той частью машины, что находилась там, что-то повернул, что-то потянул на себя — и, не сказав ни слова, возвратился и слился со своим прототипом, никак на это не отреагировавшим. Хотя, быть может, все было наоборот, и к машине подходил прототип, а двойник в это время оставался за него и поддерживал разговор с другим находившимся здесь созданием.

Приблизившись вплотную к разделявшей комнаты переборке и частично даже углубившись в нее, Никодим стал прислушиваться к разговору. То есть не воспринимать колебания воздуха, как сделал бы, если бы находился сейчас во плоти, но следить за возникновением и движением мыслей у одного и другого собеседника.

Но уже через несколько мгновений он убедился в том, что установить контроль над мыслями разговаривавших он не в состоянии. Возникало такое впечатление, что и тот, и другой были надежно заэкранированы и от внешнего контроля, и, надо полагать, от попыток воздействовать на них извне.

У Никодима возникло искушение все же попробовать. И он, пользуясь приобретенным на Ферме умением, послал луч своей сфокусированной воли в направлении головы того эмиссара, что умел раздваиваться. Никодим потребовал, чтобы эмиссар повторил только что выполненные им действия: снова разделился и проделал с машиной ту же самую операцию.

Сначала ему показалось, что попытка пройдет успешно: неторопливый разговор в соседней комнате прервался. Оба враз подняли головы, настороженно огляделись. Потом обменялись какими-то, оставшимися непонятными словами; судя по интонации, это не было продолжением прежнего разговора; скорее, они ощутили какую-то, пока еще непонятную опасность и предупредили о ней друг друга. Затем, умолкнув, они начали медленно поворачиваться, как бы лоцируя пространство в поисках источника беспокойства. Никодим поспешил заглушить свою активность; он не боялся быть обнаруженным, но полагал, что раньше времени настораживать сторожей-механиков было ни к чему. Он пожалел даже, что, не подумав, как следует, предпринял эту единственную попытку.

Тут же он изменил свои намерения. Если раньше он хотел войти в ту же комнату и, уютно устроившись где-нибудь под потолком, понаблюдать подольше за машиной и ее операторами, то теперь посчитал возникающий при этом риск чрезмерным. Он твердо знал, что если ты имеешь дело не совсем с людьми, то нельзя поступать в точности так, как будто имеешь дело с людьми обычными: разница между теми и другими может оказаться роковой. Кто знает — может быть, они могли если не видеть его в его космической фазе, то во всяком случае ощущать его присутствие.

Он так и остался в соседней комнате, решив, что достаточно много сможет увидеть и оттуда — если не сразу, то со временем. А временем он распоряжался по своему усмотрению.

Машина, видимо, работала постоянно в одном и том же режиме, и операторы ее никаких особенных действий не совершали. Однако понемногу кое-что становилось ясным. Например, Никодиму стало ясно, что на самом деле тут было не одно устройство, а самое малое два — одно побольше, другое поменьше; что сейчас работало лишь одно из них, а именно — малое, большое же бездействовало, и на него оба сторожа-механика не обращали никакого внимания, зато за маленьким следили очень внимательно. Видимо, информацию о его работе они получали с экрана, на который поминутно глядел то один, то другой. Если бы здесь на месте Никодима находился Мастер, он наверняка смог бы увидеть и то, что показывал экран; Никодим же, в своей бестелесной форме, воспринимал лишь игру токов, но расшифровать ее, чтобы представить себе картинку, не умел. Для того, чтобы увидеть изображение, ему следовало воплотиться; это было опасно, но — чем дальше, тем больше убеждался он в этом — было необходимо: понять, чем именно занимаются эти существа со своей машиной, означало — проникнуть в замыслы Охранителя гораздо глубже, чем просто наблюдая за действиями операторов. Приходилось идти на риск.

Решив так, Никодим с некоторым сожалением оставил уютное местечко в стене и опустился на пол. Произнес формулу воплоще-

ния. И с удовольствием ощутил свой вес, почувствовал массу тела — того, к которому за многие годы успел привыкнуть и привязаться.

Привыкнуть, да: но и отвыкнуть немного — даже за то краткое время, что провел вне плоти. Ощутив, что стоит на полу, Никодим открыл глаза; оказалось, что в комнате, где он находился, было темно. Это скорее обрадовало его, чем огорчило. Он сделал несколько движений, чтобы почувствовать, что тело, как раньше, беспрекословно подчиняется ему. Пожалуй, можно было действовать.

Однако Никодим не сразу представил, что же будет делать. Ему нужно было увидеть экран, понаблюдать за ним хотя бы несколько секунд. Одну-две — и это уже дало бы материал для умозаключений. Но, к сожалению, стена более не была для него прозрачной, и увидеть изображенное на экране можно было, лишь оказавшись в той же комнате, где были машины и их операторы. Его наверняка заметят. Задержать, конечно, не смогут: его плоть, тело Космической стадии было несовместимо с веществом Планетарных людей — они могли проходить друг сквозь друга, не встречая никакого сопротивления. Так что Никодима не могли схватить, не способны были и нанести ему хоть малейшее повреждение. Но и он им — тоже. Весь риск заключался в том, что Застава тогда уж будет точно предупреждена о том, что о машинах известно и что они могут подвергнуться более серьезной атаке. Была, конечно, еще и другая сторона риска: все, что знал Никодим о взаимодействиях тел Планетарных и Космических, относилось к тем разновидностям людей, что были ему ведомы. Может быть, эти обладали иными свойствами, другими, более высокими умениями? Тогда, не исключено, мог бы пострадать и он сам. Но, как ни странно, эта последняя мысль не только не охладила его, но напротив, укрепила в решении действовать.

И все же он не утратил обычной осторожности. Попросив у Бога содействия в своем начинании, он бесшумно вышел из своей темной комнаты в коридор. Если бы дверь в соседнюю комнату оказалась открытой, он поднялся бы в воздух и попытался проникнуть туда, держась под самым потолком и зная, что, ощутив какую-то опасность, люди станут смотреть прежде всего не на потолок, но на дверь — на уровне примерно своего роста. А пока они будут оглядываться, Никодим успеет увидеть — и крепко-накрепко во всех деталях запомнить — то, что в те секунды покажет экран. Ну, а остальное уже не представлялось ему важным.

Дверь, однако же, оказалась закрытой. И пытаться отворить ее — если даже она не была заперта или защищена каким-либо другим способом — означало наверняка раскрыть себя раньше времени. Нет, его не могли удержать, и к экрану он прорвался бы — однако люди могли прежде всего выключить его — а сам Никодим по уже названной причине не мог ни включить его, ни вообще внести

в работу устройства даже малейшие изменения: он был с ним несовместим. И вся суматоха ни к чему не привела бы.

Оставалось использовать другой способ — хотя тоже не дававший полной уверенности в успехе, но все же более, как подумалось иеромонаху, уместный.

Тут же, в коридоре, он мысленно произнес вторую формулу — и через мгновение исчез. Тело, которым он только что обладал, беззвучно растаяло в воздухе, вызвав едва ощутимый ветерок, который через закрытую дверь никак не мог достигнуть стражей.

Оказавшись опять в космической форме, Никодим легко, хотя и осторожно, проник через сделавшуюся проницаемой дверь и, ни на миг не останавливаясь, направился к машине. Он знал, в каком месте ему следует остановиться, чтобы, во-первых, ясно видеть экран, а во-вторых, не сразу оказаться на глазах операторов. Это место находилось позади них — в узком промежутке между стеной и их сиденьями. Там и надо было воплотиться. Конечно, думал Никодим, они почти сразу ощутят тепло, которым повеет от вновь возникшего живого тела; однако иеромонах уповал на то, что те двое не сразу сообразят, что это за тепло и где следует искать его источник.

Он так и сделал. Пока незаметное облачко под самым потолком пробиралось в намеченный угол, оно не привлекало ничьего внимания. Потом медленно опустилось на пол, принимая веретенообразную форму — и за мгновения около стены возникла массивная фигура плотного бородатого человека, чьи руки были непроизвольно сжаты в кулаки, хотя это ничему не могло помочь.

Никодим открыл глаза и увидел перед собою экран. Близко, на расстоянии не более сажени.

На экране виднелись корабли. Большие военные пространственные крейсеры с гербом и эмблемами Ассарта на матовых бортах.

Но, может быть, то были не сами корабли, а рисунки? Неумелые рисунки, на которых не было глубины; корабли казались плоскими, как лист тончайший бумаги. Плоскими и мертвыми.

Хотя в следующую секунду Никодиму показалось, что они не так и мертвы: почудилось, что на одном из них произошло какое-то крохотное движение. Просто мигнул огонек.

Здесь, на Заставе, оба оператора машин перебросились краткими словами. Смысл их остался непонятным Никодиму, зато совершенно ясным было последовавшее за ними действие: второй оператор — не тот, что раздваивался — протянул руку и коснулся одного из многих лимбов на панели перед ним.

И тут в голову Никодиму ударила озорная мысль. И он мгновенно сконцентрировал волю и послал импульс не в голову оператора, как пытался раньше, но в руку — в локтевой сустав, вернее — рядом с ним, в нервный узел.

Рука оператора дрогнула. Лимб повернулся на одно или два, видимо, лишних деления.

Огонек на корабле, вместо того, чтобы застыть, сильно замигал.

Двойной оператор (так его назвал для себя иеромонах) резким тоном выбросил несколько слов. Совершивший ошибку что-то проворчал в ответ и повернул лимб в противоположную сторону, восстанавливая порядок.

В тот же миг Двойной, почуяв неладное, оглянулся и встретился глазами с насмешливым взглядом Никодима.

Надо отдать оператору должное: реакция у него была мгновенной. Вскочить, повернуться, нанести удар — все это заняло у него ничтожную долю секунды.

Кулак Двойного оператора прошел сквозь космическую плоть Никодима и ударил в стену. Удар, должно быть, оказался болезненным, однако на лице оператора не дрогнула ни единая черточка.

Он мгновенно раздвоился, и теперь удары Никодиму нанесли уже двое. Видимо, они еще не поняли в чем дело, а неудачу первой атаки объяснили тем, что он уклонился от кулака.

Однако Никодим успел уже произнести формулу. И его не стало.

Едва заметное облачко ушло в стену. Вылетело из дома. Углубилось в черный песок Заставы. И оказалось в свободном пространстве.

2

Архивные комнаты со связанным и оглушенным охранником остались за поворотом коридора. Историк и Леза, выскочив, как им показалось сгоряча, на волю, на деле же — в этот самый коридор, еле освещенный, многоколенчатый, с затхлым воздухом — оказавшись в нем, сначала кинулись бегом, бессознательно, слишком буквально воспринимая слово «побег». Хен Гот опомнился первым, замедлил шаг схватил Лезу за руку,— она все рвалась дальше, дальше...

— Кто-нибудь встретится,— сказал он негромко.— Бегущих заподозрят сразу. В этом доме не принято бегать. Здесь шествуют.

Она не сразу поняла, но подчинилась, хотя крайне неразумным казалось терять так много времени. Они шли, повинуясь прихотливым поворотам коридора. Потом он раздвоился. Историк уверенно выбрал направление.

— Вы не ошиблись? — на всякий случай спросила Леза.

— Нет. Меня привели сюда этой же дорогой.

— Хорошо. Я вам верю.

Он лишь пожал плечами — словно ему можно было не верить!

Коридор спускался все ниже, сухой пыльный воздух понемногу сменялся влажным. Возникали короткие лестницы — в четыре-

пять ступеней. Спускаться приходилось осторожно: белесые фонари попадались все реже, потом их и вовсе не стало.

— Хорошо бы фонарик,— пробормотал Хен Гот.— Или хотя бы факел.

— Факел даже лучше,— ответила Леза.— Более гармонировал бы с обстановкой. Мы что — скрываемся в подземелье?

— В общем, да. Скоро свернем в самый настоящий подземный ход.

Ему вдруг стало казаться, что они не от реальной опасности спасаются, а просто играют в детскую игру, веря и одновременно не веря в реальность окружающего их мира.

— А мы не заблудимся в такой черноте?

— Постараемся не заблудиться.

У него была хорошая память и способность ориентироваться даже в полной темноте; он это знал и на эти свои достоинства надеялся. И оказался прав: темные переходы все-таки вывели их в тот угол обширных подвалов, залегавших в три этажа под Жилищем Власти — да только ли под ним? — где находилась, неразличимая для незнающего, дверца подземного хода.

— Хотите передохнуть, Леза? Вы устали?

— Я и на самом деле давно не двигалась... Но не будем медлить. Нам еще далеко идти?

— Так, как продвигаемся мы,— полчаса; может быть, чуть больше. Смотрите: здесь хоть можно присесть,— он кивнул в сторону слабо различимых ящиков, сваленных в одном из углов.— Там, под землей, присесть будет не на что.

— Все равно, идемте. Здесь... здесь мне страшно.

— Повинуюсь,— сказал он и отворил массивную, лениво повернувшуюся на петлях дверцу. Из открывшегося хода пахнуло промозглой сыростью. Леза невольно вздрогнула.

— Вы слишком легко одеты.

— Меня приглашали на чашку кофе,— она принудила себя усмехнуться.— Не в тюрьму... и не в подземный ход.

— Позвольте предложить вам мой мундир.

Он и в самом деле был в мундире — рассчитывал, что в нем произведет большее впечатление на охрану Жилища Власти — не понимал, что они понавидались всяких мундиров, не только какой-то Исторической службы. Правда, после ночи в архиве мундир выглядел не по-парадному.

— Благодарю вас, пока не надо. Потом, может быть...

Однако сказано это было не очень уверенно, и Хен Гот снял свою униформу и накинул ей на плечи.

— О,— сказала Леза.— Какая тяжесть!

— Служба вообще — вещь нелегкая. Ну, идемте?

— Ведите, генерал!

— Вы напрасно шутите.— Историк, казалось, всерьез обиделся.— Мой ранг как раз соответствует генеральскому. И не самому низшему притом!

— Если вы будете меня пугать,— сказала Леза,— у меня отнимутся ноги и вам придется нести меня на руках.

— Может быть, попробуем?

— Нет,— сказала Леза.— Пока я еще способна двигаться самостоятельно.

Историк тщательно затворил за ними дверь. И сразу их обняла полная тишина. В подвалах ее не было: огромное здание наверху действовало как резонатор, и негромкий, но непрерывный гул все время доносился и до самых укромных закоулков. Сейчас звуки как отрезало, и от этого Лезе стало почему-то страшно. Она старалась идти, производя как можно меньше шума, и заметила, что и Хен Гот ступает беззвучно, как бы непрерывно подкрадываясь к кому-то.

— Вы чего-то опасаетесь? — спросила она едва слышным шепотом, нашарив его руку.

— Ничего такого,— ответил он так же.— Но здесь звуки разносятся далеко. И не одни мы знаем об этом ходе. Так что давайте не будем разговаривать без крайней нужды. Полчаса можно потерпеть.

Леза восприняла это как упрек в болтливости, обиделась и даже не ответила.

Они прошли еще сотню метров. Внезапно Хен Гот остановился.

— Что случилось? Вы сломаете мне руку...

— Тсс! Слышите?

Леза прислушалась.

— По-моему, это капает вода. Падают капли.

— Это по-вашему. На самом деле это шаги. Кто-то идет из города. Звуки здесь звучат немного не так, как на просторе...

Она вслушалась. Да, шаги. Звонкие шаги человека, которому нечего бояться.

— Хен! Я не хочу, чтобы нас здесь видели!

— Да я и сам не жажду. Но как тут разминуться? В такой узости... Хотя постойте. Вспомнил. Ну-ка, идемте — быстро, быстро!

— О чем вы вспомнили?

— Здесь поблизости развилка. Свернем в боковой ход, пропустим встречного — тогда он нас не заметит. Только снимите туфли.

Она повиновалась.

— Какой холодный пол!..

— Да, простуда почти обеспечена. Но лучше она, чем...

Они бежали бесшумно — навстречу приближающимся шагам.

— Леза, не дышите так громко.

— Я не привыкла... Я просто задыхаюсь. Тут душно...

— Мы уже совсем рядом!

Еще несколько шагов — и он, обняв женщину за плечи, заставил ее свернуть в узкий отнорок, мимо которого можно было легко пробежать, не заметив.

— И как вы ухитрились не пропустить его?

— Я неплохо вижу в темноте. Врожденное.

— Вы просто коллекция разнообразных талантов.

— Не стану опровергать. А теперь — тишина!

Шаги зазвучали вдруг совсем громко; видимо, человек вышел из-за последнего поворота. Поравнялся с ответвлением. Не задерживаясь, прошел мимо. Хен Гот судорожно прижал Лезу к себе. Шаги вновь сделались глуше: человек свернул, повинуясь очередной излучине подземного хода — той, которую они только что миновали прежде, чем свернуть, затаиться.

— Леза! Вы узнали его?

— В этой мгле я и вас не узнала бы! Не все столь одарены!

— Это Ублюдок Мигрaт!

— Вы шутите!

— Хотелось бы. Но не шутится.

— Он идет в Жилище Власти? Хен, я боюсь. Он идет наверняка не с добром...

— И я так думаю.

— Но все равно. Давайте уйдем побыстрее!

— Право, не знаю, Леза... Наверное, мы должны...

— Я ничего не должна! Если бы еще там был Изар... Остальные меня не волнуют. Идемте же!

Они вышли. Сделали несколько шагов. Историк остановился.

— Ну, Хен, что вы опять?

— Прислушайтесь. Внимательно.

— Ничего не слышу...

— И я тоже. Шагов не слышно. А ведь ему еще далеко до выхода.

— Что это может означать?

— Хотел бы я знать. Ага! Снова!

— Да. Я слышу.

— Леза, он возвращается!

— Идемте! Если мы поспешим, он нас не догонит.

— Вы правы.

Они двинулись — дальше, по направлению к городскому выходу. Шаги преследовали их, и они невольно ускоряли ход.

— Далеко еще, Хен?

— Я сбился со счета. От волнения. Но, по-моему, уже близко.

— Давайте передохнем минуту-другую.

— Хотите, чтобы он налетел на нас?

— Он не налетит. Он не идет за нами больше.

— Что за... Да, в самом деле. Не понимаю. Шел туда... Остановился. Повернул обратно. А теперь — ни туда, ни сюда...

— Знаете, а я поняла!

— Что же?

— Он свернул по тому ходу, в котором мы укрывались.

— Гм... Да, ему и в самом деле больше некуда было деваться. Какое счастье, что мы вовремя выбрались оттуда.

— Вы боитесь его, Хен?

— Он наверняка вооружен, а я — нет. Судя по уверенности, с какой он шел, он видит в темноте не хуже меня — а может быть, и лучше. А если бы он одолел меня — что было бы с вами?

— Да, конечно. Идемте. Я уже отдохнула.

— Погодите.

— В чем дело?

— Что он может искать там, куда свернул?

— Понятия не имею. А что там находится?

— Откуда мне знать? Но это, по-моему, важно.

— А по-моему, нет. Вы идете?

— Да. Вдогонку за ним.

— Хен!

— Вам вовсе не обязательно следовать за мной. Отсюда — прямой путь к выходу. Вы не собьетесь, даже если пойдете одна.

— Нет. Нет! Вы не можете бросить меня!

— Наоборот, это вы хотите бросить меня. Я жалею об этом — но не могу заставить вас.

— Нет, я... я не согласна. Что я буду делать в городе — одна? Идти домой? Я боюсь, там меня могут подстерегать — наверное, уже обнаружили, что я бежала. О вас ведь никто не знает, а обо мне...

— Тогда идите за мной.

— Мне страшно. Теперь, когда я знаю, кто он такой... Мне его жалко, но я боюсь.

— Леза, у меня нет времени. Решайте сразу: или — или.

Она вздохнула.

— Я с вами... У меня просто нет другого выхода.

— Поспешим!

Через, самое большее, пять минут они вновь оказались на развилке. Остановились, напряженно вслушиваясь. Неторопливые шаги едва доносились сюда. Теперь звук был глухим, как если бы шагали по земле, а не по каменному полу.

— Идемте.

— Тут я могу надеть туфли? Не будет слышно: земля... Совсем закоченели ноги.

— Пожалуй, я сделаю то же самое.

— Я готова.

Они шли узким — двоим не разойтись — ходом, бессознательно замедляя шаги, словно рассчитывая, что ход может кончиться на каждом шагу. Однако он уводил все дальше и дальше.

— Хен, может быть, он кончается в том полушарии?

— Все может быть. Пока могу лишь сказать, что он по спирали уходит все ниже. Нет, это не выход в город — и не путь, ведущий куда-нибудь в другое крыло Жилища Власти. Это что-то совсем новое.

— Очень таинственно...

— М-да, но дворцовые тайны чаще всего пахнут кровью.

Леза непроизвольно втянула воздух.

— Нет... Чем-то слегка пахнет в самом деле, но не знаю — нет, во всяком случае, не кровью...

— Вы так хорошо различаете запахи?

— Ну, кровь пахнет очень... очень выразительно.

Они прошли еще сотню метров, спускаясь все ниже.

— Хен, может быть, отложим это исследование до другого раза? Обещаю вам...

— Тшш! Внимательно посмотрите — вперед и вниз, по направлению хода.

— Ну и что?

— Вам не кажется, что там... чуть-чуть светлее?

— М-м... Может быть. Самую малость.

— Идемте!

Впереди и в самом деле светлело — медленно, постепенно. Вероятно, где-то там находился источник света. Скорее всего, один.

— Теперь помедленнее, Леза...

— Ой, Хен, мне очень страшно...

— Да ведь бояться нечего, Леза. Ну, подземный ход. Ну, свет.

— Ну, Миграт. Так, по-вашему?

— Сссс...

Наверное, он хотел сказать «Стойте!», но не выговорил всего слова.

Они остановились.

Спиральный ход тут заканчивался. Его перегораживала каменная стена. Похоже, вся она была одним монолитом. Отсюда исходил и свет: неярко светился свод.

Перед стеной, лицом к ней, стоял человек. Даже сзади можно было узнать в нем Задиру — Мигрaта: массивного, как бы истекающего силой.

Сначала осторожно выглянувшим из-за поворота Лезе и Хену Готу показалось, что он стоит просто так, ничего не делая. Но вот он поднял руки. Сделал несколько странных, необычных движений ими, одновременно произнося непонятные слова.

Видимо, это был какой-то, не известный ни историку, ни его

спутнице ритуал. Он продолжался с минуту. Под конец Миграт воздел руки к потолку и на несколько секунд застыл в этой позе. Казалось, он спросил о чем-то — или попросил чего-то, и теперь ожидает ответа.

Однако вокруг ничего не изменилось.

Слышно было, как Миграт глухо вздохнул. Опустил руки. Постоял неподвижно, склонив голову, словно набирался сил. И начал снова — уже другие движения в новых сочетаниях. Теперь он не произносил слова, но негромко пел. Мелодия казалась странной, дикой, но что-то в ней привлекало, странный, сложный ритм заставлял даже сторонних зрителей двигаться, не сходя с места, как бы извиваться, словно змея под дудочку заклинателя.

Закончился и этот ритуал. И снова — без каких-либо последствий. На этот раз во вздохе Миграта — резком, почти судорожном — ощущалось уже раздражение.

Совладав с собой, он начал еще раз — и опять по-новому. На этот раз он попытался изобразить какие-то танцевальные движения. У него это получалось плохо — и не только из-за телосложения, но, видимо, он просто не умел танцевать. Тем не менее, танец, казалось, захватил его — наверное, нужная музыка звучала в нем самом, и он двигался все быстрее и быстрее, все время обращенный лицом к камню. Наконец он остановился, широко раскинув руки, тяжело, хрипло дыша.

Тогда произошло чудо. Иначе назвать это было трудно.

Нет, каменная стена не поднялась, не опустилась, не отползла в сторону и не распахнулась. Проход по-прежнему оставался закрытым. Но ниоткуда, из ничего — или из этого камня — появилась женщина.

Она была красива. От нее исходил свет. Неяркий, он не резал глаза, но не растворялся в том освещении, что исходило сверху, а существовал как бы отдельно от него, изливаясь из женщины и возвращаясь в ее тело. Он пугал и привлекал одновременно, и заставлял верить, что совершится что-то небывалое — хорошее или плохое. Хен Гот непроизвольно поднес руку к глазам. Леза лишь тихо ахнула. Иначе было с Мигратом: нелепо взмахнув руками, он рухнул на каменную площадку, которой заканчивался ход, судорожно вытянулся и затих. Потерял сознание. Или, может быть, умер? Женщина не обратила на него внимания. Улыбаясь, она двинулась вперед. Шаги ее были легки и совершенно беззвучны.

Она шла прямо на историка. Хен Гот попытался посторониться, но некуда было — настолько узким стал ход перед преградой. Но женщину, казалось, не смущало, что путь закрыт. Она приблизилась к историку вплотную; он невольно вытянул руки, чтобы удержать ее от столкновения, но руки не ощутили ничего, женщина же нимало не замедлила шага и в следующее мгновение прошла сквозь чело-

века, а вслед за ним и через стоявшую позади, прижавшись к нему, Лезу и удалилась по ходу — дошла до поворота и скрылась за ним.

Они простояли, не двигаясь, несколько минут, постепенно приходя в себя. Хен Гот повернулся лицом к Лезе, и они обнялись, крепко обхватили друг друга, словно бы находя силу и защиту один в другом. Оба дышали часто и судорожно. Хен Гот почувствовал, что все лицо и все тело его покрылось потом. Он раздвинул губы — нерешительно, словно сомневаясь, что сохранил дар речи.

— Что это было, как ты думаешь?..

— Женщина...

Бессмысленность этого ответа почему-то вдруг успокоила историка. Он сумел даже усмехнуться. Медленно разжал объятия.

— Это я заметил...

— Что же еще я могла сказать?

— Да, верно...

Способность думать и действовать возвращалась к нему. Он перевел взгляд на Мигрaта. Претендент лежал в той же позе, повернув голову вправо, глаза его были закрыты. Он был жив; редко, но высоко поднимавшаяся грудь свидетельствовала об этом.

— Задира,— сказал Хен Гот, как будто в этом еще могли быть сомнения.

— Что мы будем с ним делать?

— Н-не знаю. Разве надо что-то делать с ним?

— Он принес нам зло. А теперь оказался в наших руках. Наверное, это не случайно — кто-то решил, что так должно случиться...

Но размышлять о материи столь неопределенной Хен Гот сейчас не мог.

— Что с ним сделать...— пробормотал он.— Нам и самим помоги Рыба ускользнуть. А еще с ним... Нам его даже не вытащить: узко, да и весит он наверняка больше, чем мы с тобой вместе.— Он наморщил лоб.— Хотя — можно просто убить его, а?

— Это... это страшно.— Голос Лезы дрогнул.

— Я понимаю... Мне тоже не по себе.

— Слушай, а может быть — вернемся и скажем, что он здесь. Пусть тогда они решают сами.

— Если мы вернемся, то во второй раз нам уже не удастся...

— Наверное, ты прав. Тогда уйдем поскорее.

— Да,— согласился он.— Это будет самым разумным.

Но он не тронулся с места.

— Ну, что же ты, Хен?

— Постой... Знаешь, все это очень странно. Этот ход. Преграда. За ней что-то кроется. Недаром оттуда появилось... это.— Он не решился на более точное определение, не сказал «женщина» или «призрак».— Ты помнишь? Мигрaт пытался открыть проход при помощи заклинаний, ведь так?

— Мне тоже так показалось.

— Но где-то, где-то... нет, у меня совершенно память отшибло... Где-то попадались мне какие-то старинные заклинания. Еще с времен доисторических... Вот только где?

— В этом архиве я ничего такого не видела.

— Нет, не в этом. Раньше. В Державном архиве? Нет, и не там. Определенно не там.

— Может быть, когда-то в детстве ты их сам придумывал? Есть такая игра...

— Да, я знаю. Но никак не в детстве. Это было недавно, совсем недавно. Что еще я читал за последнее время, кроме исторических материалов? Где еще бывал? Ах, синий осьминог...

— В библиотеке?

— В библиотеке? Гм... Нет... Но что-то в этой мысли есть. Библиотека...

— Хен! Смотри! Он пошевелился!

— Очень некстати. Библиотека...

— Потом вспомнишь! Сейчас он придет в себя. Сделай же что-нибудь!

Когда женщина произносит такие слова, трудно оставаться бездеятельным.

— Хорошо. Стой здесь!

Хен Гот решительно ступил на каменную площадку. Все тело его было напряжено — чтобы в случае малейшей опасности метнуться назад. Миграт теперь дышал громче, но сохранял неподвижность. Историк склонился над ним, потом опустился на колени. Легкими прикосновениями пальцев ощупал тело. Что-то, видимо, обнаружил: сунул руку во внутренний карман Миграта, вытащил оттуда лучевой пистолет. Миграт не пошевелился. Хен Гот направил оружие на него. Замер на секунду-другую. Медленно опустил оружие. Встал.

— Нет... не могу. Как угодно... О!

Последний звук прозвучал громко, очень громко. То был выкрик.

— Что? Что с тобой?

— Музей!

— Какой музей?

— Музей ранней псевдонауки! Вот где!

— Тише же, молю тебя: потише!

— Не страшно. Теперь я вооружен. Идем!

— Ты придумал — куда?

— Я же говорю: в музей! Там, там я видел все, что касается древних заклинаний: и тексты, и движения — весь ритуал описан подробно.

— Там надежно?

— Других описаний все равно нет.

— Великая Рыба, я спрашиваю: там можно надежно укрыться?

Они шли по узкому ходу быстро, не слыша встречных шагов и не опасаясь погони.

— Укрыться? Думаю, нам будет не до того.

— То есть как?

— Разве ты не поняла? Надо раздобыть эти заклинания и вернуться сюда. У меня такое ощущение, что за тем камнем кроется что-то важное.

— Сейчас важное — выжить.

— Ну ладно, я постараюсь тебя как-то устроить.

— Нет! Я одна не хочу! Мне страшно.

— Ну, знаешь ли... Мы люди независимые.

— Да? А ночью?

— Что — ночью?

— Что было минувшей ночью?

— А, ты об этом...— смущенно пробормотал он, замедлив шаг.

— Ты думаешь — это просто так?

Помолчав, он проговорил:

— Наверное, ты права... Но все равно, сейчас выберемся — и первым делом в музей. Пока нас никто не опередил. А там посмотрим.

Узкий отросток кончился; у развилки они постояли немного, чтобы убедиться, что и главный ход свободен. Там стояла все та же тишина; видимо, ходом этим пользовались все же не так часто. Они вышли из ответвления и свернули налево — к городскому выходу.

— Хен, далеко еще? Я страшно устала.

— Ну, соберись с силами... Близко уже.

— Совсем близко?

— Ближе некуда.

Метров двадцать прошли молча.

— Хен, а кто была все-таки та женщина?

— Пока ничего подходящего не придумал. Но одну вещь уже понял. И очень, мне кажется, важную.

— Какую вещь?

— Да опять о нашей истории.

— А-а...

— Нет, не «а-а». Это очень важно. Мы ведь всегда полагали, что все эти легенды, все то, что передавалось изустно с давних времен, очень давних — что это просто сказки. И в исторической науке не найдешь об этом ни слова. Но, оказывается, что-то такое было?

— Ну и что, если даже было?

— А то, что в таком случае нашу историю... Ладно, потом.

Хен Гот прервал сам себя потому, что ход наконец окончился. Маленькая дверца. Подвал. Лестница. Городской шум. Ускользнули...

3

Сообщив Мастеру все, что могла о своем непродолжительном визите на Заставу, Эла предупредила его, что вернется не сразу, но прежде хочет побывать на Ассарте, чтобы своими глазами увидеть места, в которых, возможно, придется действовать. Она не сказала, что хочет повидать Ульдемира: к этой идее Мастер отнесся бы плохо. Поэтому она добавила лишь, что, если представится возможность, она попробует найти место, обозначенное у Охранителя знаком страшной опасности; найти и понять, в чем же эта опасность заключается. С этой мыслью Мастер согласился, только по старой привычке предупредил, чтобы она не очень рисковала; наверное, он каждый раз забывал, что в нынешнем ее положении никакого риска для нее вообще не существовало; разве что конец Вселенной мог оказаться опасным. Тем не менее Эла серьезно выслушала его и обещала остерегаться.

Конечно, это второе дело было куда более важным. И все же Эла гораздо больше думала о том, что скоро увидит Ульдемира. Пусть незаметно, украдкой. Пусть так, что он даже не почувствует этого...

Хотя — наверное, почувствует, но не сможет понять вдруг возникшего ощущения. Не сообразит, что это Эла смотрит на него, сама оставаясь невидимой.

Она знала, что после этого одностороннего свидания ей какое-то время будет трудно. Но удержаться не могла. Те воспоминания, что нахлынули на нее в Мертвом пространстве в виде предельно четких, жизненных картин, не хотели оставить ее в покое и продолжали преследовать — пусть и не такие ясные, зато их было больше и они непрестанно сменяли одно другое.

Приближаясь к Ассарту и желая как можно больше сократить путь, Эла заранее наметила для себя прямой курс вместо того, чтобы огибать планету — и, серебристым вытянутым облачком пронизав атмосферу Ассарта, не задерживаясь, углубилась в тело планеты, почти столь же проницаемое для нее, как и пустота.

Человек Космической стадии может продвигаться внутри вещества разными способами. Можно двигаться по прямой; такой путь помогает выиграть время, но заставляет потратить лишнюю энергию на преодоление трудных участков пути — потому что вещество не однородно, и бывают легкие и тяжелые для проникновения сквозь него участки. А можно, сберегая энергию, перетекать из одного легкого участка в другой и появиться у цели несколько позже — но зато сохранив почти весь запас энергии, которую можно получать главным образом наверху, в пространстве, наиболее свободном от помех.

Эла избрала второй способ. И, к ее удовлетворению, почти

сразу попала в область очень легкого проникновения. Там можно было двигаться почти прямолинейно, и к тому же путь этот приводил ее почти точно к цели; она лишь немного отклонилась от первоначального маршрута, когда почувствовала невдалеке присутствие такой легкопроницаемой области и направилась к ней.

Странно: чем глубже проникала Эла в толщу планеты, тем ей становилось легче двигаться. И наконец сопротивление внезапно и почти бесследно исчезло, и из планетного вещества Эла вышла в свободное пространство на глубине примерно ста с лишним метров от поверхности.

В пустом пространстве этом находилось нечто, трудное для восприятия человека, не обладающего плотью. И именно эта трудность восприятия заставила Элу задержаться и принять человеческий облик — воплотиться, хотя раньше она если и собиралась сделать это, то лишь для того, чтобы глазами увидеть Ульдемира, и то в совершенно безопасной обстановке, то есть, в такой, где никто, в том числе и он, не смог бы ее увидеть. Но сейчас пришлось воплотиться раньше предусмотренного времени.

Приняв облик человека и обретя таким образом способность видеть, Эла с любопытством огляделась.

Пустоту, в которой она сейчас оказалась, уместнее всего было бы назвать обширной пещерой, озаренной холодным голубоватым светом.

Пещера не носила никаких следов присутствия человека — сейчас или когда-либо. В ней не было никаких изделий человеческих рук — ни каменных рубил, ни электронных машин. Эла поняла это сразу, потому что любой предмет, изготовленный человеком, на все время своего существования сохраняет способность генерировать некое слабенькое поле — одно из тех, какие входят в состав очень и очень сложной конструкции, называемой человеком и являющейся непременным участником и условием развития всех мирозданий — а их существует бесчисленное количество в области, покорной Высшей Силе.

Нет, человеку это помещение явно не было знакомо. И однако это не была простая причуда природы, результат игры космогонических процессов. Человек Планетарной стадии не понял бы этого, но Эла, Космическое существо, безошибочно почувствовала наличие в этой пещере признака Целесообразности, который можно назвать также и несколько проще — Признаком Цели. Этот признак считается проявлением деятельности Разума; так оно и есть — если только понятие Разума не ограничивать определением «человеческий».

Иными словами — пещера эта существовала не просто так, а для чего-то. И создана и предназначена была не человеком.

Эле было известно о таких явлениях. Однако ни от Мастера,

ни от Фермера она никогда не слышала об этой громадной каверне в теле планеты Ассарт. Это могло свидетельствовать о том, что на Ферме об этом просто-напросто не знали. Хотя Эле было известно, что за скоплением Нагор, как и за соседними такими же, Ферма вела наблюдение едва ли не с начала их образования.

Ощущение целесообразности исходило, как поняла Эла, от сооружения, или, скорее, образования, находившегося в центре этой обширной пустоты. С первого взгляда оно могло показаться просто вздыбленным нагромождением пород, выдавленных из недр во время вулканического процесса и застывших в миг своего устремления вверх, к поверхности планеты; в процессе застывания эти породы, выходившие из глубины как бы отдельными мощными струями, были какой-то неимоверной силой закручены вокруг общей оси. Струи были разного цвета и теперь напоминали причудливое елочное украшение или огромную конфету, которая оказалась бы по зубам лишь сказочному великану.

Эла неторопливо приблизилась к забавной фигуре и почувствовала себя странно. Излишне напоминать, что силы, действующие на обычного планетарного человека, не имели над нею никакой власти, но даже при этом Эла ощутила сопротивление пустоты, в которой передвигалась. Она поняла, что обычный человек не только не смог бы подойти к многоцветной спирали на такое расстояние, на какое приблизилась она, но, скорее всего, был бы уничтожен уже в первые мгновения своего пребывания здесь. Во всяком случае — если бы, не будучи предупрежден заранее, он не принял бы каких-то необходимых мер защиты.

Но ей все же удалось преодолеть это сопротивление, остановиться на расстоянии полуметра, вытянуть руку и прикоснуться к сооружению. Оно было холодным на ощупь, но не показалось безжизненным — хотя вряд ли его можно было счесть живым.

Эле захотелось подняться на вершину непонятного образования. Однако карабкаться по его крутым плоскостям было бесполезно. Ей пришлось взлететь.

Сверху она увидела, что возвышение это кончалось не острием, как можно было подумать при взгляде снизу, но крохотной площадкой — плоскостью, на которой вряд ли мог бы уместиться человек; разве что стоя на одной ноге.

Эла опустилась пониже, чтобы повнимательнее рассмотреть эту плоскость: ей почудилось, что на ней возникают и движутся, быстро сменяя друг друга, какие-то нерезкие, неопределенные линии. Повиснув на расстоянии приблизительно метра от площадки, она стала всматриваться в нее.

И линии как бы ощутили чужое внимание; они задвигались быстрее, стали делаться все более четкими, а затем начали группироваться, образуя какой-то рисунок. И не один.

Первым, что они изобразили, был тот самый знак опасности: перечеркнутый круг. Эла смогла увидеть его, хотя находилась в форме облака; это означало, что то, что она тут воспринимала, и было предназначено не для обычных, планетарных людей, но для иных форм бытия — в том числе и той, в которой она находилась в эти минуты. Планетарный человек, попади он сюда, скорее всего, не увидел бы вообще никакого рисунка. Да он и не мог бы проникнуть сюда, или же, проникнув — уцелеть; Эла почему-то вдруг совершенно уверилась в этом. Видимо, она получала информацию каким-то неизвестным ей путем.

Затем знак исчез, и на плоскости возникло незнакомое Эле лицо. Нет, она никогда не встречала этого человека; но показанное ей лицо глубоко запечатлелось в ее памяти, так что если ей придется когда-нибудь встретить его, она, без сомнения, узнает его сразу же.

И одновременно с лицом она усвоила тем же непонятным ей способом еще две мысли. Первая заключалась в том, что человеку этому плохо. Вторая — что его надо вылечить и что Эле это под силу.

Потом все исчезло, и Эла поняла — или ей внушили — что она может продолжать свой путь. А плоскость вдруг исчезла — на ее месте возникло отверстие. Эла заглянула. Словно труба уходила *куда-то вглубь. Кажется, по вертикали.* «К *центру планеты*?» — подумала она.

Но отвлекаться больше не следовало — надо показать ее силу этим силам. Эла так и сделала, и тем самым снова получила возможность мгновенного перемещения в любом пространстве. На миг возникла мысль: а может быть, воспользоваться этим и все же посмотреть, куда в конце концов приведет труба? Но желание увидеть Ульдемира оказалось сильнее; а кроме того, не лишним было бы сперва выслушать мнение Мастера: быть может, он отлично знает все, что касается и трубы, и пещеры, и появление там Элы только нарушит какой-то важный процесс. Труба, подумала Эла, никуда не денется, а Ульдемир и все остальные друзья по экипажу и Ферме, может быть, именно сейчас нуждаются в помощи; и тот неизвестный ей человек тоже.

Легким облачком она быстро поднялась в пещеру, воспарила над вершиной каменной спирали (впрочем, камень ли то был — не так легко оказалось ответить на этот вопрос), опустилась, почти прикасаясь к дну, и снова воплотилась, стараясь теперь держаться подальше от центральной фигуры. Оглядевшись, без труда установила, что в одном месте к пещере примыкал узкий ход, запертый, впрочем, массивной каменной плитой, поставленной вертикально. Эла взглянула наверх; Жилище Власти Ассарта, куда она направлялась, находилось не прямо над нею, но чуть в стороне. Она решила воспользоваться ходом, который, как она предположила, должен

был как-то сообщаться с Жилищем и наверняка давал возможность проникнуть туда, не показываясь множеству людей. Конечно, в Жилище Власти можно было влететь и облачком, и это было бы даже легче и проще,— но Эле почему-то не хотелось этого. Она шла на свидание с Ульдемиром, и хотела прийти на него женщиной, а не чем угодно другим.

Она без труда прошла через каменную плиту; по другую сторону ее оказались люди, с одним из них она едва не столкнулась лицом к лицу (хотя столкнуться можно было, конечно, лишь фигурально). Еще не успев как следует подумать, она выключила этого человека, самое малое, на полчаса, и, проходя мимо, уголком глаза заметила, как тот неуклюже упал. Это ее не взволновало, как и два других человека, мужчина и женщина, глядевшие на нее в полном оцепенении; Эла прошла сквозь них, не причинив никакого вреда или хотя бы неудобства. Узкий ход влился в другой, пошире, а тот, в свою очередь, привел ее в Жилище Власти. Была ночь, длинные коридоры освещались плохо; Эла приглушила и свой собственный свет, чтобы нечаянно не обратить на себя чьего-либо внимания, постояла на месте, внимательно оглядывая дом изнутри — все этажи, все коридоры и комнаты. Ульдемира она нашла без труда — он спал в маленькой комнатке в другом конце здания. Перевоплощаться не хотелось, и Эла пошла по длинным, коленчатым коридорам, по узким лестницам и снова коридорам и галереям. Наконец вошла к нему и склонилась над кроватью.

Он был не один там — в этой же постели спала женщина. Эла внимательно рассмотрела ее. Чем-то женщина ей понравилась, чем-то наоборот, оттолкнула. Но, во всяком случае, она не была столь красивой, как сама Эла, и это успокоило и позволило не причинять женщине никакого вреда. Эла только грустно улыбнулась: на людей, даже самых лучших, можно полагаться только до определенного рубежа; она имела в виду людей планетарных, разумеется. Ульдемир выглядел усталым, но, к ее удовольствию, был моложе, чем когда они с ним расстались там, на Земле — на весь остаток его планетарной жизни. Эла понимала, что это не настоящий облик его, это лишь рабочий возраст, данный Ульдемиру Мастером; но все равно, было приятно видеть его таким... Она присела на пуф недалеко от кровати; ей было безразлично — сидеть или стоять, людям ее стадии не знакома усталость плоти — но ей хотелось вести себя так, как если бы она все еще была Планетарным человеком. Было тихо. Она поняла, что война еще не пришла в Сомонт, хотя была уже где-то совсем близко. Кажется, пока ее помощь здесь не особенно требовалась.

И все-таки она не хотела уйти, так ничего и не сделав для него. Подумав немного, она нашла, что сказать ему и, сосредоточившись, послала сигнал. Она передала Ульдемиру, что близ Жилища Вла-

сти находится нечто необычное, но, очень возможно, опасное, и поэтому, когда война начнется и здесь, надо стараться не допустить серьезного обстрела и бомбардировки самого здания и его окрестностей. А также — что более подробно он, наверное, сможет вскоре узнать у Мастера. А также — что она очень рада была повидать его, хотя и не очень довольна тем, что в постели он находится в обществе посторонней женщины. А также — что она, несмотря на это, по-прежнему любит его и знает, что и он так же любит ее — и будет любить до той поры, пока и сам не перейдет в ее состояние.

После этой передачи Эла посидела еще немного, просто глядя на него. Ульдемир заворочался и пробормотал что-то; она узнала свое имя. Свое — а не той, что лежала рядом. Эла улыбнулась.

Теперь можно было уходить.

Не затрудняясь поисками двери, Эла прошла сквозь стену в коридор. И хотела уже, развоплотившись, подняться прямо вверх — сквозь атмосферу в пространство,— но задумалась.

Там, внизу, где она вышла из пещеры, оставались три человека. Двух из них она даже не затронула. Что они там делали? Не пытались ли пробиться в пещеру? Ведь когда-то кто-то бывал там — иначе откуда было возникнуть этому ходу? Ход означал, что проникнуть туда можно — если знать способ сдвинуть с места каменную плиту. Люди вряд ли знали такой способ: иначе они не стали бы задерживаться перед этой плитой. И вряд ли они знали, что там, за плитой, находится. Не зная ни того, ни другого, они вполне могли воспользоваться, чтобы проложить себе путь, каким-нибудь опасным приемом: например, взорвать камень. Но она-то теперь понимала, что такое действие могло привести к самым скверным последствиям...

Нет, перед тем, как покинуть эти места, следовало еще раз заглянуть туда, и если люди на самом деле решатся на какое-то опасное действие — помешать им. Эла понимала, что это в ее силах.

Вот почему вместо того, чтобы сразу же устремиться в пространство, она вернулась в подземелье. Из троих там сейчас оставался только один человек — тот, которого она выключила. Он едва успел прийти в себя и сидел на каменном полу, опираясь на руку, другой рукой потирая лоб и недоуменно оглядываясь. Потом он увидел ее. Элу поразило, как сразу изменилось его лицо: на нем возникло выражение ненависти.

— А, Ферма! — пробормотал он и с трудом встал; кажется, он еще не вполне оправился.— Везде эмиссары... Но я тебя не боюсь! Могу драться на равных! А ну-ка, ну-ка, посмотрим, как ты...

И он сделал выпад, какой применяют люди, прошедшие эмиссарскую школу, для воздействия на противника на расстоянии. Будь он в здравом уме, он сообразил бы, что имеет дело не с эмиссаром из Планетарных людей, подобным ему самому, но с человеком

иного уровня; но он еще не был в здравом уме. Эла же без труда поняла, что человек этот — эмиссар, и не с Фермы — тогда она обязательно помнила бы его; значит, он был эмиссаром другой стороны. Враждебной. И хотя она вовсе не настроена была сражаться, но иного пути сейчас не было. Да и, собственно, о каком сражении могла идти речь?..

Все же она помедлила, и человек, приблизившись на шаг, снова сделал выпад; однако разряд был слаб и не подействовал бы сколько-нибудь ощутимо даже на простого Эмиссара; Эле же такие приемы не были опасны вообще. Но затягивать эпизод было незачем. Эла мгновенно скрестила перед собой руки, образовав энергетическую петлю, и легким взмахом накинула ее на противника. Резко опустила обе руки. Теперь он лишился возможности двигаться и лишь следил за нею белыми от бешенства глазами. Она улыбнулась. Человек этот в своей жалкой ненависти был даже забавен. Следующим пассом Эла подняла его в воздух. Повернулась и пошла по узкому ходу, даже не оглядывалась: знала, что он плывет за нею на расстоянии метра от земли. Иногда, когда коридор резко сворачивал в сторону, он легко стукался о каменную стену. Эле не было его жалко.

Она шла, решая, как же теперь поступить с ним. Ей он был совершенно не нужен. Однако у противника он наверняка играет немалую роль; ей удалось нечаянно взять Эмиссара в плен — не выпускать же его?

Видимо, надо как-то переправить его на Ферму, к Мастеру. Если она обошлась с Эмиссаром слишком резко — придется извиниться и отпустить его, но пусть это решают те, кто знает больше, чем она.

Однако ей самой это не под силу. Она-то может свободно передвигаться в пространстве, но он — всего лишь Планетарный человек, и его перемещать можно только по специальным каналам. У нее такого канала нет. Единственное, что сейчас остается — это укрыть его в каком-то надежном месте, связаться с Мастером или слетать на Ферму самой и попросить помощи.

Беда только, что такого укромного места в ее распоряжении не было. Для того, чтобы найти его, ей тоже нужна была помощь.

Кого можно было просить о помощи?

Только кого-то из тех, кого знала она и кто знал ее. То есть, из людей экипажа.

Может быть, даже Ульдемира. Хотя эта задача разрешима для любого из них.

Значит, покидать Жилище Власти еще рано...

Придя к такому выводу, Эла, выйдя в основной ход, снова повернула к Жилищу.

Только теперь у нее возникло такое ощущение, что она не только издали, как-то неопределенно, но помогает друзьям и на деле.

4

Кольцо осады проходило уже едва не по границам города. Но до сих пор по Сомонту не было сделано ни одного выстрела.

Командующие тремя экспедиционными корпусами Коалиции — силами этих корпусов и было создано кольцо — не раз уже докладывали Объединенному командованию, что после непродолжительной ракетной подготовки — с грунта, с воздуха и, если возможно, из Космоса — город можно будет взять после непродолжительного штурма, для которого все уже было подготовлено: и штурмовая техника, и отборные бойцы. Тем самым война на Ассарте была бы закончена. Кроме столицы, сопротивление мог оказать еще только Резервный центр обороны, находящийся в другом полушарии; однако в Сомонте была Власть, и с капитуляцией этой Власти капитулировала бы и вся планета: признала бы поражение и смирилась с ним. А Резервный центр мог держаться, пока не съедят последнюю банку консервов — после этого защищающим его силам останется только, подняв руки, выходить на поверхность.

Так полагали командующие. Но, по совершенно непонятной для них причине, представитель Объединенного командования каждый раз отвечал одно и то же: «По Сомонту не должно быть сделано ни одного выстрела. Город нужен нам в целости и сохранности. И каждый, кто нарушит запрет на обстрел Сомонта, будет наказан по высшей строгости».

Командующие роптали. Однако, как люди военные, подчинялись. Другого пути у них не было. Однако они, используя свои права, вновь и вновь рапортовали начальству о необходимости обстрела и штурма: это не было запрещено ни одним уставом.

Последнее такое донесение, подписанное тремя командующими, было послано вчера. Так что сегодня следовало ожидать очередного визита представителя Объединенного командования, который, конечно же, привезет очередной отказ. О своем прибытии представитель осведомил заранее, и ожидался сегодня с утра.

Однако прошел назначенный им час; прошло и время, которое командующие накинули — учитывая, что война есть война и передвижения не всегда происходят так, как планируются. Представитель командования не явился.

Трое командующих собрались в ставке Третьего Генерала Ли Пера из мира Ктол. Они несколько нервничали.

— Сколько можно ждать? — вопросил генерал Ли Пер, воздев руки.

— Может, его кто-нибудь сбил на подлете, а мы тут сидим и ждем,— предположил его коллега из мира Хапорим.

— Сделал благое дело,— проворчал генерал из мира Серитог.

— Так, или иначе,— снова заговорил командующий корпусом

Ктола,— мы подали рапорт и ответа на него не получили. Хотя по существующим правилам, в условиях военных действий, должны были получить его не позже, чем в десять часов утра сегодня по времени Ассарта.

— Но не получили,— подхватил генерал из Хапорима.

— Согласно Уставу Командных действий Серитога,— сказал генерал из названного мира,— если я испрашиваю у командования разрешение на определенные действия и в установленный срок не получаю отказа, то тем самым моя инициатива считается одобренной и я получаю все права для ее реализации.

— Ну, и у нас точно так же,— подтвердил генерал из Хапорима.

— Что ж удивительного? Всем известно, что свой Устав вы списали с нашего, чтобы зря не напрягать мозги.

— Это вранье,— сказал генерал из Хапорима.— Просто один из членов нашего Уставного комитета удрал к вам вместе с проектом, которым вы и не замедлили воспользоваться.

— Господа генералы! — воззвал Ли Пер.— Лучше поговорим об этом когда-нибудь потом. После победы.

— Мы никогда не победим, если нам будут связывать руки,— заявил генерал с Хапорима.

— Я считаю, что нам не связывают рук,— возразил командующий с Серитога.— Во всяком случае, сегодня нам их скорее развязали. Рапорт отправлен, ответа нет, следовательно — что? Следовательно, наша инициатива считается одобренной.

— Совершенно верно,— поддержал генерал с Хапорима.

— В таком случае,— подвел итог генерал Ли Пер,— нам остается только отдать соответствующие распоряжения. Когда мы можем начать обстрел? Мне, например, нужно не более шести часов.

— Я управлюсь за пять,— заявил Хапорим.

— А я даже за четыре,— доложил Серитог.

— Хорошо. В таком случае, открываем огонь через пять часов.

— Через пять часов и семнадцать минут,— предложил Серитог.— Чтобы было ровное время. Сейчас без семнадцати три.

— Итак, в двадцать-ноль?

— Принято.

— Позвольте, господа,— усомнился Хапорим.— На какое время для подготовки мы рассчитываем? Не придется ли нам идти на штурм среди ночи?

— Ни в коем случае,— успокоил его Ли Пер.— Мы будем выпускать снаряды и ракеты десять часов подряд. Ночью это кажется особенно страшным — тем, на кого они падают. А в шесть-ноль поднимем войска в атаку.

— Отлично,— сказал Серитог.

— Если так, то я не возражаю,— примкнул к ним и Хапорим.

— В таком случае, господа — по корпусам!

В войсках Коалиции дисциплина и порядок находились на хорошем уровне. Что было приказано, то и выполнялось. Поэтому штурмовые части заняли исходные позиции еще до начала огневой подготовки.

Артиллерия выдвинулась на свои рубежи, давно уже намеченные.

Ракетные наземные части — тоже.

С авиацией было несколько сложнее. У нее было свое объединенное командование. И на запрос авиаторы ответили, что такого приказа не получали.

Пришлось срочно связываться с Объединенным авиационным командованием. Доказывать им, что Главное Объединенное командование не возражает против операции. И, в конце концов, речь идет лишь об оперативном подчинении командованию корпусов той авиации, что принадлежит их же планетам и, строго говоря, им же и должна подчиняться. Эти аргументы подействовали, но все же чего-то не хватало. И тогда в ход пошел последний козырь: авиационным начальникам было сказано, что операция гарантирует окончание всей надоевшей войны в трехдневный срок. А как только Сомонт падет и въехать в него станет безопасно — авиационные генералы будут первыми приглашены, чтобы полюбоваться результатами работы своих подразделений — а также и трофеями. Упоминание о трофеях оказалось очень кстати: каждому ведь хочется сохранить на память о войне, в которой участвовал, какой-нибудь сувенирчик — пусть даже мелочь... Поэтому, уточнив, что грузовикам авиационного командования въезд в город будет безусловно разрешен, воздушные генералы дали, наконец, требуемое разрешение и остались в приятном ожидании.

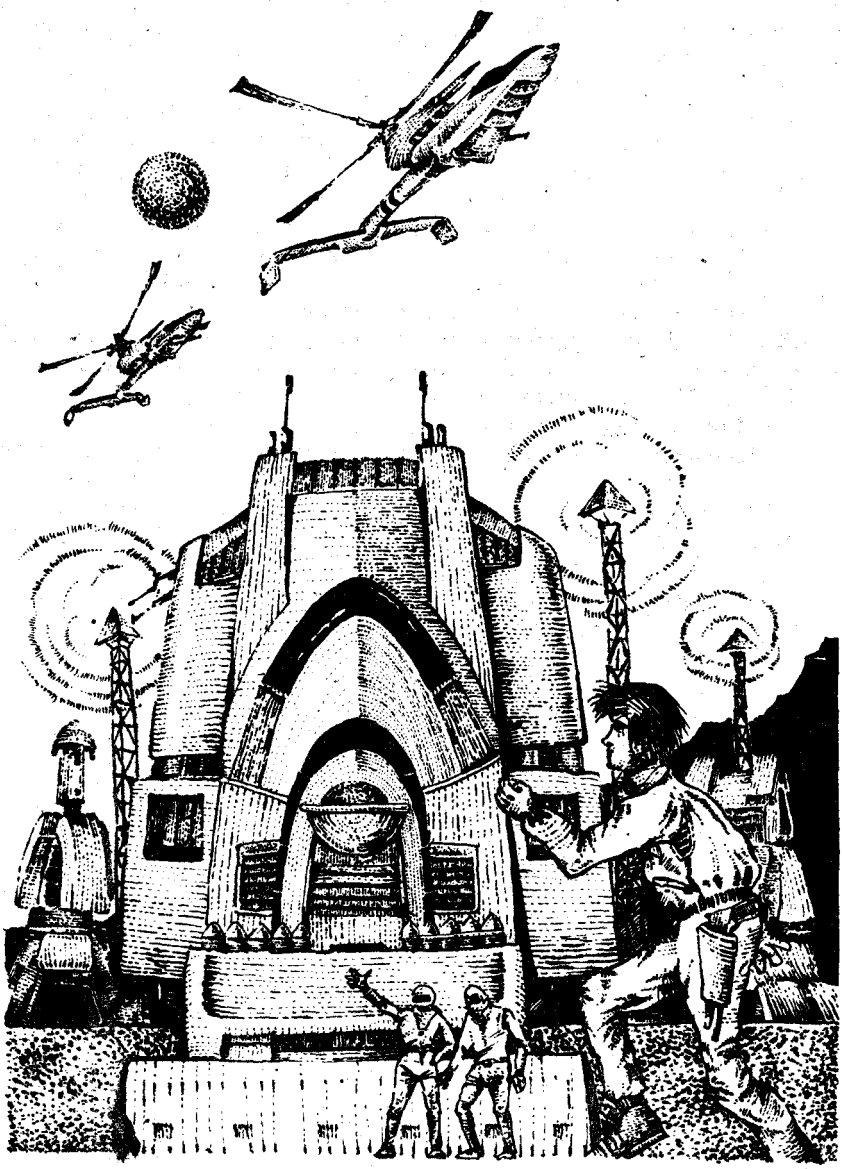
К назначенному сроку все было готово.

Генеральские часы были сверены заранее. И ни один из трех командующих не опоздал ни на секунду.

Прозвучали команды. Сотрясая установки, в воздух поднялись ракеты. Вылетели из орудийных стволов снаряды.

Считанные секунды понадобились, чтобы они достигли цели. Ни один выстрел, ни одна ракета не пропали даром: цель — столичный город — была достаточно крупной.

Огонь велся по площадям; это было проще, чем, наметив конкретные цели, стараться поразить их. Да в Сомонте — это было известно — и не существовало таких сооружений, которые носили бы военный характер и могли быть использованы в уличных боях во время штурма. Целью огневой подготовки было — напугать, привести к мысли о неизбежном поражении. Население города должно было деморализоваться само и оказать такое же воздействие на войска. После чего победу можно будет взять голыми руками...

Был вечер, и в Жилище Власти никто еще, естественно, не спал.

В Жилище Власти, на половине Ястры, кроме нее, Ульдемира и Питека присутствовали еще два человека.

Одним из них была Эла. Сидя в углу, она старалась выглядеть как простая планетарная женщина. Однако все, кроме Ястры, знали, что это не так.

Другим был Ублюдок Миграт. Несмотря на то, что с виду он был совершенно свободен, на самом деле Миграт не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой. Петля, наброшенная Элой, держала его до сих пор.

Эла и Миграт появились здесь лишь несколько минут назад. И разговор, по сути дела, еще не успел начаться, когда в городе послышались первые взрывы.

— Что за дьявол! — вскочил Ульдемир.

Остальные повернулись к окнам, не говоря ни слова; никто не хотел поверить, что война в конце концов вступила и в Сомонт.

Только Миграт прохрипел:

— Идиоты! Все — идиоты!

— Кроме вас, конечно,— заметил Ульдемир.— Вы — известный мудрец, как же.

— Каким бы я ни был, но, пока я был свободен, ракеты на Сомонт не падали! Даже и сегодня я мог бы предотвратить... если бы не эта дама.

— С дамами вам вообще не везет, Магистр,— сказал Ульдемир.— А что касается обстрела города — это очень интересно. Вы так любите этот город, что всячески старались уберечь его? Или есть какие-то другие причины?

— Можете догадываться сами,— сказал Миграт, усмехнувшись.— Только боюсь, что у вас не осталось на это времени.

— Сколько бы у нас ни оставалось времени,— проговорил Ульдемир медленно,— у вас его всегда будет чуть меньше. Думаю, что ситуация вам понятна. Хотя — в немалой степени она зависит от вас.

Снаружи снова рвануло; на этот раз уже ближе.

— В какой же степени? — поинтересовался Миграт.

— Если согласитесь ответить на вопросы, которые мы вам зададим, то мы, во всяком случае, оставим вас в живых.

— Это от вас уже не зависит. Потому что ракеты и бомбы Коалиции переправят нас в следующую стадию раньше, чем вы сумеете что-либо сделать. И если говорить обо мне — это не кажется мне наихудшим выходом.

— Не уверен, что вы понадобитесь Охранителю, перейдя в Космическую стадию,— покачал головой Ульдемир.— Потому что, собственно говоря, вы мало чем помогли ему. Так что вряд ли вам сейчас имеет смысл умирать. Подумайте, а я тем временем задам

вам первый вопрос: почему вы, жертвуя Ассартом, так берегли Сомонт? Только не говорите, что вам нужна неразрушенная столица. Причина в чем-то другом. В чем же, Магистр?

Миграт молчал. Снова послышались взрывы — на этот раз несколько дальше.

— Может быть, Магистр, Сомонт нужен не столько вам, сколько Охранителю? Зачем? Что в этом городе такого? Зачем ему понадобилось сталкивать Ассарт со всеми остальными мирами?

— Попросите вашу даму дать мне возможность хоть немного двигаться. У меня затекло все тело.

— Сначала ответьте.

— Охранитель сам объяснил вам это — там, на Заставе.

— Это было объяснение для умственно отсталых.

— Можете считать меня умственно отсталым, но я ему верю.

— Нет, Магистр, не верите. Иначе вы не попытались бы сами увидеть — что находится внизу, под нами, куда ведет узкий ход.

— Нормальное человеческое любопытство.

— Малоубедительно.

— Ну, это уже ваше дело.

— У нас не возникает желания облегчить ваше положение.

— Спросите о чем-нибудь таком, что мне известно.

Ульдемир на несколько секунд повернул голову, прислушиваясь к тому, что безмолвно передавала ему Эла.

— Что за устройства находятся на Заставе? Для чего они и откуда взялись?

— Назначение их известно только Охранителю — и тем, кто ими управляет.

— Кто они?

— Из какого-то другого мироздания. Было бы хорошо, если бы вы поняли: Охранитель вовсе не считает меня своим лучшим другом и не исповедуется мне; его замыслы для меня ясны не более, чем любому из вас.

— Мы допускаем, что он вам не излагал их; однако вы, конечно, раздумывали о них — и какие-то выводы у вас имеются.

— Ну... возможно, дело в его отношениях с теми, кому служите вы. С Фермой. В их взглядах на сущность и смысл Мироздания.

— Может быть. Но ведь это пространство относится к Ферме — он что же, хочет совершенно вытеснить ее отсюда?

— Не исключено.

— А какую роль в этом должен играть Ассарт? Именно эта планета?

— Об этом знает только сам Охранитель.

— Видите, так или иначе мы возвращаемся к первому вопросу: что известно вам о... ну, назовем это хоть бы «Секретом Ассарта»?

— Известно, что там находится нечто.

— Точнее?

— Я уже говорил: точнее ответить не могу.

— А ваше мнение?

— Что-то такое, что может дать Охранителю возможность диктовать свои условия.

— Ну, это и так понятно... Что, Эла?

Забывшись, Ульдемир проговорил эти слова вслух, что было вовсе не обязательно — Эла воспринимала их непосредственно, без помощи акустики — как и он слышал ее мысли.

— Я ведь видела это,— передала она.— Была там, разве я не сказала? Там просто ход — ход вниз, возможно — к самому центру планеты. Я не успела исследовать до конца. Но сразу стало ясно, что он создан не людьми — и предназначен не для людей. Никто из нас не сможет разобраться в этом. Может быть, Мастер и Фермер...

— Спасибо, Эла. Не забудь только: наш пленник так же хорошо воспринимает мысли, как и мы с Питеком.

— Я понимаю.

Снова грохот за стенами; теперь уже совсем близко.

— Скажите, Магистр, сохранить Сомонт от обстрела — целиком ваша идея? Или указание Охранителя?

— Сейчас уже не помню. Возможно, он подал такую мысль...

— Значит, он. И вам пришло в голову, что это связано с тем, что находится в глубине?

— Другого объяснения я не мог найти.

— А как вы узнали, что внизу вообще что-то находится? Он сказал вам?

— Нет. Он говорил только о необходимости всячески беречь Жилище Власти. Но я вовремя вспомнил, что в наших древнейших легендах имеются намеки на нечто такое... На то, что Жилище — вернее, то, что давным-давно находилось на его месте — предназначено для охраны и защиты не тех, кто наверху, но того, что ниже, в глубине.

— И вы поверили легенде?

— Древнейшая история всегда интересовала меня.

— И вы решили, что в легендах речь идет о действительных фактах?

— Я всегда верил им. И, как видите, не зря. Мы, в чьих жилах течет кровь Властелинов, всегда были наполовину устремлены в прошлое, и лишь второй половиной — в будущее. Только мой брат хотел создать прошлое искусственно. Он не верил сказкам. Не его вина; так его воспитали.

— Не трогай Изара! — впервые вступила в разговор Ястра.— Ему сейчас тяжело.

— Я думаю, что ему сейчас как раз легко. Он простился с Пла-

нетарной стадией. И единственным законным претендентом остаюсь я. Поэтому предлагаю всем вам соглашение — примерно такое, какое уже предлагал Ястре.

— Для вас она — Жемчужина Власти! — нахмурился Ульдемир.

— Ну, между родственниками подобный этикет ни к чему... Да, предлагаю соглашение. Она передает мне власть законным путем. И все мы пытаемся найти разгадку того — чем же на самом деле является Ассарт.

— А что вы скажете Охранителю, Магистр?

— Вряд ли такие подробности будут интересовать его. Мои права на Ассарт он признает...

— А вы признаете его власть над собою. Но ведь мы точно таким же образом признаем старшинство Фермы! Как же вы предполагаете сочетать интересы тех и других?

— А никак. Это их проблемы.

— К сожалению, Магистр, мы никак не можем согласиться с вами.

— Они так уж вам дороги?

— Это само собой; кроме того, мы затрудняемся представить себе, что отношения между Заставой и Фермой возникли только вследствии чьих-то амбиций. Мы не знаем подробностей, но нам известно, что дело касается самого существования нашего Мироздания — во всяком случае, в его современном виде. Но кроме этих причин есть и еще одна; одно обстоятельство, которое разрушает все ваши планы.

Очередная серия ракет упала на город. Ястра сказала:

— Пора заканчивать бессмысленный разговор. Нам некогда.

— Да,— согласился Ульдемир.— Потому что после обстрела наверняка последует штурм. Мне нужно связаться с Рыцарем, Эле — с Мастером.

— И все же,— снова заговорил Магистр,— мне хотелось бы услышать, что это за обстоятельство.

— Оно заключается в том, дорогой Магистр, что Изар жив.

— Может быть,— усмехнулся Миграт,— вам даже известно, где он находится?

— Без сомнения. Вот за этой стеной. В соседней комнате.

— Прошу извинить, но я вам не верю.

— Ну, это ваше дело... Ястра, когда Властелин сможет обратиться к миру?

— Через два-три дня.

— Это комедия,— сказал Миграт.— Вы хотите убедить меня...

— Ничуть не бывало. Мы можем даже показать его вам.

— Будет очень интересно.

— Ульдемир! — воспротивилась Ястра.— Не надо! А вдруг

этот... родственник сможет как-то повредить ему? Изар не в таком состоянии, чтобы сопротивляться.

— Ты могла бы и не говорить этого,— упрекнул ее капитан.— А что касается вреда, то не беспокойся. Мы попросим Элу присутствовать при этом. Она сильнее Магистра.

— Ты думаешь?

— Иначе его не было бы здесь.

— Ну хорошо...— согласилась она без особой уверенности.

Они вышли в коридор. Миграта приходилось тащить под руки: он все еще был лишен способности передвигаться самостоятельно. Отворили дверь в соседнюю — прежнюю спальню Жемчужины. Сидевший у кровати Эфат поднял на них усталый взгляд.

— Как чувствует себя Властелин? — спросил Ульдемир.

Взгляд Эфата, на миг задержавшийся на Магистре, переместился на капитана.

— Ему становится лучше, хотя выздоравливает он медленно.

— Что сказал сегодня врач?

— Возможно, завтра Властелин придет в себя.

— Ну, Магистр — вы убедились?

Миграт промолчал.

— В таком случае, в ответ на ваши предложения выслушайте мои. Я думаю, что мои друзья поддержат их,— сказал Ульдемир.

— Интересно...

— Жемчужина! — вмешался Эфат.— Не хотите ли вы повелеть перенести Властелина в более надежное место?

— Чем вам не нравится это?

— Разве вы не слышите? Стреляют. Если попадут в Жилище Власти...

— Если попадут сюда,— резко прервал его Магистр,— то не спасется никто — даже в самом глубоком подземелье.

— Обождите, камердинер,— проговорил Ульдемир.— Итак, вот мое предложение. Оно основано на том, что ни вы, ни я не хотим разрушения Сомонта, и тем более — Жилища Власти. Вы согласны с этим?

— Согласиться нетрудно.

— Вы полагаете, что сможете, вернее — смогли бы удержать наступающих от обстрела?

— Слишком много времени упущено. Но — может быть, что-то еще возможно сделать.

— Если мы отпустим вас — сделаете вы это?

— М-м... Если быть честным — не знаю. Могу лишь обещать, что сделаю все, что сумею.

— Наверное ведь Охранитель не откажется помочь вам?

— Только на него и можно надеяться.

— В таком случае, думаю, что мы не станем более задерживать вас.

Магистр вскинул голову.

— Однако я не могу поручиться, что Коалиция отступится от идеи штурма. Обстрел и штурм — не одно и то же.

— Да, мы понимаем это.

— В таком случае — я согласен.

— Ульдемир! — воскликнула Ястра.— В уме ли ты, Советник? У нас нет более серьезного врага...

— Не было. Но сейчас самый опасный враг — их ракеты.

Как бы подкрепляя слова капитана, одна ракета из новой серии разорвалась, кажется, тут же, на площади. Будь в окнах Жилища Власти обычные стекла, вряд ли уцелело бы хоть одно из них.

— Я думаю, Советник прав, Жемчужина Власти,— почтительно обратился к Ястре Питек.— Важно, чтобы они прекратили огонь.

— Вы хотите, чтобы я поверила Миграту?

— И все же отпустим его. Он ведь прекрасно понял теперь одну вещь: он не укроется от нас нигде в пределах скопления Нагор. Эла найдет его. И не только она...

— А может быть, мне сопровождать его? — сказал Питек.— В качестве личного телохранителя. Я ведь не слабее его.

— Не так нас много,— отверг его мысль Ульдемир,— чтобы мы брали на себя еще и его охрану. Нет, думаю, что он не обманет — потому что это нужно ему не менее, чем нам.

— В этом я с вами согласен,— откликнулся Мигрaт.

— Эла! — мысленно обратился Ульдемир.— Доставь его, пожалуйста, к выходу — и отпусти. Дальше он сам найдет способ...

— Разумеется,— просигналил Мигрaт так же беззвучно.

— Однако, если вы попытаетесь вернуться в Жилище Власти...

— Я вовсе не обещал не делать этого. Штурм так или иначе состоится. Вам придется капитулировать. И тогда никто не сможет запретить мне...

— Хорошо. Но только тогда.

— Согласен.

— И еще, Эла. Потом вернись ненадолго...

Она улыбнулась.

— Ну, конечно же,— передала она.— Так хочется о многом поговорить...

— А мы тем временем займемся войсками. Проверим, насколько они готовы к штурму.

Мигрaт усмехнулся. Это было нелегко: затекли даже мускулы лица.

5

В комнате, где лежал Властелин Изар, остались, кроме него, только двое: Эфат и Ястра.

— Думаю, вам давно пора отдохнуть, камердинер,— произнесла Жемчужина Власти.— Видно, что вы бесконечно устали.

— Увы, Властительница: годы... Но я еще могу ухаживать за ним. Кто другой сделает это так, как я?

— Хотя бы я.

— Вы, Жемчужина Власти? Но у вас сейчас так много важнейших дел...

— Самым важным мне кажется — чтобы Властелин вернулся к нам. Он очень нужен всем.

— Конечно, Властительница, мне очень хотелось бы этого...

— Вы сомневаетесь? Но ведь вы только что сказали...

— Вынужден признаться: мне пришлось солгать.

— В чем же?

— Доктор вовсе не говорил, что через день-два Властелин придет в себя настолько, что сможет обратиться к народу.

— Ах, вот как...— протянула Ястра.

— Наоборот — врач говорил, что такое состояние его может продолжаться долго, очень долго... Он объяснял — почему, но этого я не запомнил — его слова прямо ошеломили меня.

— Отчего же вы сразу не сказали, как обстоит дело?

— Как же я мог сказать, если рядом с вами находился этот... Ублюдок Власти? Его брат?

— Вы узнали его?

— Великая Рыба, да конечно же! Я помню его совсем молодым. Правда, давно не приходилось встречаться, но он такой... запоминающийся.

— Вы правы.

— И подозреваю, что у него не самые честные намерения в отношении Властелина.

— Почему вы так решили?

— Иначе он за столько лет нашел бы время, чтобы посетить нас. А ведь он даже не поздравил Властелина со вступлением во Власть...

— Да, вы снова правы — намерения у него не самые лучшие. Но это вовсе не значит, что вам не следует отдохнуть.

— Пожалуй... пожалуй, я воспользуюсь вашей добротой, Властительница. Если вдруг понадоблюсь, я буду у себя. Я оставлю вас ненадолго. Старики быстро приходят в себя, хотя и быстро устают.

— Отдыхайте спокойно, Эфат.

— Еще раз благодарю вас, Властительница... Ах!

— Что случилось?

— Нет-нет, ничего... Я просто забыл... одну вещь.
— Это касается Изара?
— Ни малейшим образом. Но, с вашего позволения, я ухожу.
— Идите, Эфат. Набирайтесь сил. Они еще понадобятся...

Оставшись наедине с Изаром, Ястра села на еще теплый стул, только что освобожденный старым камердинером. Задумчиво поглядела на белое, словно мукой обсыпанное, лицо Властелина; слабо, одним уголком рта, усмехнулась. И задумалась.

Значит, на самом деле Изар не придет в себя ни завтра, ни в ближайшие дни. И уж подавно не сможет обратиться к миру Ассарта. А ведь только на это и были надежды. Только слово Властелина могло поднять людей, вдохнуть в них какую-то бодрость. Сейчас никто не хочет браться за оружие. «Мы сами виноваты,— подумала она.— Много, много лет понятие приверженности Власти подменяли приверженностью Властелину. Всегда казалось невозможным, что с ним что-нибудь может произойти. Властелин был надежно защищен, казалось бы, со всех сторон. Конечно, если вел себя разумно.

Изар так и не научился вести себя разумно. Как подобает истинному Властелину».

Ястра вздохнула.

Если бы он с самого начала повел себя иначе, то она... ну, что же: чуть раньше или чуть позже, но она пришла бы в себя. Перемогла бы обиду, чувство оскорбленного достоинства; он же никогда не был ей безразличен. Немного времени — и она сердцем ощутила бы то, что всегда знала рассудком: что ради Власти приходится жертвовать многим — вплоть до самой себя. Смирилась бы. И стала верной помощницей ему во всех делах Власти.

Однако он, видите ли, решил обидеться сам. Словно это она валила его на пол... Не мог терпеливо обождать. Никто не научил его той простой вещи, что, когда ты ждешь чего-то от женщины, надо прежде всего научиться терпению. Ничто не ценится так, как готовность ждать, сохраняя в неизменности свои чувства. Нет, он обиделся — и завел себе эту, как ее...

Кстати, она, оказывается, удрала. Ухитрилась. А сперва показалась такой робкой, хрупкой девицею... Ничего, у нее хватило сил, чтобы заставить здоровенного охранника потерять сознание, связать его и каким-то способом выбраться из Жилища Власти.

Ну да Рыба ей судья. Исчезла — тем лучше и для нее, и для самой Ястры: не придется принимать никаких тяжелых решений.

Во всяком случае, по отношению к ней.

Она не опасна более. Потому что Изар — вот он. Лежит, редко и тяжело дыша. В бинтах, в датчиках, со здоровенными иглами в венах. Лежит — потому что кинулся искать свою ненаглядную —

и это перед самым началом войны! И угодил в ловушку. Мальчишка, а не Властелин. Еще хорошо, что спасли...

Впрочем — хорошо ли?

Хорошо ли, если как следует подумать? Нужно ли было его спасать? Если подумать спокойно и откровенно.

Может быть, и нет?

Может быть, если ты, Изар, сейчас ничего не можешь сделать для своей Власти, для своего Ассарта, то тебе... тебе лучше вообще не быть?

В такие дни нельзя выступать от имени Властелина. Должен обращаться к людям тот, кто взял на себя ответственность и всю тяжесть Власти. Деятель. А не его доверенное лицо.

Я, например, не хотела бы сейчас выступать за тебя.

А вот за себя — смогла бы?

Почему бы и нет? О Власти я знаю не меньше твоего.

Конечно, сейчас не лучшее время для того, чтобы Власть перенимала женщина. Не потому, что она хуже; потому, что непривычно для Ассарта. Крутые повороты хорошо преодолевать, когда и машина, и дорога в порядке. А когда машина грозит рассыпаться, лучше всего ехать по прямой. Сейчас все колеблется. И мое появление могут не понять.

Ну, что же; я могу оставаться за кулисами. А перед людьми пусть красуется он.

Он — иными словами, существо мужского пола.

У меня даже есть, из кого выбирать.

Есть Миграт. И есть Ульдемир.

Миграт был бы естественнее. Та же кровь, коренной ассартианин...

Несомненно. Однако я буду ему мешать. И уж он постарается отделаться от меня как можно скорее. И никто не сможет ему помешать. Нет, он, наверное, был бы чересчур хорош в этой роли.

Тогда — Ульдемир?

Что же: ему и в самом деле не обойтись без меня. Он сможет держаться только при моей поддержке. Но, кажется, решительности у него хватает. И способности действовать жестко.

Ну и, кроме того... тогда сын законно наследует власть. Конечно, без всех этих жутких ритуалов.

Фактически это будет означать смену династии. Время для этого как раз самое подходящее: война, и место Власти не может оставаться пустым.

Что же касается тебя, Изар...

Ястра снова глянула на неподвижное лицо Властелина.

...Что касается тебя, то, становясь Властелином, ты знал, на какую судьбу себя обрекаешь.

Властелин жив, пока он нужен Власти.

Жаль, что ты был нужен так недолго.

Впрочем, мне и не жаль. Ты не так повел себя. И я не успела простить тебя.

Ты не нужен, Изар. И тебе лучше уйти сразу, чем еще какое-то время мучиться в постели, а потом, выздоровев — увидеть, что все пошло прахом и нет больше ни Власти, ни Державы.

Так пусть лучше не будет тебя. Пока есть ты, нет ясности. Ты уйдешь — и ясность придет сама собой.

Уходи, Изар, уходи.

Но ты не можешь. Придется помочь тебе.

Неужели ты думаешь, что ты один умеешь убивать мягко и спокойно?

Ястра медленно вытянула руку. Положила ладонь на грудь Властелина, у самого подбородка. Еще чуть повыше — и там уже горло. Незащищенное горло человека, лежащего без сознания.

Нет, есть вещи, Изар, которых женщина не прощает...

Проскочила секунда, другая. Ястра медленно сняла руку с его груди, позволила ей свободно упасть с постели, только сильно сжала пальцы.

Нет, все-таки это нелегко. Так, сразу. Она ведь ничего такого не думала. Еще час назад и не помышляла. Откуда-то вдруг взялось...

Но ведь она права?

Конечно, Изару тоже нелегко было — своего отца...

Но ведь ему это так или иначе предначертано: быть задушенным. Раньше или позже. Таков Порядок, не так ли?

А если так, значит, она, Ястра, и ни в чем не виновата?

В самом деле: Властелин умирает, когда до естественной смерти ему остается день-другой, не более.

Однако никто не дает гарантии, что ты проживешь дольше. Врач, будь он откровенен, наверняка сказал бы именно так. И скажет, если спросить его достаточно строго.

«Сейчас, Изар. Сейчас. Кажется, я решилась. Сейчас, я только немного передохну. Чтобы не дрогнула рука, не сорвалась...»

Ястра закрыла глаза, откинулась на спинку стула, руки повисли, расслабленные.

Она решила просчитать до ста. Или — четыре правых руки, если применить ассартианскую систему счета.

Она открыла глаза, даже не досчитав, когда еще трех пальцев не хватило до полных трех правых. Открыла — потому что ей почудилось, что кто-то вошел.

Ястра взглянула — и поняла, что не ошиблась. В углу комнаты стояла неизвестно как попавшая сюда женщина. Та самая, что привела — или, скорее, притащила в Жилище Власти бессильного Миграта.

Ястра понимала, что женщина эта — не такая, как все они.

Хотя все, что касалось Планетарной и Космической стадий бытия оставалось неизвестным ей.

Пожалуй, она назвала бы эту женщину призраком. Однако призрак, по представлению Ястры, как и большинства людей, должен был быть едва заметным, бледным, таинственным, тающим на глазах. А эта дама была или, вернее, казалась совершенно реальной — хотя Ястра ни за что на свете не согласилась бы прикоснуться к ней даже кончиком мизинца.

— Что вам угодно? — спросила Ястра; голос прозвучал хрипло, с натугой. И неудивительно: во рту было сухо, как в пустыне Кош.

Женщина, видимо, услыхала и поняла ее. Она улыбнулась, но не ответила. Вместо того, чтобы что-нибудь сказать, она приблизилась и недвусмысленным жестом предложила Ястре встать.

Сама не зная почему, Ястра повиновалась.

— Чего вы хотите? — на всякий случай спросила она снова.

Женщина, по-прежнему не отвечая, заняла ее место. И странно: вытянув руку, положила ее на то же самое место, где две минуты тому назад лежала ладонь Ястры: на грудь Изара, под самой шеей. Сумасшедшая мысль возникла у Жемчужины Власти: эта женщина угадала ее замысел и почему-то решила исполнить задуманное вместо нее. То есть, задушить Изара?!

Властительница рванулась вперед, чтобы сбросить гостью со стула, предотвратить...

Ее руки прошли сквозь женщину, не ощутив ни малейшего сопротивления.

Ястра в ужасе отскочила.

Женщина словно не заметила ее движения. Она сидела неподвижно, потом, примерно через полминуты, вытянула и левую руку и положила ладонь поверх правой.

Минуту или две все оставались в неподвижности.

Потом женщина опустила руки и встала. Повернулась к Ястре и улыбнулась ей. И исчезла.

Ястра невольно потерла глаза. Все в комнате оставалось таким, каким было. Только женщина — явилась и так же необъяснимо исчезла. И еще...

И еще пошевелился Изар.

Он вдруг стал дышать тише, спокойнее. Потом открыл глаза. Его взгляд оказался осмысленным. Изар зевнул, с трудом поднеся к лицу руку. Игла выскочила из вены — он не обратил внимания.

— Ты, Ястра? — медленно, как бы заново привыкая к речи, проговорил он.— Где я? Почему я здесь?

— Изар!..

— По-моему, это именно я. Что тебя удивляет?

— Как ты... как ты себя чувствуешь?

— Ничего. Только дикая слабость. Я что — болел?

— Да. Ты болел.
— Не ко времени... Что в мире?
— Многое, Изар...
Его голос окреп.
— Я спрашиваю: что в мире? Война? Мир? Победа? Поражение?
Она поняла что он способен оценить положение.
— Война. И близко поражение.
Властелин сдвинул брови.
— Там... стреляют? Или это у меня в голове шумит?
— Город под обстрелом.
— Неужели не могли поставить меня на ноги раньше?
— Мы делали все, что в наших силах.
— Невелики ваши силы... Одеваться!
— Что?
— Одеваться! Эфата ко мне! Где он? Спит? И где я, наконец?
— Ты? В моей постели, Властелин,— усмехнулась Ястра.

6

— Капитан! Алло, капитан!
— Слышу тебя, Уве, слышу хорошо.
— Ну, мы висим здесь уже довольно долго; а вы так ничего и не передаете. Какие-то осложнения?
— В изобилии. Но это не важно. Передачи не было потому, что оратор до сих пор пребывал в отключке.
— Ну, ему досталось, ничего удивительного. А перспективы?
— Эла обещала поставить его на ноги в два счета.
— Медицина Мастера, понятно.
— Так что потерпите еще. Вам мешают?
— Пытаются.
— И что?
— Пока два — ноль в нашу пользу. Но, вероятно, они вскоре разозлятся всерьез.
— Хорошо, Уве. Не будем рисковать. Сойдите с орбиты. Успеете вернуться, когда понадобится.
— Сойдем. А дальше?
— Сомонт в кольце, Рыцарь.
— Он давно в кольце.
— И под обстрелом.
— Вот что! Недаром нам показалось... но мы не были уверены.
— Мы вот более чем уверены. Но тебе сверху легче определить, кто это и откуда нас беспокоит. И, если получится, утихомирить одного-другого.
— С удовольствием, капитан.

— О результатах можешь не докладывать. Либо мы их почувствуем, либо нет, слова все равно будут ни к чему. Удачи, Уве!

— Аллес гуте!

Когда Уве-Йорген Риттер фон Экк снова чувствовал себя летчиком-истребителем, он невольно переходил на родной язык.

— Ну,— сказал он, поглядев на Георгия, а затем и на Гибкую Руку,— разомнемся немного, тряхнем стариной?

— Мы готовы, Рыцарь.

— Георгий, рассчитай орбиту... Зависнуть над Сомонтом, а оттуда увидим, кто это их осмеливается беспокоить. И сами их побеспокоим...

— Сейчас.

— Погодите-ка, ребята,— неожиданно услышали сзади все трое, и не сразу сообразили, что сказано это было не вслух, не громко. Индеец понял это первым. Резко обернулся.

— О! — только и проговорил он.— Гость!

Теперь посмотрели и остальные двое.

— Пахарь!

— Он самый, бродяги беспутные.

— Ну, пути мы сами прокладываем... Значит, и ты не усидел там, в тихом местечке?

— Не я. Мастер попросил.

— Ну, значит, дело серьезное...

— Да уж полагаю. Вы что — втроем только?

— Тебе мало?

— Питек мне нужен.

— Он там. Внизу. А мы не заменим?

— Так вы, я смотрю, при деле? А у меня на него был умысел.

— Что делать надо?

— Разорить немного Заставу. Бывали там?

— Капитан был. А мы только слышали. Но и Питек там не был.

— Он мне подходит. Он... такой. Там ломать надо. Он это любит.

— Ну, это мы тоже умеем.

— Да ладно. Мне не объяснить. Я и слов таких не знаю. Но так чувствую.

— Ну, ничего не поделаешь. Что, подвезти тебя до Питека?

— Я быстрее вашего доберусь. Где он там?

— Как бы тебе объяснить...

— Просто. Словами. Я планету знаю. Мастер в меня вложил перед отправкой.

— Столица Сомонт. Жилище Власти.

— Это та крепость, что посреди города?

— Верно. А дальше — сам увидишь.

— Как не увидеть. Увижу. А вы что — тоже громить собрались?

— На то война.

— Ну, помогай вам Бог.

Иеромонах исчез. Снова их осталось трое.

— Хороший человек,— сказал Гибкая Рука.

— Все мы неплохие. Георгий, что у тебя?

— Готово.

— По местам. К старту!

Уве-Йорген включил двигатели. Тела потяжелели.

— Рыцарь...

— Слушаю.

— Скучно нам будет — опять болтаться на орбите, постреливать сверху.

— Да, занятие для отставников.

— А может...

— Я понял тебя, штурман. Пожалуй, так и сделаем.

— Тогда готовься к снижению — прямо над Сомонтом. Первую цель я успею подготовить. А там — бой покажет.

— Ну что же: вполне достойная программа...

— Готовься: ввожу поправки...

— Пилот готов.

— Поправки приняты. Командуй.

— Экипажу — внимание! Выходим в атаку!

И кораблик, словно сорвавшись с вершины горы, помчался вниз по крутому склону — однако, не убыстряя, а напротив, замедляя свой полет: предстоял вход в атмосферу, с которой шутки плохи.

— Внимание: выдвигаю крылья...

— Страховка включена!

— Пошли крылья!

— Крылья вышли! Стопора сработали!

— Вижу. Ну, держитесь за воздух!..

— Я требую,— высокомерно процедил Миграт,— чтобы обстрел города был немедленно прекращен!

— Увы, это совершенно невозможно! — развел руками генерал Ли Пер.

— То есть — как?

— Все приказания отданы, войска выполняют боевой приказ. Вы ведь не думаете, что кто-либо из нас станет отменять боевой приказ в ходе операции? И потом, ну что такого? Мы постреляем еще часа четыре, потом войска поднимутся в атаку — и все.

— Вы ничего не понимаете. «Все» может наступить значительно раньше, если вы продолжите...

— Уважаемый представитель, мы не видим иного выхода, как продолжать обстрел.

— Но если... О, дьявол!

Загрохотало, словно громадные валуны падали на толстенную чугунную крышу. Затряслись стены командного пункта. И генералы, и даже Миграт невольно пригнулись.

— Они отвечают? Это что-то новое...

— Неужели вы думали, что будете стрелять безнаказанно? — поинтересовался Миграт.

— Разумеется, нет, господин представитель. Мы давно готовы к этому. Произошла небольшая заминка с авиацией. Но только что мне доложили, что штурмовые агралеты уже в воздухе.

— Прикажите им вернуться!

— Господин представитель! Если бы вы были военным, то поняли бы, что это невозможно, как нельзя остановить выпущенный из орудия снаряд.

— Вы что, не понимаете, что если не остановите их сами, то это сделает противник?

— Неужели? Хотел бы я видеть, как это у них получится...

И генерал Ли Пер красивым жестом указал на экран.

Туда же посмотрел и Миграт.

— Похоже, генерал, что ваше желание сбывается...

— Уве! Нас атакуют — справа сзади, угол четыре.

— Прелестно! — ответил Уве-Йорген.

Еще раньше он перевел корабль на ручное управление и теперь мягко выбрал штурвал. Одновременно добавил газ. «Алис», не снижая скорости, полез круто вверх. Преследователи открыли огонь на секунду позже, чем следовало бы. Сейчас они остались внизу, четыре машины. Три из них почти сразу начали набирать высоту — решили преследовать.

— Сопляки! — сказал Уве-Йорген.— Георгий, твоя техника готова?

— Можешь не сомневаться.

— Сейчас они наверняка выпустят самонаводящиеся. Задняя полусфера — твоя.

— Не беспокойся, Рыцарь.

— И не собираюсь. Просто сделай так, чтобы они не помешали мне работать с наземными целями.

— Будет исполнено.

«Алис» начал круто снижаться, почти пикировать. Три истребителя, получив преимущество по высоте, бросились в атаку. Выпустили ракеты. Георгий сидел за пультом ведения огня, но даже не шевельнул пальцем: его техника сейчас работала сама. Искатели цели. В задней полусфере их действовало девять, в передней — двенадцать. Самонаводящиеся ракеты приближались к кораблю. Искатели цели ловили их, одну за другой, передавали коррективы

в главный боевой мозг. Точно так же были пойманы и все три самолета.

— Даю залп,— предупредил Георгий.

Корабль даже не дрогнул. Девять лучей вырвалось из опоясывавшего корабль кольца. Девять огненных клубков возникло в небе. «Алис» слегка тряхнуло взрывной волной.

— Цели уничтожены! — доложил Георгий.

— Перехожу на подавление наземных,— ответил Уве-Йорген.

Двенадцать искателей передней полусферы уже обнаружили свои цели — по стартовым вспышкам ракет.

— Даю залп,— сказал Уве-Йорген таким тоном, каким говорят: «Кушать подано».

— Ну, вот вы и увидели, генерал.

— Дьявол! Что это у них там, наверху, оказалось?

Вместо ответа Миграт спросил:

— Может быть, теперь вы воздержитесь от обстрела?

— Чтобы они решили, что напугали меня? Ни за что!

— Тогда, во всяком случае, постарайтесь не задеть самый центр города. Жилище Власти. У вас ведь имеется план столицы?

— Без сомнения. Но почему я должен щадить их гнездо?

Миграт ответил, не раздумывая:

— Разве вам не докладывали, генерал, что именно в Жилище Власти сосредоточены почти все ценности планеты?

— Дьявол! Нет, мне не докладывали!

— Видимо, Объединенное командование решило сохранить эту информацию для себя. Наверное, я не должен был говорить вам это...

— Но вы уже сказали. Какие там ценности?

— Драгоценности. Произведения искусства, стоящие миллионы чешуй... Вас напрасно не предупредили. Ведь вы, судя по всему, окажетесь там раньше, чем генералы из Объединенного командования?

— Еще бы! Ах, они...

— Ну, стоит ли реагировать так болезненно. Теперь вы знаете, почему я просил вас сохранить город.

— Хорошо. Я прикажу ракетчикам... Связист! Командующего ракетами корпуса — к микрофону!

Несколько раз подряд дрогнула земля. Миграт механически считал: три, четыре, пять... двенадцать.

— Говорит командующий корпусом генерал Ли Пер. Командующий ракетами, приказываю усилить огонь по внешним циклам города и не обстреливать центр.

Ответ командующего ракетной артиллерией, видимо, состоял

не из одного лишь «Слушаюсь!», а может быть, и вообще не содержал этого слова.

— Двенадцать установок? — голос Ли Пера поднялся до верхних пределов.— Одновременно? Лазерная артиллерия, вы говорите? Вся лазерная артиллерия Ассарта уничтожена еще до начала десантирования — вы же сами докладывали... Дьявол! Дьявол! Дьявол!

Миграт печально усмехнулся.

— Генерал, я на вашем месте начинал бы штурм, пока еще есть какая-то возможность — пока в городе еще не опомнились.

— Может быть, вы и правы, представитель. Но я не могу решать один — нужно связаться с остальными командующими...

— Так свяжитесь, сожри вас синий осьминог!

— Связист! Командующих корпусами!..

Миграт покачал головой. Вышел из командного пункта. Поднялся на поверхность. Глубоко вдохнул свежий ночной воздух. Отошел от входа в подземелье. Присел на скамейку, заботливо поставленную кем-то. Посмотрел в небо. Там суетились огоньки. Новые звенья истребителей пытались сбить неизвестный корабль.

Командир звена истребителей был единственным, кому удалось увернуться от поражающего луча «Алиса». И он, не раздумывая, пошел в атаку. Ракет у него не осталось, и он хотел выйти на дистанцию уверенного поражения снарядами тех двух пушек, которыми была вооружена его машина.

Легкими движениями штурвала и педалей он загонял цель в самый центр прицела.

Матово отблескивавшая поверхность корабля была хорошо видна на прицельном экране. Она приближалась к перекрестию.

Пилот положил пальцы правой руки на рычаг огня.

В следующее мгновение он отшатнулся от прицела так резко, что затылок его, закрытый шлемом, ударился о спинку сиденья.

Вместо корабля он увидел в прицеле женщину.

Она была без скафандра, на ней было платье, какие носят в теплые летние дни. Женщина сидела на носу машины так, как сидят в дамском седле для верховой езды: слегка согнув ноги и свесив их по одну сторону капота.

Пилот взглянул поверх прицела, через переднее стекло кабины.

Женщина сидела там. Она смотрела прямо в глаза пилоту. Потом, увидев, что он смотрит на нее, улыбнулась.

Женщина была очень красива.

Пилот вспомнил разговоры об Улыбающейся Даме. По мнению летчиков, ее появление предвещало беду.

Забыв о цели, пилот заложил крутой вираж и выжал газ до

полного, рассчитывая, что даме при таком маневре никак не удастся усидеть там, где она сидела.

Однако дама, казалось, даже не заметила ни ускорения, ни резкого крена машины. Она еще секунду-другую улыбалась. Потом, опершись рукой о капот, легко спрыгнула с него и, придерживаясь за машину рукой, полетела рядом. Другой рукой, свободной, она дружелюбно помахала пилоту. И исчезла.

Летчик вывел машину из виража. По лицу стекал пот. Преследуемый корабль был уже далеко; внизу, на поверхности планеты, вспухали красно-черные взрывы.

Цель еще можно было догнать; однако пилот даже не подумал об этом. Плавно снижаясь, он повел самолет на базу.

Лазерный луч сверху настиг его уже над аэродромом.

Улыбающаяся Дама все-таки принесла беду.

Мигрaт, все еще сидевший на скамейке, покачал головой.

У него начали возникать сомнения в исходе штурма. Если Ферма все-таки отыскала возможность активно помогать Ассарту, дело может повернуться самым неожиданным образом.

Но нельзя позволить, чтобы все предпринятые усилия пропали даром. Пора Охранителю вмешаться по-настоящему. Самое разумное сейчас — отправиться на Заставу. Конечно, Охранителю это не понравится. Но пусть и он, в конце концов, сделает хоть что-нибудь!

Мигрaт сделал все необходимое, чтобы вызвать канал с Заставы.

— Вы не будете возражать, если мы проводим вас туда?..

Мигрaт резко обернулся. Это был Питек. И еще кто-то с ним. Плечистый. Бородатый. И, кажется...

В следующий миг Мигрaт рванулся в сторону. Бородатый человек взмахнул руками.

Это снова была силовая петля. Да, Мигрaту не почудилось: этот второй был из тех же, что и женщина в Жилище Власти.

Он снова не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой.

— Я же говорил,— сказал Питек,— что его нельзя выпускать без присмотра. Сейчас он удрал бы — и кто тогда помог бы нам? Ведь вы окажете нам содействие, Магистр?

— Чего вы хотите? — с трудом проговорил Мигрaт. Надо было поддержать разговор, пока не найдется способ выйти из положения.

— О, самые пустяки. Нам нужно на Заставу, как и вам. Но у нас нет канала. Мы хотели бы воспользоваться вашим.

Мигрaт облизал сухие губы.

— Не думаю, чтобы на Заставе очень хотели видеть вас.

— В этом вы совершенно правы. Но мы хотим приготовить им приятный сюрприз. Маленькую неожиданность.

— Готовьте. Только без моей помощи.

— Подумайте как следует, Магистр.

— Все настолько просто, что думать не о чем.

— Напротив: настолько просто, что самое время поразмышлять. Вам не кажется, что картина боя начала меняться?

— Ну, это еще ничего не означает. Вам все равно не выстоять.

— У нас другое мнение. И если вы хоть немного вдумаетесь, то поймете: Ферма сильнее Заставы. И вообще, и здесь. Хотя бы потому, что вы тут — единственный эмиссар. А нас много. Больше, чем вы думаете.

Миграт помолчал.

— Что вы можете мне предложить?

— Мир.

— Не понимаю.

— Что ж тут непонятного? Мы беремся примирить вас с Властью Ассарта.

— Власть Ассарта — это я.

— Не очень-то похоже.

— Обождите немного — и убедитесь.

— Мы согласны обождать — ну, скажем, полчаса. За это время кое-что изменится.

— Неужели?

— Правитель Изар выступит перед миром.

— Это смешно. Я видел его не более часа тому назад... Он был не в том состоянии, в каком держат речь.

— Час — это очень много времени, Магистр. Но к чему спорить? Обождем — и вы убедитесь.

— Если даже он окажется способным сказать несколько слов — их все равно никто не услышит.

— Вы так полагаете?

— Все ретрансляторы сбиты или снесены.

— А вы думаете, наш корабль зря расчищает для себя место на орбите?

Корабль, несомненно, существовал; новая серия взрывов на огневых позициях Коалиции лишний раз напомнила об этом.

Миграт и *в самом деле задумался.*

Он был крайне неосмотрителен. Действовал вопреки правилам безопасности. Допустил, чтобы к нему подобрались вплотную.

С этим уже ничего не поделаешь. Что же теперь?

Но, собственно говоря, о чем тут рассуждать?

Они хотят на Заставу? Почему бы на самом деле и не помочь им? Застава — это уже не их зона. Там есть люди Охранителя, не говоря уже о нем самом. Трудно, конечно, сказать, в чем заключается замысел этих двоих. Однако там им трудно будет реализовать его, в чем бы он ни заключался.

Здесь же, наоборот, станет двумя серьезными противниками меньше.

Значит, в том, что он им поможет, нет ничего страшного.

— Хорошо,— сказал он — кажется, неожиданно для них.— Я согласен. Хотите на Заставу? Летим немедленно. Мне некогда.

— Приятно иметь дело с умным человеком,— пробормотал Питек.

— Отправляйтесь,— просигналил Никодим.— Я попаду туда быстрее вашего.

— Канал начинается тут, почти рядом,— сказал Миграт.— Вы дадите мне возможность идти?

Силовая петля по-прежнему связывала его.

— О, к чему вам затрудняться? — возразил Питек.— Я охотно отнесу вас. Только указывайте куда.

Миграт лишь стиснул зубы. Выбирать не приходилось.

Питек взвалил его на плечо.

— Хотел бы я знать, что делает его таким тяжелым,— просигналил он Иеромонаху.

— Гордыня,— ответил тот, не задумываясь.

Они удалялись от входа в командный пункт корпуса. Мимо проходили военные. На постах стояли часовые. Ни один не заметил их.

— Направо,— пробормотал Миграт.— Знаете, все-таки даже на осле ездить удобнее.

— Не могу судить,— не замедлил отозваться Питек.— С ослом я впервые встретился сегодня. Сказать, как его имя? Впрочем, вы его и так отлично знаете.

— Не суесловь,— оборвал его Никодим.— Ну, вот и пришли. Я чувствую — это здесь. Счастливо. Встретимся на Заставе.

7

На Заставе все пребывало в покое. Кроме самого Охранителя. С недавних пор его преследовали мрачные мысли.

Охранитель был человеком Больших Сил, как и Фермер, и Мастер; он по знаниям и умению не уступал ни тому, ни другому. И все же последние события, сколь бы благоприятными они ни казались, тем не менее недвусмысленно говорили о том, что они — там, на Ферме — сильнее.

Они были сильны своими эмиссарами. Прежде всего их количеством. Но и качеством тоже.

Это можно было понять. Ферма существовала давно. Очень давно. И у Мастера с Фермером было достаточно времени, чтобы подготовить своих людей. Однако эта мысль оправдывалась бы,

если бы большинство эмиссаров принадлежали к людям Космической стадии, практически не ограниченным никаким временем. На деле же почти все эмиссары — за исключением двоих (сейчас Охранитель знал это уже совершенно точно) — были людьми Планетарной стадии, то есть краткоживущими на планетах существами. И тем не менее, Ферма успевала не только выучить их — это было нетрудно и для Охранителя,— но и воспитать. И люди служили им, не рассчитывая, похоже, на какие-то блага для самих себя. А вот Охранитель смог — за недолгое, правда, время, протекшее после его возвращения в это Мироздание — подобрать всего лишь одного такого — и то привлечь его удалось, лишь пообещав немалую, по человеческим представлениям, награду: высшую власть на Ассарте.

Да, разумеется, протекло уже много циклов, как он не работал с людьми. И потому, что не хотел — он и на самом деле был убежден в том, что люди, разум являются болезнью Мироздания, а не закономерным явлением в его развитии. И еще потому, что долго странствовал по иным Мирозданиям и другим пространствам даже, нигде не задерживаясь надолго. Стоило ему где-то осесть и создать свою Станцию, как его начинало неодолимо тянуть в свое пространство и мироздание, и он срывался с места и снова устремлялся куда-то, нередко сам не зная, куда и зачем, но думая, что очередной скачок каким-то образом приблизит его к вожделенным краям.

На последней станции, перед тем как рискнуть и вернуться сюда, он задержался дольше, чем позволял себе обычно. То было мироздание со встречным течением времени. Обладая, как ему и полагалось, умением видеть многие пространства и миры, Охранитель со своей небольшой, созданной им там станции постоянно наблюдал за мирами своего Пространства, за их постепенным возвращением к истокам бытия. Тогда он окончательно убедился в том, что любое мироздание может существовать лишь в паре — иными словами, в другом пространстве существует Вселенная, чье время направлено в противоположном направлении. Пары эти напоминали старинные часы с гирями на цепи; гиря могла опускаться, увлекая за собой цепь, лишь при непременном условии, что вторая половина этой цепи одновременно поднимается. Иначе никакое движение не было возможно.

Наблюдения вначале интересовали его лишь теоретически: было интересно — и только. До той поры, пока он не увидел в прошлом своего родного Мироздания картину, которая его глубоко заинтересовала и заставила задуматься о практическом применении вновь полученного знания — такого, какого ни ему, ни кому-либо из того же гнезда не давали. Обладание новой информацией заставило его ощутить свое превосходство над теми, кто в свое время не соглашался с ним; а продолжительные размышления помогли построить

план, согласно которому он не только получал возможность вернуться в свои миры, но и, оказавшись там, диктовать свои условия — диктовать, угрожая не только благополучию, но и самому существованию того Мироздания, куда он так стремился.

На этой станции ему удалось воспитать если не эмиссаров — слишком по-разному, по сравнению с ним, мыслили люди того Пространства,— то, во всяком случае, помощников, которые могли обращаться с той аппаратурой, что он вывез оттуда. Это была, конечно, не грубая механика, какую создавали люди на планетах — однако все-таки то были устройства, придававшие ему дополнительные силы и возможности, в первую очередь в обращении со Временем — или, если быть более точным, с временами, ибо их существует много. Недостатком этих аппаратов было то, что материя, из которой они создавались, была инертной, обладала массой покоя, то есть была веществом. У людей Большой Силы это считалось признаком неверия в свои собственные силы — обращаться к устройствам из вещества. Однако Охранитель рассудил, что если он выиграет, то никто не осмелится упрекнуть его ни в чем. Если же проиграет —...

Но он не мог проиграть.

Так он считал. И в самом деле, если бы речь шла о том, чтобы он один выступил, скажем, против Фермера и Мастера сразу, то при помощи своей аппаратуры он имел бы больше шансов выиграть, чем они оба, располагающие только своими силами, пусть и большими. Однако когда события начали развертываться в действительности, то оказалось, что столкновение лицом к лицу с ними ничего не даст — борьба должна была быть сложной, многоходовой, и в ней без эмиссаров было никак не обойтись, потому что в схватку эту должны были включиться множество людей, простых планетарных людей, которых нужно было определенным образом организовывать, увлекать и направлять, и уж тут без посредников, без эмиссаров было практически невозможно.

В планах это выглядело иначе. Надо было всего лишь найти определенную планету, связанную с некоей точкой пространства и перемещающуюся вместе с этой точкой — иными словами, блуждающую планету. Найти там, где она находилась в настоящее для этого Пространства время. Это было не очень легко (планета могла в это время существовать в пространстве как самостоятельное небесное тело, но могла оказаться в сфере притяжения какого-то светила и до поры до времени обращаться вокруг него, увлекая за собой и ту самую точку пространства; светило также могло существовать обособленно, но могло и входить в состав какой-то ассоциации или скопления, и так далее),— однако в этих поисках Охранителю помощники не требовались. Затратив немало времени, он нашел эту планету, и оказалось, что реализовался худший из

вариантов: она была сегодня не только не одинокой, но и звезда, вокруг которой планета сейчас обращалась, входила в состав относительно молодого звездного скопления. Это бы еще с полбеды; самое же худшее заключалось в том, что она была давно и прочно обитаема — населена людьми, чья цивилизация находилась на техническом уровне если и ниже среднего, то во всяком случае ненамного. И эти обстоятельства нанесли первоначальным планам Охранителя весьма ощутимый удар.

И в самом деле: если бы планета оказалась безжизненной глыбой вещества, одиноко летящей в пространстве, ему было бы достаточно обосноваться на ней — и, убедившись в том, что все находится на своих местах, громогласно объявить Мирозданию свои условия. И всем пришлось бы с ним согласиться, потому что попытки воздействовать на него силой могли бы привести к страшным результатам, страшным для всего Мироздания. Это стало бы сразу понятно всем тем, к кому он собирался обратиться — не только Большим Силам, но и Высоким, и Высшим тоже. Что касается Наивысшей Силы, то Охранитель предполагал, что происшествия в каком-то одном пространстве из множества их — не такое значительное событие, чтобы Наивысшая Сила обратила на него внимание.

Теперь же, когда планета эта оказалась цивилизованной, да еще окруженной без малого двумя десятками других обитаемых миров, дело выглядело намного сложнее. Потому что до нужного Охранителю места надо было еще добраться, им надо было овладеть. И добро бы оно находилось где-нибудь в безжизненной пустыне, недоступной горной стране или обледенелом и необитаемом полюсе; нет, благодаря игре судьбы место это сейчас обладало наихудшими характеристиками: вокруг него не только раскинулся громадный город, но и на самом этом месте было воздвигнуто сооружение, которое, как вскоре удалось установить, являлось центром господствовавшей на планете власти. Воистину, хуже нельзя было бы придумать.

Да, сгоряча Охранитель подумал тогда, что судьба сыграла с ним неблаговидную шутку. Поразмыслив же основательно, понял, что все не так просто и судьба во всем этом вряд ли замешана. Просто он не был первым и единственным из обладающих этой информацией; не один он знал о том, какое значение имеет точка пространства, постоянно совпадающая с центром этой планеты. И тот — или те — кто прежде него узнал об этом — а может быть, знал и с самого начала, с мига возникновения этого Пространства, постарался как можно более обезопасить уязвимое место. Иными словами, были основания полагать, что и город на этом месте (вообще-то далеко не самом удобном для большого города) был не случайно построен, и дворец правителей, целая крепость, тоже далеко не игрой случая был сооружен на этом самом месте.

Что оставалось ему делать?

Казалось бы, для него, человека Больших Сил, все это не могло явиться сколько-нибудь значительной помехой. Что стоило ему одним из многих возможных способов проникнуть в нужное ему место и укрепиться там?

На самом же деле это было совсем не так просто.

Охранитель не без оснований считал, что если некто позаботился о том, чтобы весьма основательно защитить место даже от приближения к нему, то уж от непосредственного воздействия оно должно было быть застраховано во много раз сильнее. Причем защитные средства вряд ли были рассчитаны на людей: с ними было просто, если бы этот «некто» опасался людей, их просто не оказалось бы на планете. Но люди, напротив, сами выступали в роли предохранителя. Значит, опасались кого-то другого. Кого? Тех, кто располагал бо́льшими, чем обычные люди, силами. Иными словами — всех, подобных Охранителю — и тех, кто в иерархии Сил располагался еще выше.

Это, конечно, не означало, что в примененной там системе предосторожностей нельзя было разобраться. Наверняка можно. Однако не сразу, не с налета. Разобраться можно было (во всяком случае, попробовать), располагая временем и свободой действий.

А если разбираться придется в непосредственной близости от такого весьма охраняемого места, как королевский дворец — или как он там у них называется,— и если учесть, что охрана этого места наверняка искусно вплетена в мифологию, или в верования, в религию этих людей, наконец, то нетрудно представить, что свободой действий там располагать не придется. Наоборот, велика опасность вступить в конфликт с обитателями дворца, может быть — и всего города. Охранитель полагал, что он все равно оказался бы сильнее; но всякая борьба связана с игрой случайностей, неточностей и тому подобного — то есть, связана с риском. Рисковать же Охранитель совершенно не собирался.

Следовательно, прежде, чем начинать действовать на месте, нужно было обеспечить себе постоянный, беспрепятственный и надежный доступ к этому месту.

Мало того: это нужно было сделать, как к. собственному неудовольствию рассчитал Охранитель, в очень краткий срок. Потому что если он не обратится к Мирозданию со своими требованиями (и угрозами) в немногое остающееся время, то наступит продолжительная пора, когда любая его угроза будет воспринята всеми, кто обладает хоть какой-то информацией, не более чем с улыбкой. Ибо процесс, на котором основывал свои расчеты Охранитель, имел циклический характер. Конечно, все это следовало начать несколько раньше. Но тут уже ничего нельзя было поделать.

Вот почему понадобились эмиссары: для того, чтобы в конечном

итоге в этом самом дворце оказались люди — хотя бы один человек, но на командной позиции,— зависящие (или зависящий) от него, Охранителя.

Какой ценой удастся этого добиться, его не волновало.

Итак, он нашел человека, которого называл Магистром. Убедившись в широких возможностях Охранителя — планетарному человеку они должны были показаться неограниченными, хотя на самом деле это было не так,— Магистр откровенно рассказал и о себе, и о том, чего он хотел бы добиться в своей жизни и на своей планете. Он произвел впечатление сильного и решительного человека, и Охранитель дал ему требуемые гарантии.

Получив согласие Магистра, Охранитель наделил его некоторыми нужными эмиссару знаниями и умениями. Он понимал, конечно, что одного человека мало. Но искать и готовить других просто не оставалось времени.

Магистр выполнял свои обязанности, хотя и не так хорошо, как можно было бы желать и ожидать. Но не потому, что был недостаточно усерден. Просто ему мешали.

Охранитель понял, что его интересы столкнулись каким-то образом с интересами Фермы, в ведении которой находились эти места, вся прилегающая часть Мироздания. Хотя, насколько он мог судить, ни Фермер, ни Мастер не обладали информацией, какая была у него. То, что знал он, могло быть известно лишь на следующем уровне Сил. Вмешательство Фермы сразу же намного осложнило задачу. Но Охранитель уже никак не хотел отступать. Да и некуда было. Снова бежать в иные пространства и скитаться там? Это донельзя обрыдло ему.

Магистр же, при всей его активности, то и дело терпел неудачи. И это вызывало у Охранителя чувство острой досады.

Вот и сейчас. Это было уже совершенно недопустимо: Магистру не удалось предотвратить ракетный и орудийный обстрел города, хотя ему было совершенно ясно сказано, что этого делать нельзя: город предпочтительнее всего было занять без выстрела, ну, в крайнем случае — используя легкое стрелковое оружие. Но не ракеты же! Хорошо еще, что ядерное оружие в скоплении Нагор оставалось неизвестным. Не то — кто знает, что бы тут могло получиться: мир уничтожился бы даже без подготовленных Охранителем угроз. Исчез бы без всякой пользы для кого бы то ни было.

Охранитель не мог, конечно, не поинтересоваться — в чем крылась причина очередной неудачи. И, наблюдая с Заставы, понял, что Магистр, кое о чем, видимо, догадывавшийся, проявил недозволенное любопытство и попытался на свой страх и риск проникнуть на то самое место. Ему помешали — иначе он просто погиб бы. Кто знает, может быть, это и к лучшему оказалось бы? Однако вместо того, чтобы погибнуть, он попал в плен. Тогда и начался

обстрел. Правда, по прошествии небольшого времени Магистру удалось вырваться, и Охранитель мысленно даже похвалил его. Однако ракеты продолжали лететь. Мало того: Сомонт начал отвечать! Это грозило затянуть так хорошо рассчитанную операцию. Магистр же, вместо того, чтобы положить конец этому безобразию, ухитрился попасть в руки противника и во второй раз.

Это переполнило чашу терпения. И вынудило Охранителя пойти на то, на что он никак не согласился бы раньше: самому лететь на Ассарт и сыграть роль Главнокомандующего силами Коалиции.

Вообще, сколь ни странным это может показаться, люди Больших Сил не любят сами посещать планеты, предпочитая прибегать к помощи эмиссаров.

Причина заключается вовсе не в том, что планет много, а людей таких мало. Во всем множестве обитаемых времен вовсе не так уж часто возникают ситуации, требующие вмешательства Сил. Все процессы в мирах протекают по большей части согласно существующим законам, происхождение которых восходит к Наивысшей Силе. Так что управиться, пожалуй, можно было бы.

Однако люди Больших Сил на планетах чувствуют себя не очень хорошо. Как это ни странно — чувствуют себя неуверенно.

И не потому, что, привыкнув обитать вдалеке от больших тяготеющих масс, они болезненно воспринимают мощные гравитационные поля. Конечно, вначале, оказавшись на планете, они испытывают некоторые неудобства, но быстро привыкают и перестают их замечать. Не забудем: они — люди Больших Сил.

Мешает им другое: обилие людей. Великое множество слабых источников тех полей, к которым люди Сил являются наиболее восприимчивыми. Поэтому на планетах, в особенности в густонаселенных районах, они — любой из них — чувствуют себя примерно так, как обычный человек, оказавшийся внутри громадного котла рядом с клепальщиком; неимоверный грохот вызывает болезненное состояние, ведет к притуплению чувств, а может привести и к более печальным результатам.

Люди Сил предпочитают общаться с каждым человеком в отдельности. Они не любят толпы.

Вот почему Охранитель только теперь, впервые за все время, решился появиться на Ассарте.

Разумеется, он не стал пользоваться транспортным каналом: Люди Сил обладают полной свободой передвижения во всех пространствах. Впрочем, об этом мы уже упоминали.

Однако, приблизившись к планете, он задержался в некоторой нерешительности. Там, куда он хотел попасть, как раз сейчас шла самая горячая ракетно-артиллерийская дуэль.

То есть, при неудачном стечении обстоятельств, там могли просто-напросто убить.

Люди Сил, хотя это может показаться неожиданным, в общем, смертны. Правда, для них это означает не совсем то, что для нас, людей всего лишь Планетарной — самой низшей стадии. С нашей точки зрения, они даже не совсем умирают — или совсем не умирают. Но они в таком случае оказываются вынужденными начинать все сначала. То есть, они возвращаются в жизнь — но в качестве всего лишь людей Планетарной стадии. Становятся такими, как мы с вами.

Это ничуть не лучше, чем быть, допустим, разжалованным из маршалов в рядовые. Нет, это намного хуже. И совершенно призрачной становится надежда со временем перейти из Больших Сил в Высокие, а потом — как знать? — и в Высшие...

Движение существует везде, потому что оно везде необходимо. Оно есть даже в ахроническом пространстве, которое мы привыкли называть просто сопространством. Правда, там, где нет времени, движется все пространство как монолит, вместе со всем, что в нем содержится. Благодаря этому обстоятельству в нем и можно путешествовать.

Охранитель надеялся, продемонстрировав свое могущество, попасть в результате в Высокие Силы — а может быть, даже и в Высшие? Но никак не собирался погибнуть — чтобы потом очнуться прикованным на долгие годы к планете, да к тому же вовсе не самой лучшей в Мироздании.

Поэтому ему вовсе не улыбалось — возникнуть там, где рвались ракеты, звездно вспыхивали лазеры, где истребители Коалиции охотились за сумасшедшим, но до сих пор неуязвимым кораблем.

Излишне говорить, что в пространстве Охранитель находился не во плоти, поскольку организм его подчинялся тем же законам, что и тело самого заурядного человека. Поэтому он не мог ввязаться в драку и, допустим, укротить этот самый корабль. Зато тут сам он был неуязвим. Оказавшись на планете и воплотившись, он сможет совершать любые действия — но и сам сделается уязвимым для любого оружия.

Поэтому единственное, что он делал, повиснув над планетой — уже войдя в атмосферу и беспрепятственно протекая сквозь нее — он выбирал место, которое было бы достаточно безопасным, но и не слишком удаленным от командных центров, которым он должен был навязать свою волю.

Задача была нелегкой. Охранитель всецело сосредоточился на ее решении и совершенно не контролировал всего остального, что находилось в его ведении. Поэтому он упустил момент, когда канал транспортировки Застава — Ассарт включился и транспортировал на станцию двух человек, одним из которых был Магистр.

Вместо того, чтобы искать его на Заставе, Охранитель несколько минут безуспешно пытался увидеть Магистра на планете. Все-

таки, человеку Сил было бы легче иметь рядом кого-то другого, кому можно что-то поручить, а при случае и выслушать его мнение.

Приходилось действовать одному.

Охранитель опустился еще ниже — но так, чтобы не войти в зону, где снова и снова вспыхивал воздушный бой. И медленно скользил в атмосфере в поисках местечка поспокойнее.

Воздушный бой все не прерывался потому, что на помощь «Алисе» Ульдемир, с разрешения Ястры, бросил все небольшие воздушные силы, какими располагала столица: две эскадрильи истребителей вертикального взлета. По вооружению они примерно соответствовали самолетам противника, хотя проигрывали в скорости. Зато были более маневренными, да и летали на них лучшие пилоты Ассарта.

Сражение в воздухе шло с переменным успехом. Иными словами, потери одной стороны примерно равнялись потерям другой.

Охранитель, как ему показалось, нашел наконец подходящее место, где можно было опуститься и воплотиться без особого риска. Оно было несколько в стороне, и он, к собственному удовольствию, стал отдаляться от района, в котором убивали.

Весь этот маневр, включая спуск, занял в атмосфере, где нельзя было двигаться слишком быстро, примерно полчаса.

Но за эти полчаса что-то вокруг него — и выше, и ниже тоже — изменилось.

Первым его впечатлением, когда он воплотился и смог теперь уже глазами воспринимать все происходящее,— было, что воздушный бой переместился и велся теперь значительно выше, чем несколько минут назад, едва ли не в верхних слоях атмосферы.

Охранитель не настолько знал примитивную технику планет, чтобы сразу понять, что самолеты и одной, и другой стороны при всем желании не могли бы забраться на такие высоты, где не было воздуха, чтобы их поддерживать.

Тем не менее, бой на самом деле разгорался. Но не в верхних слоях атмосферы, а еще дальше — за ее пределами.

И дрались уже не атмосферные агралеты, а космические корабли.

Так долго пропадавшая неизвестно где, уцелевшая от разгрома — и численно достаточно сильная — часть ассартианского космического флота совершенно неожиданно для противника вынырнула из сопространства на самом пределе дозволенного сближения с планетой.

Все внимание кораблей Коалиции, лежавших на своих орбитах, было обращено на поверхность планеты, где вот-вот война должна была завершиться победоносным штурмом вражеской столицы. И даже те, кому следовало постоянно контролировать окружающее пространство, не спуская глаз с экранов,— даже они, уверенные в своей безопасности, больше смотрели на планету, чем на свои при-

боры. Поэтому мгновение, когда из сопространства начали возникать давно забытые корабли Ассарта, никем не было своевременно зафиксировано, а сигнал тревоги раздался с запозданием — только тогда, когда ассартиане уже шли в атаку.

Правда, люди на кораблях Коалиции быстро оправились от первого потрясения и открыли ответный огонь. Однако для того, чтобы перестроиться должным образом, требовалось некоторое время, а его-то как раз не было.

Так что завязавшийся в ближнем космосе Ассарта бой с самого начала развивался неблагоприятно для Коалиции. И во всяком случае солдаты, сражавшиеся на поверхности планеты, более не могли рассчитывать на помощь сверху.

Видимо, быстрее всех в обстановке разобрался все-таки Охранитель. Он понял, что единственный выход — немедленно идти на штурм столицы. Если атакующие сумеют овладеть ее центром — можно будет объявить всему миру, да не одному — всем мирам, что Ассарт прекратил сопротивление и война окончена. Услышав, что Ассарт проиграл войну, вырвавшиеся из сопространства корабли вряд ли станут продолжать бой с такой самоотверженностью, с какой сейчас атаковали флот Коалиции.

Никем не ожидаемый и не встреченный, Охранитель появился в командном центре генерала Ли Пера. Все часовые пропустили его, застыв, как вооруженные куклы; подавить их волю и сознание не представляло для человека Силы никакого труда.

Так же поступил он с самим генералом и со всеми офицерами Коалиции, что находились в тот час внизу. Представляться им и давать какие-то объяснения было просто некогда.

— Штурм, генерал! — заявил он.— Командуйте! Немедленно!

— А... остальные? — только и смог пробормотать Ли Пер.

— Сделают то же самое. Не медлите!

— Слушаюсь! — только и оставалось ответить генералу.

И, повернувшись к своим подчиненным, он уже своим обычным, раскатистым командным голосом приказал:

— Немедленно поднимайте войска! Приказ — атаковать и овладеть столицей противника городом Ассарт!

Командный пункт опустел.

— Не угодно ли будет пройти на наблюдательный пункт?

— Я прекрасно увижу и отсюда,— сухо ответил Охранитель.— А впрочем, пойдемте.

Они поднялись на железобетонную, не ими построенную вышку, надежно защищавшую наблюдателей от пуль и осколков.

Лежавшая перед ними пустынная, поросшая жесткой травой равнина, украшенная лишь кое-где возвышавшимися раскидистыми деревьями — незаселенная пригородная зона, существовавшая, как предполагалось, для сохранения баланса между природой и техни-

кой, внезапно заполнилась людьми. Войска выходили из траншей и укрытий и спешно строились. Все громче становился рев прогреваемых моторов.

Охранитель удовлетворенно кивнул. Войск было много. Вполне достаточно для победы.

Радист, приютившийся в углу наблюдательного пункта, доложил:

— Союзные корпуса сообщают: их силы развертываются для атаки.

— Ну вот, видите, генерал,— сказал Охранитель.

— Передавайте,— приказал Ли Пер радисту: — Вперед — марш!

Масса войск двинулась.

Последний, решающий бой на Ассарте начался.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

1

Само собою разумеется, что корабли Ассарта, задержанные Охранителем в сопространстве при помощи той самой аппаратуры, что была привезена им из другого мироздания вместе с людьми, умеющими с нею обращаться,— корабли Ассарта высвободились из плена и сумели возникнуть в окрестностях родного мира если и не в самый нужный момент, то, во всяком случае, не слишком поздно,— не сами собой, но лишь при посторонней помощи.

— Ну вот,— хмуро проговорил Миграт.— Ваше желание я исполнил. Что дальше?

— Дальше вы пойдете с нами,— ответил Питек. Он заранее составил план действий — при участии Никодима, конечно, хорошо запомнившего все входы и выходы.

— Куда?

— В дом.

Миграт невесело усмехнулся.

— Мне не очень-то хотелось бы этого.

— Неужели? А мне казалось, что вы тут — свой человек.

— Только для своих людей. А здесь есть и чужие.

— Я знаю, о ком он,— просигналил Иеромонах.

— Вот мы как раз и хотим познакомиться с ними,— безмятежно проговорил Питек.

— Боюсь, что это опасно.

— Кто же говорит, что нет?

— Зачем же я вам?

— Магистр! — сказал Питек.— По-моему, для вас самое время заслужить прощение.

— Пора искупать грехи,— добавил Никодим.

— Не вам судить, в чем я виноват и в чем нет,— ответил Миграт.— Вы — чужаки, пришли и уйдете. А я если и буду разговаривать, то с теми только, кто останется.

— Но до такого разговора надо еще дожить,— сказал Питек.

— Я не боюсь угроз.

— Надо ли это понять так, что вы не желаете нам помочь?

— Вы поняли правильно.

— Что же, вы сами выбрали свою судьбу.— Питек смотрел на претендента холодным взглядом.— Только не думайте, что все обойдется словами. Я человек очень древней породы и никогда не боялся крови. Правда, в вашем мире любят убивать без крови, но душить — не мое занятие.

— Питек,— обратился к нему Иеромонах.— Не бери греха на душу. Предоставь человека его судьбе. Господь назначит воздаяние.

— В таких делах я не привык советоваться ни с кем,— не согласился Питек.

— Нам нужно спешить,— напомнил Никодим.

— М-да, ты прав. Ну хорошо — его я оставлю под конец. Сперва сделаем главное дело. Ты помнишь, куда идти?

— Хоть с закрытыми глазами.

— А куда бы на это время засунуть этого упрямца?

— В любую комнату.

— Он не сбежит?

— Ну, нет.

— А если кто-нибудь из здешних наткнется на него?

— Никто не сможет ему помочь. Здесь нет Космических людей.

— Ладно. Поверю тебе.

Они вошли в дом и медленно шли по коридору. Медленно — потому что Питеку по-прежнему приходилось тащить Магистра на себе. Магистр же не стал легче ни на грамм.

— Ну, может быть, уложим его здесь?

— Почему бы и нет?

В первой же попавшейся комнате они уложили Магистра на узкую кровать.

— Пахарь, ты можешь сделать так, чтобы он не распускал язык?

— Конечно.

— Вот и сделай. Не то он начнет, чего доброго, кричать...

Никодим наклонился над Магистром. Пальцами обеих рук сде-

лал круговые движения возле его щек. При этом Миграт безразлично смотрел в сторону, но выражение его лица говорило о многом.

— А он нас не любит,— сказал Питек.

Никодим ничего не ответил.

Затворив за собою дверь, они двинулись по коридору дальше. Дом на Заставе казался вымершим. Но в нем и было очень мало постоянных жителей.

— Что мне надо будет сделать, Никодим?

— Сломать машину. Только и всего. Все равно как.

— Эти, надо полагать, будут мне мешать?

— Ну а как же иначе.

— Ты сможешь помочь?

— С машиной — нет. Защитить от этих людей? Постараюсь...

— Почему так неуверенно?

— Они — не такие люди. Кто знает, каковы их возможности?

— Ты уж постарайся.

— Не премину... Сейчас иди совсем тихо.

— Тут?

— Нет. Следующая дверь. Но пока обожди здесь. Я войду один. И постараюсь отвлечь их.

— Ладно. Как только начнется шум, я вскочу. Машина где — слева, справа от двери?

— Она достаточно велика, занимает всю противоположную стену. Управление — слева.

— Спасибо, этого пока хватит.

— Благослови, Господи,— проговорил Никодим тихо. И решительно толкнул дверь.

Она не поддалась.

— Изнутри заперлись,— констатировал Иеромонах.— Нечистый их надоумил... Что будем делать?

— Ты-то можешь попасть туда?

— Хоть сейчас. Но с машиной мне ничего не сделать: другая материя...

Питек внимательно осмотрел дверь — не запертую, а ту, возле которой они сейчас стояли: дверь той комнаты, где не так давно укрывался Никодим.

— Хлипкая конструкция...

— Ну и что?

— Сделаем так: проникни туда и устрой шум. Я думаю, что такую дверцу высажу без труда.

— Ну что же — попробуем. Не возвращаться же.

И Никодим начал таять на глазах, превращаться в смутно различимое в слабом свете облачко.

Питек невольно поежился. Нет, он прекрасно понимал все, но тем не менее ему было не по себе: только что был человек — почти

совершенно настоящий, и вдруг нет его, хотя в то же время он есть. Понимать одно, а принимать как естественное — совсем другое...

Облачко поднялось вверх — и, на глазах человека, стало уходить в дверь. Питек отвел глаза. Ни к чему смотреть на это. Настанет время — наверное, и ему придется так же. Но сейчас — как хорошо иметь ладное, крепкое, сильное тело — такое, каким можно, например, высадить такую вот дверцу...

Он застыл, напрягшись — ожидая. За дверью была тишина, только что-то слабо-слабо гудело. Машина, наверное. Ну, пусть погудит напоследок... Потом послышался негромкий — то ли вскрик, то ли один оператор окликнул другого — и снова тишина.

Ждать больше нечего,— решил Питек. И, разбежавшись, сильно оттолкнулся — бросил себя на дверь, выставив вперед правое плечо.

Как он и думал, дверь не была рассчитана на такое обращение. Повторять бросок не понадобилось — она отскочила сразу же, и Питек, не сумев остановиться, влетел в помещение и упал.

Вскакивая, он сумел увидеть и оценить обстановку.

Иеромонах стоял у той стены, что была справа от двери. Два человека — или вроде бы человека — напротив него, слева, перед широким пультом.

Руки Никодима были вытянуты вперед — на уровне плеч, как если бы он собирался делать зарядку. Пальцы той и другой руки сложены щепотью. Каждой рукой он как бы целился в одного из двух, стоявших рядом.

Однако тут же их стало трое. Питек не успел уследить за тем, как это произошло. Просто третий возник и тут же двинулся в его, Питека, сторону.

Двое стояли перед пультом — иными словами, он был защищен. А Питек рассчитывал прежде всего вывести из строя именно пульт: тогда обо всей машине можно было бы и не заботиться. Никодиму, видимо, не удалось отвлечь их, заставить сойти с места.

Третий человек приближался. Надо было решить мгновенно: принимать бой? Или увернуться и попробовать разгромить все еще тихо гудевшее устройство?

Противник не дал ему возможности выбрать. Он прыгнул вперед, запрокидываясь на спину, чтобы в полете нанести удар ногами.

Хотел ударить: значит, был нормальным человеком — во всяком случае в том смысле, что состоял из такого же вещества, как и Питек. Эта мысль ободрила. Значит, драка будет обычной. Такой, какая Питеку нравилась.

Он уклонился и встретил летящего ударом колена в бок. После этого удара противник должен был грохнуться на пол.

Однако он ухитрился извернуться в полете и приземлиться на ноги. И снова рванулся вперед — на этот раз готовый бить кулаками.

Будь у Питека оружие, он закончил бы схватку в считанные секунды. Но оружия не было: его нельзя было переправить по каналу транспортировки. Впрочем, это не очень и огорчало. Питеку давно хотелось как следует размяться.

Он чуть присел, и за долю секунды перед тем, как кулаки противника должны были обрушиться на него, взлетел в воздух — вверх и в сторону. И ударил ногой.

На этот раз удар получился выразительным. Противник остановился, как будто налетел на стену. И даже чуть осел. Но уже через полсекунды выпрямился и показал, что готов продолжать схватку.

Эти полсекунды Питек использовал для того, чтобы сделать шаг и другой, приближаясь к закрытой кожухом машине.

Оценив его движение, противник снова кинулся вперед — с таким расчетом, чтобы оказаться между Питеком и машиной. Питек понял маневр и, не продолжая движение к машине, встал на пути ее защитника. Ни тот, ни другой не уклонились от схватки, и в воздухе замелькали кулаки, локти, колени, ноги...

Все это время Никодим и те двое сохраняли неподвижность, как бы удовольствовавшись ролью зрителей. На самом деле это было, конечно, не так; Иеромонах удерживал на месте тех двоих, они же — его. Никодим сразу понял, что эти двое владели некоторыми из эмиссарских умений высшего ранга, в том числе и способностью навязывать противнику свою волю. Кулаки и любое оружие людей не смогли бы нанести Никодиму ни малейшего вреда; однако воля и его, и их принадлежала к одной и той же субстанции. Поэтому ему не удалось подчинить себе их, на что он сначала рассчитывал: с одним он бы справился, но их было двое. Зато и они вдвоем не могли одолеть его. И им оставалось сдерживать друг друга, предоставив Питеку с его противником решать судьбы машины и ассартских кораблей в поединке.

Еще одно столкновение, и еще одно. Удар — уклонение; удар — нырок и ответ — отбив и снова удар...

«Как на ринге,— подумал обрывочно Питек.— Кажется, ему нравится. Как и мне. Не время. Надо кончать. Ну!.. Не прошел. Ого, удар у него хорош. Ну, а если...»

Вместо того, чтобы, нырнув под руку, пытаться ударить в ответ, он прошел в ноги противника,— тот не ожидал этого хода,— обхватил ноги и, резко разгибаясь, швырнул своего противника прямо на кожух машины. Взмахнув руками, тот не смог изменить своего положения в мгновенном полете и всей массой своего крепкого тела обрушился на то, что так старался защитить.

Ровное гудение машины перешло в пронзительный визг. Ударили молнии. И одновременно один из тех двух, что все еще оставались за пультом, странно изогнулся, схватился за грудь и неловко, боком упал на сиденье перед пультом. Потому, наверное, что сраженный

в рукопашной схватке боец был, по сути, им самим или, во всяком случае, половиной.

Оставшийся на ногах не мог в одиночку противостоять силе Никодима. И через секунду-другую, закрыв глаза, потерял сознание и тоже опустился на сиденье рядом со своим коллегой.

Теперь Питек, хотя и заметно хромая, заспешил к пульту. Машина продолжала выть. Изображения кораблей на экране судорожно дергались. Но корабли все еще сохраняли неподвижность.

Питек обрушил кулаки на пульт. Искры сыпались, превращаясь в небольшие облачка, которые, в свою очередь, преображались в крохотные твердые шарики, дождем выпадавшие на пол. Экран теперь вспыхивал зеленым пламенем в странном ритме, словно отражавшем затрудненное дыхание какого-то существа. Вой машины превратился в тонкий плач. Окажись здесь сторонний наблюдатель, надежно защищенный от воздействия машины — он наверняка заметил бы, что все, что происходило в помещении, включая действия самого Питека, подчинялось тому же ритму, то ускоряясь, то едва не останавливаясь совершенно; время в комнате пульсировало, выйдя из повиновения... Но наблюдать за этим было некогда: Иеромонах исчез, убедившись, наверное, что помощь его тут более не нужна.

Машина агонизировала. Но в конце концов неподвижность победила ее. Искры становились все слабее и наконец погасли совершенно. Плач утих. Экран погас. Питек остановился, пошатываясь, вытирая с лица обильный пот. Костюм его местами обгорел, хотя сам человек остался, похоже, невредимым. Машина превратилась в груду оплавленных обломков. Воздух был насыщен запахом гари. Дышалось тяжело.

— Пахарь! — окликнул Питек, но не получил ответа.

Он огляделся, пожал плечами. Вышел, толкнув перекосившуюся дверь, и побрел по коридору, придерживаясь за стены. Пахаря он нашел у выхода на галерею.

— С теми покончено,— сказал Питек, усталый, но довольный.— Пора заняться этим типом.

Никодим покачал головой.

— Не придется. Я отпустил его. Уберег тебя от греха.

— Ох, Никодим...— только и мог произнести Питек, осуждающе качая головой.— Твоя доброта хуже жестокости.

— Человек! — ответил Иеромонах.— Не торопись нести зло! Если бы вы не привыкли так спешить, кто знает — может быть, и я был бы сейчас среди вас — а не в стороне...

Питек не нашел, что ответить, и только вздохнул.

— Ладно,— сказал он затем.— Что сделано — сделано. Только как я теперь вернусь на планету? Без него?

— Ну, отсюда настроить канал куда проще.— откликнулся

Никодим.— Здесь он фиксирован, не то, что там, на тверди. Неужели ты не справишься?

— Пожалуй, попробую.

— Постой. А что стало с теми — двумя или тремя, уж и не знаю, сколько их на самом деле?

— Не посмотрел. Не подумал даже. Я не такой нежный, как ты.

— Не могут ли они восстановить?

— Гм. Чего доброго... Пойдем, посмотрим.

Они вернулись в комнату, где происходило сражение. Обломки остывали. Людей не было — ни живых, ни мертвых.

— Сбежали,— пробормотал Питек с досадой.

— Сбежали... Может быть, и не так. Может, они и не людьми были, а всего лишь частью машины. Кончилась она — и они стали не нужны... Предоставим их их судьбе.

— Будь по-твоему. Значит, отпустил ты его... Зря. Он еще там дров наломает. Давай-ка поспешим к нашим, твое преподобие. Где тут искать канал?

— Наверное, как и у нас — наверху.

Они поднялись по лестнице, без труда отыскали помещение, где начинался канал.

— Лети,— сказал Иеромонах.— Где встретимся?

— Там, где самая драка,— ответил Питек уверенно.

2

Улица была засыпана битым кирпичом, бетонными глыбами, обломками мебели, осколками домашней утвари; видимо, поблизости разорвалась боеголовка ракеты.

Земля под ногами слегка подрагивала, хотя новые взрывы не тревожили больше этот район; артиллерийский обстрел кончился, и на окраинах города шли бои.

— Тут недолго заблудиться,— сказал Хен Гот, помогая Лезе преодолеть очередную кучу мусора.

— По-моему, мы уже,— откликнулась она, потирая ушибленное колено.

— Интересно: всего три дома разбиты, а как все изменилось. И люди куда-то девались. Но я уверен — мы идем правильно. Музей где-то недалеко. Постой. Вот здесь начинался тот переулок...

— На такую гору мне не взобраться, Хен.

— Да и я тоже не такой уж скалолаз. Попробуем в обход: пройдем дальше, и там — дворами.

— Если только сохранились дворы. Хен, а может быть, отложим этот твой музей до другого раза? Мне хотелось бы отдохнуть, да и поесть не мешает.

— И отдохнешь, и поешь — но чуть позже. А в музей нужно попасть сейчас. Ты просто не очень ясно понимаешь, о чем речь. Если нам удастся первыми в мире попасть в то подземелье... Тут пахнет открытием вселенского масштаба! Ты что же — хочешь упустить такую возможность?

— Я не очень гонюсь за славой, Хен. Хочу тишины и покоя. И не только для себя одной.

— Я понимаю, понимаю,— откликнулся он таким тоном, каким говорят с детьми.— Конечно, у тебя есть на это все права. Но разве я против? Мы только заглянем в музей ненадолго...

— Думаешь, там сейчас кто-нибудь есть?

— Надеюсь, что нет... Ну-ка, давай свернем сюда.

— Не понимаю. Если там никого не окажется — что же ты станешь делать?

— Заберусь в хранилище и просто-напросто возьму то, что мне нужно. Если бы все было, как обычно, мне пришлось бы неделю выпрашивать разрешения познакомиться с этими материалами. В музее засели жуткие консерваторы и формалисты. А так — я просто отберу то, что мне нужно.

— То есть, украдешь?

— Ну зачем же так... Просто позаимствую — на некоторое время. А потом возвращу в целости и сохранности... Но мы слишком медленно идем!

— Быстрее я не могу. Ушибла ногу.

— Хочешь, я понесу тебя?

— Не хочу. Только не беги так.

— Хорошо, хорошо... Вот в эту подворотню.

Они бродили по городу уже давно — с того самого времени, когда вырвались наконец из Жилища Власти. Хен Гот, едва оказавшись на свободе, решил прежде всего посетить музей, а об укрытии и прочих бытовых деталях думать лишь потом. В нормальное время они доехали бы до музея за час; теперь же городской транспорт бездействовал — во всей столице не было энергии. Пришлось добираться пешком, и даже не самым кратким маршрутом: многие улицы стали совершенно непроходимыми, в других местах, особенно во втором и третьем городских циклах, порой приходилось менять направление, чтобы уклониться от встречи с попадавшимися тут и там небольшими группами людей, преимущественно молодых и, кажется, вооруженных. Мародеры,— назвал их Хен Гот, знавший о городской жизни куда больше, чем Леза. И действительно, многие магазины, мимо которых им приходилось пробираться, были дочиста ограблены — силы охраны порядка, надо полагать, были сконцентрированы в центре города, а может быть, наоборот, отправились

на самые окраины столицы — воевать. Так что за все эти часы Хену и Лезе удалось разжиться лишь одной булкой, кем-то не замеченной в пустой булочной, и в другом месте — банкой консервированных осьминогов, которых Леза не любила, так что почти вся банка досталась историку.

И вот наконец они оказались где-то поблизости от цели.

— Хен, я просто не могу дальше идти. Нога пухнет...

— Дай-ка, я посмотрю.

— Ну, ну! Не так высоко! Колено...

— М-да, действительно.— Мгновение подумав, Хен Гот опустился на колени.— Ну-ка, садись мне на плечи.

— Хен! Ну, что ты! Это просто смешно — как будто мы дети.

— Никто все равно не видит. Быстро, быстро. А то, чего доброго, стемнеет — тогда придется заночевать здесь.

— Нет, ни в коем случае! Хорошо, если ты хочешь...

Она уселась ему на плечи. Хен Гот разогнулся с заметным усилием.

— Я тяжелая, да? Что делать — нас ведь двое...

— Вы и вдвоем ничего не весите,— откликнулся он, перевел дыхание.— Во всяком случае, по ровному месту я могу вас нести далеко-далеко...

Неизвестно, на сколько его хватило бы, но, к счастью, далеко идти не пришлось. Они вышли на почти полностью уцелевшую улицу, и Хен Гот, пройдя еще метров пятьдесят, остановился.

— Ну, хвала Рыбе — кажется, пришли.

— Музей? Где он?

Историк кивнул на дом этажей в пятнадцать-шестнадцать.

— Вот он. Можешь спешиться. Осторожно, береги ногу.

Леза съехала по его спине, остановилась перед тем, как нащупать здоровой ногой тротуар. Осторожно встала на здоровую ногу, совсем не опираясь на ушибленную.

— Хорошо бы компресс,— пробормотал историк, повернувшись к ней.— Ничего, придем домой — там я тебя вылечу.

— О чьем доме ты говоришь?

— О моем, понятно.

— По-моему, я еще не соглашалась на это.

— Хорошо, у нас хватит времени обсудить, пока будем выбираться отсюда. Перед нами сейчас другая проблема, под названием — двенадцатый этаж. Именно туда нам нужно попасть.

— Так высоко? Лифт, я надеюсь, работает?

— Какой лифт — город без энергии... Нет, сейчас можно передвигаться только пешком.

— Я не смогу, Хен. Да и тебе меня не донести так высоко.

— Донести-то я донесу...— проговорил он без особой решимости в голосе.— Но, конечно, не бегом. Да и — мало ли с кем там можно встретиться, так что руки должны быть свободными.

— Хен! Ты хочешь бросить меня здесь?

— Бросить тебя разумнее всего было еще в Жилище Власти. И если я не сделал этого там, то тут и подавно не собираюсь. Но и наверх тебе тащиться действительно незачем. Сделаем так: войдем в здание, и я тебя где-нибудь укрою — где понадежнее. А наверх отправлюсь сам один.

— Мне будет страшно...

— Ничего, мне вот всю жизнь страшно — и все-таки существую как-то...

Опираясь на историка, Леза кое-как доковыляла до подъезда. Хен Гот подергал дверь.

— Невезение,— сказал он.— Заперто, конечно. Ничего. Это не препятствие... Придется тебе немного обождать.

— Постой! Куда ты?

— Сейчас вернусь.

Окна первого и второго этажей были забраны надежными решетками. Хен Гот обошел здание. Используя пожарную лестницу, добрался до третьего этажа. Дверь, конечно, и здесь была на замке. Он перелез через железные перила и, держась правой рукой за них, правой же ногой опираясь о площадку лестницы, откинулся влево и оказался напротив ничем не защищенного окна. Рискуя порезаться, кулаком выбил стекло. Осколки, остро звеня, посыпались вниз. В обычное время это вызвало бы тревогу. Но сейчас никого не было ни вблизи, ни, наверное, в участке Заботы о порядке. Остатки стекла он вынащил, орудуя по-прежнему одной рукой. Потом вернулся на площадку, чтобы немного отдохнуть. Снова повис, но теперь не остался в таком положении, а по узкому и косому железному карнизу, какие тянулись вдоль каждого этажа — наверное, для удобства мойщиков окон — придерживаясь рукой за пустую раму, подобрался к окну вплотную и таким же способом выбил и внутреннее стекло. В нескольких местах все-таки порезал руку, но неглубоко. Наконец влез. Дальше было уже легко: замки изнутри отпирались простым поворотом ручки. Вышел в коридор, добрался до главной лестницы, спустился вниз и отпер входную дверь. Огляделся. Лезы не было.

— Леза! — позвал он негромко.

— Это ты? — Голос ее дрожал — от страха, наверное.

— Куда ты исчезла?

Леза была, оказывается, тут же, рядом — просто присела на корточки рядом с высоким крыльцом, съежилась — чтобы не заметил случайный прохожий — если бы такой вдруг возник.

— Заходи.

Впустив ее, он снова запер дверь, на всякий случай заложил и внутренний засов.

— Я все-таки не понимаю,— сказала она.— Где все люди?

— Наверное, убежали в центр,— сказал он, подумав.— Его почти не обстреливали. Может быть, даже указания такие были. Не всем повезло так, как нам.

Он имел в виду, что время самого сильного обстрела они провели в глубоком подземелье.

— Вот твои апартаменты.— Он отворил дверцу, что вела в маленькую швейцарскую.— Здесь тебя никто не побеспокоит. А я пойду на поиски.

— Ты надолго? — спросила она несмело.

— Ну, не очень. Где это хранилище, я помню. Может быть, придется повозиться с дверью. Ну и там какое-то время понадобится, чтобы найти... Но не волнуйся. Никакой опасности.

Он помахал рукой на прощанье и быстро пошел, почти побежал по лестнице — через ступеньку, через две. Видно, ему не терпелось проверить свои предположения.

Леза только покачала головой. Села в мягкое, сильно вытертое кресло. Глянула на часики на руке. Четверть шестого. Вздохнула и почувствовала, до чего устала и проголодалась. В швейцарской стоял маленький холодильник. С трудом поднявшись с кресла, Леза подошла, вернее — допрыгала на одной ноге, другая болела все сильнее. Открыла. Лежал там кусок сыра, стояло три бутылки пива. Больше ничего. Леза схватила сыр, подумала и взяла бутылку пива, больше запить было нечем, идти на поиски воды она не собиралась, такая экспедиция сейчас была не по ее силам. Съела твердый сыр, запила, немного согрелась. И как-то незаметно задремала.

Проснулась, словно ее толкнули. В вестибюле музея, куда выходило маленькое окошко швейцарской, было темно. Ночь? Сколько же времени прошло? Чтобы разобрать, который час, пришлось включить подсветку. Четверть десятого! Четыре часа прошло! А его нет. С ним что-то случилось. Да, конечно же, что-то случилось — не мог он просто так, без серьезной причины, исчезнуть на столько времени, зная, что она сидит внизу и волнуется.

Леза почувствовала, что не в состоянии больше сидеть и ждать. Так можно было сойти с ума! Помедлила немного, собираясь с силами. Вышла из швейцарской и по темному вестибюлю, освещенному только отражавшимся от дома, что стоял напротив, светом звезд, двинулась к лестнице, с трудом удерживаясь от стона при каждом шаге.

На лестнице, как ни странно, стало легче: там можно было опираться о перила, налегать на них грудью — и медленно, ступень-

ка за ступенькой, одолевать высоту. Наверное, она быстро сбилась бы со счета этажей — но, к счастью, номера их были нанесены светящейся краской напротив дверей, что закрывали шахты бездействующих нынче лифтов. Наверное, не прошло и часа, как она добралась до двенадцатого этажа. Дверь с площадки в коридор была приотворена.

— Хен! — негромко позвала Леза. Никто не ответил.

Ей не хотелось отрываться от надежных перил, и она окликнула еще раз, громко, так, что сама испугалась. На этот раз ей показалось, что в глубине этажа кто-то слабо отозвался — так, тихо, что она даже не была уверена, что услышала звук на самом деле. Могло ведь и просто почудиться. Или то было эхо...

— Хе-ен! — Неожиданно для самой себя она закричала изо всех сил — совсем уже испугавшись, так что в голосе явственно слышались слезы.

— Иду! — На этот раз ей ответили, это было несомненно. И почти сразу послышались шаги — неуверенные, шаркающие. Словно человек, приближавшийся к ней, двигался из последних сил. Но хоть жив — это главное...

— Хен, это ты? Что с тобой?

— Леза? Ты как сюда попала?

Кажется, он был немного не в себе.

— По лестнице, как же еще? Ты ранен?

— Я? Да вроде бы нет... Кто мог меня ранить?

— Тут больше никого не было?

— А разве кто-то заходил?

— Нет... не знаю. Я никого не заметила.

Ей почему-то не захотелось признаваться в том, что она заснула и проспала четыре часа.

— Почему ты задержался так поздно?

— Искал... Читал документы. Ты знаешь, Леза, просто потрясающие новости...

— О новостях потом. Ты что же — читал в такой темноте?

— Нет, было еще светло... А потом я, наверное, заснул. Глаза устали, я хотел дать им немного отдохнуть — ну, и...— Он заговорил быстрее, оправдываясь: — Понимаешь, позапрошлую ночь я вообще не спал, а прошлую... очень немного...

Она усмехнулась — благо, он этого не видел. Да, прошлой ночью не так уж много оставалось у него времени для сна. Но теперь совершенно не было нужды признаваться в том, что и сама не выдержала усталости и волнений...

— Хен! Я просто слов не нахожу! Я там умирала от страха — за тебя...

— Ну, прости,— сказал он, нашарил ее руки, поцеловал.— Больше не буду.

— Что мы будем делать, Хен? Ведь почти ночь! Мы заблудимся в развалинах...

— А мы никуда не пойдем. До утра, во всяком случае.

— А если нас тут захватят?

— Ну, особенно засиживаться не будем. Но когда начнет светать, мне надо будет еще покопаться в этой старине.

— Ты нашел заклинания?

— Заклинания — дело десятое... Оказывается, тут, у них в хранилище, есть оригинальные, первичные тексты легенд — такие, какими они были тысячи лет назад, а не то, что нам подсовывали — в переработке, словно для малолетних детишек...

— А что — большая разница?

— Большая — это слабо сказано. Громадная!

— Ну, пусть так. Но нам-то что? Разве легенды — твоя специальность?

— Моя специальность тебе известна: история. Но в том-то и дело, что эти легенды, этот свод... По сути дела, он в древности был священной книгой.

— Ты путаешь. Священная книга — это «Слова Рыбы».

— Этот культ возник позже! А первоначально было вот это. Это не книга о богах, как их обычно представляют. Скорее — о чудесах, о том, что мы считаем чудесами, не находя иного объяснения. И об изначальной истории Ассарта. Такое, что голова идет кругом...

Он умолк, словно пытаясь найти нужные слова. Леза воспользовалась кстати подвернувшейся паузой.

— Мы что — так и будем стоять на лестнице до самого рассвета?

— Ох. Нет, конечно. Прости... Обопрись на меня. Пойдем.

В коридоре было чуть светлее. От звезд.

— Вот здесь, пожалуй, ты сможешь расположиться. Здесь есть даже диван. Правда, простыней не обещаю.

— Это возмутительно! — сказала она.— Как ты мог быть настолько непредусмотрительным и не взять с собой простыней?

Он лишь в последний миг понял, что его разыгрывают.

— Знаешь, пришлось выбирать: то ли взять белье с собой, то ли использовать, чтобы скрутить охранника.

— Ну конечно! Ты к охраннику относишься куда внимательнее, чем... чем...

Чем к кому? Эта мгновенная мысль заставила ее умолкнуть, не договорив. И в самом деле: кто она? Случайная женщина на одну, на две ночи? Именно так получалось. У нее ведь не было таких намерений. Просто — той ночью как-то само собой получилось. И он показался ей близким и надежным. А она ему?

— Хен, скажи...

И снова запнулась. А хотела спросить именно об этом: «Кто я тебе?».

— Я слушаю, Леза.

В голосе его больше не ощущалось улыбки.

— Скажи, что ты собираешься делать дальше?

— Завтра?

— Завтра, и... ну, потом.

Он помолчал, вздохнул и сказал:

— Пока не знаю.

«Это он обо мне»,— подумала она, и ей захотелось заплакать и попросить, чтобы он не бросал ее.

— Не знаю,— повторил он медленно, задумчиво.— Понимаешь ли, то, что мне вдруг стало ясно, переворачивает наши представления об истории. Мы ведь считали, что все, что сказано в легендах об избранности Ассарта и о надмирном значении Сомонта и даже именно Жилища Власти — все это плод воображения, продукт фантазии... А ведь там говорится буквально вот что: «Пока есть Ассарт, есть мир жизни и мир звезд». Ну, мы считали это обычным центризмом первичной цивилизации, которая именно себя и место своего обитания почитает срединой мироздания. Но в легендах — в подлинниках — не сказано, что Ассарт — центр. Вернее, сказано иначе: что он — ключевой камень небесного свода. И если уничтожить его, выбить — обрушится свод. Характерно для воззрений той поры, правда? Мол, небосвод тверд и может обрушиться. Все так. Однако в том же своде, только в более ранней легенде, сказано, что Ассарт «Пришел из пустого мира в мир звезд, и утвердил свое место здесь». Понимаешь? То есть, представления о звездном мире существовали уже тогда, а значит, звездный свод нельзя воспринимать буквально, а лишь как образ...

Наверное, он мог бы говорить на эту тему и действительно до самого утра. Но Лезу сейчас волновало не это.

— Значит, завтра и потом ты будешь размышлять на эту тему?

— Что? — Он молчал несколько секунд, словно собираясь с мыслями.— Да, конечно. Я понимаю, тебя не это волнует. Но ведь я, собственно, об этом и начал: можно, например, возвратиться в Жилище Власти, чтобы сказать: властители и коллеги, не нужно искать историю в чужих мирах, нужно реставрировать свою — как старую, от времени и грязи почерневшую до неразличимости картину, и она засияет небывало! Но кому я это скажу? Властелина нет. Твоего Изара.

Наверное, не надо было ему называть это имя — такая мысль посетила его с запозданием.

— То есть,— торопливо проговорил он,— я не имел в виду...

— Имел, имел,— сказала Леза усталым и каким-то безразличным голосом.— Да, моего. И его ребенка ношу под сердцем. И никуда не денусь от этого. Ладно, Хен. Давай спать. Я тут лягу, на диване. А ты где?

— Да найду что-нибудь по соседству,— сказал он невесело.— Вообще-то я и на полу могу. Приходилось в свое время.

— Тогда спокойной ночи. Только не проспи утром.

— Нет, я встаю рано. Я утренний работник. Послушай, Леза...

— Да?

— Ты напрасно. Я ведь в самом деле не хотел сказать...

— Если я кому-то по-настоящему, всерьез нужна,— сказала она напряженно-сдержанным голосом,— то он не остановится и из-за десятка Изаров, и десятка детей от них. Если нужна я, а не мое жизнеописание.

— Да ведь ты же сама говорила, что он для тебя...

— Мало ли что я говорила. Надо уметь слушать. Все! Все об этом. Я и в самом деле хочу спать.

— Ну, спи,— сказал он. И действительно встал и вышел из комнаты.

Дурак. Набитый.

Хотя может быть — так и лучше. И пусть живет со своими легендами. Такое она могла простить одному-единственному человеку. А больше никому.

Что же будет завтра?..

Леза уснула, так и не найдя ответа на этот вопрос. Хорошо,— подумала она, засыпая,— если бы завтра началось с завтрака...

Но завтра началось иначе.

3

Войска Коалиции двинулись на штурм Сомонта с яростью людей, по существу, уже одержавших победу и отделенных от окончания войны лишь бессмысленным упорством побежденных. В некоторых местах, там, где оборону держали полки, сформированные из резервистов, атакующим удалось сразу преодолеть окраины и углубиться в улицы четвертого городского цикла. В районах, где нападавшим противостояли гвардейские части, продвинуться не удалось, и бой там постепенно принимал позиционный характер. Но лишь на одном участке, где сражались Черные Тарменары Жемчужины, десантники Коалиции были отброшены и вынуждены перейти к обороне.

Судьба города, казалось, лежала на весах, чьи чаши никак не могли принять какое-то определенное положение и качались вверх-вниз, не в состоянии остановиться.

Находившийся по-прежнему на башне наблюдательного пункта Охранитель послал всех генералов, беспрекословно подчинившихся его воле, вперед — для непосредственного руководства войсками,

оставив при себе лишь несколько связистов и младших офицеров — тоже в качестве делегатов связи. Благодаря своей способности видеть и то, что нельзя было охватить обычным человеческим взглядом, он наблюдал весь город с его окрестностями как бы сверху, не тратя времени на ожидание донесений с переднего края и своевременно отдавая распоряжения тем, кто находился непосредственно в войсках.

Наверху, в ближнем космосе, бой все еще продолжался. Охранитель не очень следил за ним: для взятия города космический флот не был нужен, а следить за всеми перипетиями сражения в пространстве из чистого интереса у него просто не оставалось времени.

Однако при всех своих возможностях, намного превосходящих возможности любого генерала, Охранитель все же не был профессиональным военным и не понимал, что одно лишь продвижение вглубь города, происходившее в результате того, что осажденные не уничтожались, а оттеснялись, было подобно процессу закручивания тугой пружины, которая в один прекрасный миг могла и начать раскручиваться с той же силой, с какой ее сейчас сжимали. Для того, чтобы эту пружину сломать, следовало подвергнуть внутренние циклы города и его центр массированному обстрелу. Но на это Охранитель не пошел бы, даже понимай он положение до мелочей: ему было известно, чем такой обстрел мог бы закончиться. Пожалуй, ему одному из всех, принимавших участие в схватке.

Зато он обратил внимание на то, что население города, по сути дела, не принимало никакого участия в решении его судьбы. Укрывшись в подвалах, в подземных ходах и туннелях, сохранившихся с незапамятных времен (часть этих ходов использовалась для подземного транспорта, сейчас не работавшего из-за отсутствия энергии), население, похоже, готово было покориться любой участи, лишь бы наверху перестали убивать и разрушать. Исключение составляли, пожалуй, лишь группы молодых и совсем молодых людей, для которых романтика вооруженной борьбы казалась самым главным и интересным, и поэтому они охотно вливались в ряды оборонявшихся. Однако воевать они не умели и становились первыми жертвами очередной атаки или контратаки.

Охранитель наблюдал, распоряжался и одновременно не переставал следить за временем. Для этого ему не были нужны часы, течение минут и секунд он ощущал всем своим существом. Пока еще у него оставался даже небольшой запас времени. Потому что если и дальше его войска, пусть даже лишь с нескольких направлений, будут продвигаться к центру города в том же темпе, что сейчас, он сможет овладеть Жилищем Власти через час, самое большее — через полтора. А в его распоряжении оставались еще едва ли не сутки.

Это его вполне устраивало, и чем дальше, тем он становился спокойнее и увереннее в благоприятном исходе не только этого боя, но и всей борьбы, начатой им давным-давно.

— Уль! — сказала Ястра.— Я всегда была честна с тобой и такой хочу остаться.

— Ну, естественно...— пробормотал капитан.— Честность — двигатель торговли или чего-то там... С твоего разрешения, я прикажу тарменарской тысяче правого крыла выступить во второй цикл, северо-западный район. Там противник очень уж напирает.

— Зачем тебе мое разрешение?

— Потому что это наш последний резерв.

— Делай, как считаешь нужным. Но ты не слушаешь меня?

— Сию минуту. Только отдам распоряжение.

Он выглянул в коридор, где сейчас ожидал командир тысячи. Выслушав приказание, командир отсалютовал и поспешно направился к лестнице.

— Да, ты что-то хотела сказать?

— Хотела. И хочу.

— Если можно, не медли. Может быть, отложим?

— Нет. Не хочу, чтобы ты думал обо мне хуже, чем следует.

— Я всегда думаю о тебе лишь самое лучшее,— ответил он галантно, но как-то механически — в этот миг он внимательно всматривался в план города, в его северо-восточную часть.

— Я хотела, Уль, чтобы... чтобы ты всегда занимал положение, достойное твоих способностей и... отношения ко мне. Я думала, что ты сможешь быть даже Властелином. Властелином!

— А почему бы и нет? — отозвался он так же рассеянно.— Я был бы просто прекрасным Властелином, безусловно. Таким, что лучше и быть не может.

— Ты снова смеешься. А я вовсе не шучу.

Он оторвался от плана, взглянул на нее.

— Говори дальше. Начала ты интересно.

— Да, я хотела сделать тебя Властелином, моим законным супругом. Это было бы хорошо для нас обоих.

— А у вас существует развод?

— Для меня — нет. Но это не послужило бы препятствием.

— Ага...— пробормотал он, поняв.— Знаешь, я происхожу, как тебе известно, из простонародья, и для меня такие политические ходы, как убийство...

— Я не собиралась обременять тебя такой просьбой. И готова была сделать все сама.

— За что я всегда любил женщин, это за нежность и беспомощность,— сказал Ульдемир.

— Властительница — не только женщина, она еще и носительница Власти...

— Не понимаю все же, чего ты хочешь от меня. Благословения?

— Хочу, чтобы ты понял: на все это я была готова. Но ты сам все испортил.

— Я? Это для меня ново. Каким образом?

— Это ведь ты прислал ее... ну, ту женщину — чтобы она вылечила Изара?

— Мне показалось, что это будет очень кстати.

— Значит, ты. Я в этом была уверена. Но тогда ему оставалось, может быть, несколько минут, ну пусть часов, до конца. И было бы целиком в традициях — помочь ему уйти. Ради пользы Державы.

— По-моему, ты выступала против таких традиций...

— Пусть так. Но они существуют. Значит, нужно ими пользоваться — когда это выгодно.

— Великая вещь — политика, верно?

Ястра лишь отмахнулась от его иронического замечания.

— Теперь я уже не могу этого. Он быстро поправляется. Совсем скоро сможет командовать. И больше я уже ничего не могу сделать.

— Почему же? Можешь благодарить судьбу за то, что она уберегла тебя от...

— Глупости. У меня не осталось выбора. Я могла выбирать между ним и тобою. Я выбрала тебя. Но ты все разрушил. И теперь я могу выбрать только его.

На этот раз он посмотрел на нее внимательно.

— Я понял. Ничего. Я переберусь в другую комнату. На худой конец, смогу ночевать в коридоре.

— И больше ничего ты сказать не можешь?

Она, кажется, всерьез была обижена — словно это он бросал ее.

Ульдемир улыбнулся.

— Не переживай, Ястра. Все так или иначе шло к концу. Неужели ты думаешь, что я мог бы остаться на Ассарте — когда все неприятности кончатся? Ты просто почувствовала, что так или иначе расставание близится.

— Ничего не почувствовала. И никуда ты не ушел бы — стоило мне захотеть. Где еще ты смог бы стать властелином целого мира? Такого мира!

— Нигде, ты права. Но послушай: значит, ты и Изар отныне — союзники?

— Ну... не совсем еще. Сейчас он в моих руках. И я поставлю ему условия. Если он на них согласится — мы заключим союз. Ты что: боишься, что он станет тебя преследовать? Не беспокойся. Одним из моих условий будет — обеспечить твою безопасность.

— Большое спасибо. Хотя это и вряд ли понадобится. Вот безопасность ребенка — об этом и в самом деле стоит подумать.

— Неужели ты думаешь, что я об этом не подумала? Ребенок унаследует власть; только на таких условиях Изар вновь получит ее сейчас — из моих рук.

— А он согласится?

— Он политик. И понимает: сейчас у него просто нет силы, которая могла бы мне противостоять. Согласится.

— Но в таком случае что станет с его сыном? С тем, который будет?

— Какое мое дело? Эта женщина исчезла. И это ее счастье. Я не беру на себя никакой ответственности за ее судьбу...

— Бедная девочка.

— Тебе-то что до нее?

— Ну как же. Ты меня бросаешь — разве я не вправе подумать о своем будущем сам?

— Ты... попробуй только! Я разыщу вас, где угодно!

— Ну ладно, ладно. Я шучу. На самом деле мне ее просто жаль. Потому что она-то не выигрывает от ваших соглашений. Если только Изар не выставит своих условий.

— Он не настолько глуп. И знает, что власть дороже.

— Рад за него. Теперь мне хотелось бы поговорить о деле.

— Только недолго.

— Постараюсь. Нам удалось высвободить корабли Ассарта. Сейчас они ведут бой на орбитах.

— Мне это известно.

— Среди них — несколько транспортов с десантниками. С теми, кого должны были выбросить в других мирах — но, к счастью для нас, не успели.

— Очень хорошо, что они вернулись.

— Здесь, в Сомонте, противник сильнее нас. И если все так продолжится, то где-нибудь через час они с какого-нибудь направления прорвутся сюда, к Жилищу Власти.

— Этого нельзя допустить ни в коем случае! Командуй же, придумай что-нибудь!

— Нас могла бы спасти высадка нашего десанта — чтобы штурмующие оказались между нами и ими.

— Пусть высаживаются! Неужели трудно отдать приказание?

— Я пытался. Однако ничего не получается.

— То есть как?

— Моих приказов они не признают.

— Надо было приказать от моего имени.

— Именно это я и сделал. Но тебя они тоже не признают. Когда они стартовали от Ассарта, командование принадлежало тому старику, который...

— Да, да. Он потом покончил с собой. Надо было так и сказать им: что он погиб, и теперь командую я.

— Тоже пробовал. Однако они говорят, что это нигде не предусматривалось. Что в таком случае командовать должен следующий по старшинству, но никак не ты.

— О, это солдатское тупоумие! Кто этот старший?

— Понятия не имею. Да он нам и не нужен. У нас есть Властелин. Ему они подчинятся беспрекословно и с радостью.

— Ты уверен?

— Это их слова. Пусть им прикажет Изар.

— Получается, что я должна вернуть его к власти сейчас же?

— Иначе, боюсь, возвращать его будет не к чему.

— О, Великая Рыба... Я хотела еще подержать его в таком состоянии — чтобы он стал сговорчивее.

— Ничего не поделаешь. Он нужен сейчас.

— Как только он поймет, он станет упорствовать...

— Что же, тебе выбирать.

— Да нет, конечно. Выбирать не из чего. Хорошо. Сейчас я пойду к нему. Как долго я могу вести с ним переговоры?

— Я ведь сказал тебе: через час здесь может быть уже очень жарко. Как в пекле.

— Где это?

— Ах да, я и забыл, что в вашей преисподней наоборот, адский холод. Видишь, как у нас все по-разному.

— Глупости. Я иду. Надеюсь справиться за четверть часа.

— Алло, «Алис»! Уве-Йорген!

— Слышу тебя, капитан.

— Что у вас?

— Идет драка. Мы в ней пока не участвуем — с того времени, как тут появились корабли Ассарта. В конце концов, это их работа.

— Наверное, ты прав. Как насчет трансляции?

— Оратор будет?

— Минут через пятнадцать.

— Давайте. Столько мы здесь еще продержимся.

— Так горячо вокруг?

— Горячо. Можно зажарить теленка.

— Продержись. А потом, как только оратор выступит, уходите с орбиты.

— Куда?

— К планете, вниз. Поближе к Сомонту. Вероятно, после речи оратора Ассарт будет выбрасывать свой десант. Постарайся проводить их до самой поверхности. Если их начнут обстреливать во время спуска — подавите противника.

— Ясно. А потом?

— Потом — по обстановке.

— Понял. Как ты?
— Все нормально. Желаю удачи.
— Взаимно!

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Ястра, стараясь, чтобы голос прозвучал заботливо. Изар отмахнулся от ритуального вопроса.

— Мне эта комедия надоела. Неужели я должен силой вырываться отсюда?

— С чего ты взял? Я лишь пеклась о твоем здоровье. Если ты в состоянии, то можешь принять власть хоть сегодня. Хоть сейчас.

Изар вскочил.

— Прекрасно! Ты еще не окончательно проиграла войну?

— Не начинай с острых вопросов. Не то я спрошу: не ты ли начал эту войну в условиях, когда она была с самого начала обречена на поражение.

— Хорошо, согласен. Я намерен прежде всего обратиться к Ассарту. У нас есть связь?

— Есть. У меня.

— Надеюсь, ты дашь возможность воспользоваться ею?

— Присядь, Изар.

— Некогда — я даже отсюда чувствую...

— Десять минут ничего не решат. Но если ты будешь упираться...

Властелин неохотно опустился на кровать.

— Говори.

— Я готова официально и фактически вернуть тебе Власть, которой ты меня наделил. Хотя могла бы этого и не делать. Ты покинул Ассарт в самый критический момент в его истории; одного этого достаточно, чтобы собрать Совет и лишить тебя Власти навсегда.

— Чего ты хочешь? К чему этот разговор?

— Сейчас услышишь. Я возвращаю тебе власть — но на определенных условиях.

Изар усмехнулся.

— Видимо, я должен все терпеливо выслушать.

— Боюсь, что иного выхода у тебя нет. Так вот. Мои условия таковы: во-первых, моя абсолютная безопасность.

— Неужели ты думаешь, что я мог бы...

— Думаю, Изар. А ты уверен, что — нет?

Ястра смотрела в глаза Властелина чуть насмешливо, и он был вынужден смутиться.

— Хорошо. Даю тебе слово. Дальше?

— Ты не будешь преследовать моих... друзей. Потому что если мы избежим поражения, то лишь благодаря их помощи.

— В этом я сомневаюсь. Горстка людей...

— Ты просто ничего не знаешь.

— Постараюсь узнать. Но, во всяком случае, принимаю твое условие — если только они не будут мозолить мне глаза.

— Думаю, что они у нас не задержатся.

— Ты говоришь это с таким сожалением...

— Мне действительно жаль. Но это уже мое дело.

— Хорошо. Принято.

— Теперь слушай внимательно. Ребенок, который родится у меня, наследует власть.

Изар вскочил.

— От этого ты могла бы меня избавить.

— Нет. Для меня это — самое главное. Ты... испытываешь еще что-нибудь к той женщине?

— Отвечу, как ты: это уже мое дело.

— Постараюсь, чтобы ты ее больше не увидел. Но если ты примешь мое условие — я обещаю оставить их в живых. И ее, и ребенка.

— Поклянись.

— Клянусь Словами Рыбы.

— Ну... хорошо.

— Поклянись и ты.

— Клянусь Всевидящими Глазами Рыбы.

— Вот, по сути дела, все мои условия.

Изар вскинул голову.

— Как! И ни слова — о традициях, о ритуалах...

Ястра улыбнулась.

— Не думаю, что сейчас время говорить об этом. Людям Ассарта и так тяжело; если же мы начнем еще отнимать у них привычный мир, в котором они жили так долго...

Изар, помедлив, кивнул.

— Пожалуй, ты права. Но как быть с Историей?

— Выиграй войну. Тогда посмотришь сам.

— Нам необходима новая история! Иначе мы будем скользить все ниже, ниже...

— История — это утехи мужчин. С меня достаточно того, что я уже сказала.

Секунду-другую они пристально смотрели друг другу в глаза. Ястра при этом улыбалась, Изар был серьезен.

Он догадывался, что Ястра сейчас представляла себе тот счастливый для нее, пусть и очень неблизкий, миг, когда ее сын — ее ублюдок, если называть вещи своими именами,— наложит свои пальцы на его горло, горло старого Властелина. И нажмет...

Ну что же: пусть тешится хотя бы этой мечтой. Время покажет.

— Прекрасно, Ястра. Очень тебе благодарен.

— И я тебе. Теперь — не теряй времени. Твой флот — та часть его, что уцелела — над планетой. Они ждут твоего приказа, чтобы выбросить десант и спасти Сомонт. Связь тебе дадут те самые мои друзья, что так не нравятся моему супругу Властелину.

«Да,— подумал Изар,— супругу, никуда не денешься. Хотя — я настолько отвык от нее, что это будет как бы новая женщина. А ведь, если подумать, так мало времени прошло».

— Да, дорогая супруга,— сказал он.— Не нравятся. Но это не относится к тебе.

— Тогда поцелуй меня!

Он выполнил просьбу с удивившей его самого готовностью.

— Не уходи в свою половину,— попросила она.— Хотя бы на эту ночь — не уходи...

— Не уйду,— обещал он.— Выздоравливая, я привык к твоей постели — и в ней чувствую себя неплохо.

— То ли еще будет! — пообещала она.

— Ну наконец-то! — сказал Уве-Йорген, когда с Ассарта поступил сигнал.— Рука!

— Слушаю, Рыцарь.

— Давай ретрансляцию!

— Включено.

— Идет передача!

Адмиралы на уцелевших флагманских кораблях внимательно выслушали приказ Властелина — Верховного Главнокомандующего.

— Слава Рыбе,— сказал один из них,— на Ассарте еще существует какой-то порядок.

И немедля отдал команду:

— Экипажу — по местам, готовиться к снижению. Десанту — полная готовность к выброске! Передать по кораблям!

Через несколько секунд корабли отрепетовали приказ.

— Всем атаковать и связать корабли противника. Транспортам — выполнять задачу по десантированию!

— Адмирал! — тихо проговорил командир корабля.— Кто это — вы не знаете? Явно не наш корабль — но выполняет задачу вместе с нами. Не атаковать ли его?

Адмирал подумал.

— Прикажите наблюдать за ним, и при первом подозрении — сбить. Хотя, это какой-то из наших торгашей. Пусть живет.

— Рыцарь, пошел десант!

— К маневру! Будем снижаться вслед за ними. До самой поверхности. Выпускаю крылья...

— Капитан! Чем это ты занимаешься?

— Собираю барахло. Пора переезжать.

— Получил отставку?

— Чистую. Тебя о результатах не спрашиваю: корабли высвободились и воюют. Трудно было?

— Пришлось пошевеливаться. Слушай...

— Угу. Никодим здесь?

— Летает по соседству. Как раз об этом я хочу сказать.

— Говори.

— Он уверяет, что заметил Охранителя.

— Что удивительного: вы же к нему в гости ездили.

— Не там. Здесь.

— На планете? Вот это новость. Значит, плохи его дела — не на кого положиться. И где же он?

— В нескольких километрах от границы города. Ты свободен? Или твои советы еще котируются?

— Я же сказал: свободен, как ветер. Как легкий бриз.

— Рискнем?

— О чем ты?

— Об Охранителе, конечно.

— Это кусок не по нам. С ним не справиться.

— Конечно, в плен мы его не возьмем, и думать нечего.

— Чего же ты хочешь, охотник?

— Чего может хотеть охотник? Подстрелить.

— Думаешь, у него не предусмотрена защита?

— Не знаю. Может, да, а может, и нет. Рискнуть-то можно?

— Рисковать нам никто не запретит...— проговорил Ульдемир медленно.— Ладно. Попробуем. Тут теперь обойдутся и без нас.

— Погоди немножко. У тебя есть связь с Рыцарем?

— С кораблем? Пока еще есть.

— Пусть садятся.

— Зачем?

— Все же нас будет не двое, а пятеро. И каждый из нас чего-то стоит.

— Да, верно... Но пока мы доберемся до них, пока все вместе приблизимся к Охранителю — он может и вовсе исчезнуть. Возьмет и вернется к себе на Заставу.

— Вряд ли. Раз уж он взялся воевать... А только сейчас и начнется настоящая свалка: ассартский десант высаживается на свою собственную планету. Получится такой слоеный пирог...

— Как я объясню им — куда садиться?

— А ничего и не нужно объяснять. Только предупреди, что сейчас их навестит Никодим. Он и покажет.

— Хорошо. Уговорил. Кто знает — может быть, и в самом деле что-нибудь получится. Будет очень смешно.

— Мир вам, братья,— беззвучно поздоровался Иеромонах.

— До мира пока еще не близко,— откликнулся Уве-Йорген.— Впрочем, и тебе желаю того же. Как посевы?

— Слава Богу.

— Обожди немного...

Рыцарь перенес внимание на пульт управления: предстоял маневр. Приходилось крутиться, чтобы не мешать круто снижавшимся десантным транспортам и одновременно держать в прицеле замеченные еще из пространства установки зенитных ракет Коалиции.

— Ну, готово. Так что ты нам предлагаешь, отче?

— Погляди на правый нижний экран. Видишь?

— Вижу много чего. А точнее?

— Пониже середины — как бы гриб-поганка.

— Ну-ка, ну-ка... Вот это?

— Быстро схватываешь.

— Приходится. И что же?

— Там — Охранитель.

— Ого!

— Питек думает, стоит рискнуть, атаковать его.

— Сжечь эту башню вместе с ним? Думаю, труда не составит.

— Ну, ну. Вряд ли он глупее нас с тобой. Ты решил, что он там не защитился?

— Если так, то что мы ему сделаем?

— Попытаться можем.

— Как?

— От луча, от пули, снаряда он наверняка прикрыт. От всего, чем здесь воюют.

— Ну, так и мы воюем тем же оружием.

— Так-то оно так. Но самое малое двое из нас владеют и иным.

— Что ты хочешь — чтобы я его таранил кораблем?

— Отнюдь. Рука и Питек — вот кто мог бы постараться.

Уве-Йорген протяжно присвистнул.

— Мысль оригинальная,— оценил он.— Лук со стрелой?

— И дротик, копье. Но чтобы только дерево. Металл до него не долетит. От металла он защищен.

— Рука! — окликнул Рыцарь.— Как ты, вождь — совсем забыл старое искусство? Или что-то еще можешь?

— Это забывается только в могиле,— сказал Рука.— Только на всей планете вряд ли найдется хоть один хороший лук и пяток настоящих стрел.

— А если сделать самому?

— Серьезный лук надо делать дольше, чем продолжается вся эта война.

— Сделай несерьезный. В шутку. И в шутку подстрели его.

— Хорошо, Рыцарь. Я попробую.

— Не надо,— сказал Иеромонах.— Капитан с Питеком достали. Целых два. И стрелы. И дротики.

— Ограбили музей?— попробовал догадаться Уве-Йорген.

— Почти так. В том дворце есть комнаты, где стены увешаны всяким оружием. И новым, но и старым тоже. И очень старым. Вот они и взяли.

— Ну,— сказал индеец пренебрежительно,— разве в этих мирах могут быть хорошие луки?

— Уж какие есть. Старые. И стрелы очень старые. Я сказал, чтобы не брали с железными наконечниками. Только с каменными. Никакого железа.

— Очень хорошо,— сказал Уве-Йорген.— А где мы встретим наших?

— Я выведу,— ответил Никодим.— Закончите здесь, и сразу бери курс на эту вышку. Охранителю придется как раз труднее всего: десант успеет сесть, и ему придется отбиваться на две стороны.

— Да,— проговорил молчавший до сих пор Георгий.— Это правда, что у всякого человека, даже очень сильного, есть свое совсем слабое место.

— Знаем,— пробормотал Рыцарь.— Читали.

4

«Все усложняется,— подумал Охранитель недовольно.— Почему-то, когда дело приближается к концу, все становится куда сложнее, чем казалось».

Он имел в виду выброшенный кораблями Ассарта десант. Кораблями, которые вообще не должны были здесь появиться — и все же появились. Значит, кто-то овладел Заставой. Это мог сделать только Мастер. Вероятно, он тоже решил сам вступить в борьбу.

«Может быть,— подумал еще Охранитель,— все наши споры надо было решить поединком. Но прошли те времена...»

Сейчас он должен был в считанные мгновения решать — как действовать дальше. Пытаться оказать сопротивление десанту? На это было мало надежды: войска дрались впереди, на городских

улицах и площадях. В одиночку Охранитель, пожалуй, мог бы задержать наступавших десантников там, где находился он сам; однако ассартиане точно так же, как войска Коалиции, образовали вокруг столицы кольцо; и тем, кто наступал с противоположной стороны Сомонта, Охранитель никак не мог бы помешать.

Нет, такая тактика не обещала удачи. Выход был в другом: надо было изо всех сил пробиваться все дальше вперед — чтобы овладеть Жилищем Власти до того, как десантники с тыла обрушатся на его войска и вынудят их драться на две стороны.

Овладеть Жилищем, проникнуть в подземелье — и оттуда, держа в руках судьбу Мироздания, диктовать условия.

Нет, ничего еще не было потеряно.

Однако отсюда, с наблюдательной вышки, вряд ли можно было добиться нужного успеха. Настала пора, когда войска нужно было не толкать перед, а вести. Он мог это сделать, ничем, по сути, не рискуя, пользуясь своей неуязвимостью для пуль и снарядов, ножей и сабель. И даже для смертоносных лучей фламмеров.

Его неуязвимость воодушевит солдат, и они возьмут Жилище с хода.

Решение принято. Значит, не нужно более терять времени.

Охранитель не стал спускаться с вышки. Ему незачем было пробираться улицами, натыкаясь на обломки и тела. Он легко поднялся в воздух и направил свой полет туда, где — он знал — войска Коалиции отделяло от Жилища Власти самое малое расстояние.

В воздухе пахло гарью. Впереди вспыхивали разрывы, оттуда доносился неясный гул. Охранитель полетел быстрее. Сейчас ему уже казалось, что нельзя терять ни секунды.

— Вот она, башня!

Питек невольно говорил шепотом, хотя даже и громкий разговор вряд ли можно было услышать сверху.

— Только как в нее попасть?

Они осторожно, прижимаясь к стене, обошли круглое основание наблюдательной вышки. Входа не было.

— Наверное, туда ведет лаз из-под земли,— подумав, предположил Уве-Йорген.— Ход из командного пункта.

— Когда они успели все это сделать?

— Им незачем было успевать. Это центр одного из пригородных районов обороны. Захватили и использовали.

— А где командный пункт?

— Надо искать... Где-то тут он должен быть. Под землей, конечно. Никодим, ты не чувствуешь?

— Обождите...

Иеромонах растаял, превратившись в облачко. Поднялся на несколько метров и стал описывать вокруг башни все расширяющиеся витки.

Когда он отдалился от вышки метров на двадцать, никто уже не мог различить его в воздухе.

Четверо по-прежнему стояли, прижимаясь к бетону. Рука, сжимавший длинный лук со спущенной тетивой, негромко сказал:

— Очень тихо.

— О чем ты?

— Наверху тихо. Может быть, его там уже нет.

— А что ему шуметь?— проговорил Питек.— Смотрит, наверное. Не станет же он отсюда выкрикивать команды.

— И все-таки очень тихо.

Никодим появился перед ними неожиданно, снова воплотившись.

— Нашел.

— Далеко?

— Нет. Видите — кусты? Среди них ход вниз.

— Пошли.

— Постой, Уве. Никодим, может статься, что его тут больше нет. Может быть, ты посмотришь?

— Отчего же нет.

— Только не вспугни...

— Это как получится. Он все-таки не просто человек. Он меня и без плоти увидит.

— Нет, не будем рисковать. Бегом — к входу.

Они добежали до входа на командный пункт за несколько секунд. Приблизившись к кустарнику, припали к земле.

— Охраны нет...

— Кажется — пустой номер. Сейчас выясним. Держите вход под прицелом...

Уве-Йорген встал и неспешной походкой направился к люку. Подошел беспрепятственно. Заглянул. Махнул рукой, подзывая.

— Тут никого. Спускаемся.

Спустились — чтобы убедиться, что командный пункт опустел. Помещение внизу было невелико. Ход на вышку обнаружили без большого труда.

— Наверх. Только потише!

Поднялись без единого звука. Круглое помещение наверху оказалось покинутым.

— Так и есть,— сказал Георгий.— Он не дождался нас. Что теперь?

— Минуту,— остановил его Рыцарь.

Переходя от одной амбразуры к другой, он всматривался в недалекий город.

— Вот,— указал он направление.— Там сейчас — самый жестокий бой. Значит, туда нам и нужно.

— Думаешь, это его работа?

— А если даже и нет? Раз там горячее всего, значит, наше место там. Все вниз. И — бегом марш!

Охранитель поднял тысячу в очередную атаку.

Они пробивались по улице, забрасывая гранатами окна, из которых стреляли, уничтожая пулеметы точными выстрелами безоткатных орудий.

Однако дома оживали и возобновляли огонь — уже в спину наступавшим.

Продвижение было медленным.

— В обход! — скомандовал Охранитель тем, до кого мог донестись его голос. И первым кинулся в подворотню. Оказался во дворе. Сверху начали стрелять. Три или четыре солдата, бросившихся за ним, открыли ответный огонь.

Охранитель прижался к стене. Перевел дыхание. Двор оказался тупиком. Из него можно было попасть лишь обратно — на улицу. Он махнул солдатам рукой, чтобы направить их обратно в бой. То ли они поняли его неправильно, то ли им не очень хотелось возвращаться туда, а может быть, они замыслили какой-то маневр — во всяком случае, они подбежали к нему.

— Дверь! — прохрипел один из них.— Черный ход! Ударим по ним!

И рывком отворил дверь, и солдаты бросились налево и вверх по узкой и грязной лестнице.

Охранитель не последовал за ними. Что-то остановило его. Какое-то неожиданное ощущение.

Он насторожился. Нет, это не было чувством опасности.

Охранитель сосредоточился, чтобы осмотреть то, что его окружало, проникая взглядом сквозь стены, потолок, пол.

За стенами не нашлось ничего интересного. Брошенные комнаты, распахнутые шкафы, опрокинутые кровати, стулья...

Наверху — за несколько этажей отсюда — засевшие там ассартские стрелки схватились врукопашную с ворвавшимися снизу солдатами.

Но внизу — ...внизу был ясно виден ход, постепенно уходивший вглубь и изгибавшийся вправо.

Охранитель попытался проследить его как можно дальше. Ему удалось увидеть ход почти на всем протяжении. Не было сомнений: ход уводил к Жилищу Власти. Но где-то — почти на его середине — от этого хода отходил другой — поуже. И круто уходил вниз.

Охранитель напрягся. Но этот второй ход просматривался плохо. Мешали какие-то помехи.

Охранитель улыбнулся. Судьба неожиданно помогла ему намного сократить путь к цели.

Судьба уличного боя перестала интересовать его.

Начало хода было в двух шагах. Все оказалось просто.

5

День начался с неожиданно близких, громких выстрелов, очередей, разрывов.

Леза испуганно вскочила с дивана.

— Хен!

Он не отозвался. Не размышляя, Леза бросилась на поиски.

Она обнаружила его в читальне. Историк сидел, обложившись рукописями. Он настолько углубился в чтение, что даже не услышал, как вошла Леза.

— Хен!

На этот раз в ее голосе звучал уже не страх, но гнев.

Хен Гот рассеянно поднял на нее глаза.

— А, это ты...

— Хен, ты собираешься что-нибудь предпринять?

— Ты же видишь — я работаю...

— Прислушайся! Стреляют почти рядом!

— Что? А, да, действительно...

— Ты хочешь, чтобы мы погибли здесь?

— Ну, что ты. Почему я должен хотеть...

— Или умерли с голоду?

Только теперь, кажется, он пришел в себя.

— Понимаешь,— проговорил он, оправдываясь,— я понял наконец-то! Совсем не так нужно писать историю, все, что мы делали — это глупости, мальчишество! Настоящая история куда богаче, надо только прочитать ее! То, что мы читали сказками — было на самом деле, теперь у меня не осталось сомнений в этом! Оказалось, что это так просто: посмотреть с другой точки зрения, отнестись серьезно — и все становится на свои места...

— Это прекрасно,— сказала Леза.— Но ты же не хочешь, чтобы все эти мысли погибли тут вместе с тобой?

— Погибли? — переспросил он.— Почему? Воюют внизу, на улицах. А мы — здесь. Нельзя же бросить все эти сокровища! Конечно,— тут же спохватился он,— то не оригиналы, всего лишь копии, но все равно...

— Так возьми с собой — и пойдем, пока еще можно спастись!

— Великая Рыба! — воскликнул Хен Гот.— Мне и половины не унести...

— Я постараюсь тебе помочь.

— И потом — куда идти? Вчера здесь было тихо, а сейчас — надо ли нам соваться под пули? Подождем по крайней мере, пока бой не отодвинется куда-нибудь... Жаль только, что если они этим путем пробиваются к центру, то непременно зацепят и мой район. Дома сейчас будет не менее опасно, чем здесь.

— Но нельзя же сидеть здесь... без пищи, без ничего.

— Ну, может быть, ты потерпишь еще какое-то время?

— Какое? Минуту, час, день, неделю?

— Нет, я не думаю, что они будут стрелять тут целую неделю. Наверное, сегодня как-нибудь разберутся.

— Это безжалостно! — крикнула Леза.— Зачем тогда ты забрал меня оттуда, из Жилища? Зачем уговорил бежать?

— Я? Тебя? Помилуй, это ты хотела...

— А ты должен был отговорить меня!

— Разве это возможно?

— Совсем как семейная ссора! Очень мило!

Это не были его слова, и Леза тоже их не произносила. Они принадлежали кому-то третьему. И голос показался знакомым.

Магистр. Ублюдок Власти.

Он стоял в дверях, заложив руки за спину, усмехаясь.

— Задира! — невольно произнесла Леза вслух. И тут же поправилась: — Мигрaт!

— К вашим услугам!

И он склонился в преувеличенно-почтительном поклоне.

— Как вы здесь оказались?— спросил едва успевший опомниться от неожиданности Хен Гот.

— Как проник? По вашим, видимо, следам — через окно третьего этажа. Вас интересует, почему я забрался именно сюда? По той же причине, что и вы, Главный Композитор Истории. Хорошие мысли приходят не только в вашу голову. Хотя, вероятно, вы додумались до этого раньше.

Хен Гот непроизвольно попытался защитить рукописи, налегая на них грудью, охватывая руками.

— Ну, ну,— сказал Мигрaт.— Я не собираюсь отнимать их, тем более силой. Вы все-таки историк, в отличие от меня.

— А вам-то они зачем?

Мигрaт пожал плечами.

— Наивный вопрос. Владеющий прошлым — владеет будущим. А я еще не расстался с мыслью овладеть будущим.

Он сделал паузу, развел руками.

— На этот раз, должен признаться, это не удалось. Я оказался вне игры. Как и вы оба, кстати.

— Что это значит?— спросила Леза.

— Драку, по всей вероятности, выиграет Ассарт. У него оказалась более сильная поддержка, чем у... моей стороны. Следовательно, это значит лишь, что надо по возможности скорее уносить отсюда ноги — и рукописи тоже.

— Куда? — спросил Хен Гот.

— Туда, где можно будет спокойно над ними работать. Но на Ассарте такого места для нас не найдется.

— Но я же ни в чем не виновата! — воскликнула Леза.

— На этот счет могут быть и другие мнения. И, боюсь, они окажутся более близкими к истине. Знаете, как это будет сформулировано в обвинительном акте? Примерно вот как: «Воспользовавшись влиянием на Властелина, внушила ему мысль одновременного нападения на все миры скопления Нагор, вследствие чего вооруженные силы Державы оказались рассредоточенными, и...»— ну, дальше вы и сама можете представить.

— Но ведь это вы меня подговорили!

— Обо мне не печальтесь — мне наберут прегрешений не на один, а на десять таких актов — начиная с того, что я не дал убить себя в молодости. Не будем жадничать — обвинений хватит на всех. Ведь не кто иной, как уважаемый историк, подсунул тому же Властелину мысль о создании новой истории...

— Но я же не уговаривал его воевать ради этого!

— Нет, конечно. Вы — маленький мальчик, и полагали, что все охотно принесут вам все нужное на серебряном подносе. Только кто этому поверит? Конечно, решать каждый из вас будет за себя, но мой искренний совет — не теряя времени, бежать.

— Куда?

— В какой-нибудь мир подальше. Где не станут любить Ассарт потому, что он победит. Скорее, наоборот. Во всяком случае, я намерен поступить именно так. И не откладывая в долгий ящик.

— Нет! — сказала Леза.— Я вам больше не верю... Лучше мы признаем, что виноваты, но без умысла... Не может быть, чтобы с нами поступили очень жестоко!

— Да, разумеется,— согласился Миграт.— Представляю трогательную картину, как Жемчужина Власти Ястра прижимает вас к своей груди, а ваш животик — к ее собственному... Она ведь всегда относилась к вам с трогательной нежностью, не правда ли?

Леза понурилась.

— А вы, Композитор, бесконечно обрадуете Властелина Изара, объяснив ему, что воевать за историю не было никакого смысла, потому что искать ее надо было не где-то там, а тут, на месте. Надо полагать, он будет в большом восторге — если только забудет, что в драке за эту историю едва не лишился и власти, и жизни, и чуть ли не половина планеты лежит в руинах...

Миграт, возможно, ожидал ответа, но Хен Гот лишь пробормотал под нос что-то невразумительное.

— Самое же смешное заключается в том,— вновь заговорил Миграт,— что вы теперь можете выступать против этой идеи сколько угодно красноречиво — но никто от нее не откажется. Ни свежеиспеченные герцоги, графы и бароны, ни даже вся масса населения, которой нужно, необходимо что-то новое. Хотя бы в прошлом, если в настоящем создать его куда труднее. Эта идея оказалась сильнее вас, Хен Гот. И, пожалуйста, не говорите, что и в этом я виноват.

— Что же тогда делать с этим? — Историк поднял со стола несколько свитков и, разжав пальцы, позволил им упасть обратно.

— То, что вы уже начали. Работать. И ждать. Я жду власти много лет — и готов ждать еще столько, сколько понадобится. Советую и вам запастись терпением.

— Что же нам делать сейчас?— тихо проговорила Леза.

— Позавтракать. Как мне удалось услышать, вы успели проголодаться.

— К сожалению, у нас ничего нет. Мы не ожидали...

— Понимаю. Думать о последствиях каждого шага жизнь вас еще не успела научить. А пока этого не произошло — приглашаю вас разделить со мной мою скромную трапезу. Я запасся кое-чем, рассчитывая на долгие поиски. К счастью, вы, историк, сэкономили мне множество времени. Так что можете считать, что это угощение вами честно и безусловно заработано.

На столе, соседним с тем, где лежали рукописи, он открыл висевшую на плече сумку, вынул несколько свертков, бутылку.

— Красное Ратанское. Вы не испытываете к нему неприязни? В таком случае садитесь и угощайтесь. Ничего особенного — хлеб, сыр, окорок, зелень...

— О! — только и смогла воскликнуть Леза. Впрочем, сейчас она, наверное, съела бы что угодно.

Несколько минут все молчали. Потом Хен Гот не удержался от вопроса:

— Но как же вы рассчитываете покинуть Ассарт?

— Каналов сопространственной связи у меня, увы, больше нет,— ответил Миграт, прожевав кусок.— Остается общепринятый способ: на корабле.

— Вы надеетесь захватить корабль?

— Такой надежды у меня нет. Она была бы не к месту. Вы ведь понимаете, я надеюсь, что у меня на планете остались еще люди, сочувствующие мне? Я так и думал, что понимаете. Они тоже согласны ждать. А пока — помогут мне оставить на время эти негостеприимные края.

— Но вряд ли ваш корабль стоит тут — рядом с музеем...

— Было бы неплохо, верно? К сожалению, он достаточно далеко отсюда.

— Как мы туда доберемся?

— Поверьте — все эти проблемы я решил еще до встречи с вами. Хен Гот, укладывайте рукописи в сумку. У меня есть еще вот этот мешок. Берите побольше. Лучше увезем ненужное, чем оставим здесь что-то важное. Боюсь, что в следующий раз нам придется побывать здесь очень не скоро...

— Если вообще удастся,— тихо проговорил Хен Гот.

6

По подземному ходу идти было удобнее, чем лететь. И Охранитель шел — широкими шагами, почти бежал. Нетерпение оказалось сильнее рассудка.

Он упрекал себя в том, что находясь наверху, на Заставе, не удосужился внимательно рассмотреть Жилище Власти и все, что было вокруг него и под ним. Наверное, если бы он занялся этим всерьез, своевременно увидел этот подземный ход,— не понадобилось бы и затевать всю сложную операцию с войной. Пробраться в этот ход он мог бы и так. К сожалению, он был совершенно уверен в том, что интересующий его объект находится непосредственно во дворце и постоянно и бдительно охраняется. Магистр, правда, выражал сомнение в этом, но Охранитель не очень высоко ценил его осведомленность в том, что касалось внутренней жизни Жилища Власти.

Недоверчивость на этот раз подвела его.

Но — в конце концов — сейчас можно было уже и не сожалеть об этом. Потому что нужное место находилось тут, рядом, рукой подать...

С разбега Охранитель чуть не промчался мимо развилки. Но в последний миг заметил ее и свернул.

Вскоре он, опускаясь все ниже, заметил впереди слабый свет. Охранитель невольно замедлил шаг. Наступало мгновение воистину торжественное. И ему казалось, что он должен подойти к цели достойно и величаво, а не подбежать, подобно расшалившемуся мальчишке.

Наконец он вышел на освещенную площадку. Путь ему преградила каменная стена.

Это его нимало не смутило. Охранитель знал, как привести камень в движение.

Напрягаясь, чтобы взглядом передать всю свою собранную в единый луч волю, Охранитель обвел глазами каменную плиту, как если бы пытался вырезать ее лазерным резаком.

Потом, вытянув руки перед собой, послал мощный импульс энергии вниз — туда, где каменная плита граничила с полом. И представил себе, что он медленно, в предельном напряжении, поднимает эту глыбу вверх, освобождая проход. С радостью он увидел, что глыба действительно начала подниматься.

Значит, он все запомнил верно. Да и что удивительного: столько раз он проделывал все эти действия в мыслях...

Прошло несколько минут, и он чувствовал, что силы его уже на исходе, когда плита наконец поднялась до самого верха, и глухой стук сообщил ему, что она встала на предохранитель.

На несколько мгновений Охранитель расслабился. Не так легко оказалось сделать последние несколько шагов. Человек Сил, здесь, перед созданием неизмеримо более могучих умений и возможностей, он вдруг ощутил себя маленьким и незначительным элементом в сложной системе Мироздания. Прежде чем войти, надо было избавиться от этого стыдного ощущения.

Там, внутри, за открывшимся входом, было темно. Это удивило Охранителя: для его взгляда темноты не существовало. И тем не менее, он ничего не видел впереди.

Наверное, это было еще одно средство защиты. Стоит ему войти, и он увидит.

Он решился и вошел в проход. Почти наугад сделал несколько шагов. Тогда стало светло. И он увидел.

Трое стояли перед странного вида сооружением посреди обширного подземелья. Справа — Мастер. Фермер слева. И некто посредине.

Стоявшего в середине Охранитель никогда не видел. Но в свое время встречал подобных.

Это был Человек Высших Сил.

Охранитель понял, что он проиграл. Цель, к которой он так стремился, была сейчас защищена более чем надежно.

Но только ли затем оказались здесь эти трое, чтобы не подпустить его?

Он не успел как следует подумать об этом. Человек, стоявший посредине, протянул руку. И Охранитель почувствовал, как способность двигаться покинула его. Тело его словно окаменело. И ни владеть им, ни выйти из него было нельзя.

Человек заговорил. Голос его, казалось, заполнил всю громадную пещеру. Слова отражались от стен и ударяли в Охранителя, как будто он служил мишенью. Так он воспринимал их.

— Есть условие,— говорил Человек Высших Сил.— Наделенный Силой, пусть и наименьшей, не использует ее во зло и не помышляет об использовании ее во зло.

Человек Сил растит мир и Тепло везде, где он находится.

Человек Сил помнит, что без множества людей нет Тепла, нет развития Мироздания.

Человек Сил, стоящий перед нами — как соблюдал он эти условия? Скажут те, кто знает.

— Я знаю,— сказал Мастер. И вздохнул.

— Мир сложен,— сказал он после краткой паузы.— И не всегда устойчив. Мы, на уровне Сил, знаем это, но не более. Мы заняты прежде всего не Мирозданием, а людьми. Мирозданием ведают другие.

Он повернул голову к Человеку Высших Сил, и тот кивнул.

— Мы не знаем,— продолжал Мастер,— каков ритм опасных для существования Мироздания периодов и их продолжительность. Мы не знаем, где слабые точки Мироздания, воздействуя на которые можно потрясти Мироздание, а может быть, и разрушить его, позволив нашему пространству свертываться в высшем измерении вместе со всем, что его заполняет. Это ведомо и подвластно Высшим Силам.

Один из нас, принявший имя Охранитель, сделал содержанием своей деятельности охрану Мироздания не от тех процессов, которые действительно могут нанести ему ущерб, но от человека.

Он имел полное право на такие взгляды и действия — при условии, что они не поведут к нанесению вреда ни людям, ни Вселенной. Но он не имел никакого права на действия и даже на замыслы, приносящие вред.

Оставшись в меньшинстве, Охранитель надолго покинул наше Мироздание. Там, где он находился, ему удалось получить сведения об уязвимых местах нашей Вселенной. Близ одного из них мы находимся сейчас.

Ему удалось узнать, что к этой точке пространства, постоянно перемещающейся, поскольку и все пространство не является чем-то неподвижным,— к этой точке в качестве своего рода маяка издавна привязано небесное тело, которое мы сейчас называем планетой Ассарт. Мы ошибались, полагая, что люди возникли на Ассарте в результате нашего засева; они существуют здесь давно, появились гораздо раньше, чем считали мы, осваивая эту часть Мироздания. Правда, сами они об этом не помнят, поскольку уже давно заменили свою подлинную историю другой — сочиненной, которую, однако, считают истинной. На самом деле люди были поселены здесь как своего рода стража. Со временем они утратили представление об этом.

Но слабое место по-прежнему существовало и существует сейчас. И охрана его от всевозможных неожиданностей нужна так же, как и миллионы лет назад.

Однако Охранитель, узнав это, вознамерился использовать из-

вестные ему обстоятельства для того, чтобы сделать дальнейшую судьбу Мироздания зависящей от него.

Он решил поставить себя на место Высших и Наивысших Сил, хотя не обладает нужными для этого знаниями. Мало того: он, как теперь стало ясно, существует в противоположной этике. И это никак не может сочетаться с обладанием даже просто Высокими Силами, не говоря уже о высших.

К счастью для мира, он начал свои действия, когда опасный период развития Мироздания — очередной опасный период — близился к концу. Ему пришлось торопиться. Еще не зная сущности его замыслов, мы на Ферме почувствовали их несоответствие самой сути Сил, которые никогда не позволят себе натравливать одно множество людей на другое ради каких бы то ни было целей. И мы по мере возможностей, практически наугад, мешали ему.

Опасный период близится к концу. Но он еще не истек. И становится опасным, если Охранитель сможет пользоваться свободой действий в нашем Мироздании.

Вот все, что я хотел сказать.

— Фермер,— сказал Человек Высших Сил.— Что думаете вы?

— Мастер высказал наши общие мысли.

— Охранитель! Хотите ли вы ответить?

— Только то,— сказал Охранитель, собравшись с силами,— что под моей охраной эта точка была бы надежно защищена от всяких случайностей.

— Конечно,— согласился Человек Высших Сил.— Потому что ваши намерения никак не назовешь случайностью.

— Я, Человек Сил, был несправедливо лишен своей области Мироздания! Все началось с несправедливости.

— Мы помним все о вашей деятельности. Десятки вымерших планет. Иные из них безлюдны до сих пор. Вы были не только неправы, Охранитель; вы были еще и жестоки. К людям. К Жизни, частью которой сами являетесь. Несправедливости не было. Была снисходительность. Сейчас нам приходится о ней пожалеть. Наверху, над нашими головами, люди убивают друг друга. Мы больше не можем быть снисходительными.

— Возможно, я в чем-то ошибался...— нехотя выдавил из себя Охранитель.

— У вас будет время подумать об этом.

— Вы... отпустите меня?— недоверчиво спросил Охранитель.

— Что же еще можем мы сделать?

— Да,— сказал Охранитель.— Конечно. Никто из нас не подвержен смерти.

— Вы правы. Я сказал: у вас будет время подумать. Хочу до-

бавить лишь: у вас не останется возможности осуществлять ваши замыслы.

— Я понимаю...— пробормотал Охранитель.

— Еще нет. Но вскоре поймете.

После этих слов Охранитель ощутил, что снова владеет своим телом.

— Я могу уйти?

— Разумеется. Мы сказали вам все, что хотели.

Охранитель повернулся. И выбежал из пещеры в узкий ход, более не думая о величии.

Пятеро гуськом шли по спрятанному под землей ходу, приближаясь к Жилищу Власти.

— Ты уверен, Никодим?

— След его ощутим. Недавний. Он где-то здесь.

— Что ему тут делать?

— Может быть, решил ворваться в Жилище, поднять панику...

— Какой в этом смысл — сейчас, когда они сложили оружие?

— Может быть, он еще не знает.

— Тсс! Навстречу бежит кто-то...

— Никодим! Может, ты различишь?

— Это он! Он!

— Будь он неладен! В такой темноте...

— Да что ты! Тут и захочешь — не промахнешься.

— Рука, Питек! Приготовьтесь! Пахарь, это точно он?

— Теперь уже совершенно точно.

— Где он?

— Еще два колена... Теперь одно. Короткое.

Пятеро остановились. Питек опустился на колено, Гибкая Рука остался стоять. Оба натянули луки, наложили стрелы.

Частые шаги приближались. До изгиба было метров десять.

Оба спустили тетиву одновременно, едва Охранитель выскочил из-за поворота.

Обе стрелы попали в цель. Он упал ничком, повернулся на бок и затих.

— Готов,— сказал Уве-Йорген, подойдя и нащупав тело.— Идем.

— Нелья,— возразил Иеромонах.— Нельзя так бросить. Все же был человеком.

— Что же нам — тащить его на себе до самой улицы?

— Иначе нельзя.

— Вот еще забота...

— Нет, Пахарь прав.

— Ладно. Где тут руки, где ноги... Я взялся. Подняли?

Но поднимать не пришлось.

— Э, да он жив!

И в самом деле, Охранитель встал. Постоял, пошатываясь. И, не оглядываясь, минуя стоявших, зашагал к выходу.

— Значит, не суждено ему так умереть,— сказал Никодим.— Ну что, братья: пожалуй, отправлюсь восвояси. Похоже, дело свое мы сделали. Увидимся на Ферме. Вы тоже не медлите.

— Вот только захватим капитана.

— Питек, отчего же он не пришел, кстати? Хотел ведь?

— Эла появилась. Он и остался. Сказал — на Ферме с ней не очень поговоришь. У Мастера свои правила.

— Это верно. Значит, жду вас там.

— Счастливо, Никодим. Лети с миром.

— Пребудьте с миром,— ответил Иеромонах.

Корабль стартовал с отдаленного маленького частного космодрома. Скромный кораблик увозил в неизвестность трех человек и историю целого мира.

— Прощай, Ассарт,— грустно проговорила Леза, глядя на экран, на котором быстро уменьшалась планета.

— Скажи «до встречи»,— посоветовал Мигрaт.— Так будет вернее. Как сказано — пусть возвратится убийца и войдет в дом свой.

— Что-то нас ждет?— вполголоса спросил Хен Гот — кажется, самого себя.

— Судьба,— ответил Ублюдок Власти.

Человек вышел из подземного хода и долго стоял, озираясь, не понимая, куда он попал.

Здесь больше не стреляли. Неизвестно откуда взявшиеся люди несли раненых, складывали во дворе тела.

Опасливо обходя мертвых, человек вышел на улицу. У первого попавшегося спросил что-то на совершенно непонятном тому языке. Житель Сомонта пожал плечами, развел руками и поторопился отойти.

— Чего он хотел?— спросил его спутник.

Они подняли с мостовой очередное тело.

— Ни слова не понял. Да это и не язык. Спятил, наверное.

Человек шел по улице дальше. Обломки стрел торчали из груди. Машинально он нащупал их и вырвал, один за другим. Бросил на мостовую.

Расчисткой улиц занимались и сдавшиеся бойцы Коалиции.

— Смотри-ка! — один из них подтолкнул локтем другого.— Кто идет!

— Кто?

— Ну, тот самый, который нами командовал в атаке! Видно, переживает поражение, лицо-то какое!

— Ну и черт с ним,— сказал второй и сплюнул.— Потащили!

Люди Сил не умирают физически. Они лишь возвращаются в Планетарное состояние, в котором становятся подверженными всем ударам судьбы.

Они еще не наговорились. Не хватило времени. Да и будь его вдесятеро больше, все равно не хватило бы.

— Ты скажешь ей, что встретил меня?

— Обязательно! Она ведь знает, что мы так или иначе должны встретиться... Она будет рада, когда я расскажу.

— Я очень хочу... но нельзя торопиться. Наоборот. Так что ты береги ее. И скажи, что я просила беречь тебя. А сейчас... кажется, мне пора.

— Уже?

— Я ведь тут с Мастером. Он строг. Ты знаешь.

— Знаю.

— Ты заедешь на Ферму?

— Да. Ненадолго. А потом домой.

— Соскучился по ней?

— Здесь — по ней. Там — по тебе. У меня вас всегда было двое.

— Да. Я помню. Что же — лети туда, на Землю... отдыхай.

— Там сейчас не очень-то отдохнешь. Хотя и здесь не курорт. Слушай, Эла... Как ты думаешь — здесь все закончилось?

— Откуда мне знать?

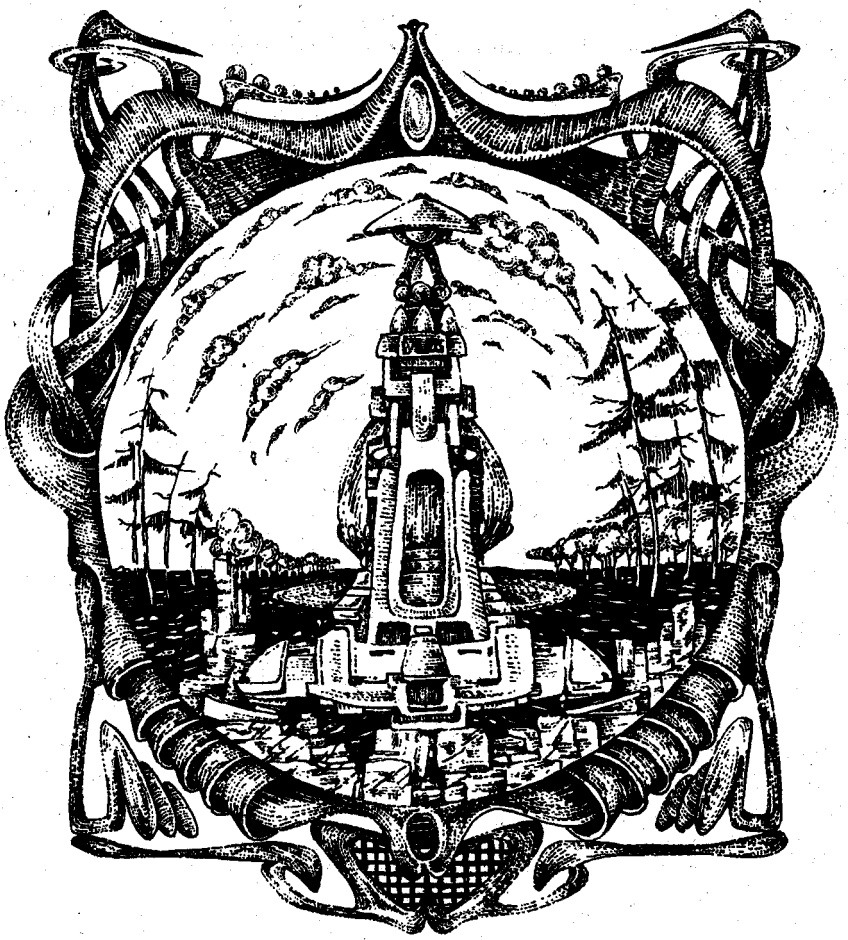
— А как ты чувствуешь?

— Чувствую — вряд ли.

— Вот и мне кажется, что многое еще впереди.

— Значит, скоро опять увидимся?

— Значит, скоро,— сказал Ульдемир.

СТЕБЕЛЕК
И ДВА ЛИСТКА

Он смотрел на индикатор параллельности осей. Сейчас параллельность явно переставала быть эвклидовой, оси так и подмывало пересечься. И не где-нибудь в математически искривленном пространстве. Тут, в пределах спейс-координатора.

Потерять в сопространстве параллельность осей — это хуже, чем оказаться в открытом море без компаса. Там хоть звезды стоят на положенных местах. Можно определиться. А тут различи, где звезда, где — сопространственная проекция. И нужно же быть такому везению? Приключилась напасть именно здесь, а не в своем родном пространстве. Если вовремя не привести Координатор в чувство, заедешь туда, откуда потом за три года не выберешься.

Что же это он так? Вроде все дышит нормально, ресурса полный мешок, и захочешь — не выработаешь, а вот машина киснет прямо на глазах. Ну, технари, ну, корифеи, ну погодите, доберусь до вас, небо вам не с овчинку покажется, а с дамский платочек кружевной, только пахнуть будет другими духами...

Так вел себя Юниор в раз и навсегда усвоенной небрежной манере — мол, нам все нипочем; кое-что произносил вслух, другое про себя. Вслух — в основном слова выразительные, которые про себя и смысла нет произносить, потому что тогда от них никакого облегчения. Руки тем временем работали сами собой: спокойно, без суеты, врубали одну контрольную цепь за другой, проходили контур за контуром, пока корабельный диагност, поигрывая огоньками, решал ту же задачу своими методами. Тут — порядок. И тут. Порядок. Норма. Но ведь где-то беспорядок: оси-то, словно в ритуальном танце с планеты Зиндик, все трясутся, и каждая в свою сторону. Опять норма. Норма и здесь.

Да уж скорей бы, что ли, найти,— подумал Юниор с неожиданной тоской.— Пусть что угодно, только побыстрее. Только не в самом конце. Потому что в конце — Кристалл. А если это Кристалл, то, увы, без вынужденной — никак. Мало в корабле таких деталей, с которыми нельзя справиться в сопространстве, да и в своем пространстве тоже, для которых нужна точно фиксированная и направленная гравитация. Мало. Но они есть. И Кристалл из них, пожалуй, самая зловредная. Потому что... Ну, потому что Кристалл есть Кристалл, что тут объяснять.

Да,— сообразил он наконец минут через десять.— Так я и знал. Кристалл, конечно, а что же еще? Все другое ниже твоего достоинства. Это у других могут выходить из строя какие-нибудь синхронизаторы, магнитные линзы, может нарушаться синфазность... Это все не для Юниора. У Юниора если что и летит, то уж никак не менее, чем Кристалл. Зато разговоров — по всей Дальней разведке. А как же! Кто ас Дальней? Юниор. Кто представитель славной династии разведчиков? Юниор, конечно. Потому он и Юниор, то есть младший, есть и старший — Сениор, благополучно здравствующий отец. Кто садился на Медузе? Юниор. Кто, кто, кто?.. Юниор, Юниор, Юниор. И наконец, кому поручают теперь идти на контакт с Курьером? Ему, кому же еще. То есть ищут контакта и другие. Но все как-то привыкли думать, что найдет он. Ну и найдешь?

Черта с два тут найдешь,— раздражался Юниор.— Что, кроме седых волос, можно приобрести, если у тебя плывет Кристалл? Тут пошли бог местечко для вынужденной. Что-нибудь такое, на что сесть можно. Планетку с твердым грунтом. С гравитацией в пределах нормы. Хотя такой же эффект можно, конечно, получить в равноускоренном полете, но лететь-то без Кристалла нельзя, в этом вся суть... Сам Кристалл невелик, но, чтобы его вырастить, нужна уйма исходного материала. Так что думай не думай, а садиться придется.

Веселый разговор,— усмехнулся Юниор.— Еще никто и никогда не шел на вынужденную в сопространстве. Снова ты первый. Но, честное слово, не колеблясь отдал бы этот приоритет за далекую, пусть самую неуютную, никуда не годную планетку — только бы она была в своем пространстве, а не в этом молочном киселе. Но делать ре-переход без Кристалла, это... да нет, это и сравнить не с чем, нет такого сравнения.

Значит, садимся. Гравиметры показывают, что какие-то тяготеющие массы имеются. Посоветуемся с Умником. Зададим ему задачку. Такую: меняю Кристалл с нарушенными связями на планету с напряжением поля гравитации от одного до одного и двух десятых «же», жидких и сплошь скалистых не предлагать... Опти-

мальную рекомендацию дадим прямо в машину. Все равно выбирать будет некогда: координатор агонизирует. Решено? Решено. И больше никаких эмоций.

* * *

Лиловая неравномерная полумгла лежала на равнине, и эта странная неравномерность создавала впечатление неровного рельефа. На самом же деле плато было гладким, как олимпийский каток, тонкий песок покрывал его, скрипучий и как бы причесанный; параллельные и частые линии тянулись, насколько хватало глаз — следы ветра, вероятно. Сейчас стояла тишина, темное небо было как будто безоблачным — однако ни звездочки в нем не было, не на чем задержаться взгляду. Свист посадочных антигравов словно впитался в песок, и безмолвие заполнило все вокруг. Лишь в корабле временами пощелкивало: оказавшись в новой обстановке, он приспосабливался к ней, анализировал, делал выводы и принимал меры, вырабатывал режим, в каком теперь предстояло действовать. Созданный для движения, корабль, обретя неподвижность, с каждой минутой все больше врастал в окружающее, становился органичной его частью. Без корабля здесь казалось бы пусто; он стал центром, естественной точкой отсчета в этой части планеты, маяком, на который можно было держать курс. Только вот некому было.

Глуховатое местечко,— подумал Юниор.— И, судя по тому, что было видно во время облета,— такая благодать на всей планете. Теннисный мячик Господа Бога, далеко выбитый неверным ударом, затерявшийся и навсегда выбывший из игры. О жизни здесь и не слыхивали. Не мертвая планета, нет, не родившаяся, так вернее.

Он сидел на корточках, разгребая затянутыми в перчатки ладонями податливый песок, не влажневший с глубиной. Сушь. В воздухе ни следа водяных паров. Идеальный климат для легочников — если только они не дышат кислородом. Под этим песочком — каменная плита. Корабль уже взял пробы. Можно не волноваться: мы не провалимся. Надежный грунт. И что ни говори, приятно побродить по чему-то такому, что не есть палуба.

Итак, что у нас для полного счастья? Гравитация. Покой. Песок. Воды, правда, нет. Ничего, мы ее наделаем сколько понадобится, кислорода полно под ногами, водород есть в атмосфере — показали анализы. Тепло, триста по Кельвину. Жаль, без скафандра не выйти. Хотя — еще посмотрим. Вот без дыхательного аппарата, это уж точно, здесь и шага не сделаешь. Ладно. Не привыкать.

Странный свет какой-то. Ни день, ни ночь. Где светило? Не видно. Но быть-то оно должно, на это температура указывает. Правда, подлетая, мы не видели ничего такого, что можно было бы назвать солнцем. Может, это периферийная планета, с которой солнце видится маковым зернышком, как наше светило с Плутона? Но откуда тогда тепло? Для вулканических процессов планета вроде старовата, тогда поверхность ее не была бы столь гладкой. Ядерный разогрев? Но уровень радиации в норме. Ладно, пока планета будет поворачиваться, гравиметры что-нибудь да нащупают. Кстати, с какой скоростью она вращается? Пока не известно. Уравнение, в котором одни только неизвестные.

А, собственно, зачем тебе все это? Сели хорошо. Мешать никто не станет. Работай, сколько душе угодно. И спи спокойно. Ноль опасностей. Ни тебе тигров, ни микрофлоры. Стерильно.

Юниор усмехнулся уголком рта. Сна-то ведь лишаешься чаще не от опасностей. Да...

Он отошел подальше, сделал круг, охватывая корабль взглядом. Тот вроде бы колебался в неверном лиловом свете. Мрачноватые места, прямо скажем. Давят. Настроение тоже становится каким-то лиловым. Некие оси разлаживаются в психике, как в координаторе. Этого нельзя позволять себе. Не за этим летели.

Ничего, мы все это в два счета наладим. «Мы»— он имел в виду себя и корабль. В два счета. Каждый счет — по семь нормальных суток. Столько растет Кристалл: две недели. Так что не будем терять времени.

Неприятный все же полумрак. Сейчас установим выносные, устроим иллюминацию. Дальше программа такова. Наладить получение сырья. Посадить семечко. Демонтировать старый Кристалл — вернее, ту манную кашу, в которую он превратился,— хватит времени, пока будет расти новый. Сделать положенную проверку и обслуживание механизмов и устройств. Рекогносцировку местности можно и не предпринимать, но Юниор проведет ее, он не привык отступать от законов Дальней разведки. Но это — позже, когда главная работа уже пойдет.

Хорошо бы, конечно, сообщить что-нибудь на базу. Жаль, что отсюда это немыслимо.

Даже всепроницающее параполе, на котором только и возможна эффективная связь в пространстве, на границе сопространства отражается, не проходит. Зафиксировав, что он не вынырнул в своем мире в назначенное время, на базе забеспокоятся. И будут беспокоиться две недели.

Тут он ничем помочь не сумеет. Люди никак не привыкнут к тому, что, какие бы ужасы им ни мерещились, с Юниором ничего не случается, кроме мелких неприятностей. Не на тех он дрожжах замешан. Он — на батиных дрожжах.

* * *

Батя, великий Сениор, откуда только не вылезал. И так воспитал сына: выбираться отовсюду, независимо от того, можно вообще оттуда выбраться или нельзя. Другие нет, а ты сможешь — так учил батя. И показывал на личном примере. Когда Дальняя разведка была еще младенцем, Сениор одним из первых стоял у ее колыбели.

Вопреки всем прогнозам, батя благополучно долетал до весьма и весьма зрелого, мягко выражаясь, возраста. И когда он вернулся из последнего своего полета, его вовсе не сводили по трапу под руки, как патриарха; он, как всегда, прогрохотал по ступенькам сам, едва касаясь их каблуками, маленький, нахально задиравший голову, острый на язык. Никто в тот миг не подумал, что Сениор пришел из своего последнего рейда: казалось, его хватит еще надолго. Но больше он не полетел. Почему — точно никто не знал. Хотя легенды, конечно, ходили. Вплоть до того, что явилась, мол, к нему во сне покойная мать и строго сказала: «Витя, пора и честь знать».

Ближе всего к истине был, пожалуй, такой рассказ: будто пришел он к шефу Дальней и за традиционной чашечкой кофе как бы между прочим сказал: «Слушай, Пират, где сейчас мой хулиган — далеко?» Шеф показал где. Сениор сказал: «Вызови его, будь добр».— «А что?»— поинтересовался шеф, слегка тревожась. «Хочу передать ему мою машину. Если у тебя нет возражений против такой кандидатуры». Шеф прищурился, Сениор тоже. Минуту они смотрели друг на друга, потом Сениор сказал: «Ну. Я свое отлетал». Шеф якобы не стал спрашивать, что да почему: у этих людей не принято было требовать мотивировки, как не требуют ее у человека, идущего на смертельный риск. Сениор только добавил: «Надо кой о чем поразмыслить на покое». Тогда Пират сказал: «Тут у нас есть местечко старшего советника...»— «Спасибо,— ответил Сениор,— но мне сейчас не советы давать, мне сперва самому бы разобраться».— «Это ты психуешь оттого, что упустил Курьера?— поинтересовался шеф.— Все равно ведь надо его искать». Сениор пожал плечами: «А кто говорит, что не надо? Но я полагаю, что мой хулиган не подведет». И дело с концом. Вот такие ходили легенды, да. Юниор, может быть, знал об этом чуть больше. Но народному творчеству не мешал: как людям нравится, так и будут рассказывать, да и в конце концов разговор не записывался. На самом деле он был, конечно, намного серьезнее, и после него программа поисков контакта с Курьером была пересмотрена и кое в чем основательно изменена.

После этого собеседования патриархов Юниора вызвали с той самой планеты Зиндик, где умные люди вот уж несколько лет пы-

тались установить взаимопонимание с местным населением — и все никак не могли, потому что туземцы вели себя так, словно никаких людей и на свете не было, в упор не замечали. Что уж тут было думать о контакте. Юниор едва успел познакомиться с обстановкой и только-только начал что-то соображать, когда его отозвали, и он так до конца ничего и не додумал.

Батя долго и тщательно вводил сына в курс дела. Знакомил с машиной. Право свободного поиска Юниор имел и раньше, но корабль высшего класса получил впервые, так что пришлось снова походить в учениках. А потом Сениор уже вчистую вышел в отставку. Но вместо того, чтобы с достоинством диктовать мемуары знакомому литератору, который сделал бы из этого материала что-то пригодное для чтения, Сениор поселился в глухом уголке и стал выращивать цветочки и прочую зелень. Юниору, откровенно говоря, этот последний этап отцовской биографии не очень понравился. Может быть, потому, что был в этом некий стандарт, а батя всю жизнь поступал нестандартно; а возможно, временами чудился парню и какой-то признак старческой немощи, чуть ли не сенильного слабоумия. Хотя сын наверняка знал, что Сениор остался прежним и не сдал ни на миллиметр. Обидно было, что кое-кто из знавших Сениора более по легендам, чем по личному знакомству, усмешливо пожимал плечами, когда имя ветерана всплывало в разговорах. А ведь во время тренировочных полетов Юниор не раз ловил себя на том, что завидует отцу, его опыту, уверенности и точности. Он пытался серьезно поговорить с батей на эту тему: они как-никак династия, род, громкая фамилия. Сениор только ухмылялся и продолжал копаться в земле.

— Да ведь что с них взять,— сказал он сыну, когда Юниор пришел повидаться («попрощаться»— они принципиально не говорили) перед первым серьезным вылетом по заданию — вот этим самым.— Что с них взять, сын. Они мыслят в иной плоскости.

— Значит, я тоже мыслю не в той плоскости,— заявил Юниор, не желавший улетать без полной ясности во всем, что касалось отца.

— Это совершенно естественно. И плохо. Потому что мыслить надо не в плоскости, а в объеме.

— Привет, папа!

— Привет.

— Ну, так дай мне объем — чтобы я хотя бы понимал, почему ты поступаешь так, а не иначе.

Сениор разогнулся — дело было в саду — и оперся на мотыгу.

— Не возьму в толк, что тебя так волнует. Я, как видишь, в полной безопасности, веду здоровый и нравственный образ жизни.

— Гм,— сказал Юниор.

— Именно,— повторил отец.— Нравственный, но здоровый

образ жизни. Тебе понять это не легко: в юности нравственность, к сожалению, не котируется. Однако ты можешь лететь в полной уверенности, что по возвращении найдешь меня на этом же месте.

Но на сей раз Юниор твердо решил не отступать.

— Послушай,— начал он,— попробуй отнестись ко мне серьезно. Район предполагаемой встречи с Курьером определен довольно точно, и у меня есть шансы первым вылететь на поиски.

— Только не задирай носа,— предупредил отец.— И, как писал один почитаемый мною старинный писатель, лучше говорить не «я сделаю», а «я сделал».

Нравоучение Юниор пропустил, конечно, мимо ушей.

— Значит,— продолжал сын,— я должен быть готов ко всякого рода неожиданностям. Никто ведь не знает, как будет протекать контакт с Курьером, если он состоится. И важна любая мелочь.

— Иногда,— заметил отец,— ты мыслишь вполне приемлемо.

— Но у меня есть подозрение, не обижайся, что все твои последние действия: и то, что ты ушел из Дальней, и твои ботанические увлечения связаны именно с Курьером.

— Думать никому не возбраняется,— невозмутимо ответил отец.— Я не скрываю ничего, что могло бы тебе пригодиться. Ты идешь в поиск снаряженным куда лучше, чем в свое время шел я. Будь у меня в тот раз Комбинатор в трюме, может быть, тебе не пришлось бы сейчас искать то, что я тогда потерял.

— Значит, все-таки тут замешан Курьер!

— А я и не отрицаю.

— Тебе обидно, что он тогда не пожелал с тобой разговаривать?

— Может быть, я и обиделся, но ненадолго. А потом стал думать. И пришел к некоторым выводам. То, что могло пригодиться, я доложил. То, что оставил при себе, касается только меня.

— И один из твоих выводов воплотился в Комбинаторе?

— Комбинатор — это не я, а Георг. Он начал работать в этом направлении задолго до того, как мы узнали о Курьере. А мне пришло в голову, что мы можем использовать его работы при установлении контакта. Главное — не просто найти Курьера; они мелькают не так уж редко, ты сам знаешь. Главное — чтобы он захотел с тобой разговаривать. Стой! Ты что!

Юниор в недоумении огляделся. Он всего-то и сделал, что отступил на шаг.

— Ты что, не видишь? Ведь растет! А ты чуть каблуком не влез.

— Папа,— ответил Юниор как можно спокойней,— стоит ли так волноваться из-за какого-то пучка травы...

— Это не трава, а щитовник. А ты попробуй вырастить на этих камнях хоть былинку.

— Неужели ты не мог найти землю получше?

— Получше? — переспросил Сениор.— Получше-то и всякий дурак... Нет, а ты вот на камне, на голом камне... Так что осторожнее, сынок. Пусть даже отец у тебя с придурью — стариковские придури надо уважать. Да, о чем мы?

— О выводах, которые ты оставил при себе. Я понимаю, они, так сказать, твоя личная собственность. Но я все же сын тебе.

— И наследник,— усмехнулся Сениор.— И претендуешь... Да мне ведь не жалко. Только, прости, боюсь, что не в коня корм. Ладно... Ты пытался когда-нибудь задуматься: а почему мы с такой жадностью ухватились за померещившуюся возможность контакта, почему с такой настойчивостью ищем?

— Это ведь ясно...— сказал Юниор несколько растерянно.

— И что же тебе ясно?

Юниор немного подумал.

— Прогресс,— сообразил он.— Движение вперед.

— До сих пор мы вроде бы не вспять двигались! Разве есть у нас сейчас какие-то острые научно-технические проблемы, которые мы, человечество, не в силах сами разрешить?

— Нет,— ответил Юниор, подумав.

— Какие-нибудь проекты космического переустройства, которые мы не можем осуществить в одиночку, без компаньонов?

— Откуда им взяться?— сказал Юниор.— Мы проектируем, исходя из своих сил и возможностей.

— Тогда зачем же нам контакт? Вижу, ты об этом не задумывался. Да и я тоже. Потому что для нас, разведчиков, задача сама по себе интересна, в ней даже немалый азарт: искать и находить. Это увлекает настолько, что уже не думаешь: а чего ради искать?

— И к каким же выводам ты пришел?

— К разным. С одной стороны, мы благополучны. Я бы сказал даже — предельно благополучны. Проблемы прошлого решены, в настоящем — частные вопросы, которые мы успешно решаем. И все же...

Он помолчал, поднял комочек земли, растер в пальцах.

— И все же нам не очень хорошо. Нам немного не по себе. Ты никогда не чувствовал этого? Мы создали сложнейшую по уровню техники цивилизацию. Зачем? Мы об этом не очень-то задумывались, главное было — создать, остальное, считали мы, придет само собой. Оно не пришло. Умножая и усложняя, мы что-то потеряли. И не знаем что. Мы живем в необычайно сложной модели мира, которую сами и породили. В необычайно, неоправданно сложной. Мир должен быть проще, чтобы суть его мог постичь каждый. Только такой мир может быть единым. Но, как ни странно, в этой нашей — ну, беде не беде, но неувязке нам самим очень трудно разобраться. Основа ее ведь не в конституции этой модели мира, а в нас! Каждый из нас является маленьким слепком этого мира и

не может просто взять и понять, что — так, а что не так. Это гораздо легче сделать со стороны. На свежий взгляд. Но пока мы одни, смотреть на нас некому. И мы ищем того, кто мог бы...

— Думаешь, это так важно?

— А ты считаешь, представление о боге возникло у человека на пустом месте? Не чувствовать себя одиноким — вот что ему *нужно было. С кем-то советоваться* время от времени: так ли я делаю, так ли понимаю? Ну ладно, боги — дело прошлое. Но потребность осталась. И в ней нет ничего унизительного или ненормального. Ты ведь не считаешь для себя унизительным искать чьей-то дружбы или любви? И для человечества в целом это чувство столь же естественно...

— Погоди,— остановил отца Юниор.— Может быть, все это и справедливо. Но какое отношение эти мысли имеют к твоему уходу из Дальней?

— Курьера я упустил. И не по своей оплошности. Причина серьезнее. Тут сыграло свою роль нечто во мне, такое, что есть в каждом из нас. Поскольку на этот раз возможный друг ничего определенного мне не сказал, я стал думать сам. И дело показалось мне настолько важным, что его нельзя было делать в рейде. Думать надо дома, на Земле.

— Не знаю,— сказал Юниор.— Наверное, все это разумно и важно. Но не для меня. Мое дело — найти. И разве так важно — зачем? Зачем люди придумали Комбинатор? Чтобы убедиться: то, что мы создаем, дает нам громадные возможности. То, что мы создаем — прекрасно. Мы творим другую Вселенную, иногда буквально из ничего. Ты, может быть, скажешь, что я чересчур любуюсь этим? А почему бы и нет, что в этом постыдного? Мы это сделали, мы умеем этим пользоваться и демонстрируем это сами себе, а если встретим других — покажем им тоже. С тобой тогда потому не стали говорить, что не признали в тебе равного: слишком уж непрезентабельно ты был снаряжен. Мы способны на большее.

— Вы с Георгом — два сапога пара...— проворчал Сениор. Он сомневался, казалось, стоит ли продолжать разговор. Все же проговорил в конце концов: — Не знаю, так ли это было, как тебе представляется. Сдается мне, весь ход событий заставляет думать иначе. Началось с того, что меня окликнули по параполю, очень четко и недвусмысленно. Тебе ведь знакомо состояние, когда вызывают таким способом: необычайное внутреннее напряжение — и полная расслабленность тела. Это ни с чем не спутаешь.

Юниор кивнул. Это состояние он знал прекрасно.

— Он сказал мне: готов со мной разговаривать, если я могу выступить в качестве представителя цивилизации. Я сказал, что не являюсь одним из наиболее авторитетных. Он ответил, что понимает это, но говорить с находящимися на Земле трудно: слишком

много помех связи и что разговор со мной будет носить предварительный характер... Я, понятно, согласился. Он дал мне координаты Анторы. Приблизившись, я убедился: сигнал действительно идет оттуда, хотя сверху никаких признаков пребывания там какой-то экспедиции не заметил. Но сигнал шел из определенной точки. Значит, Курьер был там. И он пригласил меня сесть на Антору.— Сениор помолчал.— Ты ведь бывал там. Потом.

— Да. Видел «Просеку Сениора».

Старик насупился.

— О просеке не надо. Дойдет черед и до нее... Одним словом, раз ты бывал там, то соображаешь: на Анторе нельзя было найти хотя бы пятачок, на котором чего-нибудь да не росло.

— Говорят, все ботаники мечтают, если не удастся при жизни, то хоть после смерти попасть именно туда. При жизни это удается немногим избранным.

— Да, ботанический рай... Но садиться там плохо. Я все же сел. Сошел с трапа — и уткнулся в стену. Стену стволов, переплетенных лианами, лиан, пронизанных кактусами, кактусов, щетинящихся шипами. А шипы со слоновий бивень и острые, как осиное жало; увешаны длинными, находящимися в безостановочном движении диковинными ветвями... Представь, что на Земле в свое время динозавры не погибли, а остались, съедая и топча все, что могло дать начало более совершенным родам и видам. На Анторе, мне кажется, именно это произошло с растениями. Они захватили все, и для других не осталось места. Короче, я сел и понял: с моим снаряжением тут делать нечего; опустись я даже в двухстах метрах от искомой точки, я не одолел бы эти джунгли и за полгода. Он все это время был на связи со мной. Я откровенно ему признался, что не вижу способов до него добраться. Он ответил в таком духе, что если мы, мол, настоящая цивилизация, то это не должно составлять для нас проблемы. Тогда я стартовал, нырнул в сопространство и вынырнул у базы. Там мне дали все, что я просил.

— Трюм-три.

— Комплекс номер три для освоения тяжелых планет.

— Я и сейчас вожу его с собой.

— Не совсем то. Потом уже я позаботился, чтобы набор несколько изменили. Короче, набил механизмами весь трюм. И думал, что решаю этим сразу две задачи. Первая — пробиться туда, к ним. И вторая, попутная: показать им, что мы достойны всяческого уважения, ибо отнюдь не являемся слабенькими. Сила, прежде всего сила — наш девиз с давних времен... Я вернулся на Антору. Курьер был там. Я постарался сесть поблизости. Но не вплотную: следовало думать и об их престиже, чувстве безопасности и так далее. А кроме того, надо было показать, что для нас не существует проблем такого рода.

— Наверное, ты был прав.

— Тогда мне тоже так показалось. На этот раз я мог расчистить площадку для себя в любом месте. С этого я и начал. Ну, ты представляешь, как это выглядело...

* * *

Юниор представлял. Он словно наяву увидел, как снижавшийся корабль завис, уравновесившись антигравами, над апокалиптическим хаосом джунглей; как подал положенную серию предупреждающих сигналов лучом и звуком, помедлил — и тут из опоясывавшего нижний корпус кольца один за другим устремились вниз свернутые тугими бубликами разряды, ослепительно яркие даже при дневном свете, красноватом на Анторе. Операция ноль, расчистка места для посадки. Импульсы шли частой чередой, взвивалось пламя, языки его поднимались выше самых высоких деревьев, внизу оглушительно шипело и фыркало, взрывалось, трещало, грохотало, извивалось, корчась в огне, сплеталось еще туже, закипали соки, затем все обугливалось, распадалось, оседало на грунт мелким порошком пепла, сквозь который со свистом прорывались гейзеры раскаленного пара, временами закрывавшего все происходящее черно-белой пеленой. Так продолжалось, должно быть, около получаса. Потом импульсы прекратились, пелена понемногу разошлась, стала видна оплавленная, отблескивавшая под солнцем, изборожденная трещинами почва — твердое покрытие, на которое можно было садиться без малейшей опаски. Корабль плавно скользнул вниз и мягко сел. Вершина его поднималась над уцелевшим лесом, словно бы почтительно отступившим в сторону.

Затем со звоном отскочили крышки люков, площадки грузовых подъемников медленно выползли, неся на себе то, что следовало пустить в дело сразу же. Не было никаких перерывов, расчетов, каждый механизм, обладавший своим кристаллическим мозгом, действовавший по единой программе, немедленно включался в работу. Направление было определено заранее, вспыхнули длинные лучи, рассекавшие у основания стволы любой толщины вместе с опутывавшими их лианами; тесно сплетенные деревья еще не падали, опираясь на всю массу стоявших рядом, но лучи четко очерчивали периметр будущей просеки, покачиваясь в вертикальной плоскости, отсекая все лишнее в намеченном пространстве, и в конце концов то, что было обречено на разрушение, начинало рушиться. Но не успевало коснуться почвы: громадные челюсти впивались в толстенные кряжи, вырывали их, швыряли в жадные глотки утилизаторов. Там ритмично, по мере заполнения бункера, вспыхивало бурлящее пламя, и в несколько секунд содержимое

превращалось в золу, которая засасывалась в трубу и попадала в чрева машин следующего звена; те, в свою очередь, выбрасывали вперед, под гусеницы передних, черную, почти мгновенно застывавшую массу, образованную в реакторах, где и пепел, и не сожженная часть древесины, переработанная параллельным рядом машин, разложенная на элементы и вновь синтезированная в других, нужных комбинациях — перемешивались и становились готовым дорожным покрытием.

Ничего принципиально нового во всей этой технике не было, она поражала воображение скорее слаженностью действий всего множества машин и размахом работы. Вся система, весь комплекс-стри, катя перед собой волну грохота и пламени, двигался со скоростью нескольких метров в минуту по готовой, возникавшей под ним дороге; последними в колонне ползли бочкообразные криогены, понижавшие температуру уложенного пути до такого уровня, что по нему можно было пройти босиком. Никто, однако, не собирался пользоваться здесь таким способом передвижения; когда машины комплекса углубились в дебри метров на сто, грузовая площадка корабля, снова опустившись, позволила скатиться на новую дорогу верткому вездеходу, и это была единственная во всем комплексе машина, которой непосредственно управлял человек. Единственный на всем корабле: сам Сениор.

* * *

— Немного часов мне понадобилось, чтобы добраться до нужной точки таким способом,— сказал Сениор сыну.— И за все это время не возникло ни малейшего препятствия, какое можно было бы отнести за счет вмешательства разумной противоборствующей силы. Я мог делать с лесом, со всей планетой все, что хочу. Лишь когда я был у цели, Курьер снова заговорил. Очень спокойно он произнес нечто вроде: «Сожалею, но разговор наш оказался бы преждевременным. Придется отложить его». Я, откровенно говоря, растерялся. Подумал, что напугал его. Стал заверять, что для них наше могущество никакой опасности не представляет, что мы — гуманная, цивилизованная раса... На это он ответил: «Еще нет. Но мы обождем». Я успел только спросить: «Когда, где?..» И в ответ услышал: «Когда убедимся, что вы владеете и второй стороной процесса». И все.

— Помню, ты об этом докладывал Дальней.

— Разумеется. Но у вас большинство склоняется к мысли, что они испугались и что слова его надо истолковать так: умели напугать — умейте и успокоить. С тех пор мы стараемся повсюду вести себя крайне осмотрительно. С планеты Зиндик миссию вооб-

ще отозвали. Я же думаю, что Курьер имел в виду иное. Вы показали, что умеете уничтожать, сказал он мне, покажите, что умеете и выращивать.

— И ты этим занялся,— не удержался от усмешки Юниор.— Ты прелесть, папа.

— Не совсем так. Тогда я решил было заняться чем-то другим. Подвернулся проект «Анакол». Я разрешил оборудовать корабль для его выполнения. Возник Георг со своим Комбинатором. Я сразу понял, какие это сулит перспективы, и поддержал его. Но тут же решил, что это — не для меня. Надо начинать с черновой работы, с испытаний, а мне уже немало лет. Эта задача — для следующего поколения. И тогда я попросил, чтобы вызвали тебя. Правда, я не думал, что Георг реализует свой проект так быстро: у него ведь только одна половина была на бумаге, а вторая — в голове. Но он не просто фанатик — он упорный фанатик. Многие от него уходят: не могут с ним работать. Но на каждое освободившееся место сразу же претендуют двое или трое других, еще лучше прежних.

— Да, справился он очень быстро. Уже вовсю ведет монтаж.

— Тогда, сын, почему же ты тут, а не на корабле?

— Если оставить в стороне самолюбие, то он меня просто выгнал. Сказал, что за пределы трюма — один он выходить не собирается, но там няньки ему не нужны. Все равно, по его словам, мне в этот трюм дорожка заказана: он будет опечатан. Моим делом останется — лишь повозить Комбинатор в пространстве, сделать несколько переходов и ре-переходов, чтобы проверить, как это его кухня переносит тяготы путешествия и способна ли она после этого варить суп. Вот почему у меня нашлось время выбраться к тебе.

— Выходит, у тебя нет никакого представления?..

— Нет, почему же. Я присутствовал на полигонных испытаниях, когда отрабатывались отдельные команды, простые программы. Каких-то верхов нахватался. Иначе нельзя было: Комбинатор ведь подключен к Умнику, это сэкономило массу времени, им не пришлось ставить управляющий компьютер. А Умник — это уже мое хозяйство, тут без меня они ничего не имели права тронуть.

— Значит, ты еще увидишься с ним перед стартом. Обожди, я срежу цветы. Не столько ему, сколько его жене. Ты видел ее?

— Да,— сказал Юниор сдержанно.— Красивая женщина.

— Только-то? Ну, знаешь ли...

— У нас, возможно, разные вкусы...

— Возможно... Кстати,— сказал Сениор,— о женщинах.

— Не надо,— хмуро произнес Юниор.

— Потерпи. Ты знаешь, я в твои дела не вмешиваюсь. Хотя, когда я был в твоем возрасте, у меня давно уже был ты. Но нет никого, кому ты мог бы со временем сказать то же самое. Однако

это — дело твое. Меня подобные вопросы интересуют только с профессиональной точки зрения.

— Расшифруй, пожалуйста.

— Неужели непонятно? Вот ты улетаешь. Что ты при этом оставляешь? Что везешь с собой? Что хочешь найти и привезти нового? Не зная этого, трудно выпустить человека в пространство и оставаться спокойным за него. Поэтому я съездил к Леде.

— Ты?..

— Взял и съездил, вот именно. Ничем не могу тебя порадовать.

— Это я знал и так. Не виноват, но и не жалею.

— Значит, что ты увозишь с собой? Свою свободу? Но что ты станешь там с нею делать? Послушай меня...

— Не надо, папа. Ты, наверное, будешь говорить самые разумные вещи — разумные для тебя. Но есть и такие дела, в которых чужой опыт роли не играет, которые надо постигать самому. Так что предоставь это мне.

— Нелепый ты человек.

— Ну и ладно.

Они помолчали, потом отец срезал цветы.

— Держи. Не забудь передать.

— Георгу. Ее я вряд ли увижу.

Сениор кивнул. Помолчали еще. Вроде бы все было сказано, что хотелось. А что не сказано — того и не надо, стало быть...

— Ну,— сказал Юниор, осторожно шагнув вперед. Обнялись.

— Лети,— сказал Сениор.

И он улетел.

* * *

Улетел. А потом у него скис Кристалл, и теперь он сидел на вынужденной. В чужом пространстве, на неизвестной планете. Сидел с полными трюмами машин и всякой тонкой техники, показывать которую здесь было некому. Пустая планета. Однообразная. Однотонная до тоскливости. Какое-нибудь пятно бы, что ли, чтобы глазу было на чем задержаться. Хоть ведро краски вылить...

Чудишь,— убеждал себя Юниор.— Приустал, поволновался. Давай-ка займемся делом. Чтобы хандру — как рукой. Вечер воспоминаний окончен. Работа ждет. Начали.

* * *

Он принялся действовать быстро и целеустремленно, как привык. Горсть здешнего песка высыпал из прозрачного мешочка в

приемник анализатора. Включил. Негромко загудело, и сразу же на дисплее стали возникать символы и цифры.

— Так-так-так-так-так, — бормотал Юниор, соображая.— Песочек небогатый, даже просто бедный, но это значит лишь, что понадобится его побольше. Ну, далеко ходить за ним, ко всеобщему удовольствию, не придется. Потребуются кое-какие изменения в режиме инкубации, сейчас попросим подсчитать, какие именно...

Юниор негромко окликнул Умника и, когда тот отозвался, задал ему задачу. Он представил себе, как тот скривил бы пренебрежительно губы — будь они у него и будь он вообще человеком, а не вот таким подобием мыслящего гриба, вывезенным с одной далекой планеты; грибы эти давали современным компьютерам сто очков форы как в смысле малого объема, так и многогранности, но стоили страшных денег; ставили их лишь на поисковые корабли высшего класса. Жил Умник в специальном отсеке, где воспроизводились особенности его родной пещеры и куда Юниор при всем желании не мог бы даже заглянуть; с кораблем Умник был связан при помощи датчиков, усилителей, преобразователей, экранов и прочего, переводившего слабые импульсы в действия, но разговаривать с ним можно было непосредственно: Умник обладал способностью генерировать сильнейшее параполе. В отвлеченные разговоры гриб никогда не вступал — может быть, не мог, кто его знает, а может быть, человек как собеседник казался ему слишком уж примитивным,— но такая жизнь его, видимо, устраивала, работал он четко и скорее всего был не разумным существом,— об этом продолжали спорить еще и сейчас,— а просто биологическим мыслительным устройством, только неодушевленным, что ли. В такие тонкости Юниор не пытался вдаваться, некогда было, да и ни к чему. Он знал твердо, что Умник — не человек; и этого вполне достаточно.

Скомандовав Умнику, Юниор поставил инкубатор на прогрев. Один верблюд прошел,— удовлетворенно отметил он, ведя свой внутренний монолог все в той же скаутской манере, словно и на самом деле был еще мальчишкой. Привык, и это ему не мешало, а посторонних здесь не было... Теперь дальше. Детальный анализ атмосферы. Снова символы и цифры. Так-так-так-так... Водорода тут хватит на целый Мировой океан. Значит, без воды сидеть не будем. Кислород — из песочка, из натурального окисла кремния, водород из воздуха, а кремний и углерод (из того же воздуха) весьма потребны для образования Кристалла. Редкоземельных маловато, из-за них, видимо, придется несколько задержаться. Германия нет совсем, но германий пойдет из старого Кристалла, так что и тут полный порядок. Следовательно, и второй верблюд прошел. Большой караван, хороший караван...

Болтая так для собственного удовольствия, Юниор принялся заготавливать песок. Внятно продиктовал Умнику задачу. Замигали табло: третий трюм разгерметизирован; механизм семнадцать готов на выход; семнадцатый на подъемнике; семнадцатый на грунте; стоп. Прелестно — удовлетворенно отметил Юниор. Снова пошли плясать огоньки: двадцать первый на грунте... Восьмой на подъемнике... Тринадцатый... Воды, которую мог за несколько часов произвести механизм номер тринадцать, хватило бы на средней величины озеро, для Кристалла достало бы и вдесятеро меньше, однако опыт подсказывал воду делать с запасом, а потом осторожно качать ее с самой поверхности — это упрощало очистку. Ну, значит, будет озеро. Впервые, надо полагать, в истории этой планеты. Жаль, некому будет полюбоваться. Вот если б здесь было какое-нибудь население... Юниору стало весело, заиграла фантазия. Насадить бы вокруг озера всякой всячины. Пальмы, допустим. Кокосовые и прочие, какие они там еще бывают. Березы, сосны, эвкалипты; а также орешник, грибы... Ну нет, грибы — это уж никак не деревья. Наплевать, а у меня были бы деревья. Древовидные грибы. Шляпка, предположим, метров десять в диаметре. Умнику, наверное, было бы приятно встретить родственника. Какова идея! Планета задумана и исполнена исправным воином Дальней разведки Юниором, сыном Сениора. Юниор-ленд. Детям вход бесплатный.

Обязательно, чтобы вокруг росла травка. И высокая, и низкая, в озере неплохо бы развести рыбу. А также раков. На деревьях пусть поют птицы. А на пальмах, кроме того, резвятся мартышки. Вот было бы весело... И непременно говорящие попугаи, черт, чуть не забыл: как же без попугаев? Никак нельзя...

Да,— все больше увлекался Юниор.— И не так сложно. Машины нароют ямок. Сколько нужно, и даже больше. Семян у меня навалом. Только жаль — не те семена. Посажу я их — и пойдут расти линзы, кольца, насадки, муфты, микросхемы, реле, пружины, штанги, шестерни... Вот будет садик так садик, такого, верно, нигде в мире нет.

Но можно и иначе. Дать команду Умнику... Хотя озеро все равно нужно, без него не обойтись,— отогнал он некую, робко постучавшуюся мысль. И отдал команду тринадцатому — приступить. Семнадцатый тем временем уже насосал полный бункер песка. Песок был чистым, сухим. Но, конечно, его еще очищать и очищать. Кристалл капризен неимоверно... Умник за это время успел рассчитать режим в соответствии с параметрами исходных материалов. Ну-ка? Ничего особенного. Правда, по сравнению с классическим лабораторным вариантом, процесс замедлялся, как Юниор и предполагал. Намного ли? На пятьдесят процентов. Значит, вместо двух недель просидим здесь три, только и всего. Каким бы ни был

разведчик, но терпеливым он обязан быть. Иначе просуществует недолго. А я-то существую несомненно, аз есмь объективная реальность, данная самому себе в ощущениях... А также и другим. Да, кой-кому эта реальность тоже давалась в ощущениях. Когда-то Леда...

Стоп! — оборвал себя Юниор.— Не существует никакой Леды. Она плод воображения. Давай-ка работай, не лови ворон. Все лишние мысли возникают от безделья.

Инкубатор тем временем вошел в режим. Первая порция сырьевой композиции, обогащенной всеми нужными присадками из корабельных запасов, уже вскипала. Самое время начинать процесс.

Юниор отомкнул сейф. Большой и сверхпрочный. В нем хранилось главное: семена. Семена всего на свете. Второй корабль. Целая эскадра в семенах. Тысячи разных видов семян. Из них Юниору сейчас требовалось одно-единственное семечко Кристалла. Сам он и за неделю не разобрался бы в таком множестве узеньких пеналов. Но этого не требовалось: всего дел — набрать нужный индекс на клавиатуре, а прежде найти этот индекс по спецификации. Он так и поступил. Пенал выехал сам. Юниор осторожно открыл его, нажав на кнопку. Крохотные, переливающиеся огоньками, словно бриллиантики, семена лежали, каждое в своем гнездышке. Двадцать штук. Двадцать Кристаллов можно вырастить, был бы инкубатор, исходные материалы да еще нужное поле гравитации. Без него Кристалл не растет так, как надо. Все другое растет, а этот, привереда, не желает. Ну, пожалуйста, гравитации здесь у нас — хоть в мешках уноси...

Юниор вынул из зажима на стенке сейфа маленький пинцет. Никаких других механизмов для этого не было: что-то человек ведь и руками может сделать... Захватил присосочками пинцета одно семечко. Распахнул дверцу приемной камеры. Осторожно ввел в нее руку с пинцетом, ощущая тугое сопротивление поля. Над дверцей вспыхнул огонек: семечко оказалось в зоне. Тогда Юниор медленно разжал щипчики, вытянул руку, затворил дверцу, повернул маховичок до упора. Прильнул к окуляру, наблюдая. Внутренняя поверхность инкубатора медленно меняла цвет. Сегменты внутреннего входа разошлись, семечко, посверкивая, вплыло в рабочую камеру. Повисло, едва заметно смещаясь в поисках идеального центра сферической камеры. Нашло. Замерло. Тогда тончайший луч инициатора пронзил семечко насквозь. Это был миг начала процесса, и в подтверждение этого над дверцей приемной камеры, а также на переборке вспыхнули матовые табло: «Внимание! Идет процесс!» Одновременно послышалось едва уловимое шипенье: пары кипящей внизу, в реакторе, композиции строго отмеренными дозами стали поступать в рабочую камеру.

Юниор оторвался от линз. Ну вот. Все в порядке. Но есть еще

одно дело. Ты — хозяин корабля и всего, что на борту. А быть хозяином — значит владеть. Владеть во всех смыслах, и прежде всего — уметь пользоваться... Что, если подумать о Комбинаторе?..

Да, безусловно, в программе этого полета — лишь испытания системы на выносливость, на прочность монтажа. Ты просто должен доставить Комбинатор на выбранную планету, где его будет ждать комиссия и где состоятся испытания по всей форме. Все это так.

Но, с другой стороны, Комбинатор сращен в единое целое с кораблем, и применяться он будет не на Земле.

Так кто же должен управлять Комбинатором при этом? Ты, потому что корабль — это ты и больше никто.

До этого тебе предстоит пройти долгое обучение, теоретическое и практическое. Однако так ли уж это нужно? Можно подумать, что я назубок знаю все, что написано об этом корабле. Ничуть не бывало. Не знаю. Тем не менее летаю, и, как говорят, неплохо. Я не теоретик и даже не настоящий ремонтник; я пилот и навигатор, не более того. Так же и с Комбинатором; я не конструктор и не инженер. Я — рука на кнопке, вот и все. И никаких особых знаний тут не надо.

Так что же — постучаться, что ли, в трюм-один? В тот трюм, который не ты загружал на Земле, не ты все там устанавливал и даже не давал ни советов, ни указаний. В трюм, где стоят не какие-нибудь землекопы и водолеи, а машины куда более тонкие. Стоит мне решиться — и я создам здесь с их помощью просто рай земной.

Хотелось мне пальм — в этом раю будут пальмы. Настоящие, в общем. Ими можно будет любоваться со всех сторон. Можно будет подойти и потрогать руками. Даже забраться на пальму, если хватит ловкости. И если, допустим, в воде будут плавать рыбы, то они будут самыми настоящими рыбами. Их можно будет кормить, ловить. Даже жарить — только есть их нельзя, но в этом и нужды не возникает: харчей на борту предостаточно, хватит на всю оставшуюся жизнь. Есть их нельзя. Не потому, что в химическом составе что-то не соответствует: нет, все, как настоящее. И даже не «как». Просто настоящее. Есть их нельзя по другой причине... Однако что это тебя законтачило на пальмах да рыбах? При помощи Комбинатора ты можешь создать все на свете. Вернее, все то, на что у Комбинатора есть программа. А программа есть на очень многое. Целый том названий! К возможной встрече с Курьером, которую мы теперь хотим ему в какой-то степени навязать, мы готовились по-настоящему, чтобы показать, что не только ломать умеем, но и создавать масштабно, дерзко, с выдумкой. Спасибо Георгу. Придуманная и овеществленная им техника, что упрятана в трюме-один, делает нас почти богами. Почти — потому

что все сотворенное нами будет не совсем... Не совсем настоящим? Да, наверное, так. И не только потому, что рыб нельзя будет есть. А потому, что стоит мне потом отдать команду — и все исчезнет, перейдет в первоначальное состояние, станет песком, газом, ничтожными примесями микроэлементов... Но до тех пор, пока машины по моему приказу не уберут поле, все будет существовать, все плоды тончайшей, хитроумной комбинации полей, заставляющей частицы располагаться в строго определенном, запрограммированном порядке и — жить, другого слова не подберешь: жить.

Ну, так что же — займемся сотворением мира? Проведем его с опережением сроков: не в неделю, а, скажем, за два-три дня. Юниор усмехнулся, почесал в затылке.

— Ну-ну,— проговорил он вслух.

Он не раз видал на полигоне, как это происходит. Вот — ничего, пустое пространство, чистая площадка. Гудят последние предупреждающие сигналы. Звучит команда. И вдруг из ничего возникает кусок мира. Не видимость, не голография, не мертвые макеты. Кусок живого мира. И ты входишь в него, трогаешь руками, видишь, слышишь, обоняешь, живешь в этих реальных условиях. И уже во время вторых испытаний ты перестал ощущать искусственность этого мира. Потому что все, что в нем существовало, не выполняло какие-то наперед заданные действия, а просто жило, и ты воспринимал на твоих глазах созданный мир единственно возможным образом: как мир столь же реальный, как и ты сам.

За одним исключением: на полигоне проходило какое-то время, следовала команда — и все исчезало. А ты оставался. И становилось почему-то невыразимо грустно...

Вот в этом-то и дело,— убеждал он себя.— Допустим, ты это сделаешь. Но через три недели, когда созреет Кристалл и ты его установишь, когда корабль окажется готовым к полету, тебе придется все выключить, свернуть, уничтожить. И будет жалко. Потому что успеешь привыкнуть к новому миру, созданному по твоей воле Комбинатором из трюма-один. И оставить этот мир тут нельзя: как только прозвучит твоя команда на выключение образующего поля, весь созданный тобою рай исчезнет, в мгновение ока перестанет существовать — и ты почувствуешь себя убийцей, уничтожившим целый, пусть и маленький, но завершенный мир со всем, что в нем жило, понимаешь: жило! — с деревьями, рыбами и жуками, со всем, что предусмотрено программой. Не слишком ли жестоко?..

Постой, постой,— остановил себя Юниор.— Что значит — жестоко? Это всего лишь продукты техники.

Но живыми-то они будут? Где кончается иллюзия и начинается жизнь?

Знаешь что,— успокаивался Юниор,— не ломай голову. Ты

начинаешь психовать. Держи себя в руках. Берегись. Одиночество — это такая вещь, которая хороша в определенных дозах, лечебных. Как яд. Если больше — это отрава.

А пойдем-ка погуляем,— сам себе предложил Юниор.— Напялим скафандр. Выйдем, полюбуемся — что там наковыряли наши бронтозавры из трюма-три. А то и в самом деле запсихуешь от безделья.

* * *

Он вышел из ремонтного. Трап прогудел под каблуками. Костюм. Шлем. Связь с Умником. На всякий случай, чисто рефлекторно, Юниор ее проверил.

Ну, пошли гулять. Сперва на смотровую. Здесь, в корабле, я сейчас не нужен. Прекрасное свойство нашей цивилизации: в ней ты порой оказываешься ненужным. И спасибо за то, что даже сегодня еще встречаются положения, в которых без тебя не обойтись. Но это — не положения цивилизации. Это твои собственные положения. А цивилизации до них дела нет. Автоматам нет дела. Ты сам, в числе многих прочих специалистов, создал такой мир. И, откровенно говоря, он тебя вполне устраивает. Только благодаря такому устройству мира ты находишься сейчас тут, на острие Дальней разведки, а не копаешься в грядках и клумбах, подобно отцу, и не ахаешь над каким-нибудь хилым стебельком. Да что толку в таком стебельке, если, отдав нужную команду, в считанные часы я создам тут мирок с миллионами травинок, с десятками деревьев! А что касается нашей цивилизации, то она, кроме всего прочего, а может быть, и прежде всего — это я сам. И вот я ращу Кристалл на никому не ведомой планете в соседнем пространстве. Такова моя сущность. И что еще мне нужно?

Он ступил на смотровую площадку и стал обозревать окружающий мир.

Край бесконечных сумерек — снова отметил он безрадостно.— И тишины, монументальной тишины. Странно: почему? Ну, нет жизни — это понятно. Но ведь атмосфера есть, должны быть воздушные течения, ветры. Однако тут и воздух — как камень, такой же монолитный и неподвижный. Вообще-то тут даже красиво. И все же насколько лучше стало, когда возникло вот это, пока очень маленькое, зеркальце воды. И фиолетовые комки света отражаются в нем очень забавно...

Озерцо такое, что его, поднатужившись, можно перепрыгнуть,— и правда уже возникло: механизм номер тринадцать. Водолей, не теряя времени зря, работал вовсю, как бы радуясь тому, что дорвался до дела. Если выключить его, вода исчезнет буквально

за несколько минут, а то и секунд: песок ее всосет, да и сухая атмосфера не прочь насытиться парами. Эх, не догадался вырыть сперва хорошую яму и оплавить дно и стенки,— упрекнул себя Юниор,— было бы уже — море не море, но хоть на яхте выходи...

Ему страшно захотелось вдруг выкупаться, поплавать, и не в стерильном бассейне корабля.

Желание оказалось неожиданно сильным. И, наверное, именно оно сработало вдруг, а не вполне разумные соображения относительно того, что нет никаких причин отказаться от развернутого испытания Комбинатора здесь, в тихой, спокойной обстановке. А на официальное испытание с комиссией и банкетом идти с проверенными данными, убедившись, что Комбинатор хорошо переносит полет и развертывание в нестандартных условиях, а ты умеешь им оперировать. А то сразу показывать авторитетам то, в чем ты сам не больно опытен,— опасно.

* * *

Итак, будем действовать твердо, спокойно и последовательно. Как если бы ученая комиссия сидела тут, поглядывая на тебя не без некоторого сомнения.

Прежде всего дадим Умнику команду на постановку защитного поля. Выхватим кусок среды, изолируем от внешнего влияния и начнем наводить в нем свои порядки. Куполообразное поле накроет не только корабль, но и некоторую часть территории. Какой радиус возьмем? Высоту корабля, то есть минимальный, чтобы возникла правильная полусфера. Пятьсот метров, стало быть.

По связи Юниор дал Умнику команду. Прошло несколько секунд, пока гриб усваивал ее и преобразовывал в надлежащие импульсы. Потом — забавно было наблюдать за этим — в полукилометре песок зашевелился, словно какое-то залегшее под ним живое существо ожило, не выбираясь на поверхность. Поползло стремительно, так что за считанные секунды, окружив корабль кольцом километрового диаметра, вернулось к исходной точке и замерло. Только после этого Умник доложил: поле выставлено, стоит надежно, никаких противодействий не встречает. Да и откуда ему браться, противодействию?

Сразу стало уютнее. Словно до сих пор Юниор находился на дворе, а тут вдруг оказался в помещении, пусть обширном, но все же закрытом, изолированном. Как ни странно, он, разведчик, в глубине души не любил открытых пространств, предпочитал стены. Что поделаешь — полного счастья, как говорится, не бывает...

Теперь второй этап. Он снова вызвал Умника. Только через него можно было передавать команды на механизмы. И это не слу-

чайно: человек — устройство не всегда надежное, может порой дать и неверную команду; Умник ее заблокировал бы сразу. На сей раз Юниор приказал: восьмому — перейти на нормализацию атмосферы, после достижения нормы — стабилизировать ее, поддерживая должный состав. Двадцать первому: приступить к рытью котлована, затем оплавить его дно и стенки, чтобы предотвратить потери воды. После окончания двадцать первым работы — тринадцатому перейти на заполнение чаши.

Юниор задал размеры и некоторое время постоял, наблюдая за тем, как разворачивались механизмы, выходили на свои позиции. Прежде остальных вступил в работу двадцать первый — грузный, внешне неповоротливый, но на деле не совершающий ни одного лишнего движения, как и всякий исправный механизм; это лишь человек может суетиться. Двадцать первый — ветеран экспедиции: он из комплекса, что работал еще с Сениором на той небритой планете. Старик уже, можно сказать. Ничего, он в полном порядке, еще поработает. А когда вернемся из рейда, создадим специальный музей и поставим машину на постаменте со всеми когтистыми лапами, сокрушающими челюстями, чешуйчатыми трубами, по которым скоро пойдет расплавленная масса, чтобы лечь под косыми ножами укладчиков и застыть навсегда; потом заливай хоть воду, хоть азотную кислоту — материал выдержит, не уступит. Монументальное сооружение этот двадцать первый. Чем-то похож на всю цивилизацию: с виду сложное и громоздкое устройство, но сложность эта продуманная, в ней четкий здравый смысл, и движения, которые порой кажутся стихийными, неконтролируемыми, ужасными, на самом деле рассчитаны до сантиметра. Если говорить о машине, во всяком случае. Ладно, двадцать первый, давай, делай свое дело...

Точно так же Юниор полюбовался и тринадцатым, и восьмым; тот уже вовсю гнал кислород в атмосферу замкнутого мирка, кислород из песка, а кремний в чистом виде взлетал в воздух петушиным хвостом, но не успевал упасть: траектория была точно рассчитана, поток кристалликов всасывался в один из приемников двадцать первого, в большую четырехугольную воронку, и ветеран пускал сырье на расплав. Тринадцатый изготовился, насосал полные бункеры того же песка, больше здесь и ничего не было, и ожидал, пока возникнет сосуд для воды, которую он был научен делать... Ладно, порядок. Первый этап работы проходит нормально.

Пора начинать главное.

Юниор помедлил немного, откашлялся зачем-то (хотя Умнику это было все равно, он Юниора и так бы понял) и произнес, стараясь, чтобы в голосе не было волнения:

— Трюм номер один разгерметизировать. Комбинатор изготовить к работе.

И все. Вот как немного слов понадобилось, чтобы приступить к сотворению мира. Как это, оказывается, просто!

Теперь Юниор наконец позволил себе спуститься со смотровой. Песок поскрипывал под башмаками. Юниор подошел к тринадцатому, оперся локтем о гусеницу. Хотелось — не понаблюдать даже, а просто полюбоваться тем, как Комбинатор будет готовиться к своей сложнейшей работе.

А это и на самом деле красиво. Трюмный корпус — средний в корабле, располагается он над моторным, а еще выше, над трюмным,— обитаемый корпус, там живет Юниор, там же обитает гриб Умник, оттуда управляется вся махина. Обитаемый корпус — самый маленький, моторный — шире остальных, зато трюмный — объемистей. Он делится на три яруса трюмов, соответственно сверху вниз: трюм-один, два и три. Кое-что из третьего трюма уже работает: там — тяжелая техника. Второй трюм, самый низкий, занят нужными в обиходе вещами, запасами провианта и еще кое-какими продуктами земной цивилизации — такими, какие могут пригодиться при встрече с кем-то, дружески настроенным (пока еще таких встреч не происходило, но отрицать их возможность после появления Курьера никто не решался), и такими, какие могли понадобиться при встрече с созданиями, настроенными весьма враждебно; таких встреч, правда, пока тоже не бывало. А трюм-один — это вот та самая хитрейшая система — язык даже не поворачивается назвать ее техникой,— но все же: техника создания настоящего, реального мира — ну, может быть, с какими-то вовсе уж минимальными «почти».

И вот этот трюм-один, верхняя часть цилиндрического трюмного корпуса, вдруг преобразился. Превратился в небывалый цветок. Распахнулись лепестками борта, только смотрели лепестки не на верх, а вниз: цветок, чей венчик клонится к земле. Внутри борта были выкрашены в ярко-красный цвет, чтобы бросалось в глаза: не приведи господь начать маневры с негерметизированным трюмом-один; очень уж нервные и нежные механизмы живут в нем. Из проема, образовавшегося под каждым лепестком, выдвинулись выпуклые, блестящие антенны излучения, даже в здешнем мрачноватом освещении выглядели они весело. Антенны немного подвигались туда-сюда, словно живые, устанавливая точный угол в горизонтальной и вертикальной плоскостях, чтобы каждая из них действовала в своем точно ограниченном пространстве. Откуда-то изнутри к антеннам шли толстые бронированные провода. Когда антенны излучения успокоились, выдвинулись и раскрылись кружевными зонтиками антенны контроля и обратной связи отсюда, снизу. Юниор не различал, но и так знал, что каждый такой зонтик состоял из десятков, а может, сотен тысяч крохотных ячеек, каждая из которых имела с центральными устройствами собственную связь.

— Приведение Комбинатора в готовность закончено,— доложил Умник.

— Начать настройку на параметры рабочего объема.

То есть Комбинатору — приноровиться к подкупольному пространству, в котором ему предстоит действовать. Или лучше подпольному,— Юниор любил игру слов,— под полем — значит подпольное, вот как.

— Настройка начата.

Внешне ничто не изменилось: шла тончайшая подстройка микротронных схем там, наверху. Это потребует определенного времени. Даже на Земле, на том же самом полигоне. Комбинатор каждый раз настраивался заново: для него в пространстве что-то менялось, хотя людям казалось, что все по-прежнему.

Конечно, все это сложно и дорого. Куда проще было бы привезти и продемонстрировать Курьеру, если он соблаговолит явиться, какие-нибудь фильмы — цветные, голографические — они дали бы не худшее представление о том, на что мы способны, когда не разрушаем, а созидаем. Мы так и сделали бы — будь Курьер одним из нас. Но ведь только нам, землянам, фильмы дали бы такое же представление, что и реальность. А какой он, этот Курьер, какие они все — как знать? Может быть, они воспринимают мир совершенно не так, как мы. И наши проекции им ничего не дадут. Они просто не увидят ни одного изображения. Не почувствуют. А реально существующий предмет увидят — именно потому, что это не иллюзия, а реальность. Так что сложность эта оправдана и затраты тоже: что в наше время стоит дешево? Разве что сны.

— Настройка на объект закончена.

Исторический момент,— отметил Юниор.— Тут бы оркестр и торжественную увертюру. Интересно: Господь Бог, когда он приступал к делу, испытывал подобное ощущение? Хотя он, наверное, чувствовал себя куда хуже: не было в его распоряжении такой вот микротронной техники. Надо полагать, не было,— задумался на секунду и скомандовал:

— Начать реализацию программы!

Юниор помнил, что вслед за этой командой что-то должно произойти, нечто такое, по чему он заметит: началось. Так бывало на полигоне, только командовал там Георг. Сейчас, однако, ничего не случилось.

Это что за новости?

— Почему не начата реализация программы?

Умник отозвался мгновенно:

— Не было распоряжения вести программу.

Тоже мне Умник называется! Не мог подсказать! Показалось — или на самом деле ответил гриб не без ехидства? Хотя — чепуха, разумеется: гриб говорить не умеет. Или он передал этот оттеночек

по параполю? Ладно. Скажи спасибо, что комиссии здесь нет. А то пришлось бы тебе покраснеть.

— Ввести программу!

И опять ничего.

— Подтвердить введение программы!

— Программа не введена. Неясен номер. Программы пронумерованы от ноль ноль один до девять девять девять.

Пришлось задуматься. Комбинатор терпеливо ждал, ему спешить было некуда. Номер программы. Надо подниматься в обитаемый корпус, брать томик программ, искать, выбирать. Потом вводить. Нет, сотворение мира — дело не трудное, но занудливое.

Однако есть и другой выход. Помимо сотен частных программ, имеются общие. Три программы. Юниор отлично помнит. И называются они... называются они вот как: первая степень обитания, вторая и третья. Там разом дается все, что полагается, а частные программы идут в ход лишь тогда, когда возникают специальные требования. Например, создать одно конкретное дерево или одну-единственную конкретную муху — и больше ничего.

Итак, что мы закажем? Станем настаивать на пальмах и мартышках? Нет,— решил пилот,— ну их, это как-нибудь в другой раз. Сейчас мне хочется чего-то такого... домашнего, раз уж я могу выбирать. Не надо пальм. Пусть будут сосны. Березы. Липы. Дубы. Осины. И прочее, соответственно.

— Ввести программу первой степени обитания, подпрограмма «Умеренный пояс»!

Снова пауза. И наконец-то Юниор услышал:

— Программа введена и принята.

Он ждал: вот сейчас...

Снова — ничего.

— Почему не начата реализация программы?

В ответ — после едва уловимой заминки:

— В рабочем объеме помеха.

Интересно! Какая вообще тут может быть помеха?

Он медленно огляделся. И вдруг понял и засмеялся.

Помеха — он сам. Ничто живое, если оно хочет выжить, не должно находиться в зоне действия Комбинатора, когда он творит. Потом — сколько угодно. Но не сейчас.

— Помеха устраняется!

Самоустранимся,— подумал он легко.— Мы и тут не нужны. Тут прекрасно обходятся без нас. Мы мешаем. Мы уйдем. И даже не обидимся. Но уйдем недалеко и ненадолго. Хоть это делается и без нас, но — для нас! По моему желанию создается мир, и в данном случае — для одного меня. А что мне при этом не приходится потеть — так для чего-то были нужны тысячелетия развития человечества, для чего-то возникали в нем великие умы и не менее

великие умельцы! Ум — уметь, и слова-то стоят рядом... Именно для того они и существовали, каждый в свое время и на своем месте, чтобы я тут, сейчас, мог создать новый мир — и при этом пальцем не пошевелил, только отдавал бы команды.

И все же устал я,— признался он неожиданно для себя. Да и что удивительного? Волнений было много, а распорядок остается распорядком, к тому же я всего лишь человек, а людям положено время от времени спать.

Он неторопливо, как-то вдруг отяжелев, подошел к площадке подъемника. Поднялся на самый верх, на смотровую площадку обитаемого корпуса. Перед тем, как раскрылся люк, окинул взглядом место сотворения мира.

В подкупольном пространстве вроде бы посветлело. Значит, часть здешней атмосферы уже выброшена за пределы купола и ее место занял земной, прозрачный, вкусный воздух. Завтра, проснувшись, Юниор спустится без скафандра и станет дышать со смаком и удовольствием.

А за пределами купола фиолетовая дымка по-прежнему скрывала горизонт. Освещение не изменилось, хотя после посадки прошло немало времени. Видимо, планета и в самом деле вращается вокруг своей оси без особой торопливости. Один оборот в год — не такой уж редкий вариант. Год здесь может продолжаться неизвестно как долго. Ну, а нам-то не все ли равно?

А вот в той стороне появилось нечто, чего раньше, кажется, не было. Нет, определенно не было. Юниор заметил бы, иначе какой из него разведчик.

Что-то вроде поднимающейся гряды туч? То ли да, то ли нет. Напоминает тучи, но может оказаться и чем-то совсем другим. Движется оно? Незаметно. Может быть, это какая-то округлая, куполообразная вершина, возвышение, и раньше просто нельзя было его разглядеть, а сейчас видимость в том направлении улучшилась. Может быть. Не исключено даже, что это не возвышение, а напротив — впадина. Никуда не годная атмосфера на этой планете, прямо суп с клецками.

Так или иначе, это нас не пугает. И не помешает воспользоваться заслуженным отдыхом.

Защитное поле стоит? Стоит, родимое. Значит, по всем законам, команде разрешен отдых. Что-то очень уж спать захотелось. А свои желания надо удовлетворять — когда это не идет во вред делу.

Он шагнул в тамбур. Снова, не в первый раз уже за сегодняшний день, повторилась скучная процедура. Два шага. Пластины внешнего люка смыкаются за спиной. Усиливающийся свист: стерилизация. Тут она вроде бы ни к чему, но так положено. Снова свист: воздух. Табло: разрешено раздеться. Благодарствуйте...

Внутренний люк. Вот мы и дома. В тепле и уюте. Красота! Поужинать, что ли? Неохота. Но положено. Значит, будем ужинать.

Поужинал без удовольствия. Лег спать, дав предварительную команду, чтобы разбудил своевременно. Хотя знал, что и так проснется минута в минуту, как сам себе закажет. Но никогда не следует пренебрегать подстраховкой.

Приснилось бы что-нибудь такое,— загадал он желание, засыпая.— Спокойное. Развлекательное.

Впрочем, он заранее знал, что спать будет без сновидений. Или, вернее — проснувшись, ничего не вспомнит. Хорошая нервная система. И к чему сны? Хватает с нас и реальной жизни. Вот проснемся завтра, а овеществление программы к тому времени уже закончится — и то, что мы увидим, будет похлеще всяких снов...

* * *

Случилось, однако, такое, чего раньше не бывало, да и быть не должно: он проснулся среди ночи. Среди того, что было для него ночью: временем, когда следует спать, когда свет в его каюте погашен, а снаружи через броню не пробьется ни один лучик.

И проснулся именно из-за сна, который привиделся ему вопреки традиции. Вскочил в поту, сердце сумасшедше колотилось. Хватил рукой в сторону, наткнулся на переборку, ничего другого там и быть не могло. Ушиб руку. И разозлился окончательно. Не зажигая света, нашарил курево. Курил он редко, давно уже отвык. Но порой позволял себе этакий мелкий разврат. Закурил. Посидел, втягивая и выдыхая дым, стараясь поскорее успокоиться. И понять, какой смысл был в том, что ему приснилось. Если вообще есть в снах какой-то смысл. Может, и нет. А тогда зачем видеть такое — хотя бы и во сне? Темное существо — человек...

Приснилась ему Леда. Стояла, тесно прижавшись к нему, и он целовал ее. Потом она вырвалась и побежала, то и дело оглядываясь. Кинулся за ней, кричал и звал, но догнать не мог. Лишь далеко впереди Леда остановилась, подняв руки над головой. Пока он подбегал, она изменялась, становилась другой. Подбежав, увидел, что не Леда это, а дерево. Оно все росло. «Папа!» — закричал Юниор. Отец подошел. «Это Леда,— сказал ему Юниор,— отдай!» —«Это не Леда»,— ответил отец спокойно. «Да ты смотри!» — крикнул Юниор. Он обнял ствол, но Леда вырвалась и снова побежала. «Возьми»,— сказал отец, протягивая садовую лейку. Но Юниор оттолкнул лейку, кинулся за убегающей, хотел схватить — и, уже просыпаясь, ударился рукой о переборку каюты, где была ночь и где ему полагалось спокойно спать.

Такая вот несуразица привиделась. Юниор сидел в темноте,

курил и качал головой. Ладно, об отце он сегодня думал, да и о Леде, наверное, тоже: вряд ли проходил день без того, чтобы Юниор о ней не подумал. Но лейка, дерево... Ерунда какая-то, наплевать и забыть.

Чтобы забыть, надо было на чем-то сосредоточиться, на первом же, что придет в голову. Сыграть в слова хотя бы. Вот хорошее слово: комбинатор. Что мы можем из него сделать?..

Вместе с этим словом на память пришел Георг, и Юниор задумался о конструкторе.

Он знал его мало, но похоже было, что никто не знал Георга хорошо — не по работе, разумеется, но как человека просто. Да это вряд ли кого интересовало. Был он не очень общителен, в людных местах его жену встречали куда чаще, чем его самого, и ее всегда кто-нибудь сопровождал. Говорили, что у Георга одна страсть в жизни: работа. Он и в самом деле был великим конструктором в микротронике, идеи его всегда бывали небанальны и масштабны. Но когда Юниор единственный раз увидел его с женой, то понял, что страстей у Георга было самое малое две: второй была Зоя, это сразу бросалось в глаза. Только что снова расставшись с Ледой, Юниор пристрастно всматривался в каждую пару — счастливую или несчастливую. Какой была эта, он не мог определить. Зоя, казалось, принимала любовь мужа,— какую-то безоглядную и надрывную, после какой уже не бывает ничего,— принимала как должное и не очень ею дорожила; кокетничала, болтала с другими, танцевала, даже уединялась — и лишь однажды Юниор перехватил брошенный ею на Георга взгляд и понял, что все куда сложнее, и что оба этих человека находятся в состоянии какой-то глубокой, внутренней, хорошо скрываемой тревоги — такой тревоги, отдавшись которой человек легко теряет контроль над собой. Зоя почувствовала взгляд Юниора, обернулась, встретилась с ним глазами, засмеялась, подошла и потащила его танцевать — было это на банкете по случаю завершения институтом работы. Во время танца Зоя как бы шутя, но на деле серьезно сказала: «Георг в последнее время много говорит о вас. Вы ему понравились».— «Мы недавно знакомы»,— ответил он, несколько смешавшись. «Вот и попросите его, как новый друг, хоть иногда слушаться жены».— «Не верю, чтобы он вам противоречил».— «Ни в чем, кроме работы. Он переутомлен. Он... это может плохо кончиться. Иногда мне кажется, что он теряет главное: уверенность в себе. Без нее он погибнет. Я отвлекаю его, как могу. Но в этом он со мною не считается... Скажете?» — «Если представится случай. Но ведь он вот-вот закончит — если уже не закончил?» — «Дай бог...» — вздохнула она.

Юниор, пожалуй, и сказал бы об этом Георгу, если бы не слышал его речи на том же банкете. То был, по сути дела, тост. «То, что

мы делаем,— сказал тогда Георг,— во всех отношениях выше и значительнее нас, оно относится совершенно к иной категории — потому что если мы плод слепой эволюции, то наши создания — продукт целеустремленного разума, иными словами, они уже по своему происхождению выше, ибо ведут родословную от идей, а мы — от протоплазмы. Вы считаете, может быть, что созданное природой прекраснее сделанного нами? Утверждаю: нет, мы делаем не хуже, а порой и лучше естества. Уже сегодня делаем. А это значит, что мы можем и должны приносить в жертву своему делу самих себя и все, что нам принадлежит, но не имеем права в жертву себе и тому, что нам принадлежит, приносить дело!» Все зашумели, большинство зааплодировало, кто-то попытался затеять дискуссию, но все хотели веселиться, колоссальное напряжение наконец отпустило людей, и не до высоких материй было...

Да, тогда Юниор усомнился в том, что Георга нужно и можно отрывать от работы — хотя бы ради его же блага. Окончательно разведчика убедил в этом разговор, состоявшийся в трюме-один его корабля, представляющем собою круглое в плане шестиэтажное сооружение. Трюм был почти пуст, техники и роботы заканчивали демонтаж прежнего оборудования, которому так и не пришлось поработать, потому что от колонизации планеты Зиндик отказались и потому, что на свет родился Комбинатор Георга. Прежняя программа называлась «Анакол». Смысл ее заключался в том, что для перевозки тысячи людей ради освоения планеты нужно было бы множество рейсов — это не окупалось. Но корабль мог взять на борт лишь ограниченное число пассажиров, очень небольшое. Лететь предстояло месяцы, и пассажиры не могли коротать время в полной неподвижности: им была нужна нормальная площадь для жизни, театр, спортивный зал, бассейн, места для прогулок, и если бы все это соорудить в трюме-один, корабль взял бы на борт лишь несколько десятков человек. Конструктор «Анакола» предлагал везти людей как бы в анабиозе — на деле то был не анабиоз, а нечто вроде регулируемой летаргии, в которой, как показали испытания, человек мог провести до полугода без всякого ущерба для себя, не двигаясь, минимально потребляя и занимая мало места. Проект был принят, заканчивалось оборудование трюма множеством тесных, на одного, кабинок с подведенными коммуникациями и датчиками.

И тут появился Комбинатор. Преимущества нового проекта были очевидны: к чему везти людей, в какой-то мере рискуя ими, если не в полете, то потом, на планете, когда можно было доставить в нужную точку лишь несколько устройств, пусть очень сложных — и они создали бы там все, включая рабочую силу,— все, пригодное и потребное для осуществления первого, тяжелейшего цикла колонизации. После чего настоящие люди могли бы уже приезжать туда, как в соседний город, не обязательно тысячами сразу, а хоть единицами.

И вот Юниор, Георг и конструктор «Анакола» стояли в трюме. Георг был здесь впервые, он внимательно осматривал помещение. «Это мне подойдет,— повторял он,— прекрасно, прекрасно». Творец «Анакола» подавленно молчал. Георг положил ему руку на плечо. «Мысль ваша была остроумной,— сказал он,— но она несколько запоздала. Наше время требует оперировать послезавтрашними категориями».— «Больше я в эти игры не играю,— ответил конструктор.— Хватит с меня разочарований». Георг хотел что-то ответить, но его отвлек один из оставшейся у люка свиты; насколько можно было уловить, речь шла о том, что некоторое задание не было выполнено или не будет выполнено в срок. «Скажите ему сейчас же,— ответил Георг, не повышая голоса,— что именно он давал обещание и именно я ему поверил. Лишнего времени у нас нет. Две тысячи проектировщиков, тысяча программистов и весь компьютерный парк не могут ждать, пока он закончит. Передайте от меня: если схемы не будут готовы минута в минуту, я вышвырну его с таким грохотом, что в обитаемой вселенной и самый наивный человек не наймет его даже подстригать газоны». После этого Георг снова повернулся к конструктору «Анакола». «Я вас не понимаю. Вы же ставили перед собой цель. Человек, наметивший цель и не способный достичь ее, недостоин жить. Цели существуют, чтобы их достигать».— «Но в цели можно разочароваться».— «Человек может разочароваться, поняв, что цель мала; тогда он заменит ее другой, большей, стоящей за первой. Вот я: сначала хотел добиться возможности быстрого создания поселений в колониях. Дальше — больше. Уверен, что и вы найдете. Кстати, пару ваших кабин вы можете оставить, они мне чем-то понравились». Конструктор кивнул: «Берите хоть все. Теперь это — лом. Но послушайте, Георг, человек ведь может разочароваться и по другим причинам. Хотя бы морального характера».— «У меня одна этика,— сказал Георг.— Хорошо все, что хорошо для человечества».— «А если это плохо для человека? Пусть даже одного?» — «Человечество выше каждого человека. Вот вы думали об удобстве человека, а я о человечестве в целом; результат однозначен».— «Но если сам человек не согласен с этим?» — «Его надо смести. Каждого, кто мешает».— «Каждого?» — прищурился «Анакол». После паузы Георг ответил: «Каждого. Как бы трудно это ни было. Надо уметь перешагивать через себя!» Юниор молчал и слушал. И только сейчас ему пришло в голову: жена Георга могла решить, что он струсил, не осмелился сказать то, о чем она просила.

— Ну и черт с ней! — сказал Юниор сердито и стукнул кулаком по тумбочке так, что все на ней подпрыгнуло.

Вот этого делать не следовало. Потому что это было аномальным поведением. А он был на корабле один. И поэтому все время находился под строжайшим контролем. В том числе медицинским.

Гриб Умник, если бы его когда-нибудь списали с корабля, мог найти место в любой, даже высокого класса, клинике и работать там мастером на все руки, начиная с диагностики и кончая выхаживанием. И тут гриб, конечно, своего не упустил. Объявил громко:

— Тестируется нервная система. Вопрос...

— Не надо. Дай что-нибудь, чтобы уснуть покрепче.

Умник колебался. Но согласился, исходя, надо полагать, из того, что сон у людей — лучшее из лекарств.

— Включаю гипнорад...

Во сне, как известно,— уютно укладываясь, философствовал он,— время течет в обратном направлении. Что же это значит? Если все спать и спать, то мы с Ледой...

Он не выдержал. Крикнул громко:

— Дай посильнее! Что же ты?!

И тут как раз гипнорад подействовал. И он уснул. Не ожидая ничего плохого от того, что во сне время течет в обратном направлении. А следовательно, не исключено, что какая-то часть того, что тебе привиделось, на самом деле тебе еще только предстоит.

* * *

Проснувшись, Юниор пришел в себя не сразу. После ненормальной ночи остался в голове какой-то легкий туман, позволяющий видеть предметы, но искажающий их очертания. Что-то снилось, кажется... Он вспомнил и усмехнулся. Хорошо еще, что не приснился Кристалл, танцующий в обнимку с Умником. Ладно, это все неважно. Предстоит хороший день. За бортом, наверное, уже расцвел сад. В инкубаторе зреет Кристалл. Днем меньше осталось до старта.

Он привел себя в порядок, действуя не медленно и не быстро, а так, как привык, в нормальном темпе. Надо бы позавтракать. Но нетерпение грызло. Отсюда, изнутри, увидеть то, что находилось сейчас — должно было находиться — в огороженном пространстве вокруг корабля, можно было только при помощи видеоэкранов. Способ вполне пригодный; однако хотелось иного: самому, своими глазами взглянуть, проверить, убедиться. При всей научной и технической обоснованности то, что он ожидал увидеть, должно было походить на чудо. А чудо нельзя разглядывать в объектив; только лицом к лицу.

Юниор поинтересовался, что там за бортом, какая погода. Умник ответил незамедлительно и без тени удивления: чистый воздух, тепло, легкий ветер... Это почему-то особенно умилило разведчика: ветер, а? Легкий ветер, ничего себе! Но человек осторожный и опытный, он повторил вопрос в более конкретной форме: разре-

шается ли выход без скафандра и дыхательного аппарата. Разрешение было дано немедленно, без малейшей заминки.

Тогда он направился к люку. И усмехнулся, заметив, что не было на этот раз обычной откачки воздуха из тамбура, как не бывало ее во время стоянок на Земле: окружающая среда была вполне нормальной, пригодной для обитания человека... Внешние пластины люка тронулись, раздвигаясь, и в узкую щель ворвался запах, земной весенний запах, и порыв ветерка шевельнул волосы. Юниор переминался с ноги на ногу, с трудом удерживаясь от желания помочь медлительным пластинам, нажать плечом, подтолкнуть. И — кинулся вперед.

Он остановился на смотровой. И смотрел. Сколько-то времени просто смотрел. Не думая, ни в чем не отдавая себе отчета. Смотрел, и все. Никогда не поверил бы раньше, если бы ему сказали, что такую сладкую боль можно ощущать от одного только взгляда на самые, казалось бы, простые вещи.

Да,— он растроганно впитывал окружающее,— вот оно то, что нужно человеку. Как немного, оказывается... Покой снисходительных сосен. Легкое шевеление длинных березовых кос. Мерцание листвы на серых осинах. Густая трава с частыми крапинами цветов, простых полевых цветов. Вот что нужно, остальное — муть и выдумка. И наплевать, что они не выросли сами, что все создано по матрицам на атомном уровне, за несколько часов воплощено хитроумнейшей, придуманной и выполненной человеком техникой; неважно, что они уже — продукт второй степени или, как говорил об этом Георг — продукт продукта; все равно. Это метафизика. Но вот же — стоят они, и покачиваются, и бросают тень; пусть светило тоже искусственное, но тень-то настоящая, и тепло — тоже, и тонкий шелест, и посвист ветерка, это уж никак не искусственное.

И почему только когда видишь такое же дома, на Земле, то проходишь мимо, не обращая особого внимания, принимая как должное? Чистая психология, ответил он сам себе. Даже возвращаясь из рейда, когда давным-давно не видал ничего подобного и заранее радуешься мысли о встрече со всем этим, возвращение и встреча происходят не сразу: растет на экранах Солнце, возникает и увеличивается капелька Земли, минуешь внешние пояса, Луну, внутренние пояса, Большой Космостарт, где чаще всего и останавливаешься; там многое от Земли, а оттуда уже не один, а в окружении людей, которые тоже входят в понятие «Земля», отправляешься наконец на планету — как постепенно привыкаешь к тому, что открывается тебе на каждом следующем этапе. Так много души отдаешь встретившим тебя людям, что на прочее остается мало; и это прочее — и березки в том числе,— оно ведь должно на Земле быть, ты заранее знаешь, что оно есть, было и никуда не могло исчезнуть, и ты обязательно все это увидишь; а должное

всегда принимаешь не так, как подарок, купленное — иначе, чем найденное. А тут — подарок мне, находка, никак не то, чему следует быть на этой планете, где неподвижны и воздух, и, наверное, само время... Спасибо, Георг, ты меня порадовал. Да и сам контраст, конечно, тоже действует — контраст с тем, что осталось по ту сторону купола: с фиолетовым полумраком, темным песком, мрачным однообразием, от которого недолго и в петлю.. Все это можно в любой миг увидеть, стоит только всмотреться, чтобы не мешал наш яркий свет. Но не хочется смотреть туда, и не надо, так много здесь, внутри, такого, что радует глаз. Где вы там, все Курьеры на свете, куда скрылись, почему не видите? Смотрите: вот как мы, люди, представители великой цивилизации, умеем в мгновение ока преобразовывать мертвые планеты, оживлять их, делать зелеными, цветущими, радостными. Пусть пока лишь малая часть преображена — мы ведь только начали, это первый опыт, первая, еще не завершенная конструкция — то ли еще будет! Нет, Курьер, мне не стыдно было бы встретиться с тобой хоть сию же секунду!

Вот что, не стану завтракать в своих корабельных апартаментах. Позавтракаю здесь. Под деревом, в тени, на ветерке... И каждый день из предстоящих трех недель буду завтракать тут. А может быть, и обедать, и ужинать. Захочу — и ночевать буду под деревом, оборудовать времянку мне ничего не стоит, да у Георга она наверняка запрограммирована, какое-нибудь простенькое бунгало. Раз уж выпал мне такой не предусмотренный никакими планами отпуск, то я и проведу его, как полагается: на лоне природы, на пляже...

Тут он вспомнил и повернул голову, но округлость борта мешала видеть, и Юниор сделал несколько шагов по площадке. И зажмурился: так ударил в глаза свет, отраженный от зеркала большого пруда, успевшего сформироваться за ночь — тринадцатый, стоя на противоположном берегу, еще подливал воды: то ли не была достигнута нужная отметка, то ли какая-то часть все же фильтровалась сквозь оплавленный слой. Нет, вряд ли: машины свое дело знают... Вода и вода. Даже прудом не назовешь: маленькое озеро. И не такое уж маленькое, бывают куда меньше. Три недели отпуска в такой обстановке — это небывалое везение. В полном смысле — сочетание приятного с полезным.

Юниор повернулся, вошел в люк. И тут же приказал Умнику люка не затворять, пока не возникнет очевидной необходимости. Не хотелось каждый раз топтаться, пока нерасторопные механизмы делали свое дело. Пусть и в обитаемом корпусе погуляет ветерок. Единственное, что там следует предохранять от всяких посторонних воздействий — это инкубатор с растущим в нем Кристаллом. Но в тот отсек не только ветерок — туда и тропический ураган не пробьется.

Юниор отправил вниз легкий столик из своей каюты, два сту-

ла; хватило бы и одного, но ему захотелось, чтобы было два. Что он, не мог себе позволить? Быстро приготовил завтрак, спустился вниз. Невольно задержался перед тем, как ступить на траву: кто знает, как она поведет себя, эта сверхнаучная, сверхтехническая, синтезированная по атому, поддерживаемая мощнейшими, хотя и неощутимыми полями трава, пусть и самая обыкновенная на вид? Трава повела себя, как трава: покорно легла под ногой человека. Второй шаг сделал смело. Надежная трава. Добротная. Ничем не хуже той, что на Земле. Может, даже лучше: густая, ровная, точь-в-точь как та, которую надо, однажды посеяв, потом триста лет подкармливать и подстригать...

Он быстро расставил мебель, водрузил все, что принес, на стол. Сел, откинулся на спинку стула, вздохнул, зажмурился, подставляя лицо ветерку. А люди еще зачем-то спорят, что такое счастье!

Юниор ел и пил медленно, с наслаждением, какого давно не испытывал. Завтрак вдруг перестал быть неизменным элементом распорядка, он стал событием, целым праздником. Это, наверное, и значит — брать от жизни все, что она способна дать. Она дает, да мы не берем: пока делаем одно, живем уже в другом, нацеливаясь на третье; это глупо, жить надо в текущем моменте, а не в последующем. Только и всего. Но как хорошо становится сразу!

Настолько это было хорошо, что он даже не поленился подняться за второй чашкой кофе.

Завтра возьму сюда весь кофейник,— решил он, смакуя каждый глоточек.— Чудесно, просто удивительно, как все чудесно... А дальше что? Дальше? — он задумался.— Навестим Кристалл. Радости радостями, но дело прежде всего, и отпуск тебе дан не на всю жизнь. Потом? А потом получим моральное право прогуляться по своей даче, своей латифундии, своему миру, называйте как хотите, и посмотреть, что же мы везли с собой в трюме-один в виде программы «Умеренный пояс».

Он еще посидел, словно чего-то ожидая. Спохватился: чего? И понял: все время бессознательно ждал, что зачирикают, запоют какие-нибудь птички, промелькнет бабочка, прогудит жук. Тут же одернул себя: слишком многого хочешь. Ты заказал первую степень обитания. Первая степень — это флора. Растительность. Вот она и появилась. В полном объеме. А птиц тебе на данном этапе не полагается.

Столик и стулья Юниор оставил на месте, свез наверх только посуду и препоручил ее соответствующим устройствам. Потом пошел к инкубатору. Там он сразу забыл обо всем, кроме Кристалла. Долго не отрывался от бинокуляра, придирчиво проверил работу обеспечивающих механизмов, посмотрел ленты самописцев, словно любой ценой ему надо было к чему-то придраться. Но при всем же-

лании никаких претензий выдвинуть не смог. Так оно и должно было быть. Кристалл формировался — медленно, но верно. Пока незаметно на взгляд, зато в последние два-три дня он будет прямотаки расти на глазах. Что еще у нас по кораблю? Ровным счетом ничего. Всю текучку делает Умник. Если понадобится вмешательство человека — предупреждает. Хотя цивилизация отлично может обойтись и сама. Даже с тем же Кристаллом. Действительно: планету для посадки нашел Умник. Сажал машину, естественно, тоже он. Человек только и сделал, что извлек семечко из пенала и перенес в камеру инкубатора. Подумать только, какую сложную работу выполнил! Уж с подобной задачей автомату, конечно, никак не справиться!..

Так посмеиваясь над самим собой, вышел из ремонтного, затворил за собой толстую дверь, повернул маховик. Это он тоже позволял себе делать вручную. Конечно, достаточно было скомандовать — и маленький моторчик сделал бы то же самое. Но должен же человек хоть что-нибудь делать собственноручно! Хотя — он тут существует, если разобраться, на случай экстремальных ситуаций. Как, например, встреча с Курьером. Пройдет еще немного времени — и человека станут возить в анабиозе и пробуждать только при небывалом стечении обстоятельств. А если такого стечения не возникнет, он так и проспит всю дорогу. Проснется уже на Земле, ему скажут: «Поздравляем, вы совершили неслыханный полет, побывали в звездной системе «У-черта-на-куличках»,— а он, зевнув и потянувшись, ответит: «В самом деле? Возможно... И могу вам сказать, что спится там ничуть не хуже, чем в любой другой точке пространства...»

Пока струились такие мысли, Юниор успел снова спуститься и сейчас стоял на травке, жмурясь и неосознанно улыбаясь. Пойдем погуляем, как это и было запланировано. Гуляние — это не просто гуляние, это работа, если угодно: проверка поведения комплекса «Комбинатор» в полевых условиях. Внеочередная проверка — тем более интересная.

Юниор двинулся в путь, поглядывая по сторонам. Пошел куда глаза глядят, повернувшись к кораблю спиной, иными словами — направился к границе населенного пространства, которая как-никак располагалась в полукилометре от корабля, так что можно было размять ноги.

Он шел и делал открытия, и каждое заставляло его радоваться, добавляло что-то новое к тому ощущению счастья, какое в нем жило сегодня с самых первых минут. Господи, это же яблоньки стоят! Одна, другая... шесть! А это груша, И еще одна. Слива. Ну и сад запрограммирован тут у Георга! Действительно, не стыдно показать любому Курьеру. Машинально было протянул руку, чтобы сорвать яблоко. Белый налив, этот сорт он знал и жаловал. Рука замерла в последний момент.

Не увлекайся,— остановил он себя.— Тебя предупреждал Георг: они настоящие, все настоящие, однако есть их нельзя. Георг даже объяснил почему. Юниор сосредоточился и вспомнил. Потому, говорил ему Георг, что ты сам являешься достаточно мощным экраном от того поля, которое все эти конструкции поддерживает и без которого они тотчас исчезнут. Так и кусок яблока, попав тебе в рот, исчезнет. А поскольку на самом деле он есть лишь множество атомов, связь между которыми поддерживается искусственно, при помощи постоянного расхода немалой энергии,— тут ведь не химический синтез, а временные комбинации,— то это яблочко в тебе сработает как весьма мощный заряд, человеку вовсе и не нужно так много, чтобы самому разделиться на молекулы. Так что употреблять в пищу здесь ничего нельзя. Остальное — пожалуйста: трогай, рви, ломай...

Все же он хотел сорвать яблоко — была просто потребность в таком действии,— но пожалел: раз съесть нельзя, то зачем же? Подумал о том, что самое позднее через три недели вся эта роскошь, и яблоко в том числе, исчезнет, мир перестанет существовать, этот прелестный мир, и он будет тем, кто его уничтожит. Как только Кристалл встанет на место, придется все выключать, приводить в походное положение и отправляться дальше — туда, где произойдет официальное испытание и где Комбинатору наверняка поручат создавать кусочки каких-то других миров, а скромные сосенки вряд ли заинтересуют кого-то... Конечно, строго говоря, этот мир не уничтожится. Он снова перейдет в портативное, или, как говорят, транспортабельное состояние, только и всего. И до момента, когда новая команда вызовет его к жизни, будет существовать в форме программ и запаса энергии. Пусть слабое, но все же утешение. Как для тебя самого: что ты сам — потом — останешься в чьих-то воспоминаниях. Конечно, хорошо, но остаться самому, а не посредством воспоминаний, все же приятнее...

Но это ведь когда, утешил себя Юниор: еще целых три недели! Уйма времени! И все это время мир будет стоять, зеленеть, шуметь... И можно будет прогуливаться по нему, как сейчас. Подобно древнему мыслителю в каких-то там садах. Подобно средневековому феодалу. А в самом деле: корабль не хуже любого замка, а в смысле неприступности даст всякой крепости немалую фору. А вокруг — поместье. Моя земля. Мои райские сады, мои Елисейские поля. И пусть кто-нибудь попробует отнять,— кулаки сжались сами по себе,— пусть попробует...

Не сразу сообразил он, что тут бороться за свои права, за свою землю не придется — тут он единственный, как говорится — первый после Бога... Кулаки медленно разжались, Юниор даже улыбнулся, слегка растерянно, но сердце еще стучало сильней и чаще обычного, и он покачал головой не то удивленно, не то осуж-

дающе: глубоко, оказывается, сидит это чувство даже в современном человеке, человеке без корней, человеке на воздушной подушке...

Он лег на траву, подпер голову кулаками, глядел перед собой. Около самого лица колыхались травинки, их было много, разных. Юниор не знал даже, как они называются, он не был силен в ботанике, но помнил, что и на Земле встречались ему все эти растеньица — флора средней полосы, первая степень обитаемости, была дана здесь без прикрас и без надувательства, все как надо. Юниор подумал, какого неимоверного труда стоила подготовка этих программ, что реализовались сейчас в непредставимо сложных схемах Комбинатора, и невольное уважение к людям и гордость за них, за всю цивилизацию возникла в нем, а жаль было лишь, что не с кем ею поделиться.

Нет,— убеждал он себя.— Надо найти Курьера. Любой ценой! Найти и показать: вот мы. Смотри! Найти его, сколько бы это ни потребовало времени. Если даже найду его, когда стану стариком, то запрограммированные эти миры и тогда останутся молодыми, зелеными, шумящими. А если не успею...

Тут он запнулся. Закрыл глаза. Если не успеешь. Твой отец не успел найти. И поручил тебе. Сыну. Когда-то по наследству передавали имущество. Сейчас — цели и обеты. А ты кому передашь? Ведь некому.

Вот если бы с Ледой...

Юниор снова оборвал себя — грубо, резко. Стоп! Заткнись! Не было никакой Леды. Никогда не было! Думай так!

Но думать так не получалось: если бы не существовало Леды, то — можно полагать — был бы кто-нибудь другой. Он, Юниор, нормальный человек, и ему вовсе не свойственно стремление провести всю жизнь в одиночестве. Нет, быть-то она была. И если бы...

Тяжелым, тупым усилием он заставил себя отвлечься от того, о чем вспоминать не следовало, чтобы не нарушить внутреннего равновесия. Все же оно успело покачнуться, и, когда Юниор поднялся с примятой травы, все вокруг уже не казалось ему столь безмятежно счастливым, как несколькими минутами раньше.

— Ладно,— буркнул он вслух.— Но птицы пусть поют! На птиц я имею право, в конце концов?

Имел, конечно. И на птиц; трава была какой-то не до конца достоверной: не ползали, не пробирались, не прыгали и не перелетали в ней никакие жучки, паучки, муравьи, гусеницы — вся та привычная для нас суетливая мелочь, которая не позволяет человеку испытывать абсолютное одиночество, когда рядом с ним нет других людей. Да, такой вот парк — прекрасно, но это лишь первая степень обитаемости. Как на Анторе. А тут другой мир, тут не Антора, а кусочек моей среды обитания, и в нем должны летать

стрекозы, порхать бабочки, тяжелые шмели должны зависать над чашечками цветов...

Он двинулся обратно к кораблю. По дороге сорвал цветок, другой. Тщательно осмотрел; капля сока выступила на месте обрыва. Живое. Это не муляж, не имитация. Живое... Он нарвал целый букет. Поставит в каюте. Вечером, засыпая, будет смотреть на цветы и улыбаться. Давно уже он не рвал цветов. А для себя самого — и вообще, наверное, никогда. На Земле рвать их не полагалось: обеднение среды. На Земле приходилось все учитывать, до мелочей. Но здесь он может себе это позволить. Великий смысл есть в цветах,— рассуждал он, приближаясь к кораблю. И только теперь он, кажется, начинает проясняться...

Разведчик поднялся на смотровую, бережно неся цветы. Вошел в люк. Пронзительно зашипело. Сверкнуло. Острая боль хлестнула по руке. Только привычка владеть собой, умение справляться с болью позволили Юниору не заорать во все горло. За спиной быстро, как в аварийной ситуации, захлопнулись пластины люка. Он взглянул на руку. Цветов в ней не было, ладонь, багровея от ожога, на глазах вспухала, вздувалась пузырем. Разведчик! — Рассердился Юниор, гримасничая от боли и бегом направляясь в медкаюту. Ведь только что помнил, что нельзя есть яблоки. А корабль экранирует комбинирующие поля куда лучше, чем ты сам. Нельзя вносить в корабль ничего из этой квазиприроды! Зазевался — и получил по заслугам.

Чертыхаясь, он отдал пострадавшую руку в распоряжение Умника: пусть проявляет свои врачебные таланты, Гиппократ на постном масле... Умник не преминул доказать, что в медицине разбирается, в оказании первой помощи при ожогах — тоже. Хорошо,— ободрял Юниор себя, морщась, пока с его рукой делалось все, что следовало,— хорошо еще, что мне не надо работать руками. Кристалл растет и без моего вмешательства. Иначе красиво бы я сейчас выглядел... И все — по собственной глупости. Век живи, век учись...

Руку, которую он безропотно держал, засунув в непрозрачный, вроде бы металлический цилиндр, ему обработали: чем-то там поливали, чем-то мазали; Умник иногда командовал — повернуть ее так или этак. Потом залили каким-то синтетиком, который мгновенно застыл, образовав прозрачную пленку. Болеть все равно болело, хотя и не так, как вначале. Настроение испортилось. Даже в парк не хотелось, он перестал казаться милым, дружественным, надежным. К счастью, тут Умник изрек свой приговор с апломбом профессора, полагающего, что на пятерку в медицине разбирается Господь Бог, на четверку — он сам, а все остальные — хорошо, если натянут на двойку с плюсом:

— Для быстрейшего заживления и восстановления тканей предписывается постельный режим не менее чем на сутки.

Собака гриб,— беззлобно ругался Юниор, кое-как, одной рукой, стаскивая брюки: рука с цветами была в момент взрыва опущена, и хотя основное досталось ладони, но кое-что перепало и бедру, и сейчас оно стало заявлять о себе. Надо же, уложил на сутки в койку. Однако с ним даже не поспоришь: от попыток спора он всегда уходит, умолкает — и все, не желает мыслящий гриб дискутировать с мыслящим тростником... Да и что спорить, собственно? Мне и на самом деле полежать не помешает...

Чувствовал Юниор себя не лучшим образом: ожоги давали себя знать. Он улегся, откинув одеяло. В постели тоже бывает неплохо. Можно думать, читать, мечтать. Сутки-то мы вытерпим запросто, и кормить нас будут здесь, на месте; в высшей степени трогательно. Можно болеть спокойно: никто не вторгнется, не помнет траву, не оборвет яблоки. Никто. А завтра...

Да, кстати, завтра.

Он окликнул Умника. И приказал:

— Задать Комбинатору программу второй степени обитаемости. Подпрограмма: средний пояс.

Вот так,— подумал он удовлетворенно. Завтра мы проснемся здоровенькими. Выйдем в парк. И с веток нас будут хором приветствовать разные чижики. И будет это очень-очень приятно. Известно ведь: как бы ни было хорошо сегодня (а ведь было хорошо, а что руку повредил — сам виноват), нужно, чтобы завтра стало еще хоть самую малость, хоть чуть-чуть лучше. Иначе жить скучно. Завтра встанем с птицами...

Так начал он и последний из проведенных им на Земле перед стартом дней: еще не успев как следует проснуться, на ходу протирая глаза, выскочил из комнаты, сбежал с невысокого крыльца — и, сделав несколько быстрых шагов, кинулся в воду; его словно ударило несильным разрядом тока, и сразу отшелушились, будто их течением унесло, и сонливость, и все в душе, что могло помешать Юниору стать хоть на какое-то время совершенно счастливым, и каждое движение стало вдруг источником радости, когда телесное, низкое неотделимо от духовного, высокого. Неожиданно утро получилось тогда таким, какие остаются в памяти надолго, если не на всю жизнь. Еще и потому, может быть, что из воды, издалека, он увидел, как женщина в белом костюме поднималась на крыльцо, и хотя он не мог разглядеть лица, но уверен был, что она прекрасна: не могла быть иной в такое утро. Когда он узнал, что женщина эта была Зоя, приехавшая к мужу, заночевавшему там же, на предстартовой базе, чтобы проводить Юниора — это не смазало впечатления, хотя Зое он и не симпатизировал. Узнал он, что то была она, позже, когда впечатление от прекрасного утра уже выкристаллизовалось и прочно заняло место в душе.

И сейчас, здесь, еще не успев как следует проснуться, Юниор,

не думая, не решая заранее, сделал так же: метнулся к люку, заблаговременно открытому (Умник умел при случае быть предупредительным), быстро спустился, пробежался босиком по траве, размахивая полотенцем, все еще ошалело моргая, к озерцу и — не позволяя себе задержаться, подумать — бросился в воду. Брызнуло в стороны. Вода оказалась теплой. Но главное — была она настоящей, ее бояться не следовало, ее пить можно было, если бы вдруг захотелось; Юниор невольно проглотил толику, не вынырнув вовремя, и убедился: вода нормальная, только безвкусная, как дождевая — каких-то солей в ней не хватало, мельчайших примесей. Но плавать можно было прекрасно, и он насладился этим древним, простым, но далеко не всегда доступным ему благом в полной мере; еще и еще раз нырял и, вынырнув, с некоторым удивлением видел нерушимо возвышающуюся рядом полукилометровую стрелу корабля: никогда еще ему не случалось купаться в нескольких метрах от одного из этих мощных, разлапистых амортизаторов. Да, это утро тоже обещало запомниться надолго.

Потом он лежал и лежал, грелся на травке, то на животе распластываясь, то на спине, то подставляя бока светилу, хотя и искусственному, крохотному, находившемуся на внутренней поверхности незримого купола, но по спектру своему неотличимому от Солнца. Вдруг что-то кольнуло в ногу — больно и, наверное, еще больнее потому, что — неожиданно. Юниор не успел обдумать действие; рука среагировала сама, звучно хлопнув распахнутой ладонью. Красное пятнышко было на ноге, и в нем расплющенный комар разбросал ножки.

— Вот так,— удовлетворенно почесал укушенное место Юниор,— всякая агрессия да будет наказана! — И лишь потом спохватился и подумал о другом: — Комар, это как же? Выходит — и комары здесь возникли?

А прочее? — хотел он спросить самого себя, но проглотил вопрос, поняв, что задавать его излишне. Потому что сейчас не до слуха его, а до сознания долетел не сильный, но явственный причий гам. Сразу ведь и не обратил на него внимания, ибо забыл, что вчера такого не было; а теперь вспомнил и стал всматриваться и вслушиваться. И увидел многое. Вспорхнула бабочка воспарившим венчиком цветка; прошелестела стрекоза — большая, элегантная; комары звенели неподалеку, а поодаль — почудилось: кто-то, относившийся уже явно к четвероногим, прошмыгнул от куста к кусту. Тут только и вспомнил о своей команде на вторую степень обитания, но вспомнил как-то мельком, словно команда была несущественным обстоятельством и все движущееся и звучащее, что наполняло сегодня маленький мирок, возникло само по себе, как подарок неизвестно от кого. Он блаженно улыбнулся. Нет, хорошо все-таки, ах, как хорошо. Глаза закрылись от наслаждения.

Снова кольнуло — там же, где и раньше. На этот раз прежде, чем ударить, Юниор приоткрыл глаза: точно, комар сидел. Решительно хлопнул. Два агрессора, стало быть, и оба в одном месте. Он поглядел — один. Того, первого, Юниор, видимо, смахнул повторным ударом. Наверное, так... Он сидел, не двигаясь, глядя на жертву врожденной кровожадности. Сокрушенный комар еще двигал одной длинной ножкой, потом и она замерла. И крохотное тельце стало таять — быстро-быстро, как крошка сухого льда на горячей плите. Раз, два — и исчезло совсем; еще через миг — на этот раз явственно услышал — едва уловимо щелкнуло, и комар откуда-то взялся снова, на том же месте. Вот собаки,— удивился Юниор и на этот раз не стал комара казнить, а лишь помахал ладонью, и тот сорвался и улетел. Ладно, живи, раз так...

Он встал, бросив полотенце на берегу. Осмотрелся. Не только птицы и комары появились, изменилась и география его мира, Земли Блаженства, как Юниор только что окрестил этот уголок. Вчера здесь не было ручья; но машины трюма-три постарались,— видно, зачем-то это потребовалось Комбинатору,— и теперь ручеек был, неглубокое русло его красиво извивалось, исток скрывался за деревьями, но там, конечно, стоял все тот же механизм номер тринадцать, единственный источник воды на планете. Усмехнувшись,— еще сюрприз! — Юниор медленно, от каждого шага получая удовольствие, побрел вдоль ручья. Птицы ничуть не смутились от его появления и продолжали свой весенний галдеж, ежик просеменил, словно борода с проседью, сбежавшая от хозяина; от ручья стремглав кинулся прочь кто-то не выше собаки, но иных статей, тонконогий, большеглазый, в веселых солнышках пятен — никем не рожденный, он обладал все же инстинктом, повелевавшим ему бежать, а потом уж разбираться. Юниор усмехнулся, покачал головой, то ли удивляясь, то ли осуждая — нет, вряд ли осуждая, не за что было. Еще кто-то пробегал, проползал; оттуда, где деревья стояли гуще, доносились настоящие лесные звуки; не должен был в этом мире агнец ужиться с волком, напротив, тут все отличалось первозданной естественностью, такой, какой, верно, и не встретишь больше в настоящем мире Земли. Все казалось извечным, раньше нас возникшим, и не хотелось думать, что накануне всего этого не было, а были одни лишь зашифрованные в кристаллах программы, песок на планете да еще малость чистых элементов в автономных хранилищах Комбинатора. Как бедно выглядят порой причины по сравнению с их следствиями, как не соответствуют друг другу, но лавина начинается с камушка, и пресловутая соломинка ломает спину верблюда. Однако же к чему думать об этом, портить себе настроение?

Чтобы отвлечься от подобных мыслей, Юниор сперва остановился, а потом сел на траву под деревом. На Земле он стал бы

глядеть в небо, но здесь неба настоящего не было, и он стал разглядывать то деревья, то травинки, то всякого, кто вдруг появлялся в поле зрения, а когда тот исчезал — старался угадать, кто покажется следующим, и ни разу не угадал. Прекрасно было это: открывать открытое, узнавать известное — и в то же время таинственное, никем никогда не виданное, новое.

Так чудесно было, что и мысль зародилась: а не остаться ли тут подольше? Такого уж никогда нигде не переживешь. Неужели я столько не выслужил у матери Земли? Бог с ним, с Курьером, не доросли мы до них — значит, и без них проживем, все равно, не мы их найдем, а они нас — придут, когда сочтут нужным: не индейцы ведь открыли Старый Свет, и не гавайцы приплыли к берегам Альбиона, все должно совершаться по логике. Остаться здесь. Не на всю жизнь, конечно: надоест, но если не надоест, то и на всю. Одному? Ну и что же, что одному; от женщин — вся неустроенность и неуравновешенность жизни, вся дисгармония. Даже от лучших. Другими словами, даже от Леды произошла в жизни разлаженность и сомнения родились. А ведь лучше Леды никого, наверное, нет. Для меня — нет, думал Юниор здесь, в сверхмыслимом удалении от Леды и от всего, что он знал и мог когда-либо узнать. Здесь и сейчас можно было сказать себе нет, все равно не шарахнешься к ней, нет ее, во всем этом пространстве нет, а оно бесконечно, как и любое другое пространство. Но и при всем том, что она — лучшая, я не смог... Каждый раз все начиналось сначала, и было не просто хорошо, но даже немыслимо хорошо, но потом, в самый момент, в самый... Слезы, слезы... Нет, нельзя было жить с этим. Не хочу и не буду.

Юниор прервал сам себя и снова начал думать о том, как прекрасно было бы остаться здесь — даже навсегда. Умом он понимал, что не сможет, но душой — хотел и верил, что это ему нужно, и сейчас, и всегда будет нужно. И мысли такие были приятны определенностью и покоем.

А и в самом деле. Что нужно для существования Земли Блаженства? Только энергия. Микротронные схемы — они переживут Юниора наверняка. Как и вся прочая аппаратура. На Земле, после долгого перерыва, снова научились делать надежные вещи. Все, что сейчас окружает его, обладает гарантированной долговечностью. Это, правда, не может ни обеспечить, ни поддержать существование самого Юниора: здесь он не охотник и не рыбак, не пахарь и даже не собиратель. Но припасов на корабле хватит на долгие годы дюжине таких, как он, едоков, а с годами что-нибудь придумается. Вода — вот она. Нет, здесь можно жить. Полная безопасность. Планета небывало спокойна — кажется, здесь даже за пределами ненарушимого защитного купола никогда ничего не происходит. Нехватка общения? Господи, в трюме-два хранится —

записана на кристаллах — в словах и изображениях едва ли не вся мировая культура, ста жизней не хватит, чтобы всем этим воспользоваться. Тем более для книжника. А Юниор, несмотря на профессию — а может быть, как раз благодаря ей,— был книжником и нередко не без иронии думал, что среди его друзей, приятелей и просто добрых знакомых много больше литературных героев, чем реально живущих людей, и что этих книжных он и знает больше, и понимает лучше, и научиться у них может большему, чем у живых. Так что на недостаток общения или на плохую компанию он пожаловаться никак не может.

О таких вещах Юниор размышлял долго, трудно сказать, сколько именно; несколько часов, может быть. Опять ужалил комар, все же разыскавший его. Юниор машинально прихлопнул беспокойное насекомое, и комар возник вновь. Тут мысли пошли в другом направлении.

Что это значит? *Я убиваю комара, а он возникает снова.* Почему? Ответ напрашивается сам собой. Программой предусмотрено определенное, конечное количество комаров; их не будет ни одним меньше и ни одним больше, ровно столько, сколько, по этой программе, положено для данного объема. И не только комаров, но и деревьев, и ежей, и стрекоз, и травинок, и яблок на яблоне. Здесь не вероятностный мир, мир случайностей, но точно расчисленный край определенности и стабильности. Волки могут пожирать агнцев сколько угодно: овец от этого меньше не станет. И это почему-то неприятно. Потому что следует вывод: ты в этом мире не хозяин, ты не можешь — никогда не сможешь ничего изменить в нем, только жить; но мир этот существует помимо твоих желаний. Это при всем том, что ты, своей волей, создал его, позволил, даже приказал ему реализоваться и в любой момент с такой же легкостью можешь его уничтожить. Интересный ты вседержитель,— усмехнулся Юниор,— сотворить и уничтожить — да, а вот изменить не в силах даже на одного-единственного комара, на плюгавую травинку. Мир этот, пока он живет, надежно защищен от меня...

Может, впрочем, все и не так? Мало что — комар!

Юниор встал, дотянулся до ветки, решительно обломил ее и тут же, словно боясь обжечься, бросил на траву. Ветка лежала как ни в чем не бывало. Он переводил взгляд с нее на место излома и обратно. Все оставалось таким же. Юниор приободрился: видишь, не так все и страшно. Комар — ладно, а вот дерево так и осталось с обломанной веткой, и ветка лежит под ним. Значит, что-то ты и тут можешь. Конечно, если бы ты знал столько же, сколько ведомо всему громадному институту, создавшему Комбинатор, не было бы и вопросов, но вот ты не знаешь — и слава богу, что не знаешь.

Однако сидеть под деревом Юниору расхотелось. К тому же он спохватился, что не ел целый день. Он пошел к кораблю напрямик, не по ручью. Так же летало вокруг, пело, шевелилось, зеленело. Вроде бы все было в порядке, но откуда-то подкралась грусть. Юниор поднялся на смотровую площадку, хотел войти в люк, но задержался, коснулся ладонью обшивки корабля. Вот тут все верно, надежно. И если что-то нарушится, может понадобиться и мое вмешательство. Как в случае с Кристаллом. Интересно, как это? Если я в живом мире создаю машину, то я над ней хозяин. А если я при помощи этой машины создаю другой мир — то в нем я бессилен?

Вдруг он разозлился сам на себя. Чего ты, в конце концов, хочешь? Не было бы этого созданного тобой мира, сидел бы ты, пригорюнившись, а вокруг простирался один черноватый песок в лиловой дымке, и все, что ты мог бы — это поиграться в песочке, как дитя. Лучше тебе было бы? Скажи спасибо пославшей тебя цивилизации и будь доволен. До чего же неладное существо человек: все ему дай — и все равно будет мало!

После такого рассуждения Юниор вошел наконец в люк, на ходу заказал Умнику обед, решил, что вниз его не потащит, съест тут, а если потом придет охота ужинать, то можно будет и посумничать внизу, на свежем воздухе. Потом Юниор направился в ремонтный отсек и вновь долго и тщательно проверял, как идет рост Кристалла, и сверял полученные величины с графиком. Увидеть Кристалл уже нельзя было, в камере стоял туман, и Юниор знал, что рассеется он только к самому концу процесса; но приборы показывали, что все в порядке. Как и должно быть. Это вам не какая-нибудь волшебная сказка, тут дело простое: посадили семечко — и растет из него Кристалл, в положенное время вырастет и станет куда положено, при нашей активной помощи, и будет держать оси так параллельно, как никакой Эвклид не удержал бы.

Юниор пообедал и, не выдержав, снова спустился в парк: сидеть, отдыхая, внизу куда лучше, чем в каюте, иначе получалось, что птицы пели зря, это ведь он их потребовал, и вот они поют, а их никто не слушает,— это как если бы актерам приказали играть перед пустым залом: нелепо и жестоко. Он посидел и послушал птиц; может быть, к ночи и соловей запоет? Света убавилось; Комбинатор, кроме всего прочего, неусыпно следил за нормальной длительностью дня, и светило хотя и не двигалось, но прибавляло и уменьшало яркость строго по часам. По земным, конечно.

Все было как настоящее. Только солнечными часами нельзя было бы пользоваться здесь — да кому они нужны на нынешнем этапе развития цивилизации? И вообще, неспешно размышлял Юниор, разницы по сути дела никакой, вырос ли мир сам или человек его сделал и в нем поселился. Сама собой возникла только пещера,

дом без человека не строился, и человек живет в домах, а не в пещерах, и от этого чувствует себя только лучше. Нет, нелепо устроен человек вообще, и сам Юниор в частности. Ему, видите ли, сознание нужно, что мир этот ограничен и естествен. Но живут-то не в сознании, а в мире!

Кстати, о птичках. За пределами купола существует, несомненно, естественный, хотя и не очень-то гостеприимный мир. Правила Дальней разведки неукоснительно требуют постоянного наблюдения и за тем, что происходит вокруг тебя. И слишком уж расслабляться нельзя. Купол куполом и Комбинатор Комбинатором, но попозже, когда придет пора докладывать, никто не поймет, как разведчик ухитрился три недели просидеть на неизвестной планете и, будучи живым-здоровым, не нашел времени поинтересоваться, что же на ней происходит. Нет, на него просто пальцем показывать будут! Так что давай поинтересуемся.

Прежде всего Юниор снял показания приборов, которые следили за ситуацией вне пределов купола. Температура, давление и состав атмосферы, изменения в составе... Однажды, очень далеко отсюда, Юниору удалось именно по изменению состава атмосферы, вовсе и непригодной для дыхания, предугадать извержение,— тут же, буквально под ногами, от него никакое поле не спасло бы,— хотя внешне все было в совершенном порядке и даже маленького холмика нигде в окрестности не просматривалось. Но тут, сейчас, природа словно задалась целью продемонстрировать недоверчивому человеку свое миролюбие и стабильность: хотя бы на сотую долю что-нибудь изменилось! Как будто не природа, а термостат. Ну хорошо, спасибо, природа.

Наступила очередь непосредственных наблюдений. Однако что тут было наблюдать? И каким способом? Здесь, под куполом, было значительно светлее, чем вовне, хотя внутренний свет и померк. Локаторы на самом носу корабля, на мачте, находившиеся за пределами купола, работали непрестанно, но тоже никаких изменений не отмечали. А оптика или тем более непосредственное наблюдение невооруженным глазом вряд ли что дадут. Тем не менее Юниор честно всматривался в лиловый полумрак, отсюда казавшийся уже и вовсе мраком, глядел, пока глаза не заболели, и так и не смог прийти к окончательному выводу: существует ли в действительности то темное образование, что он вроде бы заметил, когда наблюдал в первый раз; а если оно не мерещится, то изменилось ли каким-то образом или является, как и все остальные, неизменной, постоянной частью этого мира. Слетать туда, что ли, разглядеть как следует, чтобы потом уж был покой? Или не стоит? В конце концов он решил, что подумает над этим несколько позже. Время тут, надо полагать, большой роли не играло, поскольку никакой угрозы, ни близкой, ни отдаленной, темная гряда, судя по всему, не представляла.

Закончив так называемые наблюдения со смотровой площадки, Юниор снова спустился. На прогулку, уточнил он без насмешки. Веду полезный для здоровья, высоконравственный образ жизни, словно адмирал в отставке. Сейчас погуляю, потом поужинаю, снова пройдусь, выкупаюсь перед сном и усну, легко и безмятежно. Эх, жизнь — другой не надо!.. Он, почти того не сознавая, шел, однако не куда попало, а по определенному маршруту и вскоре вышел туда, где отдыхал днем и где валялась — должна была валяться — на траве обломанная ветка ольхи. Ветки не оказалось. Юниор осмотрел все тщательно. Словно провалилась. Утащил какой-нибудь зверь? Но Юниор понимал: не провалилась и не утащил никто. Он перевел взгляд туда, где должен был белеть свежий излом. Не было никакого излома, ни одной поврежденной, искалеченной ветки. Юниор медленно ощупывал взглядом дерево и вскоре без труда отличил от прочих ту самую обломанную ветку — по форме она напоминала бегущего человечка. Она росла себе как ни в чем не бывало. Все тот же комариный эффект, понял Юниор. Созданный тобою мир терпит тебя, но тебе не подчиняется, без тебя обходится, хотя и зависит от твоей воли. И умри ты сейчас — он о тебе не пожалеет: ты не нужен ему как источник и проводник изменений, как элемент его прогресса, совершенствования, потому что этот мир не подвержен ни прогрессу, ни совершенствованию, это мир постоянства, а ты, человек, появившись где бы то ни было, приносишь с собой жажду изменений и потребность в них. И сколько бы ты ни ломал себе ног на этом пути, ты будешь идти, бежать, ковылять, ползти именно по этой дороге — даже не зная, та ли это дорога, те ли изменения и сюда ли надо тебе ползти или как раз в противоположном направлении. Поэтому сей мир тебя отвергает и все, что ты пытаешься в нем нарушить, восстанавливает, едва лишь в нарушенном угаснут последние проблески жизни — восстанавливает, словно бы издеваясь над тобой. Мало того: если с тобой тут что-нибудь случится, мир этот будет еще долго-долго существовать, не допуская в свои пределы ни одного человека, даже если люди появятся здесь. Они будут изнемогать на черном песке, а этот мир — зеленеть и благоухать рядом; он не впустит никого, а пробиться сквозь защитное поле такой мощности — задача практически безнадежная. Так что ты, Юниор, определенное исключение. Смирись, перестань ворчать и удовлетворись сущим. Вас тут двое: ты и мир. Вы независимы друг от друга, пока существуете; неважно, что он в основе зависим от тебя: ведь и ты зависишь от него, на тебя может упасть дерево или броситься хищник не потому, что это запрограммировано, но потому, что тут возникли всякие деревья — и молодые, и на склоне своего века, как и должно быть в природе, и ни одна программа не знает, под каким из них ты будешь стоять в каждый данный момент. Так что живи и пользуйся!

Нет, для начала — продемонстрируем этому миру, что мы его не боимся. Сейчас мы поужинаем: здесь, на лоне природы. Но этого мало. Мы и ночевать сегодня будем здесь. На берегу. В корабле есть походный комплект: какая разведка обходится без него? Возьмем спальный мешок... Нет, не мир пользуется человеком, но он — миром... Это раз. И второе. Пока реализованы только две степени обитания. Их же, как известно, три. И в высшей, третьей степени должно быть запрограммировано что-то и для человека. Третья степень не испытывалась на полигонах: Георг доделывал какие-то программы. Вот мы и испытаем. И посмотрим, что дает этот мир человеку, когда *присутствие человека становится не случайным*, а закономерным, запрограммированным фактом. Потому что лишь с появлением человека достигается полная обитаемость. Да, потребуется третья степень. И окажется, что этот мир не только ему прислуживать будет, он еще и хвостиком будет вилять, как комнатная собачка...

* * *

Юниор проснулся среди ночи. Странный, голубой свет заполнял мир. Что такое? — встрепенулся он, потом понял: луна! Даже луну предусмотрели программисты. Молодцы!

Он приподнялся на локте. Лунный свет отчего-то тревожил, сильнее забилось сердце. Кто-то промелькнул — высоко, бесшумно: летучая мышь? Сова? Жизнь не спит... В отдалении что-то приглушенно прозвенело и стихло. Возник и улегся шорох. Что-то происходит. Реализуется третья степень? А человек им не мешает, кстати? Нет, тогда Комбинатор предупредил бы о помехах. В третьей степени вряд ли есть что-то опасное для человека: в ней ведь все — именно для человека. Для меня. Других-то людей здесь нет, засыпая, подытожил Юниор вечерний спор с самим собой.

* * *

Еще не проснувшись, он ощутил на себе взгляд. Пристальный. Оценивающий. Рефлекс разведчика сработал мгновенно: Юниор откатился метра на три в сторону, на ходу высвобождаясь из спального мешка, одновременно нашаривая на себе оружие, которого не было. Приникнув к траве, напряженный, готовый к очередному прыжку — на врага ли, от него,— глянул.

Женщина смеялась.

Женщина.

Горячие мурашки вдруг промчались по телу. Дыхание остановилось. Сердце с места набрало бешеные обороты. На лице... Юниор

не знал, что у него сейчас было на лице. И хорошо, что не знал.

Женщина перестала было смеяться, даже испугалась немного, судя по глазам. Но тут же не выдержала, захохотала снова. А Юниор, растерянный, все еще лежал, прильнув к траве, не двигаясь. Женщина поднялась с корточек, выпрямилась — высокая, стройная, в легком белом платье, в точном соответствии с погодой, в босоножках. Не Леда. Нет. Другая. Знакомая. Кто?

Она подошла к Юниору, нагнулась, протянула руку.

— Как вы испугались! Это было смешно. Да вставайте же! Или вы так и решили кончить жизнь у моих ног?

Юниор неловко поднялся. Был он в одних плавках. Прекрасно, что хоть их не снял, запоздало порадовался он, кто мог предположить такое?.. Встал и стоял перед нею, не отрывая взгляда, медленно узнавая. Однако она узнала его прежде.

— Юниор!.. Вы что, не узнаете меня? Я Зоя! Проснитесь же наконец! С добрым утром!

— Ну да,— медленно, словно сомневаясь, сказал Юниор.— Вы Зоя. Конечно.

Он внутренне сжался, ожидая целой серии вопросов, какие на ее месте задал бы любой: где они находятся и почему, что все это вообще значит, да мало ли о чем можно спросить в такой ситуации. А в ответ — что скажет он в ответ? Что это — непредвиденная, сверхпрограммная проверка Комбинатора, и все происходящее — результат действий Комбинатора? Или заверит, что и сам ничего не понимает и совершенно не ожидал встретить ее здесь (что было бы чистой правдой), так что объяснить ничего не в состоянии? Или сымпровизирует еще что-то? Мысли эти промелькнули в голове за секунду; затем вопрос и в самом деле прозвучал, однако такой, какого Юниор и предусмотреть не мог:

— Как вы здесь оказались, Юниор? Я страшно удивилась, увидев вас спящим в саду. И это...— Она плавно повела рукой в сторону корабля, возвышавшегося на его законном месте, корабля — центра и источника всего этого мира.— Почему вы решили спуститься в такой близости от дома? Что-то очень срочное? По-моему, такое приземление разрешают лишь в крайних случаях. Вам так неотложно понадобился Георг? Он, наверное, еще спит, бедняга, думаю, что он лег под утро, у него было столько возни со всей его аппаратурой... Да что же мы стоим? Вы можете упрекнуть меня в отсутствии гостеприимства, но это не так, честное слово. Идемте, Юниор. Я проголодалась, завтракать пора. Рада, что вы заглянули к нам, да еще таким необычайным образом. А то до сих пор мы ведь по-настоящему и не познакомились, правда?

Не умолкая, она свободно взяла его под руку и на его почти умоляющий взгляд (черт дернул оставить вчера одежду наверху, в каюте) тряхнула головой:

— Ну что вы, Юниор, перестаньте. Мы все здесь ходим так. Лето есть лето, с температурой меняется и уровень приличий, не так ли?

Прикосновение ее руки, мягкой, теплой, было как удар хлыста. Юниор только не понял, что было источником такой его реакции: то, что впервые за долгое время женщина оказалась рядом и коснулась его? Или — совсем другое: если подумать, то женщина ли это или...

Они шли по тропинке, хорошо утоптанной — по ней ходили явно не первый день. Несколько часов назад тут не было никаких тропинок: сам Юниор не успел их проложить, а больше и некому было. Только женщины и не хватало в нашем мире. Евы. Ничего себе сюрпризы преподносит Земля Блаженства... Дрянное название придумал ты, Юниор, лучше не станем употреблять его.

Да не женщина это. Фикция. Такая же, как и все остальное. И удивляться тут нечему. Если бы ты вчера подумал как следует, то понял бы сразу: третья степень обитания — это не только условия для человека. Но и сам человек. Никто ведь не предупреждал тебя, что ты должен будешь изображать обитателя этого мира, если придется демонстрировать его Курьеру или кому угодно. Следовательно, должны быть другие: фигуранты. Такие же условно-реальные, как и все здесь. А раз люди, то и женщины, понятно. Не обязательно, конечно, Зоя. Но это уже касается одного лишь Георга: захотел тиражировать свою супругу — пожалуйста, а Юниору не все ли равно? Новый этап испытания, только и всего...

Так-то оно так; но когда это здравый смысл одерживал верх в присутствии женщины? Да и если бы во всех подобных случаях повиноваться здравому смыслу — давно исчезла бы и сама память о человеческом роде... И Юниор продолжал упорно смотреть на Зою и не мог отвести глаз, хотя и понимал, что это просто неприлично.

Поэтому он не сразу заметил дом, к которому вела тропа: широкое, легкое строение, современное — если говорить о том времени, какое стояло сейчас на Земле. Очень славное строение. Если программисты хотели дать Курьеру точное представление о среднеземном уровне жизни, то они, конечно, перестарались немного: большинство землян жило не в таких домах — просторных, вольно раскинувшихся, окруженных шумящей тенью деревьев. Но такие преувеличения во все времена были свойственны устроителям подобных демонстраций. Ладно, понадобится — покажем Курьеру этот дом, в конце концов голой выдумкой назвать его тоже нельзя.

Только тут до сознания Юниора дошло, что его о чем-то спросили.

— Вы глубоко задумались, Юниор. О серьезных делах, я понимаю. Не то пришлось бы заподозрить вас в невнимательности.

— Простите, Зоя.

— Я спросила: почему вы, вместо того чтобы постучать в дверь и получить нормальный ночлег, устроились таким дикарским образом? Неужели в ваши профессиональные обязанности входит — спать в мешке, даже когда есть возможность избежать этого? Боялись побеспокоить? Стеснить?

— Да,— сказал Юниор.— Стеснить. Вот именно.

— Напрасно. И обидно. Неужели вы думаете, что в этом доме для вас не нашлось бы места?

Дом был уже совсем близко, и Юниору пришлось признать, что место для него там действительно нашлось бы.

— Честное слово, я готова обидеться. В конце концов, что это значит? Всего несколько минут назад я вас встретила — и вы уже успели так нагрешить передо мной. Невнимательность, небрежение моим гостеприимством — о, вам долго придется замаливать ваши грехи.

— Готов,— Юниор покорно наклонил голову. Увидел ее ноги в босоножках и поспешно отвел взгляд.

— Тишина какая,— сказала Зоя протяжно.— Правда, Юниор, у нас чудесно?

— Да,— согласился он.— Вы даже не знаете как.

— О нет.— Зоя тихо рассмеялась.— Я-то знаю...

Они поднялись на крылечко, взошли на широкую, открытую веранду. Низкий овальный стол, соответствующие по высоте кресла, еще какая-то мебель; Юниору очень хотелось внимательно рассмотреть каждую вещь, каждый предмет обстановки, но неудобно было пялить глаза. Ладно, решил он, успею еще, это никуда не денется... Фикция, да; легкий шарф, повисший на спинке одного из кресел, отодвинутого дальше других, раскрытая — обложкой вверх — книжка на столе, рядом — глиняная ваза с цветами. Фикция?

— Присядьте, Юниор. Вы не обижаетесь, что я вас все так — по прозвищу? Но я, честное слово, не знаю, как вас зовут.

— Я и сам забыл,— серьезно сказал Юниор.— И потом, мне нравится всегда быть младшим. По-моему, это должно обещать вечную молодость.

— Ах, если бы в жизни сбывалось все, что обещано.— Зоя искоса взглянула на него.— А вы сами — выполняете обещания?

— Стараюсь.— Невольно Юниор переходил на ее тон — непринужденный, чуть несерьезный, ни к чему не обязывающий, и все же... Он не хотел такого разговора, но переломить настроение был не в силах, с самого начала уровень и характер общения определяла Зоя.

— Сохраню это в памяти. Садитесь же. Рада была бы предложить вам газеты или какое-нибудь зрелище, но мы здесь принципиально изолируемся от всего подобного. Отдых так отдых. Хотя от вас мы и тут не укрылись... Вы ведь сегодня стартуете?

— Сегодня?

— Разве что-нибудь изменилось?

— Нет,— ответил Юниор.— Все осталось по-прежнему.

— Чему же вы удивляетесь? Думаю, что я не ошиблась. Георг собирался ехать проститься с вами, помахать рукой...

Ну да, Георг присутствовал на старте. Значит, буквально в последний день он снял со своей жены матрицу. Да еще ухитрился сделать это так, что у нее ничего не сохранилось в памяти, иначе она непременно упомянула бы. Впрочем, может быть, еще скажет...

— Всю жизнь буду гордиться тем, что последний раз перед стартом вы позавтракали у меня. И более того: последнюю на нашей планете ночь проспали в моем саду...— Она улыбнулась.— Хотя нет. Не бойтесь. Я не стану рассказывать об этом. Напротив. Буду молчать. Иначе ведь могут не поверить, что это получилось, ну, просто так. А Георгу достаточно будет услышать от кого-то даже самое глупое предположение, чтобы...— Она резко переменила тему.— Ну, я шучу, вы уже поняли. Бегу, бегу. Воображаю, какой голод испытываете вы, а я все болтаю. Не обижайтесь, Юниор, милый. Значит, так: кофе, тартинки... Но прежде — салат.

Юниор только кивал.

— А против рыбы вы станете возражать? У нас прекрасная рыба.

— Рыба?

— Решено. Одним словом, вы капитулируете. Сдаетесь на милость победителя.

Юниор поднял руки.

— Охотно.

— Вы поступаете правильно. Все равно вам пришлось бы признать поражение, но после напрасных жертв. В награду вам я сразу же после завтрака разбужу Георга, раз уж он вам так нужен. И вы совершенно не потеряете времени. За едой Георг все равно никогда не говорит о делах...

Она одарила Юниора еще одной улыбкой и исчезла в доме. Красивая женщина,— подумал Юниор.— Помню, как она поднималась тогда на крыльцо. Почти как сейчас. Забавно. Встретить знакомого человека там, где никого встретить не ожидаешь — кроме разве Курьера, но и того тоже не ожидаешь: это — потом. Не человека же, какой она человек! — снова всплыло у него в голове и снова кануло куда-то, потому что Зоя вошла, катя столик, на котором уже было приготовлено все для завтрака. Всякая посуда, пустая и полная, а посреди — фарфоровый кофейничек, распространявший вкусный запах. Зоя быстро расставила все, как полагалось, села, улыбнулась:

— Вы у меня в гостях, так что я поухаживаю за вами.

Юниор только кивнул, улыбаясь широко и неосознанно, не зная, что принято в таких случаях отвечать: забыл, забыл все на свете,

дикарь... Зоя положила что-то на его тарелочку, еще и еще, налила кофе — пряный запах ударил в ноздри. Юниор, не размышляя, потянулся за чашкой, поднес к губам. Розовая полоса на тыльной стороне недавно обожженной кисти руки оказалась перед глазами. Рука дрогнула. Медленно распрямилась, ставя чашку на место.

— Спасибо, Зоя...

Она обиженно подняла брови.

— Претензии к рецепту? Или вы вообще не пьете кофе? Можно чай, соки...

— Нет, Зоенька. Ваше очарование чуть было не заставило меня забыть... (о чем же забыть, черт возьми?) о моей диете. Она неизбежна при таком старте, какой предстоит мне.

— Неужели в день старта вы обязаны поститься?

— Вот именно! Разве Георг не говорил вам?

— Ни слова. Но я спрошу у него! Как нелепо... Но хоть что-нибудь! Чтобы мне не казалось, что вы обижены.

— Ну что вы, Зоя. На что я мог бы обидеться?

— Не знаю. Бывает... Может быть, вас смущает, что я принимаю вас в отсутствие Георга? Но он же дома, он просто спит.

Как же, спит он, хотелось ответить. Хотя как знать — Георг мог задать Комбинатору и свою собственную матрицу, от него можно всего ожидать, теперь я это понял...

— И что же? — ответил он вслух.— Почему его отсутствие должно смущать меня? — Он постарался улыбнуться как можно очаровательнее.— Может быть, наоборот, оно придает мне смелости! Но вы ешьте, Зоя, пусть мой отказ вас не смущает: необходимость! Честное слово, я с громадным удовольствием присоединился бы к вам.

— Я и правда проголодалась...— Она положила себе на тарелку чего-то — зеленого с белым.

— Разрешите мне поухаживать за вами.

— С удовольствием... Да, пожалуйста... Нет, это — потом...

Юниор налил ей кофе. Рука не дрожала. А в груди бешено колотилось сердце. Ну и мир! Такие провокации! Еще секунда — и я выпил бы! И конец всему. Нет, не всему — мне конец. Сожгло бы. Пусть вода здесь и натуральная, но кофе наверняка такой, как и все вокруг. Разорвало бы на кусочки. И Зое пришлось бы вместо завтрака наводить здесь чистоту...

— Чему вы улыбаетесь, Юниор?

— Так... может быть, тому, что вы подозреваете меня в обидчивости. Или в пристрастии к этикету.

— Не знаю... У вас могли быть какие-то... личные отношения с Георгом. Он, знаете, не из легких людей. Подчас с ним бывает трудно даже мне. И на работе иногда...

— На работе бывает все что угодно.

— И все же он не из легких... У вас не возникало с ним никаких осложнений?

— Из-за чего?

— Помните — на банкете мы танцевали с вами, потом еще немного поболтали...

— И что же? По-вашему, это могло ему не понравиться? Он говорил вам что-нибудь по этому поводу?

Зоя ответила не сразу:

— Сейчас как раз такой период, когда мы не очень много разговариваем. Когда он занят серьезной работой, дома он почти немеет. Нет, мне он не сказал ни слова. О нас с вами — я это имею в виду.

— Простите.

— За что же?

— Предложить вам еще что-нибудь?

— Благодарю, но я сыта. Не позволяю себе много есть. Пресловутая линия...

— У вас она, я бы сказал, идеальна.

— Спасибо за комплимент, но к такой я стремлюсь.

— Это так важно?

— Мужчине никогда не понять таких вещей. Не примите за упрек: у нас от природы разное мышление.

Милая девочка, сожалел Юниор, какая же ты природа? Ты — продукт даже не вторичный, а третьего порядка, а природа тут — то, что за куполом. Но насколько же ты приятнее той природы!

— Да,— сказал он со вздохом,— в этом смысле мы глубоко ущербны. И все же — разве мы не умеем ценить красоту?

Интересно, отметил он для себя, как-нибудь потом надо будет потолковать со специалистами. Точно зная, что она — всего лишь фикция, я веду себя с нею так, как если бы она была самой настоящей женщиной. Что это — влияние красоты? Но ведь в самом деле — настоящая, только происхождение ее не то и условия существования крайне ограничены: до поры, пока не снято поле. А во всем остальном — женщина. И с ней можно...

Эта простая мысль ударила его, как боксер, прямо в одну из самых уязвимых точек — и он поплыл в «грогги» и перестал дышать.

— Умеете, хотя и не все. И часто — не так, как следует. Слишком утилитарно. Венеру ведь вы не примеряли к себе в постели?

— Нет,— улыбнулся он.

— А просто женщину, если она красива?

— Но она ведь живая!

— Да. И поэтому ей поклонение еще нужнее.

— Вы правы,— сказал Юниор.— Но этому надо учить. Как и восхищению Венерой, кстати.— Он поднялся, отодвинув кресло.— Позвольте поблагодарить вас...

Зоя протянула руку. Юниор поцеловал ее и в очередной раз удивился точности работы программистов. Все, буквально все — даже запах духов, какими пользуются много лет подряд, так что он как бы въедается в кожу... А ведь еще несколько часов назад этой женщины не существовало в природе.

— И все же меня терзает совесть,— сказала Зоя.— Вы так и вышли из-за стола голодным.

— Не ваша вина. Я рад тому, что и не моя: я не простил бы себе, если бы обидел вас как хозяйку дома.

— Посидите еще. Я попытаюсь разбудить Георга, он ведь вам нужен...

Зоя снова ушла в дом. Юниор глядел ей вслед, размышляя. Не так-то просто было понять, что побудило Георга снять матрицу именно со своей жены. Желание, чтобы и в других мирах увидели ее, поняли, что такое красота в земном понимании (в понимании Георга, точнее; но в этом случае никто, пожалуй, не стал бы с ним спорить). Может быть. Или... процесс матрицирования вовсе не так безвреден, как уверяли специалисты, и Георг не хотел подвергать риску постороннего? Кажется, времена трагической медицины давно миновали. И потом, Георг при всех приписываемых ему подлинных и вымышленных недостатках человек порядочный: нет никаких доказательств иного. Он прежде снял бы матрицу с самого себя. Может быть, он так и сделал? В таком случае Георг вскоре покажется в дверях, заспанный и немного злой. Странная была бы ситуация: фикция Георга приняла бы участие в испытании и, наверное, у нее возникли бы какие-то идеи по улучшению аппаратуры, создавшей его самого... Ну, а если ни то и ни другое? Какие-то причины более личного порядка? Ходят слухи, что он смертельно ревнив. Остроумно было бы: создать фикцию собственной жены — для поклонения всех желающих, подлинник же держать поближе к дому. Да (фантазия обрадованно разыгрывалась, как жеребенок, выпущенный на никем не тронутый лужок), но можно представить, что фикция возвращается домой. А она неизбежно вернется домой, больше ей идти некуда, и потом — она его жена, и ее не убедишь в другом, их просто стало две абсолютно одинаковых женщины; она вернулась — и сможет ли Георг сам различить их. Нет, наверное: близнецы, по сути дела. И пришлось бы Георгу срочно выключать поле, чтобы разобраться: та, что останется, и будет настоящей. М-да, вот какие коллизии могли бы возникнуть. Нет, никакие личные интересы тут, конечно, не замешаны. Тут...

Зоя вышла из комнаты; она казалась слегка удивленной.

— Странно: в спальне его нет...

Юниор пожал плечами:

— Наверное, встал уже. Принимает ванну.

— Нет. Я посмотрела.

— А когда вы вставали — он еще спал?

— Н-не знаю...— Зоя чуть замялась.— Мы пользуемся отдельными спальнями. Но вечером он приехал, поужинал, ушел к себе и сразу лег, по-моему. Ушел... купаться? Мы бы его встретили. Может, отправился пройтись по парку?

— Вероятно.

— Я схожу посмотрю...

Зоя сбежала с крыльца. Юниор кивнул собственным мыслям. Никакой трагической медицины. Себя копировать Георг не стал. Он пребывает сейчас на Земле с Зоей — настоящей, но теперь не единственной в мироздании.

Какая великолепная работа, просто не устаешь удивляться! Не только структура тела, организма,— в конце концов, об этом мог бы судить разве что сам Георг,— но и сознание воспроизведено до невероятного правдоподобия, до едва уловимых мелочей. Значит, учтены все потенциалы мозга, все рассчитано, а еще вернее — гениально угадано. Однако... не очень мне это нравится, Георг. Ведь обнаружив, что тебя нет, Зоя неизбежно будет потрясена, будет тяжко переносить все, что ей предстоит узнать о себе — фикции. Не кажется ли тебе: фикцией или как угодно — пока поле не убрано — она живет: чувствует, переживает... Или это месть? Месть той Зое, которая осталась там, с тобой? Месть через копию, изображающую того, с кем человек опасался испортить отношения и предпочел, так сказать, лупить палкой куклу? Был, говорят, такой способ снятия стрессовых ситуаций... Это жестоко, Георг, как ни верти. Бедной молодой женщине будет нелегко. Да и мне с ней — тоже.

Однако Юниор пытался развязать этот узелок. Георга здесь нет, ладно. А кто же есть? Я. Почему? Еще одна проблема. Если фикция человека, как и все прочее, предназначена для демонстрации Курьеру, то, по логике вещей, должны быть запрограммированы два человека. Мужчина и женщина. Двойка, на которой зиждется все. А существует пока только женщина. Должен быть еще кто-то. Но не я. Я — за скобками. Я не экспонат. Но, может быть, кто-то другой и существует? В таком же домике, в километре отсюда, в противоположном конце парка? Интересно, кто? Кто-то из знакомых? Фу, черт, если бы вовремя подумал обо всех этих сложностях — пожалуй, и не стал бы реализовывать третью степень, обошелся бы без бунгало...

Послышались быстрые шаги. Зоя поспешно взошла по ступенькам. Она была взволнована.

— Юниор, его нигде нет.

— Вы хорошо посмотрели?

— Он же не булавка! Обошла весь парк, звала — никаких следов.

— И никого другого?

— Мы здесь как бы на отлете, к нам редко забредают случайные люди. Нет, никого не было.

— Вот как,— пробормотал Юниор.

— А что? — Зоя с тревогой глядела на него.— Вы думаете, кто-то мог забраться, и... Но это невозможно. Юниор, мы живем не в каменном веке! — Она поднесла ладони к вискам.— Как вдруг голова разболелась... Обождите, я приму что-нибудь. Только не уходите, пожалуйста...

Но еще не дойдя до двери, Зоя вдруг остановилась, повернулась, глаза ее расширились, в них промелькнул ужас.

— Юниор, я, кажется, поняла...

— Говорите, Зоя.

— Это нечто ужасное... Неужели вы могли?..

— Не понимаю.

— Георг иногда, если не спалось, любил ночью выйти в парк, прогуляться, подумать...

— И что же? Думаете, он упал в пруд и утонул?

— Как вы можете шутить в такой момент!

— Я не шучу.

— Утонуть он не мог: он прекрасно плавает... Не в этом дело. Вы садились ночью, Юниор! Вы, конечно, могли не заметить его сверху — такая махина и маленький человек...

Теперь он наконец понял.

— Зоя, Зоя! Вы что, в самом деле подумали...

— Разве не бывает несчастных случаев? Георг, бедный мой...

Сейчас она расплачется, предположил Юниор. Этого я терпеть не могу, с плачущими я теряюсь. Мало было Леды?..

— Зоя! — Он почти выкрикнул ее имя строгим «командным» голосом.— Вы были рядом с кораблем! Вы хоть потрудились разглядеть его?

— Он так велик, что я решила сделать это потом.

— Вы предполагаете, что я, садясь, раздавил Георга? Сходите туда и убедитесь — это невозможно. Корабль опирается на три амортизирующие фермы, сам он — высоко над грунтом. Амортизаторы раздвигаются лишь тогда, когда машина зависает над землей и приборы убеждаются, что внизу нет никаких помех. Я не только человека, я и мыши не мог раздавить, даже если бы хотел! А опускается машина на антигравах, это не ракетные двигатели, у них нет никакого выхлопа, нет пламени. Да и кроме того...

Он чуть не сказал: «Да и кроме того, когда я садился, тут вообще ничего не было, кроме черного песка!» Но вовремя сдержался. Сказав это, пришлось бы говорить и обо всем остальном.

— Я не палач,— заключил он мрачно.— Ну, Георг, это уж прямо садизм какой-то с твоей стороны. Погоди, встретимся...

Зоя смотрела на Юниора, ужас в ее глазах постепенно исчезал. Она даже попыталась улыбнуться.

— Вы думаете, Юниор, с ним ничего не случилось?

— Более чем уверен,— ответил он искренне.

— Тогда... тогда где же он?

— Мало ли где... В институте, например.

— Да. Знаете, я не подумала. Действительно, он мог даже среди ночи, даже во сне вспомнить о чем-то, что обязательно надо доделать... Сейчас же позвоню в институт!

Она кинулась в комнаты. Юниор ждал. Зоя снова появилась минуты через две.

— Просто сговорились все... Что-то случилось с телефоном. Такое впечатление, что нас отключили: ни гудков, ничего! Вы не посмотрите, Юниор?

— Хорошо,— согласился он, следуя за ней. Телефон был в первой же комнате — просторной, полутемной, гардины еще не были раздвинуты. Юниор разглядел большой стол, диван, стены отблескивали стеклом: книжные полки, наверное... Телефон стоял на маленьком столике. Юниор снял трубку. Тишина. Потом раздался знакомый щелчок. Снова тишина. Снова щелчок. Телефон был подключен к корабельной связи. При желании можно было бы поговорить с Умником. Такого желания у Юниора сейчас не возникло. Он положил трубку.

— Ничего нельзя поделать, Зоя. Это не у вас, а там, в централи.

— Что же делать?

— Подождать. Телефон не может бездействовать долго.— Он чуть ли не презирал себя в это мгновение, понимая, что никуда не уйдет от тяжелой обязанности объяснить Зое — или не Зое — все. Но мало объяснить: надо еще, чтобы она поверила, а убедить женщину в том, во что она не хочет поверить, трудно.

— Я не могу ждать, Юниор, как вы не понимаете? Я должна понять, в чем дело, убедиться, что все в порядке. Придумайте что-нибудь, вы же опытный человек!

— Мой опыт, Зоя... К чему тут мой опыт? — Юниор повернулся, вышел на веранду, Зоя шла за ним.— Давайте поразмыслим вместе.

— Ничего не могу придумать.

— Бестактный вопрос: у вас с ним все было хорошо?

Зоя, кажется, рассердилась, надменно подняла голову, опустила веки. Но все же ответила:

— Что вы имеете в виду?

— Житейское дело,— проговорил Юниор.— Взял да ушел. Может быть, вы поспорили, поссорились. А может быть...

— Другого «может быть» не существует,— ответила она высокомерно.— Других женщин, кроме меня, для Георга не существовало. Поверьте. Спорили, ссорились? Разве можно прожить без этого?

Но только...— Она пристально взглянула на Юниора, тряхнула головой.— Если кто-нибудь и ушел бы, то я, а не он, понимаете?

— Что ж тут непонятного,— пожал плечами Юниор.— А он знал об этом?

— О чем?

— О том, что вы можете уйти.

Зоя секунду смотрела на Юниора, словно не понимая, чего от нее хотят. Потом сдвинула брови.

— Я не подумала... Признайтесь: он что-то говорил вам?

— Ни полслова.

— Поклянитесь... всем, что для вас свято! Любимой женщиной, детьми...

Ни того, ни другого у Юниора не было. Тем не менее он серьезно произнес, подняв даже два пальца:

— Клянусь.

Это, кажется, немного успокоило взволнованную женщину. Несколько секунд она молчала, пытаясь, наверное, разобраться в мыслях, на которые натолкнул ее Юниор. Потом улыбнулась:

— Не думаю, что угроза моего... возможного ухода могла бы заставить его совершить такой поступок. Георг не из тех, кто идет навстречу опасности. Тем более не станет он ускорять события, которых сам не желает. Напротив, как бы ни мала была вероятность достижения цели, он будет делать все возможное и невозможное, чтобы достичь ее, и в конце концов добьется своего. Поверьте, я знаю его лучше, чем кто-либо в мире.

— Не сомневаюсь,— вежливо согласился Юниор. Хотя про себя хранил некоторые сомнения: женщины умеют поддаваться собственным уговорам, начинают верить в них, как в истину. Да ведь, если разобраться, речь шла об отношениях реального Георга с его реальной женой, так что и нескромно было, пожалуй, вторгаться в них. Интересно, подумал ли Георг о возможности такого использования своего изобретения? Вряд ли. Георга волновали прежде всего технические проблемы.

— Поверьте, он таков. Никто и никогда не видел его побежденным. Если он брался решить проблему — он ее решал, не помню случая, когда это не удалось бы ему. Безразлично — научная проблема, техническая или личная. Так что ваша догадка, Юниор, необоснована! — Кажется, Зое удалось окончательно убедить себя, она оживилась, прежняя улыбка вернулась на лицо.— О, мне только что пришло в голову! Если он ушел, то не пешком же! Я посмотрю, в гараже ли его машина — тогда и подумаем...

Юниор не успел сказать ни слова, как она уже спустилась с крыльца и свернула за угол дома. Гараж,— следил за ней взглядом Юниор.— Интересно, запрограммирован ли здесь гараж? А почему бы нет? Если уж демонстрировать уровень жизни, то во всей пол-

ноте... Сколько машин у них было — две, три? Право же, Георгу нельзя отказать в остроумии...

Он насторожился. Неожиданный звук послышался из-за дома, звук, тысячи раз слышанный и тем не менее невероятный. Работал мотор автомобиля, работал на высоких оборотах — так трогают с места малоопытные водители... Юниор спустился с крыльца, сделал несколько шагов. Машина вылетела из-за дома, кремовый спортивный кабриолет, верх его был откинут. Зоя резко затормозила.

— Его машины нет! — крикнула она.— Я — в город, в институт и домой. Я должна его найти! Нет, нет! Вы оставайтесь здесь, если он приедет раньше. Объясните, скажите, я скоро вернусь! — И машина рванулась с места.

Она вернется куда скорее, чем ей кажется. Полкилометра — полминуты, а дальше — купол... Ну вот, Зоя, путешествие закончилось... Он слышал, как в отдалении раз за разом взвывал мотор: Зоя пыталась вырваться из-под купола, ничего не понимая, отчаиваясь, бедное существо... Если сцепление сгорит, возвращаться ей придется пешком — правда, и это не займет много времени...

Сцепление, однако, выдержало: звук мотора приближался. Юниор двинулся навстречу. Теперь будет трудно скрыть что-либо, придется говорить откровенно. Да, задача, скажем прямо, нештатная... Он прислушался: звук мотора оборвался. Остановился. Как бы она чего-нибудь с собой не сделала сгоряча... Хотя, тут же успокоил себя Юниор, она принадлежит Комбинатору, он моментально ее восстановит, как только с ней случится худшее. Юниор поежился, поняв, что Комбинатор воспроизведет ее в том же виде, в каком была она в начале существования — то, что произошло потом, принадлежало уже не Комбинатору, а только этой фикции, женщине, называй как угодно — и новой Зое придется опять разыскивать Георга, удивляться присутствию Юниора, и так далее. Нет, лучше не доводить до этого! Он ускорил шаги.

Зою он нашел метрах в двухстах от дома, за поворотом не очень наезженной, но все же дороги, которая доходила, видимо, до самого купола, являясь принадлежностью третьей степени обитаемости. Зоя стояла у машины и растерянно оглядывала все, что было вокруг: кусты, деревья, траву. На Юниора она тоже взглянула так, словно видела его впервые в жизни.

— Зоенька, успокойтесь.

— Юниор, может быть, все это мне только мерещится? Я сошла с ума?

— Нет, Зоя. Вы...

— Я ничего не могу понять. Так ведь не бывает! Я проехала немного, потом почему-то забуксовала, машина ни за что не шла дальше. Хотела пешком — но там что-то черное, и никак нельзя

пройти. Знаете, как бывает, когда очень сильный ветер дует навстречу и не пускает...

— Послушайте, я вам...

— Подождите. Это не все. Я только сейчас обратила внимание. Понимаете, что-то случилось. Местами я не узнаю нашего парка. Куда-то исчезло многое. Беседка, садовые скульптуры — Георг так дорожил ими. Нет некоторых деревьев — вместо них совсем другие. У Георга есть увлечение — сажать редкие деревья, экзотические. Зимой с ними бывает столько возни... Их нет. Я проехала мимо пруда — он, по-моему, стал меньше, да и очертания его...

— Да,— сказал Юниор, внутренне собираясь с силами.— А все остальное в порядке?

— Что вы имеете в виду?

— Солнце, например.

— Юниор, сейчас не до шуток... Что может случиться с Солнцем?

— То есть вы на него и не посмотрели. Я правильно понял?

— Не на Солнце же мне искать Георга!

— Нет. Но, может быть, в том направлении.

— Неуместное остроумие!

— Никакого остроумия, Зоя. Сейчас я попробую объяснить вам, в чем дело. А вы постараетесь отнестись к моим словам всерьез. И понять. Вы способны слушать, не перебивая, десять минут?

— Попытаюсь,— слабо улыбнулась она.

— Если что-то не поймете — спрашивайте. Но с самого начала знайте: то, что я скажу вам,— реальная истина, какой бы фантазией вам все это ни показалось. Итак, слушайте. Допустим, Георг был здесь и исчез. Но как, по-вашему, он и беседку захватил с собой? И скульптуры, и даже деревья? Вырыл, увез — а на их место посадил другие — и все это за несколько часов?

— Я же говорю вам: это загадочно...

— А кроме того, изменил очертания пруда и его величину?

— Конечно, это кажется невероятным. Но как объяснить это?

— Все дело в том, что мы вовсе не на вашей даче находимся, как вы решили.

— Простите, Юниор, но это чушь. Что я, не знаю своей дачи?

— Это ее точная копия.

— Таких нет. Дом построен по специально заказанному проекту.

— Копию сняли именно с вашего дома.

— Каким образом? И зачем?

— Каким образом — об этом гораздо лучше смог бы рассказать Георг, если бы находился в пределах досягаемости. А зачем — я могу ответить. Для того самого эксперимента, ради которого так много работал Георг, ради которого полетел я и в котором, видимо, приняла какое-то участие и жена Георга.

— Почему вы говорите обо мне в третьем лице?

— Минуту... Задача Георга заключалась в общих чертах в том, чтобы создать точную и действующую модель уголка нашего земного шара — создать где-то в совершенно иных условиях и независимо от них. На любой другой планете.

— Да, Георг говорил об этом.

— Тогда вы должны все понять.

— Наоборот, теперь я и вовсе ничего не понимаю. Не станете же вы утверждать, что это,— она повела рукой,— не Земля?

— Именно. Это — модель кусочка земного мира. Точнее — части вашего парка. Видимо, Георгу было легче работать со знакомым материалом. Хотя тут можно создать не только эту модель, но и множество других, разных.

— Погодите. Другие меня не интересуют. По-вашему, выходит, что мы не на Земле? А где же?

— Не знаю. Я летел не сюда. Сел по необходимости. Если уж хотите точно, то мы даже не в нашем пространстве. Не знаю, понимаете ли вы, что это значит.

— Мы с Георгом познакомились, когда я начала работать у него в лаборатории. Поэтому не скажешь, что я абсолютно безграмотна. Если не ошибаюсь, это значит, что у нас нет даже связи?

— *Совершенно верно.*

— Хорошо, пусть так. Но при чем тут я? Как я попала сюда? Вы говорите, дом — модель, ладно, не спорю, могу поверить. Но я-то не модель!

Юниор вздохнул.

— Конечно, в это вам будет труднее всего поверить. И я был бы рад не говорить ничего такого. Но вы ведь и сами понимаете...

— Пока я ничего не понимаю. Я отлично знаю, кто я такая. Знаю, что еще вчера вечером все было в порядке.

— А что было вчера, кстати?

— Ничего особенного. Чуть ли не весь день я провела с Георгом в его институте. Вообще-то я приезжаю туда не часто — чтобы не отвлекать его. Но вчера это было связано с его работой. Меня исследовали, таскали из камеры в камеру, облепляли датчиками, записывали... Это было очень утомительно, но я вытерпела. Ведь не впервые я подвергалась таким процедурам. По-моему, уже в четвертый раз или даже в пятый...

— А для чего, вы знаете?

— Разумеется. Георг хотел создать модель человека, он и не скрывал. Но у него не получалось, и каждый раз были нужны новые записи. Если ты жена гениального человека, приходится терпеть. Боюсь, у него и вчера не получилось ничего хорошего — во всяком случае, он был достаточно мрачен.

— А потом?

— Потом? — Зоя задумалась.— Я уехала домой, а он, как я уже говорила, приехал поздно. Мне очень хотелось спать... Утром проснулась, вышла к пруду — и увидела корабль и вас.

— А вернулись вы — сюда или, может быть, в ваше городское жилье?

Зоя нахмурилась. Через несколько секунд ответила:

— Не помню. Кажется, туда... Но раз мы здесь — значит, сюда? Странно: не помню, как я добиралась. Хотя сама была за рулем.

— Или — должны были быть.

— Вы хотите сказать...

— Пока только то, что вы не помните, как и куда возвращались. Просто вы знаете, что должны были вернуться, раз сегодня оказались здесь. Но на самом деле, Зоя, вы не возвращались.

— Вы хотите сказать, что Георг...

— Георг сейчас, вероятно, находится на своей даче в таком же домике. Вместе со своей женой Зоей.

— Простите, Юниор, вы спятили. Кто же в таком случае я, по-вашему?

— Вы — копия, Зоя. Прекрасная, с великой точностью выполненная копия той Зои, настоящей.

— Нет,— отмахнулась она,— вы заговариваетесь. Точно так же я могу сказать, что вы — не Юниор, а копия Юниора. Что изменится.

Он прищурился.

— Ничего, кроме одного обстоятельства. Все, что вы видите вокруг — и вы сами в том числе,— существует только благодаря полю, которое генерирует придуманные Георгом устройства. Они в моем корабле. Стоит мне выключить это поле, как исчезнет все: дом, деревья, трава,— все, кроме корабля, самой этой планеты и меня. Вот доказательство того, что я не копия, а реальный человек.

— Я тоже не исчезну! Попробуйте хоть сейчас.

— Поверьте, Зоя...

— В это — не могу. Лучше поверьте вы, что я такой же реальный человек. Я Зоя, жена Георга. Выходит, по-вашему, я не способна разобраться, кто я — человек или копия? Простите, Юниор, но вы ничего не понимаете.

— Хорошо. Готов согласиться с вами — если вы объясните мне, каким образом оказались на этой планете, рядом со мной, с моим кораблем. Объясните, чтобы я смог поверить в это,— и я с радостью соглашусь с вами.

— Если бы я это понимала... Но все не так, как вы думаете. Раз мы с вами находимся на другой планете — значит, вас каким-то образом обманули, и вы, думая, что везете копию, привезли сюда меня.

— Невозможно. Знаете, сколько времени я был в полете?

— Я тоже летела с вами. Наверное, меня как-то усыпили, и я проспала все время.

— Даже если не прибегать к анабиозу, это было бы связано с великими сложностями, в этом-то я разбираюсь. Да, конечно, вы тоже летели сюда на борту того же корабля. Но не в таком виде. В виде программы, Зоя. Очень сложной, но всего лишь программы для Комбинатора. По сути, это — матрица на атомном уровне, ее развертка.

— Не хочу слышать ничего подобного. Вы путаете, Юниор. Или обманываете. В любом случае я не могу вам поверить. И не хочу.

Да,— поежился Юниор,— нелегкая работа убеждать в чем-то подобном женщину. Копию женщины,— тут же поправился он,— но это ничуть не лучше. Так или иначе, уже можно засвидетельствовать, что копия точна и обладает всеми, насколько я могу судить, качествами оригинала. Но, собственно... в каком-то сиюминутном смысле она права: а какая разница, кто она? Пока она существует, с этим нет проблем, а когда перестанет существовать — проблем и вовсе не окажется. Черт, как просто: когда перестанет существовать!

— Почему вы молчите, Юниор? Говорите, а то у вас сейчас такое лицо, что мне делается страшно.

— Ну, что вы, Зоя,— сказал он, проведя рукой по лбу.— Бояться тут как раз нечего. Мы с вами оказались в маленьком, удобном, очень ладно устроенном мире. Нам здесь никто и ничто не грозит... кроме нашей собственной неосторожности. Я объясню вам сейчас несколько правил, какие вам придется соблюдать, хотите вы того или нет... О чем вы задумались?

— О Георге. Что могло побудить его так поступить со мной?

— Опять вы об этом. Повторяю: по отношению к своей жене он не совершил ничего плохого. Лишь снял с нее матрицу; как это происходило — осталось в вашей памяти.

— Ага, видите: в моей!

— Нет смысла говорить об этом. Представьте себе, что в тот миг Зоя раздвоилась, возникли две одинаковые Зои, но право считаться настоящей осталось у той, другой — предположим, так постановил Верховный суд. А вас судьба занесла сюда. Устраивает вас такой вариант?

— Не знаю. Подумаю. Боюсь, я слишком утомляла его. Наверное, многое могло быть иначе. Но я не ожидала...

— Зоя! Будет лучше, если об этом вы станете размышлять потом. А сейчас наберитесь терпения и выслушайте то, что я скажу. Те самые правила. Впрочем, может быть, я неудачно выразился: даже не правила, а просто... вынужденные, так сказать, условия нашего существования. Первое: вы не станете пытаться угощать меня чем бы то ни было, кроме чистой воды из пруда. Я не

могу есть вашей пищи. Для вас здесь доступно все. Для меня — нет. Во всяком случае во всем, что касается еды.

— Бедняга! Вы умрете с голоду, а я буду объедаться на ваших глазах.

— У меня на борту достаточно припасов.

— Тогда может получиться как раз наоборот. Потому что у меня — только то, что в холодильнике. Или есть магазины? Не уверена, однако, что у меня деньги с собой.

— Думаю, голодной вы здесь не останетесь. В конце концов мои-то припасы пригодны для вас так же, как для меня.

— Выгодно быть моделью, не правда ли?

— Возможно. Это правило вам понятно, Зоя?

— Оно не особенно сложно.

— Будете его выполнять?

— Мне вовсе не улыбается остаться здесь одной. С вами можно хоть поговорить...

Нельзя сказать, чтобы в сказанном заключалось что-то оскорбительное, и все же Юниору последние слова Зои не очень понравились. Почудился какой-то оттенок пренебрежения. Что она: сравнивает его с Георгом, что ли? Георг — мощнейший ум, но во всем прочем Юниор, пожалуй, более годился для того, чтобы представлять род человеческий перед всяческими Курьерами.

Он, однако, постарался не показать обиды.

— И второе. Вы можете идти куда угодно и делать что угодно. Но корабль для вас — табу. Подходить к нему можно, но заходить в люк — ни в коем случае!

— У вас там страшные тайны? Может быть, вы — Синяя Борода? И в корабле — тела погубленных вами женщин?

— Я прошу отнестись к моим словам серьезно. Нельзя. Там вы сразу выйдете из-под контроля поля, и... будет плохо — вам, мне, всему этому миру.

— Это слишком неопределенно. Что же случится со мной?

Юниор вздохнул. Чтобы разговаривать с женщинами, нужно иметь куда больше терпения, чем для исследования планет.

— Вы мгновенно погибнете.

— Правда? В таком случае, спасибо.

— Не понимаю...

— Вы мне указали выход — в случае, если я окончательно отчаюсь.

— Зоя!

— Вы испугались за меня? Как трогательно... Но нет, вряд ли. Вы испугались за ваш корабль. И за самого себя. Это ближе к истине, правда? Я понимаю, Юниор: высвобождение энергии, взрыв большой силы и так далее. Но почему я должна думать обо всем, что будет после меня? Вы сами и все остальные, поставившие меня

в такое положение — много ли думали вы обо мне? Не очень, не так ли? А еще вернее — совсем не думали.

— Зоя, упреки ваши справедливы, но заслужил их в первую очередь Георг. Поверьте, я не просил его смоделировать именно вас, и никто другой, наверное, не просил тоже. Но раз жизнь поставила нас в такие условия — будем как-то жить, вот все, что я могу сказать. Что касается корабля, то... Вы не понимаете? Да, корабль в какой-то мере пострадает, я, наверное, тоже, если окажусь рядом. Но главное не в этом. То, о чем вы подумали — не выход для вас. Ни такой, ни какой-либо другой способ уйти. Потому что Комбинатор мгновенно сделает вас заново. И вы появитесь тут такой же, какой я увидел вас два часа назад.

— Вы правы,— сказала Зоя после паузы.— Об этом я не подумала. Хорошо, мой отважный капитан. Обещаю вам даже не приближаться к вашей монашеской обители. При условии, что вы не будете оставлять меня надолго в одиночестве. Я привыкла, чтобы вокруг были люди. Когда мне захочется побыть одной, я буду специально просить вас.

— Согласен, Зоя. Я тут не очень занят, и...

— А сейчас у вас есть какие-нибудь дела в корабле?

— Сейчас? Пожалуй, нет.

— Тогда найдите дело. Вы удивлены? Именно сейчас мне нужно побыть одной. Поймите: у меня есть над чем подумать.

— Я понимаю. Хорошо. Я найду, чем заняться. А когда захотите видеть меня, приходите... приходите к пруду. Там я увижу вас, не покидая корабля.

— Лучше так: приходите ко мне обедать. Можете захватить с собой ваши припасы. А до обеда будем заниматься каждый своими делами. Идет? В таком случае, я не прощаюсь.

* * *

Если захотеть, в таком хозяйстве, как корабль, всегда можно найти дело. Прежде всего, необходимо проверить состояние Кристалла: все ли в порядке у растущего младенца, не нуждается ли он во вмешательстве человека. Младенец не нуждался. Тем лучше. Все-таки Юниор проторчал в ремонтном отсеке около инкубатора больше часа: здесь он не позволял себе никакой поверхностности, и любое упущение могло потом обойтись слишком дорого. Из ремонтного отсека он направился в приборный. Распломбировал дверь, запертую в последний раз еще на Земле, и тут же продиктовал для записи в журнале, когда и почему это было сделано: для подготовительных работ по замене Кристалла. В отсеке было тесно, двигаться там приходилось с осторожностью, заранее обдумывая

каждый шаг, каждое движение. Только для того, чтобы добраться до капсулы Кристалла, понадобилось не менее десяти минут. Пока предстояла не самая серьезная часть работы: надо было удалить из капсулы остатки старого Кристалла, ту кашицу, в которую он превратился,— перекачать ее в небольшой металлический контейнер, который потом дать Умнику для анализа и утилизации остатков. Космос — не такое место, где что-то может пропадать без толку, такое можно позволить себе разве что в Приземелье. Затем — промыть капсулу, чтобы она была готова принять нового жильца. Работа была не очень срочной, но раз выпало время — отчего же не сделать ее заблаговременно?

Прежде, чем промыть капсулу, Юниор вспомнил, что еще не завтракал сегодня. И напрасно. Обед обедом, но есть хотелось сейчас. Он попросил Умника приготовить что-нибудь легкое и позавтракал у себя: его просили находиться в корабле, и он не собирался спускаться на землю до обеда. Единственное, что он позволил себе за завтраком — включить обзорные экраны. На них парк был виден почти целиком. Зою он увидел почти сразу: выйдя из-за деревьев, она медленно шла к пруду, опустив голову, помахивая сломанной где-то веткой. Подошла, бросила ветку, села у самой воды, натянув платье на колени, подперла голову руками, не отрываясь, смотрела на воду. Юниору стало жаль ее, невыносимо жаль. Что-то не так было придумано Георгом, и удивительно, как такой эксперимент вообще разрешили. Хотя... Если рассказывать о нем в общих чертах, то все получается гладко и мило: вместе с моделями представителей флоры и фауны будут созданы также модели людей — для демонстрации полной картины нашего мира. Очень пристойно. Кто жалеет модели? Они же не живые. Так думают все, хотя никто не знает, где кончается неживое и начинается живое. Нет, в теории все вполне приемлемо. А на практике — первый случай практики возник вот сейчас, у Юниора. И он, откровенно говоря, просто не знал, что ему теперь с этой практикой предпринять.

Зоя все сидела, когда он, вздохнув, выключил экраны и снова пошел в приборный отсек. Он возился там до самого обеда. Потом потребовал у Умника сухой паек и почти бегом направился к люку.

* * *

Зоя встретила его перед домом. Юниор всмотрелся в ее лицо. Но так и не смог понять — тяжелы ли были ее мысли и переживания, много ли она плакала, кого и как проклинала. А может быть, взвесив все обстоятельства, смирилась с ролью модели, искусственно созданного существа с коротким веком? Выражение лица

женщины было безмятежным, глаза — ясными, голос — ровным и спокойным.

— Ого, Юниор, вы пригласили гостей? Для чего же такое обилие? Извечный мужской инстинкт добытчика и кормильца, понимаю. Ничего, излишек положим в холодильник, пригодится в следующий раз. Я вижу, здесь у вас все быстрого приготовления. Конечно, в пути вам некогда возиться... Жаль, это не позволит мне полностью проявить свое умение. Я вкусно готовлю. К сожалению, вы не бывали у нас в гостях на Земле. Ничего, потом, когда возвратитесь, непременно приходите. Мы угостим вас на славу. Я... или она, не знаю теперь, как говорить. Но для вас разницы не будет.

Болтая так, Зоя поднялась на крыльцо, пошла в кухню. Юниор следовал за нею, как привязанный. Там, на плите, что-то уже доспевало, запахи были манящими. Юниор проглотил слюну. Действительно обидно, что не придется ничего попробовать.

— Вы не возражаете, если я посмотрю ваши запасы?

Он открыл холодильник, посмотрел одно, другое. Все выглядело точно так же, как на Земле. Прекрасная работа. Продуктов, правда, оказалось не так уж много.

— Это все, что у вас есть?

— Я же вам говорила. Скажите, Юниор: мы долго будем жить здесь?

Юниор ответил не сразу:

— До конца ремонта еще... еще около трех недель.

— А потом? Вам надо будет лететь дальше?

— Э... Ну, строго говоря...

— А этот мир — он так и останется? Постойте, я и забыла: ведь весь этот мир, и я в том числе,— мы можем существовать, лишь пока вы с кораблем поддерживаете нас. Значит, улетая, вы разрушите этот славный уголок?

Юниор молчал.

— И меня в том числе? И вам не будет жалко меня?

Отвернувшись, он глядел в окно.

— Юниор, ведь убивать женщин — очень плохо.

«Да не женщина ты!»— хотелось крикнуть ему, но вместо этого произнес:

— Да перестаньте же, ради Бога!

Зоя удовлетворенно улыбнулась. Кажется, ей того и нужно было: вывести его из себя. Пигмалион чертов, осуждал себя Юниор,— незадачливый критский властитель.

— Хорошо, капитан, я больше не буду,— кротко сказала она, улыбаясь глазами.— Прошу к столу. И не сердитесь на меня. На женщин вообще бесполезно сердиться. Мы никогда не бываем виноваты. Вы не обиделись? Простите, я не хотела сделать вам больно.

— Ничего,— буркнул Юниор.

— Значит, не сердитесь? Тогда я разрешаю поцеловать мне руку.

Зоя протянула руку. Черт знает, что происходит,— раздражался Юниор, послушно целуя руку и невольно вдыхая ее запах.— Интересно, все кретины в институте, с Георгом во главе — они что, не могли заранее подумать о том, что свертывать этот мир потом будет очень и очень не просто? Но ведь не обязательно же свертывать... Черт, все не так, как надо... Впрочем — еще три недели впереди, их еще прожить надо, пришибет меня каким-нибудь деревом или утону в пруду, да мало ли что может случиться...

— Довольно, довольно капитан.— Зоя отняла руку.— Верю, что вы меня простили.

Некоторое время они обедали молча. Под конец Зоя принесла кофе.

— Это ваш, капитан.— Зоя придвинула к нему второй кофейник.— Не бойтесь, я не добавила ничего из своих запасов. Не собираюсь покушаться на вашу жизнь. И вообще, принимаю все ваши условия. Но у меня есть и свои.

— Заранее согласен на них,— поспешно сказал Юниор.

— Не беспокойтесь, они не содержат ничего, что было бы вам не под силу. По-вашему, я — модель, фикция — я вспомнила, что Георг называет их именно так. Скажу откровенно: я сейчас уверена, что это не так, что я — это я... Но не вижу способа убедить вас. Так вот, я хочу, чтобы три недели, или сколько мы с вами будем находиться здесь, вы относились ко мне не как к модели, но как к женщине.

— Постараюсь,— Юниор склонил голову.— Боюсь только, что мое воспитание в этой области...

— Не бойтесь, я буду вам подсказывать. И не огорчайтесь: три недели — не такой уж долгий срок. Поверьте, я успела о многом подумать. И пока вижу для себя лишь один выход: жить так, как будто ничего не произошло. Вы хотите возразить?

— Ничуть, Зоя. Я рад...

— Рады, что не устраиваю вам истерик? Не могу гарантировать, Юниор, все может случиться. Но буду стараться, чтобы этого не было, обещаю.— Она встала.— Кстати, в следующий раз мыть посуду будете вы. А сейчас — каковы ваши планы на остаток дня и вечер? Есть что-то неотложное?

— Нет.

— Тогда проводите меня. Хочу загорать и купаться.

— С удовольствием.

— Что же вы стоите как истукан? Дайте мне руку!

Он покорно протянул руку.

— А в другую возьмите вот это.

Юниор ухватил объемистую, но не тяжелую сумку.

— Идемте!

И они сошли с крыльца.

* * *

Юниор считал купанье после обеда вредным. Побарахтавшись, он вылез и разлегся, расслабился, блаженно переживая возможность никуда не спешить, ничего не делать — просто лежать, ощущая, как течет неторопливое время. Зоя плавала долго, настойчиво, словно выполняла урок, вертелась в небольшом пруду, как белка в колесе. Вылезла она, когда совсем уже иссякли силы и холод стал добираться до костей, хотя вода была теплой. Переводя дыхание, подошла к Юниору, немного постояла, глядя на него сверху вниз; по телу ее пробегала дрожь, и Юниор не утерпел — упрекнул:

— Ну, можно ли так, Зоя...

— Можно.— Она легла на траву рядом с ним.— Я вся промерзла.— И на его инстинктивное движение в сторону ответила: — Да согрейте же меня, я дрожу!

Юниор почувствовал, как она прижалась к нему прохладным телом, и сделал усилие, чтобы не думать о том, что хочешь-не хочешь, само шло в голову.

— Вы так любите купаться? Обязательно до судорог?

— Любила...— не сразу ответила Зоя.— А впрочем, нет. Не так. Но теперь — другое дело.

— Почему?

Этого спрашивать, пожалуй, не следовало. Он поздно спохватился.

— Надо успеть накупаться.

— Зоя...— проговорил Юниор почти умоляюще.

— Ничего. Пусть это вас не волнует. Знаете, Юниор, в этом есть даже что-то хорошее. В случае, если правда на вашей стороне, конечно. Нечто успокаивающее есть в этом. Знаешь, что не доживешь до старости, что тебе не грозит немощь, когда сама себе станешь в тягость. Есть, наверное, своя прелесть в том, чтобы умереть молодой.

— Зоя!

— Хорошо, не буду, не буду. Давайте говорить о чем-нибудь другом. Лучше, если веселом. Вы извините меня, Юниор, понимаете, страшное состояние: я ведь знаю, что ошибаетесь вы, и я никакая не модель, не копия, не фикция, знаю, что я — Зоя, обыкновенная женщина, не продукт науки и техники, знаю... И все же где-то, каким-то уголком души верю вам. Нелепо, правда? Кто может знать обо мне лучше, чем я сама? Но вот я невольно начи-

наю думать и вести себя так, как должна была бы вести себя эта самая фикция. Потому, наверное, что я очень впечатлительна, меня всегда было легко в чем-то убедить.

— Понимаете ли...

— И еще. Получается, что я могу говорить о себе уже как бы со стороны, как бы о той, что осталась на Земле с Георгом и существует сейчас сама по себе. Даже посплетничать немного. Смешно, правда? Хотите, посплетничаем?

— Если вам доставит удовольствие...

— Огромное! Я ведь страшная сплетница в душе, только всегда старалась не позволять себе этого: сплетничать неприлично. А теперь... Никто третий нас не услышит, а вы никому не станете рассказывать, правда?

— Никому,— честно пообещал Юниор.— О ком же мы будем сплетничать?

— Да обо мне же, неужели не поняли? Ну, кто первый? Давайте вы.

— Зоя, да что же я могу сказать о вас? Я вас совершенно не знаю!

— Неправда. Мы с вами знакомы уже несколько дней, сейчас целый день находимся вместе, разговариваем — не может быть, чтобы у вас не возникло никаких мыслей обо мне, никаких мнений. Я же все-таки не пустое место!

— Ну что вы. Нет, разумеется.

— Вот и говорите все, что вы обо мне думаете.

— Будь по-вашему. Попробую.

— Ну же! Я жду!

— Я думаю, Зоя.

— Вы очень медленно думаете, Юниор,— сказала она, подождав еще.

Но Юниор по-прежнему молчал. Потому что, еще не начав говорить, вдруг понял, поняв неопровержимо: ему до боли жаль эту беззащитную женщину, которая, испытывая смертельный страх, все же старается быть храброй. Именно женщину, а не какую-то фикцию. Потому что она и есть женщина. Самая настоящая. Разве, в конце концов, имеет значение — каким путем появилась она на свет? Пусть ее и не баюкала мать, пусть она не играла в детские игры, не переживала свою первую любовь и так далее — но ведь это для других она не переживала и только сегодня возникла, а для нее самой все это было, она получила все это вместе с памятью, где только и может храниться все, что было. И что с того, что где-то в другом мире существует еще одна женщина с той же памятью, хранящей то же прошлое? Они не встретятся никогда, пути их не пересекутся, и независимо от того, погибнет ли эта Зоя через три недели или проживет еще десятки лет,— отныне дороги ведут обеих

женщин в разных направлениях, и уже по одному этому обе они — настоящие. Она просто, так сказать, незаконная дочь цивилизации; но разве незаконные дети имеют меньше прав на жизнь, чем те, чье рождение состоялось под сенью закона?

Как же она страшно одинока здесь, бедный ребенок, как ей, должно быть, тоскливо от сознания, что она тут — одна, и всегда будет одна, до самого конца... Что у нее нет будущего, одно только прошлое — и без всякой ее вины, а просто потому, что Георгу захотелось, чтобы человечество было представлено Курьеру именно его женой. Хотя, собственно, что было делать Георгу? Любая женщина испытывала бы то же самое, и честный человек в таком случае... Черт его знает, что должен делать в таком случае честный человек! Отказаться от задачи? Но как это бывает трудно для того, кто весь — в этой задаче...

— Георг, наверное, очень любил вас, Зоя.

— Да. Особенно сначала.

— Нет. И сейчас.

— Наверное... Но по-своему. Если вы хоть немного его знали, то должны были понять: у него все и всегда по-своему. Не так, как у других.

— И любовь?

— Тоже. Он очень замкнут и боится внешних проявлений чувства.

— Но вы все же знали.

— Ну, конечно же; каждая женщина — когда это есть... В Георге, кстати, как ни странно, тоже было многое от женщины.

— Вы имеете в виду — от матери? Вы ее знали?

— Нет. Я имею в виду какие-то женские, чисто женские черты характера. Он — человек резких переходов. От необычайной широты взглядов — к крайней узости. От любви — к ненависти. Мгновенно, и порой могло показаться, беспричинно. Но на самом деле причины всегда были — с его точки зрения. Такое чаще свойственно женщинам, вам не кажется?

— Ну, какой из меня знаток женских характеров, Зоя!

— Тогда поверьте мне: так оно и есть.

— Вы имели в виду широту его научных воззрений?

— Тут моя очередь сказать: какой я знаток научных проблем! Нет, я подразумевала — вообще, в жизни. И относительно меня. Еще одна черта, которую я считаю женской: если он успевал уверить себя в чем-то, это становилось для него непреложной истиной. Думаю, в работе это нередко помогало, потому он и добивался порой успеха там, где другие отступались. Но в жизни...— Зоя помолчала.— Например, он, кажется, уверил себя в том, что у меня есть кто-то, кроме него. Друг, одним словом.

— Гм,— сказал Юниор.— А он и на самом деле был?

— Это ведь не имеет значения! Важно то, что он в это поверил. Что бы сделали вы на его месте?

— Не знаю, Зоя. Не разбираюсь ни в этой этике, ни в обычаях нашего времени. Опыта у меня маловато, я ведь большую часть жизни провожу в одиночестве. Не хотелось бы вообще говорить на эту тему. В конце концов, вы лучше знаете, как вам жить.

— Юниор! Почему вдруг такая сухость?

— Сухость? Не знаю, мне кажется, я...

— Вы ревнуете меня? К тому, что могло быть?

— Но послушайте, Зоя! Я ведь... Мы с вами ведь...

— А это не имеет значения. Разве ревнуешь только тех, кто тебе принадлежит? Ничуть не бывало. И никакая логика тут не помогает. И вас она не спасет. Знаете что, Юниор? Раз мы все равно сплетничаем наедине, без права и возможности передачи третьим лицам, давайте уж будем откровенны и правдивы друг с другом. Будем говорить правду, одну только правду...

— Но не всю правду?

— Всю. Иначе нет смысла.

Юниор вздохнул.

— Трудно, Зоя.

— Мне еще труднее. Но... иногда это нужно. А будет ли у меня еще такой случай? Сразу предупреждаю: ни одному из нас такая откровенность не дает никаких прав. Сплетничаем, только и всего! Соглашайтесь! А чтобы вам было легче, начну я. И даже сниму запрет. Слушайте, Юниор: на самом деле никаких друзей у меня не было. Вы понимаете, что я имею в виду. Не было — хотя иногда со стороны и можно было вообразить нечто такое. И вот для чего я снимаю запрет: когда вы вернетесь на Землю и встретите Георга, передайте ему это. Тогда сразу станет легче жить той мне... той Зое, что рядом с ним. Она ведь никогда этого ему не скажет. Хотя бы из гордости. Обещаете?

— Если встречу — да.

— Видите, насколько я откровенна. Теперь ваша очередь. Согласны?

Юниору не хотелось соглашаться. Но он уже понял: чего бы она ни попросила, он сделает все. И не только потому, что даже в старину последнее желание приговоренного к смерти удовлетворяли. Не только поэтому.

— Я готов, Зоя.

— Так отвечайте!

— Спрашивайте.

— Я спросила. О ревности.

— Ревную ли я вас?.. Да.

— Сильно?

— Видимо, достаточно.

— У вас остался кто-то на Земле?

— Отец.

— Я имею в виду женщину.

— Не знаю.

— Юниор!

— Чистая правда. Я думаю, что у меня там не осталось женщины. Но не уверен, что она думает так же.

— Вы поссорились с нею?

— Мы ссорились не раз. Я уходил и возвращался — или заставлял уйти ее, а потом тащил обратно.

— И она возвращалась?

— Ненадолго. Но ведь я и не бывал на Земле подолгу.

— Она вас любит?

— Нет.

— Почему так уверенно?

— Насколько я понимаю, когда любишь, прежнее уходит? Ваше или ее? Для нее или для вас?

— Ее прошлое для нее.

— Оно не забывается. Но всегда уступает тому, что есть.

— А вот она так не могла. Прошлое было главнее.

— Бедный Юниор...

— Иронизируете?

— Поверьте, я серьезно. Не умею смеяться над такими вещами. Мне жаль вас. Но где-то я и рада.

— Теперь я спрошу: почему?

— Потому что вы мой последний мужчина. Не делайте страшных глаз. Я имею в виду не то, о чем вы сразу же с мужской прямолинейностью подумали. Не так примитивно. Просто — кроме вас я больше уже никого не увижу, ни с кем не поговорю...

— Зоя!

— Разве это не правда?

Сукины дети! — Юниор весь напрягся от подступившего гнева.— Кол осиновый в глотку каждому из тех, кто придумал эту двойную пытку. Очень нужно это Курьеру, как же! Ну, создали бы красивое тело, лучше даже не конкретное, а обобщенное, скопировали бы Венеру Милосскую, и хватит; но какого дьявола было — наделять его интеллектом, эмоциями, всем людским! Я не нанимался в палачи! Такого уговора не было! Дальняя разведка — не шайка террористов! Пусть вот прилетают сами и начинают свертывать этот мир. А я встану перед ними с лазером в руках, и посмотрим еще, кто кого свернет. Стреляю-то я получше, чем весь их ученый синклит! Я им сверну... носы к пяткам. Но сначала пусть разыщут. А я могу сидеть здесь, пока время не побежит вспять. Энергии — завались, корабль обеспечивает себя ею и будет обеспечивать, пока не рассыплется в пыль. С пропитанием придумаю что-нибудь со

временем, не горшок же на плечах... Нет, никто не сможет упрекнуть меня ни в чем: всякое задание отменяется, когда становится ясно, что без жертв не обойтись,— даже когда речь идет о нас, мужчинах, разведчиках, а тут — женщина. Жизнь — превыше! И пусть только кто-нибудь вякнет, что это — не жизнь: он и пожалеть об этом не успеет! Это мой мир, пусть и не я его придумал, но я его создал и постою за него до последнего!

— Зоя,— сказал Юниор хрипло, откашлялся и повторил: — Зоя, хочу сказать вам... У нас есть правило: не заказывать для себя похоронный марш. Пока человек жив — он жив. А то, что вы сказали,— неверно... То есть правда, наверное, в том, что больше вы действительно не увидите людей — никого, кроме меня. Но и я никого, кроме вас. Потому что мы проживем здесь долго. Очень долго. Всю жизнь. Понимаете? Это в наших силах. В нашей воле. Моей — и вашей. Понимаете? Я обдумал. И решил. Бесповоротно. Тут наш мир. Наша жизнь. Наше все. Я не хочу другого. А вы, может быть, и хотели бы, даже наверняка хотели бы, но для вас это невозможно. Значит, и думать нечего. Понимаете? Пусть никакие три недели не волнуют вас, такого срока нет, не существует никаких сроков. Только,— вдруг испугался он,— не подумайте ничего такого: я ведь не выставляю условий, не жду от вас ничего, мы — два человека, выброшенные на необитаемый остров, будем помогать друг другу — вот и все. И не надо больше говорить об этом, хорошо?

Может быть, Юниор ждал, что в ответ ему бросятся на шею и будут долго и прочувственно благодарить; ничего подобного, однако, не случилось. Напротив, Зоя даже немного отодвинулась от него.

— Вы приносите мне жертву, Юниор?

— К чему такие выражения?

— По-моему, это точное обозначение вашего поступка. Но за мной остается право: принять жертву — или отвергнуть.

— И вы, конечно, ее не примете? Будем играть в благородство?

— При чем тут благородство? Вы просто не подумали, Юниор. Попытайтесь понять.— Зоя говорила холодно, почти резко.— По сути дела, вы приносите в жертву себя. Свое прошлое, настоящее, будущее. Это очень большая жертва. Самая большая. Не просто услуга. Но поймите же: как раз мелкую услугу можно оказать каждому и можно принять ее от каждого, но чем она больше, тем серьезней вы думаете: а можно ли позволить этому человеку оказать тебе такую услугу, принести жертву? Да, не требовать от него услуги, а именно — позволить. Потому что всякая услуга ставит вас в зависимость, а уж жертва — тем более. Но разве я не вправе решать — хочу я или не хочу зависеть от вас, хотя бы и чисто морально?

Юниор вскочил. Такого он не ожидал.

— И я признан недостойным, не так ли?

— Да постойте же, дайте договорить!

— А чего тут договаривать?! Все ясно.

— Юниор!

Он опомнился.

— Простите. Но лучше не продолжайте. Обидно, и вообще... все то, что вы сказали, несерьезно и к нам отношения не имеет.

— Это я могу обидеться всерьез, Юниор. Разве то, что я сказала — ерунда?

— От первого до последнего слова. Какая жертва? Кто говорил о жертве? Я о себе забочусь прежде всего, а не о вас. Я собираюсь прожить еще достаточно долго. И не хочу жить с сознанием того, что я убил человека. Это во-первых. А во-вторых, мне вообще здесь нравится. Этот мир по мне. И я хочу жить здесь. Кстати, я об этом думал еще тогда, когда вас тут и не было.

— Когда меня не было, вы вольны были принимать любые решения. Тогда они касались только вас. Но раз уж тут оказалась я, то вряд ли следует столь категорично решать за обоих, даже не спросив моего мнения. Простая вежливость требует...

— Увы, я крайне невежлив от природы. Жаль, что не успел предупредить вас об этом.

— Не надо так, Юниор: в вас говорят обида и раздражение. Но задумайтесь немного и поймите меня. Вы уже объяснили мне, что я тут не вольна не только в своей жизни, но даже в смерти. Поэтому-то я и не могу так, очертя голову, согласиться на все, что бы вы ни предложили. Потому что мы с вами все-таки люди, а значит — не всякая жизнь имеет для нас цену. Три недели — это одно. Долгая жизнь — другое. И я не могу решиться сразу.

— На что тут решаться, не понимаю. Вам и пальцем пошевелить не нужно. Жить, и все.

— Как все просто! Но вряд ли вы сможете долго просуществовать здесь — без серьезного дела, без тех людей, для которых вы в конечном итоге все делали — если даже при этом не думали о них, все равно они незримо стояли за вами. Нет, вернее всего — пройдет очень немного времени, и вы начнете тосковать, жалеть, отчаиваться. Каково будет при этом мне? Я ведь не привыкла, чтобы мною тяготились. И ведь пока я говорю только о вас. А я сама? Думаете, я привыкла к такой жизни? Вокруг меня всегда были люди, у меня было достаточно дела, с моей точки зрения важного, пусть оно и не было столь значительным и трудным, как то, которым занимались вы. А кроме того...

Зоя тоже успела вскочить на ноги и стояла лицом к лицу с Юниором, чуть подняв лицо, чтобы смотреть ему прямо в глаза. Сейчас она отвернулась, вздохнула.

— А кроме того... Юниор, мы же взрослые люди, мы отлично понимаем, к чему приведет жизнь вдвоем на этой земле. Да, сейчас это, безусловно, кажется вам не лишенным интереса, знаю. Но кто скажет, как это может обернуться? Наверное, вам легче: у вас на Земле не осталось ничего определенного — по вашим же словам. Но у меня ведь иначе, понимаете? Я любила Георга и, наверное, продолжаю любить сейчас — хотя он поступил со мной непорядочно и хотя он там сейчас не один. Я тоже во многом виновата, теперь я, кажется, понимаю: ему бывало очень нелегко со мной, с моими капризами, с моим кокетством... Вы ведь не хотите, чтобы между нами что-нибудь происходило по необходимости, а не по зову чувства — или хотя бы не наперекор ему? Вы успели подумать об этом, Юниор?

Он медленно покачал головой. Ну конечно же, не успел. Главным ему казалось — решиться самому, окончательно и бесповоротно. Все обернулось сложнее. Конечно же, она права. Но разве не прав он? В чем-то — наверное...

— Хорошо, Зоя,— проговорил он, медленно выталкивая слова, как бы через силу.— Не будем решать сейчас. Пусть будет так, как вы хотите. Я соглашусь. Но не думайте... не думайте, что я так легко, так легкомысленно... нет.

Зоя снова взглянула ему в глаза, кивнула. Нагнувшись, подняла свою пляжную сумку. Юниор протянул было руку, но Зоя отрицательно покачала головой. Повернулась и пошла по той самой тропке, по которой шли они утром, по которой пришли сюда после обеда. Юниор, опустив голову, исподлобья смотрел ей вслед.

* * *

Женщины катастрофически не понимают нас — вот к такому выводу пришел Юниор, стоя на смотровой площадке и разглядывая окружающий мир. Похоже, что Зоя сочла его предложение, продиктованное лучшими чувствами, просто попыткой поскорее залезть в ее постель. В то время, как ничего подобного у него и в мыслях не было, и уж во всяком случае не такие соображения руководили им. Он совершенно согласен жить здесь, даже не видя ее — просто зная, что с ней не случилось по его вине ничего плохого. Спокойная совесть, вот чего он добивался. И так он и сделает. Она же пусть живет так, как ей нравится. Пусть проводит время в воспоминаниях о Георге, о Земле или занимается чем угодно; Юниор ни в чем не станет ни мешать ей, ни противоречить.

Ну хорошо, об этом пока достаточно. Пора поинтересоваться тем, что происходит вокруг. Под куполом все как будто в порядке. Комбинатор работает образцово. Дом, в котором живет Зоя, отсю-

да не виден, деревья скрывают его, но Юниор знает, что дом никуда не делся. Итак, внутри все ладно.

Ну а там, в большом мире? Трудно сказать. По-прежнему почти никакой видимости. Слабо просматривается гряда. Выросла она? Может быть... Тут нельзя доверять чувствам, нужны беспристрастные показания приборов. Сейчас этим и займемся. Если приборы покажут что-то угрожающее — выведем агроплан, слетаем туда и посмотрим, как это выглядит в натуре. Собственно говоря, сделать это даже необходимо. Но не сию минуту. Такой полет, естественно, связан с выходом за пределы купола. И прежде чем окончательно решиться на это, надо взвесить все «за» и «против», подумать, как может хотя бы кратковременная разгерметизация купола отразиться на благополучии внутреннего мира.

«Да,— подумал Юниор, опершись о релинг смотровой площадки,— совсем иначе относишься к маленькому миру, когда он полностью обитаем. Когда в нем живут люди. Когда появилась женщина...»

Он повернулся, чтобы войти в корабль, но что-то заставило его на миг задержаться. Какое-то дуновение мысли. В чем дело? Он сморщился, потер ладонью лоб. Нет, ушло. Жаль. Теперь нужно быть внимательным. По опыту Юниор знал: мысль возникнет еще раз, более явственно и четко. Если проворонить ее и тогда, она больше не вернется. Сколько раз уже так бывало.

Он вошел, завернул в рубку, окликнул Умника:

— Займемся инспекцией режима Кристалла. Давай только отклонения от нормы. Но не части.

Умник помолчал немного, прежде чем объявить, что отклонений от нормы нет, Кристалл развивался, как ему и полагалось.

— Весьма похвально,— одобрил Юниор.— Дай мне теперь показания приборов внешнего обзора. С самого утра.

Умник начал читать показания.

— Все сначала, и в три раза медленнее. Я не успеваю думать.

Может быть, Юниор проговорил это чуть более резко, чем обычно; человек обиделся бы, но Умнику обижаться не полагалось. Тем не менее он помолчал немного, потом сказал:

— Меня беспокоит твое здоровье.

— Привет! — откликнулся слегка ошарашенный Юниор.— Не понимаю твоего беспокойства. Рука зажила, я уж и забыл...

— Не рука. Психика. Анализаторы показывают, что ты сегодня чрезмерно возбужден. Нервная система испытывает повышенную нагрузку. Возможны какие-то неполадки в психике. Думаю, что тебе надо пройти профилактический курс.

«Поди ты к чертям, мухомор несчастный!»— хотел сказать Юниор, однако сдержался: гриб ничего плохого не думал, говорил то, что ему полагалось говорить, а все сложности человеческой

психики и вообще эмоциональной половины человеческого существа вряд ли были ему доступны. Хотя кто знает — грибы были умны, да ведь и не люди их конструировали, а природа их ноздреватой планеты, так что возможности этих мыслящих существ для человека во многом оставались тайной. Поэтому Юниор ответил миролюбиво:

— Пусть это тебя не волнует, Умник. Лечения не нужно. Причины мне известны, они у меня под контролем.

— Лучше бы ты передал их под мой контроль.

— Нет надобности,— сказал Юниор.— Жду информации.

Он слушал называемые Умником цифры и соображал, прикидывал разницу, намечающиеся тенденции развития. Великая вещь цифры: все сразу стало куда нагляднее. Значит, что же у нас? В пределах купола несколько повысилась влажность воздуха. Это и естественно, даже и сейчас она едва достигает нормы, так что можно ожидать еще некоторого повышения, а уж тогда, если влажность будет нарастать и дальше,— принять меры. Да, маленький мир ведет себя, словно хорошо воспитанный мальчик. Ну, а чем порадует нас вся остальная планета?

Юниор внимательно вслушивался. Атмосферное давление вне купола слегка упало. Что же, глупо было бы думать, что оно так и застрянет на одной, строго фиксированной величине. Расход энергии на поддержание конфигурации силового купола незначительно вырос. Это тоже совершенно естественно: изменение атмосферного давления привело к возникновению ветра, воздушная масса давит на купол с одной стороны, с другой — возникает некоторое разрежение, отсюда и расход энергии. Скорость ветра? Ну, это несерьезно, мы можем его уравновесить: организовать тут, под куполом, локальный ветерок такой же скорости, подпирающий купол изнутри; это будет, пожалуй, даже приятно. Хорошо: ну, а что с грядой?

С грядой вышло оригинально: ее словно бы и не было вовсе. Иными словами, приборы ее совершенно не воспринимали. А значит, и не могли показать, выросла она — или нет, приблизилась — или остается на месте. Если верить приборам, гряды вообще не существует. Если же полагаться на собственные глаза, она — явление вполне реальное. Чтобы убедиться в этом, Юниор несколько минут напряженно всматривался в фиолетовый сумрак за куполом. Как и всегда, различить что-либо с достаточной четкостью было невозможно, надо бы хоть ночи дождаться, когда свое светило перестанет мешать. Но и сейчас глаза вполне убедительно показывали, что объект, называемый грядой, действительно существует. Что бы это могло означать?

Юниор пожал плечами. Тут, хочешь-не хочешь, приходилось принять определенное и немаловажное решение. Верить ли глазам

или положиться на приборы? Верить глазам как-то естественнее. С другой стороны, глаза не существовали сами по себе, они были составной частью сложной системы, включающей в себя психику и общее состояние самого Юниора, которое тревожило Умника, и многое другое. Что-то в этой системе могло подвести, а что именно — трудно сказать; в отличие от созданных человеком механизмов и приборов, сам он не поддавался столь легкому, быстрому и однозначному контролю. Комплекс же устройств и приборов такому контролю поддавался. Там легко было обнаружить неисправность, заменить вышедшую из строя деталь или блок и вновь вернуть приборам точность, а себе — веру в них. Так что, пожалуй, верить следовало все же приборам. Они не знают никаких оптических иллюзий, для них не существует миражей, они не столь легковерны, как создатель их, человек; кстати, он и создал их для того, чтобы не полагаться на собственные, ненадежные ощущения. Да, в нашем технизированном мире принято, и совершенно правильно, верить прежде всего приборам. Вот и сейчас поступим так.

Придя к такому решению, Юниор сразу повеселел. Постановили: считать гряду несуществующей, и точка. Для пущей уверенности он все же приказал Умнику проверить всю систему внешнего наблюдения и оценки. Проверить на исправность до самой последней мелочи. А кроме того, Юниор приказал дать себе поужинать. Пока он глотал свой рацион, не пожелав на этот раз спускаться ближе к природе, Умник все проверил и доложил, что система приборов в полном и абсолютном порядке. Тогда Юниор так, на всякий случай, спросил:

— Ну, а ты как думаешь — что такое эта самая гряда?

Вопрос был явно глуповатым: раз приборы ничего не видят, то откуда Умнику вообще знать о предполагаемом существовании гряды? Умник, однако, ответил сразу и без колебаний:

— Тень.

Юниор чуть не подскочил от неожиданности.

— Значит, ты видишь гряду?

— Наблюдается локальное изменение освещенности. Тень.

А ведь действительно — похоже на тень! Как Юниору самому не пришло в голову?

— Тень чего? Что отбрасывает тень?

Тут Умник помедлил.

— Источник тени вне пределов видимости.

Однако раз есть тень, то должен быть и источник света, естественно. А он — что такое?

— А источник света?

— Источник света вне пределов видимости.

Час от часу не легче.

— Ну, а что ты сам об этом думаешь?

Умник ответил не сразу:

— В моем опыте, врожденном и приобретенном, подобного не встречается. Предположения могут быть самыми различными.

Прямо-таки профессорский ответ. Молодец, Умник! Сразу все объяснил: Ничего, сейчас мы попросим его перечислить все эти самые различные предположения. Спешить некуда, можно сидеть хоть до утра. Хотя этот чертов гриб не позволит: погонит спать, просто перестанет разговаривать после положенного по распорядку отбоя. Но все же что-то мы успеем проанализировать. Если...

И тут Юниор замер. Потому что та мысль, что едва коснулась его, когда он стоял на смотровой, собираясь войти в корабль, вернулась, как он и ожидал, и он успел ухватить ее хвостик. И мысль показалась ему очень важной. Куда важнее гряды. Так что Юниор ни о чем не стал больше спрашивать. Он поставил локти на стол, положил подбородок на кулаки и задумался.

В конце концов сейчас самое важное — не какая-то тень. Есть дела посерьезнее. Есть люди. И отношения между ними. Отношения — как ребенок: уж если родились, то растут, развиваются. От людей зависит, какими они вырастут: добрыми или наоборот. Можно, конечно, эти едва народившиеся отношения придушить. Но это — преступление. Отношения — это сам человек. Убить их — значит убить человека.

Что же вдруг встревожило тебя в связи с отношениями?— спросил сам себя Юниор.

Все та же старая мысль. В мире появилась женщина. Но почему только она?

Давай-ка поразмыслим логически. Вот включена программа третьей степени обитания. Скомбинировано все, что нужно для жизни человека. А затем и сами люди. По логике, для полной демонстрации — а именно таким предполагалось назначение Комбинатора — нужны два человека. А появился один. Именно женщина. Почему?

Ответ на этот вопрос и был той мыслью, которая блеснула и которую Юниор поймал.

Женщина появилась потому, что мужчина уже был. И мужчина этот не кто иной, как я сам.

При реализации программы третьей степени Комбинатор, конечно, должен был прежде всего проанализировать ситуацию на полигоне. И присутствие там человека — он спал у пруда — не могло остаться незамеченным и неучтенным. Оно и было учтено. Но работать Комбинатору не помешало. Когда реализовалась первая степень, растения, человек был ни к чему, возможно даже, что там при этом могли происходить какие-то процессы, опасные для него: скажем, пошел бы на сырье для травы и деревьев, мало ли... И комбинирование не началось, пока он не убрался под защиту

корабля. Третья степень — иное. Тут человек так или иначе должен был появиться. Его присутствие уже не мешало, он был включен в схему этой самой третьей степени: взять и выкинуть его Комбинатор не мог. Да и зачем? Он наверняка способен употреблять в дело не только отдельные атомы, но и такие комбинации их, какие ему нужны — брать готовые, если они есть, вместо того чтобы создавать самому. Вот он и нашел готовую комбинацию человека и решил ее использовать.

Была возможность убедиться, что у Комбинатора на учете каждый комар, каждая травинка, ветка — все. А тем более — люди, которых всего-то двое...

Если бы Зоя, забыв о запрете, вбежала в корабль, ее бы не стало. Но Комбинатор, чтобы восстановить заданную схему, как можно скорее создал бы другую Зою. Комбинатор не меняет программ, он лишь выполняет их. Это было понятно раньше.

Ну, а если входишь в корабль ты, Юниор?

Для Комбинатора это — то же самое. Был — и исчез. Баланс нарушен, программа не реализуется. И Комбинатор немедленно восполняет недочет. Должен восполнить. Создать мужчину.

Да. Но — не человека, который не программировался, это уж точно. Матрицу снимали с кого-то другого. С Георга. Или с какого-то, близкого к эталону, представителя мужского пола...

Нет, не просто с какого-то. Ведь между двумя людьми, возникшими на третьей степени обитания, должны с самого начала существовать нормальные, даже хорошие отношения. Они ведь не Адам и Ева — без прошлого, без биографий. Это люди, помнящие о себе все, и тут нельзя создавать пару, руководствуясь только эталонными соображениями.

Следовательно, возникнет мужчина, которого Зоя не только знала в той жизни, но с которым согласна была бы находиться и в жизни этой.

Георг?

Ну и что же? — подумал Юниор.— И прекрасно! Все заботы — долой! Пусть воркуют. Пусть будут счастливы. Ты же будешь заниматься своими делами и поглядывать на них со стороны. А через три недели...

Да, так что же — через три недели?

Юниор почему-то не ощущал восторга.

Этого не происходило по нескольким причинам. Во-первых, потому, что Георг здесь будет точной копией Георга того. Кроме того, и этот Георг будет изобретателем, создателем той самой аппаратуры, которая здесь воспроизвела его. И надо быть крайне наивным человеком, чтобы думать, что он станет предаваться отдыху. Нет, он сразу же пожелает зарыться в дело: шутка ли, такая прекрасная возможность,— сверхпрограммное испытание Ком-

бинатора, при котором никто не станет Георгу мешать; Юниор не в счет... Так что спокойной жизни не видать. Именно тут у Георга может возникнуть очередная идея, и он пожелает ее осуществить. И тогда ему плевать на задачи других, и еще более — на чьи-то чувства и переживания.

Стоп. Что-то сказано о чувствах?

Разве? Тебе не показалось?— спросил он себя и сразу же ответил: — Да нет, не показалось. Это уж точно.

Умник не зря говорил насчет нервной системы и психики. И Юниор знал это еще тогда, когда он говорил. Что-то произошло. Что-то началось. И продолжается. И есть желание, чтобы оно продолжалось. И не только потому, что... Но и потому, что тут, в этом мире, ей — такой, какова она здесь, он в сто раз нужнее, чем любой Георг, который будет тоже только фикцией.

Это мой мир, и только я способен управлять им и полностью контролировать его. И в своем мире я не желаю соперников. Но сейчас,— продолжал размышлять Юниор,— за эти несколько часов, проведенные мною в корабле, Комбинатор успел не только заметить мое отсутствие, но и с успехом мог породить на свет не одного, но хоть сотню Георгов. И пока я тут сижу, Георг преспокойно пьет чай в обществе супруги в своем загородном доме.

Юниор сжал кулаки. Но еще не позволил себе вскочить и опрометью кинуться вниз. Прежде надо было продумать все до конца.

Предположим, он сейчас вышел. И снова попал в поле зрения Комбинатора. По его показателям произошло новое нарушение баланса. Сперва одного мужчины не хватало. Зато теперь один оказался в излишке.

Комбинатор — не человек, он не рассуждает. Раз мужчин много — значит, одного надо уничтожить.

Кого уничтожить — тут не может быть двух мнений. Кого Комбинатор породил, того... Значит, будет устранен Георг.

И тут снова встают вопросы. Во-первых, как это произойдет. Хорошо, если тихо, мирно. А если с шумом? Так, что пострадает и все окружающее? Зоя в том числе? Что тогда? Возникает новая Зоя. Все начнется сначала. И это будет черт знает что. Это будет комедия. И не известно, как Зоя, но сам он может этого не выдержать. Не говоря уже о том, что невозможно будет держаться с нею так, как сегодня утром, когда ты ее еще не...

Но предположим, Комбинатор уберет Георга тихо и нежно. Но Зоя все равно его уже видела. Говорила с ним. И... мало ли что. Как она перенесет это? Для нее, оставшейся, это будет новой трагедией. Одну она сегодня уже пережила, оказавшись неизвестно где и непонятно в каком качестве. Две трагедии за один день — не много ли? И если в первой вина человека весьма косвенна, то вторая будет главным образом на его совести.

Значит, не надо, чтобы Георга убирали?

Что же тогда — сидеть тут, в корабле, безвылазно? А они там пусть живут-поживают?

Нелепо,— искал ответа Юниор.— Черт, как нелепо. Но ничего другого придумать нельзя. Ты не хотел быть убийцей женщины, это делает тебе честь. А быть убийцей мужчины — согласен? Соперника, пусть так. Но ведь на деле не он твой соперник, это ты набиваешься в соперники, не спросившись никого.

Да, ничего другого не придумать. Остается сидеть в корабле и развлекаться беседами с грибом.

— Умник! — позвал он.— Нужна консультация по Комбинатору. По двум вопросам. Первое: дополнял ли он программу третьей степени чем-либо или кем-либо. И второе: можно ли его программу третьей степени заблокировать так, чтобы ничто из находящегося в развернутом состоянии не восстанавливалось, если вдруг возникнет недочет. Если что-нибудь пострадает. Понял? Чтобы Комбинатор не возмещал убыль, не доводил до нормы.

— Понял.

Вот это и в самом деле неплохо придумано. Во всяком случае, на будущее. Прихлопнешь комара, а он не воскреснет. Войдешь в корабль — но никто не станет создавать нового Георга. Все останется, как было. И тогда бегай в корабль хоть каждые пять минут — ничего не случится.

— Юниор, отвечаю. На первый вопрос получил ответ, что заданная программа выполнена, реализована полностью. Никаких подробностей. Комбинатор — крайне тупоумное устройство.

— Ну да,— согласился Юниор,— это ведь только первый вариант, на скорую, как говорится, руку. Погоди, Георг еще усовершенствует его так, что Комбинатор станет поумнее нас с тобой, вместе взятых. Ну, а дальше?

— Второе. Блокада невозможна. Допускается лишь полное выключение программы, что равнозначно свертыванию.

— Это я понимаю...— пробормотал Юниор.— Ладно. Значит, ничего не выйдет.

«Что остается?— он устало сел.— Ничего. Спать. Есть, правда, одна возможность: позвонить ей. Ее телефон связан с корабельной сетью. Позвонить и узнать: там ли Георг. Позвонить?..»

Юниор взглянул на часы. Поздно. По всем правилам хорошего тона, так поздно не звонят в семейный дом, где хозяева вполне могли уже улечься спать.

Он невесело усмехнулся. Ну что же, будем считать, что мои проблемы решены, а они свои пусть решают сами. Он уже сейчас понял, что будет состоять при них: свернуть мир с живыми людьми у него сил не хватит. И предстоит сосуществование в этом славно придуманном другими и вызванном им к жизни мире в роли Господа

Бога, который этот мир хранит и поддерживает, все может, но изгнать молодую пару из рая у него не хватит совести, и будет это продолжаться — по людским масштабам — вечно. Да, веселая история, и ты сам ее состряпал, своими руками. А раз так, то и будь добр — работай, проявляй свое всемогущество.

— Умник! — крикнул он, словно гриб находился в другой комнате, словно его микрофонами не были утыканы все закоулки корабля.— Я ложусь. Свои снадобья от нервов можешь приберечь до лучших времен. Но сделай так, чтобы я уснул поскорее. И, пожалуйста, не буди, если только не начнется мировая катастрофа. Имею я право спокойно выспаться?

* * *

И все же его разбудили. Не ночью, правда, утром, когда Юниор, убаюканный гипнорадом, разоспался наконец. Звонкий, веселый голос раздался над самым ухом:

— Капитан! Проспали все на свете! Ау! Вы живы, Юниор? Да покажитесь же, феодал! Я хочу завтракать, и мне скучно!

Первым, что испытал Юниор, было чувство ужаса. Зоя здесь? В корабле? Сейчас будет взрыв!..

Уже вскочив, он опомнился. Не было, конечно, в корабле никакой Зои, а голос ее доносился снаружи, был принесен корабельной сетью внешнего прослушивания. Прекрасное, очень полезное устройство!

— Зоя! — крикнул он в ответ, забыв, что она-то его услышать никак не может.— Секунду, Зоя, я сейчас... мгновенно!

Свой туалет он совершил с такой быстротой, словно жить оставалось секунды и никак нельзя было явиться в другой мир небритым. Выскочил на смотровую, не успев даже поздороваться с Умником. Пока спускался, ему казалось, что подъемник на сей раз пошевеливается как-то слишком уж лениво. Ну, наконец-то!..

Он спрыгнул на землю, бросился к ней. Зоя стояла — яркая, веселая, словно ничего не случилось, не было никаких размышлений, никаких трагедий — спокойная, благополучная, беззаботная. Она смеялась.

— Теперь я понимаю, Юниор, почему вы летаете в одиночку. Чтобы вам не мешали спать!

Он подбежал к ней, хотел что-то сделать — схватить за руки, обнять, может быть... В самый последний миг понял: нельзя! Мало ли, что она здесь; может быть, потому и выглядит Зоя такой довольной, что обрела своего ненаглядного Георга, и пришла теперь лишь затем, чтобы пригласить Юниора к семейному завтраку: наверное, так полагается... Он вспомнил все свои вчерашние рассуждения.

Черт, наверное, и выходить не следовало! Совершенно потерял контроль над собой...

Он сделал усилие, чтобы казаться совершенно спокойным, и спросил как бы между прочим:

— Вы одна, Зоя?

— Уже нет.— Она по-прежнему улыбалась.— Вы снова со мной.

— Я имею в виду...

— Я понимаю, что вы имеете в виду, Юниор,— сказала она, теперь уже серьезно.— У меня было достаточно времени, чтобы кое-что понять. Как говорили в старину — недаром я столько времени чистила шляпу своего мужа... Вы думаете о Георге? Не беспокойтесь, его не будет.

— Почему вы так уверены?— невольно спросил он, уже самим тоном показывая, насколько вопрос этот его волновал.

— Безошибочная примета. Не огорчайтесь, Юниор: она не относится ни к науке, ни к технике, так что вам до нее все равно не докопаться. Если бы здесь должен был появиться Георг, то непременно с самого начала возник бы Бином.

— Не понял,— откровенно признался Юниор.

— Бином, пудель. Я вам ручаюсь: если Георг в какой-то ситуации и мог бы забыть обо мне, то о Биноме — никогда. Такая любовь, как у них, между людьми, мне кажется, невозможна. И если появление Георга могло быть чем-то задержано, то на собаку это ведь не распространилось бы? Но Бинома нет. И ничего из его имущества: ни его матраца, ни сервиза... Меня это совершенно убеждает.

— И меня,— сказал Юниор, улыбнувшись, наконец, как должен улыбнуться человек при виде женщины, для него далеко не безразличной.— Итак, я к вашим услугам.

— Я их потребую, не ждите снисхождения. О Юниор, вам придется несладко. Вы успеете сто раз проклясть судьбу за то, что она дала вам в соседки красивую женщину.

В соседки,— отметил Юниор для себя.— Мой статус обозначен совершенно недвусмысленно. И она тысячу раз права. Сосед есть сосед, и ничего более. Люблю ясность.

— Наоборот,— сказал он вслух.— Буду благодарить свой рок. Позвольте соседу поинтересоваться: как провели ночь?

— Мне было страшно.

— Ну уж! Чего здесь бояться?

— Одиночества. Я совершенно не приспособлена к нему. Не привыкла. Нет,— покачала она головой,— это вовсе не значит, что кто-то должен находиться под одной крышей со мной. Я имела в виду другое одиночество: душевное. Мне нужно, чтобы кто-то думал обо мне. Чтобы я знала: если понадобится, могу позвать на помощь — и кто-то придет и сделает все, что я попрошу...— Она

сделала паузу.— Видите, я предупреждала, что вам придется солоно. Что вы на это скажете?

Он улыбнулся.

— Скажу: спасибо, Зоя, за то, что вы мне поверили.

Они постояли так еще несколько секунд. Потом Зоя снова улыбнулась — легко, безоблачно:

— Ну, охотник, где добыча? Смертельно хочу есть...

Слово это «смертельно» слетело с ее губ небрежно и незначительно; всего лишь старая метафора, вдумываться в суть которой было совершенно незачем.

— Волшебный холодильник иссякает?

— Бережливость — лучшее качество хорошей хозяйки. Кроме того, сегодня ваша очередь мыть посуду. Да если бы и моя, вы все равно захотели бы вымыть, разве нет?

— Разумеется,— поспешно согласился Юниор.

— Идемте же. Ах да, вы еще не успели проголодаться, поздняя пташка. Тогда давайте пойдем просто так — куда глаза глядят: все равно в конце концов мы придем туда, куда нужно, правда ведь?

Куда нужно,— подумал он.— Хотел бы я точно знать — куда нам нужно...

Они долго бродили по маленькому, ладно устроенному миру; каким бы ни был он ограниченным, все же в нем то и дело открывалось для них что-то новое, неожиданное, прекрасное, и они не стеснялись своего восторга. Наверное, так разгуливали когда-то первые люди в райском саду — еще до грехопадения... Юниор предложил Еве яблоко с дерева — без задней мысли, без всякой символики. Она критически оглядела плод, понюхала, покачала головой:

— Вы неопытный садовник,— сказала она.— Совсем зеленое. Страшная кислятина, ничуть не сомневаюсь.

Он взял яблоко из ее пальцев и швырнул подальше.

— Не обижайтесь,— улыбнулась она.— Это ведь не ваша вина. Наверное, встретим здесь и зрелые. Кстати, в каком мы месяце?

Этого Юниор не знал. Не пришло в голову поинтересоваться.

— Судя по яблокам — конец июня, начало июля,— сказала Зоя.— Мое любимое время года. Спасибо, Юниор, за это.

Тут же они забыли о яблоках: деревья вдруг расступились, открылась полянка, ровно поросшая травой, как специально засеянный и ухоженный газон, а посреди возвышалось дерево, словно нарисованное — таким показалось оно живописным и совершенным. Прямо не полянка, а образец. Они разом остановились, вздохнули — не от грусти: от полноты чувств. Нет, тут жить не надоест никогда...

— Георг не подумал об этом,— проговорила Зоя тихо.

— О чем?

— Нет, я так... Нельзя ссылать в такие прекрасные места.

— Ссылать?

— Разве он не сослал меня? Знаете, Юниор, я ведь все поняла. Ему казалось, что я стала пренебрегать им, меньше ценить, и он приговорил меня к некоему сроку одиночества. Он только не учел, что вы окажетесь таким, каким оказались. И того, что тут очень красиво. Потом я скажу, в чем он просчитался.

— Угу...— пробормотал Юниор. Не начинать же доказывать ей с самого начала...

— Я понимаю, Юниор: вы хотите сказать, что я его никогда не увижу. Наверное, так оно и есть. Но, чтобы не упрекать меня в непоследовательности, подумайте об одном: я не могу и не хочу отказаться от своего прошлого. Потому что оно мое и единственное, другого у меня нет. И поэтому очень часто буду думать о вещах, берущих начало в этом прошлом. Так что не обижайтесь. Не увижу его — ну, что же. Тогда об этом скажете ему вы. А я... Знаете, я уже отпустила его.

— То есть как?..

— На все четыре стороны. И предпочитаю думать, что это я захотела уехать. Я бросила его, а не наоборот. Развелась с ним. И здесь я не потому, что сослана сюда,— просто мне захотелось пожить какое-то время, может быть, до конца дней, в прекрасном уголке, далеком от суеты и треволнений мира — и в обществе человека зрелого, скромного и ненавязчивого.— Она весело улыбнулась.— Согласитесь: в трех словах я дала ваш точный портрет. Разве не так?

— Ни прибавить, ни убавить,— согласился он.— Могу только позавидовать вашему мастерству.

Они пересекли поляну,— трава распрямлялась позади них,— вошли в чащу, прошли, казалось, всего несколько метров, но как же сразу изменилось все вокруг, как сумрачно стало, какие мощные стволы обступили их, сомкнувшись широчайшими кронами, в которых неумолчно перекликались птицы. Было сыровато. Зоя испуганно схватила Юниора за руку, потянула в сторону. Он улыбнулся.

— Не бойтесь: это полоз, не змея.

— Все равно страшно... Пойдемте отсюда.

Они повернули в сторону и еще с минуту не разнимали рук. Потом она осторожно высвободила свою.

Снова вышли к ручью; он, наверное, кружил и петлял по всему их миру, и Юниор не мог бы сказать: была таковой программа Комбинатора или то просто микрорельеф местности, самой планеты. В одном месте ручей образовал заливчик, там темнели длинные головки камыша. Зоя сказала:

— Жаль, что все люди не могут жить так. Правда?

Подумав, Юниор покачал головой.

— Большинство не выдержало бы и месяца, Зоя.

— Думаете?

— Здесь рай только для философов. Или,— он не удержался,— для влюбленных. Для тех, кто активен духовно. Остальным тут показалось бы тесно. И скучно.

— Вот не знала, что я философ,— усмехнулась Зоя.— А вы знали?

— О себе? Тоже нет. Но думаю, что здесь могу стать кем угодно.

Она искоса взглянула на него.

— Это воздух такой. Только не спешите меняться. Вы очень хороши такой, какой есть. Надежны. Вы... А вот ваш прекрасный мир, в котором так приятно... Может быть, это покажется вам обидным, но я в него не очень верю. Он не кажется мне устойчивым. Мир, основанный на каких-то ухищрениях очень сложной техники...

— Не обижайтесь и вы, Зоя, если я скажу, что суждения ваши в этой области — предрассудки незрелого человека.

— Я и не скрываю. И все же... Надежна только природа.

— Жаль, что вас не слышит мой отец. Он бы вам аплодировал. Я же считаю иначе. Природа настолько многообразна и изменчива, настолько неуправляема в целом, несмотря на отдельные наши успехи, что предугадать ее поведение мы сегодня можем лишь ограниченно. К тому же чересчур неторопliва эта ваша природа. Ее представления о времени несоизмеримы с нашими. Жаль, что вы не видели, что здесь было, когда я сел. Черный песок и лиловая тьма. То самое, что сейчас — за пределами нашего купола. Представьте, что мой корабль доверху набит семенами, удобрениями, разнообразными теплицами для выращивания саженцев и так далее. Цель — преобразовать планету до уровня вот этого мирка.— Юниор широко развел руками.— Далеко ли был бы я сегодня? А все то, что окружает нас с вами, возникло за три ночи. Мы сделали свой мир сами, заранее зная, на что он будет способен и как мы станем поступать, если техника начнет капризничать. Этот наш мир целиком сконструирован людьми, а разве он от этого хуже?

Он как бы вывел Зою за скобки этого мира, поставил рядом с собой, потому что человек есть человек, он не мир, он — над. Однако Зоя, кажется, даже не заметила этого.

— Да, вы создали в три дня,— сказала она.— Но не мир. Маленький мирок на двоих. Ну, пусть хоть на десятерых, ладно. Но вы не в состоянии совершить то же самое на всей планете. Или вы способны на это?

— Нет,— согласился Юниор.— Но ведь мы с вами стоим у самого истока новой, великой отрасли техники. Она работает. А это

значит, что пройдет очень немного времени — и будут существовать не портативные Комбинаторы, какие можно смонтировать в корабле, а гигантские установки если не планетарного, то хотя бы континентального масштаба. И на любую, сколь угодно неприветливую планету люди будут доставлять именно эти установки, потому что все остальные проблемы тогда решатся сами собой. Могу сказать вам: в принципе эта проблема была решена, когда люди нашли способ получения практически неограниченной энергии из пространства. Потому что вся аппаратура Комбинатора нуждается в громадном ее количестве. И, конечно, в каком-то веществе. Все равно, в каком. Комбинатор может построить мир из чего угодно. Прекрасный, добротный, надежный мир.

— В котором будут жить,— подхватила Зоя,— прекрасные, добротные, надежные копии людей. Я не ошиблась? Вы будете создавать миры, чтобы множить количество человеческих копий?

— Почему? А, вот что вас смутило. Нет, Зоя, ничуть не бывало. Просто пищу придется производить настоящую. Выращивать. Или хотя бы синтезировать, так будет даже проще. Кстати, вам вряд ли приходилось есть синтезированную пищу...

— Не было повода.

— Не надо так презрительно, Зоя. Мне приходилось. У меня на борту даже есть синтезатор. На всякий случай. Но не беспокойтесь: у меня очень много натуральной еды. Вы же знаете, нас снаряжают на совесть.

— Ох, Юниор! — засмеялась Зоя.— Я и так изнемогаю от голода. А вы заговорили на гастрономическую тему...

— Зоя, простите, я болван. Заговорился... Пошли! Знаете, я думаю, что надо сразу начинать готовить из моих припасов. К чему делать два завтрака, два обеда...

— О, вы безмерно облегчаете мою жизнь. Хотя готовить я люблю.

Они быстро шли вдоль ручья, то отдаляясь, когда на пути вставали кусты ольшаника, то снова приближаясь к перламутрово отблескивавшей воде.

— А рыбы сколько!

— Наловить вам на обед?

— Да... Хотя — нет. Мы же только что говорили: общее меню. И потом, мне их жалко.

Юниор усмехнулся, чуть заметно пожал плечами. Женщина остается женщиной. Что ж, это и прекрасно.

Дом показался — впереди и чуть в стороне.

— Зоя, вы сейчас начнете хозяйничать? Или немного отдохнете после прогулки, может быть? А я — за припасами.

— На охоту.

— Именно. В дикий мир корабля.

* * *

— Умник! Мне нужны продукты. Хотя ладно, я сам отберу.

Юниор направился в кладовые. Долго возился там и навел такой «порядок», что потом долго придется разбираться, а до тех пор автоматы будут выбрасывать не то, что Юниор закажет через Умника. Но это потом. А сейчас — Зоя хочет есть.

Он набил здоровенный рюкзак из походного комплекта для обследования новых территорий.

— Умник, как там наш Кристалл? Растет?

А зачем тебе, собственно, Кристалл?— подумал он внезапно.— Ты же никуда не полетишь. Корабль для тебя сейчас — и на много лет вперед — энергетическая и техническая база, не более того. Ну, еще жилье. А Кристалл нужен лишь в полете, при переходе из одного пространства в другое. Тебе он не понадобится.

Но привычка к порядку и надежности одержала верх. Кристалл должен быть — значит, он должен быть. И точка. Юниор с удовлетворением выслушал доклад о том, что Кристалл в порядке. Кивнул.

— Умник, если что-то срочное — меня найдешь по новой телефонной линии.

— Это радиотелефон, Юниор.

— Все равно. Ищи там. Ухожу, наверное, до вечера. К ночи вернусь.

Он постоял, прежде чем поднять рюкзак. Кивнул.

— Да. Ночевать вернусь.

* * *

Позавтракали. Совершилось все словно в какой-то сказке, так, по крайней мере, казалось Юниору, очень давно, а может быть, и вообще никогда не переживавшему такого. Обширная веранда. Легкий, теплый ветерок. Птицы. Цветы. Покой. Вкусная еда. Женщина за столом — и гостья и хозяйка одновременно. Соседка...

Долго пили кофе и болтали о том, что было вокруг: о цветах, птицах, деревьях. Зоя посетовала, что не захватила с собой (именно так и сказала, окончательно уверившись, что собралась и по своей воле приехала сюда — отдохнуть, развеяться) ни красок, ни кистей, ни этюдника — ничего, что было у нее на Земле; здесь она охотно писала бы пейзажи. Юниор обещал подумать — может быть, удастся помочь. Он никогда не пытался узнать до конца, что же содержат его трюмы — трюм-два прежде всего: не доходили руки, да и не нужно было Юниору ничего оттуда, и большинство грузов хранилось там еще с отцовских времен; видимо, грузы не относились к скоропортящимся.

С Зоей вместе отвезли посуду на кухню, засунули в мойку, Юниор включил — мойка исправно заработала. В доме было все: ток, вода (Комбинатор пользовался колебательным генератором и прудом), даже горячая. Все было, как настоящее. Или просто — настоящее. Ведь и вообще все на свете, отметил Юниор, возникает или делается на время. Вечного нет ничего. Кроме самой основы.

Принесенный Юниором провиант разместили: что могли — в холодильнике, остальное — в кладовке и шкафчиках. Кухня стала совершенно обжитой. Да и весь дом был таким. Даже по телефону можно было позвонить — Умнику.

— Давайте же что-нибудь придумаем! Идемте гулять, если не надоело. Или будем играть во что-нибудь. Кстати, у нас был корт. Может быть, он сохранился? Я хочу сказать...

— Что же, пойдемте, поищем.

Юниор бы с удовольствием никуда не спешил. Сидел бы рядом с Зоей, смотрел на нее, на деревья вокруг, на уголок пруда, видимый отсюда, слушал бы птичий базар. Но то — он. Юниор давно уже привык не спешить, понял, что со временем придет то, что должно прийти, а что не должно — того, сколько ни гонись, все равно не поймаешь. Но у Зои, конечно, все было иначе, и лет ей было, конечно же, меньше, и возникло у нее такое острое чувство уходящего времени, что как бы она ни сдерживала себя, нетерпение прорывалось наружу. Такое чувство если бывает, то только в молодости, потом на него уже не остается времени, которого зато хватает, чтобы спокойно посидеть... Зоя спешила — все равно куда и зачем, лишь бы двигаться, делать, видеть, участвовать. И нельзя было в этом ей мешать. Сказано искать корт — будем искать корт.

Однако прежде они пошли к пруду. Просто потому, что его было видно из дома. Прогулялись по бережку. Зоя вздохнула: там у нас был катер.

Катер,— подумал Юниор, усмехнувшись про себя.— Почему так скромно? Почему бы здесь не быть яхточке? Ходить под парусом здесь, понятно, нельзя, однако, если вдоль берегов — тем более, что и ветерок есть... Голубая мечта: яхта, белый парус, женщина...

И тут он подумал: но должно же быть что-то пригодное к использованию в трюме номер два! Если там и не найдется яхты в ее натуральном виде, то в семечках может оказаться даже и океанский корабль. Да и Комбинатору наверняка по силам реализовать нечто подобное, какое-нибудь корыто да есть в его программах. Правда, копание в них потребует кучу времени. Нет, сперва пусть Умник пошарит в спецификации трюма-два, что-нибудь плавучее он там непременно найдет.

Юниор сказал об этой идее Зое. Она сразу же загорелась:

— Правда, как чудесно было бы! И вы можете на самом деле так устроить?

Юниор прямо-таки надулся от гордости. Прекрасная возможность показать себя чудотворцем, не прилагая почти никаких усилий.

— Идемте! — скомандовал он.

Они вернулись в дом. Юниор позвонил Умнику — Зоя широко раскрытыми глазами смотрела, как он снимал трубку телефона, словно и это было бог весть каким чудом.

— Умник? Посмотри спецификацию трюма-два.

— Включено.

— Найди плавсредства.

— Найдено.

— Парусные, а также весельные.

На сей раз пауза затянулась.

— Найдено.

— Сколько наименований?

— Три.

— Сколько в натуре?

— Одно.

— Остальные в семенах?

— Да.

— Время выращивания?

— Сутки и трое.

— Долго,— нетерпеливо ответил Юниор.

Совершать чудеса надо мгновенно, если чудо растягивается во времени, это уже не чудо, а обычное производство.

— Что там у тебя в натуре?

— Швертбот малый с полным вооружением.

— Выгрузка представляет сложности?

Умник снова помедлил.

— Выгрузка потребует некоторого перемещения грузов внутри трюма, но без выхода за борт. Час — час десять минут.

— Выгружай!

Юниор положил трубку, повернулся к Зое.

— Ну вот. До вечера успеем даже походить под парусом.

Она захлопала в ладоши.

— Какой вы молодец, Юниор! А что у вас еще есть в запасе?

Он и сам не имел понятия. Придется погонять Умника по спецификации — хотя бы сегодня перед сном. А Зое все эти подарки надо будет преподносить постепенно, так, чтобы каждый из них действительно казался женщине чудом и возникал как раз в тот миг, когда окажется необходимым. Вот как сейчас лодка. В самом деле обидно: вода есть, а лодки нет. Хоть плот вяжи... Пока же Юниор постарался улыбнуться загадочно:

— Со временем, Зоя, со временем. Ну, пойдемте погуляем пока, может быть, наткнемся и на ваш корт. А через час в любом

случае назначаю вам свидание на берегу нашего Лаго Маджиоре.

— Согласна. Если это удастся, вы в моих глазах станете вдвойне капитаном, Юниор.

— Капитаном всех пространств! — гордо заявил он.

* * *

Произошла только одна маленькая накладка: швертбот не покачивался на воде, а стоял на низкой четырехколесной тележке рядом с кораблем. Юниор вспомнил, что отдал команду лишь на выгрузку, о спуске на воду речи не было. Нехорошо, упрекнул он сам себя, теряешь контроль над действиями, команда должна быть точной и исчерпывающей... Однако особо терзать себя он не стал, потому что наказание заключалось уже в необходимости перетащить лодку к пруду. Пришлось повозиться. Можно было, конечно, свистнуть любому механизму, и тот отбуксировал бы; но почему-то захотелось сделать это самому, взяться руками, упереться ногами, напрячь все тело. Смешно — в наше-то время. И все же он так и сделал. Знал почему: быть волшебником, создать из ничего хотя бы такую лодку — хорошо, слов нет, однако если ты делаешь чудеса ради женщины, стоящей рядом, то быть просто волшебником недостаточно: тебя станут, наверное, уважать и даже побаиваться, но никак не более того. И совсем другое дело — если кроме тех сил, которыми умеешь повелевать, ты обладаешь еще и своей, человеческой силой. Вот и покажи, что тебе ее не занимать.

Он спустил наконец швертбот, порадовался тому, что пруд оказался достаточно глубоким, чтобы выдвинуть шверт: пусть все по правилам, все как надо. Зато как по-новому заиграл пруд, когда появилось на воде легкое суденышко! Юниор светским жестом пригласил даму занять место, оттолкнулся, поставил парус, взял круто к ветру, чтобы испытать, на что способен кораблик; ничего, вполне прилично, можно будет показать Зое кое-какой класс.

Но, когда они оказались на середине пруда, ему вдруг расхотелось производить впечатление. Уж очень тихо, спокойно было вокруг, и Зоя сидела на носу швертбота, словно изваяние богини, невозмутимо улыбалась, словно ей было ведомо и прошлое, и то, чему еще только предстояло быть. Юниор убрал парус и тоже замер, поглядывая на слегка рябившую воду, но больше — на Зою: ее волосы, свободно падавшие на загорелые плечи, босые маленькие ноги, неподвижное лицо — веки опущены, так что не понять, на что она сейчас смотрит, чуть впалые щеки, прямой нос, улыбающиеся губы. Юниор воспринимал все это вместе: и сбегавшую вниз линию плеч, и руки, свободно лежавшие на бортах, как что-то единое, не определимое словами, но без чего жить нельзя. Впервые он

испытывал такое: раньше, когда он находился рядом с женщиной, которую, как думалось ему, любил, мысли, ощущения, желания были конкретнее, прямее, грубее. Юниор молчал, но молчание все тяжелело, словно бы в воздухе собралась гроза. Надо было что-то сказать, но никаких слов не было, да и мыслей тоже — лишь нечто неопределенное, разлитое в воздухе, как предгрозовое электричество. Вдруг он понял, что́ надо сейчас сделать: перейти в нос, где сидела — ждала?— Зоя, сесть рядом, обнять за плечи — сердце неуемно заколотилось...

Порыв ветра налетел, ударил волной в борт, качнул лодку, обдал их брызгами. Зоя звонко рассмеялась, Юниор тоже, глядя ей в глаза... Снова налетел ветер. Юниор медленно отвел глаза от женщины. Ветер. Это ведь не просто ветер. Здесь ничего не могло быть просто так. И не было ничего, на что можно было бы не обращать внимания.

Он глубоко вздохнул, приходя в себя. И направил швертбот к берегу.

— Так быстро?— разочарованно проговорила Зоя.

— Вы умеете ходить под парусом? Тогда оставайтесь. А мне срочно нужно поговорить с кораблем.

— Разве вы там не один?— Зоя смотрела настороженно.

— Людей там нет. Но разговаривать можно не только с людьми.

— Это срочно? Здесь было так прекрасно...

— Нужно,— сказал Юниор, поднимая шверт.— Дело может оказаться серьезным...

Лодка шаркнула по дну. Юниор помог Зое выйти на берег. До дома дошли молча. Кажется, Зоя немного обиделась; привыкла, наверное, на Земле, чтобы все ее желания выполнялись безоговорочно. Да ведь Юниор и сам бы с радостью...

Оказавшись в доме, он кинулся к телефону.

— Умник? Доложи обстановку. Что случилось?

— Усилилось давление на купол извне. Я уравновесил его, увеличив внутренний воздушный поток.

— Почему усилился ветер снаружи, как думаешь?

— Пока никаких предположений. Отмечено только незначительное увеличение тени.

Тень... Как она связана с усилением ветра?.. Зоя, стоя рядом, смотрела на Юниора с тревогой. Она не знала, что́ грозит им, но и ей передалось его волнение. Юниор улыбнулся ей и подумал: нет, не может быть ничего серьезного, это было бы слишком безжалостно по отношению к Зое.

— Умник, ветер окреп внезапно? Или давление нарастало постепенно?

— Внезапно.

Юниор помолчал, обдумывая.

— Я сейчас приду, Умник.

Он положил трубку. Зоя подошла вплотную.

— Юниор... вы хотите уйти?

— Ненадолго, Зоя. Нужно самому посмотреть на приборы.. и, может быть, отдать еще несколько команд.

— Нам что-то грозит?

— Бояться совершенно нечего. У нас за спиной такая мощь, что... Я скоро вернусь.

— Не знаю, но мне отчего-то делается страшно.

Юниор подошел вплотную, протянул руки, положил ей на плечи.

— Обещаю, Зоя: если будет чего бояться — я скажу. Не стану скрывать. Однако думаю, что этого не случится никогда. Вообразите, что меняется погода — только и всего. Вы верите мне?— Он заглянул ей в глаза.

Зоя кивнула.

— Тогда,— сказал Юниор,— все в порядке. Я вернусь, и мы сразу же сядем обедать, хорошо? Кажется, самую малость побыли у воды, а такой разыгрался аппетит!

Он снова улыбнулся ей, повернулся и быстро вышел.

* * *

Подойдя к кораблю, он прежде всего осмотрел амортизаторы. Но корабль стоял уверенно, такой ветерок был для него все равно что ничего. Корабль был капитальным сооружением. Юниор поднялся в рубку и сразу направился к приборам, контролировавшим внешний мир. Несколько минут сосредоточенно изучал их, вглядывался, соображал, прикидывал. Тень по сравнению с последним наблюдением действительно увеличилась, но видно ее было по-прежнему плохо. Одно только показалось странным: температура затененной поверхности. В тени она должна была хоть немного, но отличаться от той, что была на остальных участках. Правда, лишь в том случае, если источник тепла одновременно и источник света. Если же тепло идет, допустим, из недр, то никакого изменения температуры может и не быть. Или же оно окажется настолько незначительным, что приборы отсюда, с корабля, его не зафиксируют. Вот они и не показывали ничего. Но, может, это и не тень вовсе? Тоже ведь только предположение...

Однако, если температура не меняется, откуда ветер? А уж ветер-то есть, вне всякого сомнения. Он внезапно усилился почти час назад — и опять дует ровно. Очень вероятно, что через какое-то время станет еще сильнее. До какого предела он может дойти? Не зная причины, ответить трудно; ясно только, что при таком рельефе — плоская равнина — ветер может достичь и ураганной

силы. Ладно, нам и ураган не больно-то страшен. И, однако, раз уж мы оказались на корабле, примем кое-какие меры предосторожности.

Прежде всего Юниор дал команду вывести из трюма второй суперкомпрессор — на случай, если понадобится усилить давление на купол изнутри. Затем, поскольку медленно росший в инкубаторе Кристалл требовал абсолютной устойчивости и неподвижности корабля, Юниор поставил машину на якорь: длинная, мощная штанга с подобием архимедова винта на конце выдвинулась из дна и ввинтилась в грунт, в надежное скальное основание; винт вошел в скалу, как в масло, и теперь, чтобы хоть немного покачнуть корабль, нужно было по меньшей мере землетрясение. Далее Юниор проверил все цепи наблюдения и оповещения. Может быть, он в какой-то мере и перестраховывался, но таков был его характер: риск — одно, а пренебрежение мерами предосторожности — совсем другое, оно не свойственно серьезному человеку.

Что еще можно сделать? Ничего, пожалуй... Но вдруг, не отдавая себе отчета — зачем, Юниор протянул руку и включил большой приемник, которым и в своем-то пространстве почти никогда не пользовался для связи, предпочитая говорить при помощи параполя. Приемник был величайшей чувствительности, фиксировал каждый микроразряд в атмосфере, так что включать его на планете вообще не было никакого смысла; и все же Юниор сделал это. Странный какой-то, внезапный приступ тоски налетел; показалось вдруг, что он один-одинешенек во всем мире, не только в этом, маленьком, но и во всей Вселенной и во всех других вселенных он — единственный человек, и не услышать ему больше ничьего голоса, кроме своего собственного да еще голоса Умника, который человеком все-таки не был и чей голос не развеивал одиночества, а лишь сгущал его. Захотелось услышать хоть что-нибудь, пусть не голос, не музыку, пусть лишь мерный стук метронома... любой признак жизни, где-то еще существующей. Но ничего подобного не было, ни слова, ни мелодии, ни ритма; дышала атмосфера планеты, дышало бесконечное пространство, бормотал межзвездный водород, но здесь его излучение принималось как-то слабо, приглушенно, словно издалека; в своем пространстве водород звучал совсем иначе, уверенно, по-хозяйски. К тому же здесь он то проступал сильнее, то совсем ослабевал, до полной тишины, и эта пульсация громкости, судя по индикатору верхней антенны, была связана с ее полным оборотом вокруг оси: излучение водорода ориентировано в пространстве? Странно... Ладно, подумаем на досуге.

Юниор выключил аппарат. Он понимал, конечно, откуда взялось это резкое ощущение одиночества: он больше не хотел, не мог быть один, уже второй день он почти все время находился в обществе Зои, и оно уже стало для него необходимым.

Не видя ее рядом, он сразу же ощутил тоску. По ней; однако воспринял это как тоску по всему миру. Может ли женщина заменить весь мир? Юниор никогда не верил в это; теперь же был готов признать: может.

Очень хотелось вскочить и немедля кинуться к ней. Чтобы увидеть, сказать ей что-нибудь — и получить какие-то слова в ответ.

Юниор вышел на смотровую площадку. Остановился.

Ветер дул, не усиливаясь, ровно, и хотя порождали его известные Юниору и зависящие от него машины, ветер был все же как бы дыханием природы, естественным движением, и было приятно, что он есть. За куполом далеко, в фиолетовой мгле, раз и другой что-то вспыхнуло — как будто молнии. Словно гроза собиралась там. Сейчас молнии были видны достаточно хорошо, потому что тут, внутри, начинало уже понемногу смеркаться. Черт, куда же девалось время? Неужели день прошел? Когда? Вот жизнь: совсем отвык смотреть на часы! Юниор вслушался; сквозь посвист ветра можно было уловить негромкий шелест листвы, плеск волн, ударявших в берег, пусть искусственный, но ничем не худший любого другого. Как бы там ни было — хороший мир, хотя и требующий постоянного внимания. И еще лучше становился этот мир оттого, что в нем — Зоя. Да, в одиночку здесь долго не прожить бы, это зря он тогда фантазировал. Вдвоем — совсем другое дело.

Что-то нужно было сделать для полного спокойствия. Что-то серьезное, основательное, важное. Может быть, даже рискованное. Юниор кивнул сам себе. Вообще-то это уже давно надо было сделать. Но, может быть, сейчас — самое время. Именно сейчас, когда во внешнем мире происходят какие-то перемены.

— Умник! — сказал он.— Аграплан в порядке?

Получив утвердительный ответ, он снова вошел в корабль и на внутреннем лифте поднялся в ангар. Постоял возле легкого аграплана. Ничего. Ветер там еще не так силен, чтобы полет представлял опасность. Но сначала надо опробовать машину здесь, под куполом.

Он влез в кабину, уселся, примерился. Потом дал команду открыть ангар. Ворота в борту распахнулись. Он вывел машину. Антигравы работали надежно, запас энергии был полный. Юниор заложил несколько крутых виражей, держась все же на почтительном расстоянии от корабля. Нет, навыки не исчезли, реакция сохранилась, машина слушалась, хотя летал он в последний раз довольно давно. Под конец Юниор лихо ввел аграплан в распахнутые ворота ангара — на высоте четырехсот метров над землей. Удовлетворенно ухмыльнулся.

Потом несколько минут постоял подле шкафчика, где висел гермокостюм. Надевать его не хотелось. У аграплана была герметичная кабина. Но рисковать и подавно не было желания. Мало ли

что могло случиться. И он влез в костюм. Зашнуровался, застегнулся, опробовал шлем.

— Связь со мной — с верхней антенны,— сказал он Умнику.— Лечу на разведку.

Давно он уже не слышал и сам не произносил этих слов: на разведку. На миг защемило сердце — оттого, что, по сути дела, все разведки остались уже в прошлом. Но что делать? Обрели мы, наверное, все же больше, чем потеряли?

— Выпускай из-под купола осторожно,— сказал он Умнику.— Не теряй слишком много воздуха, создай локальную струю, пусть меня вышвырнет побыстрее. Когда буду возвращаться, пойди прямо на стену, откроешь вовремя, иначе плохо мне придется.

Он знал, что на Умника положиться можно: не ошибется и на сотую долю секунды; удивительными созданиями были все-таки эти грибы.

— Понял,— ответил Умник кратко.

Юниор стартовал так же — прямо из ангара. Свечой пошел вверх. Под куполом стемнело, и Юниор надеялся, что Зоя его не увидит в небе, избежит лишних волнений. Потому он и полетел, не заходя к ней, не предупредив, чтобы не давать женщине лишних поводов для страха... Снаружи свистел ветер. Купол был, вероятно, уже совсем близко, когда машину рвануло: в куполе открылся ход, невидимый, как и само силовое поле, но воздух потоком устремился в него,— тут была подветренная сторона, и давление за куполом не достигало внутреннего,— аграплан вынесло на простор, и купол вновь обрел непроницаемость.

Юниор сделал круг, внимательно глядя вниз. Он уже почти забыл, как выглядит черный песок. Неуютно — после зеленого мира. И фиолетовая полумгла. Все как раньше. Только ветра такого не было, когда Юниор впервые вышел из корабля. И тени этой — тоже.

Он попытался определить расстояние до нее. Локатор по-прежнему ничего не давал, приходилось лишь гадать.

Сколько времени я могу затратить?— прикидывал в уме Юниор.— По ресурсам аграплана — хоть сутки. По своим собственным — пожалуй, не меньше.

Но есть еще ресурс Зои. Ты не хотел, чтобы она чрезмерно волновалась. Вот и не заставляй ее. Значит, вернуться надо... не позже, чем через два часа. Сейчас я лечу по ветру, назад придется добираться против. Сейчас посмотрим, сколько я могу делать против ветра...— Он сделал плавный разворот, пустил машину в обратном направлении.— Трудно определить. Мои приборы дают скорость относительно среды, а на земле для ориентира совершенно не за что зацепиться. Хорошо, что корабль еще виден. Поймаем-ка его антенну... Так. Теперь приблизительно ясно. Три к двум. Значит,

возвращаться я буду на треть дольше. Итак, я могу лететь к тени сорок минут, потому что назад придется добираться час, и еще двадцать минут потребуются мне на месте: ввести машину, раздеться, дойти до Зои. Итак, на полной скорости...

Машину почти не трясло, не было воздушных ям: все было однородно — и плотность атмосферы, и давление, и скорость... А выше как? Машина стала набирать высоту. Странно: ветер здесь не сильнее, слабее. Плотность среды быстро падает. Назад полетим на высоте, быстрее выйдет. Значит, ветер в основном — по поверхности. Почему в небе ни огонька? Облачность? Давно пора бы пробить ее, но ее и нет вовсе — и видимости нет...

Аграплан забирал все выше. Юниор следил за давлением за бортом. Вот уже миновали атмосферу, пора снижаться — это ведь не космический аппарат все-таки, знал бы — взял бы катер, а не эту игрушку... Такое впечатление, что непрозрачный слой остался внизу: поверхность уже совсем не видна. И по-прежнему — ни единой звездочки. Неуютное пространство. Странная планета: ни намека на светило, а уж отсюда я бы увидел — не его, так отблеск, зарю...

Значит, автономная планета, без отца-матери, вечная фиолетовая полумгла — и все же сумрак, но не мрак! — и около тридцати по Цельсию...

Да ладно,— примирился он.— Мне ведь сейчас важно что? Узнать, возможны ли осложнения, опасности. Светило у нас свое, воздух тоже, а что звезд нет — обидно, конечно, но при этой атмосфере мы снизу, из-под купола, их все равно не разглядели бы. Пока никакой опасности не вижу. Однако интересно: поверхность отсюда не видна, а тень заметна. На чем же лежит она, так называемая тень? На поверхности. На атмосфере? Или это все-таки не тень, а что-то совсем другое?

Ответа на все это пока не было — оставалось только лететь. Юниор держался на предельной высоте, где моторам — не антигравам, а тяговым, ракетным — было полегче, так что он выигрывал в скорости. Сколько мы уже в полете? Полчаса. Тень казалась все такой же далекой, но стала как бы более плотной, яснее выделялась на фиолетовом фоне. Да нет — не тень. Сейчас ее скорее назовешь стеной. Стеной, что от самой поверхности поднимается ввысь, возносится над атмосферой. Словно какая-то плоскость, рассекающая и воздух, и, может быть, даже самое планету? Но стеной это быть не может. Тогда воздух не тек бы туда — тем не менее течет... И эта стена, или плоскость, не связана жестко с планетой — иначе она не приближалась бы к нам, к куполу, к нашему миру... Да, стена приближается, хотя и очень медленно, угловые размеры ее возрастают. Или же она стоит на месте, но увеличивается. Сразу не скажешь, тут нужны точнейшие замеры расстоя-

ния между куполом и нею, а как это сделать, если ни один прибор не воспринимает стену, или что это там, как материальное тело? Вот уж поистине — семь верст до небес и все лесом...

Ого, как подхватило! Ветерок здесь куда сильнее, теперь я иду на грани звуковой скорости.

Если очень внимательно анализировать показания локатора, берущего поверхность, то скорость можно установить достаточно точно. Назад выгребать будет трудненько... И ветер дует туда, к стене. Нет, это не стена, конечно. Скорее — дыра. Черная дыра. И туда несется воздух. Что это? Космическая катастрофа? Или просто — какое-то сезонное явление, нам неведомое? Пока у нас есть только наблюдения, истолковывать их будем потом. А сейчас — знаешь что, разведчик? Давай-ка разворачиваться. Время твое истекает. К дыре ты то ли приблизился, то ли нет, но что-то все же установил, разведка не прошла без пользы, можешь возвращаться со спокойной совестью.

Юниор сосредоточился: маневр предстоял не из легких. В последнее мгновение, перед тем, как переложить рули, он снова глянул на черное нечто. И, показалось ему, увидел. Он не поверил глазам, а снова поворачивать и убеждаться было поздно, но он был уверен, что не ошибся: сколько раз в жизни приходилось ему видеть такое!

Два мерцающих, крохотных огонька. В разных концах — стены, или провала, или что это там было. Две звезды?

Аграплан тряхнуло так, словно машина налетела на стену. На миг остановилась — или так получилось? Тягу, тягу! Юниор двинул сектор до конца.— И — выше, как можно выше, там спокойнее...

Назад он летел не на треть медленнее, а, пожалуй, вдвое. Но с увеличением расстояния от дыры ветер ослабевал, можно стало снизиться, аграплан несся все быстрее. Прекрасно. Пора уже вернуться к Зое, успокоить ее. Чем, собственно, кроме того факта, что ты жив-здоров? Если эта дырка приближается к нам, то можно ожидать... неизвестно, чего именно можно ожидать, но ветерок, пожалуй, со временем еще усилится. Ну и что?— спросил себя Юниор.— Что сделает нашему куполу хотя бы и ураган? Да ничего. На поддержание купола сейчас расходуется не так уж и много энергии, понадобится — усилим, скупиться не станем. А раз купол выдержит, то и все под ним — тоже. Даже не почувствуем ничего. Но в случае, если ветер будет нарастать — не изменить ли нам конфигурацию купола: сделать его более вытянутым по ветру, пологим... Энергии, конечно, хватит, вот хватит ли мощности? Подсчитаем, подумаем... В конце концов, неужели этого недостаточно, чтобы спасти женщину, одну-единственную женщину.

* * *

Скоро я тут, пожалуй, колею выбью,— усмехнулся Юниор, пройдя полдороги и оказавшись среди деревьев, где путь угадывался скорее инстинктом, чем памятью.— Надо бы понавешать тут китайских фонариков — сразу станет веселее, да и ходить легче. И Зое понравится...

Мысль, что фонарики Зое понравятся, была сейчас нужна Юниору, чтобы хоть немного притушить чувство вины, вдруг в нем вспыхнувшее и горевшее все жарче. Как решился он пуститься в полет, даже не предупредив женщину, как не подумал о том, что придется пережить ей, пока она будет ждать известий от него — ведь ушел он в связи с какими-то тревожными сообщениями... Потому он сейчас и бежал к ней, хотя час был для визитов слишком поздний. Да, неладно получилось. Но ведь хотел, как лучше...

В окнах было темно. Спит, решил Юниор, чувствуя, как растет в нем нежность к беззащитному существу, у которого, кроме Юниора, теперь никого в целом свете не было и кому Юниор был нужен не меньше, чем Зоя была нужна ему самому,— разница была только в том, что он это уже понимал, а она — еще нет. Он взошел на веранду, стараясь ступать потише. Ни одна половица не скрипнула, дом был сделан добротно. На веранде — пусто. Юниор подошел к двери, что вела внутрь. Нажал на ручку. Дверь не поддалась. Стучать? Нет, сон — дело святое, во сне человек набирается сил. Если спит — значит, все в порядке, не так уж Зоя ждала тебя, не очень беспокоилась, не надо преувеличивать собственное значение, дорогой разведчик.

Он спустился с веранды, решил на всякий случай обойти вокруг дома — не затем, разумеется, чтобы влезть в открытое окно, а так, для спокойствия. «Какое уж тут спокойствие,— подумал он с усмешкой.— Тебе — да, тебе не будет покоя до утра, пока ее не встретишь... А почему, собственно, ты так уверен, что она спит? А если с ней что-то случилось? Если без сознания? Мало ли что может быть? Комбинатор воскрешает — но не лечит. Дверь заперта? Какой же там замок? С защелкой, она могла сработать и нечаянно, да и вообще... Нет, нельзя так взять и уйти, в то время как именно сейчас, быть может, нужно вмешаться!»

Он снова поднялся на веранду, подошел к двери. Еще раз попробовал — было по-прежнему заперто. Несколько мгновений помедлил и осторожно постучал. Таким стуком не разбудишь человека, спящего в глубине дома; Юниор понял это и собирался уже постучать еще раз — решительней. Но внутри послышался шорох. Тогда Юниор проговорил четко:

— Зоя, отворите, пожалуйста...

Ему пришло в голову, что она заперлась от обиды, что не хочет

впустить его и, быть может, настаивать на этом сейчас не следует.

— Если не хотите — не отворяйте. Я не обижусь. Посижу тут, на веранде. Тепло, да и спать неохота. Я пришел, собственно, чтобы сказать вам: ничего угрожающего, опасного нет. Можете спать спокойно.— Он сделал паузу.— И луна такая...

Все еще стоя у двери, он услышал два тихих, крадущихся шага, а затем голос — едва различимый, дрожащий, испуганный:

— Это вы, Юниор, правда?

Ему вдруг стало весело, и он решил сострить:

— А вы ждете кого-нибудь другого?

— Я никого не жду,— так же тихо, медленно ответила она.— Сейчас открою...

Наверное, не только голос ее дрожал, но и руки — она не сразу нашарила выключатель. На веранде вспыхнул свет. Юниор невольно зажмурился. Дверь отворилась. Он вошел. Зоя прижалась к нему сразу же, спрятала лицо у него на груди и заплакала.

— Ну, Зоя, ну... Что вы, зачем...

— Юниор... Я так испугалась, Юниор...

— Все в порядке, я ведь сказал. И бояться совсем нечего. Вы не накормите меня? Страшно хочется есть. Сами-то обедали? Ужинали?

— Не помню. Нет, наверное... Я ждала вас. А потом мне уже не хотелось. Было очень обидно. И страшно. Я подумала, что осталась совсем одна. И ничего не могу сделать. Даже умереть не могу по своей воле. Это ужасно. Вы не представляете, как это все ужасно! Думать, что ты и так не настоящая, да еще и оставшаяся одной навсегда...

— Простите меня, Зоя. Мне надо было все объяснить вам заранее. Наш прекрасный мирок временами требует внимания к себе. Что поделаешь...

— И вы все же могли...— Зоя всхлипнула, уже успокаиваясь.— Знаете, весь вечер я вас ненавидела. За то, что вы пропали. Не сочли нужным предупредить. Не подумали обо мне ни минуты всерьез. За то, что я для вас так и осталась лишь куклой, моделью, фикцией, чем угодно, только не женщиной, и вы обошлись со мною именно так... Юниор, мне было очень страшно одной, и будет, наверное, еще страшнее, но если это так — то уходите, я не хочу вас больше видеть, идите и не смейте показываться мне на глаза...

— Зоя! — Юниор наконец нашел возможность вставить хоть слово.— Зоя, поверьте... Я во всем виноват, но хочу сказать... Никогда в жизни не знал я женщины такой, как вы... Такой любимой!

Зоя подняла на него глаза.

— Это правда?

— Я готов повторить это сорок тысяч раз!

Впервые она улыбнулась.

— Я жду,— сказала она.

— Чего?— растерянно спросил Юниор.

— Повторяйте же! Сорок тысяч раз — сойдет для начала.

Юниор повторил — еще и еще, и еще раз... Потом была тишина. Потом Зоя спросила:

— Так ты не оставишь меня? Никогда-никогда?

— Никогда. Ни за что.

И снова была тишина.

* * *

Среди ночи Юниор проснулся. Лунный свет падал в окно, лежал на полу, и пол казался золотым. Зоя тихо дышала рядом. Юниор встал. Подошел к окну. Долго стоял, глядя на спящий мир. Вот и пришло оно, удовлетворенно заключил он. Свершилось.

Я думал, что все уже знаю и понимаю. Но это впервые... Она не женщина? Тогда и я не человек. Неважно, каким способом возник каждый из нас. Важно — что возник. Низкий поклон всем, кто участвовал в этом. Да здравствует Кристалл, который сдал в середине пути и заставил меня оказаться здесь. Спасибо той Зое, что на Земле, за то, что позволила скопировать себя. Но больше всего — спасибо тебе, Зоенька, настоящая, эта — за то, что ты моя. На всю жизнь, сколько бы ее ни было еще впереди...

Он вспомнил Леду. Спокойно, отвлеченно, словно и не с ним это было, словно в какой-то другой жизни. Нет, там, наверное, только казалось, что любил. Да, было что-то — думается, жалость была к той милой и несчастной женщине. Несчастной — потому что когда-то она отказалась от своей первой любви, но на самом деле та была для нее единственной и настоящей. Леда потом никак не могла забыть ее и в самый разгар любовного празднества начинала вдруг плакать — потому что рядом был другой, не тот — первый и единственный. А я жалел ее,— думал Юниор,— старался утешить, но ей этого не нужно было, ей нужен был тот, но у него все давно сложилось иначе... А я ревновал к нему, кого никогда не знал, не видал даже, ревновал неуемно, и если бы мы с Ледой не расстались, никто из нас все равно не имел бы счастья в этом союзе. Мне очень жаль будет, если она так и не найдет себя в любви. А вот я — нашел. Там, где не ждал, где, казалось, и ожидать нельзя было ничего подобного. Нашел. И теперь уже не потеряю. Интересно: когда на Земле я встречал Зою, она просто мне не нравилась. Не потому, что была чужой женой, ну, могла бы нравиться хоть отвлеченно... Нет, ничего не было. А тут... Почему? Да потому,— сам себе ответил Юниор,— что она не та Зоя. Другая женщина. Поэтому я не ревную ее хотя бы к тому же Георгу. В жизни моей Зои никогда не

было никакого Георга. Та Зоя осталась там, но с нею я и сейчас не имею ничего общего. Та на Земле и останется. Со своим мужем, со своими друзьями. А тут вдвоем будем мы. Хотя — не вечно, наверное, вдвоем. Она ведь — нормальная женщина, а раз так, то у нее и дети будут — и пусть их будет много... В нашем маленьком и прекрасном мире не хватает только детей, но они будут. Даже если окажется, что наше разное... разное происхождение чем-то мешает нам — все равно мы придумаем, как обойти это. Мы вместе — это такая сила: Зоя, я, Умник, Комбинатор, корабль с его энергетикой... Вот интересно: летел искать Курьера, а нашел себе жену — и никто в мире не убедит меня, что это менее важно...

Зоя что-то прошептала во сне. Юниор отвернулся от окна, подошел к ней и долго смотрел на спящую, беззвучно благодаря за все, что она ему сегодня подарила и еще подарит. Наверное, его взгляд разбудил ее — подняв веки, Зоя посмотрела на него, во взгляде ее не было удивления. Она улыбнулась, медленно протянула руку, он опустился рядом с нею, и снова пришло забвение.

* * *

Они открыли глаза одновременно. Было светло, за окном пели птицы. Они долго смотрели друг на друга без слов; все понималось и так, все клятвы были молча даны и приняты.

Утро протекало так, словно не в безвестных глубинах мироздания находились они вдвоем, а в дачном поселке, где разросшиеся деревья помогают сохранить иллюзию удаленности от цивилизации, на самом же деле в сотне шагов пролегает магистраль, а за живой изгородью стоит еще один такой же или похожий домик, и в нем живут другие люди. Зоя поставила воду на плиту для кофе. Потом пили кофе и разговаривали — милый семейный разговор о бытовых мелочах, о том, как им хорошо и что нужно сделать, чтобы стало еще лучше, интереснее. Зоя фантазировала, Юниор, внутренне улыбаясь ее детскому воображению, обещал сделать то, усовершенствовать это, устроить еще что-то... Порой разговор перебивался воспоминаниями — безвредными, не нарушавшими обоюдного спокойствия,— воспоминаниями детской и юношеской поры.

И весь этот день, до самого вечера, был — словно модель их предстоящей жизни, не бездельной, но достаточно безмятежной, неторопливой, достойной человека. Они фантазировали о том, как возникнет на этой странной планете целое человечество — от них пойдет, они станут родоначальниками, и потом, через века, через тысячелетия будут о них рассказывать легенды. Юниор всерьез предполагал (пока без подсчетов, а только в общем виде), что постепенно, с годами, зону обитания можно будет расширить, потом,

когда народу прибавится,— и еще расширить, так что в конце концов — не при них уже, конечно, а намного позже — обитаемой станет вся планета. И всюду заживут люди — их потомки. Современная техника, не без гордости объяснял Юниор внимавшей Зое, и не на такое еще способна! В самом деле, что тут было нереального? Основа и источник всего — энергия; но агрегаты корабля получают энергию, используя разность энергетических уровней в смежных пространствах; установки при этом фактически не изнашиваются — во всяком случае, не более чем нержавеющая труба, через которую течет химически чистая вода; но если даже понадобится ремонт — на корабле есть семена всего, что только может потребоваться. Более того, из семян впоследствии можно будет вырастить не одну такую установку, как только возникнет в них надобность. На долгую службу рассчитан и Комбинатор: в нем нет ни одной движущейся детали и ни одной, работающей при высокой температуре. Однако не следует рассчитывать только на это. Есть полное описание Комбинатора, дьявольски сложное, конечно, но Умник разберется, для него такие задачи — просто развлечение, вроде шахмат для людей. Почти неограниченная информация, касающаяся и технологии, и медицины, и всего на свете, хранится в блоках корабельной памяти, и Умник может выдать ее по первому требованию. Сам же Умник, надо надеяться, как и земные грибы, обладает способностью воспроизводить себе подобных, так что и династия Умника должна продолжиться. Будут созданы новые генераторы защитного поля, и купол в конце концов охватит всю планету, которая постепенно превратится из бескрайней черной пустоты в шумящий зеленый рай.

Хорошо мечталось им, основателям и родоначальникам нового человечества. Кофепитие затянулось до середины дня. Перед обедом они решили для аппетита выкупаться, поставили все на плиту, включили автоматику и сами пошли, едва одетые,— стыдиться тут было некого, климат не препятствовал. Шли не кратчайшим путем, ухитрились заблудиться, попали в какую-то заросль, которая словно создана была для того, чтобы здесь целовались. Потом вышли, как оказалось, совсем в другую сторону, очутились близ границы купола и уже оттуда, сориентировавшись, направились к пруду. Напрямик, по высокой траве. То держались за руки, то Зоя отходила в сторону, чтобы сорвать какой-то особенно понравившийся цветок, под конец она набрала белый букет. Потом бросились в воду и долго купались, затем загорали. Юниор убедился, что светило, созданное Комбинатором в числе прочих принадлежностей искусственной природы, не только светило и грело, но давало и ультрафиолет в норме. Они не торопились, они были заняты друг другом. Кроме того, вчерашнее катание на лодке прервалось так внезапно — и непременно нужно было его продолжить. После

обеда их совсем разморило. Ну прямо курорт,— лениво думал Юниор,— нельзя так расслабляться, без дела недолго и совсем обленниться, человек — создание хитрое...— Он снял трубку телефона, и Умник, не расслаблявшийся и не ленившийся, откликнулся тут же:

— Все в пределах нормы.

— Вот пусть и дальше будет так.

— Понял.— А действительно, понимает Умник шутки?

— Кристалл?

— В графике.

А на кой черт, если разобраться, ему Кристалл? Теперь, когда все уже решилось. Разве что для порядка. Юниор положил трубку, зевнул. Посмотрел на часы. Надо же — время опять к вечеру. Прямо летит оно, а кто-то говорил, что, если бездельничать, время тянется невыносимо долго. Врал, выходит, или же ему никогда не приходилось бездельничать по-настоящему, со вкусом. Ладно, у нас — медовый месяц, нам не стыдно. Но в ближайшие дни мы чем-нибудь займемся: стыдно — просто так жить, ничего не делая. Надо показывать будущему человечеству примеры трудолюбия, а чтобы показывать, надо уметь...

Юниор вдруг поймал себя на мысли, что с удовольствием посмотрел бы, пожалуй, телевизор. Но его здесь нет. Хотя в трюме-два наверняка найдется, а всяких записей там столько, что до старости не пересмотришь.

Старость,— он задумался.— Что касается моей, то в таких райских условиях она наступит не скоро — если не ожиреть, конечно.

С ним тут ясно. А вот как с Зоей?— Мысль показалась ему важной, Юниор стряхнул одолевавшую сонливость. И в самом деле, оказалось, что он не знает одной чрезвычайно важной вещи. Мир, созданный Комбинатором: должен ли он развиваться во времени? Должны ли яблоки — краснеть, деревья — падать, люди — стариться? Или они все время так и будут находиться в одном и том же состоянии, на том же самом уровне развития? Если верно второе, то Зоя никогда не состарится и уж подавно не умрет: останется вдовой, значит, спустя какое-то время, и — навечно. Однако это означает еще и то, что не будет никаких детей и, следовательно, никакого человечества: раз нет развития во времени, то о потомстве и говорить нечего. Однако почему этого развития во времени быть не должно? Ведь по структуре, по функциям все здесь настоящее (он даже покраснел немного при этой мысли); а значит, все процессы должны протекать, как в самых настоящих, природных деревьях, зверях, людях. Логично? Вполне. И тем не менее надо будет навести справки по этому вопросу. Да, нужно будет потолковать с Умником, пусть он проанализирует проблему и даст свои выводы. А кроме того — станем вести наблюдения над природой.

Вообще, придется очень серьезно заняться многими вещами, на безделье, пожалуй, времени не останется. Овладеть Комбинатором в совершенстве, чтобы не подчиняться ему, а управлять им; иначе опять-таки не будет никакого прироста человечества: Комбинатор не потерпит никого, кто не внесен заранее в его планы. Пока все еще здесь, кроме меня,— подданные Комбинатора, но так быть не должно, человек, хотя бы и созданный им, должен научиться командовать Комбинатором, точно так же, как человек, созданный природой, стал пытаться управлять ею и кое-чего, надо сказать, достиг. Да, вот и программа действий вырисовывается...

* * *

Славно день прошел,— улыбался Юниор в постели, уже окончательно засыпая, ощущая Зою рядом, единственную, родную.— Прекрасный день. Пусть всегда будет так. Без всяких неожиданностей. Чтобы не прыгать в аграплан и не летать куда-нибудь сломя голову, когда тебе хочется обнимать женщину, и ей хочется, чтобы это делал ты. Очень глупо вместо этого куда-то лететь. Нет, пусть всегда будет так, как сегодня...

* * *

В самом деле дни были прекрасными. Неделя прошла. Месяц. Пошел другой... И не надоедало. Характеры у них, что ли, были такими?

Меня там давно уже похоронили, ловил он себя на мысли. На Земле. И, собственно говоря, правильно. Но кто виноват? Одно дело — что я сам не хочу возвращаться. Но другое — что если бы даже очень захотел, то все равно не смог бы. Чтобы стартовать отсюда, надо свернуть мир, а это значит — убить Зою. Кто смог бы совершить такое? Не я.

Отец, конечно, погоревал. Если бы нашлась возможность сообщить ему... Ее нет. Отца жаль. Но он старик крепкий. Многое понимает. И, может быть, догадывается, что все тут не так просто: взял да погиб. Но если даже не догадывается, что же делать: у отцов одна судьба, у сыновей — другая.

Так думал пилот Дальней разведки. Бывший пилот, наверное. Впрочем, таким размышлениям он предавался не часто. Только когда позволяли дела и Зоя.

А без дела он не сидел. Причин тому было множество. Во-первых, пришлось выполнять многочисленные требования и пожелания Зои. Она не хотела бездельничать. Общества, в жизни которого она

могла бы принимать деятельное участие, как делала это земная Зоя, тут не было. Воспитывать было пока еще некого. Хозяйство отнимало не так уж много времени и не удовлетворяло своею ограниченностью и однообразием работ. И Зоя решила разводить цветы. Не те, что росли сами собой под куполом; нет, редкие, экзотические. Пришлось вплотную заняться содержанием второго трюма. Это потребовало почти целой недели. Многое хранилось там. Кое-что Юниор извлек для улучшения домашней обстановки, другое — для разных фермерских работ, которым — предполагал он — рано или поздно придет черед. Нашлись и семена. В аккуратных коробочках с названиями по-латыни. На беду, ни он, ни Зоя этого прекрасного языка не знали и разобраться не могли. Пришлось разделить семена на множество групп и сеять на нескольких участках, которые еще надо было подготовить, а потом наладить и орошение (дождей в этом мире не бывало) и внимательно смотреть — не появляются ли вредные для растений обитатели и не придется ли вести с ними войну, которая была бы затруднительна из-за привычки Комбинатора сразу же восстанавливать все уничтоженное. Хорошо еще, что он мирился с присутствием предметов, не им произведенных и не числившихся в его программах. Их Комбинатор как бы не замечал и потому не трогал. Кое-что тут Юниор не мог понять: почему же Комбинатор учитывал его? А если не учитывал — почему все же не появился мужчина, даже когда Юниор не в корабле скрылся, а вообще покинул Комбинатора, вылетел за пределы купола? Видимо, Комбинатор руководствовался какой-то логикой, Юниору недоступной. Он пробовал поговорить об этом с Умником во время их непродолжительных, но регулярных бесед.

— Я не могу разговаривать с Комбинатором так, как с тобой,— разъяснял Умник.— У него нет таких устройств, которые можно было бы назвать мыслящими. Он — крайне сложный автомат с компьютером, ведающим только выполнением программ. Для общения со мной у Комбинатора имеется несколько стандартных ответов, и все они касаются только программ и условий их реализации. Вопросов типа «почему» или «зачем» он не воспринимает. Так что дать тебе точного ответа я не в силах. Могу только высказать свои предположения. Я полагаю, что у автомата такой степени сложности, вернее, у его компьютера — обширная память, которая фиксирует и окружающую обстановку, иначе Комбинатор не мог бы к ней приспосабливаться, а без этого стала бы невозможной реализация программ. И вот я думаю, что даже когда ты исчезаешь, сведения о тебе, имеющиеся в памяти, мешают Комбинатору исключить тебя из его диспозиции — может быть, потому, что сигнала о твоей гибели к нему не поступает. Однако, может быть, есть и какие-то совсем иные причины.

— Но ведь мужчина должен быть запрограммирован. В принципе! Как ты думаешь?

— Логически рассуждая, должен. Однако логика бывает всякая. Я хорошо знаю твою логику. И совсем не знаком с логикой того человека, который создавал Комбинатора и его программы.

— Ты хочешь сказать, что мы этого никогда не узнаем?

— Что значит — мы? Ты не узнаешь, а я, возможно, да.

— Почему? Когда ты узнаешь?

— Когда ты умрешь, я увижу, возникнет ли другой мужчина.

— Умник, мне вовсе не хочется умирать.

— Люди часто рассуждают так, что мне трудно понять их. Что значит, хочется или не хочется, если это неизбежно? Тут категория желания не играет никакой роли.

— Разве вам, грибам, все равно — жить или умирать?

— Тебе пришлось бы очень многое понять, прежде чем начать мыслить нашими категориями. Ты можешь пробыть на одном месте без движения хотя бы год?

— Сомневаюсь.

— А мы проводим всю жизнь. И живем куда дольше вашего. Многое из того, что вы постигаете или выражаете при помощи физического движения, мы осуществляем совсем иными способами, и они для тебя непостижимы. Но ведь тебя не интересую я, ты разговариваешь со мной для того, чтобы узнать что-то новое о Комбинаторе? Что тебя волнует, кроме мужчины?

— Может ли созданная им женщина рожать детей?

— Иными словами, развиваются ли его фикции во времени? Попытаюсь узнать.

— И еще. Согласится ли он с возникновением здесь новых живых существ, которых нет в его программах, но которые и не входили, наверное, как входил я, в конечный результат реализации его программы.

— Ты много думаешь о детях, Юниор.

— Может быть, ты считаешь, что я слишком молод для этого?

— Нет. Хорошо, что ты пока еще не слишком стар. Я выполню и это твое задание, попытаюсь установить. Однако я не стал бы надеяться только на то, что можно установить теоретически. Нужен эксперимент.

— Умник! Пойми своим грибным рассудком: прежде, чем рожать ребенка, надо знать, что ему не угрожает ничего такого, с чем нельзя было бы справиться.

— Да, конечно. Я в этот миг упустил из виду, что вы не разбрасываете миллионы спор, как это делаем мы. У вас каждый потомок на счету.

— Вот именно.

— Хорошо. Я подумаю.

* * *

И в следующий раз:

— Умник, мне пришла в голову блестящая мысль.

— Я слушаю.

— Надо снять с меня матрицу.

— Зачем?

— Чтобы, в случае если со мной что-нибудь случится... Комбинатор мог бы восстановить меня.

— Разумно. Объясни, как сделать это.

— Если бы я знал!

— Я тоже не знаю.

— Но можешь узнать. У нас же есть все данные о Комбинаторе. О его устройстве и деятельности. Есть готовые программы. При твоей безупречной логике и работоспособности ты мог бы понять, какие данные и в какой форме ему для этого нужны, а затем — как нам эти данные получить. Потом мы занялись бы созданием нужной аппаратуры. Не думаю, что она слишком сложна для нас.

— Хорошо. Задача непроста, но я займусь ею.

— Спасибо. Что ты узнал о том, о чем я просил раньше?

— Достоверно — почти ничего. Но с вероятностью девять из десяти — кое-что. Для того, чтобы здесь могли возникать и существовать новые создания, нужно определенным образом скорректировать деятельность Комбинатора. Иначе вряд ли что-либо окажется возможным.

— А как это сделать?

— Если ты поручишь выяснить — я попытаюсь.

— Сделай это, пожалуйста.

— Юниор!

— Слушаю.

— Кристалл давно готов. Но до сих пор не извлечен из инкубатора и не установлен на место. Корабль все еще неисправен.

— Я не собираюсь никуда лететь.

— Корабль неисправен. Этого не должно быть.

— Неважно.

— Важно. Я не смогу работать над твоими задачами в полную силу до тех пор, пока меня будет раздражать ощущение неисправности корабля. Пойми: я чувствую его, как продолжение моего тела. Если хочешь получить ответы — установи Кристалл.

— Ладно, если ты уж так сильно хочешь.

— Я не могу хотеть или не хотеть. Это нужно — значит, должно быть сделано.

— Я сделаю.

* * *

Но и после этого разговора Юниор взялся за Кристалл не сразу. Слишком уж много было всякой другой работы. Они с Зоей усердно вили свое гнездышко, а кроме того, Юниор изображал заядлого фермера, так что и впрямь можно было подумать, что копаться в земле всегда было любимым его занятием. Он подготовил еще одну площадку для Зои, для ее цветов; однако из того, что было посеяно на первой, не взошло ни единого ростка. Почему — им, не сведущим в ботанике и агрономии, понять не удавалось, но они упорно продолжали работу, хотя все меньше верили в ее успех.

— Юниор,— сказала Зоя однажды.— Семена так и не дают всходов; я тут раскопала несколько — они не изменились: не сгнили, но и не начали прорастать.

— К сожалению,— согласился Юниор, выпрямившись и опершись на лопату.— Видимо, Комбинатор как-то подавляет их, и здесь могут существовать не настоящие, а лишь его растения.

Зоя отвернулась.

— Что ты? Тебя это так сильно огорчает?— встревожился он.

— Не только это. Я ведь тоже — не настоящая... Я привыкла к этой мысли, потому что верю тебе во всем. Но когда-нибудь ты станешь попрекать меня этим.

— Зоенька, подумай! Попрекать тебя? Да ты в миллион раз лучше всех, как ты говоришь, настоящих! Я никогда и ни в чем не смогу упрекнуть тебя.

Зоя повернулась к нему. Глаза его блестели от слез.

— Здесь, конечно. Но если тут что-нибудь случится...

— Непохоже,— сказал Юниор,— чтобы здесь могло произойти что-то такое, чего мы не хотели бы.

— Разве это совсем исключается?

Юниор подумал.

— В принципе — нет...

— Вот видишь. И тогда одно из двух: или тебе придется улететь и бросить меня здесь...

— Никогда!

— Или остаться со мной, подвергнуться опасностям и, может быть, погибнуть. Разве тогда ты не станешь упрекать меня?

— Нет, родная. Но ты права вот в чем: нам действительно надо приготовиться ко всяким случайностям. Я, откровенно говоря, по-прежнему считаю, что ничего страшного тут произойти не может. Но... пусть для твоего, для нашего спокойствия.

— Что значит «подготовиться к случайностям»? У тебя все равно будут два выхода: остаться — или улететь...

— С тобой!

— Я — на корабле?

— Именно!

— Но ты же говорил... Или это не так?

— Вот именно так: сейчас войти в корабль ты не можешь. Но я уверен: есть способ что-то изменить. Что-то придумать...

— Скажи — что.

— Пока еще нет. Надо основательно подумать, посоветоваться с Умником.— Юниор оглядел вскопанный участок: слой почвы был тонок, под ним лежал все тот же черный песок.— Пожалуй, хватит на сегодня.— Воткнув лопату в землю, Юниор подошел к Зое, обнял ее за плечи.— Пойдем ужинать, маленькая? Такая работа, должен сказать тебе, весьма благотворно действует на аппетит. Да и вообще, мужчины — страшно прожорливые существа, ты не находишь?

— Нахожу,— сказала Зоя.— И просто не понимаю, как я до сих пор могла мириться с этим. Но ведь кормить вас — единственный способ хоть как-то поддерживать семейное согласие.

— Ты права,— сказал Юниор.— Без пищи я слабею.— Он подхватил Зою на руки и понес.— Боюсь, что я не смогу пройти так и тридцати километров. Вот после ужина — другое дело.

— Пока донеси меня до дома,— сказала Зоя, обняв его за шею.— А после ужина, так и быть, я позволю тебе носить меня на руках, пока не надоест — мне.

— Повинуюсь!

Когда они уже подходили к дому, Юниор, так и не опустивший Зою с рук, спросил негромко:

— Ты затем и начала разговор насчет возможных неприятностей, чтобы не идти домой пешком? О, женская хитрость!

Зоя подняла на него серьезные глаза.

— Нет, хотя, конечно, раз нет лошадей, приходится как-то выходить из положения... Кстати, почему их нет?— И уже другим тоном: — Знаешь, мне на самом деле отчего-то беспокойно.

— Ты можешь объяснить — отчего?

— Ничего не могу объяснить. Но... что-то не так. И мне иногда снова становится страшно. Как в самом начале. Наверное, все это мои бредни и ты будешь смеяться?

Юниор молча поднялся на веранду и здесь позволил Зое соскользнуть с его рук и встать на пол, но продолжал обнимать ее за плечи.

— Нет,— только теперь ответил он.— Смеяться не буду. У нас, в Дальней, интуиция в большом почете, мы никогда не пренебрегаем ощущениями, даже не имеющими логического обоснования. Знаешь, что я сделаю завтра же? Снова слетаю на разведку — туда, к черной дыре.

— Я буду очень волноваться,— тихо сказала Зоя.— Как жаль, что мне нельзя с тобой.

— Тогда опасностей не возникло бы?— улыбнулся Юниор.

— Нет,— серьезно ответила она.

— Ты будешь со мной. Разве я теперь могу существовать один? Ты всегда рядом.

— Знаю,— кивнула Зоя.

* * *

Пока воздушным потоком аграплан не выбросило за пределы купола, Юниору казалось, что полет вряд ли будет отличаться от предыдущего. И в самом деле: ветер, насколько можно было судить изнутри, не усилился, а что другое могло угрожать им?

Ветер и на самом деле оставался таким же — равномерным, без порывов и пауз, сплошным, как безбрежная река без островов и мелей. Оказавшись в свободном пространстве, Юниор не сразу стал набирать высоту, хотя помнил, что чем выше, тем воздушный поток слабее. Сейчас он не собирался снова лететь к дыре, хотя она продолжала интересовать его; Юниор решил сделать лишь несколько расширяющихся кругов, лететь как бы по раскручивающейся спирали, оставляя купол в центре. Такой облет казался Юниору нужным хотя бы для того, чтобы убедиться, что, кроме этой дыры, в окрестностях купола нет ничего непонятного или угрожающего.

Что-то изменилось — это пилот понял почти сразу. Что? Он сообразил лишь на втором витке: чем дальше от купола, тем больше стало встречаться светлых пятен среди черного песка. Сперва Юниор подумал, что это — тоже песок, но только белый,— но, снизившись и пролетев несколько сот метров на бреющем, почти над самой землей, убедился, что это не так: более светлые пятна были местами, чистыми от песка, обнажившимся скальным основанием. Очень возможно, что песок постепенно сносило ветром. На третьем витке таких пятен оказалось больше, камень лежал обширными площадями, песок сохранялся лишь кое-где, в углублениях. Можно было подумать, что черный песок сейчас остался лишь на просторной круглой площади, в центре которой возвышался купол, прозрачный, казавшийся отсюда ярко-зеленым пятном на сумрачно-фиолетовом фоне. Возможно, сам купол и задерживал песок — не только из-за своей непроницаемости для ветра, но и само поле как-то влияло, сдерживало, может быть, сообщая песку статический заряд. Юниор не успел как следует подумать об этом: его внимание привлекло нечто новое, что вовсе его не обрадовало, напротив, заставило нахмуриться и даже прикусить губу.

То была трещина. Узкая, угрожающая, как нож, черная полоса рассекала более светлую поверхность, неизвестно где начинаясь и заканчиваясь тоже за пределами обозримого пространства. Ко-

нечно, трещина тут могла быть, в ней не было вроде бы ничего страшного: не может же каменный монолит тянуться бесконечно. Но трещина, показалось Юниору, была свежей. Он убедился в этом, еще снизившись и пролетев над ней несколько километров, сбавив скорость, чтобы следовать всем ее изгибам. Юниор понял, что трещина должна была возникнуть совсем недавно, потому что, летя низко, явственно увидел, что уходила она далеко в глубину. Если бы структура каменного плато и раньше была такой, песок давно заполнил бы трещину, сровнял ее с поверхностью. Но песка в ней не было. Наоборот, казалось, какой-то восходящий воздушный поток шел изнутри: машину несколько раз слегка подбросило, когда она оказывалась над узкой — от метра до полутора в ширину — расселиной. Вдруг Юниор пригнулся к самому стеклу: почудилось ли ему в неверном свете или края трещины на самом деле колебались друг относительно друга, едва заметно дышали? Если так, то признак был очень тревожным: нельзя было больше рассчитывать на незыблемость основания, на котором стоял, с которым был сейчас как бы сращен корабль; а корабль был для людей всем: источником силы, безопасности, надежды — всего на свете. Источником самого их мира.

Чтобы убедиться в справедливости наблюдений, Юниор решил посадить машину рядом с трещиной. Он был уверен, что такой маневр ничем ему не грозит: ветер не так силен, чтобы опрокинуть машину; да и, в конце концов, выходить на незнакомую планету в достаточно неблагоприятных порой обстоятельствах — в этом ведь и заключалась профессия Юниора, а не только в том, чтобы проводить бесконечные дни в летящем корабле... Мысль о Зое заставила его помешкать лишь мгновение: если с ним что-нибудь случится — она пропадет, теперь он нес ответственность не только за самого себя!.. Это мгновение задержки спасло его.

Раздался низкий, мощный, рокочущий грохот, машину швырнуло вверх. Юниор только благодаря давней сноровке сумел вовремя овладеть управлением. Там, куда он только что собирался сесть, раскрылась бездна. Трещина расширилась внезапно, рывком, словно некто всемогущий вдруг дернул один край каменного массива и отодвинул еще метров на пять. Воздух завихрился, возникший смерч потащил машину еще выше. Ветер сразу усилился, словно невидимый воздушный цунами налетел и покатился дальше, вовлекая в себя все, что только было вокруг. Впереди, ближе к куполу, остатки черного песка поднялись в воздух, закружились и вытянутым, веретенообразным облаком полетели по ветру — к далекой, но оказывающей непонятное влияние черной дыре. Пожалуй, пора домой,— решил Юниор.— Там сейчас может понадобиться мое присутствие... Лететь было трудно. Машина слушалась хуже, чем раньше: слишком мала была ее скорость относительно массы воз-

духа, несшей аграплан. Подняться повыше? Рискованно: можно промахнуть мимо купола, а возвращаться против такого воздушного течения будет куда сложнее...

Только приобретенный за много лет опыт пилотирования машины в сложных условиях позволил Юниору благополучно завершить полет. Умник, как и следовало, открыл отверстие в зашитом поле лишь на долю секунды, но и за это время вместе с кораблем под купол ворвалась струя песка, закружилась во встречном, внутреннем ветре и медленно осела. Здесь ветер тоже усилился, это Юниор почувствовал сразу и даже не стал вводить аграплан в ангар, сел на полянку, среди деревьев, где ветер был тише. Вылез и пошел домой.

Зоя, сбежав с крыльца, бросилась ему навстречу. Обнялись и долго стояли. Даже не обменявшись ни словом, оба поняли взаимную решимость: встретить и выдержать приближавшиеся, как они ощущали, тревожные времена.

* * *

В тот же день Юниор начал установку Кристалла. Он работал сосредоточенно и упорно, не желая терять ни минуты времени. Теперь он по-настоящему понял: корабль еще может понадобиться и не только, как энергетическая установка.

Зоя грустила.

Вечерами Юниор старался нежностью рассеять мысли, которые, видимо, все больше одолевали ее, хотя вслух она не сказала о них ни слова. Лишь однажды у нее вырвалось:

— Ты стал таким, что я даже начинаю бояться...

— Зоенька, ничего не изменилось!

— Мне кажется — ты словно прощаешься со мной.

— Глупости,— искренне сказал Юниор.— Никогда я с тобой не расстанусь.— Он улыбнулся.— Я наоборот, чувствую себя спокойно. Потому что здесь ты в никого не влюбишься.

— Если бы здесь был хоть миллион других...— сказала она.

— Все же хорошо, что их нет. Поздравь: я поставил Кристалл. Теперь наша повозка в полном порядке.

— Твоя,— поправила Зоя.

— Наша. Потому что если мы воспользуемся ею, то лишь вдвоем.

— Ты все-таки нашел способ?— просияла Зоя.

— Набрел на мысль. Попробую. Думаю, что получится. А тогда... тогда нам вообще не страшно ничто на свете.

— Юниор...— Она прижалась к нему. Он спрятал лицо в ее волосах. Потом мягко отстранился и встал.

— Ты уходишь?

— Хочу сразу же обсудить идею с Умником. А то просто не смогу уснуть.

— Уже поздно.

— Ему все равно. Он работает двадцать четыре часа в сутки.

— Знаешь, ты столько говоришь о нем, что мне захотелось с ним познакомиться.

— Обещаю. Как только выполню свой план.

— Ты слишком устаешь.

— Не бойся. Я сделан по высшему классу надежности. Поскучай немного, малыш. Почитай, поставь кассету. Я скоро.

Он ощутил беспокойство Зои, и оно заставляло его спешить, как будто времени совсем уже не осталось. Какого времени? Что должно было произойти? Что грозило? Он не знал. Монолитная основа, на которой располагался их мир, была неподвижна. Если что-то и происходило, то, вероятно, по ту сторону трещины. Дул сильный ветер — вот и все. Но Юниор спешил.

* * *

— Ну как, Умник, погонял Кристалл?

— Опробовал. Насколько можно судить, находясь в неподвижности, спэйс-координатор в порядке.

— Прекрасно. Итак, я свое обещание выполнил. А ты мои задачки решил?

— По мере возможности.

— Докладывай.

— Относительно снятия матрицы с тебя, Юниор.

— Ну-ну?

— Я попытался разобраться и, думаю, достаточно много понял в том, как устроен Комбинатор и что ему нужно для работы. Сейчас я смог бы детально объяснить тебе, как нужно снимать данные для матрицы, скажем, собаки, и как эту матрицу изготовить.

— Спасибо. Непременно воспользуюсь твоей помощью, как только мне понадобится собака. Но, вероятно, для собак есть и готовые программы?

— Есть.

— Я же, помнится, просил тебя относительно не собачьей, а человеческой матрицы.

— Тут я ничем не смогу тебе помочь.

— Почему? Так сложно?

— Нет. Никак не сложно и никак не просто. Вообще — никак.

— С чего это ты вдруг начал объясняться такими оборотами? Что они должны обозначать?

— Я не нашел ни одной программы на создание человека. Если такая есть, то она сейчас включена в общую программу третьей степени обитания и находится в пользовании Комбинатора.

— То есть программа Зои...

— Я говорю — если. Получить программу у Комбинатора можно, только предварительно приказав ему свернуть мир.

— Об этом не может быть и речи.

— Но, не имея программы, я ничего не могу проанализировать. Человек ведь несколько сложнее собаки, согласись.

— Не спорю. Ну хорошо, Умник, обойдусь... Сейчас это, кажется, уже не столь актуально. Есть другая задача. Ты знаешь какая. Я говорил тебе утром.

— Я продумал. Принципиально задача разрешима. Нужно: первое — обеспечить полное отсутствие обнаженных металлических поверхностей в помещении. Иначе возникнет наложение и отражение полей, и в результате...

— Это ясно. Какая нужна изоляция?

— Стандартная для таких устройств. У нас она использована в трюме-один.

— Не годится. Ты же знаешь: трюм опечатан, доступ туда в отсутствие главного конструктора категорически воспрещен кому бы то ни было. Даже я, капитан, ни разу не заходил в трюм после того, как там закончили монтировать Комбинатор.

— Это не кажется мне разумным.

— Не забывай, я ведь летел не за тем, чтобы пользоваться Комбинатором: в таком случае я, конечно, прошел не столь поверхностный инструктаж, ознакомился бы с системой куда серьезнее. Но моя задача была — лишь довести корабль до места испытаний. Так что я не спорил.

— Но сейчас — особый случай.

— Пойми: я просто не знаю, что там внутри! Повернусь не так и что-нибудь задену, и вдруг мир исчезнет! Нет, это был бы неразумный риск. И тем более не стал бы я снимать там изолирующий слой.

— Хорошо. Попытаюсь придумать, чем заменить его. Но это — не самое главное.

— Допустим мы все изолировали.

— Дальше потребуется разместить в отведенном пространстве эмиттеры. Схема размещения может быть разработана лишь после того, как станут известны точные размеры и конфигурация помещения.

— Это я сообщу завтра с утра. Сколько эмиттеров понадобится разместить?

— В зависимости от объема помещения — от трехсот до трех-

сот шестидесяти, в шести блоках, с точной ориентировкой каждого, отклонение — не более одной угловой секунды.

— Так... Что еще?

— После размещения эмиттеров произвести настройку всего комплекса. Однако для этого нужно будет отключить Комбинатор от внешних приборов и антенн.

— Иными словами, опять свернуть мир? Невозможно, я уже сказал. Ищи другой способ: как настроить, не отключая внешний комплекс.

— Это потребует дополнительной подготовки. Надо будет каждый внутренний эмиттер, кроме постоянной панели, подключить к каналам, идущим на внешние приборы — но только на время настройки.

Еще триста, а то и триста шестьдесят подключений, подсчитал Юниор. От каждого эмиттера — отдельный провод, в строго определенном порядке, чтобы они не экранировали друг друга, не создавали взаимных помех... Но прежде всего надо выбрать помещение. Здоровенная махина, а места в ней не так уж много: корабль рассчитан на одного человека, всего-навсего. Так что выбирать, собственно, и не из чего.

— Умник! Думаю, что схемой монтажа ты можешь заняться уже сейчас. Объект — жилое помещение. Все три модуля: салон, спальня, ванная...

Секундная пауза: Умник, видимо, рылся в своей памяти, в которой была запечатлена вся архитектура корабля.

— Сложно. Поскольку переборки металлические, каждое помещение разрабатывается как отдельный объект.

— Это трижды триста? Ладно, в первую очередь два помещения: салон и ванная. Будет время — сделаем остальное.

— Из салона нет прохода в ванную.

Черт...

— Хорошо. Делай на все три. Может быть, не по триста, а меньше? Объем ведь невелик.

— Можно, но без гарантии точного выполнения программы.

— Нет уж,— сказал Юниор.— Тогда надо делать все триста шестьдесят. Принимайся за работу.

— Только предупреждаю: кроме этого я не смогу помочь ничем. Работа не табельная, и у меня нет никаких приспособлений для ее выполнения.

— Знаю. Работать буду я. И хорошо, если бы я мог начать завтра же.

— Понял. Я успею. Ничего сложного.

Юниор кивнул. И спохватился:

— Да! А у нас есть столько эмиттеров в запасе?

— Может быть, и есть,— сказал Умник.— В том же трюме.

— Дьявол! Где же взять их?

— Во внешних устройствах. Сейчас Комбинатор реализует не самую сложную из своих программ. И часть эмиттеров не нагружена. Определи тестером.

Да, работа предстоит даже не ювелирная... Каждый эмиттер — с булавочную головку, и в больших комплексах их — тысячи. Хорошо хоть, что они однотипны — что для деревьев, что для людей. Это Юниор знал точно: еще Георг когда-то упомянул о простоте серийного производства деталей. Конструктору же мерещились Комбинаторы где надо и где не надо. Здесь-то Комбинатор пришелся в самый раз.

* * *

Юниор работал как одержимый. Возвратившись домой, поздно вечером, садился рядом с Зоей на диван, обнимал ее за плечи.

— Устал?

— Ну, что ты. Мне износа не будет.

— А может, не надо так спешить? Ведь на деле ничего страшного...

— Да конечно же, ничего страшного, Зоенька. Я просто хочу страховаться, понимаешь? Хочу, чтобы и тени опасности не было. И чтобы у тебя никогда не возникало сомнений... Думаю, нам здесь ничто не грозит. Подует ветер — и перестанет. Был же полный штиль, и не день, не два!

— Нам ведь здесь хорошо, правда?

— Мне никогда, нигде не бывало так хорошо.

— Мне тоже...

Зоя теперь выходила из дому реже. Было по-прежнему тепло, но ветер дул слишком сильно, чтобы прогулки могли доставлять удовольствие. Конечно, его можно было убрать: дать команду на компрессоры — и наступили бы тишина и покой. Но на купол сразу легла бы куда бóльшая нагрузка. В этом был риск. Надеясь, что там, снаружи, рано или поздно стихнет, Юниор решил, что можно потерпеть. Зоя согласилась с ним.

— Может быть, здесь, на планете, такая зима,— предположила она.— Ветер дойдет до своего пика, потом начнет ослабевать, и в конце концов все станет как вначале — тихо и прекрасно.

Наверное, когда-нибудь утихнет. Но пока — на четвертый день после второго полета Юниора — он снова рывком усилился. И уже не задержался на этом уровне: с этого дня сила ветра нарастала понемногу, но постоянно.

Юниор подумал: идет гонка с природой. Но еще неизвестно, кто придет первым. Мы не слабы. Мы очень сильны. Будем бороться. И если даже придется отступить — отойдем в полном порядке. Мы успеем!

Он проснулся ночью и понял: не успеет.

Его разбудил страшный звук: тяжелый, мягкий, ритмичный грохот смешивался со слабым, но пронзительным звоном, тоже ритмичным, звучавшим почему-то именно в мгновения, когда грохот чуть стихал. Юниор не сразу понял, что слабый звук исходил от телефона.

Зоя не спала. Она сидела на постели, обхватив руками колени, и испуганно смотрела на Юниора.

Грохотал ветер. Именно грохотал — не выл, не ревел. Казалось, некто тяжелый, но чем-то прикрытый, как прикрыт перчаткой кулак боксера, раз за разом отходил и снова бросался на дом, пытаясь сдвинуть или даже обрушить его,— и каждый раз дом вздрагивал и скрипел, и глухо звенели стекла в окнах.

В паузах между ударами ветра извне доносились и другие шумы. Завывали компрессоры. Трещали деревья. Иногда по окнам барабанили капли: видимо, ветер поднимал в воздух часть воды из пруда.

Юниор быстро оценил обстановку. Сейчас группа деревьев еще прикрывала дом, рассекая воздушный поток. Но деревья не смогут противиться урагану.

Он провел рукой по волосам женщины.

— Ничего, Зоенька,— сказал он.— Справимся. Ничего страшного.

Зоя всхлипнула. Словно в ответ ей в соседней комнате вылетело и с жалобным звуком разбилось стекло.

Юниор снял трубку.

— Компрессоры на пределе,— кратко доложил Умник.

— Сколько они еще продержатся?

— При такой нагрузке не более часа.

— Хорошо,— сказал Юниор.— Пусть держатся до последнего.

— Понял,— ответил Умник.

Юниор положил трубку и быстро оделся.

Все эмиттеры Комбинатора в корабле были уже установлены точно по схеме. Но подключение их еще не начато. Система не работала. И укрыть Зою в корабле было нельзя. Оставалось надеяться на дом. Юниор понимал, что строение не рассчитано на такие условия. Но другого выхода пока не было.

— Оденься, Зоенька,— сказал он.— И поосновательнее. Вряд ли при таком ветре будет очень жарко.

— У меня тут почти ничего нет...— растерянно сказала Зоя.

— Возьми мой комбинезон.

— А ты?

— У меня есть — там, в корабле. Оденься и жди меня тут. Не подходи к окнам: может поранить стеклом.

— Ты уходишь?

— Ненадолго. В корабль. Надо понять, что происходит снаружи.

— Не оставляй меня, Юниор. Пожалуйста...

Он на миг крепко прижал ее к себе.

— Не бойся. Не оставлю. Я скоро вернусь.

Дверь на веранду отворялась снаружи. Юниор попробовал открыть ее и не смог. Напор воздуха был слишком силен. Хотя ветер создавали лишь машины, трудно было представить, что мощь эта принадлежала не стихии, а технике. И все же эта мысль вселяла какую-то уверенность. Человек разговаривал со стихией на равных. Правда, сам он мог при этом погибнуть.

Юниор выждал, когда очередной порыв ослаб, и резко оттолкнул дверь, бросившись на нее всем телом. Дверь распахнулась и тут же снова захлопнулась за его спиной. В следующее мгновение ветер подхватил Юниора и швырнул на дверь. Он подумал, что треснула все же деревянная пластина, а не его кости. И на том спасибо.

Идти в рост нечего было и думать. Он пополз по мокрой траве. Неподалеку с надсадным треском рухнуло дерево. Хорошо, что в стороне. Неизвестно, какое не выдержит следующим.

Еще не одолев и полдороги до корабля, Юниор понял, что мир разрушается. Но не все в этом мире было равноценным. Зоя должна была уцелеть.

Он полз. Земля под ним мелко дрожала от отчаянной работы компрессоров, порождавших ураган. Долго им не продержаться. Даже и часа не выдержать.

Но, в конце концов, машины эти служили лишь первой линией обороны. Были еще и другие возможности.

Достигнув корабля, Юниор понял, что воспользоваться подъемником не удастся. Ветром платформу перекосило в направляющих. Как забраться наверх? Влезать по тросам подъемника нечего было и думать.

Был лишь один способ: на какое-то время выключить компрессоры. Ветер мгновенно стихнет. Выдержит ли при этом купол? Трудно сказать. Если нет... все кончится сразу: нечем станет дышать. Но ведь компрессоров все равно хватит ненадолго.

Сверху донесся скрежет, настолько резкий, что ветер не помешал услышать его. Юниор поднял голову. Одна из антенн Комбинатора сорвалась и беспомощно раскачивалась. Юниор похолодел. Не поднимаясь с земли, он подполз ближе к одному из микрофонов внешнего прослушивания.

— Умник! — крикнул он.— Умник!

Гриб, видимо, включил акустику на полную мощность, но голос его донесся как бы с другого конца мира.

— Умник! Выключи ветер!..

Это было как чудо. Не прошло и секунды — и грохот стих. Еще несколько воздушных волн прошло над Юниором: отражаясь от внутренней поверхности купола, атмосфера его мира не сразу пришла в себя. Но это были уже пустяки.

— Прекрасно! — пробормотал Юниор, вскакивая. Теперь можно посмотреть, насколько поврежден подъемник. Юниор забрался на платформу. Ничего страшного, самый обычный перекос... Ухватившись за направляющую штангу, Юниор прыгнул — раз, другой, третий, стараясь собственной массой заставить перекосившийся угол встать на место. Удалось — минут через двадцать. Медленно, с незнакомыми скрипами платформа поехала наверх. Вот наконец и люк. В тамбуре сорванный с зажимов скафандр валялся на полу: вероятно, сбросило первым порывом урагана, а уже затем Умник закрыл люк. Все остальное было в порядке.

Юниор оглядел свой мир с высоты смотровой площадки.

Мир ощутимо уменьшился. В зеленом круге жизни виднелись теперь черные прогалины. Планета наступала. Планета пыталась вернуть свое.

— Черта с два! — сказал Юниор сквозь зубы.

Он пробежал в рубку.

— Что показывает Комбинатор?

— Сломана одна антенна.

— Видел. Как генераторы поля?

— Нагрузка на купол возросла. Генераторы действуют на семь десятых мощности.

— Энергетика?

— Без нарушений.

— Купол?

— Прогиб под давлением извне. В центральной точке — десять метров.

Ну, это пустяки — десять метров, когда радиус купола — пятьсот...

— Ветер извне?

— Продолжает усиливаться.

Юниор внимательно оглядел приборы. Мощность, какой требовал купол, медленно, но неуклонно росла. Резерв маловат. Но ничего. Мы же не станем сидеть и ждать.

Он снова оглядел мир — на этот раз видя его на экранах. В трех местах виднелись машины. Водолей,— узнал он,— потом корчеватель; третью он на расстоянии не опознал. Машины отцовского комплекса. Там они больше не нужны. Потому что чем-то, видимо, придется все же пожертвовать.

— Умник! Все машины, кроме компрессоров, стянуть к кораблю!

Связь с механизмами не была нарушена; Юниор понял это, завидев, как неуклюжие динозавры, один за другим, медленно тро-

нулись и поползли. Юниор обождал еще немного, обдумывая свое решение. Наконец понял: сейчас ничего другого не найти. Нужно экономить силы.

— Дай Комбинатору команду: уменьшить радиус действия на двести метров. И соответственно стяни защитное поле.

— Понял.

Вот так-то, дорогая планета. Мы люди не жадные, возьми часть своей территории. Зато уменьшится купол, его подставленная ветру поверхность, уменьшится расход энергии и возрастет сопротивляемость! Что, съела? Нет, нас не так-то просто взять!

— Умник! Компрессоры поставь на позицию непосредственно перед прогибом купола по новой конфигурации. Включишь по моей команде.

Пока мы их включать еще не будем. Пусть стоят в резерве. С уменьшенным куполом справятся и генераторы. А мы используем передышку, чтобы привести все в корабле в порядок.

— Юниор!

— Чего тебе, Умник?

— Сохранять ли высоту купола?

Надо подумать. Если сохранить — высота окажется в полтора раза больше радиуса опоры. Устойчивость купола уменьшится. Нет, сделаем его пониже. Триста метров — вполне достаточно. Однако вход в жилой корпус будет уже вне купола — это не годится.

— Высоту уменьшить на сто пятьдесят.

— Понял.

— Как нарастает ветер, Умник?

— На десять метров в секунду за час.

Значит, еще несколько часов будем пользоваться относительным покоем. Может быть, даже целые сутки. Сутки — бесконечно много времени. Сейчас как будто все меры безопасности приняты. Надо браться за работу: подключать эмиттеры. Опробовать их как положено вряд ли удастся. Но и подключить — уже громадный успех. Тогда останутся сущие пустяки. Но прежде всего...

— Умник! Рассчитай возможность отступления от принятой конфигурации купола. Сделаем его овальным, или даже каплевидным в плане. Обтекаемым. К чему изображать собой волнорез? Пусть ветерок нас обходит.

— Понял.

— Так. Теперь...

Теперь прежде всего надо вернуться домой. Успокоить Зою. Внушить: самое страшное — позади. Позавтракать с нею. В конце концов, что случилось? Плохая погода, только и всего. Словно бы на Земле не случалось такого.

Так, рассуждая, Юниор бегом преодолел расстояние до дома. Несколько деревьев по дороге к жилью лежали вывороченные с

корнем, два были сломаны, белые зубья изломов торчали, как оскал покойника. Ладно, зато остальные устояли... Увидев дом, Юниор присвистнул. М-да... Крыша местами задралась кверху, в окнах с наветренной стороны не уцелело ни одного стекла. Пожадничали программисты Комбинатора: могли бы предусмотреть и небьющиеся окна. Хотя вряд ли кто-либо рассчитывал на такие передряги.

Зоя встретила его, стараясь казаться спокойной. Молодец, так и следует. Но ведь и было отчего улучшиться настроению: стих ураган. Нами же самими устроенный! Иначе купол мог и не выстоять ночью...

— Хозяюшка! — закричал Юниор еще на бегу.— Крови жажду! Голоден!

Зоя улыбнулась, и было в ее улыбке что-то большее, чем просто реакция на неуклюжий юмор. Спасибо за то, что мы по-прежнему живы,— так понял ее улыбку Юниор. И сказал уже серьезно:

— Ничего, все в порядке. Работы, правда, много. Только разве мы когда-нибудь работы пугались?

После завтрака Зоя сказала:

— Мне так хочется хоть чем-нибудь помочь тебе. Ты все делаешь один.

— Только не думай,— сурово ответил Юниор,— что так будет всегда. Вот вылезем из этой катавасии — увидишь, я сразу перестану работать. Страшно люблю лениться! А пока — приходится пошевеливаться...

— Но я хочу помочь!

— Ты и помогаешь,— сказал Юниор искренне.— Ты даже не представляешь, как помогаешь мне. Тем, что ты есть. Прошу: не рискуй. Ладно? Главное — будь. С остальным я постараюсь как-нибудь справиться.

— Я буду,— пообещала она.

— Больше ничего мне и не надо.

* * *

Тоненькие проводки были свиты в пучки, каждый — из нескольких разноцветных жил; надо присоединять их в строгом порядке, потом аккуратно протягивать кабели по переборкам, сверлить для них отверстия там, где они никогда не предусматривались,— шесть переборок просверлить для каждого пучка, из них одна была капитальной,— все это работа и ювелирная, и нудная, и утомительная. На первые эмиттеры у Юниора уходило чуть ли не по десяти минут на каждый, потом он приноровился, дело пошло быстрее, хотя он по-прежнему время от времени позволял себе высказывания в адрес совершенной техники, которая прекрасно

выполняет все предусмотренное, но как только дело доходит до сюрпризов, сразу переходит на роль зрителя... До вечера Юниору удалось сделать лишь пятую часть работы. Так ему понадобится без малого неделя. Но недели этой,— понимал он,— обстоятельства могут ему и не дать. Обедать домой он не пошел. Зоя принесла к кораблю какую-то снедь, и они поели вдвоем на травке; этакий пикничок во время чумы,— он усмехнулся мысленно, однако вслух ничего не сказал. Так же и поужинали. Юниор попросил Зою сварить побольше кофе, крепкого — решил, что будет работать и ночью. Перед утром он все же пришел, спотыкаясь, домой и на пару часов забылся. Встав с тяжелой головой, направился к пруду. Иссушенный ветром водоем теперь наполнялся заново, но вода притекала не так бойко, как раньше — наверное, что-то в механизме разладилось. Купаться Юниор не стал, лишь только посмотрел на полузатопленную лодку и снова пошел работать. Когда в середине дня он почувствовал, что больше не может,— эмиттеры начали двоиться и прыгать перед глазами,— он поднялся в корабль и потребовал тонизации. Умник хотел было отказать: общее состояние Юниора ему не нравилось. Разведчик, однако, настоял на своем и до вечера проработал нормально. Пожалуй, половина была уже сделана. Юниор почувствовал, что сейчас надо выспаться: можно, конечно, и эту ночь провести за делом, он так и поступил бы, если бы можно было закончить все к утру. Однако такой надежды и не возникало, следовало рассчитать силы еще самое маленькое на два дня. Нет, выспимся, кто спит — тот здоровеет, он всегда исповедовал эту истину...

Он лег дома. Зоя была рядом, и, как всегда, когда она была рядом, Юниору показалось, что ничего страшного не происходит и произойти не может. С этим он уснул.

* * *

Разбудил его телефон. Еще не сняв трубки, Юниор понял, что спокойная жизнь кончилась.

Умник сообщил, что скорость ветра на планете вновь резко увеличилась, и генераторы даже при уменьшенном куполе снова работают на восьми десятых предельной мощности.

Теперь это был уже не просто ветер. В купол бил не воздух. Стеной летел черный песок. Разогнанные до скорости пули песчинки, каждая из которых несла на себе электрический заряд, таранили невидимый барьер не только своей массой, но и полем; и генераторам приходилось работать, ежесекундно меняя режим и вводя все новые мощности, так что резерв таял.

Юниор дал команду включить компрессоры. Однако на сей раз мощные машины почти ничем не смогли помочь. Одна из них через

полчаса вообще вышла из строя. Подпирая стену купола изнутри, встречный ветер лишал ее упругости, эластичности. И теперь, когда на стену обрушивался не воздух, а песок, от такой поддержки становилось лишь хуже. Компрессор пришлось заглушить.

Между тем у подножия купола скапливалось все больше и больше песка. Если бы стена была цилиндрической, это, пожалуй, пошло бы ей на пользу: высокие барханы предохраняли бы ее от ударов ветра. Но стена была пологой, и песок десятками, а потом и сотнями тонн стал давить на нее, и стена прогибалась — медленно, но неотвратимо.

Единственным спасением от пролома купола было отступление. И купол, повинуясь командам Юниора, отступал. Каждый раз на какой-нибудь десяток метров. И, отступив, облегченно расправлялся. Но ненадолго: ветер усиливался, песок снова подползал и начинал неудержимо взбираться по стене, она вновь прогибалась — и приходилось делать еще несколько шагов назад.

Юниор с Умником без труда рассчитали, что такой тактики хватит самое большее на десять часов — если не произойдет нового резкого ускорения ветра, если не случится еще чего-то непредвиденного. Через десять часов купол сузился бы настолько, что включал бы в себя лишь корабль и несколько метров прилегающей к нему площади. Это было бы еще полбеды. Но ведь придется в очередной раз уменьшить и высоту купола. Тогда Юниор окажется отрезанным от входа в жилой корпус — если останется внизу. И от Зои — если будет находиться в корабле. А ему требовалось быть и тут, и там.

И все же он продолжал работать как только мог быстро. Он понимал, что не может успеть. Но ничего другого не оставалось. Юниор стремился закончить хотя бы одно помещение, салон и тот путь, которым Зоя должна будет пройти от люка до салона. Остальное успеется и потом. Лишь бы она оказалась внутри.

Но и этого он не смог успеть.

Мир сжимался на глазах. Человек проигрывал. Но не хотел сдаваться. Зоя делала вид, что не понимает смысла происходящего. Юниор же знал, что она понимает. Мир таял. Вершина купола находилась лишь на метр выше люка. Основание продолжало съеживаться. Давно уже переставший быть полусферой купол, пройдя стадии гиперболоида и параболоида, превратился в половину эллипсоида вращения, и эллипсоид этот все вытягивался. Скоро он почти точно повторит очертания корабля...

— Умник! — сказал Юниор.— У тебя готов расчет на обтекаемость?

— Давно.

Но Юниор еще медлил. Ему не хотелось отдавать команду.

Потому что за пределами нового по форме купола должен был остаться дом. Дом, где они были счастливы. В существовании которого заключался весь смысл мира. Но ничего иного не оставалось. Когда Юниор понял, что этого не избежать, он установил между амортизаторами корабля, рядом с якорем, свою походную палатку из планетарного комплекса — для Зои; перетащил из дома все, без чего ей трудно было бы обойтись, пока он не сможет наконец перевести ее в корабль. И теперь Зоя стояла рядом с Юниором подле корабля и смотрела в ту сторону, где еще держались деревья, а за ними возвышался дом, которому через несколько минут предстояло исчезнуть. Юниор понял, что сейчас должен быть с нею.

Он обнял Зою за плечи и сказал в самое ухо:

— Ничего. Были бы мы. Все это когда-нибудь да кончится. И тогда мы с тобой еще и не такое построим...

Зоя молча кивнула, и Юниор крикнул: — Начинай!

Громкий треск раздался. Стены купола с двух сторон начали сдвигаться, и все, что оказывалось вне их, стало исчезать по мере того, как стены отползали. Необычно и страшно было видеть, как без пламени, без слышимого шума (он тонул в реве внешнего ветра) дерево, или куст, или птица, или еще что-то реальное, живое вдруг — едва купол преграждал комбинирующим полям доступ — вспухало белым клубом, теряло очертания, превращалось в облачко, и облачко это, подхваченное ураганом, взвивалось и уносилось кто знает куда... К счастью, Юниор с Зоей не видели, как исчез дом: это произошло, когда деревья еще заслоняли его; взлетело пухлое облако — и все. Но вот исчезли и деревья. Стены остановились. Зоя всхлипнула.

— Ничего, маленькая,— сказала Юниор.— Мы с тобой теперь ясно понимаем, что главное в жизни, а что — ерунда... Смешно: машина твоя уцелела — осталась внутри... Иди в палатку, сообрази что-нибудь поесть. Ветер уносит время...

Первым исчез свет.

Была середина дня, и созданному Комбинатором солнцу предстояло работать еще несколько часов. Из-за уменьшения размеров купола оно тоже сжалось и находилось теперь чуть ли не над самой головой. Но освещенность не убавлялась, по-прежнему стоял день. И вдруг оно погасло — сразу, без сумерек. Стало темно и страшно. Юниор работал в корабле. Испуганны голос Зои едва долетел до него: — Юниор! Юнио-ор!

Он выскочил на площадку и окунулся во мглу.

— Что случилось?— услышал он внизу.— Почему темно? Я боюсь!

— Не пугайся, Зоенька! Сейчас узнаю.

Он кинулся к пульту. Сперва подумал было, что Умник решил

экономить энергию: светило, как и вся система Комбинатора, питалось от корабля, а энергия была сейчас нужна прежде всего для питания купола. Почти вся — кроме той, что потреблял Комбинатор.— Умник, это ты погасил?..

— Не я. Комбинатор сам.

— Включи корабельные прожекторы. И выясни, в чем дело.

Он выбежал на площадку. Снаружи стало светлей: три сильных прожектора рассеивали мглу там, куда были направлены их лучи, но все остальное тонуло почти в полной мгле, и, наверное, от обманчивого света Юниору вдруг показалось, что уцелевшие деревья медленно движутся. Он убедился, что Зоя все так же стоит подле корабля, и вернулся в рубку.

— Ну, что там у Комбинатора?

— Сработала автоматическая защита. У него неполадки.

Этого еще не хватало!

— В чем причина?

— В уменьшении рабочего объема.

Юниор понял. Комбинатору становилось тесно. Его система могла действовать в пространстве не меньше определенного. Иначе сложнейшие по конфигурации поля начинали накладываться друг на друга, усиливать или ослаблять, мешать. Выключение светила было скорее всего просто актом самосохранения системы. Первым подобным действием. Что последует дальше?

— Как быть, Умник?

— Свернуть систему.

— Пока я жив — нет. Исключается. Возьми управление на себя.

— Такого случая не предусмотрено.

Конечно, он не может,— устало согласился Юниор.— Умник лишь передает команды Комбинатору, не более. Ну, может еще отключить энергию. Вот и все.

— Что же делать?

— Сужать рабочее пространство больше нельзя. Не то Комбинатор выключится совсем. Сохранять мир — значит сохранять пространство.

Постараемся,— убеждал себя Юниор.— Будем держать рубежи до конца. И надеяться на устойчивость Комбинатора. Хотя — кто из его создателей мог рассчитывать на такие условия работы? Они выходят за пределы любого официального испытания. Техника не подводит, нет. Но осилить природу этой планеты она не в состоянии. Мне нужно всего лишь несколько часов. Несколько несчастных часов... Сколько их минуло здесь — в безмятежности, в счастье. И вот не хватает — всего лишь нескольких.

Юниор все же урвал у работы несколько минут. Спустился, чтобы побыть с Зоей. Ей это было сейчас очень нужно. И ему тоже.

Они стояли обнявшись. Светили прожекторы. Острые, резкие тени лежали. Непрерывный шум походил на плеск моря: песок бился в купол, стекал по нему, оседал, насыпь поднималась все выше.

— Юниор! — отчаянно вскрикнула Зоя, крепко прижимаясь к нему, пряча лицо.— Я, кажется... Что там?!

Он и сам уже увидел. Так и есть: деревья двигались. И кусты тоже. Подскакивая, пританцовывая, размахивая сучьями. Настоящие деревья никогда не позволили бы себе такого. Фикции... Происходило то самое наложение и искажение полей, которого боялся Юниор. Деформировались поля — и все, что было создано ими тут, тоже деформировалось, двигалось, постепенно приближаясь к центру этого мира — к кораблю.

— Я боюсь...— шептала Зоя.— Мне страшно!..

Одно дерево вырвалось из грунта и взлетело. Перевернулось в воздухе, задевая за стену купола то корнями, то вершиной. Грохнулось. Несколько новых возникли из ничего, судорожно размахивая ветвями, кусты сцеплялись, словно в борьбе, пытаясь вырвать друг друга с корнями. Юниор, увлекая Зою, отступил под защиту ближайшего амортизатора.

— Умник!..

— Можно только выключить Комбинатор! Но пока я, как ты сказал, непрерывно шлю ему команду продолжать работать.

— Так и действуй!

Хаос нарастал. Юниор стоял, одной рукой прижимая к себе Зою, другой держась за амортизатор. И вдруг мощная лапа, крепко державшаяся за грунт, дрогнула. Юниор явственно ощутил это движение.

— Что там, Умник?

— Напор на купол превысил допустимое. Корабль теряет устойчивость.

— Прибавь мощности.

— Резервов больше нет.

— Что же делать? Думай!

— Нужно стартовать.

Юниор невольно взглянул вверх. Сейчас, когда светило погасло и вершина была ниже прежнего, можно было лучше видеть происходящее снаружи. Верхняя часть купола колебалась, дикие порывы ветра стремились снести ее, прижать к земле, песок обрушивался десятками тонн. Колеблясь, купол невольно давил на корабль. И гигантский корпус начал медленно, пока еще едва заметно, раскачиваться. Не было сил, которые могли бы удержать его. А еще выше, подойдя совсем вплотную, нависала, кажется, даже изгибаясь сверху, как океанская волна, как бы грозя обрушиться, неимоверных размеров черная тень, или гряда, или провал

в мироздании — как концентрация всего ужаса, какой только мог быть в мире... И на этом черном горели звезды.

Страшный порыв. Амортизатор дрогнул куда ощутимее. Зоя, не отрываясь от Юниора, дышала неровно, толчками, хрипло. Надо было что-то сделать. Нельзя было стоять так и ожидать конца. И Юниор решился. Он знал, что это — безумие. Что надеяться не на что. Что это — гибель корабля и его самого. Но сейчас такой исход не казался ему страшным. Вместе...— и где-то все же, наперекор всякой логике, билось, трепетало маленькое: а вдруг? Бывают же чудеса!!! А вдруг?..

— Зоя! — крикнул он в самое ее ухо.— В корабль! Бегом!

Не поднимая глаз, Зоя покачала головой. Он решил, что она не поняла.

— Будь что будет, Зоя! Но здесь все равно — гибель! А там, может быть, хватит того, что я успел...

Он услышал, как Зоя пробормотала:

— Нет... А если нет? Все погибнет, и ты... Я не хочу.

Он рывком поднял ее на руки — Зоя с неожиданной силой вырвалась, мертвой хваткой вцепилась в штангу амортизатора:

— Юниор, милый, спеши!.. Ты — человек, не забудь! А меня... Ты ведь говорил, что меня можно повторить еще раз!

Юниор на миг оцепенел. Этого мгновения достаточно было, чтобы Зоя рванулась и исчезла, выскользнув из прожекторного луча в темноту. Не раздумывая, Юниор бросился за нею. Едва слышный в грохоте голос Умника из внешних динамиков кричал:

— Корабль... Устойчивость... амплитуда!..

— Умник! — крикнул он — уже в параполе, иначе тому не услышать бы.— Уменьши высоту купола на двести метров!

Он знал, что тогда не сможет больше попасть в корабль. Но он и не хотел больше. Он должен был найти Зою, на остальное наплевать! Юниор пробивался сквозь толпу пляшущих кустов, хлеставших, царапавших его ветками. Спятившее дерево кинулось на него — Юниор шарахнулся в сторону. Он не знал, куда бежать: под куполом оставалось все еще достаточно места, чтобы спрятаться. Юниор несколько раз останавливался и звал. Но вряд ли кто-нибудь мог бы услышать его и в двадцати шагах: рев ветра, удары песка, треск деревьев — все это плотно забивало уши.

— Умник! — крикнул он прежним способом.— Поверни проже... Он не договорил. Перед глазами ярко вспыхнуло. Рвануло. Толкнуло в грудь. Оглушило. Он упал. Ударился затылком. Потерял сознание.

Юниор медленно открыл глаза. В голове стояла боль. Превозмогая ее, он приподнялся. В отдалении ревел ветер. Светили корабельные прожекторы. Корабль по-прежнему стоял. Юниор авто-

матически отметил это. Корабль стоял на черном песке. Не было ничего: ни травы, ни кустов, ни деревьев. Был черный песок и несколько тяжелых механизмов, от которых местами отражались лучи. Юниор закрыл глаза и снова открыл. Ничего не изменилось. Песок. Все. Конец.

— Умник! — хотел он сказать, но слово не проговорилось, а как-то прошипелось. Он откашлялся.— Умник! — На этот раз получилось лучше.— Что случилось? Комбинатор выключился?

— Комбинатор сгорел,— ответил Умник безмятежно; для него в этом не было никакой трагедии.— Главная схема.

— Так...— сказал Юниор.— Понятно...— Он встал на четвереньки, потом на ноги, пошатнулся, в голове отчаянно стучало. Все же он устоял, напрягся, сделал шаг, снова качнулся, снова постоял, переводя дыхание. Значит, меня в тот самый момент,— понял он.— Комбинатор сгорел. Если бы свертывал мир, то постепенно уменьшал бы мощность, и все понемногу таяло бы. А он сгорел и отключился сразу. И все взорвалось. Все...

За этим «все» была Зоя, но он не хотел, не позволил себе думать о ней так. Ее больше не было. Погибла. Даже сейчас он не хотел ставить ее на одну доску с сумасшедшими деревьями и искусственной травой.

Медленно, шаг за шагом одолевая расстояние, он шел к кораблю. Ноги вязли в песке. Хорошо, что купол держится,— равнодушно думал Юниор.— Хорошо, что воздух не Комбинатор сделал, а старые, честные механизмы. Но, в сущности, и это сейчас не имело значения. В душе было пусто. Одна из машин, водолей, стояла на его пути, пришлось ее обходить. Юниор обошел, придерживаясь за металлический корпус. За машиной лежала Зоя. Лицом вверх. На виске был кровоподтек. Глаза открыты. Лицо было серьезным, печальным и прекрасным.

Я сошел с ума,— безразлично пронеслось в голове.— Зои нет, она исчезла.— Он пошатнулся. На сей раз ему не удалось устоять. Он опустился на песок рядом с телом Зои.— Зоенька, значит, вместе? Значит?..

Через какое-то время он снова очнулся. Вновь приподнял голову. Зоя была рядом. Юниор закрыл глаза, сильно потер пальцами веки, виски. Посмотрел снова. Зоя была. Он взял ее за руку, пытаясь нащупать пульс. Пульса не было. Он расстегнул на груди Зои свой комбинезон — тот, что она носила с последнего вечера в доме,— прижался ухом. Холод и тишина. Юниор сел и долго сидел с закрытыми глазами, машинально гладя Зою по голове. Взгляд ее был устремлен вверх, где был купол, и за ним звезды.

Какой-то голос все время мешал ему на чем-то сосредоточиться,

чтобы что-то очень важное понять: голос надоедал. Наконец Юниор не выдержал.— Ну, чего тебе?

— Ветер стихает, я повторяю все время.

— Что?

— Ветер стихает.

— Какой ветер? А, ну да...

Какой-то ветер стихал; ну, стихнет — разве Зоя встанет после этого? Нет. Не встанет. Ее больше нет. Хотя она не исчезла вместе с миром Комбинатора. Хотя...

Почему же она не исчезла?— он соображал с большим трудом. И должна была исчезнуть. Но осталась. А раз осталась, значит, она и не была создана Комбинатором. Потому что все, что он сделал, исчезло. А Зоенька — вот...

Мысли заметались, потом их какое-то время вообще не было.

Кто же она, если ее не создал Комбинатор?— снова возникли мысли.— Тогда она может быть только человеком. Вот меня не создал Комбинатор. Следовательно, я — человек. И ее тоже. Следовательно, она — человек. А это значит, что могла находиться на корабле в такой же безопасности, как Юниор. Могла. Он не пустил ее. Потому что не знал, что она — человек...

Юниор снова сильно, до боли потер лоб пальцами. Новая мысль вертелась, ускользала. Очень простая, естественная. Вот... Нет... Ага: откуда же она взялась здесь, если не из программ Комбинатора? Другого пути ведь не было? А? Не было ведь?..

Он встал, с минуту постоял, покачиваясь, утверждаясь в вертикальном положении. Надо было идти в корабль, отдаться на попечение Умника с его медициной. И еще что-то нужно было сделать, черт, забыл... Медленно, загребая ногами песок, Юниор пошел к кораблю. Подойдя, остановился. Нет, не сюда надо было идти. В какое-то другое место. Куда же? Голова работала с великим трудом, с болью, с неслышным скрежетом.

— Умник! — позвал Юниор по параполю.— Наверное, надо восстановить купол до первоначального размера.

Умник не удивился, гриб никогда не удивлялся, он ответил лишь обычным кратким: — Понял.

— Так,— Юниор повернулся спиной к кораблю и пошел много раз хоженым путем — только сейчас не было тут травы, а значит, и протоптанной тропки, лежал песок, а впереди не виднелись деревья, и позади них не возвышался дом, в котором жила и ждала бы женщина. На месте дома поднимался сейчас холмик осевшего песка, оказавшийся теперь внутри восстановленного купола. Здесь стоял дом? Правее, левее? Никакого следа. Все испарилось, взорвалось, улетело. Это понятно. Но если... Юниор опустился на колени; никаких инструментов не было, он начал разгребать песок просто так, руками. Сразу взмок от пота, унизительного пота

слабости; передохнул, стал рыть снова, не очень хорошо понимая даже, зачем это делает. Потом пальцы наткнулись на что-то чуждое песку, постороннее. То была банка консервов. Юниор внимательно посмотрел на нее, повертел перед глазами. Банка была не из его запасов, не с корабля, он хорошо помнил, что приносил сюда. Он продолжал копать. Еще несколько банок, коробок, пластиковых пакетов, убереженных упавшим песком от ветра. Ему тут принадлежало меньше половины. Остальное было Зоино. Настоящая пища. Не сотворенная Комбинатором. Почему же Зоя ни слова ему не сказала, почему согласилась с ним, если понимала?.. Больше рыть было, наверное, незачем, да и сил совсем не осталось. Он побрел назад, к кораблю, потом свернул туда, где лежала Зоя, потом — снова к кораблю, приказал Умнику приготовить чистый постельный комплект — для Зои. Постоял. Залез на платформу, поехал вверх. Остановил платформу на уровне трюма-один. Вызвал Умника, приказал открыть трюм. Умник отказался. Юниор не стал спорить. Поднялся в рубку и открыл трюм рычагом аварийного открывания — при аварии все запреты снимались. Захватил под мышку приготовленные простыни. Спустился вниз, подошел к Зое, накрыл ее. Вернулся, поднялся к трюму. Люк теперь был распахнут. Юниор вошел. В обширном шестиэтажном трюме тонко пахло гарью, стояла тишина. Юниор осмотрелся, не испытывая ни малейшего любопытства. В другое время его наверняка заинтересовала бы многокрасочная мозаика пластин, кожухов, кабелей, из-за которых не было видно переборок; сейчас он равнодушно прошел мимо. Юниор не сразу понял, куда идет, лишь на полдороге сообразил. Георг в свое время попросил — вот тут, стоя в этом самом трюме,— попросил конструктора «Анакола» оставить ему парочку кабин, смонтированных тут раньше для перевозки людей, выведенных из активного состояния. Где остались кабины? Если человек проснулся только в доме, то от кабины до дома кто-то должен был его доставить. Какой-то механизм. Юниор пожал плечами: механизм, вынувший человека из кабины, можно было и не искать: он наверняка был создан тут же на месте Комбинатором в числе других вспомогательных устройств по реализации программы, а на следующем этапе той же программы — свернут, уничтожен. Но сами кабины существовали независимо от Комбинатора... Юниор поэтому не удивился, наткнувшись на них: две кабинки стояли рядом, те самые, раньше их было здесь великое множество. Крышка одной из них была распахнута, внутри было ложе с подушкой, на крышке — множество каких-то патрубков, спиралей, микроантенн. Светилась слабая лампочка. Юниор нагнулся, увидев на подушке что-то: то была заколка для волос. Он взял ее, спрятал в карман. Закрыл глаза. Втянул воздух. Пахло духами, теми самыми, запах гари тут отступал. Ну вот, больше искать было вроде нечего. Что

и как — было понятно. Почему? Этого Юниор не знал. Да и важно ли было — почему? Зои больше не существовало — вот что было важно. А ведь она с самого начала была уверена в своей подлинности. Это Юниор не верил. Он знал, что Зоя должна появиться из рукава фокусника. Поверил во всемогущество великой технической эпохи с ее великими конструкторами.

— Будь ты проклят! — сказал он. Всего себя вложив в эти слова. Он даже не знал, адресовалось ли проклятие Георгу, или себе самому, или всему миру, всей великой цивилизации, которая позволяет и даже заставляет думать о живом человеке как о произведении техники — и не более того, и не только думать, но и заставить самого человека поверить в то, что он — не более чем продукт техники, продукт идеи, как говорил Георг, а не результат любви.

— Будь все мы прокляты! — сказал Юниор, покидая трюм.

Кажется, содержавшаяся в проклятии ненависть придала ему сил. Он спустился, подошел к Зое и не сразу, но все-таки смог поднять ее на руки. Сейчас это было трудней, чем раньше: она не помогала, не обхватывала его за шею. Хрипло дыша, Юниор донес ее до платформы подъемника. Поднялся с нею наверх. Внес в тамбур. Переведя дыхание, сказал:

— Умник, тут человек. Погиб. Надо сохранить.

— Понял,— отозвался Умник.

Когда медицинский автомат на тележке уже подкатил и уложил Зою, Юниор хотел помочь, но автомату помощь не требовалась и он попросил Умника:

— Ты проверь внимательно. Конечно, я понимаю, что невозможно — слишком долго... Но все же... Ты же у нас все умеешь!

Гриб ответил как всегда невозмутимо:

— Все анализы будут сделаны здесь и на Земле.

— Спасибо,— поблагодарил Юниор, не зная, что делать дальше. Снова спустился. Снизу посмотрел на повисшие беспомощно антенны Комбинатора. Но они не были жизнью. Всего лишь орудиями фокусника. Юниор сплюнул, отвернулся. Все было как и полчаса, и час назад. Лежал черный песок, стояли машины. Из раструба водолея вытекала тонкая струйка воды. От другой тянуло легким, едва уловимым ветерком: обновлялся воздух. Сияли корабельные прожекторы. По сторонам их световых конусов сгущалась мгла.

Он брел, вспахивая башмаками песок. Все, что осталось от маленького, славно придуманного мира. Не было мира. Потому что мир — это жизнь. А здесь не было жизни. Имитация ее, не более. Привет тебе, цивилизация имитаций! — кричала его душа.— И когда в тебе появляется настоящая жизнь — ты позволяешь даже не заметить этого. А в результате здесь осталось единственное живое существо. Пока.

Потом он остановился.

* * *

В боковом свете прожектора вдруг почудилось внизу, под ногами, что-то. Маленькое, хрупкое, на что он едва не наступил башмаком.

Он наклонился. Потом лег, приблизил лицо и стал рассматривать это в упор.

Просто удивительно, как смог он заметить. Такую мелочь, ерунду. Может быть, лишь потому, что цветом эта мелочь резко отличалась от песка. Мелочь была светло-зеленой.

Крохотный, тоненький, хрупкий, едва поднявшийся над песком стебелек. И на конце его — только-только раскрывшиеся два листочка.

Юниор долго лежал и смотрел на росток, дыша в сторону, чтобы ненароком не повредить его.

Нет, это не было, не могло быть остатком мира Комбинатора. Все бывшее в том мире исчезло. Все, что осталось, было настоящим. Корабль. Механизмы. Юниор. Тело Зои в реаниматоре.

И еще — стебелек и два листка.

Жизнь. Настоящая. Самостоятельная. Пусть бесконечно уязвимая, но жизнь.

Откуда?— разглядывал это чудо Юниор, все еще не веря глазам.

И понял: семечко могла занести сюда одна из машин. С Земли, где они испытывались. Или с Анторы, где эти машины крушили и перемалывали сотни тысяч растений. Не таких, а мощных, царственных. Семечко застряло где-то. Перенеслось через сверхпостижимые пространства. Здесь выпало. Оказалось в среде, где есть воздух, вода, свет. И вот проросло...

— Оказывается, нас здесь двое живых,— сказал Юниор вслух, словно стебелек мог понять его.— И тут уж тебе-то я погибнуть не дам!

Господи,— подумал он затем,— сколько же мы: отец, я сам, все другие — уничтожили грубо, жестоко, безжалостно, глупо вот таких, да не только таких — всяких жизней! Воображая, что мы вправе вынести им приговор и привести его в исполнение, раз они мешают достижению какой-то нашей сиюминутной и часто никому не нужной цели. Наши цели — так ли нужны они миру?

Нет, я тебя выращу. К чертям все. Я останусь тут до тех пор, пока здесь не зазеленеют леса. Потом мы снимем купол. И вы начнете переделывать атмосферу. Оживлять планету. Потому что всякая жизнь — жизнь, и мы ставим себя выше вас только потому, что мы умеем убивать вас куда успешнее, чем вы — нас. Но ведь без вас мы околеем сами, мы без вас не можем и порой лишь забываем об этом. Забываем, что жизнь — это то, что не предает, не исчезает внезапно, если вдруг разладятся какие-то контуры...

Я тебя выращу, стебелек. Есть энергия, есть вода, свет. Есть великий Умник, который, наверное, знает не только, как истреблять леса, но и как растить их. Если захвораешь — вылечим. Неужели такая масса металла и кристаллов да еще толика нормального рассудка не в состоянии сохранить жизнь одному стебельку? Ведь мы умеем — если захотим. Нам только трудно бывает понять. Слишком уж мы настроились за целые столетия — заменять естественное искусственным...

Я выращу тебя. Ничего, Земля подождет. Обойдется без своего сгоревшего Комбинатора. Кто-то сказал хорошие слова о слезинке одного-единственного ребенка. Что такой ценой нам не нужно счастье. Раньше я думал, что это — слюнтяйство, ерунда. Теперь я думаю: если для чего-то надо всего лишь наступить каблуком на такой вот, как ты, совсем незаметный стебелек с двумя листками — я не сделаю этого. Сперва постараюсь понять: а может быть, вреда, пусть и отдаленного, от такого действия произойдет больше, чем пользы — пусть даже немедленной? Мы привыкли думать, стебелек, что если сейчас и вредим, то потом, в этом благословенном «потом» у нас останется достаточно времени, чтобы все исправить, возместить и воздать. Но у нас не будет этого времени, потому что не настанет блаженное «потом», когда останется только исправлять ошибки: они ведь тоже живут своею жизнью, наши ошибки и жестокости, они сходятся и размножаются, плодятся и прорастают вдруг там, где мы их вовсе и не ждем, нередко — в наших собственных костях, в нашей плоти и крови, а еще прежде — в нашем разуме,. Вот как обстоят дела, стебелек...

Будем держаться друг за друга. Это должно стать главным законом нашей жизни: держаться друг за друга, мы с тобой — одно и то же, мы — жизнь, и не наше дело, не наше право — проводить в жизни линии и границы, делить на угодную и неугодную, нужную и ненужную. Будем беречь друг друга!..

* * *

Жизнь Юниора опустела; совсем стала она похожа на странную планету, на которой разведчик решил, как ему казалось, накрепко обосноваться: пустота занимала, наверное, девятьсот девяносто девять тысячных, но на последней тысячной, словно купол на планете, существовало еще нечто: хилый зеленый стебелек с двумя листочками. Ни в чем нельзя было сравнить его с погибшей Зоей, кроме разве того, что росток, как и она, шел от жизни, от естества, а не от человеческого хитроумия; все вокруг напоминало о женщине, было как-то связано с нею: пруд, затонувшая в нем лодка, палатка под кораблем, и сам корабль, который так и не спас ее, потому что

Юниор не смог понять, кто она. Юниор знал, что эта боль дана ему на всю жизнь, и ничто не сможет больше быть в его жизни таким, как было до сих пор; а какой будет впредь его жизнь — об этом он не задумывался: какой будет, такую он и примет.

Свое, пусть маленькое поначалу местечко стебелек занял, занял безоговорочно. И постепенно Юниор стал просыпаться каждый день с мыслями о нем и засыпал не прежде, чем продумывал все, что растеньица касалось, что происходило с ним сегодня и что следовало сделать для него завтра.

Прежде всего Юниор попытался выяснить, чем может ему в новом и непривычном деле помочь Умник. Гриб принял новое дело близко если не к сердцу, которого у него не было, то к сведению. Но никакой информации относительно ухода за растением неизвестного вида, да еще в столь необычных условиях, у него не оказалось. Умник смог сообщить, как выращивать в условиях корабля или в иной среде с теми же параметрами лук, редис и другие столовые овощи — на этом его эрудиция оказалась исчерпанной. Пришлось действовать методом проб — стараясь, однако, допускать поменьше ошибок.

Были вещи, которых сейчас опасаться вроде бы не следовало: вредителей например. Однако Юниор все же не был совершенно спокоен на этот счет: если уцелело семечко, то могли сохраниться и какие-то споры, мало ли. Поэтому он каждый день тщательно осматривал хилый стебелек, измерял его рост и чуть было не демонтировал хромограф из ремонтного отсека, чтобы перетащить сюда и следить за изменением окраски листочков. Впрочем, это Умник отсоветовал. Зато Юниор смонтировал ультрафиолетовую лампу, изъятую, несмотря на протесты Умника, из медицинского арсенала: Юниор заявил, что полагающееся ему облучение он будет принимать вместе с растением, не иначе. Умник, надо сказать, возражал скорее из принципа: как он потом сознался, он испытывал к растеньицу некоторую слабость из-за их пусть и дальнего, но все же несомненного родства.

Юниор подвел к растеньицу воду и понемногу нашел наилучший режим полива; время от времени он устраивал даже дождик — не при помощи лейки, но приказывая тому же старому механизму-тринадцать. Место, где рос стебелек, Юниор обнес оградой из цветного кабеля, безжалостно содранного им с переборок трюма-один.

Почти целый месяц все шло прекрасно. Стебелек рос. Юниор понимал, что, ухаживая за ничтожным растением, помогает в первую очередь самому себе: иначе как бы он жил здесь после смерти Зои? Зою он не навещал; знал, что она так и лежит, ничуть не изменившись, созданный Умником режим предупреждал всякие изменения. Но Юниор не был уверен, справится ли с собою, вновь увидев ее, пережив все с самого начала. Тут, пожалуй, только стебелек

и спасал. На Землю Юниор тоже не хотел и не мог вернуться: чувствовал, что ни отца, ни тем более Георга увидеть сейчас не в состоянии, да и людям из Дальней ему сказать было, в сущности, нечего. Он ничего не сделал, ничего не выполнил. Уничтожил доверенное ему устройство и убил человека. Конечно, если бы хоть тень надежды была, что Земля сможет оживить Зою, он давно был бы уже в пути; но такой надежды, понимал он, нет: воскрешать не умели даже в эпоху Комбинатора. Так что лететь было незачем. А стебелек давал этому твердое обоснование — хотя бы в его собственных глазах: Юниор обещал не бросать его здесь — и не собирался нарушать слова.

Так жил он почти месяц. А потом стебелек заболел. Кончики листьев — уже вторых — стали желтеть. Юниор испугался. Он даже не ожидал, что так испугается. Словно и на самом деле кто-то очень близкий умирал, а Юниор был не в состоянии помочь — не знал, что и почему происходит и как с этим бороться.

День и другой Юниор ходил в отчаянии. Растение хирело. Наверное, оно ясно сигнализировало отчего, но язык его был незнаком Юниору. И эта жизнь, маленькая, тоже угасала, несмотря на все его старания. Неужели должно было гибнуть все, на что обращалась его любовь?

Он сел в аграплан, договорился с Умником и вылетел за пределы купола. Просто так. Чтобы отвлечься. Чтобы хоть на время избавиться от тяжких мыслей и чувств.

* * *

За куполом было тихо и спокойно. Стояла темнота, но не та фиолетовая полумгла, которая стояла, когда Юниор прилетел на планету, а плотная черная тьма, какая бывает и на Земле в новолуние. Небо было полно звезд. Наверное, стоило подумать о том, почему один мрак сменился другим и утих не только ураган — ни малейшего ветерка не было. Юниор убедился в этом, посадив машину в нескольких километрах от купола. Подумать следовало бы и о том, откуда взялись звезды и почему их не было раньше. Но Юниору сейчас не думалось о вещах, не имевших прямого отношения к сегодняшнему дню, к его стебельку и к нависшей над стебельком угрозе.

Позволь! — прервал Юниор на этом месте свое рассуждение.— А чьи же это звезды? Ты что — забыл, как они выглядят? Это ведь и есть наши! Или я теперь настолько уже принадлежу этому пространству, что и видеть начал по-другому? Или...

Что «или», он не успел додумать. Потому что слабо зазвенело в ушах, и Юниор ощутил вдруг знакомое чувство раздвоения, когда

кроме того, что думал он сам, в мозгу стало возникать и что-то другое, внесенное извне и чаще всего выражающееся в словах, иногда — в ощущениях, несущих, однако, новую информацию. Именно так проявляется действие параполя перед тем, как вы вступаете в диалог. Ноги Юниора задрожали, и он сел на песок, а затем и лег на спину, предельно расслабляясь и испытывая одновременно внутреннее напряжение.

— Ну наконец! — воспринял он слова отца.— Соблаговолил. Может быть, объяснишь, что это значит? Месяц мы фиксируем тебя в нашем пространстве, но ты не вылазишь из-под купола, а пробить его на такой дистанции мы не в состоянии. Что с тобой? В чем дело?

— Понятия не имел, что я в нашем пространстве,— ответил Юниор.— Садился я на вынужденную в том. Это очень хорошо, что мы можем поговорить.

— Надеюсь,— сказал отец.— Мне это тоже доставляет некоторое удовольствие. Но если ты расскажешь, в чем дело, я буду еще более удовлетворен. Мы можем тебе помочь?

— Ты можешь.

— Приятно слышать. Каким образом?

— Представь, что у тебя заболело растение...

— Какое?

— А черт его знает. Я же не ботаник. Просто растение. Стебелек и два листка...

— Исчерпывающе. А что с ним?

Юниор объяснил. Отец сказал:

— Тебя бы на такую диету — у тебя не только листки пожелтели бы, но и корень. Свет, вода — прекрасно, но ведь в этом стерильном песке ему есть нечего! Хорошо еще, что он столько продержался. Ему нужны удобрения. Знаю, что у тебя их нет. Ничего. Вы с Умником сделаете. Слушай меня...

Восприятие было слабым, но отчетливым. Юниор прослушал краткую лекцию по химии. Поблагодарил. Отец сказал:

— Вижу, твое мировоззрение несколько изменилось.

— Да,— ответил Юниор кратко.

— Рад. Теперь у меня просьба к тебе. Только не удивляйся. В трюме, где смонтирован Комбинатор Георга... Тебе придется войти туда... там, в одной из кабин «Анакола»...

— Там ничего нет, папа,— прервал его Юниор.— И никого. Зоя лежит в реаниматоре. Не потому чтобы еще была надежда. Просто я не нашел более... более удобного для нее места.

— Как это случилось?

— Нет, папа. Ты мне скажи: как это случилось? Чтобы нормальная, живая женщина, прекрасная женщина (последних слов он вовсе не хотел говорить — они вырвались сами)... помимо своей

воли оказалась усыпленной на борту корабля, причем я тоже не знал об этом совершенно ничего... Мы что, вернулись в средние века, в какие-то пятнадцатые-двадцатые?

— Ответить просто, хотя и трудно,— услышал он Сениора.— Георг... Легко определить, где кончается посредственность и начинается безумие. Но кто возьмется точно провести границу между гениальной и сумасшедшей идеей? Сколько раз одна принималась за другую... А суть вот в чем: Георг слишком много работал над проблемой комбинирования человека, когда все прочее было уже готово. Он делал раз, третий, двадцатый — получались физически точные копии, но человека не возникало. Наверное, не все кончается даже на атомном уровне... Ему же казалось, что все вот-вот получится, нужно только хотя бы несколько недель абсолютного покоя для работы, чтобы ухватить ускользающее звено. Но этого покоя у него не было. Ему мешали. Ты догадываешься кто.

— Зоя.

— Даже не столько она, сколько мысли о ней, боязнь за нее, за их отношения, за будущее...

— Она говорила.

— Он не мог сделать того, что сделал бы на его месте другой: отправить ее на месяц-два развлекаться в хорошей компании в Океанию или еще куда-нибудь. Мысли о ней, ревность не дали бы ему провести спокойно даже несколько часов, где уж — недель.

— И он осмелился...

— Если бы он предполагал!

— Я так и подумал,— медленно сказал Юниор, и его слова, преобразованные мозгом в импульсы параполя, мгновенно преодолели неизмеримые пространства, чтобы четко прозвучать в сознании Сениора.— Это было лучшее для него в любом случае. Даже если бы Зоя осталась в живых. Она...

— Я понимаю,— услышал он.— Наверное, никто из вас не виноват. Не она, во всяком случае.

— Я не оправдываюсь. Но если бы я хоть знал, что его опыты с людьми неудачны...

— Этого никто не знал. Георг ведь был уверен, что окажется на месте испытания раньше тебя: его должны были, вместе с комиссией, везти прямым рейсом, тебе же предстояли испытания монтажа при сопространственных переходах. Он думал встретить жену там и пользуясь таким несколько экстравагантным способом ее прибытия, признаться в поражении, сведя все к шутке: это, мол, пока единственный способ, какой он смог найти, чтобы в его системе возник человек. Он, как ты помнишь, честолюбив и самолюбив.

— Хорошо. Закончим об этом.

— Когда ты собираешься домой?

— Не знаю. Вот подрастет мой стебелек...

— Теперь ты понял?

— Прости меня за глупости, какие я говорил тебе раньше и какие не говорил, но думал.

— Отпускается тебе. Что же, согласен — можешь не торопиться. Дальнюю я извещу. Если только нет никаких надежд относительно Зои.

— Умник говорит...

— Умник — еще не главный медик планеты. Я имею в виду Землю. Правда, таких прецедентов и у нас еще не было, а те, кто может куда больше нас, пока, к сожалению, нами пренебрегают. И все же я посоветовал бы тебе...

— Увезти росток с собой? Но какой смысл...

— Нет, сын. Ни в коем случае. Его место, а может быть, и твое — там. Но сюда надо хотя бы доставить Зою. Пусть ничего нельзя сделать, но даже покоиться она должна здесь. Историю новой планеты не надо начинать с могил. Лучше — с новой жизни, хотя бы и с такой: стебелек и два листка.

— Как мне оставить его?

— Ну уж это ты мог бы и не спрашивать. Минимальный купол — воздух, вода, простенький автомат для регулировки. Маяк — чтобы потом не искать планету долго. Умник подскажет, какой энергоблок лучше и проще демонтировать и потом собрать на планете, чтобы питать весь этот агрегат. Росток доживет. Быть может, он встретит тебя уже деревцем. А я в обратный путь дам тебе столько всяких семян... Однако давай заканчивать, сын, я устал. Уже не те силы.

— Прости, папа. Я просто не знал, что оказался в нашем пространстве. До сих пор не понимаю, как это случилось.

— Да, странно. Но со временем наверняка станет ясным и это...

* * *

Прошло три дня, пока им с Умником удалось составить такую комбинацию по рецепту Сениора, что при ее контрольном анализе гриб не нашел к чему придраться. Полученным порошком Юниор осторожно посыпал песок вокруг стебелька, уже склонившего макушку. Полил водой. Отступил на шаг.

— Надеюсь, это тебе понравится, малыш,— сказал он растению.

— Да,— подтвердил кто-то сзади.— Это ты сделал вовремя. Теперь он выправится.

Юниор резко повернулся.

На песке сидел человек.

Человек? Да, несомненно. И все же... Нет, человек, разумеется. Но — не наш. Не нашего корня. Не с нашей планеты. Хотя —

не умею я распознавать людей,— подумал Юниор мимолетно и горько.— Кто же он? Глупый вопрос... На этой планете людей нет, как и жизни вообще, да и будь они — кто из них мог бы одолеть непроницаемую броню купола, подойти без удивления, страха или враждебности и заговорить так, словно они давно знакомы, заговорить на языке людей? Нет, это мог быть только тот, с кем Юниор надеялся встретиться — когда-нибудь.

— Здравствуй, Курьер,— сказал он.

— Да, вы почему-то называете меня так,— ответил человек серьезно,— хотя я в другом ранге: я Эмиссар.

— Я думал, что мне долго придется разыскивать тебя.

— И опять вы неправильно воспринимаете положение. Нас не надо разыскивать: это бесполезно. Вы можете только быть готовыми к встрече с нами — или не быть. А приходим мы сами — когда нас посылает Мастер. Вот как меня сейчас.

— Ты... или он счел, что теперь мы готовы?

— Вы все вместе — еще нет. Ты — да. Потому что ты многое потерял — и понял и многое приобрел. Ты понял, что все это,— Эмиссар кивнул в сторону корабля,— далеко не самое важное.— Он положил руку на сердце.— Вот...— Указал на росток: — И вот... Да ты знаешь сам. Я слышал, что говорил ты, когда встретился с ним.

— Вы давно следили за мной?

— Нет, к сожалению. Иначе смогли бы предотвратить многое. Мы не успели. Столько дел в мироздании. Лишь твое горе оказалось столь сильным сигналом, что мы не могли его пропустить. И вот ты понял: ничем нельзя заменить жизнь, пусть бы она казалась тебе ничтожной, бесполезной, ненужной... Ты понял, что можно распоряжаться тем, что ты сделал своими руками; но не далее этого! И ты, не имея представления о Фермере, начал понимать, насколько труднее вырастить дерево, чем срубить его, и что никакая рубка не создает мира, все равно, рубят ли деревья или людей. Мир возникает лишь тогда, когда радостно сажают деревья и рожают детей.

— Да,— согласился Юниор.— И о детях я тоже думал. Я хотел их — много... Но вот...— он не закончил.

— Я глубоко сочувствую тебе,— сказал Эмиссар.— И я доложу об этом Мастеру.

— Мастеру — чего?

— В твоем разумении — всего, пожалуй, чего только можно пожелать. Но не спрашивай дальше: я не скажу тебе больше ничего об этом. На все свое время. Если хочешь спросить о чем-то простом — пожалуйста.

Юниор помолчал. Сейчас его ничто больше не интересовало. Но он не хотел показаться невежливым.

— Объясни, как я оказался в своем пространстве. Я по опыту знаю, что даже для специально оборудованного корабля это не просто.

— Разумеется. Но если ваш разум создал нечто, способное совершить такой переход, неужели ты думаешь, что в природе, у которой не ограничены ни средства, ни терпение, нечто подобное не возникло куда раньше? Ты случайно сел на блуждающую планету; раз в несколько десятков лет, по вашему счету, она переходит из пространства в пространство, или, скажем так, она рождается в другом пространстве. Роды эти — мучительный процесс, ты сам был свидетелем этого. Планета теряет половину атмосферы, когда начинает проходить через грань пространства...

— Черная дыра? Или стена?

— Да, наверное, вам это может так представиться... Трескается кора, меняется рельеф, многое происходит в эти периоды. Так что жизни очень трудно утвердиться на такой планете. Тем больше чести — взяться за такую задачу и если и не решить ее, то хотя бы доказать тем, кто придет за тобой, что решение в принципе возможно. Если ты не передумаешь.

— Нет,— сказал Юниор.— Только ненадолго слетаю на Землю. Но для этого надо сперва обезопасить малыша,— он кивнул на росток.— Знаешь, я стал вдруг верить, что это — из тех семян, что сажали мы с Зоей. Потом понял — нет. Те площадки остались за куполом в самые страшные часы, и их наверняка унесло ураганом.

— Но они не пропадут — и, возможно, будут ждать тебя, пусть и много лет. Тебя — и... Что до твоего ростка, я мог бы присмотреть за ним, как только вернусь от Мастера. Нет, я не собираюсь делить с тобой заслугу — и любовь: ту, которую ты испытываешь к нему — и которую он испытывает к тебе.

— Он?

— Что ж необычного? Он живой! А любовь свойственна жизни, и не только разумным ее формам... О чем ты задумался?

— Ты наверняка знаешь. О том, что если бы я сел на нормальную планету, не случилось бы урагана, и Зоя...

— И Зоя,— сказал Эмиссар,— была бы с тобой. И ты всю жизнь считал бы, что она — лишь модель человека, а не человек. А ведь ты никогда не понял бы истины, даже не попытался бы установить ее, проверить свою убежденность. Это понять можно; но, человек! не вини погоду в том, в чем виноват ты сам. Тогда многое может случиться — и, может быть, мы встретимся там, у вас на Земле, намного раньше, чем можно сказать об этом сегодня.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЕЛИН. *Роман*
Книга вторая. ПУСТЬ ВОЗВРАТИТСЯ УБИЙЦА 5

СТЕБЕЛЕК И ДВА ЛИСТКА. *Повесть* 287

Литературно-художественное издание

МИХАЙЛОВ
Владимир Дмитриевич

Избранные произведения

Том 4

ВЛАСТЕЛИН

Фантастический роман
Книга вторая

СТЕБЕЛЕК И ДВА ЛИСТКА

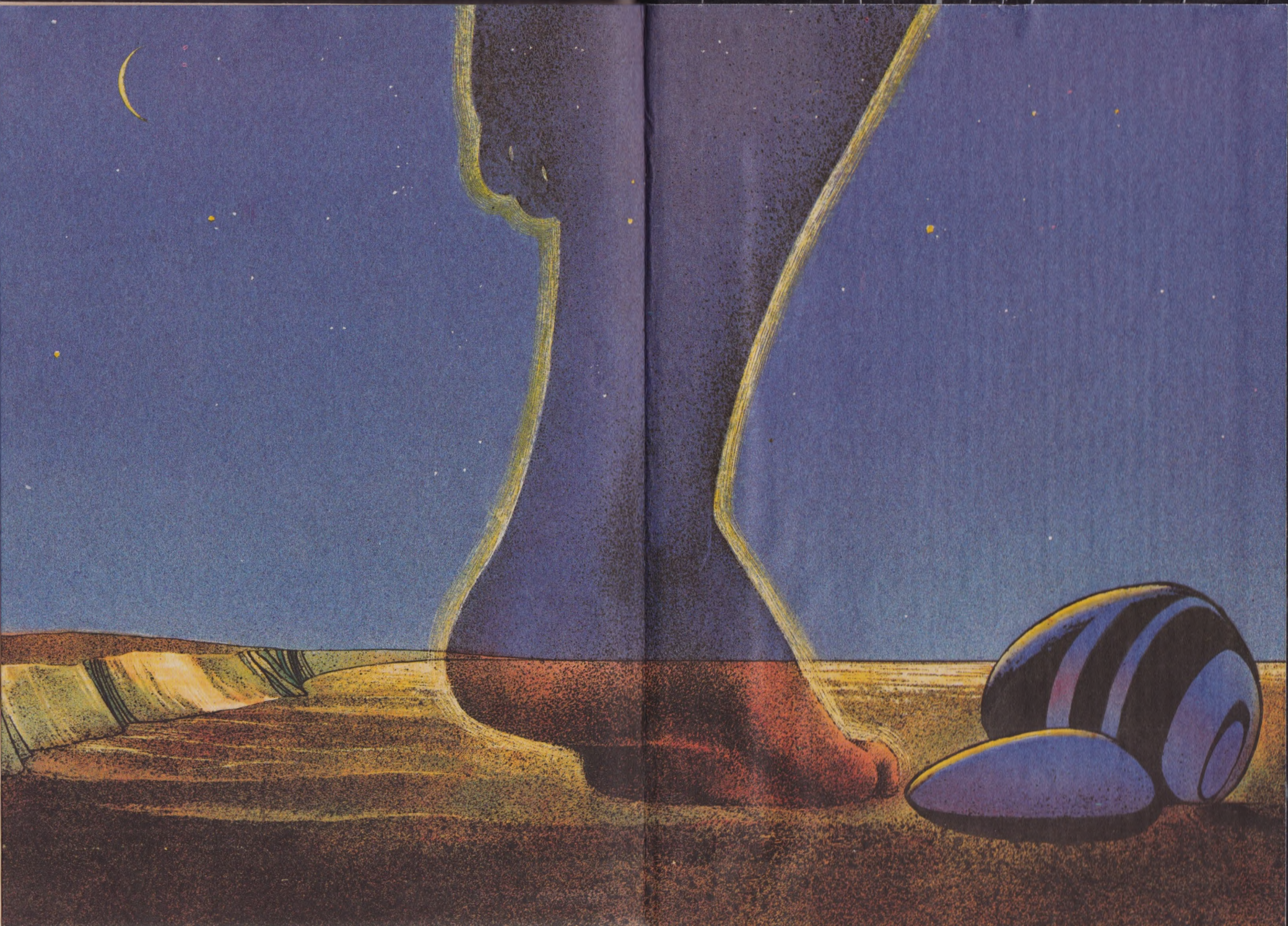
Повесть

Редактор Н. В. РЕЗАНОВА
Художественный редактор А. В. ГРИШИН
Технический редактор Г. В. СТАЧЕВА
Корректор И. С. ПИГУЛЕВСКАЯ

Сдано в набор 25.05.93. Подписано в печать 20.10.93. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная и книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 25,11. Уч.-изд. л. 28,96. Усл. кр.-отт. 26,51. Тираж 50 000 экз. Заказ № 4113. С 022.

Издательство «Флокс». 603000, Нижний Новгород, ул. Костина, 20.

ГИПП «Нижполиграф». 603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Владимир МИХАЙЛОВ